

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет технологий и
управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
(ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)»)

На правах рукописи

Мультиатули Петр Валентинович

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II (1894-1917 гг.)**

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Специальность 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики.

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Каширина Татьяна Владиславовна

МОСКВА – 2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Формирования внешней политики Российской империи в годы царствования императора Николая II.....	39
§1. Государственно-правовые основы формирования внешней политики Российской империи в годы царствования императора Николая II.....	39
§2. Периодизация внешней политики России в царствование императора Николая II.....	71
Глава 2. Сохранение Россией status-quo в отношениях с ведущими европейскими государствами (первый этап).....	134
§1. Вступление на престол императора Николая II и корректировка внешней политики Российской империи.....	134
§2. Формирование российской политики дружественного нейтралитета с Австро- Венгерской империей на Балканах.....	179
§3. Антиколониальный характер внешней политики России и ее мирные инициативы.....	215
Глава 3. Борьба России за выход к незамерзающим портам Тихого океана в 1904-1906 гг. (второй этап)	242
§1. Выбор Россией восточного внешнеполитического направления в качестве приоритетного.....	242
§2. Взаимоотношения России с государствами Востока в рамках Большой Азиатской программы.....	254.
§3. Дипломатия русско-японской войны.....	293

Глава 4. Борьба России за внеблоковый статус в 1907—1914 гг. (третий этап)
 .....326.

§1. Изменения российской внешней политики в условиях неудачи в Русско-японской войне и Первой русской революции 1905-1907 гг.....397.

§2. Политика России по разделу сфер влияния с Великобританией.....339.

§3. Балканское направление российской внешней политики.....356

Глава 5. Усилия России по предотвращению европейской войны в 1913-1914 гг. (четвертый этап) .....406.

§1. Политика России по разграничению сфер влияния с Германией и по прекращению экспансии на Балканах с Австро-Венгрией.....406

§2. Отказ России от внеблокового статуса.....428

§3. Внешняя политика России в условиях предвоенного кризиса 1914 г.....434

Глава 6. Внешняя политика Российской империи периода Первой мировой войны в 1914-1917 гг. (пятый этап) .....453.

§1. Подчинение внешнеполитических задач победе над внешним врагом: политика «священного единения» 453

§2. Секретные соглашения между Россией и союзниками по Антанте о послевоенном мировом устройстве и территориальных приобретениях. 1915-1917 гг.....466

§3. Противоречия с союзниками по внешнеполитическим вопросам. Февральская революция.....487

Заключение.....514

Список источников и литературы
530

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования определена необходимостью основательного комплексного изучения внешней политики России периода царствования императора Николая II (1894-1917 гг.). Многие ее проблемы и направления не теряют своей значимости по настоящее время, находят свою преемственность в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом В.В. Путиным 31 марта 2023 г. (миролюбивый характер внешней политики, ее активный характер на азиатском направлении (ШОС), активная внешняя политика в Африке, борьба с неокOLONИализмом, противостояние с Западом, отстаивание принципов многополярного мира, нравственный аспект во внешней политике и др.). Отсюда становится актуальным изучение опыта формирования и развития внешнеполитического курса России в конце XIX — начале XX вв., который имел некоторые схожие черты с сегодняшними международными отношениями. В связи со стратегической важностью в наши дни восточного вектора российской внешней политики, становится актуальным исследование внешнеполитических отношений Российской империи с такими государствами как Китай, Корея, Япония, а также проводимой ею в Большой Азиатской программы. Актуальным становится также анализ опыта успехов и провалов российской дипломатии, деятельности императора как главы государства, отдельных министров иностранных дел, взаимоотношений между МИД и представительными учреждениями, влияния на внешнюю политику экономического фактора. В условиях сегодняшнего противостояния с Западом, особенно актуальным становится исследование особенностей создания европейской коалиции (Антанты) против агрессии Четверного союза в условиях Первой мировой войны. Тогда, как и сегодня, Россия отстаивала свой суверенитет, независимость и положение великой державы. Актуальность темы заключается также в изучении причин, почему при в целом успешной российской внешней политики эпохи

Первой мировой войны в 1914-1916 гг., она завершилась конечным провалом и крушением государства, вызванного в первую очередь, Февральской революцией 1917 г. Актуальность изучения этих причин, определяется необходимостью правильных выводов с целью недопущения подобных явлений в наши дни. С другой стороны, анализ этих причин приобретает особую актуальность при оценке международных отношений XX вв., Второй мировой войны, создания Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, Холодной войны, распада СССР и др. Актуальность темы обусловлена также тем, что и сегодня в России роль первого лица при определении внешней политики по-прежнему остается чрезвычайно важной, что видно на примере Президента В. Путина, чью роль в определении внешнеполитического курса нашей страны нельзя назвать иначе как исключительной. Актуальность рассматриваемой темы, определяется также особым интересом в современном российском обществе к истории внешней политики Российской империи, личности императора Николая II и событиям его царствования, а также широкой дискуссии, которую она вызывает в научно-историческом и общественно-публицистическом сообществах. Все вышеперечисленные факторы позволили сформулировать объект и предмет диссертационного исследования следующим образом:

Объект диссертационного исследования - внешняя политика Российской империи в царствование императора Николая II в 1894-1917 гг.

Предмет диссертационного исследования - формирование и реализация внешней политики Российской империи в период царствования императора Николая II (1894-1917). В диссертации не ставится задача рассматривать весь комплекс проблем внешней политики вышеназванного исторического периода. Рассматриваются наиболее важные, с точки зрения автора, события, связанные с периодизацией эволюции внешней политики.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 20 октября (1 ноября) 1894 г. и по 2 (15) марта 1917 г. Верхний хронологический рубеж

обусловлен вступлением император Николая II на престол. Нижняя временная граница обусловлена отречением Николая II от престола. Однако по мере необходимости ретроспективных обращений и выяснений тех исторических предпосылок, предшествовавших воцарению Николая II, допускался выход за обозначенные исторические рамки.

Территориальные рамки диссертационного исследования охватывают в первую очередь территорию Российской империи, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Балканских государств, Эфиопии, Таиланда, Китая, Кореи, Японии.

Источниковая база исследования. В работе над диссертацией был использован широкий круг разнообразных источников, которые необходимо разбить на несколько групп.

1) Неопубликованные источники. В исследовании использованы документы пяти российских и трех французских архивов. В основу диссертации легли материалы 14 фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)¹, которые уточнили научные представления о роли царя, великих князей, министров иностранных дел, военных деятелей в процессе принятия и реализации внешнеполитических решений. Исследование опиралось на материалы 16 фондов

---

¹ Фонды: 102 (Особый отдел Департамента полиции). Дела: 12(1), 14, 19, 307, 321 (1), 343; Ф. 559 (А. П. Извольский). Д.: 6, 55, 65, 67, 75, 85; Ф. 568 (В.Н. Ламздорф). Д.: 37, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 53, 58, 68, 74, 80, 82, 83, 84, 86, 137, 150, 156, 170, 171, 180, 237, 245, 320, 341, 661; Ф. 601 (император Николай II). Д.: 117, 137, 225, 440, 514, 522, 551, 612, 615, 619, 620, 652, 655, 672, 692, 700, 716, 720, 735, 741, 746 (1, 2), 750, 755, 771, 783, 784, 793, 797, 1052, 1111, 1127, 1129, 1170, 1194, 1198, 1221, 1270, 1283, 1302, 1323, 1349, 1356, 1375, 1388, 2109, 2429; Ф. 627 (Б.В. Штюмер). Д.: 42, 47, 148; Ф. 642 (императрица Мария Федоровна). Д.: 2320, 2321, 2324, 2325, 2328, 2329, 2330, 2330-а. Ф. 645 (великий князь Александр Михайлович). Д.: 102; Ф. 648 (великий князь Сергей Александрович). Д.: 70; Ф. 660 (великий князь Константин Константинович). Д.: 43, 44; Ф. 675 (великий князь Георгий Александрович). Д.: 56; Ф. 677 (император Александр III). Д.: 473, 919 (3), 919 (4); Ф. 7332 (П.И. Аверьянов). Д.: 9;

Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)¹, позволивших рассмотреть формы и методы российской дореволюционной дипломатии на региональных направлениях российской внешней политики. В работы были проанализированы документы 9 фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)² 4 фондов Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ)³, позволивших исследовать отношения Российской империи с иностранными государствами в преддверии и в ходе Первой Мировой войны, подтверждающих тезис о том, что Россия пыталась избежать мировой войны, а также стратегическое значение проливов Босфор и Дарданеллы и дипломатическую борьбу за обладание ими. Диссертация опирается на материалы 9 фондов Российского государственного исторического архива (РГИА)⁴, позволивших рассмотреть международные отношения в период

---

¹ Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 1454.

Ф.: 133 (Канцелярия министра иностранных дел). Д.: 9, 42, 58, 63, 74, 86, 98, 104, 203, 204.

Ф. 137 (Отчеты МИД). Д.: 131.

Ф. 138 (Секретный архив министра). Д.: 155, 160 (6), 224, 225, 259, 260, 275/276, 448, 459, 478, 712, 771.

Ф. 139 (2-я газетная экспедиция Канцелярии МИД). Д.: 482.

Ф. 143 (Китайский стол); Д.: 62, 1488, 1519.

Ф. 150 (Японский стол); Д.: 6, 8, 189, 493.

Ф. 151 (Политархив); Д.: 137, 142, 146, 157, 496, 568, 2013, 2122, 2255, 4709.

Ф. 180 (Посольство в Константинополе); Д.: 2021.

Ф. 184 (Российское посольство в Лондоне); Д.: 520, 1179, 1324.

Ф. 187 (Посольство в Париже); Д.: 2439, 2507.

Ф. 191 (Миссия в Сеуле); Д.: 6.

Ф. 192 (Миссия в Софии); Д.: 10.

Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИДа); Д. 5, 43.

Ф. 366 (Миссия в Белграде); Д.: 52.

² Ф. 165 (генерал А.Н. Куропаткин); Д.: 3587, 4945.

Ф. 440 (Франция); Д.: 209.

Ф. 448 (Корея); Д.: 8.

Ф. 1343 (Штаб Петроградского в.о. на театре военных действий); Д.: 33.

Ф. 1534 (Управление русского военного агента во Франции); Д.: 28.

Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба); Д.: 86, 564, 674, 912, 1079, 7255.

³ Ф. Р-18 (Законодательный совет морского ведомства г. Петроград 1917-1918); Д.: 225, 274.

Ф. 417 (Главный Морской штаб. Петроград); Д.: 1710.

Ф. 418 (Морской Генеральный штаб); Д.: 273.

Ф. 701 (И.К. Григорович); Д.: 5.

⁴Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов); Д.: 213, 763,

Ф. 563 (Комитет финансов); Д.: 406.

строительства КВЖД, обосновать «поворот в Азию» Российской империи, проанализировать состояние финансовой и экономической системы государства как фактор, повлиявший на внешнюю политику государства.

Весьма познавательным стало исследование 5 фондов Архива министерства иностранных дел Франции (Париж; Нант) (Ministère des Affaires étrangères (МАЕ. (Paris)¹, которое позволило уточнить русско-французские отношения конца XIX — начала XX вв. через общие документы внешнеполитического ведомства III-й республики, корреспонденцию и частные записи (дневники) таких видных французских государственных деятелей как Т. Делькассе, А. Ганото, М. Палеолог. Исследования некоторых документов, в частности дневника М. Палеолога, позволило обнаружить их расхождение с его изданными воспоминаниями на французском и русском языках. Отдельно следует выделить архив французского посольства в Петербурге, находящийся в г. Нанте в филиале МАЕ.

Изучение 4 фондов Национального архива Франции (Париж) (Archives Nationales (AN ; Paris)² позволило прояснить позицию в отношении союза с Россией со стороны французских президентов в период т.н. «медового месяца» в русско-французских отношениях. Была исследована корреспонденция президентов Ф. Фора и Э. Лубе императору Николаю II, князю А.Б. Лобанову-Ростовскому, графу М.Н. Муравьеву, другим российским государственным деятелям, донесения президентам министров иностранных дел Франции,

---

Ф. 1276 (Совет министров. 1905-1917); Д.: 2328.

Ф. 1405 (Министерство юстиции); Д.: 230.

Ф. 1622 (Витте С.Ю.); Д.: 718.

¹ Фонды: NS Russie. Alliance Franco-russe 1892-1904. Vol. 35. 1901 Correspondance politique et commerciale.

Papiers Delcassé. Fonds PA, 211. Vol. XI. F. 55.

Papiers Hanotaux. Fonds PA, 189. Vol. 77-88

Maurice Paléologue. Fonds PA 133. Correspondance politique. 1900-1937. 1915. Vol. 7, 8.

Centre des Archives diplomatiques de Nantes. Fond 440. Ambassade de France en Russie. 1842-1919. 1917. Dossiers 28-29.

² Фонды: Fond Félix Faure. 460 AP 3 (suite), AP 8, AP 14.

Dossier 5 Russie (1894-1896). 473 AP 1/12

Fonds Emile Loubet. AP 473/7

Fonds Combarieu AP 410/1.

премьер-министров и глав военно-морского ведомства, частные письма этих президентов, а также дневники начальника канцелярии президента французской республики А. Комбарье.

Военно-политические аспекты русско-французского военного союза, такими как их видел официальный Париж, были изучены в 4 фондах Исторической службы Обороны Франции (Венсен)¹, фактически архива сухопутной французской армии (Service Historique de la Défense (SHD)). Особый интерес представляют отчеты французского военного министерства и Генерального штаба о совместных заседаниях генеральных штабов Франции и России, переписка военных министров III-й Республики с министром иностранных дел Т. Делькассе, переписка Р. Пуанкаре с разными лицами по военному сотрудничеству с Россией и т.д.

Следует отметить, что изучение внешней политики эпохи, механизма принятия решений царем, министрами иностранных дел, переговорных процессов с представителями иностранных государств, имеет свою специфику. В отличие от более поздней эпохи, встречи и переговоры руководителей российской внешней политики как правило никак не протоколировались. В целом, основными видами архивных источников являются резолюции императора Николая II на докладах и записках министров иностранных дел и российских послов. Важными источниками являются сообщения в МИД и другие высшие государственные учреждения российских послов. Не менее ценной группой архивных источников являются сообщения российских военных агентов из различных государств Европы и Америки. В ходе написания диссертации было использовано 205 архивных дел, из которых 4 впервые вводятся в научный оборот.

---

¹ Фонды: 7 (Etat-major de l'armée. 1872-1940). Fonds Poincaré 6 1-2.

1K 666. Procès-verbal de la rencontre des deux chefs d'état-major le 19 juin/2 juillet 1900.

7№1937.

7 № 1219-1223.

2) Опубликованные источники на русском языке. В ходе работы над диссертацией были использованы и опубликованные источники. Ценность этих источников заключается в первую очередь в том, что они относятся к собранным во едино архивным документам, посвященным конкретной исторической проблеме. В первую очередь стоит выделить фундаментальное издание документов внешней политики Российской империи конца XIX — начала XX в¹, а также сборники договоров Российской империи с иностранными государствами за тот же период. Важными опубликованными источниками, использованными при написании диссертации, являются дневники императора Николая II, членов царствующей династии Романовых, крупных государственных и общественных деятелей², доклады и записки от разных государственных чиновников Николаю II, письма им царя³. При исследовании темы азиатского поворота российской внешней политики были использованы подтверждающие его публикации источников⁴. При исследовании антиколониального курса России в отношении

¹ Международные отношения эпохи империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Сер. 2. 1900-1913. М.; Л.: ГИПЛ, 1938; Международные отношения эпохи империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Сер. 3. М.: Гос. соц.-экон. из-во, 1931-1938.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Е.А. Адамов, ред. М.: Гос. изд. полит лит., 1952.

² Дневник А.А. Половцева // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3-4. М; Пг: Госиздат, 1923.

Дневник А.Н. Куропаткина / Покровский М.Н., пред. Нижполиграф, 1923.

Японские дневники А.Н. Куропаткина [с 27 мая по 1 июля 1903 г.] // Сергеев Е.Ю., Карпеев И.В., вступ. ст. и прим. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. Т. VI.

Дневник В.Н. Ламздорфа (1886-1990). М.; Л: Гос. изд-во, 1926.

Ламздорф В.Н. Дневник, 1894-1896 / Бовыкин В.И. общ. ред. и пред.; Дьяконова И.А. / пер. с фр., нем. и англ., введ., состав. и комм. М.: Международные отношения, 1991.

Дневники императора Николая II. 1894-1918: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2011-2013.

Из дневника А.В. Романова за 1916-1917 гг. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 1 (26). М; Л.: Госиздат, 1928.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878-1918. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007.

³ Доклады б. министра иностранных дел С.Д. Сазонова Николаю Романову. 1910-1912 гг. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3. М; Пг: Госиздат, 1923.

Записка А.И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов / Хвостов В., пред. // Красный архив. Исторический архив. Т. 3 (46). М.; Л.: Госиздат, 1931. С. 179-187.

Император Николай II — С.Д. Сазонову 14 (27) июля 1914 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах. М: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994.

Монархия перед крушением. 1914-1917. Бумаги Николая II и другие документы / Семенников В.П., сост. М.; Л.: Госиздат, 1927.

⁴ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. Издание министерства иностранных дел. [Сб. дип. док.]. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1886. № 3.

Боксерское восстание / Попов А.Л., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 1 (14). М.; Л.: Госиздат, 1926.

стран Африки и Азии были исследованы тематические сборники документов российской внешней политики¹. Исследование внешнеполитических отношений Российской империи с разными государствами нашли подтверждение в изданных сборниках архивных документов². При исследовании внешней политики периода Первой мировой войны были использованы следующие сборники документов, доказывающих связь со ставкой верховного главнокомандования сотрудников МИД, в частности С.Д. Сазонова³.

3) Опубликованные источники на иностранных языках. В ходе работы над диссертацией были использованы и опубликованные источники на русском и иностранных языках. Важными для доказывания исследования явились фундаментальные многотомные публикации дипломатических документов, изданных министерствами иностранных дел ведущих европейских государств:

Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура / Телешева Л., пред. // Красный архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. № 3 (58).

Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. /Ф.Р., пред. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (87) М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938.

Международные отношения на Дальнем Востоке. С конца XVI в. до 1917 г.: в двух книгах / Жуков Е.М. отв. ред. Кн. 1. АН СССР. М.: Изд-во «Мысль», 1973.

Накануне русско-японской войны / Ерухимович И., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1934.

Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сб. материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.

¹ Из истории русско-тайландских отношений (конец XIX - начало XX века) // Исторический архив, 1957. № 6.

Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934.

Англо-бурская война в донесениях русского военного агента // Красный архив. Исторический журнал / Рабинович М., Шляпников Н., пред. Т. 6 (103). М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1940.

Россия и Африка. Документы и материалы: в 2 т. / Давидсон А.Б., отв. ред. М.: ИВИ РАН, 1999.

Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX - начало XX века) // Проблемы востоковедения, 1960. № 1.

Россия и Сиам 1863-1917: Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1997.

Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов 1900-1914. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005 / Белов Е.А. отв. ред.

² Русско-германские отношения. Секретные документы / Покровский М.Н., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 1. М.: Центральный архив РСФСР, 1922.

Русско-германский договор 1905 года, заключенный в Бьёрке // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 5(24). М.: Госиздат, 1924.

Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. Сб. секретных дипломатических документов бывшего императорского Российского министерства иностранных дел. М.: Изд-во Нар. Ком-та по ин. делам, 1922.

³ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб: б/и, 2000.

Ставка и министерство иностранных дел / Покровский М.Н., вступ. стат. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 2 (27). М.; Л.: Госиздат, 1928.

Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / Репников А.В. и др. сост. М.: РОССПЭН, 2014.

Англии, Германии, Франции, Италии, США¹. Наиболее важными в рамках исследуемой диссертацией темы, являются донесения послов вышеназванных государств в Петербурге о своих встречах с Николаем II, министрами иностранных дел России, послами других государств, которые они делали своим правительствам. Другими важными опубликованными источниками являются дневники и корреспонденция иностранных политиков и государственных деятелей, позволяющие более точно определять проводимую политику их государств в отношении России². Отдельной группой следует выделить опубликованные источники на разных языках, которые содержат документы, доказывающие изложенные в диссертации тезисы о захватнических планах кайзеровской Германии в отношении России и недобросовестности союзников в отношении нее³.

4) Мемуарные источники на русском языке. Одними из наиболее важных опубликованных исторических источников являются мемуарные. Несмотря на то,

---

¹ British Documents on the Origin of the War, 1898–1914. Edited by G.P. Gooch and Harold Temperley. London, 1927.

Die Große Politik der Europäischen Kabinete 1871-1914. Berlin, 1922-1927. 40 B.

Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. 4 Bände.

Documents Diplomatique Français (1871-1914). 1° série : 1871-1900. Paris : Imprimerie Nationale, 1934; Documents Diplomatique Français (1871-1914). 2° série : 1901-1911. Paris : Imprimerie Nationale, 1931; Documents Diplomatique Français (1871-1914). 3° série : 1911-1914. Paris : Imprimerie Nationale, 1931; Documents Diplomatique Français. Série : 1914-1919. Paris : Ministère des Affaires étrangères ; Peter Lang, 1999. Vol. 1 (1914), 2 (1915).

I Documenti Diplomatici Italiani. Terza Serie: 1896-1907. Roma, 1953.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. Washington: US Government Printing Office, 1931.

² Journal de Paléologue du 1er février 1914 // Au Quai d'Orsay à la veille de la Tourmente. Journal, 1913-1914. P. : Plon, 1947.

Georges (L.). Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie : 2 vol. : deux vol. 1908-1912. P.: F. Rieder, 1926.

The Letters of Queen Victoria [Ed. by G.E. Buckle]. L.: Cambridge university press, 1932.

О. Погорец — Л. Билинском. 28. Маја 1913 // Историјске свеске. Број 1. Андрићград, 2014. 05. јануар.

³ L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale : Documents extracts des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publ. et annotés par Scherer et Grunewald. Paris, 1962;

Les Alliées contre la Russie avant, pendant et après la guerre mondiale: (Faits et Documents) [Marguerite V. pref.]. Paris, 1926.

Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910, juillet 1914. [Péf. par René Marchand]. T. 1 1910-1912. – Paris, s/d

Pièces Diplomatiques relatives aux antécédents de la Guerre 1914. Suppléments et additions au Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie du 28 juin au 23 juillet 1914. Paris : Alfred Costes, Editeur, 1922.

что мемуары всегда являются субъективными, они подтверждают главные положения, изложенные в диссертации. Наиболее интересными представляются воспоминания представителей царствующей династии, как лиц наиболее близких к главному лицу государства,¹. Затем следует отметить мемуары министров иностранных дел, а также других высших государственных чиновников, которые являлись участниками всех главных внешнеполитических событий, исследуемых в диссертации². Безусловно, интересны и важны мемуары, подтверждающие руководящую роль императора Николая II в определении курса внешней политики³. Другая группа источников относится к мемуарам известных генералов и представителей спецслужб о Первой мировой войне и Февральской революции 1917 г., которые также подтверждают соответствующие выводы диссертационного исследования⁴. Наконец, следует упомянуть мемуары иностранных государственных деятелей в русском переводе, которые позволяют более детально рассмотреть внешнеполитические аспекты европейских держав в отношении России⁵

---

¹ Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. Две книги в одном томе. М.: Захаров-Аст, 1999.
Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1955.

² Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
Извольский А.П., быв. министр иностранных дел. Воспоминания / А. Сперанский пер. Пг; М.: Изд-во «Петроград», 1924.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991
Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел / Куликов С.В., сост., вступ. ст., коммент. М: Новое литературное обозрение, РАН Санкт-Петербургский Институт истории, 2015.
Михайловский Г.М. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920: в 2 кн. Кн. 1. Август 1914-октябрь 1917. М.: Международные отношения, 1993.

Коковцов В.Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919: в 2 т. Париж: Издание Иллюстрированная Россия, 1933.

Сухомлинов В.А. Воспоминания. Минск: Харвест, 2005.

³ Воейков В.Н., дворцовый комендант Государя Императора. С Царем и без Царя. М.: Родник, 1994. Серия: Царский архив.

⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. Харьков: Фолио, 2012.

Игнатьев А.А. Роковые дни. 50 лет в строю. М.: Вече, 2013.

Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914-1917). Воспоминания, мемуары. Минск: Харвест, 2004.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Прометей, 1990.

Гибель царского Петрограда: Февр. революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое: Ист.-док. альм. Л., 1991. № 1.

Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992.

Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009 / Перегудова З.И., ред.

⁵ Бисмарк О. Мысли и воспоминания: в 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1941.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991.

5) Мемуарные источники на иностранных языках. Помимо мемуарных источников на русском языке при написании исследования достаточно широко использовались мемуарные источники на иностранных языках, в первую очередь на французском, немецком и английском языках, в которых нашли подтверждения положения, изложенные в диссертации. Следует выделить мемуары послов в Петербурге и министров иностранных дел, в которых, в том или ином аспекте рассматриваются взаимоотношения с Россией¹. Представляют несомненный интерес воспоминания иностранных дипломатов², посвященные конкретным событиям, связанных с Россией (визиты глав иностранных государств в Петербург, визиты Николая II во Францию и т.д.). В исследовании внешней политики России в ходе Первой мировой войны несомненный интерес представляют мемуары иностранных военных, представителей как Антанты, так и Четверного союза³

Степень научной разработанности проблемы

Отечественная историография. Государственно-правовые основы формирования внешней политики Российской империи в годы царствования

Бюлов Б. Воспоминания / Хвостов В.М. ред., пред. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935.

Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары: в 5 т. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935.

Вильгельм Гогенцоллерн. Мемуары / П.П. Щёголев пред. Пг., 1923.

Тирпиц А. фон, гросс-адмирал. Воспоминания. М.: Вече, 2014.

Палеолог М. Царская Россия в Первой Мировой войне. М.: Международные отношения, 1991.

¹ Bompard (M.), ambassadeur de France. Mon Ambassade en Russie (1903-1908). Paris, Plon, 1937.

Buchanan (G.). My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923.

Bülow B. Mémoires du chancelier Prince de Bülow : en quatre volumes / Bloch H. : traduction. Paris: Libraire Plon, 1930.

Grey (E.). Twenty-Five years: 1892-1916. Two vols. London: Hodder & Stoughton, 1925.

Francis (D. R.). Russia from the American Embassy. N.-Y.: Charles Scribner's sons 1921.

Малинов П. Александър. Странички от нашата нова политическа история. София: Придворна печатница, 1938.

² Aubanel (N.). Une page d'Histoire. Voyage du Président de la République en Russie. Paris : L.-H. May, (s.d.).

Hanotaux (G.). Voyage de M. Félix Faure en Russie (18-31 août 1897), notes sur le voyage à Pétersbourg, entretiens avec l'Empereur et avec le comte de Mouravieff // Revue d'histoire diplomatique, 1966.

Combarieu (A.). Sept ans à l'Elysée avec le président Loubet de l'affaire Dreyfus à la conférence d'Algésiras, 1899-1906. Paris : Hachette, 1932.

Spalaikovitsh. Une journée du ministre de Serbie à Petrograde // Revue d'histoire diplomatique. Avril-juin, 1934.

3 Foch, maréchal. Mémoires pour servir à l'Histoire de la Guerre 1914-1918 : Deux volumes. Paris : Plon, 1931.

Conrad, Feldmarschall. Aus meiner Dienstzeit. 1906-1918. Bd.: 1-5. Bd. 1. Wien; Berlin; Leipzig; München: Rikola Verlag, 1921.

Knox (A.) Sir. With the Russian army, 1914-1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1. London: Hutchinson & Co, 1921.

императора Николая II освещены в историко-философских исследованиях, посвященных основным проблемам внешней политики и международных отношений Российской империи, а также исследованиях, посвященных идеолого-политическим и юридическим основам самодержавия, российского МИД, министра иностранных дел и их взаимоотношениях с Государственной думой, Государственным советом, Советом министров. По этой теме следует выделить как исследования **дореволюционных авторов**: В.Д. Каткова¹, П.Е. Казанского², так и **современных научных статей и исследований**: Е.И. Старовойтовой³, Н.В. Шингаревой⁴, М.Б. Смолина⁵, А.В. Орлова⁶, И.М. Морозовой⁷, И.С. Рыбаченок⁸, Е.С. Третьяковой⁹, В.А. Емца¹⁰, Е.А. Антюховой¹¹,

---

¹ Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция самодержавия. Харьков, 1907.

² Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М.: «Москва», 1999.

³ Старовойтова Е.И. Свойство императорской власти согласно основным государственным законам Российской империи 1906 г. // Вестник Московского унив. Серия 11. Право. 2009. № 2. С. 99-107.

⁴ Шингарева Н.В. Полномочия российского императора по основным государственным законам 23 апреля 1906 г. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 206-209.

⁵ Смолин М.Б. Социология власти П.Е. Казанского: ограниченность и самоограниченность самодержавия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. С. 148; Смолин М.Б. Церковь, государство и революция. М.: Российский институт стратегических исследований, 2013.

⁶ Орлов А.В. Внешняя политика и международные отношения России с середины XIX века до 1918 года. Учебное пособие. СПб: ИТМО, 2011.

⁷ Морозова И.М. Некоторые аспекты взаимодействия министерства иностранных дел России и Государственной думы в 1905-1917 годах // Дипломатический вестник. 2001. № 11. С. 192-196.

⁸ Рыбаченок И.С. Реформирование Российского МИД в 1802-1914 гг.: основные этапы, тенденции и результаты // Российская история. 2020. № 6. С. 90-110.

⁹ Третьякова Е.С. Становление Министерства иностранных дел Российской империи в XIX — начале XX века // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 672-690.

¹⁰ Емец В.А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период мировой войны. Дискуссионные проблемы истории. М, 1994.

¹¹ Антюхова Е.А. Отдел печати и осведомления Министерства иностранных дел Российской империи как инструмент публичной дипломатии внешнеполитического ведомства // Вестник Брянского гос. универ. 2023. № 3 (57). Исторические науки. С. 7-12.

Ю.В. Басенко¹, И.Е. Воронковой², С.И. Чернявского³, З.И. Алиевой⁴, А. П. Бородин⁵, И.Е. Дронова⁶, Е.П. Толмачева⁷, О.В. Серовой⁸, О.И. Барковец⁹, И.С. Рыбаченок¹⁰, Т.М. Братченко¹¹, В.Л. Степанова¹², Н.В. Кононковой¹³, В.А. Кустова¹⁴, Н.В. Грекова¹⁵, Г.С. Остапенко¹⁶ и др.

¹ Басенко Ю. Деятельность МИД по оказанию помощи российским подданным за границей в начале Первой мировой войны // *Международная жизнь*. 2014. № 10. С. 155-168.

² Воронкова И.Е. Думские дебаты о международных отношениях и приоритетах внешней политики Российской империи начала XX века // *Международные отношения и общество*. 2020. № 1. 53-62.

³ Чернявский С.И. Взаимодействие МИД России с Государственной думой в годы Первой мировой войны // *Вестник МГИМО-университета*. 2017. № 3 (54). С. 72-90.

⁴ Алиева З.И. Реформированный Государственный совет Российской империи (1906-1917) и его роль в модернизации государства // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2012. № 1 (167). Ростов-на-Дону. С. 70-73.

⁵ Бородин А.П. Государственный совет России (1906—1917). Киров: Гос. изд.-полигр. предприятие «Вятка», 1999.

⁶ Дронов И.Е. Сильный, державный. Жизнь и царствование императора Александра III. – М.: Русский издательский центр, 2012/7520.

⁷ Толмачев Е.П. Александр III и его время. М.: Терра, 2007.

⁸ Серова О.В. Русско-французские отношения в оценке князя А.М. Горчакова // *Россия и Франция XVIII – XX вв. / La Russie et la France XVIIIe – XXe siècle* / отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 3. М.: Наука, 2000.

⁹ Барковец О.; Крылов-Толстикевич А. Неизвестный император Александр III. Очерк о жизни, любви и смерти. М.: Рипол Класиик, 2003.

¹⁰ Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891-1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004; Рыбаченок И.С. Путь к союзу с Францией. Эволюция взглядов генерала Н.Н. Обручева // *Россия и Франция XVII-XX века / La Russie et la France XVIIIe - XXe siècles* / РАН, Ин-т всеобщей истории, Центр фр. ист. исслед. / Черкасов П.П., отв. ред. Вып. 4. М.: Наука, 2001.

¹¹ Братченко Т.М., Синявский А.С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2007. Т. 9. № 2.

¹² Степанов В.Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге // *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследование, историография, источниковедение*. СПб.: Нестор-история, 2009.

¹³ Кононкова Н.В. Государственно-правовое регулирование иностранного предпринимательства и инвестиционной деятельности в Российской империи // *Вестник АМГУ*, 2013. № 58.

¹⁴ Кустов В.А. К вопросу о трансформации внешнеполитического механизма Российской империи в годы Первой русской революции // *Современная научная мысль*, 2018. С. 75-80.

¹⁵ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000.

¹⁶ Остапенко Г.С. Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX века: Эдуард VII и Георг V. Конституционные полномочия и реальные права монархов XX в. // *Новая и Новейшая история*. 1999. № 6.

Первые исследования по внешней политике России начала конца XIX-XX вв. появились еще до революции. В этих трудах воспроизводится внешнеполитическая канва, необходимая для понимания внешней политики эпохи царствования Николая II. К таким работам можно отнести труды дипломата и востоковеда И.А. Зиновьева¹, П.А. Бадмаева², князя Э.Э. Ухтомского³, выдающегося юриста международного права профессора графа Л.А. Комаровского⁴, историка и географа П.М. Головачёва⁵, видного дипломата А.А. Гирса⁶ и др. Особо следует отметить работы князя Э.Э. Ухтомского, бывшего долгое время ближайшим советником Николая II в деле реализации «Большой азиатской программы». Его труд «Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890-1891)»⁷, хотя и составлен в форме официальной хроники, но, благодаря богатейшему фактическому материалу, дает широкое представление о встречах и контактах будущего царя с политическими и государственными деятелями Востока, в частности с тайландским королем Рамой V.

Первые немногочисленные работы советских авторов, в которых присутствовало фрагментарное освещение исследуемой проблематики, стали появляться в конце 20-х-начале 30-х гг., в основном в виде предисловий к публикациям документов, касавшихся русской внешней политики начала XX в. (главным образом в историческом журнале Красный архив): академика М.Н.

---

¹ Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб: Тип. А. С. Суворина, 1912.

² Бадмаев П.А. Россия и Китай. СПб: Тип. А. С. Суворина, 1905.

³ Ухтомский Э.Э., князь. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890-1891): в 3 т. Т. 3. Лейпциг: Типография Ф.А. Брокгауза, 1897.; Ухтомский Э.Э., князь. К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку. СПб: Скоропечатня «Восток», 1900.

⁴ Комаровский Л.А., граф, профессор. Гаагская мирная конференция 1899 года. М.: О-во взаимопомощи студентов юристов Моск. ун-та, 1905.

⁵ Головачев П.М. Россия на Дальнем Востоке. СПб: Изд. Е. Д. Кусковой 1904.

⁶ Гирс А.А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция: задачи войны и мира. Пг: Огни, 1917.

⁷ Первые издания этого труда вышли, когда Николай II еще не был императором, а потому носили название «Путешествие Наследника Цесаревича на Восток» (1890-1891).

Покровского¹, А.Л. Попова², Б.М. Рабиновича³, И.И. Ерухимовича⁴, А.С. Ерусалимского⁵, Л.А. Телешевой⁶, Б.А. Романова⁷ и др. Освещение внешнеполитического курса Российской империи сводилось в этих публикациях к идеологизированным выводам, призванных доказать реакционность и обречённость царской России, всячески принизить роль ее дипломатии. Однако публикуемые под редакцией вышеназванных исследователей документальные источники имеют, конечно, большой научный интерес и позволяют, вкупе с другими, делать соответствующие выводы.

Общие представления о формировании и реализации внешней политики Российской империи в царствование Николая II, о тех или иных внешнеполитических проблемах и принятых по ним решений, можно узнать по исследованиям советских ученых **20-40-хх гг. XX в.**, посвященных истории дипломатии и событиям российской истории конца XIX — начала XX вв. Так, в исследовании Б.А. Романова, частично рассматриваются вопросы Азиатской программы России, противоречия с Японией по вопросу Маньчжурии и Ляодуна,

---

¹ Дневник А.Н. Куропаткина / Покровский М.Н., пред. Нижполиграф, 1923.; Русско-германские отношения. Секретные документы / Покровский М.Н., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 1. М.: Центральный архив РСФСР, 1922; Переписка Вильгельма II с Николаем II: 1894-1914 гг. / Покровский М.Н., пред. Центрархив. М; Пг: Государственное издательство, 1923.

² Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888-1903) / Попов А.Л., пред. Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3 (52). М.; Л.: Партийное изд-во, 1932. С. 34-124.

³ Англо-бурская война в донесениях русского военного агента // Красный архив. Исторический журнал / Рабинович М.; Шляпников Н., пред. Т. 6 (103). М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1940. С. 130-159.

⁴ Накануне русско-японской войны / Ерухимович И., пред.] // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). М: Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. С. 3-54.

⁵ К истории Потсдамского соглашения 1911 г. / Ерусалимский А., пред. // Красный архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. № 3 (58). С. 46-57.

⁶ Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура / Телешева Л., пред. // Красный архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. № 3 (58). С. 150-154; Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. / Телешева Л., пред. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5-6 (54-55). М.; Л: СОЦЭКГИЗ, 1932. С. 49-79.

⁷ К переговорам Коковцова о займе в 1905-1906 гг. / Романов Б., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3(10). М; Л: Госиздат, 1925. С. 3-35; Конец русско-японской войны / Романов Б., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3(28). М: Госиздат, 1928. С. 182-204.

предвоенные переговоры с японской стороной и др.¹. Подобные сведения можно почерпнуть из исследований академика М.Н. Покровского², Л.А. Фейгиной³, академика В.М. Хвостова⁴, А.М. Зайончковского⁵ и др.

Работы этих авторов были призваны показать резко негативную роль императора Николая II, а по большей части доказать, что этой роли не было вообще. Под эти цели тенденциозно подбирались исторические источники и составлялись к ним соответствующие комментарии. Выводы исследований вышеназванных авторов, касающихся роли последнего царя, были в целом крайне субъективны, натянуты и зачастую голословны. Тем не менее, фактический материал, в целом широкая эрудиция авторов, приводимые ими интересные и редкие источники, делают эти работы весьма ценными для исследования.

В 40-х—50-х гг. XX в. в работах советских историков наблюдаются определенные изменения в изложении истории российской дипломатии начала XX в.: смягчается идеологический пафос, появляется условная объективность изложения. Внешняя политика Российской империи преподносится если не положительно, то во всяком случае не однозначно отрицательно, как это было в 20-20-е годы. В ней начинает признаваться рациональность, а не только «косная реакционность» как это было прежде. Классическим примером «нового» подхода следует признать «Историю дипломатии» под редакцией академика В.П. Потемкина. Исследуемый нами период изложен во втором томе этого труда, в составлении которого приняли участие профессор В.М. Хвостов и профессор

---

¹ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1905-1907). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

² Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. ст. М.: Изд-во «Красная новь», 1923.

³ Фейгина Л. Бьоркское соглашение. Из истории русско-германских соглашений. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928.

⁴ Хвостов В. Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX века // Историк-марксист, 1930. № 20. С. 100-129.

⁵ Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. – Л., б/ и, 1926 [Прил. 6].

И.И. Минц¹. Из «Истории дипломатии» можно узнать, что ответы Николая II кайзеру Вильгельму II «не были лишены находчивости»². Авторы рассматривают предшествующий Первой мировой войне кризис 1914 г. нейтрально, но с явным упором на то, что Россия не являлась зачинщицей войны, и более того, предпринимал усилия по ее недопущению. Подобные выводы можно сделать из трудов академика Е.В. Тарле³, А.С. Ерусалимского⁴. Причины этого «нового» подхода объясняются изменившейся международной обстановкой, когда неизбежность противостояния с III-м рейхом становилась все более отчетливой. В условиях агрессии нацистской Германии, выставить ее непосредственного предшественника кайзеровский рейх одинаково виновным с Россией в развязывании мировой войны, было для советского руководства политически нецелесообразно. Однако все это, конечно, не отменяло марксистско-ленинских установок об «империалистическом характере» первой мировой войны и «виновности» в ней «царизма».

В 50-80-е гг. советская историческая наука широко продвинулась вперед в сфере изучения внешней политики Российской империи эпохи Николая II. Многие ее этапы нашли отражение в трудах советских историков: И.И.

---

¹ История дипломатии: в 3 т. / Потёмкин П.В., ред. М; Л.: Гос. изд. полит. лит., 1945. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872-1919).

² История дипломатии. С. 130.

³ Тарле Е.В., академик. Сочинения: в 12 т. Т. V: Европа в эпоху империализма. - М.: Изд. Академии Наук СССР, 1958. – 592 с.

⁴ Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. – М: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Изд. 2^о доп. - 608 с.

Астафьева¹, И.В. Бестужева², В.И. Бовыкина³, Н.С. Киняпиной⁴, В.А. Емеца⁵, П.Н. Ефремова⁶, А.Ф. Остальцовой⁷, Л.Г. Истягина⁸, А.С. Аветяна⁹, К.Ф. Шацилло¹⁰ и др.

Однако несмотря на безусловную научную значимость вышеназванных исследований, они по-прежнему находились в жестких рамках идеологической партийной цензуры. Вся внешнеполитическая деятельность российского государства считалась проявлением «империализма», слабости и «загниванием» царизма. Роль последнего императора в определении внешней политики по-прежнему почти полностью отсутствовала. Руководство внешней политикой России приписывалось только министрам В.Н. Ламздорфу, М.Н. Муравьеву, С.Ю. Витте, П.А. Столыпину, А.П. Извольскому. Отсюда внешняя политика России представляется спонтанной, зависящей от способностей или неспособностей того или иного государственного чиновника. Но неправильно было бы полагать, что участие Николая II во внешнеполитической деятельности вообще не интересовали советских историков. В этой связи следует отметить весьма любопытную статью В.Н. Пономарева, посвященную переговорам

---

¹ Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905-1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Издательство Московского университета, 1972.

² Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906-1910 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

³ Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX- 1917 г. М.: Гос. уч.-пед. изд-во мин-ва просв. РСФСР, 1960. – 215 с.

⁴ Георгиев В.А.; Киняпина Н.С. и др. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII-начало XX в.). М.: Наука, 1978.

⁵ Емец В.А. Очерки внешней политики России. 1914-1917. Взаимоотношение России с союзниками по вопросам ведения войны / Бескровный Л.Г., отв. ред. М.: Наука, 1977.

⁶ Ефремов П.Н. Внешняя политика России (1907-1914). М.: Изд-во Института международных отношений, 1961.

⁷ Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905-1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Издание Саратовского университета, 1977.

⁸ Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1979.

⁹ Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны / Нарочницкий А.Л., отв. ред. М.: Институт истории АН СССР; Изд-во: Наука, 1985.

¹⁰ Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. М.: издательство «Наука», 1974.

Николая II с Р. Солсбери в Бальморале осенью 1896 г.¹. Отдельно следует отметить монографии Ю.А. Писарева² и И.В. Алексеевой³, в которых гораздо более подробно, чем до этого, рассматривается участие Николая II в попытках предотвращения предвоенного кризиса 1914 г. и его отношения с союзниками по Антанте во время Первой мировой войны. Но объективные исследования участия императора Николая II во внешней политике стали возможны только после прекращения господства в отечественной исторической науке марксистско-ленинской идеологии, ставшей закономерным итогом распада СССР в августе 1991 г.

В российской историографии по основным проблемам внешней политики и международных отношений необходимо выделить труды О.Г. Карповича⁴, Т.А. Закаурцевой⁵, Т.В. Кашириной⁶, В.В. Штоля⁷, Т.В. Зверевой⁸, С.В. Воробьева⁹.

Также надо назвать автора первой монографии об императоре Николае II А.Н. Боханова¹⁰. Хотя отдельно внешняя политика в этом труде не рассматривается, общие новые подходы к ее изучению, отход от советских стереотипов делает монографию А.Н. Боханова весьма ценной. В 90-х гг. XX и первом десятилетии XXI вв. появляются первые попытки исследования

---

¹ Пономарев В.Н. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х гг. XIX в. // Сборник: Исторические записки. М.: Наука, 1977. Т. 99. С. 340-353.

² Писарев Ю.А. Великие державы накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1985; Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915 гг. М.: Наука, 1990.

³ Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914 - 1917. Л.: Лениздат, 1990.

⁴ Карпович О.Г.; Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. М.: ДА МИД РФ, 2020.

⁵ Закаурцева Т.А.; Каширина Т.В. Международные организации и их роль в урегулировании конфликтов: Учебное пособие, 6-е изд. М.: ИТК Дашков и К, 2020.

⁶ Политические проблемы современных международных отношений. Учеб. пос. / Каширина Т.В.; Феофанов К.А., ответ. ред. М.: Проспект, 2020.

⁷ Штоль В.В. Геополитические задачи России на постсоветском пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 171-180.

⁸ Европа в эпоху перемен / Зверева Т.В., отв. ред. М.: Дип. Академия, 2017.

⁹ Подходы в РФ и США к стратегической стабильности в XX-XXI вв. / С.В. Воробьев, Т.В. Каширина, О.В. Матвеев. Дипломатическая академия МИД России, Финансовый университет, Международный юридический институт. Москва: Витюк И. Е., 2018.

¹⁰ Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1998 (серия ЖЗЛ).

внешнеполитических взглядов Николая II и их влияния на внешнеполитический курс Российской империи. На эту тему в 1992 г. выходит очерк И.С. Рыбаченок¹, которая, в целом придерживаясь советского подхода, приводит много новых ранее не публиковавшихся исторических источников.

Особое место в исследовании вопроса занимают работы А.В. Игнатьева. Он первым, кто непосредственно начал заниматься проблемой формирования и реализации внешней политики Российской империи в конце XIX-начале XX вв., участием императора Николая II во внешнеполитическом руководстве. Эти темы исследованы А.В. Игнатьевым в монографиях² и статье в журнале «Вопросы истории»³. Ценность работ А. В. Игнатьева заключается в том, что он одним из первых пришел к выводу об отсутствии спонтанности в руководстве Николаем II внешней политикой. В целом, исследования А.В. Игнатьева стали прорывом в изучении внешнеполитического руководства в Российской империи в 1894-1917 гг.

Из исследований первого десятилетия XXI в. по истории внешней политики Российской империи конца XIX—начала XX вв. следует выделить следующие монографии: О.Р. Айрапетова⁴, В.А. Емца⁵, А.И. Уткина⁶, И.С. Рыбаченок⁷ и др. Особо следует остановиться на исследовании О.Р. Айрапетова «Внешняя политика императора Николая II»⁸. Следует отметить, что это не

---

¹ Рыбаченок И.С. Николай Романов и К°. Путь к катастрофе // Российская дипломатия в портретах / Игнатьев А.В., ред. М.: Международные отношения, 1992. С. 299-318.

² Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907-1914. Тенденции, люди, события. М.: Наука, 2000.

³ Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории, 2001. № 6. С. 3-25.

⁴ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М.: Изд-во «Европа», 2006.

⁵ Емец В.А. История внешней политики России. Конец XIX - начало XX века / Игнатьев А. В., ред. М.: Международные отношения, 1997.

⁶ Уткин А.И. Первая Мировая война. М.: Алгоритм, 2001.

⁷ Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М: из-во РОССПЭН, 2005; Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891-1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004.

⁸ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М.: Кучково поле, 2018.

самостоятельная отдельная монография, а четвертый заключительный том большого исследования, посвященного истории внешней политики Российской империи. Несмотря на безусловные достоинства О.Р. Айрапетова как историка, эта работа имеет, по нашему мнению, существенные недостатки. Внешняя политика Российской империи указанного периода освещена крайне недостаточно, практически отсутствует анализ важнейших дипломатических решений, принятых российской дипломатией и императором, некоторые, причем весьма важные вопросы вообще фактически игнорируются (например, ситуация вокруг Бюркского договора). Зато, автор необоснованно посвящает значительное количество страниц второстепенным по отношению к заявленной теме вопросам: подробное освещение сражений русско-японской войны, внутреннего положения России и т.п.

Особенно следует отметить монографию И.В. Лукоянова¹, которая является важным вкладом в изучение Большой азиатской программы. Автор изучил и проанализировал большой массив исторических источников, многие из которых были им введены впервые. Нельзя не отметить и новый взгляд И.Л. Лукоянова на многие вопросы дальневосточной политики Николая II, проблемы так называемого «Безобразовского кружка», взгляды царя на усиление российского влияния в Китае и Корее, попытки различных политико-военных групп влиять на внешнюю политику в этом регионе и др. Хотя далеко не со всеми положениями И.Л. Лукоянова можно согласиться, следует признать, что это одно из самых серьезных исследований, которое по-новому и широко освещает формирование и реализацию внешней политики России на азиатском направлении в преддверие русско-японской войны.

В 2010 г. вышла монография С.Л. Фирсова «Николай II»². Участие царя во внешнеполитической деятельности исследователя практически не интересует.

---

¹ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX-начала XX вв. СПб: Нестор-История, 2008.

² Фирсов С.Л. Николай II. Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010.

Все ее описание фактически сводится к повторению уже сложившихся ранее стереотипов о влиянии безобразцев, «авантюристичности» азиатского направления внешней политики, приведшей к русско-японской войне. Причем, С.Л. Фирсов сам признает, что его интересует «феномен» Николая II, который имел «свою личную, отличную от его же государевых министров политику»¹. При этом автор забывает, что такая «личная» политика вовсе не была свойственна одному Николаю II, а была присуща каждому российскому монарху, начиная с Иоанна Грозного и Петра Великого. По С.Л. Фирсову, Николай II, был «политическим мечтателем» и это качество стало для него «роковым» для него и проводимой им политики². При этом анализа своих выводов автор не приводит, хотя не все они находят подтверждения в исторических источниках.

Вопросы внешней политики Российской империи начала XX в. нашли отражение в монографии Р.Ш. Ганелина «В России XX века»³. В основном, они международно-финансовой стороны во время Первой мировой войны, в участии американского капитала в предоставлении кредитов императорскому правительству.

Исследуемая тема нашла отражение в научных периодических изданиях в статьях следующих авторов: И.В. Алексеевой⁴, Т.И. Бондарь⁵, А.Б. Давидсона⁶,

---

¹ Там же. С. 208.

² Там же. С. 208-209.

³ Ганелин Р.Ш. В России XX века. Статьи разных лет. М.: Новый хронограф, 2014.

⁴ Алексеева И.В. Миссия Мильнера // Вопросы истории, 1989. № 10. С. 143-148.

⁵ Бондарь Т.И. Культурные и династические связи Дома Романовых и болгарских княжеских и царствующих родов // У истоков российской государственности: Роль женщин в истории Династии Романовых: III международная научно-практическая конференция [27-28 мая 2010 г., Калуга, Мещовск]: исследования, материалы. – СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический Центр-пресс», 2009.

⁶ Давидсон А.Б. Гумилёв в Абиссинии // Новая и Новейшая история, 2001. № 6. С. 137-148; Давидсон А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и Новейшая история., 2007. № 1. С. 181-197.

Т.О. Лиманской¹, И.В. Лукоянова², Ю.В. Лунево³, Б.Н. Мельниченко⁴, Е.В. Морозова⁵, Т.И. Нигметзянова⁶, Киняпиной Н.С.⁷, А.Н. Сахарова⁸, М.А. Сидоровой⁹, Е.В. Низаловой¹⁰, Д.Л. Каптаря¹¹, О.Н. Кузнецова¹², и др. Особенно следует выделить статьи, посвященные министрам иностранных дел Российской

---

¹ Лиманская Т.О. С.Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910-1916 гг.) // Дипломатический Вестник, ноябрь, 2001.

² Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории, 2007. № 2. С. 16-33; Лукоянов И.В. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. (Взгляд из России) // Acta Slavica Iaponica. Центр славянских исследований, унив. Хоккайдо. Т. 23 (2006). С. 1-36.

³ Лунёва Ю.В. На пути мировой катастрофы: визиты Николая II в Бальмораль (1896 г.) и Ревель (1908) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Материалы международной конференции. 26 июня 2010. М.: Издательство МИЭПУ, 2011. С. 22-29.

⁴ Мельниченко Б.Н. Дом Романовых и Дом Чакри (Россия и Таиланд в конце XIX-начала XX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. Вып. 3, 2009. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2009. С. 17-30.

⁵ Морозов Е.В. Российской-эфиопское военное сотрудничество в конце XIX века. Поставки российского оружия в Эфиопию // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 10 (1). История исторические науки. Пятигорск, 201. С. 76-82.

⁶ Нигметзянов Т.И. Российско-германские отношения в правления императоров Николая II и Вильгельма II // II-е Романовские чтения Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26 - 27 марта 2009 г. / сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. - Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009.

⁷ Киняпина Н.С. Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1994.

⁸ Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вопросы истории, 2007. № 4. С. 3-15.

⁹ Сидорова М.М. «Азиатская программа» Российского правительства в прошлом и настоящем // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. № 3, 2012. Издание Московского государственного ун-та им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 5-28.

¹⁰ Низалова Е.В. Вильгельм II и русско-японская война 1904-1905 гг.: к вопросу о влиянии германского кайзера на внешнюю политику Российской империи в начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 22. Т. 4. 2006. С. 81-87.

¹¹ Каптарь Д.Л. Конференция победителей и Февральская революция // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020;10(2). С. 67.

¹² Кузнецова О.Н. Дальний Восток и развитие русско-французских отношений в 1902-1905 гг. Вопросы истории, 2009. №3. С.29-45

империи исследуемого периода. Это статьи Т.О. Лиманской¹², В.Е. Авдеева³, Лошакова А.Ю.⁴ и др.

В русской эмиграции тема внешней политики Российской империи начала XX вв. не нашла отдельного исследования, хотя она и затрагивается у некоторых авторов. Прежде всего, конечно, надо выделить фундаментальное исследование С.С. Ольденбурга⁵. Фрагментарные сведения о внешнеполитической деятельности царя накануне и во время войны можно встретить у военных историков профессора генерал-лейтенанта А.К. Баиова⁶, А.А. Керсновского⁷, а также профессора П.Н. Пагануци⁸.

Зарубежная историография. В иностранной литературе исследуемая тема практически не нашла научного интереса. Лишь фрагментарное ее отражения можно встретить в монографии английского историка русского происхождения Д. Ливена⁹. Сравнивая Николая II с императорами германским Вильгельмом II и японским Мутсухито, Ливен приходит к выводу, что царь находился в плену собственных идеологических убеждений, которые не позволяли ему справиться с колоссальными потрясениями новой эпохи. Подобные выводы автора довольно легковесны и не всегда подкреплены историческими источниками. В 1998 г. вышло русское издание австрийского историка доктора Э. Хереш «Николай II»¹⁰. Этот труд, автора многих исследований по русской истории XX в., представляет

---

¹ Лиманская Т.О. В.Н. Ламздорф (министр иностранных дел России) // Дипломатический вестник, 2001. № 9. С. 32-44.

² Лиманская Т.О. С.Д. Сазонов (министр иностранных дел России) // Дипломатический вестник, 2001. № 11.

³ Авдеев В.Е. Александр Петрович Извольский // Вопросы истории, 2008. №4. С. 64-79.

⁴ Лошаков А.Ю. Граф Владимир Николаевич Ламздорф // Вопросы истории, 2014. №3. С. 20-47.

⁵ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II: в 2 т. Белград: Изд-ние об-ва распр. Русской национальной и патриотической литературы, 1939.

⁶ Баиов А.К., профессор. Истоки великой мировой драмы и её режиссёры. - Таллин-Ревель, 1927. -122 с.

⁷ Керсновский А.А. История Русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1994. Т. 3.

⁸ Пагануци П. Император Николай II — спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // Родина, 1993. № 8-9. С. 93-96.

⁹ Lieven (D. C.). Nicholas II. Twilight of Empire. N. Y.: John Murray, 1993.

¹⁰ Хереш Э. Николай II. Ростов на Дону: Феникс, 1998.

несомненный интерес в той части, когда речь идет о взаимоотношениях Николая II с Вильгельмом II, истории подписания Бюркского договора и т.д. В работе над исследованием Э. Хереш использовала ранее не известные источники, особенно для русского читателя, из германских архивов министерства иностранных дел в Боне и прусского государственного в Берлине.

В 2006 г. в Лондоне вышло исследование английского телепродюсера, автора многих исторических телепрограмм на BBC К. Клей, в котором проведен анализ взаимоотношений императора Николая II, английского короля Георга V и кайзера Вильгельма II¹. В 2009 г. книга вышла в русском переводе². Несмотря на то, что вышеназванное исследование написано непрофессиональным историком, оно представляет определённый интерес из-за использования автором большого количества ранее недоступных источников, например, из частных архивов английской королевы Елизаветы II, а также германского архива в Кобленце. Собственно, на этом, на наш взгляд, достоинства книги К. Клей и заканчиваются. Явными негативными сторонами исследования являются отсутствие исторического анализа документов, довольно легковесные выводы о причинах Первой мировой войны («ссора» между августейшими кузенами, «паранойя» Вильгельма II и т.д.).

Весьма интересной представляется работа французского ученого М. Мармужета, посвященного визиту императора Николая II в Париже осенью 1896 г.³, изданная в Университете Нантер-Х, и представляющая собой глубокое исследование не только самого визита, но и реакцию на него со стороны различных социальных и политических слоев французского общества. Подробное описание распорядка дня русского императора, его встреч с

---

¹ Clay (C.). King, Kaiser, Tsar. Three Royal Cousins Who Led the World to War. – London: John Murray, 2006.

² Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М.: Вече, 2009.

³ Marmouget (M.). La visite du tsar Nicolas II à Paris 5-9 octobre 1896. Paris : X Nanterre, 1997.

французскими государственными, политическими и общественными деятелями, делают вышеназванное исследование весьма интересным.

Сугубо фрагментарно затрагивается исследуемая тема внешней политики в монографии французского историка академика Э. Каррер д'Анкосс¹.

Говоря о внешнеполитической деятельности русской дипломатии во время Первой мировой войны, нельзя не отметить глубокое исследование сербского историка доктора Д. Бабаца². Автор довольно подробно освещает отношение российских правящих кругов к военной и гуманитарной помощи Сербии, переговоров с сербским принцем Александром Карагеоргиевичем во время Первой мировой войны.

История русско-французского союза отражена в следующих работах французских историков: Ш. Брэбанта, Л. Легалья³, К. Грюнвальда⁴, Ж. Ансена⁵, А. Огенюис-Силиверстоф⁶, П. Ренувена⁷ и др. Изучаемая тема получила небольшое фрагментарное изучение в научных статьях следующих иностранных

---

¹ Carrère d'Encausse (H.), de l'Académie française. Nicolas II. La transition interrompue. Une biographie politique. Paris: Hachette, 1996.

² Бабац (Д.). Србија и Русија у Великом рату. Једно савезништво са дугом традицијом / Сербия и Россия в Великой войне. Традиция союзничества. Београд: Евро-Ћунти, 2014.

³ Braibant (Ch.) et Le Gall (L.). Félix Faure à l'Élysée. Paris : Hachette, 1963.

⁴ Grunwald (C., de). Les alliances franco-russes. Neuf siècles de malentendus. Paris : Plon, 1965.

⁵ Hansen (J.). Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim (1884-1898). Paris : Flammarion, s/d.

⁶ Hogenhuis-Seliverstoff (A.). Une Alliance Franco-Russe. La France, la Russie et l'Europe au tournant du siècle dernier. Collection Histoire dirigée par le Professeure Maurice Vaïsse. –Bruxelles : Emile Bruylant, 1997.

⁷ Renouvin (P.). La crise Européenne (1904-1914) et la Grande Guerre. Paris : Alcan, 1939.

исследователей: доктора истории М. Ависа-Ану¹, доктора истории М. Ферро², Р. Жиро³, М. Джеферсона⁴, Б. Эмерсона⁵.

Подводя итог степени научной разработанности проблемы, можно сделать вывод, что, несмотря на большой временной отрезок, в отечественной и зарубежной историографии до сих пор отсутствует комплексное научное изучение формирования и реализации внешней политики Российской империи в царствование императора Николая II. При этом речь не идёт о недостатке исследований внешней политики Российской империи начала XX века. Однако в них отсутствует целостное описание причин направлений внешней политики Российской империи, логичность и последовательность их проведения, а также причины их изменений.

Цель работы - исследовать проблему формирования и реализации внешней политики Российской империи в период царствования императора Николая II (1894-1917 гг.)

Задачи диссертации:

- Исследовать формирование внешней политики Российской империи в годы царствования императора Николая II.
- Проанализировать реализацию внешней политики России в период 1894-1904 гг.
- Рассмотреть политику России за выход к незамерзающим портам Тихого океана в 1904-1906 гг.

---

¹ Avise-Hanoun (M.), docteur en Histoire. Louis-Étienne Moilin, attaché militaire à Saint-Pétersbourg au temps de l'Alliance Franco-russe (1880-1908) // Aux vents des puissances [Jean-Marc Delaunay, éd.]. Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2008.

² Ferro (M.). Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix // Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales. Octobre-novembre, 2011. № 5. Géopolitique de la Russie.

³ Girault (R.). Les Balkans et les relations franco-russes en 1912 // Revue Historique. T. 253. 1975, Janvier-Mars.

⁴ Jefferson (M.). Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September // The Slavonic and East European Review. 39. № 92 (Dec. 1960). P. 44-60.

⁵ Эмерсон Б. Великобритания и франко-русский союз // Россия и Франция XVII-XX века / La Russie et la France XVIIIème - XXème siècles / РАН, Ин-т всеобщей истории, Центр фр. ист. исслед. / Черкасов П.П., отв. ред. Вып. 2. М.: Наука, 1998.

- Исследовать политику России за внеблоковый статус в 1907 — 1914 гг.
- Проанализировать усилия России по предотвращению европейской войны в 1913-1914 гг.
- Рассмотреть внешнюю политику Российской империи периода Первой мировой войны в 1914-1917 гг.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) Диссертантом проведено комплексное исследование проблемы формирования и реализации внешней политики Российской империи в период царствования императора Николая II (1894-1917 гг.).
- 2) Впервые в отечественной науке исследовано непосредственное участие императора Николая II в руководстве внешней политикой Российской империи, которое ранее детально не изучалась ни российской, ни зарубежной историографиями и фактически игнорировалось. Отказ от идеологического подхода в этом вопросе позволил рассмотреть его под объективной точкой зрения.
- 3) Впервые обозначены и исследованы объективные и субъективные факторы, оказавшие значительное влияние на внешнюю политику императора Николая II.
- 4) Разработана авторская периодизация внешней политики Российской империи в период с 1894 по март 1917 гг., которая включает в себя пять этапов эволюционного развития.
- 5) Впервые исследована и доказана взаимосвязь всех указанных периодов и на ее основе сделан вывод, что в период царствования Николая II была осуществлена неудавшаяся попытка переключения главных внешнеполитических интересов России на Восток, выхода к незамерзающим южным морям в рамках «Большой Азиатской программы» и возврат к европейскому направлению внешней политики государства.
- 6) Впервые осуществлено комплексное исследование изменения положения и роли российского внешнеполитического ведомства в государственном

механизме самодержавной монархии, возникших в результате глубоких социально-политических изменений и научно-технической революции в конце XIX — начале XX вв.: фактическое значительное усиление роли МИД, министра иностранных дел, а также их взаимодействие с представительными учреждениями (Государственной думой и Государственным советом).

- 7) Впервые на основе архивных и опубликованных источников на иностранных языках проведен исторический анализ дипломатической корреспонденции послов ведущих европейских государств в Петербурге, позволивший более объективно рассмотреть позицию этих государств по внешнеполитическим отношениям с Россией.
- 8) Впервые в отечественной науке обозначен и изучен антиколониальный внешнеполитический курс Российской империи в отношении государств Африки и Азии.
- 9) Впервые на основе анализа имеющихся источников дана принципиально иная, отличная от традиционной, оценка переговорам между Николаем II и Вильгельмом II в Бьорке (1904) и подписанному Бьоркскому договору (1905), позволяющая говорить об успехе российской дипломатии, а не ее поражении.
- 10) Впервые на основе анализа имеющихся источников подробно рассмотрен вопрос переговоров царя и А.П. Извольского с Виктором Эммануилом III и Т. Титтони в г. Раккониджи (1909 г.), на основе которого сделан вывод о важном успехе российской дипломатии, результатом которого стало соглашение с Италией, направленного против Турции и Австро-Венгрии, что во многом способствовало выступлению Италии в Первой мировой войне на стороне Антанты.
- 11) Впервые исследован вопрос и сделан вывод об изменении характера союзнических военных миссий при царской ставке в ходе Первой мировой войны.
- 12) Впервые введены в научный оборот 50 документов из отечественных и иностранных архивов.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В период царствования Николая II при сохранении самодержавной власти императора в результате глубоких социально-политических изменений и научно-технической революции значительно усилилась роль МИД, министра иностранных дел, а также представительных учреждений (Государственной думы и Государственного совета).
2. Внешняя политика Российской империи в годы царствования Николая II включает пять периодов развития. Основным критерием периодизации является приоритетность региональных направлений внешней политики Российской империи.
3. Формирование и реализация внешней политики Российской империи были обусловлены влиянием как комплекса объективных и субъективных факторов, так и состоянием международных отношений того периода.
4. В период царствования Николая II была осуществлена неудавшаяся попытка переключения главных внешнеполитических интересов России на Восток, выхода к незамерзающим южным морям в рамках «Большой Азиатской программы» и возврат к европейскому направлению внешней политики государства.
5. В конце XIX в. — начале XX вв. Россия активизировала антиколониальную политику в борьбе с попытками захвата Англией, Францией и Италией суверенных государств Африки и Азии (Абиссинии, Южно-африканских республик, Сиам). При этом царское правительство не боролось с колониализмом как системой и не стремилось уничтожить уже сложившиеся колониальные империи ведущих государств Западной Европы. В основе российского антиколониального курса в отношении Эфиопии, Сиам и государств буров лежали религиозный фактор, а также стремление остановить расширение колониального господства европейских держав, прежде всего Англии.

6. Совокупность фактов, предшествовавших Русско-японской войне, убедительно свидетельствуют, что Россия к военному столкновению с Японией не стремилась, хотя и готовилась к возможному противостоянию. Деятельность российской дипломатии и правительственных кругов накануне войны с Японией часто носила непоследовательный характер, что привело к крупным политическим ошибкам.
7. Русско-японская война 1904-1905 гг. во многом явилась следствием противодействия ряда государств, прежде всего, Японии, Англии и США, продвижению России на Восток, стремлению ослабить ее как экономического конкурента.
8. Дипломатические переговоры в Бьерке между императорами Николаем II, и Вильгельмом II в 1904-1905 гг. были следствием не «обмана» царя германским императором, а, наоборот, использованием самодержцем планов кайзера для предотвращения вступления Англии в войну против России, используя для этого давление на Сити французским правительством, напуганного возможностью англо-германского союза против России. Бьоркский мир 1905 г. позволил России добиться от Германии и США активного давления на Японию с целью заставить ее пойти на мирные переговоры с Россией.
9. Русско-японская война и Первая русская революция, серьезно подорвавшие международный престиж и финансовое состояние Российской империи, повлияли на снижение внешнеполитической деятельности страны. Россия в этот период не обладала необходимыми ресурсами проявлять активность одновременно в Европе, Центральной Азии и на Дальнем Востоке, что привело к временному отказу от приоритетности восточного направления и переключении внешней политики на Запад.
10. Внешняя политика России после русско-японской войны и до 1914 г. является политикой «балансировки». Лондон и Берлин стремились привлечь Россию на свою сторону, так как она по-прежнему обладала самой

многочисленной армией в мире. Петербург, опираясь на поддержку то Берлина, то Лондона, пытался упрочить свою внешнюю безопасность.

11. Важным успехом российской дипломатии стало соглашение с Италией в г. Ракониджи в 1909 г., ставшего основой итало-русского союза, направленного против Турции и Австро-Венгрии, при том, что Италия оставалась членом Тройственного союза. Русско-итальянское сближение, дополняя франко-итальянское, отдаляло Рим от Тройственного союза и приближало его к Антанте.
12. После неудачи в русско-японской войне российская дипломатия во главе с Николаем II предпринимала серьезные усилия по недопущению участия России в европейской войне, используя политику заключения межгосударственных договоров о разделе сфер влияний. Это принесло свои плоды с Англией, конфронтация с которой сменилась дружественными отношениями, при которых возможно было обсуждение и решение спорных вопросов, но не с Германией.
13. Стремление России избежать или хотя бы отсрочить европейскую войну было обусловлено стремлением Петербурга завершить к 1917 году «Большую программу» перевооружения армии и флота, с другой стороны, с боями политики «балансировки», угрожавшей дипломатическими «отступлениями».
14. Стремление Петербурга в преддверии Первой мировой войны создать единый военный блок с Францией и Великобританией (Тройственную Антанту) не получило поддержки не Парижа, ни Лондона. Таким образом, накануне Первой мировой войны союз между Россией, Францией и Великобританией так и не сложился.
15. Внешняя политика правительств западных союзников в отношении Российской империи к концу 1916 — началу 1917 гг. претерпела кардинальное изменение — из союзнической превратилась в конкурирующую, что было обусловлено успехами России на фронте и,

соответственно, большой вероятностью ее победы в войне. Это означало, что западным державам пришлось бы считаться с Россией как державой-победительницей и выполнять взятые перед нею территориальные обязательства, чего правительства держав Антанты делать не хотели. В этом контексте западные спецслужбы определенным образом способствовали Февральским событиям 1917 года.

16. Внешняя политика Российской империи в царствование Николая II в основном носила поступательный и логичный характер, характеризуется логичностью принимаемых решений. Тем не менее, на пути решения задач внешней политики царем и его министрами допускались промахи, непоследовательность, поспешность и крупные дипломатические неудачи (Бухлау). Но главный внешнеполитический курс на сохранение статуса России как великой и суверенной державы оставался неизменным.

Методологическая основа исследования. В основе исследования лежит теоретико-методологической системный (комплексный) подход, позволивший учесть всю совокупность факторов, событий и явлений при рассмотрении научной проблемы, позволил сочетать теоретические положения и методологические наработки широкого комплекса социально-гуманитарных наук (истории, источниковедения, истории государства и права, правоведения, политологии, теологии и востоковедения) в применении к объединенной проблематике международных отношений. Источниковедческий подход источников был применен в теоретической части исследования, что позволило провести ревизию существующих теоретических подходов. Для достижения целей исследования были задействованы традиционные исторические методы: проблемно-хронологический, синхронологический, идеографический, историко-аналитический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-критический и контекстуальный анализ источников.

Ведущим принципом исследования является принцип рассмотрения событий прошлого в связи с конкретно-исторической обстановкой. Особое

внимание уделялось научному обобщению фактов, что помогает воссоздать реальную картину формирования и реализации внешней политики Российской империи при руководстве процессом Николаем II в 1894-1917 гг., причины принятия им тех или иных решений, приоритеты внешней политики через призму преобладающих в тот или иной период царствования главных задач. Использование историко-сравнительного метода дало возможность выделить общее и особенное во внешнеполитических установках государства в исследуемый период. Метод системного анализа способствовал определению роли императора Николая II, министра иностранных дел и других политических деятелей во внешнеполитической деятельности российского МИДа и его дипломатического корпуса. В работе использовались методы источниковедческого анализа: выявление круга необходимых источников, их систематизация, анализ происхождения и содержания.

Научно-теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно затрагивает ряд теоретических вопросов современных международных отношений и внешней политики Российского государства в исторической ретроспективе, обосновывает генезис межгосударственных отношений России, подтверждает с научной точки зрения эволюцию роли МИДа, министра иностранных дел и представительных органов при сохранении самодержавия в Российской империи.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что её результаты могут быть использованы при подготовке и чтении лекционных курсов и проведении семинарских занятий по истории внешней политики России в высших учебных заведениях, особенно МГИМО и МГУ, написании учебных пособий для ВУЗов. Материалы диссертационного исследования могут использоваться при подготовке трудов по истории внешней политике России, биографии императора Николая II. Обобщённые диссертантом сведения о дипломатических соглашениях России и западных держав в ходе Первой мировой войны, могут

быть использованы при проведении мероприятий внешнеполитического ведомства России. В связи с этим работа будет актуальна для сотрудников МИДа РФ, российских дипломатов, а также государственных чиновников и депутатов Государственной думы, имеющих профессиональную и общественную деятельность в сфере внешней политики.

Актуальность темы обусловлена важностью нового взгляда на внешнюю политику Российской империи в высших и средних курсах учебных заведений РФ, особенно при подготовке будущих дипломатов и сотрудников МИДа в МГИМО, Дипломатической академии и МГУ.

Апробация исследования. Результаты проведённого исследования представлены автором в 5 монографиях: Мультиатули П.В. «Дай Бог, только не втянуться в войну!». Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов. М.: Российский институт стратегических исследований, 2014. – 252 с.; Мультиатули П.В. Внешняя политика императора Николая II. 1894-1917 гг.: этапы, достижения итоги. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Общ-во развития русского исторического просвещения «Двуглавый орел»; Изд-во М.Б. Смолина (ФИВ), 2019. – 720 с.; Мультиатули П.В. Император Николай II и заговор 1917 г. Как свергали монархию в России. М.: Вече, 2013. — 452 с.; Мультиатули П.В. Император Николай II. Трагедия непонятого самодержца. М.: Вече, 2020. – 528 с. Мультиатули П.В.; Залесский К.А. Русско-японская война. 1904-1905 гг. М: ФИВ, Российский институт стратегических исследований, 2015. – 815 с.; 20 статьях в рецензируемых научных изданиях, 17 из которых в рекомендованных изданиях ВАК, докладах на международных и всероссийских научных конференциях.

Структура диссертационного исследования обусловлена целью, поставленными задачами исследования и комплексным характером исследования. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, перечня использованных источников и литературы.

Глава 1. Формирования внешней политики Российской империи в годы царствования императора Николая II

§1. Государственно-правовые основы формирования внешней политики Российской империи в годы царствования императора Николая II

Руководство внешней политики России самодержавным императором.

Главная роль в руководстве внешней политикой Российской империи, по форме правления – самодержавной монархии, как известно, принадлежала императору. Но в сфере государственного управления с начала XIX века стали четче обозначаться элементы определенного ограниченного разделения властей, в основном в сфере закрепления полномочий между органами власти. В международных отношениях наибольшую роль начинает играть исполнительная власть, которая в отличие от законодательной и судебной, могла полноценно представлять интересы государства в международных отношениях. Успешное участие государства в международной политике гарантирует последовательность и непротиворечивость этой политики, профессионализм его исполнителей, обеспеченность их информационными, организационными, интеллектуальными ресурсами, которые может обеспечить только исполнительная власть¹.

В Российской империи, с самого начала ее провозглашения в 1721 г. и до Февральской революции 1917 г., исполнительная, законодательная и судебная власть замыкалась на Главе государства — самодержавном Императоре Всероссийском, определение свойств власти которого были даны в законодательстве Петра Великого, первым принявшего императорский титул. Однако утверждение нормы о существовании императорской власти появляется только при императоре Николае I в 1832 г. с изданием Основных государственных

---

¹ Зуляев Ю.А. Политология: Базовый курс: Учеб. пособие для преподавателей, аспирантов и студентов классических университетов. в 2 т. Т.2. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2008. С. 168-169.

законов Российской империи, причем до 1906 г. они не подвергались изменению¹. До реформы государственного управления в 1906 г. ст. 1. Основных законов Российской империи утверждала: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»². Ст. 51 Основных законов также устанавливала: «Никакое место или правительство в Государстве не может само собою установить нового закона, и никакой закон не может иметь своего совершения без утверждения Самодержавной Власти»³. Отсюда, ст. 35 вводила понятие «законов», к которым относились уставы, грамоты, указы, манифесты, указы, доклады «удостоенные Высочайшего утверждения», рескрипты и приказы⁴.

Реформа государственного управления 1905-1906 гг. не могла не оказать своего влияния на государственно-правовую деятельность императора всероссийского. Участие монарха в деятельности законодательной власти сводилась к назначению выборов в Государственную думу и Государственный совет, время и место их созыва, к приостановке сессий, роспуску Государственной думы и назначению половины членов Государственного совета⁵. Как субъект законодательного процесса император обладал правом законодательной инициативы, в том числе в сфере внешней политики государства. Однако согласно ст. 34 Учреждения Государственной думы 20 февраля 1906 г. император не имел право прямого внесения законопроекта, а только «в форме обязательной делегации соответствующего полномочия

---

¹ Староверова Е.И. Свойство императорской власти согласно основным государственным законам Российской империи 1906 г. // Вестник Московского унив. Серия 11. Право. 2009. № 2. С. 99-107. С. 99.

² Свод законов Российской империи. Том I. СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. С. 1.

³ Свод законов Российской империи. Том I. С. 13.

⁴ Свод законов Российской империи. Том I. С. 14.

⁵ Шингарева Н.В. Полномочия российского императора по основным государственным законам 23 апреля 1906 г. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 206-209. С. 207.

министрам»¹. Однако государь мог внести законопроект от своего имени каким-либо министром. Новеллой, которая существенно ограничила права императора в законодательном процессе, явилось правило, согласно которому окончательная редакция законопроекта должна была устанавливаться Государственной думой и Государственным советом. Это обстоятельство способствовало интенсификации применения чрезвычайно-указного законодательства согласно ст. 87 Основных законов², которая определяла: «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главноуправляющим отдельную часть не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет»³. Тем самым, «право диспенсации главы государства было урезано по сравнению с дореформенным государственным правом, которое в соответствии со ст. 70 основных законов в редакции 1892 г., предоставляло всем актам монарха юридическую силу, равную закону»⁴. Основные законы 1906 г. не содержали указание на то, что акты императора, издаваемые им в порядке верховного управления или непосредственно, являются законами⁵. Ст. 44 гл. 3 определяла: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без

---

¹ Цит. по: Шингарева Н.В. Указ. соч. С. 207.

² Шингарева Н.В. Указ. соч. С. 207.

³ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. Отд. 1.

⁴ Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: учебное пособие. М.: ИВЦ "Маркетинг", 2000. С. 158.

⁵ Шингарева Н.В. Указ. соч. С. 208.

утверждения Государя Императора»¹. В новой редакции отсутствовало положение, согласно которому «высочайший указ», изданный по частному делу, отменял действие общих законов.

Однако, как утверждает М.Б. Смолин, неограниченность власти русского самодержца сохранялась и после ее формальной отмены в редакции законов 1906 г.: «От того, что предикат “неограниченный” был убран, суть и объем верховной власти Российской империи не изменился. <...> Даже если юридически понятие неограниченности не употребляется в законодательстве, то фактически оно остается все равно за верховной властью, пока та не перестает реально ею быть»². М.Б. Смолин подчеркивает, что «в Российской империи юридически ограничить власть императора теоретически было возможно, но никто фактически не смог бы поддерживать ее ограничение. Никакой представительный орган не смог бы иметь опору для такого ограничения. Только революция и фактическая революционная сила была способна изменить это положение дел. Но здесь речь шла уже не об ограничении, а о появлении новой верховной власти взамен императорской»³. Термин «неограниченность», по мнению М.М. Сперанского, означал то, что «никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри Империи не может положить пределов верховной власти российского самодержца»⁴. Само понятие «самодержец» воспринималось в большей части общества и народа как в первую очередь духовная, а не политическое значение. Согласно определению философа В.С. Соловьева: «Русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительно и типично русское: «диктатура совести»»⁵. В.Д. Катков полагал,

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. Отд. 1. № 27805. СПб: Государственная типография 1909. С. 459.

² Смолин М.Б. Социология власти П.Е. Казанского: ограниченность и самоограниченность самодержавия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. С. 148.

³ Смолин М.Б. Социология власти П.Е. Казанского... С. 149.

⁴ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб: Наука, 2002. С. 61.

⁵ Соловьев В.С. Византизм и Россия. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Т. VII. СПб: Книгоизд. Тов-во «Просвещение», 1914. С. 291.

что «Государь ограничен рамками Православной Церкви и ответственен перед Богом»¹. Н.М. Карамзин не разделял понятия самодержавия и Российского государства. Еще в 1811 г. он писал: «Для твердого самодержавия необходимо государственное могущество»². Эту мысль продолжил и профессор П.Е. Казанский, когда писал, что сила русского самодержца, «есть сила русского государства, русская сила, русская мощь»³. Самодержавная власть в представлении большей части народа была сакральной, стоящей выше человеческого закона, выше народа и даже выше самого самодержца: «Принадлежащая Государю Императору власть Верховна, Самодержавна и имеет Божественное освещение»⁴. Поэтому, манифест 17 октября 1905 г. о даровании политических свобод, учреждении Государственной думы, и удаление в 1906 г. из императорского титула предиката «неограниченный», произвело в массе народа, в отличие от либеральной общественности, чувство непонимания и тревоги, что создавало у него впечатление о том, что большинство народа поддерживают самодержавие. «Я получаю много телеграмм отовсюду, — писал Николай II вдовствующей императрице Марии Федоровне, — трогательного свойства, с благодарностью за дарованные свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения Самодержавия. Зачем они молчали раньше — добрые люди?»⁵. Поэтому уже 23 декабря 1905 г. (5 января 1906 г.) Николай II заявил представителям «Союза русского народа»: «Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам, и уверен, что русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчёт перед Богом»⁶. Принимая депутацию

---

¹ Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция Самодержавия. Харьков, 1907. С. 37.

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 22.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М.: «Москва», 1999. С. 47.

⁴ Смолин М.Б. Церковь, государство и революция. М.: Российский институт стратегических исследований, 2013. С. 44.

⁵ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 15.

⁶ Полное собрание речей Императора Николая II. 1894-1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника». СПб: Книгоиздательство «Друг Народа», 1906. С. 66.

Иваново-Вознесенской монархической партии 16 февраля (1 марта) 1906 г., Николай II прочно соединил проводимые им реформы с сохранением самодержавия, заявив: «Передайте всем уполномочившим вас, что реформы Мною возвещенные 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы: Самодержавие же Мое останется таким, каким оно было встарь»¹.

На совещаниях в апреле 1906 г. в Царском Селе император Николай II заявил: «Всё это время меня мучает чувство, имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил. <...> Искренне говорю вам, верьте, что, если бы я был убежден, что Россия желает, чтобы я отрёкся от самодержавных прав, я для блага ее сделал бы это с радостью. <...> я не убежден в необходимости при этом отречься от Самодержавных прав. <...> Могут сказать, что это отступление от обещаний, данных 17 октября. Я это знаю и понимаю... Но надо уразуметь, с чьей стороны будет укор. Он, конечно, последует со стороны всего так называемого образованного элемента, пролетариев, третьего сословия. Но Я уверен, что 80% русского народа будет со Мною...»². В результате ст. 4 главы 1 свода Основных государственных законов Российской империи в новой редакции гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть»³, а ст. 9 оговаривала: «Государь Император утверждает законы, и без Его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения»⁴. Все остальные прерогативы императора, в том числе, в сфере внешней политики, предусмотренные старой редакцией Основных законов, остались без изменений. Кроме того, было специально оговорено, что

---

¹ Полное собрание речей Императора Николая II. С. 73.

² Полное собрание речей Императора Николая II. С. 193.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXVI. 1906. Отд. 1. - № 27805. СПб.: Гос. тип., 1909. С. 457.

⁴ Там же.

пересмотр Основных законов допускается только по почину Государя Императора¹.

Таким образом, природа и суть самодержавной власти императора всероссийского, несмотря на все усилия реформаторов, либеральной оппозиции и радикальной части революционеров, и после 1906 г. оставалась неизменной и, по существу, неограниченной. Император по-прежнему оставался духовным, государственным, политическим и административным главой Российской империи. Обладая всей совокупностью информации, как внешней, так и внутренней, только самодержец мог делать всесторонние выводы по проблемам международной политики, и только от него зависело окончательное решение по тем или иным ее вопросам. Император решал внешнеполитические задачи, стоявшие перед Российской империей, наиболее эффективными, по его мнению, способами, в соответствии с геополитическими, военно-стратегическими и экономическими интересами государства и стоящими перед ним современными вызовами. Так как осуществление внешней политики находилось под непосредственным контролем императора, то и вся полнота власти в области внешней политики принадлежала самодержцу. Непосредственным исполнителем воли императора был министр иностранных дел и чиновники МИД, послы утверждались им и реализовывали государеву волю².

Внешняя политика Российской империи определяла ее место в мировой политике, в системе отношений «великих держав», среди которых Россия занимала одно из первых мест. Империя имела широкие интересы и в Европе, и в Азии. Влияние России на ход мировой истории проявлялось в участии ее в решении многих конфликтов того времени. В Европе, на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Дальнем Востоке Россия имела значительный авторитет.

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXVI. 1906. Отд. 1. № 27805. СПб.: Гос. тип., 1909. С. 457.

² Каулин К.В. Документы Архива внешней политики Российской империи как источник по истории взаимодействия Министерства иностранных дел России с прессой в начале XX века // Дис...канд. ист. наук / К.В. Каулин. М., 2022. – 216 с. С. 5-6.

Одновременно, Петербург проводил внутреннюю национальную политику в регионах и странах, которые в то время находились в составе Российской империи, но имели большое значение в международных связях и традиционных интересах других держав. К таковым относятся Царство Польское, Великое Княжество Финляндское, Кавказ и Средняя Азия¹.

Это в полной мере относится и к эпохе царствования императора Николая II. Согласно выводам А.В. Игнатьева, Николай II «и по законам, и по традиции, и по убеждению являлся полновластным руководителем внешней политики России на протяжении всего своего царствования»². В.Л. Емец, описывая систему государственных органов внешних сношений Российской империи, отмечал: «Согласно Основным законам <...> во главе иерархической пирамиды находился российский император — глава законодательной и исполнительной власти и духовный вождь страны; далее следовали высшие органы государственной власти — Государственный совет, Комитет министров и Правительствующий Сенат; затем центральные органы власти министерства и ведомства, прежде всего Министерство иностранных дел как главный исполнительно-распорядительный орган в области внешних сношений, а также ведомства: военное, морское, финансов, внутренних дел, выполнявшие свои задачи за рубежом и имевшие своих постоянных представителей за границей»³. Все внешнеполитические функции были полностью сконцентрированы в руках императора Николая II, который определял внешнеполитический курс государства, ему принадлежало окончательное решение по вопросам объявления войны и заключения мира, заключение договоров с иностранными державами, ратификация международных отношений. Император также осуществлял повседневное внешнеполитическое руководство: общий контроль за деятельностью ведомств на основе регулярных докладов министров, каждодневное ознакомление с дипломатической и военно-

---

¹ Орлов А.В. Внешняя политика и международные отношения России с середины XIX века до 1918 года. Учебное пособие. СПб: ИТМО, 2011. С. 5.

² Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3, 25.

³ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 60.

дипломатической перепиской, консульской перепиской МИД, по всем которым он давал свои распоряжения, накладывал резолюции, утверждал инструкции российским послам, утверждал их назначение, также как и министров, и всех чиновников министерств и ведомств¹. Полная концентрация внешнеполитического руководства в руках самодержца, приобретаемая еще в царствование императора Александра III абсолютный характер, привела к тому, что вопросы международной политики были, помимо царя, известны в малой степени только министру иностранных дел. Остальные, включая наследника престола, могли даже быть не осведомлены о важных внешнеполитических решениях. Так, Александр III ознакомил цесаревича Николая Александровича с целым рядом из них лишь накануне своей кончины (например, Николай II до 1894 г. ничего не знал о секретной франко-русской конвенции 1891 г.)².

Реформа государственного управления 1905-1906 гг. не внесла принципиального изменения в верховное руководство императором внешней политикой. Ст. 12 основных законов Российской империи в редакции 1906 г. устанавливала: «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского Государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского Государства»³. А.В. Игнатъев пишет по этому поводу: «Согласно принятой в 1906 г. новой редакции Основных законов верховное руководство внешней политикой, равно как и обороной государства, оставалась исключительной прерогативой императора»⁴. В 1912 г. посол Франции в Петербурге Ж. Луи сообщал президенту Р. Пуанкаре в секретной телеграмме: «Нужно все время помнить, что любые

---

¹ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 62.

² Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М., б/и, 1993. С. 17.

³ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. Отд. 1. № 27805. С. 457.

⁴ Игнатъев А.В. Внешняя политика России 1907-1914. Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000. С. 26.

решения русских министров могут быть изменены внезапным приказом императора. Нужно это постоянно предвидеть»¹.

Тем не менее, стремительно меняющаяся историческая эпоха отражалась и на русском самодержавии, которое не могло игнорировать этих изменений. В условиях стремительно развивающейся научно-технической революции, появления телефона, телеграфа и радио, качественного увеличения потока поступающей информации от послов, дипломатических представительств и департаментов МИДа, Николай II уже не мог, как его отец и дед, контролировать все вопросы внешней политики и единолично принимать по ним решения. Несмотря на то, что, внешняя политика России по-прежнему определялась и руководилась императором, он, в новых исторических условиях, был вынужден учитывать и фактор появившихся представительных учреждений (Государственной думы и Государственного совета), и реформированных Совета министров и МИД, и заметно возросшую роль министра иностранных дел.

Министр иностранных дел. С момента учреждения этой должности императором Александром I в 1802 г. глава внешнеполитического ведомства полностью починялся только императору, который предоставлял ему широкие полномочия. При определенных обстоятельствах министр, также как и чрезвычайные уполномоченные послы в иностранных государствах, имели право самим принимать важные решения, вплоть до подписания мира и объявления войны, которые затем ратифицировались или отвергались государем, перед которым министр нес полную и единоличную ответственность. Министра иностранных дел обладал правом личного доклада императору². Однако все решения по вопросам внешней политики окончательно принимались исключительно императором. Уже осенью 1802 г. первый министр иностранных дел Российской империи граф В.П. Кочубей жаловался по поводу предстоящей

---

¹ George Louis à R. Poincaré. 30 mars 1912 // DDF. 3-ème série. T. 2. P. 332.

² Морозова И.М. Некоторые аспекты взаимодействия министерства иностранных дел России и Государственной думы в 1905-1917 годах // Дипломатический вестник. 2001. № 11. С. 192-196. С. 192.

поездки императора Александра в Мемель по приглашению прусского короля: «Представьте себе министра иностранных дел, который понятия не имеет об этом решении. <...> Мне все чаще приходится говорить: «Так того хочет Император, такова Царская воля»¹. При императорах Николае I, Александре II и Александре III за все время их царствования личность министра иностранных дел оставалась несменяемой. При Николае I это был граф К.В. Нессельроде, при Александре II — светлейший князь А.М. Горчаков, при Александре III — Н.К. Гирс. Все они, по сути своей должности, скорее были секретарями по иностранным делам своих государей, нежели полноправными министрами. Разумеется, при этом, много зависело от личности монарха. И.С. Рыбаченок отмечает: «Важным фактором при этом являлась личность императора: Александр I и Николай I активно осуществляли собственную политическую линию, Александр II — колебался, Александр III полагал, что он «сам себе министр иностранных дел», хотя и прислушивался к мнению Гирса»².

Что касается императора Николая II, то в его царствование на посту министра иностранных дел сменилось 9 человек: Н.К. Гирс (1894-1895), князь А.Б. Лобанов-Ростовский (1895-1896), Н.П. Шишкин (1896-1897), граф М.Н. Муравьев (1898-1900), граф В.Н. Ламздорф (1900-1906), А.П. Извольский (1906-1910), С.Д. Сазонов (1910-1916), Б.В. Штюмер (июль — ноябрь 1916), Н.Н. Покровский (ноябрь 1916 — 2 марта 1917). До реформы государственного управления 1905-1906 гг. роль министра иностранных дел при Николае II мало чем отличалась от роли его предшественников в предыдущие царствования. Единственным формально-независимым правом министра была обязательная с его стороны «скрепа» под подписью государя при заключении международных договоров. Только после нее договор вступал в законную силу. Однако «скрепу»

---

¹ Grimsted (P.K.). The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, Berkeley, 1969. P. 89.

² Рыбаченок И.С. Реформирование Российского МИД в 1802-1914 гг.: основные этапы, тенденции и результаты // Российская история. 2020. № 6. С. 90-110. С. 78.

мог поставить не обязательно министр иностранных дел, а любой министр по повелению императора¹.

Министр иностранных дел и Совет министров. До 1906 г. главным высшим совещательным и распорядительным органом Российской империи был Комитет министров. Он не был правительством в западном или современном понятии этого слова. Созданный указом императора Александра I в 1802 г. Комитет министров и его председатель не отвечали ни за деятельность отдельных министров, ни за согласованность их политики. Министры подчинялись и были ответственны лично перед государем, к которому каждый министр «входил» с отдельным докладом. По существу, самодержец и был главой правительства. От участия во внешней политике Комитет министров был полностью отстранен. 19 октября (1 ноября) 1905 г. император Николай II издал указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений»², согласно которому был создан принципиально новый орган исполнительной власти — Совет министров. Положение о Совете министров было утверждено в Высочайшем манифесте от 23 апреля 1906 г.³. Было установлено, как общее правило, что «все министерства и главные управления составляют единое управление и ни одно из них не может отделяться от других ни ввиду управления, ни в общей его цели»⁴. Ст. 81 Основных законов устанавливала, что «Председатель Совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями отвечают пред Государем Императором за общий ход государственного управления. Каждый из них в отдельности отвечает за свои действия и распоряжения»⁵. Председателем Совета министров стал теперь не император, а назначаемое им лицо из состава министров. Согласно ст. 14 указа из

---

¹ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 62.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. Отд. 1. СПб: Гос. Тип., 1908. С. 759. № 26820.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. 1905. Отд. 1. Т. XXVI. СПб: Гос. типография, 1908. С. 461. № 27806.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. С. 759. № 26820.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. С. 461. № 27806.

ведения Совета министров были изъяты дела государственной обороны и внешней политики, которые вносились на рассмотрение Совет исключительно по особому распоряжению императора¹.

Министр иностранных дел продолжал напрямую подчиняться государю, который, однако, теперь мог позволить ему брать на себя инициативу при решении второстепенных дипломатических задач. Министр или его заместитель (товарищ) должны были в обязательном порядке раз в неделю присутствовать на заседаниях Совета министров, который по вопросам внешней политики собирался по инициативе императора или председателя правительства. Министр теперь имел право подавать на усмотрение императора свои предложения и проекты. В особых случаях император мог передать дело на рассмотрение Особых совещаний, на которых присутствовали представители разных ведомств². Превращение Совета министров в центральное звено внешнеполитического механизма в известной степени снизило роль МИД в принятии важнейших внешнеполитических решений³. Хотя последнее слово всегда оставалось за монархом, но до его утверждения, переговоры и даже промежуточные решения, министр мог принимать самостоятельно. Иногда это имело печальные последствия. Необходимо также отметить, что во второй половине царствования императора Николая II качественно меняется профессиональная составляющая министра иностранных дел. Если первые министры его царствования, находившиеся на этой должности, являлись опытными дипломатами старой школы, то А.П. Извольский, С.Д. Сазонов, Б.В. Штюмер и Н.Н. Покровский были в вопросах высшей дипломатии и международных отношений людьми недостаточно опытными, а то и вовсе случайными. Так, Б.В. Штюмер и Н.Н. Покровский были назначены на министерскую должность, не имея никакого опыта дипломатической деятельности. Это объясняется во многом тем, что

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. Отд. 1. С. 760. № 26820.

² Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907-1914. М.: Наука, 2000. С. 27.

³ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 84.

вопрос назначения ключевых министров становился все более политизированным, и Николаю II приходилось с этим считаться.

Министерство иностранных дел. Министерство иностранных дел Российской империи являлось главным системообразующим элементом всей системы органов внешних сношений¹. Реформа государственного управления 1905-1906 гг. не могла не затронуть МИД. В начале XX в. внешнеполитическая деятельность императорского правительства была традиционно закрытой для широкой общественности, и народ в целом не особенно интересовался проблемами международной политики. МИД был создан Высочайшим манифестом императора Александра I от 8 (20) сентября 1802 г.². Центральный аппарат министерства включал: Канцелярию, Азиатский департамент и Департамент личного состава и хозяйственных дел, а также Архивы МИД. В 1806 г. в составе МИДа появились новые департаменты: Экспедиция консульских дел, Учебное отделение восточных языков, Внутренняя хозяйственная часть, Департамент внутренних сношений, Департамент внешних сношений и др.

Манифест императора Александра I от 25 июня (7 июля) 1811 г. об «Общем учреждении министерств», которым устанавливалось единое общее организационное устройство центральных органов управления³. При этом предметом Министерства иностранных дел определялись «все внешние сношения с принадлежащими к сему местами и лицами». К 1816 г. МИД обрел четкую структуру. Министр иностранных дел был вторым лицом после государя в чине канцлера, а Министерство иностранных дел, наряду с Военным, в XIX и начале XX вв., было основным министерством в государственном аппарате Российской империи⁴. Мидовским чиновникам присваивались ранги в

---

¹ Третьякова Е.С. Становление Министерства иностранных дел Российской империи в XIX — начале XX века // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 672-690. С. 690.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. XXVII. СПб: Тип. II-го отд. Соб. Е.И.В, канц., 1830. С. 243. № 20.406.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. XXXI. СПб: Тип. II-го отд. Собственной Е.И.В. канц., 1830. С. 686. № 24. 686.

⁴ Третьякова Е.С. Становление Министерства иностранных дел. С. 673.

соответствии с международной классификацией, установленной Венским конгрессом. Принятые в 1815 г. дипломатические ранги просуществовали в России до октября 1917 г. Дипломатические ранги были разделены на три класса. К первому классу относились послы, легаты и нунции, из которых на первом месте стояли послы, имевшие «характер представительства в высшей степени»¹. Вторым классом представляли посланники и полномочные министры. К третьему классу относились министры-резиденты². В период царствования императора Александра I сложилась система государственных органов, причастных к осуществлению внешних сношений, которая к концу столетия не претерпела существенных изменений³.

Окончательное юридическое оформление правового статуса МИД было осуществлено 22 мая 1868 г.⁴, когда император Александр II утвердил предметы ведения министерства. Они включали в себя: политические сношения с иностранными правительствами, покровительство русской торговле в иностранных государствах, законную защиту русских подданных за границей и содействие «к удовлетворению законных требований иностранцев в России»⁵. Этим же положением определялись заграничные установления МИД: 1) посольства и миссии; 2) генеральные консульства, консульства, вице-консульства и агентства⁶. Все эти положения и установления полностью сохранили свою силу до февраля/марта 1917 г.

К началу 1860-х гг. Российская империя имела 3 посольства (в Париже, Лондоне и Вене), 25 миссий в крупнейших государствах Европы, в Вашингтоне и

---

¹ Ривье А. Учебник международного права / Перевод П. Казанского, под ред. Л. Камаровского. М.: Тип. И.П. Малышева, 1893. С. 175.

² Третьякова Е.С. Формирование системы управления внешнеполитической деятельностью Российского государства в XIX веке // Вопросы управления. 2015. № 1. С. 46-52. С. 48.

³ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / ред. В.А. Емец и др. М.: Международные отношения, 1997. С. 59.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLIII. Отд. 1. СПб: Тип. II-го отд. Собственной Е.И.В. канц., 1873. С. 612. № 45888.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLIII. С. 612. № 45888.

⁶ Там же.

Рио-де-Жанейро)¹. В течение 60-х гг. XIX столетия были открыты дипломатические представительства России в Азии: в Тегеране и Пекине в 1861; Хакодате и Константинополе в 1867 г.; в Токио в 1871 г.². В 1878 г. были учреждены миссии в Румынии, Сербии и Черногории³. К 1897 г. существовало — 147 российских дипломатических учреждений; в 1903 г. — их уже насчитывалось 173. В 1913 г., т.е. в преддверие Первой мировой войны, Российская империя была представлена за рубежом 9 посольствами (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Соединенные Штаты Америки, Османская империя, Франция и Япония) и 39 миссиями⁴.

К концу XIX в. в связи с усложнением внешнеполитической обстановки стала очевидна необходимость в модернизации и реформировании МИД. В ноябре 1895 г. видный русский дипломат и юрист-международник Ф.Ф. Мартенс подготовил план реорганизации министерства. На основании опыта западноевропейских дипломатических ведомств Мартенс считал нужным подчинить все политические дела единому руководству, отделив их от торговых и консульских, а дела по личному составу от финансовых и хозяйственных, создать специальное подразделение для экспертизы по юридическим и спорным вопросам⁵. В связи с резко осложнившейся военно-политической обстановки этот план не был реализован.

К идее реформирования МИД вернулись только в 1906 г. В структуре министерства произошли значительные изменения, которые смело можно назвать реформой МИД Российской империи. Главным проводником этой реформы император Николай II назначил в 1906 г. министра иностранных дел А.П. Извольского. В 1913 г. во главе структуры Министерства иностранных дел стоял

---

¹ Третьякова Е.С. Формирование системы управления внешнеполитической деятельностью Российского государства. С. 49.

² Россия. Министерство иностранных дел. Очерки по истории Министерства иностранных дел. 1802-1902. СПб, 1902. С. 167.

³ Там же.

⁴ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1913. *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1913*. СПб: Тип. Тренке и Фюсно, 1913. С. 35 — 100.

⁵ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 731. Д. 30. Л. 2–9 об.

министр, имевший одного заместителя (товарища) и старшего советника. Министр возглавлял совет министерства, включавший кроме него самого, товарища министра, старшего советника, двух непременных членов, директоров Канцелярии министра, департаментов и Главных архивов¹. «Мозговым» центром МИД была его Канцелярия во главе с Директором². Численность МИД была довольно малочисленной. К 1914 г. в центральном аппарате работало всего около 150 чел., а вместе с заграничными служащими — свыше 700³. Министерство включало в себя 2 департамента и 4 политических отделов. 1-й Департамент занимался делами личного состава, приема на службу, назначения, перемещения по службе, наградах; заведования всем казенным имуществом Министерства в России и за границей; составления законопроектов по подведомственным Министерству делам и т.д. К ведомству 2-го Департамента относились: дипломатическая переписка с августейшими особами и членами правительств иностранных государств; признанию в России иностранных генеральных консулов, консулов, вице-консулов; дела по ратификации договоренностей с иностранными государствами; переписка об участии России в международных выставках, конференциях, конгрессах; дела о выдаче преступников; обеспечению юридической защиты русских подданных и т.д.

Политические отделы стали делиться по «отраслям» (географическому положению государств): 1-й политический отдел был тесно связан с Канцелярией министра и к его ведомству относились все государства Европы, Америки и Африки, за исключением Абиссинии и Египта, а также Святой престол. Ко 2-му политическому отделу относились государства Балканского полуострова и Ближнего Востока; 3-й политический отдел занимался государствами Средней и Малой Азии; 4-й политический отдел — делами Дальнего Востока. Кроме того, в состав министерства входили Отдел печати, Юрисконсультская часть, 1-й

---

¹ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1913. С. 22.

² История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 68.

³ Игнатъев А.В. Внешняя политика России. С. 27.

департамент по личному составу и хозяйственным делам, 2-й департамент (консульский) и Архив МИД¹. На 1907 г. в центральном аппарате МИДа работало всего около 150 человек, вместе с заграничными служащими — 500².

Заграничные учреждения МИД доводили до Петербурга главным образом информацию о государстве—пребывания, об их отношении к России и доводили до политического руководства иностранного государства те задания, которые им поручали в центре. Если обобщить, то представительские учреждения МИД за границей проводили там политику императорского правительства³.

Международный курс страны вырабатывался императором при содействии МИД, Военного и Морского министерства, министерство финансов, имевших при посольствах и миссиях своих представителей (военных и морских агентов), передававших необходимые сведения в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) и в Морской генеральный штаб. Кроме того, с дипломатическими представительствами были тесно связана Заграничная агентура Департамента полиции, которая вела борьбу за пределами империи с антиправительственными организациями российских эмигрантов, а также иностранных антиправительственных и разведывательных структур. Опиралась на помощь дипломатов и созданная указом императора Николая II 21 января (3 февраля) 1903 г. служба военной контрразведки⁴.

Став министром иностранных дел, А.П. Извольский распорядился о периодической доставке представителям России в других странах копий дипломатической переписки МИД с его заграничными учреждениями⁵. А.П. Извольский также ввел в практику сообщение важных дипломатических документов Председателю Совета министров и председателю Совета

---

1 Емец В.А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период мировой войны. Дискуссионные проблемы истории. М, 1994. С. 63.

2 Игнатьев А.В. Внешняя политика России. С. 27.

3 Игнатьев А.В. Внешняя политика России. С. 29.

4 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903-1914. СПб: Питер, 2006.

5 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 35. Л. 36-36 об., 40-40 об.

государственной обороны, что имело положительное значение для согласования деятельности ведомств и принятия совместных решений¹.

Большую роль в деятельности обновленного МИД Российской империи стали играть анализы и обзоры иностранной прессы. Еще в 1902 г. по инициативе министра внутренних дел В.К. фон Плеве был создан Отдел иностранной печати, который изучал заграничное общественное мнение и мнение различных политических иностранных кругов в отношении России и ее внутренней политики. Создавая Отдел иностранной печати, В.К. Плеве, главным образом, преследовал цель борьбы с влиянием русских эмигрантов-революционеров по созданию негативного образа России за рубежом². После назначения Председателем Совета министров П.А. Столыпина, перед Отделом была поставлена задача проведения глубокого обзора и анализа иностранной прессы по вопросам международной политики. Интерес был направлен на положение дел в балканских государствах, на отношения с Германией и Францией. Особое внимание стало уделяться Японии и вообще Дальнему Востоку³. Аналитический обзор иностранной прессы сыграл большую роль в определении внешней политики Российской империи. Так, на основании резкой перемены тона германской печати в отношении России, сотрудники Отдела за полгода до начала Первой мировой войны уведомили российское правительство о ее подготовке со стороны Германии⁴. Буквально накануне Первой мировой войны распоряжением императора Николая II от 24 (7) июля в структуре МИД появилось новое подразделение — Отдел печати⁵. Помимо обзора и анализа иностранной прессы, на Отделе лежала обязанность давать объяснения относительно деятельности

---

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 84. Л. 57.

² Антюхова Е.А. Отдел печати и осведомления Министерства иностранных дел Российской империи как инструмент публичной дипломатии внешнеполитического ведомства // Вестник Брянского гос. универ. 2023. № 3 (57). Исторические науки. С. 7-12. С. 8.

³ Антюхова Е.А. Указ. соч. С. 9.

⁴ Антюхова Е.А. Указ. соч. С. 9.

⁵ Ставка, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел I. 1914. № 154. Ст. 1737.

самого МИД, освещать направления деятельности его министра, отвечая таким образом на запросы общественности¹.

С отменой предварительной цензуры Манифестом 1906 г. периодическая российская печать переживала сильный подъем. Часто выражая интересы общественно-политических групп, в частности появившихся политических партий, газеты сыграли важную роль в формировании у них стремления к участию в политической жизни страны. Особый сегмент влиятельных кругов составляли дипломаты, которые работая за границей, наблюдали процесс успешного, как им казалось, воздействия дипломатов на общественное мнение. Они хотели видеть нечто подобное и в России². К.В. Каулин выделяет три фактора, которые, по его мнению, позволяют говорить о немалом значении такой сферы деятельности у МИД, как взаимодействие с прессой. К этим факторам К.В. Каулин относит: особое положение МИД, взаимный интерес газет и министерства к получению информации и их влияние друг на друга³. Начиная с 1904 г. особую роль в работе МИД начинают играть телеграфные агентства, прежде всего официальное Санкт-Петербургское телеграфное агентство (СПА), возникшее по распоряжению императора Николая II. С началом русско-японской войны министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф, озабоченный появлением в печати искаженной информации о войне и российской политике, заимствованной из иностранных источников, предложил привлечь МИД к распространению сведений «отвечающих истине и русским интересам»⁴. Санкт-Петербургское телеграфное агентство было поставлено под руководство трех министерств: МИД, МВД и Минфин. Причем, поиск и утверждение новых кадров зарубежных корреспондентов Агентства осуществлялись под полным контролем МИД. В

---

¹ Камынин М. Имидж России. 90-летний юбилей информационной службы МИД России // Международная жизнь. 2008. № 1.

² Каулин К.В. Указ. соч. С. 6.

³ Каулин К.В. Указ. соч. С. 7.

⁴ Кострикова Е.Г. Санкт-Петербургское телеграфное агентство и первая русская революция // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010., № 19(90). Вып. 16. С. 145–152.

своей работе руководство СПА пыталось сочетать подачу информации, которая, с одной стороны, отвечала бы интересам государства, а с другой не искажала бы действительность¹. СПА стремилось прежде всего воздействовать на умы читателей западной прессы, а не ориентироваться исключительно на население России. Политика МИД в отношении воздействия на общественное иностранное мнение являлось достаточно наступательным. Так, по инициативе МИД были совершены попытки покупок газет в Индии и Франции, а также широкое финансирование французских, немецких, американских газет с целью создания позитивного имиджа Российской империи. В Петербурге издавались газета на немецком языке («St. Petersburgische Zeitung») и официальный орган МИД на французском («Journal de St.-Petersbourg»)². В крупных международных вопросах МИД иногда пользовался изданием правительства – «Правительственным вестником»³.

К началу Первой мировой войны МИД был в высокой степени готов к решению задач военного времени, и это во многом было обусловлено осуществленной реформой и модернизацией Министерства, структура и кадровая политика которого были усовершенствованы, а порядок и прохождение службы стали более четкими и справедливыми. По свидетельству юрисконсульта Г.Н. Михайловского, поступившего на службу в МИД в августе 1914 г., «дипломатическое ведомство представляло из себя в этот момент крайне оживленное, интенсивно и с одушевлением работающее учреждение» и по сравнению с прежним было «неузнаваемо»⁴. Среди критериев приема на работу в МИД социальное происхождение начало уступать место повышенному образовательному цензу⁵. Серьезным нововведением стал сложный конкурсный

---

¹ АВПРИ. Ф. 214. Оп. 779. Д. 30. Л. 22.

² Каулин К.В. Указ. соч. С. 63.

³ Каулин К.В. Указ. соч. С. 64.

⁴ Михайловский Г.М. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920: в 2 кн. Кн. 1. Август 1914-октябрь 1917. М.: Международные отношения, 1993. С. 38.

⁵ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула: «Аквариус», 2014. С. 10.

экзамен при поступлении на работу в МИД. Экзамен принимало совещание, в которое входили все директора департаментов и начальники отделов МИД. Вопрос о приеме решался ими коллегиально. Принятые на работу чиновники приносили присягу. Для поступления на службу был введен ряд дополнительных правил — возраст не старше 27 лет, обязательное высшее образование, преимущество для выпускников юридических учебных заведений и лицеев, неременное знание немецкого, английского, французского языков¹.

24 июня (7 июля) 1914 г. император Николай II утвердил закон «Об установлении новых учреждений Министерства иностранных дел и штата центральных установлений этого Министерства». Согласно этому закону, деятельность МИД подверглась масштабной реструктуризации, главный смысл которой заключался в создании комплекса политических отделов по направлениям внешней политики. Согласно закону теперь на МИД возлагались следующие задачи: «1) политические сношения с иностранными правительствами; 2) всестороннее наблюдение за явлениями политической и общественной жизни в иностранных государствах, поскольку таковые затрагивают внешнеполитические и иные интересы России; 3) покровительство и защиту в чужих краях русских экономических интересов и, в особенности, развитие торгово-промышленных сношений России; 4) заботы о поддержке и о достойном положении православия за границей и об укреплении русского влияния на почве церковных интересов; 5) заботы о защите интересов и всесторонней поддержке русских подданных за границей; 6) содействие к удовлетворению законных требований иностранцев по делам их в России»².

В июле 1914 г., как и всегда в летние месяцы, в европейских странах, в основном в курортных местах, находилось большое количество российских подданных (по некоторым данным, только на территории Германии - более 40

---

¹ Известия Министерства иностранных дел. Петроград: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. Кн. V. С. 53.

² Известия Министерства иностранных дел. Кн. V. С. 50 – 52.

тыс. человек), значительную часть которых составляли больные, женщины и престарелые. В связи с началом военных действий многочисленные соотечественники, оказавшиеся вне пределов страны, попали в крайне трудное и зачастую бедственное положение. Железнодорожное, пароходное и телеграфное сообщения России со странами Западной Европы были дезорганизованы, с неприятельскими государствами - прерваны, пересылка денег за границу и размен там русских денежных знаков чрезвычайно затруднены, а порой и вовсе невозможны. Заботу о соотечественниках взяло на себя государство. Первое межведомственное совещание по вопросу об оказании материальной помощи российским подданным, застигнутым военными действиями за границей, состоялось уже 24 июля (6 августа) 1914 г. Впоследствии они проводились регулярно. МИД было одним из главных его участников. По итогам было принято решение о необходимости предоставления российским подданным денежных средств прежде всего для возвращения их на родину, а также для удовлетворения «насущных нужд». Эту задачу, по мнению участников совещания, следовало выполнить быстро и эффективно, главным исполнителем стало Министерство иностранных дел¹.

Характер деятельности МИД сильно изменился. Главной его задачей стало обеспечение внешнеполитической обстановки, благоприятной для успешного ведения войны и подготовка условий будущего мирного договора. Одной из главных задач МИД в начальном этапе войны, стало создание мощного военно-политического союза между Россией, Францией и Англией (Тройственная Антанта), что было с успехом выполнено российской дипломатией при деятельном руководстве императора Николая II. Важнейшей задачей МИД стала его дипломатическая деятельность по договоренностям с союзниками по созданию послевоенного мирового государственно-территориального устройства. В 1915—1916 гг. между Россией и союзниками были достигнуты

---

¹ Басенко Ю. Деятельность МИД по оказанию помощи российским подданным за границей в начале Первой мировой войны // *Международная жизнь*. 2014. № 10. С. 155-168.

договоренности о территориальном переделе европейско-азиатского региона, причем за Россией признавались геополитически важнейшие территории. Любые попытки достичь сепаратного мира с Германией воспринимались сотрудниками МИД не иначе, как государственная измена¹. С весны 1916 г. руководство МИД приступило к подготовке программы территориальных, политических и экономических условий и требований, с которыми России предстояло выступить на мирной конференции после победы над Германией и её союзниками. За совместную с МИД разработку проблемы будущего России в послевоенном мире выступала и Госдума. В первой половине 1916 г. был выработан проект специального секретного Совещания по изучению вопросов, связанных с международным положением России после войны. Председателем этого органа предполагалось назначить министра иностранных дел, а в его состав ввести по три члена от Думы, Государственного совета, МИД и научных учреждений².

Война внесла существенные изменения в работу внешнеполитического механизма, который стал значительно более мобильным и централизованным. Его главными центрами выступили МИД и Ставка Верховного главнокомандующего, которым с августа 1915 г. стал император Николай II. Связующим звеном между МИД и царской Ставкой стала ее дипломатическая канцелярия, перед которой была поставлена задача оперативно осведомлять государя, во время его нахождения на фронте, по всем международным вопросам³. Руководство Ставки и МИД сообща решали текущие вопросы межсоюзнических отношений, привлечения новых союзников и военно-политические условия их участия в войне, внешнеполитические аспекты планируемых военных операций, разрабатывали пути и способы

---

¹ АВПРИ. Ф. Личный архив А.М. Ону. Оп. 840. Д. 3. Л. 113.

² Чернявский С.И. Взаимодействие МИД России с Государственной думой... С. 74.

³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. С. 94-95.

дипломатического обеспечения зарубежных военных поставок и их финансирования¹.

Государственная дума. Торжественное открытие Государственной думы 27 апреля (10 мая) 1906 г. в Георгиевском зале Зимнего дворца и речь на нем государя, продемонстрировали глубокий кризис между властью и обществом. Этот кризис хорошо прочувствовал В.Н. Коковцов — очевидец торжественного открытия Думы: «Вся правая половина от трона была заполнена мундирною публикою, членами Государственного Совета, Сенатом и Государевою свитою. По левой стороне, в буквальном смысле слова, толпились члены Государственной Думы и среди них — ничтожное количество людей во фраках и сюртуках, подавляющее же количество их, как будто нарочно, демонстративно занявших первые места, ближайšie к трону, — было составлено из членов Думы в рабочих блузах, рубашках-косоворотках, а за ними толпа крестьян в самых разнообразных костюмах»².

Николай II был убеждён, «что неограниченное Самодержавие, в идеале, выше и совершеннее. Но годы правления создали в нем убеждение, что в России начала XX века, и, прежде всего, — в русском образованном обществе, этот строй не находит достаточного числа убежденных, не за страх, а за совесть, исполнителей монаршей воли»³. Тем не менее, к лету 1907 г., после роспуска царем двух Дум (1-го и 2-го созывов), Высочайший манифест от 3 июня 1907 г. окончательно определил новый русский государственный строй (т.н. «Думская монархия»), чётко законодательно закрепив право императора на роспуск Думы, право утверждать и отменять законы Российской империи. Манифест провозглашал, что историческая власть Царя остается основой русского государства, а «Государь Верховным Вождём страны»⁴.

---

¹ Россия в годы Первой мировой войны. С. 95.

² Коковцов В.Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919: в 2 т. Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. Т. 1. С. 67.

³ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II: 2 т. Белград: Изд-ние об-ва распр. Русской национальной и патриотической литературы, 1939. Т. 1. С. 346.

⁴ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 383.

Представительные учреждения - Государственная дума и Государственный совет - были формально лишены каких-либо внешнеполитических функций. А.П. Извольский в августе 1906 г. попытался внести в Совет министров вопрос, не подлежат ли некоторые «не политические» международные договоры и соглашения рассмотрению в законодательных учреждениях, до утверждения их императором. Однако это предложение А.П. Извольского было отвергнуто Советом министров¹. Тем не менее, Государственная дума и Государственный совет получили право обращаться в Совет министров с запросами по смете МИД, законопроектам, возникшим из обязательств, принятых Россией по заключенным международным договорам, утверждать ежегодные ассигнования на МИД и на открытие новых учреждений министерства за границей. Первым министром иностранных дел, выступившим на заседании Государственной думы 27 февраля (12 марта) 1908 г. был А.П. Извольский, внесший законопроект о преобразовании российской миссии в Токио в посольство².

Однако вопросы внешней политики и международных отношений поднимались на заседаниях Государственной думы не часто. Так, на заседаниях IV созыва в 1913 г. поднимались следующие вопросы, связанные с МИД: 20 марта был подан депутатский запрос министру иностранных дел по поводу бездействия чинов МИДа при незаконном задержании австрийскими властями русского подданного инженера Алехина и подобное же заявление по поводу избиения румынскими властями русского подданного Петра Васильева³. 4 (17) июля Дума рассмотрела вопросы об учреждении консульства в г. Буэнос-Айресе и о преобразовании консульства в г. Рио-Жанейро; об отпуске из государственного казначейства средств на приобретение в казну зданий и земельных участков и на постройку зданий для некоторых заграничных установлений Министерства

---

¹ Игнатъев А.В. Внешняя политика России. С. 31.

² Воронкова И. Внешнеполитическое ведомство Российской империи начала XX века // Государственная служба. 2009. № 3(59). С. 107-109. С. 107.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Приложения. IV созыв. Сессия первая. 1912-1913. Раздел «Заявления». Выпуск второй. № 212; № 213. СПб: Гос. Тип., 1913.

иностранных дел; о преобразовании Императорской Российской миссии в Марокко в дипломатическое агентство и генеральное консульство¹. За 1913 г. министр иностранных дел не выступал в Государственной думе ни разу. Вообще появление министра в стенах Думы, тем более его доклад в ней, были редчайшими случаями, связанными, в основном, с какими-то сверхважными событиями в международной политике. Так, в 1908 г. в преддверие и развитии Боснийского кризиса А.П. Извольский выступал в Государственной думе 17 (30) апреля² и, по поручению государя, 12 (25) декабря³. С началом Первой мировой войны С.Д. Сазонов выступал в Государственной думе в 1914⁴, 1915 и 1916 гг.⁵.

Более того, министрами и главноуправляющим министерств было разрешено избираться в Государственную думу и Государственный совет. В ст. 79 Основных законов говорилось: «Министры и Главноуправляющие имеют право участия в голосовании в Государственном Совете и Государственной Думе только в том случае, если они состоят членами сих установлений»⁶. Тем не менее, император Николай II в 1906 г. отказал Думе в праве рассмотрения некоторых международных договоров и соглашений до их ратификации государем⁷. Однако, в 1907 г., признав нежелательным отклонять депутатские запросы ссылкой на 12-ю и 13-ю ст., Николай II разрешил министру иностранных дел «отвечать на обращенные к нему запросы и давать соответствующие разъяснения Государственной думе», предварительно «испрашивая каждый раз всемиловитейших указаний Его Императорского величества»⁸. Речь, разумеется,

---

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты С. 10, 12, 22.

² Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв III. Сессия 1. Ч. II. С. 1763—1776.

³ Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв III. Сессия 2. Ч. 1. Заседание 12 декабря 1908.

⁴ Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Заседание 26 июля 1914 г. СПб: Гос. тип., 1914. С. 8-17 стлб.

⁵ Сазонов С.Д. Война и С.Д. Сазонов. Последние речи б. министра иностранных дел во время войны в Государственной думе. Петроград: Изд. полит. журнала «Отклик», 1916 г. С. 5-38.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. Отд. 1. № 27805. С. 461.

⁷ Воронкова И.Е. Думские дебаты о международных отношениях и приоритетах внешней политики Российской империи начала XX века // Международные отношения и общество. 2020. № 1. 53-62. С. 54.

⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 207. Л. 1-3.

не шла о том, чтобы представители МИД присутствовали и выступали на думских заседаниях на постоянной основе, а депутаты активно обсуждали бы внешнеполитический курс правительства¹. Более того, в Государственной думе, при наличии комиссий по внутренним, военно-морским, рабочим и т.д. вопросам, комиссия по иностранным делам отсутствовала. Тем не менее, в результате новой системы государственного управления, влияние Думы на деятельность министра иностранных дел усилилось, часто благодаря личным, негласным контактам некоторых министров с видными думскими деятелями, а перед Февральской революцией 1917 г. даже с оппозиционными депутатскими блоками. Так, во время Боснийского кризиса 1908-1909 гг. министр иностранных дел А.П. Извольский активно использовал поддержку со стороны представителей думской оппозиции, в частности лидера октябристов А.И. Гучкова и лидера кадетов П.Н. Милюкова. Товарищ министра Н.В. Чарыков сообщал А.В. Извольскому в Париж 20 сентября (3 октября) 1908 г.: «Гучков, ознакомленный мною с сущностью дела, обещает полную поддержку своей фракции. Печать в достаточной мере в наших руках»². В 1912 у министра иностранных дел С.Д. Сазонова завязались негласные контакты с представителями кадетской партии по внешнеполитической деятельности министра в отношении Англии и Франции³.

С началом Первой мировой войны, руководство МИД вынуждено было идти на расширение контактов с депутатами. На тесном сотрудничестве с думцами настаивали аккредитованные в Санкт-Петербурге послы держав Антанты. На это же настаивали МИД и российские послы в ведущих западноевропейских государствах – Великобритании, Франции, скандинавских государствах⁴. В августе 1915 г. юрисконсультская часть МИД по поручению министра С.Д. Сазонова занималась разработкой законопроекта об изменении

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. Отд. 1. С. 460. № 27805.

² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 470. 1908. Д. 204. Л. 95.

³ Кузьмин А.В. С.Д. Сазонов во главе министерства иностранных дел России: 1910-1916 гг.: Дис...канд. ист. наук: 07.12.2006 / А.В. Кузьмин. СПб, 1996. С. 16.

⁴ Чернявский С.И. Взаимодействие МИД России с Государственной думой в годы Первой мировой войны // Вестник МГИМО-университета. 2017. № 3 (54). С. 72-90. С. 73.

Положения о Государственной думе и Государственном совете в отношении «права интерpellации», то есть права депутатского запроса¹. Контакты между министром иностранных дел и думской оппозицией усилились весной-летом 1915 г., когда С.Д. Сазонов, состоя в группе министров императорского правительства, фактически действовал сообща с оппозиционным «Прогрессивным блоком», в который входили П.Н. Миллюков, А.И. Гучков, А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский и др. С.Д. Сазонов и его единомышленники фактически стремились к установлению вопреки воле самодержца парламентского строя в России², причем лидеры «Прогрессивного блока» рассматривали С.Д. Сазонова как будущего министра иностранных дел в т.н. «ответственном министерстве»³. Эти факты свидетельствуют о том, что в период близкий к Февральской революции наблюдаются попытки некоторых императорских министров, в том числе и министров иностранных дел, участвовать в политической жизни в тесном сотрудничестве с оппозиционными силами Государственной думы. В этих условиях императору Николаю II уже приходилось противодействовать не только оппозиционерам из Думы, но и оппозиционерам из своего же правительства.

С первых дней войны МИД занялось сбором и анализом сведений о положении российских подданных, захваченных военными действиями в Германии, Австро-Венгрии и других европейских странах. МИД организовывало перевод им денежных средств, добивалось улучшения условий жизни путём заключения через посредников соответствующих соглашений с неприятельскими властями. Деятельность МИД по этим вопросам проходила при деятельной помощи Государственной думы⁴. Однако в 1915 г. в связи с проблемой «снарядного голода» и весенне-летнего отступления русской армии, со стороны кадетско-либеральной фракции прозвучала резкая критика в адрес всех ведомств,

---

¹ Чернявский С.И. Указ. соч. С. 73-74.

² По этому поводу см.: Мультатули П.В. Император Николай II и заговор 1917 года. Как свергли монархию в России. М.: Вече, 2013. С. 31-32.

³ Там же. С. 39.

⁴ Чернявский С.И. Указ. соч. С. 74.

включая Министерство иностранных дел. Этот негативный настрой особенно проявился в рамках обсуждения Бюджетной комиссией Государственной думы проекта сметы МИД на 1915 г.¹.

Государственный совет. Одновременно с введением Государственной думы манифестом от 23 апреля 1906 г. был реформирован Государственный совет, учрежденный императором Александром I по проекту М.М. Сперанского в 1810 г. До 1906 г. это был законосовещательный орган, задачей которого было обеспечение согласованного функционирования системы органов государственной власти. Члены Государственного совета назначались исключительно императором, который и являлся его председателем. Министры входили в Государственный совет по должности². 20 февраля (5 марта) 1906 г. император Николай II подписал манифест «Об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы»³. Государственный совет становился как бы верхней палатой «парламента», однако, половина его членов по-прежнему назначалась государем, однако другая половина являлась выборной. 20 февраля (5 марта) 1906 г. император Николай II подписал манифест «Об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы»⁴. Государственный совет был реформирован в верхнюю законодательную палату с правом участия в законодательной деятельности совместно с Государственной думой и получил право законодательной инициативы. Одновременно с предоставлением Государственному совету законодательных прав, провозглашалось его переустройство «на началах видного участия в нем выборных от населения»⁵. Однако император Николай II, не желая повторения в Государственном совете

---

¹ Чернявский С.И. Указ. соч. С. 74.

² Деев А.Ю. Государственный совет Российской империи, 1894–1905 гг.: дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 292.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXVI. СПб, 1909. С. 148. № 27423.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXVI. СПб, 1909. С. 148. № 27423.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXVI. С. 148. № 27423.

либеральной Думы, сделал все, чтобы избранные члены Госсовета следовали в консервативном русле и соответственно были бы лояльны монарху. Консерватизм выборных предполагалось обеспечить высокими возрастным (не менее 40 лет), образовательным (не ниже среднего) и имущественным цензами, при соблюдении сословно-корпоративного принципа организации выборов в Государственный совет¹. Члены, назначаемые в Государственный совет, определялись по докладу Председателя Совета министров. 9 министров и главноуправляющих министерств, в том числе, и министр иностранных дел, были в числе назначенных членов Государственного совета². Как и в Государственной думе вопросы внешней политики не были в приоритете в Государственном совете. Так, на заседаниях в 1907-1908 гг. Государственный совет рассмотрел всего 4 малозначимых вопроса, связанных с Министерством иностранных дел³. В годы министерства А.П. Извольского и С.Д. Сазонова, они занимали особую позицию в Государственном совете, находя взаимопонимание с умеренно-оппозиционными его членами, также как это было и в случае с Государственной думой. Иногда министры иностранных дел вступали в негласные контакты с оппозиционными членами Госсовета, поддерживая их критику Председателя Совета министров⁴. Особенно это стало характерно с избранием в Государственный совет А.И. Гучкова и его сторонников, сыгравших значительную роль в успехе Февральской революции 1917 г.

Подводя **итог** вышеизложенному, необходимо отметить, что на протяжении царствования императора Николая II (1894-1917) государственно-правовые основы внешней политики Российской империи претерпели существенные изменения. Самодержавный император хотя и оставался по-

---

¹ Алиева З.И. Реформированный Государственный совет Российской империи (1906-1917) и его роль в модернизации государства // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 1 (167). Ростов-на-Дону. С. 70-73. С. 70.

² Бородин А.П. Государственный совет России (1906—1917). Киров: Гос. изд.-полигр. предприятие «Вятка», 1999. С. 25, 11.

³ Государственный совет. Стенографические отчеты. Приложения. Сессия III. 1907-1908. СПб: Гос. Тип., 1909. С. 115.

⁴ Бородин А.П. Указ. соч. С. 44.

прежнему единственным творцом и руководителем внешней политики, был вынужден под влиянием Первой русской революции, одним из последствий которой стала реформа государственного управления, а также необходимостью нормализации отношений с ведущими европейскими державами для успешного осуществления курса на индустриализацию страны, провести реформу МИД и де-факто существенно расширить полномочия министра иностранных дел. Исторический анализ осуществления внешней политики Российской империи в период с 1894 по 1917 гг. позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Император Всероссийский весь означенный период был полновластным руководителем внешней политики России.
2. Несмотря на то, что, внешняя политика России по-прежнему определялась и руководилась императором, он, в новых исторических условиях, был вынужден учитывать и фактор появившихся представительных учреждений (Государственной думы и Государственного совета), и реформированных Совета министров и МИД.
3. Министр иностранных дел продолжал напрямую подчиняться императору. Однако с учреждением Совета министров (правительства), император позволял ему брать на себя инициативу при решении второстепенных дипломатических задач. Министр мог теперь выходить со своими предложениями и проектами на высочайшее имя. Хотя последнее слово всегда оставалось за монархом, но до его утверждения, переговоры и даже промежуточные решения, министр мог принимать самостоятельно.
4. Министерство иностранных дел Российской империи продолжало оставаться главным системообразующим элементом всей системы органов внешних сношений. В период с 1906 по 1910 гг. в структуре министерства произошли значительные изменения, которые смело можно назвать реформой МИД Российской империи.

5. Государственная дума и Государственный совет получили право обращаться в Совет министров с запросами по смете МИД; законопроектам, возникшим из обязательств, принятых Россией по заключенным международным договорам; утверждать ежегодные ассигнования на МИД и на открытие новых учреждений министерства за границей.
6. Начавшаяся Первая мировая война внесла существенные изменения в работу внешнеполитического механизма, который стал значительно более мобильным и централизованным. Его главными центрами выступили МИД и Ставка Верховного главнокомандующего. Связующим звеном между МИД и царской Ставкой стала ее дипломатическая канцелярия.
7. В 1909-1917 гг. происходит фактическое усиление роли министра иностранных дел, более активное участие его в вопросах внешней политики и даже во внутриполитических процессах.
8. В период близкий к Февральской революции 1917 г. наблюдаются попытки некоторых императорских министров, в том числе и министров иностранных дел, участвовать в политической жизни в тесном сотрудничестве с оппозиционными силами Государственной думы.

§2. Периодизация внешней политики России в царствование императора Николая II

Региональные ориентиры внешней политики императора Николая II менялись в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры. Как верно отмечал А.В. Игнатьев: «Оценивая личное влияние монарха, не приходится, конечно, забывать об объективной обстановке, определявшей общее направление политики России»¹. На политику императора в целом и на внешнюю, в частности,

---

¹ Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 1.

влиял целый ряд факторов, которые можно разделить на объективные и субъективные.

Объективные факторы:

1. **Итоги внешней политики императора Александра III.** Суть своего внешнеполитического курса император Александр III определял следующим образом: «Я понимаю одну политику: извлекать из всего всё, что нужно и полезно для России, <...> действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская, национальная»¹. Граф В.Н. Ламздорф отмечал, что Александр III «указал внешней политике ясную, определённую цель — поставить Россию в такое международное положение, которое позволило бы ей <...> направить все силы на национальное возрождение и на внутреннее успокоение»².

Международные отношения в эпоху императора Александра III представляли собой сложную и противоречивую картину. Царь окончательно отказался от ориентации на союз с Пруссией, создавшей в 1871 г. Германскую империю. Этот союз был краеугольным камнем во внешней политики Николая I и отчасти Александра II. Союз с ней был поколеблен уже в 1875 г., когда Россия в лице императора Александра II и князя А.М. Горчакова не дала канцлеру О. фон Бисмарку развязать новую войну против Франции, преследуя цель фактического уничтожения ее как независимого государства³. Во время визита Александра II в Берлин А.М. Горчаков заявил Бисмарку, что Россия не сможет хладнокровно наблюдать, как Германия без какой-либо причины, будет добивать безоружную Францию. Горчаков заявил: «Кроме гнусности подобной агрессии, она представляла бы реальную опасность равновесию в Европе»⁴. Бисмарку

---

¹ Цит. по: Дронов И.Е. Сильный, державный. Жизнь и царствование императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012/7520. С. 549.

² Ламздорф В.Н. Обзор внешней политики России за время царствования императора Александра III [черновик] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

³ Толмачев Е.П. Александр III и его время. М.: Терра, 2007. С. 172.

⁴ Серова О.В. Русско-французские отношения в оценке князя А.М. Горчакова // Россия и Франция XVIII – XX вв. / La Russie et la France XVIIIe – XXe siècle /отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 3. М.: Наука, 2000. С. 148.

пришлось на время отказаться от своих планов расправы над Францией¹. Вскоре «железный канцлер» отомстил России на Берлинском конгрессе, сыграв ведущую роль в том, что Петербург не смог воспользоваться итогами своей выдающейся победы над Османской империей в 1877-1878 гг. Бисмарк стал одним из инициаторов создания т.н. Тройственного союза, заключенный 8 (20) мая 1882 г. между Германией, Австро-Венгрией и Италией². Александр III справедливо воспринял этот блок как враждебный, заявив, что «пока он будет существовать, наше сближение с Германией невозможно»³. К моменту образования Тройственного союза, между Германией и Австро-Венгрией уже существовал тайный союз 1879 г., который предусматривал военную взаимопомощь «всею совокупностью вооруженных сил своих империй» в случае нападения на одну из них России⁴. В январе 1889 г. Бисмарк предложил Лондону открытый союз, направленный против Франции и России, который был бы ратифицирован рейхстагом и парламентом⁵. Форин-офис ограничился одобрением создания Тройственного союза⁶. При этом премьер-министр Великобритании лорд Р. Солсбери не скрывал, что его целью является война против России силами Австро-Венгрии, Германии и Италии⁷. Таким образом, Александр III не мог исключать, что в случае военного столкновения с Германией и Австро-Венгрией, на их стороне не выступит Великобритания.

В царствование императора Александра III с новой силой обострились российско-английские противоречия. Стремительное завоевание Россией новых позиций в Средней Азии было воспринято Лондоном как угроза своим индийским

---

¹ Ерусалимский А. Франко-германский кризис 1875 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938. Т. 6 (91). С. 135.

² Ерусалимский А. Указ. соч. С. 64.

³ Дневник графа В.Н. Ламздорфа. Вклады в дневнике // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 37. Л. 116.

⁴ Русско-германские отношения. Секретные документы / Покровский М.Н. пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 1. М.: Центральный архив РСФСР, 1922. С. 89.

⁵ Хилльгрубер А. Выдающиеся политики: Отто фон Бисмарк, Меттерних. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 115.

⁶ Данилов О.Ю. Пролог «великой войны» 1904-1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М.: Поколение, 2010. С. 6.

⁷ История дипломатии / Потёмкин В.П. ред. Т. 2. С. 92.

владениям¹, где многие воспринимали Россию как потенциального освободителя. Император Александр III явно симпатизировал стремлениям индийского народа к свободе². В 1872-1873 гг. между Россией и Англией было подписано соглашение, в котором обе державы договорились о создании «буферного пояса в Средней Азии»³. Лондон брал на себя обязательство удерживать афганского эмира от каких бы то ни было наступательных действий против России⁴. Однако в нарушение этих договорённостей, в декабре 1883 г. афганцы, подстрекаемые англичанами, захватили ханство Шугнан и Рошан, граничившие с территориями Российской империи⁵. Наиболее опасным стал инцидент на р. Кушка в 1885 г., едва не приведший к англо-русской войне. Лишь твердая выдержка Александра III и убедительная демонстрация его готовности мобилизовать свои вооружённые силы, заставили Британию отступить. В связи с этим, характерна оценка Александром III англичан, которых он назвал «величайшими нахалами»⁶. Английская дипломатия продолжала считала Россию своим главным противником. Во время парламентских дебатов 1885 г. премьер-министр У. Гладстон заявил: «Русский кошмар должен быть устранён каким-нибудь решительным ударом»⁷. Великобритания преследовала свою цель создания европейской антирусской коалиции, главной действующей силой которой должна была стать Германия, которую в Лондоне в те годы рассматривали как силу,

---

¹ Барковец О., Крылов-Толстикевич А. Неизвестный император Александр III. Очерк о жизни, любви и смерти. М.: Рипол Класиик, 2003. С. 136.

² Дневник графа В.Н. Ламздорфа. Вклады в дневнике. Резолюция императора Александра III на письмо магараджи Дулин Сингха // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Е.А. Адамов ред. М.: Гос. изд. полит. лит., 1952. С. 111-123.

⁴ Деша графа Гренвилля, министра иностранных дел Англии от 24 января 1873 г. // Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. Издание министерства иностранных дел. [Сб. дип. док.]. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1886. № 3. С. 23.

⁵ Записка, переданная Императорским министерством иностранных дел великобританскому послу 19 декабря 1883 г. // Афганское разграничение. № 1. С. 29.

⁶ Помета императора Александра III на записке министра иностранных дел Н.К. Гирса // ГАРФ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 473. Л. 6.

⁷ Parliamentary Debates. Commons Sitting of 16 April 1885. Series 3. Vol. 296. CC. 1866.

способную ослабить основных его противников - Россию и Францию. В 1887 г. между Англией, Австро-Венгрией и Италией был заключен Средиземноморский союз (т.н. Средиземноморская Антанта), имевший антифранцузскую и антирусскую направленность¹.

В конце 1886 г. германская военно-политическая верхушка вновь вернулась к своим планам военного разгрома Франции. В январе 1887 г., выступая в рейхстаге, Бисмарк не считал нужным скрывать свои военные приготовления против Франции, выдвинув к французской границе армию в 120 тыс. чел.². Однако начать войну с Францией без согласия Петербурга, Бисмарк не решался. В самой России имелись довольно влиятельные силы, ориентировавшиеся на продолжение союза с Германией, исключив из него Австро-Венгрию (проект графа П.А. Шувалова)³. В результате такого германо-русского союза Россия должна была согласиться на разгром Франции, а Берлин обязывался не препятствовать захвату Россией Черноморских проливов и восстановлению ее господства в Болгарии⁴. При этом Россия должна была гарантировать территориальную целостность Австро-Венгрии и признать Сербию зоной ее влияния⁵. Александр III с негодованием отверг подобные проекты. В.Н. Ламздорф писал в своем дневнике: «Его Величество против союза с Германией. Он знает, что такой союз непопулярен и противоречит национальным чувствам всей России»⁶. В таких условиях нападение на Францию становилось для немцев невозможным. В результате «Союз трех императоров»⁷

---

¹ История Германии: в 3 томах / Бонвеч Б. ред. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. М.: КДУ, 2008. С. 53.

² Троицкий Н. Россия в XIX веке. Учебное пособие по спец. «История». М.: Высшая школа, 1999. С. 344.

³ История дипломатии / Потёмкин В.П. ред. Т. 2. С. 87.

⁴ Русско-германские отношения // Красный архив. Исторический журнал. Т. 1. С. 11.

⁵ Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. Berlin, 1922. Bd. V. № 1062, 1063. S. 212, 213.

⁶ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886-1990). М.; Л: Гос. изд-во, 1926. С. 35.

⁷ Троицкий Н. Указ. соч. С. 344.

в 1887 г. не был возобновлён по инициативе германских государств, что не вызвало у Александра III никакого огорчения¹.

Но как в Берлине, так и в Петербурге опасались, как бы отношения между ними не скатились к состоянию открытой вражды. С целью предотвращения подобной ситуации между правительствами обоих государств подписали 6 (18) июня 1887 г. т.н. «Договор о перестраховке», предусматривавший взаимный нейтралитет в случае войны Германии или России с третьей великой державой². Этот договор не распространялся на войну против Австрии или Франции³. «Договор о перестраховке» просуществовал неполных три года, и не был продлен по инициативе Берлина. Бисмарк к тому времени был уже в отставке, а должность канцлера занимал Л. фон Каприви, настроенный враждебно против России, в чем его поддерживал молодой император Вильгельм II⁴. Александр III приветствовал этот разрыв так же, как и до этого прекращения действия «Союза трех императоров». Прочитав немецкую телеграмму, сообщавшую о прекращении действия договора о перестраховке, царь писал Н.К. Гирсу: «Я лично рад, что Германия первая не желает возобновлять трактата, и не особенно сожалею, что его более не будет»⁵. Дополнительной «гирей», по определению Н.А. Троицкого, на русско-германских отношениях стала нелюбовь Александра III к новому германскому императору Вильгельму II⁶. Царь в буквальном смысле слова не мог переносить «юркого, словоохотливого, лживого в самой основе своей натуры» Вильгельма⁷. «От нервного и шалого Вильгельма можно всего ожидать», — отмечал Александр III на полях донесения Шувалова⁸.

---

¹ Hogenhuis-Seliverstoff (A.). Une Alliance Franco-Russe. La France, la Russie et l'Europe au tournant du siècle dernier. Collection Histoire dirigée par le Professeur Maurice Vaïsse. Bruxelles : Emile Bruylant, 1997. P. 41.

² Сборник договоров России с другими государствами. С. 268.

³ Там же.

⁴ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 348.

⁵ Ламздорф В.Н. Дневник. С. 317.

⁶ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 347.

⁷ Тарле Е.В. Русско-германские отношения и отставка Бисмарка // Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 5. - 596 с. С. 117.

⁸ Ламздорф В.Н. Дневник. С. 208.

В 1884 г. Болгария, вопреки решениям Берлинского конгресса, присоединила к себе Восточную Румелию. Для Петербурга этот шаг угрожал его интересам в Черноморских проливах. Царь исключил Баттенберга из списков Российской императорской армии и отозвал всех ее офицеров из Болгарии¹. Болгарские русофилы болезненно реагировали на разрыв болгаро-русских отношений. 9 августа 1886 г. группа прорусски настроенных военных арестовала князя Александра и заставила его отречься от престола. В Софии было создано временное правительство во главе с русофилом митрополитом Климентом. Однако либералы и националисты во главе со С. Стамболовым при поддержке другой части офицерства свергли временное правительство, и 19 августа (1 сентября) 1886 г. призвали Александра Баттенберга обратно на трон. Но тот поставил условием своего возвращения согласие Александра III², который ответил категорическим отказом, после чего Александр Баттенберг окончательно отказался от своих прав и покинул Болгарию. Следует признать, что непримиримая позиция Александра III была стратегической ошибкой. В результате в Болгарии утвердилась антирусская диктатура С. Стамболова, который провозгласил себя регентом. Дипломатические отношения между Петербургом и Софией были разорваны.

11 (23) августа 1887 г. на болгарский княжеский престол был приглашён австрийский принц Фердинанд Саксен-Кобургский. Александр III, считавший Фердинанда «легкомысленным повесой», заявил: «Выдвижение его в качестве кандидата на престол столь же комично, сколь комична и сама кандидатура»³. Новый князь не любил болгарский народ, который платил ему тем же⁴. Но главной фигурой в болгарской политике оставался Стамболов, последовательно

---

¹ Правительственный вестник. 1884, 22 октября (3 ноября).

² Лависс Э.; Рамбо А. История XIX века: в восьми томах. Т. 7: Конец века 1870-1900. М.: ОГИЗ, 1939. С. 463.

³ Констант (С.). Фердинанд лисицата. Цар на България. София: Интерфред, 1992. С. 7-8.

⁴ Трубецкой Г.Н., князь. Русская дипломатия в 1914-1917 гг. Война на Балканах. Монреаль: Изд. Братства преп. Иова Почаевского, 1983. С. 46.

содействовавший утверждению в Болгарии позиций Австро-Венгрии, Германии и Англии в ущерб России¹.

События в Болгарии были во многом спровоцированы Веней, которая после Берлинского конгресса, стремилась к установлению своего господства на Балканах. Бисмарк, на словах признавая интересы Петербурга в Болгарии, тайно поддерживал стремление Лондона и Вены к устранению русского влияния в этом регионе². Все это противоречило духу «Союза трёх императоров», заключенного ещё в 1873 г. Александром II и Францем Иосифом, к которому позже примкнул и Вильгельм I³. Как отмечает В.В. Дегоев, скрытая цель Бисмарка заключалась «в том, чтобы возвести защитный барьер вокруг Германии, прежде всего — против Франции и тех, кто пожелает помочь ей. Такой подход не гарантировал коллективной безопасности. Более того — исключал ее»⁴.

В условиях недружественной в отношении России политики со стороны Германии и Австро-Венгрии, Александр III все более склонялся к коренному изменению характера отношений с Французской республикой. На первоначальном этапе значительную роль в сближении с ней сыграл не столько германский фактор, сколько австро-венгерская политика в Болгарии. Французская дипломатия заняла по «болгарскому вопросу» позицию солидарную с Петербургом, о чём министр иностранных дел республики Э. Флуран официально уведомил телеграммой русское правительство⁵. В 1887 г. французский посол в Петербурге П. де Лабуле на аудиенции у императора Александра III заявил, что в эти тяжелые времена «было бы очень важно, если бы Россия могла рассчитывать на Францию, как и Франция на Россию»⁶.

---

¹ Краткая история Болгарии / Литаврин Г.Г. отв. ред. М.: Наука, 1987. – 558 с. С. 258.

² История дипломатии / Потёмкин В.П. ред. Т. 2. С. 85.

³ Сборник договоров России с другими государствами. С. 228.

⁴ Дегоев В. Россия и Бисмарк. С. 129.

⁵ Documents Diplomatique Français (далее DDF) (1871-1914). 1 série (1871-1900). Paris, 1934. Т. VI. № 407. Р. 417.

⁶ Grunwald (С., de). Les alliances franco-russes. Neuf siècles de malentendus. Paris : Plon, 1965. Р. 155.

14 (26) января 1887 г. Э. Флуран задал вопрос русскому послу в Париже барону А.П. Моренгейму: «может ли Франция рассчитывать на моральную помощь России в случае германского нападения?»¹. Н.К. Гирс советовал Александру III ответить на этот вопрос очень сдержано, но царь оставил на полях депеши пометку: «Конечно, да»². В ответ на сосредоточение на Рейне в январе 1887 г. германских войск российское правительство зафрахтовало на всех железнодорожных путях вагоны для нужд армии³. При встрече с германским послом в Петербурге генералом Г. фон Швейницом Александр III заявил, что Россия не допустит разгрома Франции и не только не может обещать Германии какое-либо содействие в предполагаемой франко-германской войне, но и даже гарантировать свой нейтралитет⁴.

11 (23) июля 1891 г. в Кронштадт с дружественным визитом прибыла французская эскадра Северного флота. Вечером 15 (27) июля командующий эскадрой адмирал А. Жерве, старшие офицеры и представители французского посольства были приняты Александром III в Петровском зале Большого Петергофского дворца⁵. При исполнении «Марсельезы» царь снял форменную шапку и прослушал революционный гимн Франции с непокрытой головой, таким же образом поступил адмирал Жерве при исполнении русского гимна «Боже Царя храни!»⁶. Делясь впечатлениями от визита в Россию, Жерве отмечал: «Со вчерашнего дня я нахожусь в каком-то волшебном, удивительном сне. Так велики симпатия и внимание, оказанные нам в России»⁷. Визит французской эскадры в Кронштадт и торжественный прием на высочайшем уровне ее команды, вызвал

---

¹ История дипломатии / Потёмкин В.П. ред. Т. 2. С. 90.

² Там же.

³ Морозов Г.П. Русско-французские отношения во время военной тревоги 1887 г. // Французский ежегодник, 1959. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 266.

⁴ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. ст. М.: Изд-во «Красная новь», 1923. С. 304.

⁵ Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891-1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004. С. 23.

⁶ Hogenhuis-Seliverstoff (A.). Op. cit. P. 125.

⁷ Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. С. 21.

раздражение и озабоченность не только в Берлине и Вене, но и Лондоне. Там, усматривали опасность возникновения союза двух государств.

9 (21) августа 1891 г. Н.К. Гирс направил в Париж А.П. Моренгейму письмо, в котором поручил довести до французского правительства высочайше одобренные положения: 1. Оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру. 2. В случае, если мир окажется в опасности, и в особенности, если одна из двух сторон окажется под угрозой нападения, обе стороны улаживаются договориться немедленных и одновременных о мерах по преодолению этой угрозы¹. А.П. Моренгейм немедленно передал предложения Александра III министру иностранных дел А. Рибо, и тот в ответном письме от 15 (27) августа 1891 г. выразил свое полное согласие по всем пунктам².

Ровно через год 5 (17) августа 1892 г. начальники Генеральных штабов обеих стран, генералы Н.Н. Обручев и Р. Буадефр, подписали проект военной конвенции, которая должна было вступать в силу только в случае нападения Тройственного союза на Россию или Францию, либо одновременно на обеих. В этом случае Париж и Петербург обязывались оказать друг другу взаимную помощь всею совокупностью своих вооружённых сил³.

Изначально Франция стремилась к заключению конвенции только против Германии. Но начальник русского Главного штаба генерал от инфантерии Н.Н. Обручев настаивал на необходимости оборонительной конвенции на случай войны с одной из стран Тройственного союза. «Заручившись гарантией против самого опасного нашего врага, — писал он, — Франция могла бы в случае войны России с Австрией, возникшей хотя бы по приказу Германии, оставаться безучастной и выжидать события, что могло бы иметь для нас гибельные

---

¹ DDF. 1e série. T. VIII (20 mars 1899-28 août 1891). Annexe. — Paris, 1938. — 710 p. P. 684.

² Ibid. P. 686.

³ Валентинов Н. Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг. Вып. 2. М: Военно-историческое общество, 1919. С. 97.

последствия»¹. Император Александр III поддержал мнение генерала Н.Н. Обручева². В случае войны на два фронта, союзники должны были быстро и полностью ввести в бой свои войска, так, чтобы Германии пришлось воевать на западе и на востоке. 15 (27) декабря 1893 г. Александр III одобрил проект, подписанный начальниками штабов, и с этого момента он стал рассматриваться как окончательно принятый³. В январе 1894 г. правительства Российской империи и Французской республики обменялись ратификационными грамотами⁴.

Тайный союз с Францией не был вызван со стороны Александра III симпатией к III-й Республике. Это был шаг прагматика, понимавшего, что Франция, которая к концу XIX в. находилась в условиях полной изоляции перед лицом нового германского вторжения, неминуемо была бы вынуждена пойти на неравный договор с немцами. В этом случае Германия, уже состоявшая в союзе с Австро-Венгрией и Италией, имела все шансы вступить в союз с Англией и затем заставить примкнуть к нему Францию. В этом случае рейх становился бы самым могущественным государством Европы.

Таким образом, международное положение к моменту кончины императора Александра III, при всей кажущейся стабильности, было очень сложным. Отношения с Германией и Австро-Венгрией были не просто плохими, а почти враждебными. Такими же были отношения у Петербурга с Лондоном. Военная конвенция с Францией была полностью засекреченной⁵. Позиции на Балканах были практически утеряны: в Софии находился проавстрийский режим Фердинанда Кобурга, а в Белграде не менее проавстрийский — короля Александра Обреновича. Несмотря на тайное соглашение с Францией, Россия к

---

¹ Валентинов Н. Указ. соч. С. 97.

² Рыбаченок И.С. Путь к союзу с Францией. Эволюция взглядов генерала Н.Н. Обручева // Россия и Франция XVII-XX века / La Russie et la France XVIIIème - XXème siècles / РАН, Ин-т всеобщей истории, Центр фр. ист. исслед. /Черкасов П.П., отв. ред. Вып. 4. М.: Наука, 2001. С. 185.

³ Сборник договоров России с другими государствами. С. 282.

⁴ Дронов И.Е. Указ. соч. С. 604.

⁵ Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М.: Ин-т истории СССР, 1993. С. 17.

концу XIX столетия оказалась фактически в полуизоляции. А.В. Игнатъев полагал, что «при Александре III проявилась тенденция к изоляции России, проистекавшая как из антирусской политики западных держав, так и великодержавного курса Петербурга»¹.

В этих условиях, избранная Александром III вначале своего царствования линия на сохранение мира при одновременной жесткой позиции в отстаивании интересов России на всех направлениях, переставала быть действенной: слишком явными и опасными становились противоречия между крупнейшими державами. К 1894 г. возможность всеобщей европейской войны резко возросла. Причем, война эта грозила вылиться в выступление большей части Европы против России. Александр III в диалоге с М.Н. Катковым говорил: «Если бы война когда-нибудь возгорелась, что я считаю великим бедствием, то это будет война продолжительная, беспощадная; было бы безумно отважиться на неё, не подготовившись как нужно»².

Таким образом, вступившему на престол 20 октября (1 ноября) 1894 г. императору Николаю II в наследство досталась весьма запутанная и сложная международная обстановка, которая лишь со стороны казалась спокойной. За этим внешним европейским спокойствием, за фасадами дворцов и посольств скрыто бурлила сложная смесь противоречий, амбиций, интриг и строящихся глобальных планов. Неожиданная смерть императора Александра III 20 октября (2 ноября) 1894 г. и вступление на престол императора Николая II, которого в Европе почитали неопытным, привели в движение дипломатические круги всех европейских государств, каждое из которых надеялось повернуть Россию в свою сторону, использовать её в своих интересах.

2. Влияние мирового научно-технического прогресса и развития промышленности на внешнюю политику императора Николая II в связи с курсом на индустриализацию России. Несмотря на то, что изучение

---

¹ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 4.

² Дронов И.Е. Указ. соч. С. 576.

капитализма в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. привлекло достаточное внимание как советских, так и иностранных историков, этот вопрос по-прежнему остается проблематичным. Проблема и оценка текущего состояния капиталистической экономики России и возможных путей ее дальнейшего развития тесно взаимосвязаны. Здесь мы имеем в виду системный характер процесса исторического развития. Россия к началу XX столетия в основном оставалась аграрной страной, ее развитие как капиталистической экономики, хотя и шло быстрыми темпами, началось намного позднее, чем капитализация Великобритании, Франции и Германии. Экономика страны в значительной степени зависела от сельского хозяйства, и большинство населения было занято в сельском хозяйстве. Отсюда в конце XIX в. российская промышленность значительно отставала от тяжелой промышленности крупных западных стран. Капиталистические отношения в Российской империи укоренялись постепенно. Недавно освобожденные от крепостной зависимости крестьяне, предпочитали работать у своих бывших землевладельцев, а сами землевладельцы не были капиталистами в полном смысле этого слова, поскольку не вкладывали в производство собственный капитал. Однако к 90-м гг. XIX в. страну охватила промышленная революция. При императоре Александре III была осуществлена стабилизация и быстрые темпы развития российской промышленности, протекционистская политика правительства по отношению к отечественному производителю, совершенствование сборов налогов, строительство железных дорог. В это десятилетие происходило совершенствование экономической организации и развитие технологий производства, что привело к значительному росту рынка. Промышленный капитализм вступил в новую развитую фазу, воплощением которой стали многочисленные акционерные компании. В 1890-х гг. объем промышленного производства удвоился. Российскую империю практически миновал процесс перерождения обычного капитализма в монополистический с его раздутыми корпорациями, владеющими определенной экономической территорией, в том числе благодаря разнообразным иностранным

инвестициям. Иностранный капитал способствовал развитию транспорта, металлургии, нефтяной и угольной промышленности. В конце XIX в. иностранные предприниматели перешли к прямым инвестициям, в то время как ранее они предпочитали кредиты. Но все же участия иностранных капиталовложений в российскую промышленность явно не хватало, а сама промышленность значительно отставала от иностранной в технологических и организационных вопросах. Несмотря на вышеназванные достижения, темпы экономического роста не были достаточными для преодоления разрыва с экономиками промышленно развитых западных государств. Более того, при императоре Александре III были заложены глубокие экономические проблемы, решать которых пришлось уже в царствование императора Николая II. Н.А. Павлов полагал, что Александр III «в полное противоположение развитию капиталистического хозяйства, даёт закон 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянского надела. Этим законом крестьяне почти навсегда закрепощались к земле. Ни продать, ни купить земли, ни пользоваться где-либо кредитом с этой поры крестьяне не могли»¹. Давая этот закон, законодатель не учёл, что быстрое развитие капиталистических отношений не может не затронуть и деревню, в которой неминуемо начнётся имущественное расслоение, а значит и потребность в увеличении земельных наделов. Закон 1893 г. не давал предприимчивому крестьянину возможность получения земли, мешал росту крестьянского благосостояния, а потому делал из деревни социальную бомбу.

Промышленная революция сыграла ключевую роль в развитии капитализма ведущих европейских государств той эпохи. В конце XIX в. создаются крупные концерны в новых промышленных областях, таких как электротехника и химия. В XIX в. паровые машины сыграли ключевую роль в революционных изменениях во многих отраслях промышленности Запада. Появление паровых машин оказало глубокое влияние на производство, транспорт и сельское хозяйство, кардинально изменив эти отрасли. В

---

¹ Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Paris, 1927. С. 15-20.

обрабатывающей промышленности внедрение машин, работающих на паровой тяге, привело к значительному повышению производительности и эффективности. Появление паровых машин в XIX в. привело к глубоким преобразованиям в различных отраслях промышленности. Традиционный ручной труд постепенно вытеснялся станками, работающими на паровой тяге, на текстильных фабриках. Эти станки значительно увеличили скорость и масштабы производства. Техника на паровом двигателе произвела революцию и в сельском хозяйстве. Изобретение плуга и молотилки с паровым приводом повысило производительность сельского хозяйства и уменьшило зависимость от ручного труда. С помощью этих машин фермеры смогли обрабатывать большие площади земли, что привело к повышению урожайности и избытку продовольствия. Это новшество сыграло решающую роль в поддержании растущего населения и удовлетворении потребностей все более индустриализирующегося общества, повысило производительность, расширило транспортные сети и революционизировало методы ведения сельского хозяйства. Благодаря паровым машинам транспортная отрасль также претерпела революционные изменения. Изобретение паровоза произвело революцию в способах транспортировки людей и грузов. Железные дороги быстро распространились по континентам, соединяя огромные расстояния и обеспечивая быстрое передвижение. Это событие способствовало расширению торговли и коммерциализации производств, способствуя экономическому росту в глобальном масштабе. В конце XIX в. наступила «Эпоха электричества». Значительный рост производительности труда в промышленности был обусловлен широким внедрением новой техники и повышением квалификации рабочих. В 1892 г. американский изобретатель Т. Робинс создал конвейерную ленту, которая стала использоваться для транспортировки угля, руды и других сопутствующих материалов. Появились гидроэлектростанции (Ниагарская ГЭС в США). В 1885 г. немецкий изобретатель Р. Дизель создал более совершенный и эффективный, чем паровой, компактный бензиновый двигатель внутреннего сгорания, который позволил независимым

ремесленникам, предпринимателям и малым предприятиям конкурировать с крупными промышленными предприятиями, которые в то время в основном использовали дорогостоящие паровые двигатели. Изобретение двигателя Р. Дизеля резко увеличило спрос на нефть и стимулировало усовершенствование средств и способов увеличения её добычи и переработки. В Англии компания «Siemens» разработала регенеративный принцип утилизации отработанного тепла, который позволил значительно повысить температуру в печи. В 1863 г. французский металлург П.Э. Мартен применили этот процесс в своей печи, построенной по лицензии «Siemens», с помощью своих инженеров. В этой печи стало возможным плавить смесь чугуна иковки, чтобы получить сталь с требуемым содержанием углерода. В техническом прогрессе все большую непосредственную роль начала играть наука, в том числе фундаментальная¹.

Отставание России в технологическом и промышленном отношении от государств Западной Европы делало неизбежной необходимостью модернизацию русской промышленности, чтобы избежать ее окончательное отставание от Запада, что угрожало национальной безопасности и суверенитету России². В своем докладе государю министр финансов С.Ю. Витте доказывал: «Международное соперничество не ждёт. <...> Медленный рост промышленности может затруднить выполнение великой международной задачи России, ослабить её могущество, повлечь за собой политическую и культурную отсталость России»³. Далее С.Ю. Витте утверждал: «Создание своей собственной промышленности — это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача,

---

¹ Сурин Л.И. История экономики и экономических учений: Учебно-метод. пособие. М.: Финансы и статистика, 1998. С. 10-15.

² Братченко Т.М., Синявский А.С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2. С. 315.

³ Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте императору Николаю II о государственной росписи доходов и расходов на 1900 г. // Историк-марксист. 1935. № 2/3, С. 131–139.

которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы»¹. Время требовало скорейшей модернизации экономики, перестройки всего векового строя жизни огромной империи. В начале XX в. великий русский учёный Д.И. Менделеев писал: «Замереть России — гибель. Ограниченный рост промышленности непригоден нашему народу. Народ по здравому инстинкту сознает, что, идя помаленьку, мы никогда не догоним соседей, а надо не только догнать, но и перегнать»².

Другим убеждённым сторонником индустриального пути был бывший министр финансов, преподававший в свое время Николаю II финансы и политэкономия, Н.Х. Бунге. Своё видение развития России в XX в. он изложил в «Записке», которая позже получила название «Загробные заметки». Во многом благодаря этому политическому «завещанию» Н.Х. Бунге, Николай II поддержал программу, ориентированную на рост отечественной промышленности³. Американский генерал Н. Майлс докладывал о своей беседе с царем: «Он весьма заинтересован в развитии своей страны, особенно обширных диких пространств Сибири, условия которой очень напоминают наш собственный Запад некоторое время назад. <...> Я обнаружил, что он хорошо знаком с историей развития нашего Запада и преимуществ, принесенных туда развитием железных дорог, и он надеется последовать нашему примеру разделения незанятых земель на небольшие участки и раздачи их поселенцам, чтобы создать нацию патриотических домовладельцев, похожую на нашу»⁴.

В конце XIX в. в мировой финансовой сфере был принят золотой стандарт, который стал основой экономической стабильности. Это была денежная система,

---

¹ Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определённой программы торгово-промышленной политики империи // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1026. Л. 5.

² Менделеев Д.И. С думою о благе российском: Избранные экономические произведения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 51.

³ Степанов В.Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследование, историография, источниковедение. СПб.: Нестор-история, 2009. С. 166.

⁴ Leslie's Illustrated, 1895. Т. 90.

при которой валюта страны была напрямую привязана к золоту и обеспечивалась им. Каждая денежная единица имела определенную стоимость в пересчете на золото. Золотой стандарт обеспечивал ряд преимуществ: обеспечивал стабильность цен, способствовал развитию международной торговли, вселял уверенность в экономику. Несмотря на некоторые создаваемые им проблемы, необходимость правительствам хранить значительные запасы золота, что ограничивало их возможности свободно печатать деньги во время экономических спадов, золотой стандарт оставался ключевой чертой глобального рынка. Россия, ставившая перед собой задачи быстрого экономического роста и равноправного положения с мировыми державами, не могла игнорировать эти процессы. Денежная реформа готовилась в России достаточно долго и заняла в целом около 15-17 лет. Значительный вклад в её проведение внесли четыре министра финансов: М.Х. Рейтерн, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте, который в 1897 г. завершил подготовку реформы. Согласно этому преобразованию, Россия вслед за остальным миром, за исключением Мексики и Китая, присоединилась к золотому стандарту и перевела рубль на золотую основу. Денежный устав 1899 г. отменил серебряный рубль как основную денежную единицу Российской империи и утвердил золотой рубль. В результате денежной реформы изменилась структура денежного обращения России. На период до 1914 г. Россия получила стабильную валюту, обеспеченную золотом. Денежная реформа 1895-1897 гг. укрепила внутренний и внешний курс рубля, улучшила инвестиционный климат внутри страны и способствовала привлечению национального и иностранного капитала в российскую экономику.

Нефтяная промышленность играла важную роль в экономике Российской империи, вступившей во второй половине XIX в. на путь капиталистического развития. Российская нефтяная промышленность быстро росла и вышла на мировой рынок, став серьезным конкурентом американской нефтяной промышленности. К 1900 г. Россия добыла 632 млн. пудов нефти¹. Однако у

---

¹ Манько А. Из истории экспорта нефтепродуктов // Нефтяное хозяйство. 2000. № 1. С. 38.

России не было своих сильных банков, способных финансировать нефтедобычу, ни нефтедобывающих компаний с соответствующим оборудованием. Тем временем, в России всё больше осознавалась важность нефти как энергоресурса. Поэтому привлечение иностранного капитала в русскую промышленность вообще, а в нефтедобывающую, в частности, способствовало их развитию. Но это привлечение иностранного капитала, вовсе не обозначало зависимость от него русской экономики. По совету С.Ю. Витте и Д.И. Менделеева император Николай II издал в 1896 г. указ об ограничении экспорта сырой нефти с целью развития собственной промышленности: 94% всей нефти перерабатывалось внутри страны, а экспорт составлял лишь 12 % от всего объёма производства¹. В начале XX в. Россия ежегодно экспортировала свыше 50 млн пудов нефтепродуктов (керосина и осветительных масел)². Нефть из Баку шла на переработку в центральные районы России, стимулируя развитие всех видов транспорта. В 1900-х гг. качество русских машинных масел и других продуктов нефтепереработки было лучшим в мире. К началу XX в. ведущая отечественная нефтяная компания «БраНобель» начала экспорт нефтепродуктов (керосина, масел, бензина) в Европу. В начале XX в. Россия ежегодно экспортировала свыше 50 млн. пудов нефтепродуктов (керосина и осветительных масел). В 1900 г. Россия добыла 632 млн. пудов нефти. Наибольшее количество керосина Россия вывезла в 1904 г. — 85,1 млн. пудов³.

Политика протекционизма - государственной поддержки российского предпринимательства, государственного вмешательства в экономику в разумных пределах - дала очевидные положительные результаты, выведя Россию по уровню и, особенно, по темпам промышленного развития в ряды мировых лидеров⁴. Начало XX в. стало периодом активного перекаривания мира

---

¹ Кононкова Н.В. Государственно-правовое регулирование иностранного предпринимательства и инвестиционной деятельности в Российской империи // Вестник АМГУ. 2013. № 58. С. 37.

² Манько А. Указ. соч. С. 39.

³ Манько А. Указ. соч. С. 39.

⁴ Братченко Т.М., Синявский А.С. Указ. соч. С. 323.

ведущими мировыми державами. Для императорского правительства важнейшей задачей было создать такие условия в Европе, которая смогла бы дать России возможность развивать свою экономику. Такими условиями были мир и спокойствие в Европе, а также привлечение иностранных капиталов. Этого можно было достичь, только ведя диалог с правительствами всех ведущих держав мира. Необходим был прорыв в отношениях с ними, выход из полуизоляции Российской империи.

3. Разворот внешней политики на Восток. Важнейшей задачей для России было восстановление своего влияния на Балканах, так как от этого во многом зависело её возможность утвердиться в Черноморских проливах. Решительно противодействие европейских дипломатий планам Николая II по захвату Босфора русским флотом в 1896 г., убедительно показал, что для России политического решения овладения проливами в той политической ситуации не существует. Цели, которых Россия добивалась при Александре II и Александре III, утверждение своего главенства на Балканах, овладение черноморскими проливами, в сочетании в противодействии Австрии и Османской империи в Южной Европе, а Англии и Франции — на Ближнем Востоке, неминуемо были сопряжены с большой общеевропейской войной, к которой Россия не была готова, и которой противились убеждения царя. К тому же обладание Босфором и Дарданеллами открывало для России лишь «форточку» в мировой океан, «двери» которого были заперты в этом регионе «английскими затворами». Петербургу было ясно, что без сохранения status-quo на Балканах проливы могут перейти под контроль Англии или Австро-Венгрии.

Между тем, развитие Сибири, Дальнего Востока и активная политика в Китае и Корее, обеспечивала России мирный выход к незамерзающим морям и в мировой океан. В условиях быстрого усиления в Дальневосточном и Азиатском регионах ведущих европейских держав, Россия не могла не стремиться к их опережению на этих направлениях геополитического влияния. С началом проникновения России в Китай, закрепление ее в Маньчжурии и усиление в

Корее, начинается усиленное ей противодействие со стороны Лондона и Токио. В этих условиях, царская дипломатия делала всё, чтобы с одной стороны избежать военного столкновения с Японией и стоящей за ней Англией, а с другой добиться от великих держав признания русских интересов в Маньчжурии и Корее. Из-за этого политика Петербурга по маньчжурскому и корейскому вопросу, носила часто противоречивый характер, создавая впечатление слабости и нерешительности. Это еще больше усиливало стремление Японии силой овладеть Кореей и Маньчжурией, полностью вытеснив Россию из этих регионов. Лондон и Вашингтон, каждый из-за своих интересов, всячески поощряли Токио, оказывая ему всяческую военную и финансовую помощь. Япония и, стоящие за ней Англия и США, отвергли все мирные русские инициативы, и начали войну с Россией, для которой война началась в целом при неблагоприятных внешнеполитических условиях.

4. Первая русская революция, реформа государственного управления и их влияние на внешнеполитическое ведомство. Революция 1905-1907 гг., следствием которой стало изменение государственно-политической системы Российской империи, была вызвана не только внутренними, но и внешними причинами. Социальное недовольство и напряжённость были умело использованы некоторыми политическими кругами иностранных государств для попытки устранения России как опасного промышленного конкурента, для чего они финансировали российские революционные группировки и оппозицию. Здесь, конечно, нельзя не отметить роль спецслужб Японии, делавших ставку на поддержку революции в России и установивших тесный контакт с финляндскими оппозиционерами, эсерами, польскими сепаратистами и большевиками¹. Осенью 1904 г. на средства, выделенные резидентом японской разведки М. Акаси, была профинансирована объединенная конференция российских оппозиционных сил, прошедшая в Париже и принявшая резолюцию о свержении самодержавия. На встречах с лидерами российской революционной эмиграции Акаси настаивал на

---

¹ Уткин А. Японский Бен-ладен // Литературная газета, 2004. № 19 (5972).

организации вооруженных повстанческих отрядов численностью до 100 тыс. человек. Японское правительство готово было вооружить эти отряды и снабдить их всем необходимым¹.

Угроза превращения России в энергетически передовую державу вызывала сильную обеспокоенность промышленных кругов Запада, прежде всего США и Великобритании. В 1904 г. в разгар русско-японской войны на нефтяных приисках Баку шли забастовки рабочих. Известный азербайджанский политолог Т. Атаев, опираясь на исторические источники, полагает, что за кулисами этих беспорядков стояли английские и американские нефтяные конкуренты России, компании «Shell Transport and Trading Company» и «Standard Oil», действовавших руками революционеров и кавказских сепаратистов². В результате бакинских беспорядков 1903-1905 гг. две трети от общего числа нефтяных вышек было уничтожено, а экспорт оказался сведен к нулю.

Большой проблемой для русского правительства стала борьба с незаконным ввозом из-за границы оружия, предназначенного для революционеров. Оружие завозилось в основном через Финляндию. 24 ноября 1905 г. великий князь Николай Николаевич докладывал царю: «Донесения наших военных агентов за границей устанавливают существование тайного ввоза оружия в Империю через Финляндию, принявшего за последние месяцы массовый характер»³. Император Николай II писал вдовствующей императрице: «Вооружение у подлецов отличное — английское и швейцарское. Морская граница у нас длинная и охранять её от ввоза оружия крайне трудно»⁴.

В условиях растерянности и паники, которая усугублялась всеобщей забастовкой и революционным террором, император Николай II был вынужден

---

¹ Павлов Д. Указ. соч. С. 186.

² Атаев Т. Год 1905-й. Пожары на бакинских промыслах. Электронный ресурс. Режим доступа // <http://www.e-minbar.com/researches/pozhary-na-bakinskih-promyslah> (вход 02.08.2024).

³ О запрещении хранения, продажи и ввоза из-за границы огнестрельного оружия // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 85. Л. 1-5.

⁴ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне. 15 декабря 1905 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 28.

пойти на глубокое изменение государственно-политической системы России. Манифестом 17 (30) октября 1905 г. были провозглашены основные политические и гражданские свободы, учреждена Государственная дума. Серьезная модернизация политического устройства Российской империи в годы Первой русской революции, связанная с введением представительских учреждений, обновленного Совета министров, появлением политических партий, расширением гражданских свобод, способствовала значительному усложнению всего процесса функционирования внешнеполитического механизма и, по сути, предопределила неизбежные изменения в самой консервативной сфере управления¹. Революционные настроения не обошли стороной, казалось бы, далёкое от внутренней политики Министерство иностранных дел. 28 декабря 1905 г. (10 января 1906 г.) по министерству был разослан циркуляр № 31 министра В.Н. Ламздорфа, который сообщал: «Недопустимо, чтобы должностные лица, получающие полномочия от Государственной власти и действующие в силу её поручений, являлись скрытыми врагами существующего государственного порядка, противодействовали начинаниям Правительства и поддерживали враждебные ему стремления. <...> Правительство не потерпит на службе чиновников, оказывающих противодействие его видам и неповинующихся законной власти»².

События «Кровавого воскресенья» 9 (22) января 1905 г. в Петербурге вызвали в Европе сильное возмущение. Посланник в Брюсселе Н.Н. Гирс докладывал В.Н. Ламздорфу 11 (24) января 1905 г.: «Вчера вечером произошла перед домом Императорской миссии довольно шумная манифестация. Около ста человек явились процессией, стучали дубинами в ворота и ставни дома, крича неистово: «убийцы, убийцы»³. В тот же день в Триесте толпа рабочих-социалистов

---

¹ Кустов В.А. К вопросу о трансформации внешнеполитического механизма Российской империи в годы Первой русской революции // Современная научная мысль. 2018. С. 75-80. С. 76.

² Циркуляр по ведомству МИД. 1905, № 31. 28 декабря. Санкт-Петербург.

³ Деша посланника в Брюсселе Н.Н. Гирса. 11/24 января 1905 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М.: Госиздат, 1925. Т. 2 (9). С. 33.

подошла к зданию русского консульства и произвела враждебную России демонстрацию, выкрикивая лозунг «Долой самодержавие!»¹.

Как указано выше, революция и реформа государственного управления внесли заметные коррективы в руководство внешней политики Российской империи. С появлением реального правительства в лице Совета министров, заметно возросла роль министра иностранных дел, который, несмотря на свое полное подчинение монарху, тем не менее, получил от того гораздо большую самостоятельность и свободу действий. Кроме того, в условиях стремительно развивающейся научно-технической революции, появления телефона, телеграфа и радио, качественное увеличение потока поступающей информации от послов, дипломатических представительств и департаментов МИДа, Николай II чисто физически уже не мог, как его отец и дед, не говоря уже о Николае I и Екатерине II контролировать все вопросы внешней политики. С появлением представительских учреждений Государственной думы и Государственного совета возросла роль и Министерства иностранных дел, которое в той или иной степени становилось более открытым для общества, вынужденное сотрудничать с Государственной думой по вопросам бюджета, открытия дипучреждений, защите русских подданных за границей и т.д.

К лету 1905 г. Россия фактически вновь оказалась в международной изоляции, так как с отставкой французского министра иностранных дел Т. Делькассе будущее союза с Францией было весьма туманным. Осенью 1904 г. Париж стал местом проведения конференции российских оппозиционных и революционных сил, а после событий 9 января 1905 г. в Петербурге – центром антицарской пропаганды.

29 апреля (12 мая) 1904 г. Россия подписала в Париже контракт о займе на 800 млн. франков (300 млн. рублей), которые пошли на нужды войны².

---

¹ Донесение консула в Триесте барона К.К. Кистера 11/24 января 1905 г. // Красный Архив. М.: Госиздат, 1925. Т. 2 (9). С. 34.

² АВПРИ. Ф. Секретный архив, 1904 г. Д. 224/225. Л. 60.

Революция привела к большим дополнительным затратам. Русской просьбе о новом займе в размере 300 млн. рублей Париж отказал в довольно оскорбительной форме: Франция недвусмысленно давала понять Николаю II, что война с Японией надо заканчивать¹. Лондон и Париж готовы выделить России заём, но только после окончания войны и только при двух условиях: если политическая позиция в отношении к Англии перестанет быть враждебной, а в России установится порядок «способный внушить доверие»².

5. Международные отношения в преддверии Первой мировой войны. К 1911 г. Россия вполне оправилась после русско-японской войны и революции. Хотя оставалось немало нерешённых проблем, русская экономика уверенно шла вперёд, претендуя за 10–15 лет выйти в мировые лидеры по многим отраслям. В этих условиях война для России была особенно опасной и ненужной. Поэтому стало возможным англо-русское сближение, закончившееся соглашением 1907 г., которое «царская дипломатия воспринимала только как элемент «политики неприсоединения и лавирования между двумя блоками держав»³. Русско-английская договорённость 1907 г. была вызвана стремлением обоих государств разграничить сферу влияния в Азии и договориться о взаимовыгодных уступках в других регионах. Причиной того, что и в России, и в Англии пришли к выводу о необходимости такого сближения, стало упорное стремление рейха проникнуть в геополитические регионы, представляющие исключительный интерес, как для Англии, так и для России. Боснийский кризис 1909 г. стал тревожным сигналом для России. Николаю II стало ясно, что Австро-Венгрия и стоящая за ней Германия, твёрдо встали на путь эскалации военной напряжённости. «После Боснийского кризиса, и военным, и дипломатам, и царскому правительству было

---

¹ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 366.

² Там же.

³ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. С. 50.

ясно, что Германия никогда не допустит войны один на один России и Австро-Венгрии, и царским войскам придётся противостоять армиям обоих государств»¹.

Для успешного развития русской экономики требовался контроль над Проливами, сохранение влияния в Персии и, по возможности, возвращение утраченных позиций в азиатском регионе. Николай II был готов вести дипломатическую борьбу за решение этих проблем. Он помнил, что его мирное продвижение на Восток было прервано негласной коалицией Англии, США и Японии, приведшей к нападению Японии на Россию. Главный урок, какой Россия вынесла из дальневосточной войны, заключался в том, что решение любой геополитической проблемы, должно осуществляться путём договоров с другими государствами о разделе сфер влияний. Эта дипломатия принесла свои плоды с Англией, конфронтация с которой сменилась отношениями, при которых возможно было обсуждение и решение спорных вопросов между Петербургом и Лондоном. Такой же договорённости Николай II хотел достичь и с Германией, войну с которой он считал особо опасной и губительной. По большому счёту, всё чего хотел император от Берлина – это отказ от поощрения австро-венгерской экспансии на Балканах и соблюдение приоритетных прав России в Проливах и Персии. Немцы, чьё торговое присутствие в Персии постоянно росло, были заинтересованы в согласии России на продолжение строящейся ими ветки Багдадской железной дороги в Персию. Германцы добивались от русского правительства строительства соответствующего участка дороги на персидской территории. Николай II был готов пойти навстречу немецким торговым интересам, хотя России, конечно, не было выгодно строить в Персии железную дорогу, которая помогала бы проникновению в страну опасных конкурентов: Англии и Германии. Однако опасность конфронтации с Германией перевешивала по мнению царя коммерческие потери России в Персии².

---

¹ Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. М.: Наука, 1974. С. 79.

² Казем-Заде Фируз. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 45.

Как писал С.Д. Сазонов: «Русскому правительству необходимо было, прежде всего, обезвредить Германию на долгий срок путём возможных уступок в области её экономических интересов. Положение её было довольно выигрышное, и нам трудно было удержаться на почве экономической монополии Северной Персии. Надо было сохранить, главным образом, в неприкосновенности наше политическое положение в Тегеране и добиться его официального признания со стороны Германии, что было недостижимо без соответственных уступок»¹. Николай II был готов также гарантировать кайзеру нейтралитет России в случае войны рейха с Англией.

В России все здравомыслящие люди не хотели войны с Германией. 22 февраля (6 марта) 1911 г. французский посол Ж. Луи в своем дневнике отмечал, что русское правительство «желает сохранять отношения, как с Германией, так и с Антантой. Все считают, что надо быть в хороших отношениях с Германией, чтобы Россия могла свободно посвятить себя внутреннему развитию»².

Между тем, сама Германская империя к 1914 г. изнывала под тяжестью военных налогов. колоссальные финансовые затраты на вооружения сделали Германию заложницей войны. В начале 1908 г. военный агент в Берлине полковник А.А. Михельсон докладывал в ГУГШ, что «к весне 1909 г. Германия будет совсем готова к войне и ей выгодно будет её начать, чтобы использовать свою армию, содержание которой, вместе с постройкой новых судов, стоит Германии таких огромных денег, что не далеко то время, когда дальнейшее развитие её станет не под силу стране, обременённой тяжёлыми налогами»³. Так как Россия не давала поводов для нападения, поэтому Германия, начиная с конца 1912 г., этот повод лихорадочно искала. Изучение совокупности источников приводит к выводу, что Россия войны не хотела и делала всё возможное, чтобы её избежать, а Германия к ней стремилась, долгие годы вынашивала планы

---

¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. С. 32.

² Les carnets de Georges Louis. Т. 1. 1908-1912. Т. 1. Р. 168.

³ И.Л. Татищев — императору Николаю II. 19 марта (1 апреля) 1909 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(2). Л. 18.

мировой гегемонии и считала наилучшим моментом для осуществления этих планов 1914 г. Мощный промышленный подъём Российской империи, развитие её армии и флота, не могли не волновать главного претендента на мировое господство – кайзеровскую Германию и подконтрольную ей Австро-Венгрию. Именно 1913 г. стал периодом дипломатической подготовки германским блоком войны против России.

С другой стороны, к 1914 г. создания единого блока России, Франции и Англии так и не произошло. Лондон, несмотря на все свои заверения, так и не взял на себя никаких военных обязательств перед Россией и Францией. В начале 1913 г. посланник Объединённого комитета еврейских политических организаций Р.М. Бланк, участвовавший в заседании межпарламентской организации в Париже, узнал от французского сенатора д'Эстурнель де Константа, что Англия в случае войны России и Франции против Германии не будет в ней участвовать¹. Единственным союзником России продолжала оставаться Франция. Впрочем, и этот союзник был ненадёжен. В случае начала новой войны на Балканах и вмешательства в неё России не было никакой уверенности, что Франция окажет России военную помощь, даже если бы в войну вступила Германия. Во Франции постоянно давали понять, что условия русско-французской конвенции подразумевают вмешательство союзников только в случае нападения Германии или Австро-Венгрии на одного из них. Поэтому Россия находилась в чрезвычайно опасном положении. Ей нужно было любой ценой сохранить мир на Балканах, что означало сохранение мира в Европе, и гарантировало бы мир самой России.

Субъективные факторы.

1. Степень подготовленности императора Николая II к царствованию и руководству внешней политикой. Распространённое мнение, что Николай II при своем вступлении на престол был совершенно неопытен в делах государственного управления, является явным преувеличением. С 1889 г.

---

¹Бланк Р. Германцы против англичан // Вестник Европы. 1914. С. 267.

будущий император участвовал в работе Государственного совета, был членом Комитета министров, а в 1892 г. вошёл в состав комитета финансов. 10 (22) декабря 1892 г. рескриптом Александра III цесаревич возглавил Комитет Сибирской железной дороги (по строительству Транссиба), а 17 (29) ноября 1891 г. по высочайшему распоряжению возглавил Особый комитет для организации помощи голодающим центральных губерний России. Среди его членов были генерал-адъютант П.М. фон Кауфман, К.П. Победоносцев, М.Н. Островский, И.Н. Дурново, генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков, гофмейстер граф С.А. Строганов, В.К. фон Плеве¹. Таким образом, ещё будучи цесаревичем, Николай Александрович близко познакомился с ведущими государственными чиновниками, некоторых из которых, он, став императором, назначил на высокие государственные посты. Большое путешествие наследника цесаревича на Восток (1890-1891) носило не только познавательный характер. В ходе этого турне Николай Александрович встречался с видными иностранными государственными деятелями, монархами, представителями колониальных властей. Когда в сентябре 1894 г. стало ясно, что император Александр III умирает, цесаревич занялся всеми текущими делами управления государством. 14 (26) октября 1894 г. В.Н. Ламздорф занес в свой дневник, что наследник престола с момента резкого ухудшения здоровья государя, взял на себя вскрытие поступающей из Петербурга на высочайшее имя корреспонденции и ответ на основную ее часть². Великий Князь Константин Константинович в своем дневнике отмечал: «Отец Янышев спрашивал умирающего Государя, говорил ли он с Наследником? Государь ответил: нет, он сам все знает»³. Таким образом, уровень подготовки императора Николая II к моменту его вступления на престол был совсем не ничтожным, хотя практического опыта государственного

---

¹ Кривошеин Н.В. Голод 1891-1892 гг. и тамбовская миссия графа А.А. Бобринского // Записки ЛОКО. Вып. V. Липецк, 2006. С. 128.

² Ламздорф В.Н. Дневник, 1894-1896 / Бовыкин В.И. общ. ред. и пред.; Дьяконова И.А. перевод с фр., нем. и англ., введ., состав. и комм. М.: Международные отношения, 1991. С. 73.

³ Дневник великого князя Константина Константиновича за 1894 г. Запись за 7 декабря // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 312.

управления у него было явно недостаточно, а по некоторым вопросам не было вообще. Это касалось, прежде всего, внешней политики, четкого курса которой молодой царь не имел. Когда министр Н.К. Гирс попросил Николая II об отставке, тот приказал не поднимать этого вопроса: «Я ничего не знаю. Покойный Государь не предвидел своего конца и не посвящал меня ни во что»¹. Неудивительно, что в начальный период царствования Николая II товарищ министра иностранных дел Н.П. Шишкин замечал, что у него «нет ещё устойчивости во мнениях», а военный министр генерал от инфантерии П.С. Ванновский сетовал, что царь «советуется с дедушками, тётушками, мамёнкой и всякими другими: он юн и поддается взгляду последнего с ним говорившего»². Однако, частые обращения царя за советами к людям опытным в деле государственного управления, вполне, кстати говоря, естественные в его положении, вовсе не означали, что он всегда им следовал. Николай II с первых дней активно интересовался вопросами внешней политики и имел своё видение её целей и задач. В.Н. Ламздорф передавал сказанные ему слова Н.К. Гирса о Николае II: «очень умный, любезный, сметливый»³, являющимся «единственным руководителем внешней политики»⁴. В.Н. Ламздорф 25 ноября (8 декабря) 1895 г. отмечал: «Наш молодой монарх начинает читать бумаги более трезво и с некоторым интересом»⁵. А.В. Игнатъев отмечал, что, хотя «новый император был неглуп, довольно образован, владел тремя главными европейскими языками, но «практическим опытом управления он не обладал. Отец не привлекал его к решению международных вопросов»⁶. В первое время император Николай II избегал каких-либо новаций и следовал рекомендациям министров и советам

---

¹ Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С. 85.

² Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С. 405.

³ Там же. С. 85.

⁴ Игнатъев А.В. Внешняя политика России. С. 26-27.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 3.

близких родственников¹. Николай II был досконально знаком со всеми важными депешами и посланиями своего дипломатического корпуса².

Николаю II не хватало опыта и знаний не столько в деле государственного управления, сколько в тонкостях и особенностях государственно-административной системы Российской империи. Когда же Николай II стал их постигать, то стали выясняться её крупные недостатки. А.Н. Боханов утверждает: «С первых же месяцев по восшествии на престол Николай II убедился, что единого координирующего органа административной власти нет. Каждый министр вёл свою политику, и очень часто рекомендации и желания главы одного ведомства прямо противоречили тому, что предлагал другой»³. Для того, чтобы постичь вопросы управления и выяснить истинное положение дел в различных отраслях хозяйства империи, Николай II начал практиковать создание «междуведомственных» комиссий и проводить небольшие совещания, на которых председательствовал сам. На них обсуждались различные общие вопросы, и молодой государь внимательно выслушивал аргументы и доводы сановников, имевших за спиной многолетний административный опыт⁴. Возникла и другая проблема, которую генерал А.А. Мосолов обрисовал в следующих словах: «Государь вступил на престол 26 лет, когда характер его ещё не сложился окончательно и когда он по недостатку опыта еще не приобрел навыка понимать людей»⁵. Первые месяцы своего царствования Николай II по кадровым назначениям советовался со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая долгие годы находилась рядом с Александром III и, конечно, хорошо знала окружавших его людей. С.Ю. Витте отмечал: «Так как император Николай II не был посвящен во все дела, а потому в большинстве случаев не мог знать ни мнений своего покойного отца, ни его

---

¹ Там же.

² Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893-1922. Минск: Харвест, 2003. С. 45.

³ Боханов А.Н. Последний царь. М.: Вече, 2006. Серия: Царский дом. С. 118.

⁴ Боханов А.Н. Последний царь. С. 118.

⁵ Мосолов А.А., генерал. При дворе последнего императора. СПб: Наука, 1992. С. 90.

оценки различных лиц и различных обстоятельств, то единственным источником в этом отношении ему служила его Матушка»¹. В документах о первых кадровых решениях Николая II мы можем нередко встречать свидетельства о его советах с матерью, в том числе и по вопросам внешней политики.

Так, 26 декабря 1894 г. (7 января 1895 г.) Николай II не знал кого назначить новым послом при германском императоре: «До сих пор моя Мать и я, — писал Николай II Н.К. Гирсу, — колебались между выбором князя Лобанова и князя Н. Долгорукого. Теперь опять нахожусь в полном сомнении»². Царь сообщал Н.К. Гирсу: «Остен-Сакен мне кажется не у места на таком важном посту. Надо бы всё-таки иметь ввиду кого-нибудь из военных»³. Гирс в деликатной форме убеждал Самодержца в том, что вряд ли после посла генерала графа П.А. Шувалова, смещенного 13 декабря 1894 г., будет целесообразно назначать снова военного⁴. Министр советовал назначить послом князя А.Б. Лобанова-Ростовского⁵. 30 декабря 1894 г. (11 января 1895 г.) государь снова писал Н.К. Гирсу по поводу назначения посла в Берлин: «В эти дни я много думал и часто говорил с моею Матерью о выборе преемника графа Шувалова на ответственный и трудный пост нашего представителя при германском дворе. Теперь я окончательно решил назначить на это место князя Лобанова-Ростовского, потому что и Ваше мнение о нём для меня весьма ценно»⁶. Хотя это назначение было сделано, в том числе, и по совету Н.К. Гирса, старый и чуткий дипломат хвалит за такое решение

---

¹ Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 2. С. 28.

² Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику № 244. Император Николай II — Н.К. Гирсу // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 78.

³ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику № 244. Император Николай II — Н.К. Гирсу // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 72.

⁴ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику № 244. Н.К. Гирс — императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 72.

⁵ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику № 244. Н.К. Гирс — императору Николаю II. 22 декабря 1894 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 72.

⁶ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику № 244. Император Николай II — Н.К. Гирсу 13 декабря 1894 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 79.

молодого царя¹. 14 (26) января 1895 г. после долгой и продолжительной болезни Н.К. Гирс скончался. Он стоял у истоков почти всех главных внешнеполитических начинаний императора Александра III. О многом министр не успел сообщить молодому государю, и тот о многих внешнеполитических делах своего предшественника прибывал в неведении. Однако представляется, что эта неосведомлённость была вызвана не только порядками делопроизводства. Руководящий сотрудник МИДа граф В.Н. Ламздорф в своём дневнике оставил следующую запись: «... странным является мое положение в данный момент, мои секретные архивы содержат все тонкости политики последнего царствования. Ни молодой Государь [Николай II], ни почтеннейший Шишкин, назначенный временно управляющим Министерством иностранных дел, не имеют ни малейшего представления о документах, доверенных в последние годы исключительно и совершенно бесконтрольно мне... Я оказался исключительным обладателем государственных тайн, являющихся основой наших взаимоотношений с другими странами»². Следует отметить, что в дальнейшем, Николай II уделял особое внимание шифрованию и перлюстрации документов, касающихся внутренней и внешней политики³. В этом, он отличался от своего отца, который, вступив на престол, сказал о «секретной экспедиции»: «Мне этого не нужно» и отказывался читать выписки из писем, добытые перлюстрацией⁴.

Период 1901—1903 гг. стал важным этапом в становлении императора Николая II как государственного деятеля. К этому времени он уже приобрёл важный опыт управления, избавился от мучительных колебаний в правильности принятия каждого решения. Время и приобретённый опыт избавили Государя от влияний некоторых близких ему людей, включая вдовствующую императрицу и

---

¹ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику № 244. Н.К. Гирс — императору Николаю II 31 декабря 1894 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 43.

² Ламздорф В.Н. Дневник. 1894—1896. С. 133-134.

³ Семенов В.Н. К истории создания шифровальной службы МИД России // Дипломатический вестник. 2001. № 4. С. 164—166. С. 164.

⁴ Соболева Т. История шифровального дела в России. М.: Олма-пресс-образование, 2002. Серия: «Досье». С. 293.

августейших дядьёв. По словам самого императора, он к 1903 г. «стал забирать силу»¹. И.В. Зимин пишет, что «Николай II достаточно быстро адаптировался, пытаясь копировать стиль отношений отца со своими приближёнными»². Л.А. Тихомиров писал в своём дневнике в 1902 г.: «Говорят, Государь стал действовать очень самостоятельно и даже резко. Должно быть, надоели и ему интриги министров. Немудрено. На эту самостоятельность и неуступчивость жалуется и Витте, приписывая, однако всё это каким-то неведомым влияниям. Никаких влияний, однако, никто не знает»³. Н.А. Павлов отмечал, что «все попытки влияния на Государя были безуспешны»⁴. Николай II мягко, но уверенно отстранил К.П. Победоносцева от влияния на государственные дела. Много говорили о «влиянии» на государя князя В.П. Мещерского. Однако, по меткому выражению Е.В. Тарле, «Мещерский, как и всякий без единого исключения человек, которому приписывалось “влияние” на императора Николая II, “влият” на него лишь вплоть до той минуты, пока говорил и делал то, чего желал Николай»⁵.

Дипломатия императора Николая II. А) Династическая. В конце XIX — начале XX вв. большинство европейских государств являлись монархиями, а сами монархи в большой степени — родственниками. В Российской империи, начиная с Петра Великого, цари женились на иностранных принцессах. До вступления на престол императора Александра III, женатого на принцессе Датской Марии Софии Фредерике Дагмаре, в основном это были представительницы из немецких протестантских владетельных домов. При императорах Александре I, Николае I и, в известной степени, при Александре II, немецкие государи признавали в императоре всероссийском своего верховного покровителя и защитника,

---

¹ Куропаткин А.Н. Дневник А.Н. Куропаткина. Нижполиграф, 1923. С. 88.

² Зимин И. Царская работа. XIX — начало XX века. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М., СПб: Центрополиграф; Русская тройка-СПб, 2011. С. 97-98.

³ Цит. по: Фомин С.В. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...». М.: Форум, 2008. С. 140.

⁴ Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Paris, 1927. С. 65.

⁵ Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 5. С. 536.

который, к тому же, был еще их родственником или свояком. Большинство великих княжон выходили замуж за представителей династий этих германских государств. Так, дочери Павла I, сестры Александра I, были замужем: великая княжна Елена Павловна за принцем Ф.Л. Мекленбург Шверинским, великая княжна Мария Павловна — за герцогом К.Ф. Саксен-Веймарским, Екатерина Павловна — за принцем Г. Ольденбургским, а после его кончины — за королем Вюртембергским Вильгельмом I. Две великие княжны Ольга Павловна и Александра Павловна, выданные замуж за короля Нидерландов и за эрцгерцога Австрийского. Последнее выглядит особенно необычно, так как в династической практике Династии Романовых действовал негласный запрет на браки с католиками. При императоре Николае I практика родства с германскими протестантскими владетельными домами продолжилась. Сам император был женат на принцессе Прусской Фридерике Луизе, в православии императрице Александре Федоровне, наследник престола, будущий император Александр II — на принцессе Максимилиане Вильгельмине Гессенской, в православии императрице Марии Александровне. Дочери Николая I были замужем: за королем Вюртемберга Карлом I (Ольга Николаевна) и принцем Фридрих Вильгельм Гессен-Кассель (Александра Николаевна). Разумеется, все династические браки носили прежде всего политический характер. Александр I и его брат Николай I рассматривали германские государства как наиболее надежных союзников, во многом зависимых от Российской империи. Но уже в царствование Александра II немецкая брачная линия начинает прерываться. Вызвано это было опять-таки меняющейся политической обстановкой. Начатый с 1871 г. рост могущества объединенной Германской империи с ее агрессивной политикой отразился и на династической политике Александра II. Для своего сына цесаревича Николая Александровича он выбирает датскую принцессу Марию Софию Дагмару, которая после преждевременной кончины жениха от менингита в 1865 г., стала сначала невестой, а затем и женой цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III. Свою единственную дочь великую княжну

Марию Александровну император выдал замуж за сына английской королевы Виктории принца Альфреда Саксен-Кобург-Готского. Таким образом, во второй половине царствования Александра II между Россией и Германией явно обозначился не только политический и военный, но и династический разрыв. Император Александр III не хотел его возобновлять. Царь по политическим соображениям предполагал женитьбу своего старшего сына Николая на дочери претендента на французский престол графа Парижского Луи Филиппа Альбера Орлеанского¹. Помолвка и свадьба императора Николая II на принцессе Алисе Гессен-Дармштадтской, в православии императрице Александре Федоровне, смогли состояться исключительно из-за проявленного упорства Николая Александровича и их взаимной любви.

Династические брачные союзы XVIII — начала XIX вв. сами по себе практически никак не влияли на внешнюю политику России в отношении тех государств, с монархическими родами которых заключались эти брачные союзы. Александр I и Николай I рассматривали Пруссию или Вюртемберг как своих верных союзников и потому спешили закрепить с их династиями матримониальные связи. При этом, при петербургском дворе не было «прусской» или «вюртембергской» партий. В царствование Александра III ситуация несколько изменилась. Императрица Мария Федоровна, еще будучи цесаревной, всячески пыталась защищать датские интересы, также как и интересы своего отца короля Кристиана IX. Александр III, по свидетельству современников, не раз выговаривал своей супруге: «Сколько я раз говорил тебе, не вмешивайся в государственные дела»². После вступления на престол ее старшего сына Николая II, Мария Федоровна рассчитывала, что сможет оказывать на него сильное влияние, как в вопросах внешней, так и внутренней политики. Причем, она рассчитывала активно отстаивать датские интересы. Австро-венгерский

---

¹ По этому поводу см: Мультиатули П.В. Император Николай II. Трагедия непонятого самодержца. М.: Вече, 2020.

² Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М.: Журн. «Наше наследие»; Гос. фирма «Полиграфресурсы», 1996. С. 194.

посланник в Петербурге барон А. фон Эренталь докладывал в Вену: «Благодаря часто повторяющимся визитам в Копенгаген, императрица, как известно, в определенной мере подвержена влиянию скандинавского мнения»¹. Особенно это «скандинавское влияние» проявилось у Марии Федоровны в вопросе интеграции Великого Княжества Финляндского в общий государственный организм Российской империи, которое в 1898-1904 гг. осуществлял Николай II и назначенный им финляндским генерал-губернатором Н.И. Бобриков. Особый статус Великого Княжества по сравнению с другими регионами империи, создавал предпосылки для возникновения сепаратистских настроений у финляндской политической элиты, которые были вызваны экономическими интересами финляндской буржуазии, в основном шведского происхождения. Финляндские коммерсанты, благодаря существующей таможенной «вилке», закупали сырье в империи по «внутренним» ценам, а перепродавала его на Запад по «внешним» европейским ценам безо всяких пошлин. Сепаратистские процессы в Финляндии набирали обороты. Продолжалось вытеснение русских из всех сфер общественной жизни Великого Княжества. На территории Княжества действовали самостоятельные воинские формирования, которые к началу XX в. насчитывали 100 тыс. человек, притом, что процент русского населения в Финляндии был не более 0,2%. Н.И. Бобриков изложил Николаю II свою программу действий: объединить финляндскую армию с Российской; упразднить статс-секретариат Великого Княжества; кодифицировать финляндские законы; перевести на русский язык деятельность сената, учебных заведений и администрации; предоставить российским подданным возможность служить в учреждениях Великого Княжества без ограничений; упразднить особые таможенное и финансовое ведомства; учредить официальную правительственную русскую газету². Николай II поддержал программу Н.И. Бобрикова и этим вызвал

---

¹ Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898-1904. СПб: Европейский дом, 1997. С. 209.

² Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб.: Товарищество Р. Голикса и А. Вильборга, 1905. С. 68.

негодование не только финляндцев, но и т.н. «шведской партии» при петербургском дворе. Ярким представителем «шведской» партии был князь Г.Д. Шервашидзе, состоявший при Марии Феодоровне обер-гофмейстером. Как вспоминал генерал А.Н. Куропаткин: «Князь Шервашидзе, состоявший при Государыне, горячо нападал на существующие порядки в России, <...> особенно нападал на утеснения в Финляндии»¹. Г.Д. Шервашидзе был в тесных контактах с С.Ю. Витте. Под их влиянием Императрица-мать в письмах к сыну называла Бобрикова «лжецом», призывала отправить его в отставку и умоляла не обижать «несчастных финляндцев». Николай II ответил матери твёрдо и даже жёстко: «Я несу страшную ответственность перед Богом и готов дать Ему отчет ежеминутно, но пока я жив, я буду поступать убежденно, как велит моя совесть»².

Примечательно, что, по свидетельству С.Ю. Витте, на Николая II пытался оказать влияние и его дед, датский король Христиан IX. В результате «Государь перестал при путешествиях за границу заезжать к своему деду в Данию. Императрица же Мария Федоровна постепенно начала терять всякое влияние на своего сына»³.

Русский царствующий дом конца XIX в. был тесно связан с английским королевским домом. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна была младшей сестрой британской королевы Александры. В то же время супруга императора Николая II императрица Александра Фёдоровна была племянницей принца Уэльского Альберта Эдуарда, будущего короля Эдуарда VII⁴. Восшествие на престол императора Николая II было воспринято в Лондоне с надеждой. Поводом к этому стала женитьба царя на принцессе Гессен-Дармштадской Алисе, приходившейся любимой внучкой королеве Виктории. 9

---

¹ Там же. С. 13.

² Кудрина Ю. Императрица Мария Федоровна (1847–1928 гг.). Дневники, письма, воспоминания. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 98.

³ Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 254.

⁴ Остапенко Г.С. Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX века: Эдуард VII и Георг V. Конституционные полномочия и реальные права монархов XX в. // Новая и Новейшая история. 1999. № 6.

(21) апреля 1894 г. газета «Новое Время» писала по поводу обручения тогда ещё цесаревича с принцессой Алисой: «Лондон. Все здешние газеты радостно приветствуют известие по помолвке Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича с Принцессой Алисой Гессенской. <...> “Times” заявляет, что <...> возникающее родство между императрицей Индии и Белым Царём произведет, несомненно, сильное впечатление на умы Востока и укрепит надежды на прочный, долгий мир»¹.

Преодолевая свойственную ей политическую русофобию, королева в день свадьбы Николая II и Александры Фёдоровны, подняла бокал «За здоровье Их Величеств русского Императора и Императрицы, моих дорогих внучат»². В 1896 г. в ходе европейского турне Николай II отдал визит вежливости королеве Виктории. Царская семья провела две недели у неё в гостях в шотландском замке Бальмораль. Королева Виктория писала в дневнике: «Это было как сон, видеть дорогих Алекс и Ники здесь»³. Газета "The Times" от 22 сентября 1896 г. подчеркивала: «Цель визита чисто семейная... Император прибыл не для того, чтобы принимать решения, от которых будут зависеть судьбы империй и народов. Он приехал, чтобы стряхнуть груз забот и тревог со своих плеч на короткий период, во время которого он и его Супруга наслаждаются гостеприимством своих английских родственников»⁴. Однако, именно в Бальморале произошли важные переговоры Николая II с лордом Р. Солсбери по вопросам Черноморских проливов и английской оккупации Египта.

В Лондоне вначале рассчитывали, что молодой и неопытный царь станет проводником британской политики. Королева Виктория пыталась оказывать влияние на Николая II, надеясь, что тёплые родственные чувства будут способствовать продвижению английских интересов. Она убеждала государя,

---

¹ Новое Время, 1894. 17 января. № 15 (6425).

² Боханов А.Н. Александра Фёдоровна. М.: Вече, 2008. С. 96.

³ The Letters of Queen Victoria [Ed. by G.E. Buckle]. L.: Cambridge university press, 1932. V. IX: 1896-1901. P. 72-73.

⁴ Пономарев В.П. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х гг. XIX в. // Исторические записки. М.: Наука, 1977. Т. 99. С. 344.

что очень «важно, чтобы Англия и Россия шли вместе, ибо они являются самыми могущественными империями и поэтому — гарантией мира... Я и лорд Солсбери хотим, чтобы мы, Англия и Россия, поняли друг друга и жили в дружбе»¹. Однако надежды королевы не оправдались — Николай II был убеждён, что в политике «нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями»².

Это видно из писем Николая II к «дражайшей бабушке». Так, в мае 1895 г. королева Виктория жаловалась ему на недопустимый, по её мнению, тон некоторых русских газет в отношении Англии, и просила царя повлиять на них. В ответ, Николай II взывал к демократическим принципам: «Я должен сказать, что не могу запретить людям открыто выражать свои мнения в печати. Разве меня не огорчали часто довольно несправедливые суждения о моей стране в английских газетах? Даже в книгах, которые мне постоянно присылают из Лондона, ложно освещают наши действия в Азии, нашу внутреннюю политику и т. п. Я уверен, что в этих писаниях не больше сознательной враждебности, чем в упомянутых выше статьях»³.

Николай II пытался воздействовать на английского короля Эдуарда VII с целью прекратить кровопролитие в Африке. Он писал ему 23 мая 1901 г.: «Через несколько месяцев будет два года, как в Южной Африке продолжают сражаться — и какой результат? Маленький народ отчаянно защищает свою страну, часть их земли опустошена, их семьи теснятся в лагерях, их фермы сожжены. В данном случае, прости мне это выражение, все выглядит скорее, как война на уничтожение. Так грустно думать, что христиане сражаются друг с другом! Сколько храбрых молодых англичан уже погибли там!»⁴.

---

¹ Ibid. P. 86-87.

² Император Николай II — королеве Виктории 10/22 мая 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 25 [на англ. яз.].

³ Император Николай II — королеве Виктории. 10/22 мая 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 25 [на англ. яз.].

⁴ Англо-бурская война в донесениях русского военного агента // Красный архив. Исторический журнал. № 6 (103). М.: Гос. соц-эк. изд-во, 1940. С. 152-153.

Германский император Вильгельм II по прямой линии приходился императору Николаю II троюродным дядей. Императрица Александра Федоровна, супруга Николая I, была прабабкой Николая II и родной сестрой деда Вильгельма II — Вильгельма I. Брат императора Вильгельма II принц Генрих Прусский был женат на принцессе Ирене Гессен-Дармштадтской, родной сестре императрицы Александры Фёдоровны, и таким образом являлся Николаю II свояком. Казалось бы, что такие крепкие династические связи должны были способствовать укреплению связей межгосударственных и политических. В действительности все сложилось иначе.

Когда Николай II вступил на престол, император Вильгельм II царствовал уже шесть лет, с 1888 г., и имел опыт государственного управления. Кроме того, кайзер был старше царя на девять лет. Поэтому, он считал себя в праве давать ему «братские» советы. Постоянные поучения и эскапады Вильгельма II ничего, кроме раздражения, у Николая II не вызывали. В своем дневнике от 18 (30) сентября 1895 г. государь назвал кайзера «нудным» господином Вильгельмом»¹. В записи от 5 (17) октября 1896 г. Николай II, находившийся с императрицей на отдыхе в Дармштадте, отзывался о германском императоре ещё более резко: «Несносный Вильгельм и тут не дает нам покоя и непременно хочет нас позвать к завтраку в Висбаден, на будущей неделе. Чтоб ему пусто было!»².

То, что с повелителем Германии ему придётся нелегко, Николай II понял сразу после своего вступления на престол. Весной 1895 г. кайзер со скандалом отозвал из России своего посла генерала Б. фон Вердера, который хорошо знал Россию и которому благоволили и Александр III, и, знавший его с юности, Николай II³. Однако Вердера крайне не любил Вильгельм II, искавший только повода, чтобы сместить генерала. Обвинив Вердера в том, что тот не вовремя

---

¹ Там же. С. 302.

² Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 245. Князь А.Б. Лобанов-Ростовский — Императору Николаю II. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 40. Л. 81.

³ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 245. Князь А.Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 40. Л. 81.

известил его о назначении графа Н.Д. Остен-Сакена послом в Берлин, кайзер в январе 1895 г., не объясняя царю причины, отозвал генерала из Петербурга¹, что вызвало возмущение Николая II, назвавшего «выходку императора поспешной и бестактной»².

Тем не менее, в своем поздравительном послании по поводу вступления Николая II на престол, Вильгельм II заверил его в своей «неизменной дружбе и любви». Однако, тут же начал указывать, «что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения жёлтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил твоим помощником»³. То есть, кайзер предлагал России увязнуть на Дальнем Востоке, не лезть в европейские дела. Он прямо заверял царя, что берёт на себя обязанности «поддержания спокойствия Европы и охраны тыла России»⁴. В беседе с графом М.Н. Муравьёвым в Берлине, Вильгельм II разъяснял: «Если бы вам даже пришлось стянуть все ваши войска на Восток, преследуя политические, согласно с вашими интересами, цели, то я не только не нападу на Францию, но не допущу, чтобы кто-либо в Европе двинулся, — вот, что я понимаю под обещанием своим обеспечить ваш тыл»⁵. В дальнейшем, Николай II понял, что иметь дела с Вильгельмом II надо очень осторожно, ибо тот был ненадежен, коварен и лжив. Это проявилось во время Русско-японской войны, Боснийского кризиса и предвоенной ситуации 1914 г.

Однако в проведении своей внешней политики Николай II использовал связи не только с кайзером, но и с целым рядом монархов немецких государств,

---

¹ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 245. Князь А.Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 40. Л. 81.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II 26 апр. 1895 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878-1918. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007. С. 268.

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 26 апр. 1895 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 268

⁴ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1905. М; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. С. 56.

⁵ Тирпиц А. Воспоминания. С. 155; С. 158.

входивших в состав Германской империи. Особые отношения связывали императора Николая II с великим герцогом Гессен-Дармштадтским Эрнстом Людвигом, который приходился ему шурином. Между домом Романовых и великим герцогством Гессенским существовали давние династические связи. В 1841 г. император Александр II женился на принцессе Гессенской (в православии императрица Мария Александровна), а в 1884 г. старшая сестра императрицы Александры Федоровны принцесса Эла (в православии великая княгиня Елизавета Федоровна) вышла замуж за брата императора Александра III великого князя Сергея Александровича. Царская семья в конце лета часто отдыхала в старинном гессенском замке Фридберге и в имении герцога Вольфсгартен под Дармштадтом. В свою очередь, великий герцог часто гостил у своих шурина и сестры в Ливадии. Эрнст Людвиг, также как и его сестра императрица Александра Федоровна, не любили кайзера Вильгельма, видя в нем угрозу существования Германии. Вильгельм II отвечал тем же и один раз на военных маневрах даже позволил себе оскорбить герцога Гессен-Дармштадтского в присутствии русского представителя, что косвенно являлось оскорблением и императрицы Александры Федоровны¹. Разумеется, длительные встречи царя и герцога, получаемая от него информация, позволяли Николаю II правильно понимать скалдывающуюся во Втором рейхе политическую обстановку и возможности влиять на нее.

Б) Тайная. Николай II не видел честного служения ему со стороны многих министров. Флигель-адъютант С.С. Фабрицкий констатировал, что из неоднократных бесед с царем «о различных делах я понял, с каким недоверием относился Государь чуть ли не ко всем министрам или к их докладчикам и в каком одиночестве чувствовал себя Государь»². Н.В. Муравьев жаловался генералу А.Н. Куропаткину «на недоверие к министрам Государя. Государь

---

¹ Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 576.

² Николай II и самодержавие в 1903 г. С. 201.

хочет знать истину, но ищет её по коридорам, по закоулкам»¹. Л.А. Тихомиров писал в своём дневнике в 1902 г.: «Говорят, Государь стал действовать очень самостоятельно и даже резко. Должно быть, надоели и ему интриги министров. Немудрено. На эту самостоятельность и неуступчивость жалуется и Витте, приписывая, однако всё это каким-то неведомым влияниям. Никаких влияний, однако, никто не знает»².

26 марта 1901 г. император Николай II познакомился «с замечательным французом Mr Philippe» и долго с ним разговаривал³. Этим французом был известный лионский целитель Филипп Низье. Француз произвел на царя и царицу большое впечатление своей глубокой верой в Бога. На основании встреч императора с Ф. Низье родился миф о принадлежности Николая II к «мартинизму» и даже об открытии им в Царском Селе ложи. В качестве доказательств «масонства» Николая II приводят, написанное ему письмо магистра некой великой ложи розенкрейцеров «Мезори», датированное примерно 29 сентября 1905 г. Содержание письма весьма своеобразное: в нём «магистр великой ложи» клеймит масонов как «главных врагов Веры, Царя и Отечества», обвиняя их в развязывании Русско-японской войны и во «внутренней смуте»⁴, а близкий к масонам С.Ю. Витте объявляется ставленником «еврейско-масонской» партии⁵. А.А. Аврех справедливо считал письмо «Мезори» мистификацией⁶. Крупнейший исследователь российского масонства А.И. Серков заключает: «Легенда о создании мартинистской ложи в Царском Селе с участием императора не имеет под собой реальной основы»⁷. Что

---

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 11.

² Цит. по: Фомин С.В. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...». С. 140.

³ Там же. С. 588.

⁴ Старков Б.В. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб.: Изд-во «Питер», 2006. С. 230.

⁵ Аврех А. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990. С. 225.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 1997. С. 71.

же касается «месяе Филиппа», то нет сомнений, что большая часть сведений о нем, как положительных, так и отрицательных, также относятся к области мифологии¹. Не случайно Николай II записал в своём дневнике: «Вообще, о нём разносят такой вздор, что тошно слушать и не понимаешь, как люди могут верить чепухе, о которой сами болтают!»². По всей видимости, Низье, близкий к мартинстам, был частью невидимой стратегии царя против масонства, влиянием которого было пропитано его окружение. Член «Масонского авангарда» В.А. Маклаков отмечал, что Николай II не доверял даже многим, им же назначенным министрам: «Он предпочитал прибегать к услугам секретных и непризнанных советников»³. В 1902 г. великий князь Константин Константинович отмечал, что «у Государя, несомненно, есть склонность к тайным неизвестным путям. Он нередко принимает у себя как бы тайно разных лиц, чуждых чиновным людям и администрации; через этих людей он иногда даже делает распоряжения»⁴.

Большая подпитка масонских кругов в России шла от французского «Великого Востока». Николай II не сомневался в масонском характере режима III Республики. Начавшаяся беспощадная борьба с католической церковью, усиление социалистической пропаганды вызывали в определённой консервативной части французского общества острое недовольство⁵. В связи с этим нельзя исключать планов Николая II на случай непредвиденных событий во Франции. В целях борьбы с идеями масонства во Франции ещё в 1893 г. было основано «Assotiation Antimaçonique» («Антимасонское общество»). Его руководителем был аббат Ж. Турмантен, которому, по сообщениям Л.А. Ратаева: «служит громадная сеть рассыпанных по всей Франции и даже за границей

---

¹ Фомин С. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...». С. 545–719.

² Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 678.

³ La chute du régime tsariste. Interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la Cour Impériale Russe par la Commission Extraordinaire du Gouvernement Provisoire de 1917. Comptes rendus sténographiques. Préface de V. Maklakoff. Paris: Payot, 1927. P. 84.

⁴ Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1902 г. Запись за 19 августа // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 48. Л. 8.

⁵ Письмо Луизы Бельма императору Николаю II от 26 августа 1901 [на фр. яз.] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1–2.

агентов», имеющая «ходы, даже к ультрасекретным постановлениям верховного масонства»¹. Контакты доверенных лиц Николая II с «Антимасонским обществом» зафиксированы, начиная с 1905 г., когда чиновник по особым поручениям МВД Б.К. Алексеев установил постоянный контакт с аббатом Ж. Турмантенем². Через него Б.К. Алексеев получал важные сведения о подрывной деятельности масонских лож в России. Эти сведения Б.К. Алексеев обобщал для государя в виде докладов³.

Большой интерес представляет присутствие в свите Николая II принца Луи Наполеона Жозефа Бонапарта, внучатого племянника Наполеона I, состоявшего на службе в русской армии. При Николае II карьера принца начала быстро расти: в 1897 г. он стал командиром Лейб-гвардии Уланского Императрицы Александры Феодоровны полка, в 1900 г. ему было присвоено звание генерал-майора, а в 1903 г. — пожалован высший орден Российской империи Св. Апостола Андрея Первозванного. В правительственных кругах Франции такое возвышение принца Бонапарта восторгов не вызывало. В Великом Востоке были уверены: «Россия работает над гибелью французского республиканского правительства и над падением республики. Её мечта — возвести на престол Франции принца Луи Бонапарта, служащего в русской армии, и восстановить Империю в его пользу»⁴. По мнению масонов, вступление на престол принца Наполеона было бы для России весьма выгодным и в плане финансовом: «Через него она получила бы все займы, нужные для распространения её власти и территории на востоке»⁵.

В 1895 г. в орден Мартинистов, который возглавлял известный оккультист Папюс, был принят полковник русской армии и военный агент в Париже граф В.В. Муравьев-Амурский. Однако секретные доклады, которые граф посылал лично Николаю II, совсем не похожи на масонскую переписку. В ней граф

---

¹ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 12.2. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Ч. 12.2. Л. 4–5об.

³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 231 (1). Л. 66–67.

⁴ Щеголев П.Е. Охота за масонами или похождения асессора Алексева // Былое. 1917. № 4. С. 144.

⁵ Там же.

подробно излагал деятельность тайной организации, направленной на подрыв экономического и политического могущества России¹. В Петербург В.В. Муравьев вернулся делегатом ордена мартинистов от России и основал ложу «Аполлония». Однако граф фактически саботировал её деятельность, и вскоре обвинил Папюса в люциферанстве, за что тот изгнал его из ложи². Таким образом, вполне вероятно, что деятельность графа В.В. Муравьева-Амурского фактически была направлена на подрыв распространения в России идей мартинизма. Отсюда нельзя исключать, что вступление в орден графа В.В. Муравьева было санкционировано Николаем II.

Осознавая всю опасность Великого Востока, Николай II концентрировал вокруг себя людей, которые могли бы, находясь во Франции, предоставлять ему необходимую информацию, а во-вторых, в случае непредвиденных обстоятельствах стать силой, на которую он мог бы положиться. Скорее всего, Ф. Низье, убежденным антидрейфуссар, роялист и антимасон, был одним из них. По возвращению во Францию он продолжил переписку с Николаем II, причем некоторые письма и телеграммы были зашифрованы. Это не могло не вызвать серьезные опасения властей III республики. За Низье было установлено негласное наблюдение полиции, началось прямое давление на него³. Видимо Великий Восток нашел негласных союзников и в высших сферах в Петербурге. Во всяком случае, в активную борьбу против Низье включился П.И. Рачковский, заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции в Париже, тесно связанный с С.Ю. Витте. П.И. Рачковский передавал французской полиции информацию о связях Низье с царем. Поэтому резолюция Николая II на донесении начальника Департамента полиции П.Н. Дурново от 24 января 1905 г.,

---

¹ Граф В.В. Муравьев-Амурский — императору Николаю II 14/27 сентября 1900 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. Т. IX. С. 410–411.

² Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб.: Стомма, 2000. С. 185.

³ Encausse (Ph.), Docteur. Le Maître Philippe de Lyon. Thaumaturge et “Homme de Dieu“ ses prodiges, ses guérisons, ses enseignements. Dixième édition. Paris: Édition Traditionnelles, 1985. P. 382.

требующая принять серьезные меры «к прекращению сношений Рачковского с французской полицией раз навсегда», вряд ли была случайной¹.

В) Личная. Дипломатические усилия Николая II по сохранению мира и выхода России из изоляции. С вступлением на престол император Николай II четко обозначил преемственность с царствованием своего отца. 21 октября (2 ноября) 1894 г. государь поручил Н.К. Гирсу разослать главам иностранных внешнеполитических ведомств циркуляр, в котором подчеркивалось: «Россия останется верной своим традициям. Она будет развивать дружественные связи со всеми державами и продолжит поддерживать право и законный порядок, как наилучший залог безопасности государств»².

После кончины 14 января 1895 г. пожилого Н.К. Гирса Николай II 26 февраля 1895 г. назначил на должность главы МИДа опытного дипломата князя А.Б. Лобанова-Ростовского. Главной задачей перед новым министром Николай II поставил сохранение status-quo в Европе и недопущение участия России в большой войне. В беседе с Лобановым-Ростовским царь подчеркнул: «Мир важнее всего, если только честь не задета»³. Брат германского императора Вильгельма II принц Генрих Прусский из бесед с Николаем II сделал вывод, что если когда-нибудь царь «поведет войну в Европе, то только потому, что будет считать себя подвергшимся нападению со стороны другой великой державы»⁴.

Борьба за мир не была вызвана у Николая II только морально-нравственными соображениями. Для индустриализации России был необходим внешний и внутренний мир, а также привлечение иностранных капиталов. Этого можно было достичь, только в диалоге с правительствами ведущих держав мира. Необходим был выход Российской империи из изоляции⁵. Для решения этого вопроса было очень важно, как будут развиваться российско-французские

---

¹ Карьера П.И. Рачковского: Документы. // Былое. 1918. № 2 (30). С. 78–87.

² ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 18.

³ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. / Телешева Л., пред. // Красный архив. Исторический журнал. М.: Партийное изд-во, 1932. Т. 1-2 (50-51). С. 67.

⁴ Бюлов Б. Воспоминания./ Хвостов В.М. ред., пред. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. С. 221.

⁵ По этому поводу см.: Мультиатули П.В. Внешняя политика императора Николая II. С. 36.

отношения. Во время встречи 5 ноября 1894 г. с представителем Франции генералом Р. Буадефром, Николай II заверил, что он решил твёрдо держаться военной конвенции с Францией¹.

Однако Николай II рассматривал соглашение с Парижем гораздо шире, чем его отец. Александр III относился к конвенции как к временному политическому ходу, призванному оказать давление на Германию, Николай II «с первых дней своего царствования стремился превратить франко-русский союз из орудия «реванша» в орудие европейского замирения»². Николай II считал необходимым официально признать военный союз с Францией и одновременно объявить о дружбе с Германией. В 1897 г. министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев заверил высокопоставленного германского дипломата Б. фон Бюлова, что Император Николай «в силу глубочайшего убеждения желает мира, мира повсюду, но особенно в Европе и в частности между Германией и Россией»³.

Большим личным вкладом императора Николая II в дело мира и ограничения вооружений стали созванная по его инициативе первая мирная конференция в Гааге. Государь принял самое непосредственное участие в разработке и планировании мирной конференции. Достаточно отметить, что Николай II внимательно изучал проекты программы, отвергнув несколько её вариантов⁴. По мнению доктора А.В. Игнатьева, Гаагская конференция 1899 г. преследовала цель «не сокращения вооружений, хотя платонически она тоже провозглашалась, а поисков мирного разрешения международных конфликтов и выработки правовых норм ведения войны»⁵. Конференция, конечно, не остановила гонку вооружений, но она имела важное практическое значение. «Нужно заметить, — сообщал в июле 1903 г. российский посол в Париже князь

---

¹ DDF. 1e série. T. XI. - № 287. P. 432.

² Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 46.

³ Бюлов Б. Воспоминания. С. 74.

⁴ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. / Телешева Л., пред. // Красный архив. Т. 1-2 (50-51). С. 75.

⁵ Игнатьев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX-нач. XX веков // Вопросы истории, 1998. № 8. С. 34.

Л.П. Урусов, — что вообще великодушная мысль Государя Императора, практическим выражением коей была Гаагская конференция 1899 года, широко распространилась с тех пор и сделала большие успехи»¹.

Важнейшей задачей для России было восстановить свое влияние на Балканах, так как от этого во многом зависело её возможность утвердиться в Черноморских проливах. В свою очередь, этого было невозможно достичь без договоренностей о сохранении status-quo с Австро-Венгрией. Неудачная попытка захвата Босфора и ситуация вокруг Крита лишь подтверждали эту необходимость. Достигнутые соглашения с Веней в 1897 г. во время петербургских переговоров между императорами Николаем II и Францем Иосифом, а также их министров иностранных дел, стали большим успехом российской дипломатии. Они позволили на пятнадцать лет обеспечить мир на Балканах. В рамках этих договоренностей Николай II нормализовал отношения с Болгарией и Сербией, сыграл видную роль в умиротворении Македонии и Крита.

В начале XX в. главным геополитическим противником России была Великобритания, а Николай II с юных лет воспринимал её как врага. Интересы Петербурга и Лондона сталкивались на Балканах, в Османской империи, Персии, Афганистане, Дальнем Востоке, а с началом XX в. в Китае и Корее. Однако, Николай II пытался найти компромисс и с Лондоном, в ходе переговоров с лордом Р. Солсбери в 1897 и 1898 гг. Хотя взаимное недоверие российско-английских правительственных кругов и противоречия, казавшиеся неразрешимыми, не позволили Петербургу и Лондону договориться о разделе сфер влияний, но в отношениях между обоими государствами наметились, правда ненадолго, стремления поисков политического компромисса.

Таким образом, в первое десятилетие своего царствования императору Николаю II во многом удалось вывести Россию из полуизоляции. Этому

---

¹ Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира. С. 232.

способствовали как личные договоренности царя с ведущими политиками европейских держав, так и заключенные соглашения между ними и Россией. Это, с одной стороны, благоприятствовало развитию российских промышленности и экономики, но с другой — обострило противоречия между Петербургом, Лондоном и Вашингтоном, обеспокоенных усилением Российской империи как промышленного конкурента и ее быстрым дипломатическим и экономическим продвижением на азиатском направлении.

Антиколониальный характер помощи императора Николая II Абиссинии (Эфиопии), Сиаму (Таиланду) и государствам Южной Африки в борьбе за их независимость. Определение характера политики Николая II в отношении вышеназванных государств как «антиколониальной», косвенно признавался даже в советские времена. Крупнейший историк-востоковед И.С. Канцельсон утверждал, что политика России в Эфиопии в конце XIX-нач. XX вв. «объективно способствовала сохранению целостности и независимости» этого африканского государства¹. Касаясь помощи Николая II Сиаму (Таиланду), Б.Н. Мельниченко подчеркивает, что Россия «не стремилась приобрести колонию или «сферу влияния», а выступала за сохранения status quo, поддерживая Сиам в его борьбе за независимость»². Николай II был против раздела Крита, Турции и Китая великими державами. Разумеется, нельзя отрицать того, что у Российской империи, при оказании помощи вышеназванным странам, были свои геополитические интересы. Но, по нашему мнению, они, в данном случае, не превалировали во внешнеполитическом курсе Николая II. В устном послании Николая II эфиопскому императору (негусу) Менелику II утверждаюсь, что Россия не преследует, как прочие державы Европы никаких корыстных целей и

---

¹ Канцельсон И.С. Леонид Константинович Артамонов и его путешествие к Белому Нилу // Л.К. Артамонов. Через Эфиопию к берегам Белого Нила / И.С. Канцельсон ред., пред. М.: Наука, 1979. С. 4.

² Мельниченко Б.Н. Дом Романовых и Дом Чакри (Россия и Таиланд в конце XIX-начала XX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. Вып. 3. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ). С. 17-30. С. 23.

меркантильных задач в Африке, а помощь оказывается «в виду искренно-дружественных чувств, питаемых к Вам лично Государем России» и его стремлением «к установлению спокойствия и благосостояния в Эфиопии»¹.

По личной инициативе царя Менелику II и его армии в войне с итальянскими захватчиками была оказана большая военная, дипломатическая и экономическая помощь; благодаря личной инициативе Николая II был спасен от колониального раздела между Лондоном и Парижем Сиам (Таиланд), оказана большая дипломатическая помощь восставшим против английских колонизаторов бурским государствам Южной Африки. Тайский ученый и государственный деятель современного Таиланда так оценивает петергофские переговоры 1897 г.: «Приватные переговоры между Царем Николаем II и королем Чулалонгкорном (Рамой V) дали превосходные результаты. Николай II заявил: «Независимость Сиамы никогда не будет ни утеряна, ни нарушена»². В ходе визита король Чулалонгкорн и император Николай II договорились об установлении дипломатических отношений между Российской империей и Сиамом. При самом активном участии российской дипломатии, получавшей непосредственные указания от самодержца, долгие переговоры между Парижем, Лондоном и Бангкоком привели к полному признанию суверенитета и независимости Таиланда»³.

Николай II внимательно следил за ходом англо-бурской войны и радовался успехам южно-африканских войск. В письме великому князю Сергею Александровичу Николай II признавался, что «от души желает бурам ещё больших успехов, чем они до сих пор имели»⁴. Николай II выразил надежду, что

---

¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 142. Л. 24-20.

² От друга: Стодесятилетие установления тайландско-российских отношений: // сб. ст. / Пакамонтри И., гл. ред. М.: Посольство королевства Таиланд в России, 2007. С. 35.

³ Берзин Э.О. История Таиланда (краткий очерк). М.: Наука, 1972. С. 120.

⁴ Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. Т. 2 (63). С. 125.

«поднимется восстание остальных буров, живущих в английских южно-африканских колониях»¹.

Между тем, в марте-июне 1900 г., добившись большого численного и технического перевеса, английские войска захватили столицы бурских государств. Английские колонизаторы развязали кровавый террор против бурского мирного населения, проводя в Южной Африке тактику «выжженной земли». Впервые в истории ими были созданы концлагеря, в которых заключались мирные жители, в том числе женщины и дети². Варварское ведение войны англичанами не могло оставить равнодушным Николая II. Он поручил В.Н. Ламздорфу подготовить свои соображения по поводу возможного дипломатического давления на Лондон. Но Россию не поддержало ни одно европейское государство. Зверства англичан над мирным бурским населением побудило императора Николая II созвать мирную конференцию по ограничению вооружений и установлению правил ведения войны³.

2. Дипломатическая игра в Бьорке. Роль императора Николая II как руководителя внешней политики России практически не изучена. Некоторые внешнеполитические вопросы и роль в них Николая II до сих пор рассматриваются с позиций советской историографии. Она считала, что политическая игра Берлина осенью 1904-летом 1905 гг. вокруг союзного договора с Россией была его крупным дипломатическим успехом, уловкой на которую поддался Николай. Однако, по нашему мнению, в ходе этой дипломатической игры именно император Николай II переиграл германского императора Вильгельма.

Осенью 1904 г. кайзер, воспользовавшись военными неудачами России, ее сложным положением, а также тем, что Лондон, используя Гулльский инцидент,

---

¹ Там же.

² Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта (6 апреля) 1895 г. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3 (52). М.; Л.: Партийное изд-во, 1932. С. 76.

³ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4709. Л. 12-117, 19, 20-22.

открыто готовился к войне с Россией, начал активные действия с целью втянуть Петербург в фарватер своей политики и отстранить от европейских дел, разорвав франко-русский союз. 14 (27) октября 1904 г. он Вильгельм II предложил Николаю II создать «мощную комбинацию трёх наиболее сильных континентальных держав» России, Германии и Франции, на которые англо-японской группе придётся не раз подумать, «прежде чем напасть»¹. Вильгельм II предложил оформить эту «комбинацию» в виде «Союза Центральных держав».

Николай II согласился с германским императором, но на наш взгляд, начиная с ним дипломатическую игру, царь преследовал следующие цели: 1) предотвратить вступление Англии в войну против России; 2) заставить Францию, под угрозой объединения с Германией и совместной войны с Англией, оказать давление на Лондон; 3) втянув Германию в активную антианглийскую деятельность, не допустить всё ещё имеющиеся возможности Германии и Англии договориться между собой против России. Царь хотел добиться наибольшего эффекта от известия о русско-германском сближении для того, чтобы воздействовать, как на Париж, так и на Лондон. Вильгельм II воспринял согласие Николая II, как большой дипломатический успех. Мысль императора Вильгельма сводилась к следующему: Россия заключает с Германией союзный договор, не сообщая о нем Парижу ничего. Это никоим образом не мешало вовлечь Англию в войну с Россией. Когда же Франция окажется поставленной перед фактом русско-германского союза, она будет вынуждена либо примкнуть к нему, что крайне маловероятно, либо выступить против России и Германии на стороне Англии и Японии, что означало бы полный развал франко-русского союза. Но даже в случае присоединения Франции к русско-германскому союзу она попадала в зависимость от Берлина. Таким образом, Германская империя становилась главной державой в Европе. Николай II с самого начала хорошо понимал истинные цели кайзера, о чем он писал В.Н. Ламздорфу сразу после

---

¹ Русско-германский договор 1905 года, заключенный в Бьерке // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 5(24). М.: Госиздат, 1924. С. 5-49.

получения от кайзера проекта договора 20 октября (2 ноября) 1904 г.¹. Все действия Николая II при подготовке проекта договора с Германией говорят о том, что он не собирался жертвовать союзом с Францией и пускаться в авантюрный союз с Германией, грозивший большими уступками ей на Ближнем Востоке и в Турции. По распоряжению государя В.Н. Ламздорф внёс значительные коррективы в проект, вписав в первую статью обязательство ознакомить с договором Париж². Тогда же было составлено конфиденциальное сообщение французскому правительству, в котором необходимость заключения договора с Берлином объяснялось агрессивной по отношению к России политикой Лондона. По существу, это заранее означало провал так называемого «союза Центральных держав», так как весь план кайзера строился именно на том, чтобы поставить Францию перед свершившимся фактом состоявшегося русско-германского союза. Решение царя ознакомить Париж с проектом договора вызвала у Вильгельма II крайнее негодование, и он безуспешно пытался Николая II от этого отговорить. Николай II стремился именно к тому, чего так не желал кайзер: вынудить Францию предупредить Англию о готовящемся подписании русско-германского союза, и тем самым заставить её отказаться от войны с Россией. Царь понимал, что для Франции было совершенно невыгодно ни оказаться в союзе с Германией, ни вступать с ней в войну. Но именно к одному из двух вариантов привёл бы Францию русско-германский договор. Весть о готовящемся русско-германском союзном договоре не на шутку встревожила правительство Третьей республики. В случае присоединения к русско-германскому договору, Франция фактически отказывалась от статуса великой державы. Отклонив этот договор, Париж пошел бы на разрыв с ним, дав согласие на присоединение к договору, он попадал бы в зависимость от Германии и разрывал бы с таким трудом достигнутые дружественные соглашения с Англией. Поэтому французские правящие круги сразу начали оказывать ощутимое давление на

---

¹ Русско-германский договор 1905 г. // Красный архив. С. 12-13.

² Русско-германский договор 1905 г. // Красный архив. С. 13.

английское правительство, угрожая ему, в случае продолжения подготовки к войне с Россией, изъятием из лондонских банков значительных французских капиталов, что вызвало бы катастрофу в Сити¹. Если учесть, что долг Великобритании Франции на тот период составлял около 1,5 млрд франков, угроза французского посла была более чем весомой. Поэтому уже на следующий день, 16 (29) октября страсти в английских газетах утихли, а Форин-офис неожиданно взял более спокойный тон². Лондон поспешил согласиться на русское предложение передать Гулььский конфликт на разрешение международной конвенции и отказался от всяких попыток задержать русскую эскадру З.П. Рожественского³. В конечном счёте, весь русско-германский «союз» свёлся к договоренности между царем и кайзером о продолжении германской стороной обеспечения углём русского флота⁴. Таким образом, император Николай II удачно использовал намерения Вильгельма II расколоть франко-русский союз для предотвращения военного столкновения с Великобританией.

Летом 1905 г. Николай II вновь использовал амбициозные планы германского императора в вопросе достойного для России мира с Японией. Кайзер решил, что наступил момент, когда можно вернуться к проекту русско-германского договора и предложил Николаю II встречу, на которую тот сразу согласился. Свидание двух императоров состоялось 10 (23) — 11(24) июля 1905 г. в финских шхерах около острова Бьёрке. Вильгельм II предложил царю вернуться к проекту договора 1904 г. На этот раз кайзер был уверен в успехе. Опасность того, что Николай II заранее ознакомит французское правительство с проектом, Вильгельма II больше не пугала, так как новый кабинет М. Рувье делал всё, чтобы не раздражать германского повелителя. Николай II согласился с предложением кайзера.

---

¹ Ibid.. P. 475-476.

² Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 102.

³ Там же. С. 105.

⁴ Проект договора 17 (30) октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 346.

Почему же Николай II, отказавшись подписывать секретный договор в 1904 г., сделал это летом 1905 г.? Общепринятым выводом у историков опять-таки, является убеждённость, что царь пошёл на поводу у германского императора. Для понимания того, что произошло в Бьёрке, надо рассматривать в совокупности всю ситуацию (военную, внутреннюю и международную), в которой оказались Российская империя к лету 1905 г. 14 (27) мая 1905 г. в Цусимском проливе погибла русская эскадра адмирала З.П. Рожественского, на которую Николай II возлагал большие надежды. 24 июня (7 июля) 1905 г. японцы высадились на Южном Сахалине и захватили весь остров. В январе 1905 г. в стране вспыхнула революция: от рук революционных партий, практикующих террор, ежедневно гибли десятки людей, в том числе представителей власти и даже императорского дома. К середине 1905 г. Россия была парализована всеобщей забастовкой. В 1905-1906 гг. начались волнения в армии и на флоте. Промышленные и либеральные круги упорно требовали от Николая II прекращения войны и введения в стране парламентского строя. Но самым тяжёлым было финансовое положение дел в стране. 29 апреля (12 мая) 1904 г. Россия подписала в Париже контракт о займе на 800 млн. франков (300 млн. рублей), которые пошли на нужды войны¹. Революция привела к громадным дополнительным затратам. Русской просьбе о новом займе в размере 300 млн. рублей Париж отказал в довольно оскорбительной форме, недвусмысленно дав понять Николаю II, что войну с Японией надо заканчивать². Когда Николай II направлялся на встречу с кайзером в Бьёрке, он уже знал, что Лондон и Париж готовы выделить России заём, но только после окончания войны и только при двух условиях: если политическая позиция в отношении к Англии перестанет быть враждебной, а в России установится порядок «способный внушить доверие»³.

---

¹ АВПРИ. Фонд Секретный архив, 1904 г. Д. 224/225. Л. 60.

² Романов Б.А. Указ. соч. С. 366.

³ Там же.

Николай II понимал необходимость заключения мирного договора с Японией. Идти на это его заставляла прежде всего внутривнутриполитическая, а не военная ситуация. Дальнейшее продолжение войны, без необходимых финансовых средств, в условиях набирающей силу смуты, было крайне опасным. Франция, Германия и США, каждая по своим соображениям, были настроены против продолжения войны России с Японией. Кроме того, была непонятна дальнейшая политика Парижа. Нельзя было исключать, что правительство М. Рувье начнёт играть по германским правилам. Поэтому Николай II стремился использовать хитроумную комбинацию кайзера в свою пользу, добившись от него поддержки в заключении приемлемого для России мира. Именно для этого, в 3 ст. договора, который в остальном являлся повторением немецкого варианта 1904 г., по настоянию Николая II была внесена правка: «настоящий договор войдёт в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией»¹. Самодержец понимал, что Вильгельм II, крайне заинтересованный скорейшим вступлением договора в силу, окажет всё имеющееся у него давление на Японию с целью заставить ее прекратить войну. Кроме того, царю было известно, что Вильгельм II являлся «большим приятелем» американского президента Т. Рузвельта², который также как и кайзер опасался слишком больших успехов Японии, а значит и Англии, на Дальнем Востоке. Непосредственно после Бьёркского свидания начинается активная посредническая деятельность президента США Т. Рузвельта по организации мирных переговоров России и Японии.

Николай II поручил В.Н. Ламздорфу сообщить о договоре М. Рувье и выяснить его отношение к возможности присоединения к русско-германскому союзу. Разумеется, в Париже известие о новой возможности заключения русско-германского союза, к которому его приглашали примкнуть, произвело весьма

---

¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 335.

² Восленский М.С. Из истории политики США в германском вопросе. 1918-1919. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. С. 89, 91.

тягостное впечатление. Было понятно, что вместо союза с Россией Франции предлагался фактический союз с Германией. Поэтому для правительства Третьей республики запрос царя стал сигналом к прекращению политики уступок Германии и к возобновлению активного союза с Россией¹. Перспектива русско-германского союза сильно встревожила и Лондон, в котором всё более набирали силу антигерманские настроения. Таким образом, известие о свидании в Бьёрке и подписанном договоре между царём и кайзером резко изменило международную обстановку в пользу России. Результатом стало возобновление активного франко-русского сотрудничества и начало русско-английского сближения, закончившееся договором 1907 г.

Известие об отказе Парижа примкнуть к русско-германскому союзу поступило в Петербург и Берлин, когда Портсмутский мир был подписан и ждал ратификации, после которой Бьёркский договор должен был автоматически вступить в силу. Ссылаясь на позицию Парижа, царь был готов подписать договор с Германией, но с одной оговоркой: так как Франция пока не собирается примыкать к союзу России и Германии, то статья 1-я договора о военной взаимопомощи между двумя странами не будет выполняться Россией в отношении Франции в случае войны её с Германией².

Берлин занял по этому вопросу непримиримую позицию, продемонстрировав, тем самым, что его истинными целями являлось насилие над Францией, к которому он хотел привлечь и Россию. Николай II знал о ненадежности германского императора и подписывал с ним «союз», изначально рассматривая его как необходимый тактический ход.

3. Переговоры в Рагонниджи. Еще одним успехом личной дипломатии императора Николая II стал его визит в Италию в октябре 1909 г. и переговоры с королем Виктором Эммануилом III и министром иностранных дел Италии Т. Титтони. Государя сопровождал министр иностранных дел А.П. Извольский.

---

¹ AN, AP 473/7 Fonds Loubet, Alliance Franco-Russe, Guerre russo-japonaise.

² Русско-германский договор 1905 г. // Красный архив. С. 46.

Договоренности с Римом имели для царя особую важность: Италия был одним из членов Тройственного союза. Переговоры проходили в городе Раккониджи. Николай II рассчитывал, что соглашение России с Италией затруднит дальнейшую экспансию Австро-Венгрии на Балканах. Двухдневная встреча Николая II и Виктора Эммануила III в Раккониджи носила демонстративно антиавстрийский характер. Стороны наметили главные направления взаимодействия на Балканах, а А.П. Извольский и Т. Титтони обсудили технические стороны предстоящего соглашения. В достигнутом соглашении обе стороны обязались сохранять *status-quo* на Балканах и обеспечивать независимое существование малых стран региона. Стороны обязались также не заключать новых соглашений по делам европейского Востока без согласования друг с другом. Соглашение в Раккониджи было весьма важно для России. Фактически можно утверждать, что ее итогом стало итало-русское сближение и взаимодействие, направленных против Турции и Австро-Венгрии, при том, что Италия оставалась членом Тройственного союза. Важное значение имело установление добрых отношений между двумя монархами. Соглашение в Раккониджи можно считать успешным ответом со стороны России австро-германской дипломатии. Это, конечно, не был реванш за Боснийский кризис, но серьёзный дипломатический выигрыш, который стал залогом того, что в августе 1914 г. Италия не вступила в войну вместе с Тройственным союзом, а, наоборот, в 1916 г. примкнула к Антанте.

Подводя **итог** вышеизложенному, необходимо отметить, что ориентиры внешней политики Российской империи в период царствования императора Николая II менялись в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры. На внешнюю политику Российской империи влиял целый ряд факторов, которые можно разделить на объективные и субъективные.

1. Объективные факторы:

1. Итоги внешней политики императора Александра III.

2. Влияние мирового научно-технического прогресса и развития промышленности на внешнюю политику императора Николая II в связи с курсом на индустриализацию России.
3. Разворот внешней политики на Восток.
4. Влияние Первой русской революции на расширение прав министра иностранных дел и участия представительских учреждений в вопросах внешней политики.
5. Международные отношения в преддверии мировой войны.

2. Субъективные факторы.

1. Степень подготовленности императора Николая II к царствованию и руководству внешней политикой.
2. Дипломатия Николая II:
  - А) Династическая
  - Б) Тайная
  - В) Личная

В целом, в период царствования Николая II была осуществлена неудавшаяся попытка переключения главных внешнеполитических интересов на Восток, выхода к незамерзающим южным морям в рамках «Большой Азиатской программы» и возврат к европейскому направлению внешней политики государства. Для индустриализации России был необходим внешний и внутренний мир, а также привлечение иностранных капиталов. Этого можно было достичь, только в диалоге с правительствами ведущих держав мира, что и удалось сделать к началу XX в, когда экономическая политика правительства по модернизации экономики поставила Россию на одно из первых мест в мире по темпам экономического роста¹. Однако в 1899—1903 гг. наметился мировой экономический спад, который, естественно, не мог не коснуться и экономики России. Планы царя по выходу к незамерзающим портам Жёлтого моря вызывали острое беспокойство конкурентов на Западе. В самой России

---

¹ Политическая история XX века. Сб. документов и материалов. Вып. 1. М.: МПИ, 1991. С. 63.

имелась влиятельная группа противников азиатской программы, которую негласно возглавлял С.Ю. Витте. Во влиятельных европейских и американских финансовых кругах всё больше склонялись к мнению, что Россию надо остановить. В результате, продвижение России на Восток способствовало их поддержки Японии и развязыванием ею войны с Россией. В результате, неудача реализации Азиатской программы не дало России решить свою важнейшую геополитическую программу по выходу в мировой океан, что в свою очередь, вернуло российскую внешнюю политику на западное направление, где ее интересы столкнулись с экспансионистскими планами Германии и Австро-Венгрии, которые привели к Первой мировой войне.

Проведённый авторский исторический анализ позволяет определить **этапы** внешней политики Российской империи в годы царствования императора Николая II.

Первый этап (1894-1904 гг.). Признание *status-quo* ведущими европейскими государствами при сохранении великодержавного статуса России. Отказ от военного захвата Черноморских проливов. Миротворческие инициативы (Гаагская мирная конференция). Переключение главных внешнеполитических интересов на Восток, выход к незамерзающим южным морям («Большая Азиатская программа»).

Второй этап (1904-1905 гг.). Стремление в ходе Русско-японской войны отстоять продвижение России на Восток, внешнеполитическое обеспечение войны и заключения Портсмутского мира.

Третий этап (1905-1913 гг.). Изменения внешней политики, связанные с неудачей в Русско-японской войне и революцией 1905-1907 гг. Переориентация вновь на западное направление. Реформа МИД. Борьба за внеблоковый статус России, сближение с Англией при попытке сохранения хороших отношений с Германией и Австро-Венгрией, укрепление франко-русского союза, создание Балканского союза как противодействие австро-венгерской и германской

экспансии на полуострове. Возврат к борьбе за открытие для России Черноморских проливов.

Четвертый этап (1913-1914 гг.). Усилия по предотвращению большой европейской войны: безуспешные попытки договориться с Германией о сфере влияний, воздействии на Австро-Венгрию с целью прекращения ее экспансии на Балканах. Отказ от внеблокового статуса России. Попытки заключения союза (России, Франции и Англии). Миротворческие усилия не допустить мировой войны во время июльского кризиса 1914 г., готовность к поискам самых больших компромиссов с Берлином и Венной, при одновременной решимости отстаивать всеми средствами суверенитет и независимость России и Сербии.

Пятый этап (1914-1917 гг.). Внешняя политика периода Первой мировой войны. Подчинение всех интересов и задач победе над внешним врагом: политика «священного единения». Отказ от сепаратного мира. Попытки недопущения вступления в войну Турции и Болгарии на стороне Германии и Австро-Венгрии. Договоренности с союзниками по территориальным приобретениям России после победы над Четверным союзом. Противоречия с союзниками по внешне- и внутривосточным вопросам, а также военным и материальным поставкам в Россию. Отречение императора Николая II от престола в результате Февральского переворота 1917 г. и прекращение его государственной деятельности.

Основным критерием периодизации является приоритетность региональных направлений внешней политики Российской империи в царствование императора Николая II.

Глава 2. Сохранение Россией status-quo в отношениях с ведущими европейскими государствами (первый этап)

§1. Вступление на престол императора Николая II и корректировка внешней политики Российской империи

Император Николай II вступил на престол 20 октября (2 ноября) 1894 г. после преждевременной кончины своего отца императора Александра III. А.В. Игнатъев отмечал, что, хотя «новый император был неглуп, довольно образован, владел тремя главными европейскими языками», «практическим опытом управления он не обладал. Отец не привлекал его к решению международных вопросов»¹. В первое время Николай II избегал каких-либо новаций и следовал рекомендациям министров и советам близких родственников². Однако по мнению И.В. Зимина: «Николай II достаточно быстро адаптировался, пытаюсь копировать стиль отношений отца со своими приближёнными»³. Император был досконально знаком со всеми важными депешами и посланиями своего дипломатического корпуса⁴.

20 октября 1894 г. вышел манифест императора Николая II, в котором он объявлял, что главная его задача, это «мирное преуспеяние, могущество и слава дорогой России, и устройство счастья всех Наших верноподданных»⁵. В циркулярной депеше министра иностранных дел Н.К. Гирса от 28 октября (9 ноября) 1894 г. были обозначены главные внешнеполитические направления будущего царствования: «Россия направит свои старания к поддержанию дружественных отношений со всеми державами и будет, по-прежнему,

---

¹ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3.

² Там же.

³ Зимин И. Царская работа. XIX — начало XX века. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М.; СПб: Центрполиграф; Русская тройка-СПб, 2011. С. 97-98.

⁴ Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893-1922. Минск: Харвест, 2003. С. 45.

⁵ Высочайший Манифест 20 ноября 1894 г. // Полное собрание законов Российской Империи. 1894. Собр. третье. Т. XIV. № 11014. СПб: Гос. тип., 1898. С. 625-626.

усматривать в уважении права и законного порядка наилучший залог безопасности государства»¹. По повелению Николая II этот циркуляр был разослан всем дипломатическим учреждениям за границей, «с изъявлением твёрдого намерения Его Величества следовать во всём политике в Бозе почившего Родителя своего, имевшей ввиду сохранение мира и отвращение великих бедствий войны между государствами и народами»².

С кончиной Н.К. Гирса, последовавшей в январе 1895 г., встал вопрос о его преемнике³. Н.К. Гирс был несменяемый министр иностранных дел императора Александра III⁴. Поэтому, следовало найти такого дипломата, который по опыту хотя бы приближался к почившему министру. Выбор Николая II остановился на опытном дипломате князе А.Б. Лобанове-Ростовском, который имел за плечами посольскую службу в Константинополе, Лондоне и Вене. Назначая А.Б. Лобанова-Ростовского на министерскую должность, Николай II ставил перед ним две следующие главные задачи: «Призвав вас на ответственный пост министра иностранных дел, Я руководствовался убеждениями, что найду в вас просвещенного и преданного сотрудника, вполне подготовленного продолжать миролюбивую и прямодушную политику Нашу, направленную к поддержанию дружественных со всеми державами отношений и к охранению непоколебимого достоинства Империи»⁵. Хорошо знавший Николая II принц Генрих Прусский не сомневался, что царь «поведет войну в Европе, то только в том случае, если будет считать себя подвергшимся нападению со стороны другой великой державы»⁶.

---

¹ Правительственный вестник. 1894. 1 (13) ноября. № 239.

² К.П. Победоносцев — Н.К. Гирсу. 25 октября 1894 г. [копия] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 15^а.

³ Барон Е.Е. де Стааль — императору Николаю II 8 (20) февраля 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1349. Л. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 40. Л. 22.

⁵ АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел (далее ДЛС и ХД). Оп. 464/2. Д. 2043. Л. 42-43.

⁶ Бюлов Б. Воспоминания: / Хвостов В.М. ред., пред. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. С. 221.

Важнейшей задачей российской внешней политики было создание такой системы сдерживания и противовесов, которая давала бы возможность развивать экономику империи. Для индустриализации Россия нуждалась в мире и привлечении в свою экономику иностранного капитала. Этого было невозможно в условиях конфронтации и изоляции с большей частью государств Европы. Необходим был прорыв в отношениях с ними, выход из полуизоляции Российской империи. Начинать надо было с Франции, так как к концу царствования императора Александра III это было единственное государство, с которым у России были не просто хорошие, а союзнические отношения, хотя сведения о подписанной с Парижем в 1891 г. военной конвенции продолжалась держаться в строгой тайне.

Становление франко-русского союза. Кончина императора Александра III вызвала большие сомнения, как во Франции, так и России, в будущем русско-французской конвенции. Многие были уверены, что она со смертью Александра III вскоре будет прекращена одной из сторон. Кровопролитные русско-французские войны начала и середины XIX столетия, прочно породили в обеих странах недоверие друг ко другу, которое во французском обществе усиливалось русофобскими измышлениями. Так, журналист Декасту писал в 1895 г.: «Исторически русские были наиболее злыми врагами Франции. Вторжение казаков останется в истории наиболее варварским событием»¹. Многих, как в России, так и во Франции, пугала принципиальная разница в менталитете и национальных ценностях, о чем откровенно писал С.Ю. Витте².

В правительственных кругах обеих стран опасались, что одна из сторон обязательно воспользуется конвенцией для обмана своего союзника. Президент Сади Карно полагал, что Россия, на основе существующей конвенции, начнет

---

¹ Marmouget (M.). La visite du tsar Nicolas II à Paris 5-9 octobre 1896. Paris : X Nanterre, 1997. P. 26.

² Цит. по: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб: Дм. Буланин, 2000. С. 56.

войну с Австро-Венгрией из-за Балкан, и втянет в нее Францию¹. С. Карно был убит анархистом в июне 1894 г., а в ноябре того же года скончался император Александр III. Уход из жизни двух инициаторов, при всех их сомнениях, и сторонников альянса, как бы символизировал и угасание его самого. Однако и у России, и у Франции были серьезные причины желать продолжение франко-русского военного соглашения. Для России разрыв альянса с Парижем означал возвращение в состояние полной изоляции, как это было перед началом Крымской войны (1853-1856). Для Франции — ситуация без союза с Россией могла закончиться новым германским вторжением. Поэтому, при всех недостатках этого соглашения, и в Париже, и в Петербурге, рассчитывали, что оно будет продлено и останется веским аргументом для обуздания германской агрессии. В течение семи лет российские и французские государственные деятели, не все из которых придерживавшихся одинаковых политических взглядов, объединяли свои усилия, чтобы после многих трудностей прийти к прочному союзу².

Однако с кончиной императора Александра III судьба франко-русского альянса, казалось бы, повисла в воздухе. По поводу отношения к Франции нового императора, в Париже были большие сомнения. Многие делали акцент на том, что он женат на немецкой принцессе. Так как из Петербурга не поступало никаких конкретных заявлений в отношении него, новый президент Ж.П. Казимир-Перье послал в российскую столицу своего помощника Ш. Вовино. В Петербурге, он с досадой узнал, что скорее всего молодой государь не знает вообще о существовании военной конвенции с Парижем³. Александр III, всегда решавший все вопросы внешней политики исключительно самостоятельно, даже своего наследника поставил в известность о существовании секретного

---

¹ Archives Ministère des Affaires étrangères (MAE). Correspondance politique et commerciale. V. 35. Alliance franco-russe. 1892-1904.

² Hansen (J.). L'alliance Franco-russe. Paris, E. Flammarion, 1897. P. 120.

³ Documents Diplomatique Français (далее DDF) (1871-1914). 1e série (1871-1900). Paris, 1937. T. XI (11 janvier 1894 — 7 mai 1895). № 267. P. 402-403.

соглашения с французским правительством незадолго до своей кончины¹. Детально о конвенции доложил Николаю II только Н.К. Гирс 16 (28) ноября 1894 г.². В.Н. Ламздорф отмечал в дневнике: «Министр [Н.К. Гирс] представил наши секретные соглашения с Францией, о которых Государь не имел ни малейшего представления»³. В 1895 г. министр иностранных дел III-й Республики Г. Ганото писал, что «никто во Франции не знает, чего придерживаться в отношении реальности соглашения. Царь Александр хорошо понимал, что единственный способ сохранить в тайне суть дела — это умножить количество сторонников нашего согласия»⁴. Исходя из этого, французская сторона решила точно узнать от нового царя его отношение к союзу с Францией. С этой целью президент Ж.П. Перье отправил генерала Р. де Буадефра⁵ быть представителем республики на похоронах Александра III. Из бесед с французским послом в Петербурге Г.Л. де Монтебелло Р. Буадефр узнал, что «вполне возможно молодой Государь не будет столь убеждённым сторонником союза, каким был покойный Царь»⁶. Однако 30 октября (11 ноября) 1894 г. Николай II ответил на письменное соболезнование президента Ж.П. Казимира-Перье в связи с кончиной императора Александра III, в самых теплых и дружественных тонах: «Очень Дорогой и Большой Друг! Господин дивизионный генерал Ле Мутон де Буадефр передал Мне письмо, которое Вы соблаговолили направить Мне по случаю ужасного горя, которое поразило Меня, также как и всю Россию. Я не на секунду не сомневался в том живом сочувствии, с каким Франция встретила горе Наше. <...> Проникнувшись благоговейными взглядами покойного Императора, я буду стремиться увековечить отношения, установленные им, в духе мира и справедливости,

---

¹ DDF. 1e série. T. XI. № 287. P. 431.

² Рыбачёнок И.С. Союз с Францией во внешней политике России. С. 17.

³ Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С. 85.

⁴ Grunwald (C., de). Les alliances franco-russes. Paris, Plon, 1965. P. 205.

⁵ Президент Казимир Перье — императору Николаю II 12 ноября 1894 г. [на фр. языке] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1323. Л. 1.

⁶ Service Historique de la Défense (далее SHD). 7 (Etat-major de l'armée. 1872-1940). № 744.

благотворное влияние которых признает весь цивилизованный мир»¹. После встречи 5 (17) ноября 1894 г. с Николаем II в Аничковом дворце², Р. Буадефр сообщал министру иностранных дел Г. Ганото: «Я считаю симпатию Императора к Франции совершенно реальной»³ и, что он решил твёрдо держаться военной конвенции, сохраняя при этом её секретность⁴.

Однако при новом императоре отношение к союзу с Францией претерпело принципиальные изменения. Александр III относился к соглашению с Парижем с довольно узкой прагматичной точки зрения: не дать России оказаться в полной изоляции, и получить средство воздействия на Германию. А. Огенюс-Сильвестрофф делает следующий вывод: «Александр III стремился освободить Россию от германского влияния и сблизиться с Францией. Формальное письменное соглашение поначалу не представлялось ему предпочтительным, но необходимость прочных гарантий от любых неожиданностей со стороны Германии вполне им сознавалась»⁵. Александр III демонстративно проявлял свое отрицательное отношение к пруссачеству и в особенности к германскому императору Вильгельму II, которого именовал «несносным мальчишкой»⁶. Возвращаясь из Дании в Петербург осенью 1891 г., царь, несмотря на все уговоры Н.К. Гирса, категорически отказался заехать в Берлин. Кайзер Вильгельм воспринял это как свою личную обиду⁷. Открыто демонстрировала свою неприязнь к Вильгельму II и императрица Мария Федоровна⁸. В общем виденье Александром III смысла франко-русской конвенции заключались в его

---

¹ Император Николай II — президенту Ж.П. Казимиру-Перье 11 ноября 1894 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1894 г. Д. 63. Л. 169-170 [на фр. яз.].

² DDF. 1e série. Т. XI Р. 427. № 284.

³ DDF. 1e série. Т. XI Р. 427. № 284.

⁴ DDF. 1e série. Т. XI Р. 427. № 284. Р. 432.

⁵ Огенюс-Селиверстоф А. (Париж). Роль политических и военных деятелей в заключении франко-русского союза // Россия и Франция XVIII-XX века /отв. ред. П.П. Черкасов. Выпуск 2. La Russie et la France XVIII-ème-XX-ème siècles. V. 2. М.: Наука, 1998. С. 148.

⁶ Боханов А.Н. Мария Федоровна. М.: Вече, 2013. С. 245.

⁷ Рыбачёнок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891-1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004. С. 47.

⁸ Боханов А.Н. Мария Федоровна. С. 245.

убеждении, что «надо сговориться с французами и, в случае войны между Францией и Германией, тотчас броситься на немцев, чтобы не дать им времени разбить сначала Францию, а потом обратиться на нас. Надо исправить ошибки прошедшего и разгромить Германию при первой возможности»¹. Цель русско-французского союза Александр III видел в том, чтобы Германия в ходе войны на два фронта распалась бы «как прежде на мелкие и слабые государства»². До заключения конвенции Россия и Франция оказались в полуизоляции, имея на своих границах Тройственный союз, который стремился извлечь из этой ситуации как можно больше преимуществ. Петербург был особенно обеспокоен ситуацией на Балканах, Париж опасался за свой суверенитет в широком смысле слова. Интересы России и Франции практически нигде не сталкивались. Подписывая оборонительную конвенцию, Петербург и Париж выводили свои страны из изоляции и ставили заслон германской агрессии. Таким образом, для Александра III русско-французское согласие должно было существовать, пока существует германская опасность. С ее исчезновением, конвенция теряла для царя-миротворца всякий смысл.

Если мы проанализируем отношение Николая II к конвенции, то увидим, что он исходил из гораздо более широких взглядов на союз с Францией, чем его отец. По мнению Николая II русско-французское соглашение должно было стать основой европейского мира, а не средством для уничтожения Германии. Царь осознал, что в сближении с Парижем «таятся не только выгоды, но и угрозы в будущем»³, так как союз с Францией с одной стороны «уменьшает опасность в случае войны с Германией, но в то же время, увеличивает шансы такой войны, создавая новые плоскости трения»⁴. Поэтому Николай II «с первых дней своего царствования стремился превратить франко-русский союз из орудия «реванша»

---

¹ Ламздорф В.Н. Дневник. С. 259.

² Дронов И.Е. Указ. соч. С. 604.

³ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 46.

⁴ Там же.

в орудие европейского замирения»¹. С Германией у России были дружественные традиционные династические, военные и торговые отношения, и отказываться от них ради союза с Парижем, царь не собирался. В 1897 г. А.Б. Лобанов-Ростовский в беседе с Б. Бюловым сообщил, что император Николай II «в силу глубочайшего убеждения желает мира, мира повсюду, но особенно в Европе и в частности между Германией и Россией»².

Под нажимом самодержца французский флот принял участие в торжественном открытии Кильского канала (Канала кайзера Вильгельма), хотя первоначально правительство III-й республики собиралось игнорировать эти торжества³. В беседе с французским послом Г.Л. Монтебелло 27 июня (9 июля) 1895 г. Николай II отметил, что впечатление, произведённое этой мирной демонстрацией обеих держав, было именно тем, какое он желал⁴. Таким образом главный принцип российской внешней политики в Европе заключался в поддержке союза с Францией при сохранении дружественных отношений с Германией⁵.

16 (28) января 1895 г. президент Ж.П. Казимир-Перье ушел в отставку. Новым президентом стал умеренный республиканец Ф. Фор⁶. 18 (30) мая 1895 г. Николай II в письме французскому президенту («очень дорогому и великому другу») ⁷, сообщал, что награждает его орденом святого апостола Андрея Первозванного, как особый знак особых отношений, сложившихся между Россией и Францией⁸. 29 мая (10 июня) 1895 г. в Париже, выступая на заседании

---

¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 46.

² Бюлов Б. Воспоминания. С. 74.

³ Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С. 153, 154.

⁴ DDF. 1e série. Т. XII. № 76. Р. 100.

⁵ Лошаков А.Ю. Граф В.Н. Ламздорф – государственный деятель и дипломат. На правах рукописи. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. М: МГУ им. М. В. Ломоносова. Исторический факультет, 2016. С. 110.

⁶ Braibant (Ch.) et Le Gall (L.). Félix Faure à l'Élysée. Paris: Hachette, 1963. Р. 21; так же см.: AN. Fonds Félix Faure. 460 AP 3 (suite).

⁷ Император Николай II — президенту Ф. Форю 30 мая 1895 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1890 г. Д. 63. Л. 203.

⁸ Император Николай II — президенту Ф. Форю 30 мая 1895 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1890 г. Д. 63. Л. 203.

Сената, премьер-министр А. Рибо несколько раз характеризовал отношения с Россией словом «союз»¹. Когда 15 (27) июня на встрече с царем в Петергофе посол Г.Л. Монтебелло принес извинения за излишнюю поспешность такого определения, Николай II живо возразил: «Почему бы и нет? Разве этот союз не является свершившимся фактом? Какой смысл его скрывать? Чего мы не должны говорить, так это о форме этого союза, о существовании военной конвенции, которая должна оставаться секретной»².

15 (27) мая 1896 г. президент Ф. Фор направил императору теплое письмо, в котором поздравлял его с коронацией³. Представителем III-й Республики на коронационных торжествах в Москве был назначен дивизионный генерал Р. Мутон де Буадефр, которому Николай II оказал особую честь, пригласив его в свою свиту во время смотра войск. Для представителя не монархического государства, такое приглашение являлось особой честью⁴.

18 (30) мая 1896 г. на Ходынском поле произошла давка, повлекшая за собой гибель свыше тысячи человек. Первоначально царь хотел отменить все праздничные мероприятия. Но 19 (31) мая, на следующий вечер после Ходынки, был назначен торжественный прием в резиденции французского посла графа Г.Л. де Монтебелло, который придавал вечеру важное внешнеполитическое значение, так как французские правящие круги остро нуждались в официальном признании союзнических отношений с Россией. Княгиня М.С. Барятинская вспоминала: «Царь и Царица оказались в очень неловком положении. Если они посетят бал, создастся впечатление, что они безразличны к несчастьям своего народа, а если не пойдут, это вызовет горькое разочарование у французского народа»⁵. Великий

---

¹ DDF. 1e série. T. XII. № 76. P. 99-100.

² Ibid.

³ Président F. Faure à L'Empereur Nicolas II. Le 15 mai 1896 // AN. Fond Félix Faure. 460 AP 8.

⁴ Aubanel (N.). Une page d'Histoire. Voyage du Président de la République en Russie. Paris : L.-H. May, (s.d.). P. 20.

⁵ Барятинская М.С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870-1918. М.: Центрполиграф, 2006. С. 58.

князь Константин Константинович записал в дневник: «Государь не хотел было ехать на французский бал, но его убедили показаться там, хотя бы на один час»¹.

По завершению коронационных торжеств в мае 1896 г. Николай II объявил о своем намерении совершить турне по столицам Европы, с целью посетить представителей царствующих династий, с большинством из которых он состоял в родстве, в том числе и с германским императором Вильгельмом II². Ф. Фор в личном письме от 20 июля (1 августа) 1896 г. пригласил императора Николая II с супругой посетить Париж³. Николай II, верный политики многополярности в отношениях с державами, некоторое время колебался, опасаясь, что этот визит вызовет в европейских столицах представление о приоритетности у России отношений с Францией⁴. Тем не менее, 26 июля (7 августа) 1896 г. Николай II согласился посетить Францию с официальным визитом⁵. Из воспоминаний Ф. Фора можно понять, что помимо политических соображений, Николай II считал поездку в Париж своим сыновьём долгом, так как его отец император Александр III собирался посетить Париж незадолго до своей болезни⁶.

Для Франции согласие Николая II посетить Париж стало неким политическим прорывом. С 1870 г., то есть со времени свержения Наполеона III, ни один коронованный глава государства не посещал официально Францию, а так как Европа того времени была практически вся монархической, то это выглядело как некий бойкот Парижа с их стороны⁷. Николаю II этот французский визит тоже грозил нанести определенный урон, выставив его перед европейскими государями, в качестве «изменника». Особенно этим мог воспользоваться Вильгельм II, постоянно выставлявшего себя поборником монархических ценностей. Не случайно английская газета «Daily telegraph» отметила, что этот

---

¹ Дневники Великого Князя Константина Константиновича // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43. Л. 66.

² Император Николай II — великому князю Георгию Александровичу // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1221. Л. 15.

³ DDF. 1e série. T. XII. № 436. P. 714.

⁴ Рыбачёнок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. С. 99.

⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1896 г. Д. 63. Л. 210.

⁶ AN. Fonds Félix Faure. 460 AP 3 (suite).

⁷ Marmouget (M.) Op. cit. P. 18.

визит царя меняет ситуацию 25-летней давности: «Франция больше не изолирована в Европе»¹.

Первую остановку Николай II сделал в Вене (15-17 августа н. ст.), где был радушно принят императором Францом Иосифом. Из Вены императорский поезд двинулся в Бреслау, где царская чета провела 5-7 сентября (по н. ст.) в обществе германского императора. По дороге произошло несчастье, которое чуть не оборвало только начавшееся турне: 17 (30) августа скоропостижно скончался князь А.Б. Лобанов-Ростовский. Кончина опытного министра, готовившего царский визит, была для Николая II тяжелой утратой. Обязанности временно управляющего МИД царь возложил на Н.П. Шишкина².

23 сентября (5 октября) 1896 г. царская чета прибыла морем из Дании во французский Шербург, а оттуда специальным поездом отправилась в Париж. Анализ французского общественного мнения той поры, убедительно свидетельствует, что практически все слои общества, независимо от политической принадлежности, за исключением крайних радикалов и революционеров, с воодушевлением встречали императора и императрицу. Левый радикал Ж. Клемансо писал: «Франция радостно встречает в лице императора Николая II первого друга, обретённого ею в несчастье»³. Правый депутат Р. Пуанкаре: «Предстоящий приезд могущественного монарха, миролюбивого союзника Франции будет видимым увенчанием усилий нашей мудрости и наше настойчивости; он покажет Европе, что Франция вышла из своей долгой изолированности, и что она достойна дружбы и уважения»⁴. Президент Ф. Фор подчёркивал естественность и закономерность приезда русского царя во Францию⁵. Радостно встречали царскую чету и простые

---

¹ Marmouget (M.) Op. cit. P. 24.

² Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского (1844-1896). Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратовский государственный технический университет. Саратов, 2008. С. 213.

³ Michon (G.). L'alliance franco-russe. 1891-1917. Paris : Delpeuch, 1927. P. 44.

⁴ Service Historique de la Défense (SHD). 7 (Etat-major de l'armée. 1872-1940). Fonds Poincaré 6 1-2.

⁵ AN. 460 AP 14, Fond Félix Faure.

парижане¹. На улицах было сплошное народное гуляние, повсюду были слышны крики: «Да здравствует Царь!», «Да здравствует Император!»². По словам президента Ф. Фора: «Николай II был живо поражён тем приёмом, который ему оказали жители Парижа»³.

Однако Париж был столицей III-й Республики, центром революционной эмиграции, крайне левых сил, игравших заметную роль в политической жизни государства. Поэтому, не случайно, что наряду с восторженными приветствиями царя, раздавались крики: «Смерть тирану! Да здравствует Интернационал!»⁴. Французский историк левых убеждений А. Дебидур писал по поводу визита царя в Париж: «Свободная Франция не отступила ни перед какими жертвами, чтобы заручиться дружбой с отвратительным правительством, варварство и коррупцию которого цивилизованный мир мог наблюдать только с ужасом»⁵. Префектура полиции предпринимала особые меры предосторожности. Российское посольства, где остановился царь, места его посещения в Париже во время визита охраняли свыше 20 тыс. конных и пеших полицейских и частей национальной гвардии⁶.

Министр иностранных дел Г. Ганото в беседе с Николаем II 24 сентября (6 октября) заметил, что для Франции оказалась провальной политика союза с Англией, которая «привела нас к Крыму, где мы совершенно бессмысленно потеряли 100 тысяч храбрецов в траншеях Севастополя», а для России — политика союза с Германией, которая без помощи России никогда бы ни стала империей⁷. «Для вас и для нас — подытожил Г. Ганото, — проверка сделана, и я

---

¹ Belon (P.) et Gers (P.). Les souverains russes en France. Cherbourg. Paris, Châlons. Paris, 1896. P. 38.

² Записка неустановленного автора о пребывании Императора Николая II во Франции [на фр. яз.] // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 783. Л. 4.

³ AN. Fond Félix Faure, 460 AP 14.

⁴ Marmouget (M.) Op. cit. P. 35.

⁵ Debidour (A.). L'église catholique et l'état sous la 3e république. T. 2. Paris, 1909. P. 34.

⁶ МАЕ, Papiers Hanotaux, 189, correspondance.

⁷ DDF. 1e série. T. XII. № 472. P. 784.

надеюсь, что ни один из народов больше не повторит ошибок прошлого»¹. В ответ Николай II заверил, что Франция может на него рассчитывать: «Теперь ничто нас не сможет разъединить. Ваша страна будет все более и более убеждаться в моем постоянстве и моей верности»².

4 октября 1896 г., накануне приезда Николая II во Францию, Ф. Фор издал указ, согласно которому запланированный по случаю выставки 1900 г. мост через Сену «напротив Дома инвалидов, будет называться «Мостом Александра III»³. 7 октября 1896 г. император Николай II, императрица Александра Федоровна и президент Ф. Фор заложили первый камень этого моста. Газеты писали, что «царь не только заложил первый камень в фундамент этого моста, но и укрепил будущее франко-российских отношений»⁴.

Визит царя во Францию начался с военно-морского смотра и закончился смотром сухопутных войск. Во время торжественного обеда 7 октября Николай II приветствовал президента Фора как «главу нации, с которой нас соединяют столь ценные узы»⁵. После большого смотра французским войскам под г. Шалонем царь назвал русскую и французскую армии «братьями по оружию»⁶. Эти слова сопровождались многократным и восторженным «ура»⁷. Было решено, что Николай II и Ф. Фор будут писать друг другу лично, минуя дипломатические каналы. 27 сентября (9 октября) 1896 г., уже покинув территорию Франции, Николай II направил Ф. Форю телеграмму: «Воспоминания от этих нескольких дней, проведенных среди вас, останутся навсегда в моем сердце. Я прошу Вас, господин Президент, сообразоваться передать мои чувства всей Франции»⁸.

---

¹ Ibid.

² DDF. 1e série. T. XII. - № 472.

³ Journal officiel de la République française, 06 octobre 1896, № 272. P.1.

⁴ “La pose de la première pierre”, Le Gaulois, 08 octobre 1896. P.1.

⁵ Полное собрание речей Императора Николая II. 1894-1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника». СПб: Книгоиздательство «Другъ Народа», 1906. С. 11.

⁶ Полное собрание речей Императора Николая II. С. 12.

⁷ Полное собрание речей Императора Николая II. С. 12.

⁸ L'Empereur Nicolas II au Président F. Faure 10 oct. 1896 // AN. 473 AP 1/12. Dossier 5 Russie (1894-1896). P. 305.

Образование русско-французского союза имела большое значение для России в экономическом плане. Первый французский заем в размере 3% был заключен в 1896 г. и позволил продемонстрировать силу французского рынка перед иностранной конкуренцией с помощью банкирского дома Ротшильдов. Эти инвестиции позволили России завершить денежную реформу и ввести в 1897 г. золотой стандарт и реформу валюты. После 1898 г., с назначением Т. Делькассе министром иностранных дел, французские займы начинают играть непосредственную роль в строительстве российских железных дорог. Париж предложил проложить железную дорогу до афганской границы, чтобы оказать давление на Британскую империю, с которой она только что столкнулась во время кризиса в Фашоде. В 1900 г. российское правительство одобрило этот проект, также как и строительство железной дороги между Оренбургом и Ташкентом, он был завершен в 1906 г¹.

Следует отметить, что экономические договоры с Францией не означали разрыва с Берлином и в этом вопросе. В 1894 г. Николай II одобрил торговый договор с Германией. После увольнения канцлера Л. фон Каприви, Вильгельм II вернулся к негативной экономической политике в отношении к России. В результате кайзер лишь способствовал укреплению франко-русского союза. Решение Берлина усилить свою военную мощь в сочетании с напряженностью в Центральной Азии между Россией и Англией, лишь укрепляли царя в верности союза с Парижем. Таким образом, экономическая привлекательность Германии снижается после 1895 г., в то время как экономическая привлекательность Франции возрастает, особенно в 1897 г., когда союз получил официальное оформление во время петербургской встречи Николая II и Ф. Фора.

Однако Николай II оставался верным своей политике «союз с Францией — мир с Германией». Перед визитом во Францию Николай II посетил г. Бреслау и, стремясь продемонстрировать кайзеру свое доверие, в беседе с канцлером князем

---

¹ Collins (D.N.). The Franco-Russian Alliance and Russian Railways, 1891-1914 // The Historical Journal, 16/4, Déc. 1973. P. 779.

Х.К. цу Гогенлоэ поинтересовался, не имеет ли он каких-либо возражений против его предстоящего визита в Париж. Х. Гогенлоэ ответил, что предстоящая поездка царя видется ему вполне естественной и никак не противоречащей интересам Германии. Николай II подчеркнул, что он отказался от апартаментов на набережной д'Орсе или в какой-либо иной французской резиденции, решив остановиться в здании российского посольства, которое является собственностью Российского государства. В конце беседы, Николай II пожаловал Х. Гогенлоэ орден св. Апостола Андрея первозванного, заверив канцлера, что отношения между Россией и Германией всегда будут дружественными¹. 16 ноября 1896 г. статс-секретарь по иностранным делам рейха барон А. Маршалл фон Биберштейн заявил в рейхстаге, что отношения между Германией и Россией основаны на уважении международных соглашений и желании двух стран обеспечить их выполнение. Биберштейн даже отметил о том сдерживающем влиянии, которое дружба с Россией на могла ни оказать на Францию².

Покидая Францию, царь сделал вывод: «Франция очень дорожит союзом с Россией, а с Германией можно ладить»³. Посол Франции Г.Л. Монтебелло отмечал: «Союз между Францией и Россией является ее определяющей линией, но одновременно, царь, во имя поддержания мира, сохраняет хорошие отношения со всеми державами»⁴. Новая политика Петербурга заключалась в том, чтобы, оставаясь внеблоковым государством, продолжать играть связующую роль между ведущими европейскими государствами, и при этом сохранять статус великой державы⁵.

Официальный визит Николая II в Париж открыл череду русско-французских встреч на высшем уровне. 10 (22) июня 1897 г. Николай II направил письмо

---

¹ Hohenlohe (H.), prince. Memoirs of Prince Chlodwig Hohenlohe-Schillingsfuerst. London: W. Heinemann, 1906. Bd. II. P. 484.

² Die Große Politik. Bd. XI. S. 337.

³ DDF. 1e série. T. XIII. № 249. P. 420.

⁴ DDF. 1e série. T. XIII. № 67. P. 115.

⁵ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 6.

президенту Ф. Фору, приглашая его посетить Россию¹. А.П. Моренгейм сообщал: «Впечатление, произведённое письмом, которое Его Величество Император соизволил собственноручно написать господину Президенту Республики, было настолько сильным, что его значение могло быть оценено лишь на месте»². В связи с этим у правительства III-й Республики встал вопрос освещения визита в прессе, так как никакого опыта официальной работы в Российской империи у французских журналистов не было. Г. Ганото оказался в затруднительном положении перед лицом российской императорской администрации, так как ничего не знал о формальностях, которые необходимо было выполнить, и считал, что «достаточно, чтобы французские журналисты, направляющиеся в Санкт-Петербург, были снабжены рекомендательным письмом из посольства России в Париже». в любом случае, без журналистов не обойтись. Посол в Петербурге граф Л. Монтебелло провел соответствующие переговоры с российскими властями, чтобы сделать визит французских журналистов в Россию возможным. Визит президента Ф. Фора в Петербург освещали такие французские газеты как “L’Éclair”, “Le Journal”, “Le Gaulois”, известные правительству своей поддержкой союзу с Россией³. Журналисты первым донесли до сознания европейской политики и общественного мнения, что «Франко-русский союз перестал быть канцелярскую тайной, он не боится ни света, ни порицания, ни критических отзывов»⁴.

Утром 23 августа 1897 г. крейсер «Rothuaui» доставил президента Ф. Фора на Кронштадтский рейд. На причале Александрии президента уже ожидал император Николай II⁵. Когда в Кронштадт прибыл Ф. Фор, многие полагали, что

---

¹ Император Николай II — президенту Ф. Фору 10 (22) июня 1897 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1890 г. Д. 63. Л. 226-227.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1897 г. Д. 86.

³ Brodier (C.). L'alliance franco-russe, ou la perennisation du souvenir des fetes, 1896-1897 // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2019/1 №° 49. P. 46.

⁴ Цит. по: Рыбаченок И.С. Союз интересов и союз сердец. 1891-1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004. С. 159.

⁵ Bluysen (P.). Félix Faure intime. Paris : F. Juven éditeur, 1898. P. 251.

Николай II не поедет его встречать, а будет ждать в Петергофе, так как непосредственно у причала, согласно этикету, полагалось встречать только коронованных монархов¹. Однако Николай II с супругой лично встретили Ф. Фора и вместе с ним прибыли на яхте в Петергоф². В этом жесте императора Николая II усматривалось особое доверие, установившееся между ним и президентом³. Импозантный мужчина, Ф. Фор был светским человеком, который превратил президентскую должность в представительскую при III-й Республике. За свою любовь к пышным приемам, он получил прозвище «Президент-Солнце» («Président-Soleil»). Визит в Россию был первой официальной зарубежной поездкой президента Французской Республики⁴. Великий князь Константин Константинович писал: «Царь чувствовал себя с Фором гораздо легче, чем с обоими императорами*»⁵. 15 (27) августа 1897 г., уже после отъезда президента из России, Николай II писал матери: «Пишу тебе под сильным французским впечатлением вчера ушедшего Фора. Всё прошло, слава Богу, благополучно и лучшего, мне кажется желать нельзя было. Последние четыре дня прошли так скоро и гладко, что не чувствовалось присутствие гостя, а казалось, что у нас живёт старый знакомый. Фор чрезвычайно понравился всему семейству. <...> Он оставил во всех прекрасное впечатление»⁶. Такими же чувствами исполнены и строки из дневника великого князя Константина Константиновича, касающиеся французского президента: «У нас Фор всем очень понравился. Держит себя

---

¹ Дневник Великого Князя Константина Константиновича. Запись за 11 августа 1897 г. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 78.

² Дневник Великого Князя Константина Константиновича. Запись за 11 августа 1897 г. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 78.

³ Дневники императора Николая II 1894-1918. Т. 1. С. 357.

⁴ Braibant (Ch.) et Le Gall (L.). Op. cit. P. 22.

* германским и австро-венгерским.

⁵ Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись за 11 августа 1897 г. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 81.

⁶ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне 15 августа 1897 // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2320. Л. 21.

совсем просто, но с большим достоинством, изыскано любезен, у него много непринуждённости»¹.

Одним из обязательных условий дипломатического протокола был торжественный обед в честь принимающей стороны. Эти обеды носили не только протокольный, но и весьма важный политический характер, который придавали произносимые на обеде главами государств тосты. Ещё в ходе подготовки визита французская сторона настойчиво просила, чтобы в тостах глав государств прозвучала тема русско-французского союза. Г. Ганото даже предложил М.Н. Муравьеву употребить определение «дружественные и союзные нации»². Николай II с этим согласился и в своем тосте, обращаясь к Ф. Фору, подчеркнул: «Мы хотели бы надеяться, что ваше пребывание у нас и та искренность чувств, которые оно пробуждает, могут только еще больше укрепить узы дружбы, глубокой симпатии, которые связывают Францию и Россию. Я пью за ваше здоровье, господин Президент, и за процветание Франции»³. В ответном тосте президент Ф. Фор отметил: «Отвечая на глубокие чувства всей нации, президент Республики прибывает в столицу империи Вашего Величества, чтобы подтвердить и еще более укрепить столь прочные связи, которые объединяют наши две страны»⁴. В конце тоста оценка франко-русских отношений уже не заставляет сомневаться о признании между двумя государствами союзнических отношений: «Вступая на русскую землю, в тот момент, когда сердца двух народов бьются едино при одной мысли о взаимной верности и мире, я <...> поднимаю мой бокал в честь Его Величества Императора Всероссийского и Ее

---

¹ Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись за 11 августа 1897 г. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 81.

² Hanotaux (G.). Voyage de M. Félix Faure en Russie (18-31 août 1897), notes sur le voyage à Pétersbourg, entretiens avec l'Empereur et avec le comte de Mouravieff // Revue d'histoire diplomatique, 1966. P. 228.

³ Тост императора Николая II, произнесённый за завтраком на борту «Потюо». 14/26 августа 1897 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 42. Л. 293.

⁴ Тост президента Ф. Фора, произнесённый за завтраком на борту «Потюо». 14/26 августа 1897 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 42. Л. 298.

Величества Императрицы Всероссийской»¹. По свидетельствам современников, сопровождавших царя на встрече с французским президентом, решение об официальном провозглашении союза с Францией, было принято лично Николаем II, после долгой беседы с Ф. Фором, Г. Ганото и графом М.Н. Муравьевым². Подтверждением франко-русского союза стал 50 тыс. парад императорской гвардии в Красном Селе в присутствии царя и президента³. В 15 часов по европейскому времени Агентство Гавас передало по телефону, что между Францией и Россией установлены союзнические отношения. Российская газета «Московские ведомости» от 10 (23) августа 1897 г. писала: «Провозглашение франко-русского союза на французском корабле «Rothuau» составляет грядущее событие, завершающее «французскую неделю» в России. Священное слово «союз», много раз появлявшееся на столбцах газет, произносившееся всеми в течение последних шести лет, ныне торжественно произнесено теми, в чьих могущественных руках этот союз хранится»⁴. Но, как ни странно, официально признание русско-французского союза далеко не всех во Франции вызвал положительные эмоции. Многие рассчитывали, что заключенный союз сразу же будет нацелен на войну с Германией, за освобождение Эльзаса и Лотарингии. Ж. Клемансо, например, выступил резко против такого мира, каким был Франкфуртский 1871 г., по которому, собственно Франция и потеряла свои западные провинции. При словшихся обстоятельствах, заявил Клемансо, Николай II и Ф. Фор с тем же успехом могли бы объединиться с Тройственным союзом⁵. Однако подобное недовольство представителей некоторых французских кругов, заметно успокоило германское правительство, осознавшее, что союз России с Францией носит исключительно оборонительный характер. Разумеется, в Петербурге никогда не рассматривали заключение

---

¹ Тост президента Ф. Фора, произнесённый за завтраком на борту «Потью». 14/26 августа 1897 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 42. Л. 298.

² Bluysen (P.). Félix Faure intime. P. 256.

³ Рыбаченок И.С. Россия и Франция. Союз интересов и союз сердец. С. 170.

⁴ «Московские ведомости», 10 августа 1897 г.

⁵ Langer (W.). The diplomacy of imperialism, 1890-1902. New York: Knopf, 1968. P. 446.

военной конвенции, а затем и союза с Францией, как начало войны с Германией. Конец XIX — начало XX вв. — это время зарождения и постепенного развития поворота российской внешней политики на Дальний Восток, Китай и Азиатский регион, где содействие Германии было для Петербурга весьма полезно. Разумеется, не рассматривали всерьез франко-русский союз как наступательный и в правительстве Ф. Фора. Кроме того, в то время Германия рассматривалась как дружественное государство против Англии, как в Петербурге, так и в Париже.

Заметную роль в укреплении франко-русского союза сыграл Л.Г. Ланн маркиз де Монтебелло, сумевшего выстроить хорошие отношения как с Александром III, так и с Николаем II¹. Наладив доверительные отношения с многими представителями династии Романовых, Л. Монтебелло 24 августа 1897 г. сопровождал президента Ф. Фора во время закладки первого камня Троицкого моста в Санкт-Петербурге, ставшего символом альянса, также как закладка Николаем II моста Александра III в Париже в 1896 г. Супруга Л. Монтебелло вела благотворительную деятельность в столице Российской империи, в частности, финансировала приют французского благотворительного общества в Петербурге и его новую больницу. 14 (26) августа 1897 г. царь и президент обменялись последними прощаниями, и французская эскадра вышла в море, доставив Ф. Фору 19 (31) августа в Дюнкерк. Ф. Фору было суждено прожить еще неполных два года: он скоропостижно скончался 16 февраля 1899 г. Новым президентом Франции был избран умеренный республиканец Э. Лубе.

Российско-германские отношения. В отличие от своего отца, отношение Николая II к Германии не было отрицательным². Как вспоминал гросс-адмирал А. фон Тирпиц: «Николай II был настроен в пользу Германии. Это был честный, лично бесстрашный человек со стальными мускулами. <...> В одной из бесед царь мне сказал, что он гарантирует, что никогда не будет воевать с Германией»³.

---

¹ L'Empereur Nicolas II au Président F. Faure. 8/20 janvier 1898 // AN Fonds Félix Faure 460 AP 8.

² Ерусалимский А.С. Франко-германский кризис 1875 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938. Т. 6 (91). С. 216.

³ Тирпиц А. фон, гросс-адмирал. Воспоминания. М.: Вече, 2014. С. 155; С. 158.

В 1896 г. на полях записки великого князя Алексея Александровича, который был уверен, что Германия имеет захватнические планы в отношении России, Николай II оставил следующую помету: «С какой стати? Владея входом в Балтийское море, Германия вполне спокойна»¹. Необходимо помнить, что со времен Павла I, Александра I и Николая I Россию и Пруссию, создательницу Германской империи, связывали крепкие союзнические, династические и экономические узы, которые были скреплены совместно пролитой кровью в противостоянии с Наполеоном. Несмотря на то, что, начиная с 70-х гг. XIX в. отношения между двумя державами заметно ухудшились, дружественные традиционные отношения еще довели в них. Поэтому император Вильгельм II, несмотря на свою нелюбовь к России, долгое время был вынужден изображать из себя ее искреннего друга. 26 мая 1896 г. на коронацию царской четы в Москве в качестве своего представителя кайзер отправил двоюродного брата принца Генриха. Он вручил царю официальное поздравительное письмо от императора, написанное в тоне дружеского согласия². Ответное письмо Николая II было выдержано в тех же чувствах: «Выбор вашего любимого брата представлять вашу августейшую особу на торжественных мероприятиях по случаю моей коронации и нежные чувства, которые Ваше Величество выражает мне по этому поводу, являются новыми и красноречивыми свидетельствами неизменного продолжения тесной дружбы, традиционно связывающих наши дома. Ваше Величество может не сомневаться в том, что я всегда буду стремиться продолжать связи, созданные славным прошлым. Я с радостью приветствую взаимные чувства, которые движут нами, как лучший залог спасения монархических принципов, мира во всем мире и процветания соседних народов, судьбы которых нам вверил Бог»³. Перед поездкой в Париж, зная, что в российском обществе довольно сильно

---

¹ Записка великого князя Алексея Александровича по поводу брошюры Кази: «Русский военный флот, его современное состояние и ближайшие задачи». С пометами Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 440. Л. 8.

² Kaiser Nikolaus II. von Rußland an Kaiser Wilhelm II. Le 25 Mai 1896 // Die Große Politik. Bd. XI. S. 347-348.

³ Die Große Politik. Bd. XI. S. 347-348.

распространены антигерманские настроения, Николай II запретил прессе воздерживаться от любых выпадов против Германии. Советник французского посольства Ж. Гансен писал, что князь А.Б. Лобанов-Ростовский «был настроен откровенно антигермански, но он был вынужден уступать перед непреклонной волей Николая II, который был расположен к сотрудничеству с Германией»¹. Встреча двух императоров в Бреслау с 24 по 26 августа (5-7 сентября) 1896 г. прошла в атмосфере традиционной русско-германской дружбы². Позже, в Париже рассказывая Г. Ганото о своем пребывании в Бреслау, Николай II заметил: «Император Вильгельм II «очень умный, он хочет все знать, но слово его не надежно»³. Что касается вопроса о проливах, то вопреки ожиданиям германской стороны, ни царь, ни Н.П. Шишкин никаких обращений к германскому руководству по этому поводу не сделали⁴.

Эпоха Вильгельма II явилась, с одной стороны, временем взлета германской промышленности, науки и демографии, а с другой, временем непомерных амбиций с претензией на мировое господство, агрессивной политики, расцветом крайнего национализма и зарождающейся идеологии расового превосходства. Время правления Вильгельма II было стремительным развитием Германской империи, бывшей еще совсем недавно конгломератом маленьких немецких королевств и курфюрств, часто весьма разных по культуре, вере и даже языку, и объединенных железной волей Бисмарка, которого кайзер отправил в отставку. По своей натуре Вильгельм II был непостоянен, взбалмошен, не умел долго сосредоточиваться на чем-то конкретном.

Вильгельм II изначально испытывал вражду к России: «Изо всех соседей Пруссии, Россия — самый опасный, как по причине своей мощи, так и по своему географическому положению. Мои предшественники правильно делали, что

---

¹ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 47. Л. 35.

² DDF. 1e série. Т. XII. № 472. Р. 781.

³ DDF. 1e série. Т. XII. № 472. Р. 782.

⁴ Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 215.

поддерживали дружбу с этими варварами»¹. Тему диссертации, которую он защитил в берлинской Академии Генерального штаба еще будучи наследым прицем, называлась: «Варианты фронтального наступления вглубь России»². Кайзер не мог простить России, что она не дала рейху вторично разгромить Францию. С тех пор, в еще юном императоре, возобладало стремление максимально ослабить Россию, превратив ее в инструмент германской политики. Русофобия Вильгельма II стала логичным продолжением политики его ближайших предшественников-англофилов: деда Вильгельма I и отца Фридриха III³. Формулой последних Гогенцолернов стал своеобразный девиз: «Отход от России, опора на Англию, больше свободы, больше согласия, меньше власти и давления сверху»⁴. При этом стремление рейха покончить с Францией и забрать ее колонии, никуда не исчезло. Но для этого надо было разорвать франко-русский союз, потому что воевать на два фронта, да еще с такими державами, Германия в то время еще не могла. Поэтому кайзер сказал только, что им назначенному послу в Париже князем Г. фон Радолином: «Я надеюсь, что Вы затратите меньше времени для того, чтобы поссорить Россию и Францию, чем затратил Ваш предшественник для того, чтобы поссорить Францию и Англию»⁵. Вильгельм II пытался доказать царю, что союз с Парижем опасен «для нашего монархического принципа. <...> Республика как бы возносится на пьедестал»⁶. Осенью 1895 г. кайзер в достаточно истеричной манере пожаловался царю, что Франция готовится напасть на Германию и стягивает для этого свои части к границе. Хотя Николай II не верил этим сообщениям, он ознакомил с письмом крупного мидовского чиновника Н.П. Шишкина⁷, поручив ему проверить изложенную в

---

¹ Paléologue (Maurice). Guillaume II et Nicolas II. Paris: Plon, 1935. P. 9.

² Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. С. 14.

³ Там же.

⁴ Цит. по Макдоно Д. Последний кайзер — Вильгельм Неистовый. М.: изд-во АСТ, 2004. С. 46.

⁵ Télégramme du 21 mai 1901 de Delcassé à Montebello // МАЕ, NS Russie. Vol. 35.

⁶ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 25 окт. 1895 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 274-275.

⁷ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 246. Н.П. Шишкин — Императору Николаю II. 20 сентября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41. Л. 81.

нем информацию¹. Николай II поручил, находившемуся в Париже А.Б.Лобанову-Ростовскому проверить истинность дошедших до Вильгельма II слухов, и, в случае их недостоверности, посетить Берлин, испросить аудиенцию у германского императора и в личной беседе успокоить его². 24 сентября (6 октября) 1895 г. Г. Ганото заверил русского министра, что «на границе с Германией находится единственный армейский корпус и тот вскоре будет оттуда убран»³. В тот же день Николай II принял полковника Г. Мольтке, заявив, что он гарантирует: французы не предпримут ничего враждебного в отношении Германии. Николай II просил германского императора принять князя А.Б. Лобанова-Ростовского на обратном пути, чтобы убедиться в том, что министр «следует указаниям царя»⁴. На этом инцидент был исчерпан⁵. Тем не менее, кайзер заявил, что в интересах монархических принципов, надо было бы изолировать Францию и оставить ее «вариться в собственном соку», а России, Германии и Австро-Венгрии вернуться к союзу «трёх императоров»⁶. В свою очередь А.Б. Лобанов-Ростовский указывал, что именно союз с Россией действует умиротворяюще на Париж⁷. Вильгельму II ничего не оставалось, как заявить, что он «сильно рассчитывает на дружбу императора Николая II»⁸. А.Б. Лобанов-Ростовский в письме к Г. Ганото так оценил действия императора Вильгельма: «Это всё та же игра, чтобы привлечь Россию, взывать к монархическим и консервативным принципам, манить Константинополем и обещать поддержку

---

¹ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 246. Н.П. Шишкин — Императору Николаю II. 20 сентября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41. Л. 75.

² Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 246. Н. П. Шишкин — Императору Николаю II. 20 сентября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41. Л. 76.

³ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 246. Телеграмма князя А.Б. Лобанова-Ростовского Н.П. Шишкину. 24 сентября/6 октября 1895 г. [на франц. языке] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41. Л. 78.

⁴ Die Große Politik. Bd. IX. № 2332. S. 368.

⁵ DDF. 1e série. T. XII. - № 182. P. 262.

⁶ Ibid. P. 263.

⁷ Ibid.

⁸ DDF. 1e série. T. XII. № 182. P. 263.

Германии во всех восточных делах. Мы уже не раз получали авансы такого рода, они повторялись и в этот раз»¹.

Для Берлина франко-русский союз был опасен, но учитывая, что обе страны находились в конфликте с Британской империей, германское правительство надеялось направить острие альянса против Англии и выражало готовность поддержать его в этом. Это стремление особенно усилилось в 1897 г. с приходом в политику нового канцлера Б. фон Бюлова, который даже предложил Франции и России создать континентальную коалицию против экспансионистской политики Великобритании, что не нашло тогда поддержки у союзников². В 1895 г. премьер-министр Великобритании лорд Р. Солсбери попытался договориться с Германией, предлагая ей разделить Османскую империю, но Берлин отказался, надеясь оторвать от Британии Конго и Трансвааль³. Одновременно напряжение в отношениях между с одной стороны Парижем, Петербургом и Лондоном с другой, вызванные их противоречиями в Египте (Франция) и Китае (Россия), продолжали расти. В этих условиях, германское руководство стремилось поддержать Россию в Китае. А.Б. Лобанов-Ростовский считал: «Император Вильгельм предлагает нам Константинополь и всё, что мы только захотим, чтобы оторвать нас от Франции. Чтобы мы дали ему раздавить Францию, чтобы потом полностью подчинить нас своему руководству»⁴. Эту же мысль позже подтвердит и новый министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф, сменивший в 1900 г. скоропостижно скончавшегося М.Н. Муравьева: «Для того, чтобы быть действительно в хороших отношениях с Германией, нужен союз с Францией. Иначе мы утратим независимость»⁵.

25 июля (6 августа) 1897 г. Вильгельм II прибыл в Россию с официальным визитом. Его сопровождали князь Х. цу Гогенлоэ и статс-секретарь Б. фон Бюлов.

---

¹ DDF. 1e série. T. XII. № 182. P. P. 241.

² Schmitt (B.E.). Triple Alliance and Triple Entente, New York, Henry Holt and Co., 1934. P. 48-49.

³ Schmitt (B.E.). Op. cit. P. 50.

⁴ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. [на фр. яз.] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 65.

⁵ Дневник В.Н. Ламздорфа. Август-октябрь 1895 г. [на фр. яз.] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 30.

В германском руководстве тогда не было сомнений, что в условиях вызывающей английской антигерманской политики, следовало как можно сильнее использовать русский фактор. Х. Гогенлоэ открыто заявлял, что нужно исправить «нашу самую глупую ошибку последних семи лет — расторжение договора перестраховки с Россией»¹. Б. Бюлов был убежден, что пока Германия сохраняет дружественные отношения с Россией, Англия никогда не посмеет напасть². Россия также стремилась получить от хороших отношений с Берлином максимальные выгоды в борьбе с той же английской экспансией и предоставлением благоприятных условий в финансово-торговой сфере. Английский поверенный в Константинополе С. Спринг Райс заметил в те дни, что политика Германии определенно повернулась в сторону Петербурга³. Непосредственным результатом визита Вильгельма II в Россию, стал, в том числе, и выгодный для России займ в 10 млн фунтов стерлингов на берлинском рынке. Визит германского императора внешне прошел в самой теплой и радушной атмосфере⁴. Во время торжественного обеда ни раз звучали слова о «традиционных узах», которые связывают оба государства и народа. Император Николай II пожаловал германскому императору звание адмирала русского флота. М.Н. Муравьев даже позволил себе в частной беседе с Б. Бюловым заявить, что предпочел бы союз с Германией союзу с Францией⁵. Вполне возможно, впрочем, что граф выполнял высочайшие указания, данные с целью успокоить германскую сторону. Впрочем, было очевидно, что Петербург не собирается превращать союз с Францией в инструмент агрессии. Тем не менее, за внешним фасадом этих

---

¹ Bülow (B.). Mémoires du chancelier Prince de Bülow : en quatre volumes / Bloch H. : traduction. Paris: Libraire Plon, 1930. T. I. P. 55.

² Bülow (B.). Mémoires. T. I. P. 19.

³ Spring Rice (C.). Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rice, a record. Boston New York, Houghton Mifflin company, 1929. V. I. P. 225.

⁴ Нигметзянов Т.И. Российско-германские отношения в правления Императоров Николая II и Вильгельма II // II-е Романовские чтения Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26 - 27 марта 2009 года / сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009.

⁵ Bülow (B.). Mémoires. T. I. P. 55.

«традиционных уз» со стороны царя скрывались недоверие и неприязнь к эпатажной и фальшивой личности Вильгельма II. Так, Николай II, сообщая вдовствующей императрице Марии Федоровне, о производстве кайзера в адмиральское российское звание, писал: «Милая Мама, к сожалению, придётся теперь назначить Вильгельма — нашим адмиралом. <...> Приходится дать ему наш морской мундир, тем более что в прошлом году он назначил меня капитаном I-го ранга у себя. <...> C'est à vomir*!»¹. К слову, сам Вильгельм II был в восторге от полученного адмиральского мундира². Явно отчуждено были восприняты российской стороной политические предложения кайзера по разделу Китая и вытеснению Англии из её колоний³. Тост царя в честь германской императорской четы не выходил за рамки общего этикета⁴. Великий князь Константин Константинович отмечал, что тост царя был «чисто официальным, без особых сердечных излияний»⁵. Что касается ответного благодарственного тоста германского императора, то в нем было дано торжественное обещание содействовать российскому императору «в великом деле сохранения народам мира» и готов «обрушиться против всякого, кто попытается помешать, или разрушить его»⁶. Великий князь Константин Константинович, комментируя тост Вильгельма II, провидчески отметил: «Такое ручательство мне кажется несколько смелым»⁷. Отъезд кайзера вызвал у царя вздох облегчения: «Слава Богу, германский визит окончен»⁸.

---

* Это — тошнотворно! — фр.

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне 23 июля 1897 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2320. Л. 13.

² Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись от 25 июля 1897 г. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 71.

³ Paléologue (M.). Guillaume II et Nicolas II. Paris : Plon, 1935. P. 20.

⁴ Полное собрание речей императора Николая II. С. 16.

⁵ Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись от 25 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 71.

⁶ Приветственная речь императора Вильгельма II на приёме у императора Николая II. 27 июля 1897 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д. 710. Л. 2.

⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись от 25 июля 1897 г. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 71-72.

⁸ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. август 1897 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2324. Л. 67.

Между тем, сам Вильгельм II был весьма удовлетворен состоявшимся визитом в Петербург. По возвращении в Берлин кайзер писал своему другу графу Ф. фон Эйленбургу: «Визит в Россию оказался намного лучше, чем я ожидал. В ходе нескольких бесед я достиг полного понимания с Ники по всем важным политическим вопросам. Так, что мы вместе, так сказать, распорядились миром. Возвращение Франции и Лотарингии Франции с помощью России является абсолютно невозможным. Так, что войны с Галлией и нами, Россией и нами, с Божьей помощью, больше не следует опасаться. Было принято решение о континентальной блокаде Америки и возможно Англии. Россия обязалась привлечь Францию к этой идее»¹. Разумеется, кайзер, как это было ему присуще, выдавал желаемое за действительное. Ни о каких «континентальных блокадах» США и Великобритании в Петергофе не обсуждали, если только кайзер не «засыпал» Николая II бесконечными предложениями и проектами, о чем царь ни раз жаловался своему окружению. Примечательно, что в эти же дни Ф. Эйленбургу писал и Б. Бюлов, но характер его выводов из петербургского визита сильно отличается от письма его повелителя: «Император Николай не делал тайны из своего антианглийского образа мыслей. Он считает необходимым вынудить Англию очистить Египет. Политика Англии, сказал царь, имеет целью достижение европейской войны, в которой она бы осталась в стороне, как во времена Наполеона I»². Однако даже в окружении импульсивного Вильгельма II никто не планировал «континентальные блокады» США и Англии.

Во многом, исходя из желания иметь в союзницах Россию в противостоянии с Англией, кайзер и Б. Бюлов продолжили усилия по развалу франко-русского союза. Посланник рейха в Париже Г.Г. Мюнстер убеждал кайзера, что даже если между Россией и Францией существует союз, то его бояться не следует, так как это «мезальянс» и такие «браки быстро распадаются»³.

---

¹ Die Große Politik. Bd. XIII. № 3426, 3433.

² Die Große Politik. Bd. XI. S. 81-82.

³ Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 217.

Однако, следуя своей политической линии на сохранение дружественных отношений, как с Парижем, так и Берлином, Николай II не поощрял антигерманский настрой французских правящих кругов¹. 30 октября (12 ноября) 1899 г. в беседе с Б. Бюловым, когда на фоне Фашодского кризиса наметилось франко-германское сближение, Николай II заметил, что он очень счастлив, что между Германией и Францией существуют хорошие отношения². В самой Германии было немало высокопоставленных государственных деятелей, которые полагали, что «место Германии возле России и Франции, а не возле Англии, поскольку, сделавшись союзницей последней, Германии пришлось бы иметь дело с мировой войной, войной в собственной стране и войной на два фронта — с Францией и Россией»³.

Осенью 1898 г. император Вильгельм II в сопровождении Б. Бюлова и большой свиты совершил почти месячную поездку по Османской империи, которая включала в себя посещение крупных городов Великой Сирии. Важность этого события была обусловлена не только провозглашенными целями монарха, совершением паломничества в Святую землю и открытием немецких благотворительных учреждений в Палестине, но и отражением нового курса мировой политики императора (*Weltpolitik*), под характерным девизом «*Platz an der Sonne*» («Место под солнцем»)⁴. Накануне визита германского императора коммерческое, экономическое и культурное проникновение Германии в Османскую империю значительно возросло: немецкие офицеры обучали турецких солдат, поставки оружия в основном осуществлялись из Германии. Проводя такую «пацифистскую политику проникновения», с одной стороны, и избегая прямой колониальной политики в отношении владений султана, с другой,

---

¹ DDF. 1e série. T. XV. № 26. P. 41.

² Ibid. P. 521.

³ Деша агент в Берлине В.Н. Шебеко от 4 июля 1900 г. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4945. Л. 632.

⁴ Fischer (F.). Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Diisseldorf, Droste 1971, S. 16.

Берлин смог укрепить свое политическое влияние в Константинополе, которое превзошло положение там других европейских держав¹.

Вильгельм II подписал в Константинополе с султаном Абдул Гамидом II договор о дружбе, торговле и судоходстве, заверив, что строительство Багдадской железной дороги будет продолжено. Кульминацией «паломничества» императора стала его речь в Дамаске, в которой он предложил себя в качестве защитника 300 млн мусульман, проживавших в то время по всему миру. Официально целью поездки было «паломничество по святым местам»². Проведя несколько дней в Иерусалиме, Вильгельм II встретился с Т. Герцлем, лидером сионистского движения, который приехал в Палестину именно для того, чтобы встретиться там с кайзером. Герцль объяснил свое видение еврейского государства, которое он хотел построить в Палестине под протекторатом германского императора. Вильгельм II доброжелательно выслушал и пообещал рассмотреть дело³.

Визит кайзера в Константинополь вызвал в Петербурге сильное беспокойство. Подполковник Л.Э. Мулен, военный атташе при французском посольстве, в апреле 1899 г. докладывал в Париж: «Император России весьма встревожен, и некоторые представители из его окружения уже серьёзно обсуждают возможность царского визита в Константинополь и Иерусалим, который бы свёл на нет все проекты Вильгельма»⁴. В Берлине, конечно, понимали, что реакция российского императора будет болезненной, а поэтому кайзер пытался убедить царя, что был чисто паломнический визит⁵. Однако этим Вильгельму II не удалось ввести в заблуждение Николая II, который, находясь в Потсдаме, осенью 1899 г., прямо заявил: «Нет никакого вопроса, в котором интересы Германии и России находились бы в противоречии. Есть только один пункт, в котором вы

---

¹ Deutsche Interessen in Syrien und Palästina 1841-1898. Berlin, Baalbek Verlag, 1982. P. 253-299.

² Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 492.

³ Jaschinski (K.). Des Kaisers Reise in den Orient 1898. Trafo, 2002. S. 60.

⁴ DDF. 1e série. T. XV. № 246. P. 416, 417. Note 2.

⁵ Император Вильгельму II — императору Николаю II // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 291.

должны считаться с русскими традициями и бережно к ним относиться — а именно на Ближнем Востоке. Вы не должны создавать впечатления, будто вы хотите вытеснить Россию, в политическом или экономическом отношении, с того Востока, с которым она веками связана многими узами национального и религиозного характера»¹.

Англия — главный соперник. К концу XIX в. вероятность большого военного конфликта в Европе казалось, если не была полностью устранена, то приняла второстепенный характер. Европейские державы в то время вели активную политику по удержанию своих колоний и захвату новых. В 1895 г. под властью Парижа создается Федерация африканских стран под названием французская Западная Африка, куда вошли Сенегал, французский Судан (в будущем Мали), Гвинея и Кот-д'Ивуар. В 1896 г. территория Джибути, расположенная на (Восточном) Африканском Роге, официально становится французской колонией и получает название «французский берег Сомали». Однако на этом аппетиты французских колонизаторов не ограничились, в их планах был захват египетских владений Великобритании, а также английского Судана. В свою очередь, британцы и без того владевшие огромной колониальной империей в Африке (Египет, Судан, Кения, Уганда, Замбия, Малави и Нигерия), стремились ее и дальше расширять для эксплуатации ресурсов Африки. Разумеется, Лондон не собирался отдавать свои колонии или даже частично с ним делиться. Поэтому главным колониальным соперником Французской республики стала Великобритания². Она же была главным потенциальным военным противником и для России. Лондон стремился противодействовать ей во всех регионах, какие он считал для себя жизненно важными для своих политических и экономических интересов: в Афганистане, Персии, Китае, Центральной и Средней Азии. Таким образом, на начало XX в. у Франции и

---

¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 120.

² Arié (R.). L'opinion publique en France et l'affaire de Fachoda // Revue d'histoire des colonies. Année 1954. Vol. 41. № 144-145. P. 329-367.

России был общий противник и конкурент — Великобритания. По мнению Б. Эмерсон: «Россию и Францию объединяла не общая враждебность по отношению к Германии, а конкуренция с Великобританией за сферы влияния»¹. Что касается России, то тайная, а порой и явная, война Лондона против нее шла уже более ста лет, временно затихая перед лицом общего врага, когда союз с Россией становился для Туманного Альбиона вопросом жизни и смерти, как это было во время наполеоновских войн. Однако, как только опасность исчезала, Лондон возобновлял свое противостояние с Россией. Император Николай II перенял от своего отца императора Александра III стойкое неприятие Англии как государства. По словам С.Ю. Витте «Государь считал англичан нашими заклятыми врагами»². В 1896 г. царь следующим образом прокомментировал мнение организатора российского судостроения М.И. Кази, что «Англия наш главный неприятель», отметив: «К этому я вполне присоединяюсь, как всякий русский, знающий родную историю»³.

Осенью 1898 г. между Францией и Англией произошел колониальный конфликт (известный как фашодский кризис), из-за захвата области Фашода в английском Судане французским экспедиционным отрядом под командованием капитана Ж.Б. Маршана. Англо-французское соперничество было вызвано обоюдным стремлением обеих держав объединить свои разрозненные колониальные владения в Африке. Фашодский кризис был во многом спровоцирован стремлением Парижа пересмотреть египетский вопрос в свою пользу. Это произошло несмотря на предупреждения лорда Р. Солсбери, что «Великобритания не позволит, чтобы какое-либо европейское государство, кроме нее, заняло бы хотя бы часть долины Нила»⁴. Россия, союзница Франции,

---

¹ Эмерсон Б. Великобритания и франко-русский союз // Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 2. М.: Наука, 1998. С. 162.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 453.

³ Записка великого князя Алексея Александровича по поводу брошюры Кази: «Русский военный флот, его современное состояние и ближайшие задачи» [с пометами императора Николая II] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 440. Л. 8.

⁴ Albrecht-Carrié (R.). France et Grande-Bretagne : essais d'adaptation // Politique étrangère, 1968. V. 33. № 5. P. 468.

поддерживала пересмотр французских планов в Египте, но в самый важный момент, когда Франция оказалась перед угрозой возможной войны с Англией, российская дипломатия сохранила нейтралитет. Впрочем, Г. Ганото, опасаясь прямого отказа Петербурга воевать за французские интересы в верховьях Нила, с этим вопросом к российскому правительству и не обращался. Французскому премьеру было трудно требовать это от русских, с учетом того, что Франция в тоже самое время последовательно от своей поддержки в проливах — регионе, который наиболее интересовал Россию¹. Когда князь А.Б. Лобанов-Ростовский сказал Л. Монтебелло, что Россия намерена захватить Константинополь, если Англия форсирует Дарданеллы и попросил поддержки Франции, то президент Ф. Фор заметил по этому поводу: «Выход за рамки дипломатических действий был бы непонят во Франции, если вопрос, от которого мы страдаем в течение последних двадцати пяти лет (Эльзас-Лотарингия), до сих пор не решен»². Поэтому на поддержку в фашодском кризисе французы на Россию практически не рассчитывали. Сам Петербург в это время успешно решал свои задачи на Дальнем Востоке, заняв по согласованию с Китаем Порт-Артур и Дальний. Лондон сначала хотел заявить России ультиматум, но Р. Солсбери отверг этот шаг, заявив: «Я не думаю, что у нас достаточно оружия, чтобы сражаться с русскими и французами одновременно. Через шесть месяцев мы будем на грани войны с Францией. Я не могу позволить себе ссориться с Россией сейчас»³. С учетом того, что отношения с Германией у Лондона тоже оставляли желать лучшего, для него возникла угроза европейской коалиции, в которой он бы неминуемо бы потерпел поражение. Но в 1897 г. император Вильгельм II совершил роковой для той ситуации политический «ляп». Не поставив в известность свой МИД и канцлера, он приказал адмиралу Тирпицу занять китайскую гавань Киао-Чао, чем вызвал резкое недовольство России. Дело дошло

---

¹ Sanderson (G.N.). England, Europe the Upper Nile 1882-1899. Edinburgh at the University Press, 1965. P. 314.

² DDF. 1-e série. T. XIII. № 193.

³ British Documents on the Origins of the War 1898-1914 (далее BD). London, 1928. Vol. 1. № 34.

почти до военного столкновения между российским и германским флотами. В этой ситуации, кайзер был вынужден обратиться к Лондону с миролюбивыми предложениями. В результате, между Берлином и Лондоном начались переговоры о заключении англо-германского союза, направленного против России¹. Однако в то время война с Россией, к тому же в английских интересах, была для Берлина не выгодной. Германские правящие круги никак не хотели, чтобы Россия возвращалась в Европу, и более всего этого не хотел сам кайзер. Для Берлина был бы выгоден англо-русский союз под эгидой Германии. Однако в любом случае, Германии в 1898 г. удалось решить для себя вопросы с Россией вокруг Киао-Чао и с Англией вокруг колониальных споров. Между тем, Франция столкнулась с надвигающимся кризисом в Верховьях Нила в полном одиночестве. В Париже уже понимали, что ему не приходится надеяться ни на Россию, ни на Германию. Более того, в самом предверие фашодского кризиса, император Николай II направил всем государствам мира предложение о созыве мирной конференции, идея которой была воспринята в Париже как сильный удар по его положению в Судане.

Между тем, британская флотилия под командованием генерала Г. Китченера прибыла в Фашоду. На встрече с капитаном Маршаном Китченер потребовал немедленно очистить район Фашоды от французских войск. Английским правительством Франции был заявлен официальный протест. 28 июня (н. ст.) Т. Делькассе, сменивший в июне 1898 г. Г. Ганото в должности главы Форрин-офиса, отверг этот ультиматум². 18 сентября 1898 г. армия Китченера численностью 25 тыс. чел. со всех сторон обложила Фашода³.

15 октября 1898 г. Николай II направил в Париж министра иностранных дел М.Н. Муравьева, инкогнито военного министра генерала А.Н. Куропаткина и

---

¹ Sanderson (G.N.). Op. cit. P. 325.

² Hugodot (M.). L'opinion publique anglaise et l'affaire de Fachoda // Revue d'histoire des colonies. Année 1957. Vol. 44. № 155. P. 113.

³ Ropp (Th.). The development of a modern navy: French naval policy 1871–1904. Annapolis (Maryland): Naval Institute Press, 1987. P. 340.

министра финансов С.Ю. Витте¹². Поездка этих министров не была напрямую связана с Фашодой. Ее цель заключалась в обсуждении ссуд и закупке оружия. Но, разумеется, фашодский кризис не мог ни стать предметом обсуждения двух сторон. Ф. Фор заявил М.Н. Муравьеву, что «настоящий враг Франции — не Германия, а Англия, которая является таким же врагом Франции в Африке, как и России на Дальнем Востоке»³. В отличие от Ф. Фора Т. Делькассе дал понять М.Н. Муравьеву, что надеется «придать конфликту чисто колониальный характер»⁴, а незадолго до этого секретно заявил английскому послу в Париже Э. Дж. Монсону, что предпочел бы иметь союзницей Франции Англию, а не Россию⁵. На встрече с М.Н. Муравьевым Т. Делькассе отказался обсуждать ни вопросы Фашода, ни вопросы Египта, сославшись, что они являются англо-французским делом⁶. Тем не менее, военный министр генерал Ш. Шануан прозондировал мнение генерала А.Н. Куропаткина о возможности включения в военную конвенцию дополнительной статьи, предусматривающей взаимопомощь в случае войны с Великобританией⁷. М.Н. Муравьев заверил французское правительство, что Россия дипломатически будет полностью поддерживать Францию в ее конфликте с Англией в фашодском кризисе «до конца»⁸. 6 (18) декабря 1898 г. генерал А.Н. Куропаткин представил Николаю II доклад о мерах по приведению в состояние боевой готовности войск Туркестанского и

---

¹ DDF. 1e série. T. XIV (4 janvier-14 décembre 1898). – Paris, 1957. № 421. P. 642.

² Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5-6 (54-55). М.; Л: СОЦЭКГИЗ, 1932. С. 58.

³ Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. // Красный архив. Исторический журнал. С. 71.

⁴ Докладная записка М.Н. Муравьева императору Николаю II от 17 октября 1898 г. // АВПРИ. Ф. Секретный Архив. Д. 155/1606.

⁵ Sanderson (G.N.). Op. cit. P. 342.

⁶ Die Große Politik. Bd. XIV. № 3839.

⁷ Гостенков П.А. Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. Материалы Третьих международных научных чтений: «Мир и война: море и суша». Санкт-Петербург-Кронштадт 21-24 октября 2007 г. М; СПб: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 172.

⁸ DDF. 1e série. T. XIV. № 429. P. 657, 658.

Приамурских округов, Закаспийской области и Квантунского полуострова. Эти меры были одобрены царем, который наложил на докладе А.Н. Куропаткина следующую резолюцию: «Некоторые видимые приготовления с нашей стороны, по-моему, были бы совсем не бесполезны. Почему Англия одна имеет право так дерзко вооружаться среди всеобщего мира»¹.

Однако к этому времени линия Т. Делькассе, сторонника франко-английского примирения², все больше набирала силу в парижских верхах. После унижительного фашодского кризиса 1898 г. Т. Делькассе активно участвовал в пересмотре приоритетов французской внешней политики. Стремясь укрепить дипломатические связи Франции, он инициировал политическую линию, которая привела к изменению формы франко-русского союза в 1899 г., а затем к франко-итальянским соглашениям 1900 и 1901 гг. Т. Делькассе также рассматривал возможность сближения с Великобританией и утверждал, что главным врагом Франции по-прежнему является Германия³. Кроме того, у французского министра были и объективные причины противиться военному столкновению с Англией: в Судане Франция серьезно уступала ей в силах⁴. Помощь России тоже представлялась Т. Делькассе достаточно сомнительной. Посол Франции в Берлине маркиз Э. де Ноай писал Т. Делькассе 13 ноября 1898 г.: «Я не сомневаюсь, что, если Англия будет действовать слишком жестко, Россия встанет в строй. Но она не спешит с этим. Она осознает, что Суэцкий канал имеет для нее второстепенное значение»⁵. Для того, чтобы успешно противостоять Великобритании в Афганистане и Индии, России понадобилась бы армия в 250 тыс. человек, которую было бы весьма затруднительно перебросить в

---

¹ Доклад генерала А.Н. Куропаткина императору Николаю II // РГВИА. Ф. 165. Оп.1. Д. 3564. Л. 3.

² История дипломатии: в 5 т. / Громыко А.А. и др., ред. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 2. Дипломатия в Новое время 1871-1914. М.: Госполитиздат, 1963. С. 550.

³ Albrecht-Carrié (R.). France et Grande-Bretagne : essais d'adaptation. P. 470.

⁴ British Documents on the Origin of the War, 1898–1914 (далее BD). Edited by G.P. Gooch and Harold Temperley. London, 1927. Vol. 1. The End of British Isolation. № 193-194. P. 168.

⁵ DDF. 1e série. T. XIV. № 517. P. 799.

вышеуказанные регионы из-за недостаточного развития железнодорожной сети¹. Поэтому парижу пришлось согласиться на эвакуацию Фашода.

К тому же Николай II справедливо сомневался как в готовность Парижа воевать с Англией, так и в готовность Англии воевать с Францией из-за Фашода. 2 (14) декабря 1898 г. Николай II в письме Вильгельму II писал: «Дерзкое поведение Англии продлится недолго. <...> Я уверен, что ее воинственное настроение скоро упадет»². Эту мысль император повторил 18 января 1899 г. в беседе с Л.Г. Монтебелло: «Я считаю, что сегодня Англия не имеет стремления начинать войну. Это стремление присутствовало во время событий вокруг Фашода. Она настолько демонстрировала тогда своё стремление к войне, что нам пришлось предпринять предупредительные меры»³.

Николая II больше беспокоили выборы в Национальное собрание Франции, которые должны были пройти летом 1898 г. Царь выразил Л. Монтебелло свою надежду, «видеть политику вашего правительства такой же, какую оно проводит сейчас, умеренную и одновременно твёрдую, уже снискавшую доверие всей Европы»⁴. Однако в июне 1899 г. к власти пришел левый кабинет П.М. Вальдека-Руссо⁵, противника союза с самодержавной Россией. Социалистам повсюду мерещался роялистский заговор, особенно в армии. Поэтому они предпринимали все усилия, чтобы ослабить французский офицерский корпус. Из донесений военного агента полковника В.П. Лазарева следовало, что французская армия сознательно деморализуется правящим режимом⁶.

Однако охлаждение отношений с Петербургом таило для Парижа не мало опасностей. В 1899 г. распад Австро-Венгрии воспринимался многими представителями европейской дипломатии как вполне возможный. Это в свою

---

¹ Гостенков П.А. Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией. С. 172.

² Die Große Politik. Bd. XIII. № 3529.

³ DDF. 1e série. T. XV (18 novembre 1899-30 décembre 1900). Paris, 1959. № 26. P. 40.

⁴ AN Fond Félix Faure 460 AP 8. Affaires étrangères (1893-1899).

⁵ Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910, juillet 1914. / Marchand R., préf. T. 1 1910-1912. Paris, s/d. P. 1.

⁶ Донесение военного агента полковника В.П. Лазарева // РГВИА. Ф. 440. Оп.1. Д. 209. Л. 25.

очередь автоматически означал бы распад Тройственного союза, а значит и франко-русского союза, т.к. его существование ограничивалось существованием последнего. При этом германская опасность для Парижа никуда не исчезала, наоборот без гарантий Петербурга она только усиливалась. Целью Т. Делькассе было добиться изменения условий договора с Россией, в том смысле, что его существование не было бы ограничено существованием Тройственного союза¹. В Петербурге отнеслись к этому предложению Т. Делькассе с пониманием: распад русско-французского союза мог толкнуть Париж на сотрудничество с Германией, тем более что такие предложения Т. Делькассе неоднократно предпринимал².

Стремление к улучшению франко-германских отношений со стороны Парижа, стало проявляться после Фашода. Е.В. Тарле подчеркивал: «Никогда за все время существования Третьей республики, не обнаруживалось такого примирительного настроения по отношению к Германии, как в 1898-1900 гг., в прямой зависимости от решительной и ожесточенной вражды к Англии»³. Однако на все попытки Т. Делькассе сговориться с Берлином⁴, оттуда поступил заносчивый отказ⁵.

Первое десятилетие царствования Николая II показало, что Германия остается враждебным государством для Парижа и недружественным для Петербурга. Но это обстоятельство не отвергало того, что и Парижу, и Петербургу приходилось сотрудничать с германским правительством. Главное, что вынуждало их на это, была откровенно враждебная английская политика, направленная против обеих стран. В этом плане, в Петербурге и Париже воспринимали Лондон более опасным противником, чем Берлин. 25 июля (6 августа) 1899 г. Николай II согласился на изменение VI пункта конвенции 1892 г. Отныне союзнические обязательства между Францией и Россией сохраняли свою силу даже в случае

---

¹ DDF. 1e série. T. XV. № 255. P. 439.

² DDF. 1e série. T. XIII. № 87. P. 150.

³ Тарле Е.В., академик. Сочинения в двенадцати томах. Т. V: Европа в эпоху империализма. М.: Изд. Академии Наук СССР, 1958. С. 55.

⁴ Langer (W.L.). The Diplomacy of Imperialism 1890-1902. NY: Alfred A. Knopf, 1951. P. 568.

⁵ История дипломатии / Потёмкин П.В. ред. Т. 2. С. 135.

распада Тройственного союза¹. В текст конвенции также было добавлено дополнение, в котором целью договаривающихся сторон провозглашалось не только поддержание мира, но и поддержание «равновесия сил в Европе»², а также введена статья, предусматривающая совместную помощь в случае войны одной из сторон с Англией, при условии, что оба правительства приняли бы специальное решение «об оказании взаимной помощи в возможной войне с Англией»³. Изменение условий конвенции привело к углублению русско-французского военного сотрудничества⁴. 2 июля 1900 г., в Париже состоялось совещание начальников генеральных штабов России и Франции генералов А. Деллана и В.В. Сахарова⁵, которое стало затем ежегодным с 1901 по 1913 гг., за исключением революционного 1905 г. 12 (25) апреля 1901 г. был решен вопроса о предоставлении Парижем денежного займа для строительства российских стратегических железных дорог⁶. В апреле 1901 г. России был выделен 4%-й заем на сумму 424 млн. франков (159 млн. рублей)⁷.

Провокационная политика императора Вильгельма II в отношении союза Франции и России не прекращалась. 6(19) мая 1901 г. император дал торжественный ужин в честь дня рождения Николая II, выбрав, совершенно «случано» местом его проведения город Мец, отошедший Германии по результатам Франкфуртского мира 1871 г. На торжественный обед в честь российского императора, разумеется, был приглашен его посол в Берлине граф Н.Д. Остен-Сакен, через которого кайзер передал Николаю II приглашение принять участие в крупных военно-морских учениях германского флота на

---

¹ DDF. 1e série. T. XV. № 255. P. 438-439.

² История дипломатии / Громыко А.А. ред. Т. 2. С. 486.

³ История дипломатии / Громыко А.А. ред. Т. 2. С. 486.

⁴ Avicé-Hanoun (M.). Louis-Étienne Moilin, attaché militaire à Saint-Petersbourg au temps de l'Alliance Franco-russe // Aux vents des puissances [Jean-Marc Delaunay éd.]. Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2008. P. 38.

⁵ SHD. 1K 666. Procès-verbal de la rencontre des deux chefs d'état-major le 19 juin/2 juillet 1900.

⁶ История дипломатии / Громыко А.А. ред. Т. 2. С. 486.

⁷ О выпуске 4% российской консолидированной ренты // РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 406. Л. 1–7.

Балтике в начале сентября 1901 г.¹. Приглашение было принято царем, который, однако, собирался в августе перед маневрами посетить Данию. Л. Монтебелло посоветовал Т. Делькассе воспользоваться случаем и пригласить царя на маневры французского флота, чтобы не отдавать исключительную инициативу в этом вопросе только Германии². Т. Делькассе стал горячим сторонником этой идеи³. В своем послании в МИД Л. Монтебелло подчеркивал, что в глазах всего мира царь не должен производить впечатления поддавшегося внешней инициативе, уступающего требованию французского правительства. Инициатива визита должна исходить от него самого⁴. По-видимому, эти мысли Л. Монтебелло писал, находясь под влиянием В.Н. Ламздорфа. Смотр Северной эскадры французского ВМФ совпадал с военными маневрами французской армии возле Реймса. Поэтому президент Э. Лубе пригласил императора Николая II как на морской смотр, так и на военные маневры⁵, сделав из них как бы «продолжением» «Kaisermanöver» в Данциге. 19 июля (1 августа) 1901 г. В.Н. Ламздорф официально проинформировал Л. Монтебелло, что «после маневров в Данциге, которые закончатся 1 (14) сентября, император рассчитывает прямо отправиться во Францию, чтобы присутствовать на французских маневрах»⁶. Л. Монтебелло немедленно телеграфировал «радостную весть в Париж, требуя соблюдения строжайшей тайны до получения всемилостивейшего ответа»⁷. 1 (14) августа Николай II личным письмом поблагодарил президента Э. Лубе за его приглашение, которое царь принял. В тот же день Л. Монтебелло подробной

---

¹ МАЕ. NS Russie. Alliance Franco-russe. Vol. 35. 1901.

² МАЕ. Papiers Delcassé. Vol. XI. F. 55.

³ Perot (J.), Mariani-Ducray (F.). Un Tsar à Compiègne. Nicolas II. 1901. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2001. P. 58.

⁴ МАЕ. CADN. Saint-Pétersbourg. Série A. Volume 221.

⁵ Президент Лубе — императору Николаю II 8 августа 1901 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1283. Л. 2.

⁶ Переписка министра иностранных дел с французским послом в России относительно предстоящей поездки императора Николая II во Францию [на фр. яз.] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

⁷ В.Н. Ламздорф — императору Николаю II 19 июля 1901 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

депешей сообщал Т. Делькассе: «Император принял все пункты программы пребывания, которые вы предложили. Он все решил сам и ни от кого не принимал советов»¹. Вся дипломатическая игра, как со стороны французского, так и российского МИД была проведена настолько хорошо, что визит императора Николая II внешне гармонично вписался в традиционные встречи в рамках Франко-русского союза и не выглядел как молниеносный ответ на германские маневры. Только 28 августа наконец стала известна точная дата приезда царя, назначенная на 5 (18) сентября 1901 г. В конце августа император выехал со своей семьей в Копенгаген, где пробыл до 28 июля (10 августа), оттуда, направился на яхте «Штандарт» в Данциг, где совместно с Вильгельмом II наблюдал, не сходя на берег, за немецкими маневрами. Во Францию императорская чета прибыла 5 (18) сентября и пробыла до 8 (21) того же месяца². В Дюнкерке царскую яхту приветствовала французская Северная эскадра во главе с торпедным катером «Cassini», на борту которого находились Э. Лубе и Т. Делькассе³. Официальной резиденцией императора Николая II и императрицы Александры Федоровны французской стороной был выбран замок в г. Компьене, который одновременно находится недалеко как от Парижа, так и от Реймса. Идя навстречу пожеланиям высокого гостя, французская сторона предложила большую программу его пребывания, в которую кроме манёвров и смотра были предусмотрены посещения Реймского собора и театра, а также встречи с представителями различных общественных кругов⁴. В благодарственном письме Э. Лубе царь отмечал: «Меня особенно радует возможность еще раз засвидетельствовать надёжную прочность нашей дружбы, которая исключительно в мирных в целях объединяет оба наших союзных государства»⁵.

---

¹МАЕ. RAAP Delcassé. Vol. 211, T. XI. F. 56.

²МАЕ. Papiers Delcassé, PA, 211. Vol. 211, T. XI. F. 52.

³Note pour le Cabinet du Ministre l'Etat-Major de l'Armée // SHD. 7№1937.

⁴МАЕ. Papiers Delcassé, PA, 211. Vol. XI. F. 55.

⁵AN. Fonds Emile Loubet, 473 AP 7.

Второй визит во Францию Николая II в 1901 г. был менее торжественен, чем в 1896 г. Реакция французского общественного мнения была уже не столь единодушно-восторженной¹. Хотя улицы, как обычно, были украшены флагами, но анархистские и националистические взгляды во французском обществе усилились и стали гораздо более критичными по отношению к России². В прессе активно обсуждали предоставление Петербургу займов, полагали, что Франция слишком много дает денег своему союзнику. Левые круги были возмущены союзом с царской Россией. В Париже также было большое число российских политэмигрантов в основном представителей радикальных социалистических партий. Николай II безуспешно пытался убедить президента Э. Лубе в необходимости выработке единой концепции европейских государств в борьбе с терроризмом³.

21 сентября 1901 г. вблизи Реймса в присутствии Николая II и президента Э. Лубе состоялись военные маневры в рамках франко-русского союза, в котором приняли участие 130 тыс. французских военнослужащих⁴. В Реймсе Николай II осмотрел евангелие на славянском языке, принадлежавшее французской королеве Анне, дочери великого князя Киевского Ярослава Мудрого. При этом царь заметил: «Это — франко-русский союз XI в.»⁵.

Между тем, значение франко-русского союза, в связи с изменением внешнеполитической обстановки, начало ослабевать. Президент Э. Лубе перед своим ответным визитом в Петербург в мае 1902 г. сказал своему советнику А. Комбарье: в ближайшем будущем следует оставить планы о возврате военным путем Эльзаса и Лотарингии⁶; Германия больше не является врагом для Франции, в отличие от Англии; главным союзником остаётся Россия, так как «наши

---

¹ Boulay (C.). *La France des Romanov. De la villégiature à l'exil*. Paris, Perrin, 2010. P. 117.

² Perot (J.), Mariani-Ducray (F.). *Op. cit.* P. 41.

³ AN. Fonds Combarieu AP 410/1.

⁴ Colonel Moulin attaché militaire en Russie au Ministre de la Guerre général André. Le 31 décembre 1901 // SHD. 1937. 7 №. 1476.

⁵ Perot (J.), Mariani-Ducray (F.). *Op. cit.* P. 100.

⁶ AN, 410/1AP, Fonds Combarieu.

интересы никоим образом с ней не сталкиваются»¹. Таким образом, признавая Россию главным союзником, Париж уже не видел в ней единственную силу, способную защитить его от Германии, а сама Германия уже не воспринималась как «тевтонский ужас» с вечно занесенным над Францией мечом. В отношениях между Парижем и Петербургом наметилось охлаждение, которое усугубилось приходом к власти во Франции в 1902 г. левого блока радикал-социалиста Э.Л. Комба, который развязал в стране антицерковную кампанию. В соответствии с законом об ассоциациях 1901 г. религиозные собрания должны были подать заявку на получение разрешения. По закону эти запросы должны рассматриваться парламентом в индивидуальном порядке. Но фактически заявки, поданные религиозными общинами, отклонялись коллективно, их даже не рассматривали. В 1903 г. был принят закон, запрещающий преподавание в любых религиозных общинах. За несколько месяцев правительством Э. Комба было закрыто более 15 тыс. школ². Русский посол в Париже князь Л.П. Урусов сообщал Николаю II: «Правительство Комба подготавливает декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. <...> Такое постановление было бы равносильно безумному отказу в праве преподавания всему белому духовенству. Всё это говорит о намерении правительства вскоре порвать конкордат со святым престолом»³. В августе 1902 г. Николай II поручил князю Л.П. Урусову сообщить Т. Делькассе: «Россия неблагоприятно относится к мероприятиям правительства Республики по преследованию христианских учреждений». Вместе с тем, следуя указаниям государя, посол от полемики уклонился⁴. Массовые антирелигиозные чистки шли и во французской армии. Официально с мая 1904 г., начальник штаба генерал Л. Андре вел учет мнений и частной жизни офицеров. На полях их личных дел отмечалось: «ходил к мессе»; «ходил к мессе с молитвенником» или

---

¹ Combarieu (A.). Sept ans à l'Élysée avec le président Loubet de l'affaire Dreyfus à la conférence d'Algésiras, 1899-1906. Paris : Hachette, 1932. P. 144-145.

² О масонах // ГА РФ. Ф. 102 ДП. ОО. Оп. 1905. Ч. 12.2 (1). Л. 1.

³ Дешети русских дипломатических представителей за границей. Дешета князя Л.П. Урусова из Парижа // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 735. Л. 2.

⁴ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Т. 27. Д. 2439. Л. 45.

«присутствовал на причастии своего сына». Эти резолюции напрямую влияли на карьеру этих офицеров¹.

Демарш князя Л.П. Урусова был обусловлен и тем, что в начале XX в. между императорским правительством и папским престолом шли переговоры о сотрудничестве². В январе 1899 г. Николай II пригласил папу Льва XIII на Гаагскую конференцию, чем вызвал острое недовольство со стороны парижских правительственных кругов³.

Николай II связывал изменения, происходившие во Франции с социалистами и ложей Великого востока, которая оказывала поддержку революционному движению в России. В этих выводах, царя убеждали сообщения Заграничной агентуры Охранного отделения, во главе которой стоял Л.А. Ратаев, который сообщал в начале 1900-х гг.: «Отличительная черта всех этих великих востоков, это полная ненависть к России, которая остаётся у них оплотом всех реакционных сил всей Европы»⁴. В другом донесении Л.А. Ратаев предупреждал: «Можно ожидать от Великого Востока Франции самого широко содействия противоправительственным планам русских революционных элементов»⁵. «Великий оратор» Великого востока и социалист Сержан выразил уверенность, «что русский народ «отправит международный капитализм, царя и царизм на большое кладбище истории. Мы уверены, что в скором времени Свобода, Равенство и Братство будут царствовать в этой великой стране»⁶. В своей секретной записке военный агент полковник В.П. Лазарев сообщал: «Единственным государственным органом, имеющим решающее значение во Франции, является Палата депутатов. <...> Враждебное отношение парламентского большинства к принципам самодержавия и могущественное

---

¹ Bedarida (Fr.). L'armée et la République. Les opinions politiques des officiers français // la Revue Historique, 1964.

² Григулевич И.Р. Папство век XX. М.: Политиздат, 1981. С. 244.

³ DDF. 1e série. T. XV. № 50. P. 83.

⁴ О масонах // ГА РФ. Ф. 102 ДП. ОО. Оп. 1905. Ч. 12.2 (1). Л. 1.

⁵ О масонах // ГАРФ. Ф. 102 ДП. ОО. Оп. 1905. Ч. 12. 2(2) Л. 3.

⁶ Записка генерала П.Г. Курлова о действиях в Европе масонских и антимасонских организаций // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 771. Л. 7.

значение в стране господствующих политических партий не дают никаких гарантий в том, что Палата будет в минуты необходимости солидарна с исполнительными органами правительства (президентом Республики и министрами), принявшими на себя известные обязательства по отношению к России»¹.

Назначенный в начале 1903 г. новым послом в Петербурге, вместо Л.Г. Монтбелло, М. Бомпар явно не симпатизировал России и полагал, что «положение русского государства ужасно, а внутреннее недовольство всеобщее»². М. Бомпар был уверен: «В 1903 году медовой месяц русско-французского союза завершился»³. Париж начал политику сближения с Лондоном. Военный агент в Париже полковник В.П. Лазарев указывал, что цель Т. Делькассе, сблизившись с Лондоном и Вашингтоном — изолировать Германию⁴. Между тем, изоляция Германии не входила в планы российского правительства.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать следующие **выводы:**

1. При вступлении на престол император Николай II не обладал опытом управления внешней политикой, так как отец не привлекал его к решению международных вопросов.
2. В плане приверженности политики мира и status-quo Николай II был продолжателем внешнеполитического курса императора Александра III.
3. Для успешного осуществления политики индустриализации российской экономики правительству были необходимы мир и спокойствие в Европе, а также привлечение иностранных капиталов.

---

¹ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 171. Л. 1-2.

² Bompart (M.), ambassadeur de France. *Mon Ambassade en Russie (1903-1908)*. Paris, Plon, 1937. P. 38.

³ Bompart (M.). *Op. cit.* P. XIV.

⁴ Донесение полковника В.П. Лазарева // РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209. Л. 12.

4. Николай II изначально считал главной задачей русско-французского союза основание прочного европейского мира при одновременной дружбе с Германией.
5. Конец XIX в. был отмечен активной личной дипломатией императора Николая II В 1896-1900 гг. царь посетил Вену (Австро-Венгрия), Потсдам (Германия), Бальморал (Великобритания), Париж (Франция), Реймс (Франция), где состоялись его переговоры с высшими правительственными кругами этих государств. В этот же период Россию с официальным визитом посетили: император Вильгельм II, президента Франции Ф. Фор, императора Австро-Венгрии Франц Иосиф, президент Франции Э. Лубе, министр иностранных дел Франции Т. Делькассе, канцлер Германии Б. Бюлов.
6. Период с 1898—1903 гг. был отмечен антианглийской направленностью русско-французского союза и внесением в декларацию 1891 г. положения об обязательстве двух сторон поддерживать друг друга в случае враждебных действий Лондона.
7. В период 1902-1904 гг. русско-французский союз претерпевает определенный кризис («конец медового месяца»), вызванный приходом к власти в Париже радикал-социалистического блока, с одной стороны, и ослабеванием степени германской опасности для Парижа, с другой.

§ 2. Формирование российской политики дружественного нейтралитета с Австро-Венгерской империей на Балканах

Попытка России овладеть Босфором. Во время визита императора Николая II в Париже в 1896 г. Г. Ганото убеждал царя, что его поездка по Европе должна завершиться решением какого-нибудь злободневного вопроса современной политики ¹. Таким вопросом, Г. Ганото считал критическое положение дел в Османской империи и продолжающиеся там массовые убийства

---

¹ DDF. 1e série. T. XII. - № 472. P. 780.

армянского и греческого населения. Французский министр предлагал выработать меры по наказанию османских властей и заставить султанское правительство провести необходимые реформы, главной из которых должна стать финансовая. В 1879 г. султанское правительство объявило о банкротстве своей империи¹. В связи с этим, кредиторы Константинополя Лондон, Париж, Берлин, Вена и Рим образовали комиссию «Оттоманского государственного долга». В 1881 г. султан Абдул Гамид II издал фирман о признании этой комиссии². Таким образом, речь шла о международном финансовом контроле над Турцией.

Петербург выступал против установлению какого-либо международного контроля на Османской империей, опасаясь утверждения в черноморских проливах третьих держав, что фактически лишало Россию возможности мирного овладения проливами³. В Петербурге предпочитали иметь дело пусть с ослабленной, но суверенной Портой⁴. Париж также выступал против расчленения Османской империи, но по причинам финансовым, т.к. являлся ее крупнейшим кредитором. Посол Франции в Константинополе Ж. Камбон в беседе со своим коллегой А.И. Нелидовым отмечал: «Россия и Франция, обе в очень высокой степени заинтересованы в восточном вопросе, хотя и в различных сферах. Россия, как ближайшая соседка, заинтересована более на политической территориальной и военно-морской почве. Вопрос о проливах для нее первостепенной важности. Франция, напротив имеет материальные интересы; более 3 млрд. французских денег. Без предварительной договоренности союзницы легко могут столкнуться, защищая свои интересы»⁵.

26 сентября (8 октября) 1896 г. в Версале Николай II в беседе Г. Ганото согласился на введение русского представителя в Комиссию по Оттоманскому

---

¹ Миллер А.М. Краткая история Турции. М.: ОГИЗ Госполитздат, 1948. С. 98.

² Там же. С. 100.

³ Хвостов В. Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX века // Историк-марксист. 1930. № 20. С. 100-129.

⁴ Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия) / А.В. Игнатъев, Л.Н. Нежинский ред. Институт Российской истории РАН. М.: Международные отношения, 1999. С. 239.

⁵ Цит. по: Хвостов В. Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX века // Историк-марксист. С. 122. С. 121.

долгу¹, о чем поручил уведомить послам России и Франции в Константинополе². Однако это решение никогда не было оформлено в межгосударственное соглашение. В дневнике В.Н. Ламздорфа отмечается, что «наш Монарх много беседует с Ганото в Версале и во всеуслышание одобряет его проект реагирования на плачевное положение дел в Турции путем расширения прав Комиссии Оттоманского долга и присоединения русского представителя к указанной комиссии»³.

Некоторые исследователи полагают, что согласие царя стало следствием политики Ганото, который, «расположив к себе августейшего собеседника, льстя его самолюбию», так сумел построить ход переговоров, что убедил его принять французский план⁴. Советский историк В. Хвостов считал, что Николая II и управляющего МИД Н.П. Шишкина «просто надули»⁵. По мнению В. Хвостова французская дипломатия навязала царю «новую политическую линию, которая означала полный отказ царской России от собственной политики на Ближнем Востоке и полное подчинение ее видам и интересам Франции»⁶. Однако подобная оценка не является убедительной. Так, В. Хвостов полагает, что, посылая своего представителя в комиссию «Оттоманского долга», Николай II фактически соглашался на ее интернационализацию, что делало для Петербурга весьма затруднительным захват проливов⁷. В. Хвостов делал следующее заключение: «Россия отдавала таким образом Англии Египет, ровно ничего не выторговав для себя в обмен, теряла возможность использовать англо-французский конфликт из-за Египта как средство давления и на Англию, и на Францию, и тем самым ослабляла зависимость своей союзницы от себя»⁸. Таким образом, согласно В.

---

¹ DDF. 1e série. Т. XII. - № 472. Р. 785.

² Хвостов В. Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. Исторический журнал. № 4-5 (47-48). М.; Л.: Гос. изд., 1931. С. 50-55. С. 52.

³ Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С. 397.

⁴ Рыбачёнок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. С. 131.

⁵ Хвостов В. Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. С. 52.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 122.

Хвостову выходило, что со стороны Николая II проводилась странная проанглийская политика, которую непонятно почему активно поддерживала Франция. Но в те годы Николай II был категорическим противником соглашений с Англией, тем более по ближневосточному вопросу. Еще до своей поездки в Париж Николай II на сообщении о встрече в Константинополе французского и английского послов написал: «Я против соглашения с Англией. Это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции»¹. В этот же период Николай II настойчиво требовал от англичан очистить Египет². 11 (23)-18(30) сентября 1896 г., во время посещения английского Бальморала, накануне визита в Париж, Николай II в беседе с лордом Р. Солсбери, недвусмысленно дал понять, что Россия против расчленения Турции, а оккупация Египта вызывает резкое недовольство Парижа³. Сразу после возвращения из Европы, в своем послании королеве Виктории от 10 (2) октября 1896 г. Николай II вновь дал ясно понять, что он не доволен английской оккупацией Египта⁴. Зачем же царю понадобилось «отдавать» Англии Египет в связи с «Оттоманским долгом»? Тем более непонятно, зачем это понадобилось Парижу? Ведь его отношения с Лондоном были в конце XIX в. соперническими, если не враждебными. 4 (16) мая 1895 г. в беседе с русским послом в Париже бароном Моренгеймом, Ганото ясно заявил: «Мы не дадим ни ломаного гроша на создание удобств Германии или Англии. <...> Было бы совершенно недопустимо, чтобы мы с вами таскали каштаны из огня для этих паразитов, примазывающихся в последнюю минуту и претендующих на прибыли, не разделяя до этого тягостей»⁵. При такой позиции, зачем Ганото было стремиться «укреплять» позиции Лондона в комиссии

---

¹ Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С. 392.

² Князь Лобанов-Ростовский — императору Николаю II 5 июля 1896 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 692. Л. 1-2.

³ Jefferson (M). Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September // The Slavonic and East European Review. 39 (N 92). Dec. 1960. P. 218.

⁴ Император Николай II — королеве Виктории 10 (22) мая 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 25 [на англ. яз.].

⁵ Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С. 174.

Оттоманского долга? Приглашая туда русского представителя, Ганото хотел усилить там позиции Франции, а вовсе не Форин-офиса.

Разумеется, все разговоры о том, что Николая II «надули» и «вскружили голову» лестью, что привело к его согласию на введение русского представителя в комиссию Оттоманского долга, являются крайним упрощением событий. Можно дискутировать об удачности или неудачности этого решения Николая II с точки зрения интересов внешней политики, но очевидно, что причины царского согласия следует искать не в поверхностных выводах В. Хвостова. Вводя своего представителя в комиссию «Оттоманского долга» и наделяя его широкими полномочиями, император Николай II стремился не допустить превосходства Великобритании в этой комиссии, а с другой, заручившись поддержкой Франции, добиться от нее уступок по Египту и по Черноморским проливам¹.

Овладение проливами должно было превратить Черное море в южные ворота Российской империи, дать выход к незамерзающим морям, к мировому океану². Император Александр III в письме начальнику Генерального штаба генералу Н.Н. Обручеву писал: «По-моему, у нас должна быть одна главная цель — занятие Константинополя, чтобы раз и навсегда утвердиться в Проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках»³.

В 1894-1895 гг. в Османской империи прошли массовые убийства армян, устроенные турецкими революционными организациями, позже ставшие известными как младотурки⁴, которым уже тогда тайно помогали английские агенты⁵. Профессор И. Тамамшев в 1887 г. отмечал: «Англия в случае развала Османской империи постарается оказать возможное влияние на христианские

---

¹ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 4.

² Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом. М.: Наука, 1974. С. 112.

³ Хвостов В. Записка А.И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов // Красный архив. Исторический архив. Т. 3 (46). М.; Л.: Госиздат, 1931. С.180-181.

⁴ Sidney (W.). *Turkisch Memories*. New York: Scribner, 1914.

⁵ Киракосян А. Дж. Великобритания и армянский вопрос (90-е годы XIX в.). Ереван: Айастан, 1994. С. 64.

народы Турции, чтобы таким образом помешать распространению власти России на бывшие турецкие владения»¹.

Однако в Лондоне понимали, что без договоренностями с Петербургом, проникновение английского флота в проливы грозило большой войной. Поэтому, летом 1895 г. лорд Р. Солсбери предложил А.Б. Лобанову-Ростовскому «предпринять совместные энергичные меры против Высокой Порты»². Однако российский министр от этого предложения отказался³, отметив, что «всякое вмешательство, только ослабит султана и еще более возбудит армян»⁴. Убедившись, что Россия не поддаётся на провокации, Лондон попыталась договориться о разделе Турции с Германией. Но кайзер отнёсся к этой идее скептически, так как сам выстраивал планы германского проникновения в экономику Османской империи⁵.

Осенью 1895 г., воспользовавшись убийством турецкого жандарма в Стамбуле, султанское правительство организовало массовые расправы с мирным армянским населением, в результате которого было убито (в том числе заживо сожжено) 41 тыс. 930 чел.⁶. По мнению английского дипломата, юриста и историка Дж. Брайса массовые убийства 1894-1896 гг. были не единичными случаями, а частью общего плана Абдул Гамида II — полного уничтожения армян⁷. Под видом их защиты британский флот начал выдвигаться в сторону Босфора. Петербургу надо было принимать быстрые решения, чтобы не дать англичанам захватить проливы. Для обеспечения порядка в Константинополе, А.И. Нелидов предложил послам великих держав ввести свои боевые корабли в

---

¹ Тамамшев И. Политическая судьба Константинополя, балканских народов и отношение их к России и западноевропейским державам. СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1887. С. 92.

² Grenville (J.A.). Lord Salisbury and Foreign Policy. The Close of the Nineteenth Century. London: Athlone Press, 1964. P. 30.

³ Киракосян А.Дж. Указ. соч. С. 60.

⁴ Русский Вестник. СПб: Тип. Высоч. утв. Т-ва «Общественная польза», 1896. № 4, апрель. Т. 243. С. 370.

⁵ Grenville (J.A.). Op. cit. P. 40.

⁶ Киракосян А. Дж. Указ. соч. С. 73.

⁷ Bryce (J.). The Armenian Question // Century Illustrated Magazine, November 1895. P. 150-154.

Черноморские проливы, на что получил общее согласие¹, сорвав тем самым планы Лондона господства в проливах. Николай II заверил султана Абдул Гамида в уважении суверенитета его империи. Узнав от А.Б. Лобанова-Ростовского о просьбе султана не вводить в проливы большой эскадры,² Николай II замтеил: «Я с удовольствием исполнил бы просьбу Султана, но уже поздно. Нельзя отказываться от собственного предложения. Во всяком случае он может рассчитывать на мою искреннюю дружбу»³.

Во время Особого совещания, прошедшего 19 ноября (1 декабря) 1895 г. в Петербурге под председательством великого князя Алексея Александровича, обсуждались действия Черноморского флота на случай военной операции в проливах⁴. 23 ноября (5 декабря) 1895 г. А.Б. Лобанов-Ростовский предложил царю получить от султана специальные фирманы, разрешающие вхождение русского флота в проливы⁵, на что Николай II согласился⁶.

Чтобы недопустить захвата английским флотом Константинополя, Николай II поручил А.И. Нелидову заявить, что цель великих держав должна ограничиться лишь восстановлением порядка в Османской империи⁷. В декабре 1895 г. Абдул Гамид обратился к царю с просьбой о покровительстве⁸. 16 (28) января 1896 г. А.Б. Лобанов-Ростовский заявил великим державам, что в Турции

---

¹ Там же.

² Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Докладная записка князя А.Б. Лобанова-Ростовского императору Николаю II 11 ноября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 20.

³ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Докладная записка князя А.Б. Лобанова-Ростовского императору Николаю II 11 ноября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 20 [подчёркивания сделаны императором Николаем II].

⁴ Арбузов В.В. Броненосцы русского флота. Броненосцы типа Екатерины II. Выпуск II. СПб, 1994. С. 60.

⁵ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Докладная записка князя А.Б. Лобанова-Ростовского императору Николаю II. 23 ноября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 40.

⁶ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Резолюция императора Николая II на докладной записке князя А.Б. Лобанова-Ростовского. 23 ноября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 40.

⁷ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Запись за 13 декабря // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 43.

⁸ Киракосян А. Дж. Указ. соч. С. 86.

восстановлен порядок и необходимость посылать объединённый флот в проливы отпала.

Угроза захвата проливов английским флотом вновь резко возрасла а вугсте 1896 г. после вооруженного захвата Оттоманского банка в Константинополе членами Армянской революционной федерации партии. В банке в основном работал европейский персонал из Великобритании и Франции. Кроме того, банк владел многими европейскими казначейскими бумагами. Террористы потребовали от европейских держав выполнения султаном их условий, главным из которых была передача армянского вопроса в международный суд, угрожая, в противном случае, взорвать себя и банк¹. Дашнаки рассматривали захват банка как лучший повод привлечь всеобщее внимание к массовым убийствам армян, т.к. этот банк служил важным финансовым центром как для империи, так и для стран Европы.² Вооруженные пистолетами, гранатами, динамитом и ручными бомбами, дашнаки удерживали здание банка в течение четырнадцати часов, в результате чего погибло 13 чел. Сотрудник русского посольства В. Максимов уговорил султана вступить в переговоры с террористами, гарантировав им беспрепятственный выезд из страны³. В результате «дашнаки» беспрепятственно отпустили заложников и покинули Турцию. Армянский католикос отлучил от церкви всех армян, причастных к захвату банка, поскольку Константинополь вновь потрясли жестокие антиармянские погромы, жертвами которых согласно отчету французского посла, было «более 2000 армян», в том числе «много женщин и детей»⁴. 27 августа (8 сентября) А.И. Нелидов докладывал в МИД, что «полиция не только оставалась спокойной зрительницей происходящих ужасов, но даже во многих случаях принимала участие в убийствах и грабежах»⁵. А.И.

---

¹ Киракосян А.Дж. К вопросу о константинопольской резне // Литературная Армения. 1989. № 4. С. 99-103.

² История дипломатии / Потемкин В.П. ред. Т. 2. С. 336.

³ Там же. С. 97.

⁴ Balakian, (P.). *The Burning Tigris: The Armenian Genocide and America's Response*. New York: Perennial, 2003. PP. 107-108.

⁵ Киракосян А.Дж. К вопросу о константинопольской резне. С. 100.

Нелидов был вынужден пригрозить султанскому правительству, что в случае продолжения погромов, русский флот подвергнет Константинополь артобстрелу. Английский посол А. Герберт полагал, только решительное заявление А.И. Нелидова вынудило султана отдать «приказ диким толпам разойтись»¹.

В Лондоне обсуждалась возможность низложения султана Абдул Гамида II и замена его английским ставленником. Но в этом вопросе Форрин-офис не мог игнорировать мнение Петербурга. К тому же, консервативный кабинет лорда Р. Солсбери придерживался курса на урегулирование отношений с Россией².

В конце сентября 1896 г. Николай II нанес семейный визит королеве Виктории в шотландский дворец Балморал. В ходе этого визита царь и Н.П. Шишкин вели дипломатические переговоры с королевой Викторией и лордом Р. Солсбери³. Переговоры начались с армянского вопроса и будущего Османской империи. В английском обществе росло убеждение, что только от слова русского самодержца зависит прекращение страданий многострадального армянского народа. Английские газеты выражали также уверенность, что опытный дипломат Р. Солсбери сможет убедить молодого царя пойти на самые радикальные меры в отношении османских властей, включая султана Абдул Гамида. При встрече с Солсбери Николай II заметил, что оккупация войсками любой державы какой-либо части Османской империи, может привести к разногласиям между этими державами, а оно, в свою очередь, к большой европейской войне. При этом Николай II согласился с Р. Солсбери, что критическая финансовая ситуация в Константинополе, может также привести к дефолту его казначейства и вмешательства под этим предлогом какой-либо державы, например, Австро-Венгрии в турецкие дела⁴. Обе стороны согласились, что ситуация в Османской империи требует своего скорейшего разрешения. Однако Николай II подчеркнул,

---

¹ Balakian, (P.). Op. cit. P. 196.

² Balakian, (P.). Op. cit. P. 76.

³ Grenville (J.A.). Lord Salisbury and Foreign Policy. London, the Atlon Press, 1964. P. 78-89.

⁴ Jefferson (M.). Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September // The Slavonic and East European Review. 39. № 92 (Dec. 1960).

что по-прежнему считает военное вмешательство во внутренние дела Османской империи, крайне опасным. Присутствовавший на переговорах посол России в Лондоне барон Е.Е. Стааль отметил, что защита status-quo в Турции является приоритетной задачей России в этом регионе, и такая политика лучше всего отвечает интересам всех держав. Р. Солсбери предложил вместо нарушения целостности Османской империи объявить главным виновником султана Абдул Гамида II и низложить его с престола. Николай II согласился, что смещение султана было бы хорошим решением вопроса, но позже все же признал такой шаг нежелательным из-за непредсказуемой реакции мусульманского населения империи¹, которое будет рассматривать нового султана как марионетку великих держав.

Однако армянский вопрос беспокоил Россию в меньшей степени, чем вопрос о проливах. Николай II категорично заявил, что Дарданеллы и Босфор должны контролироваться Россией, так как они являются «дверью в комнату, в которой русские живут, и он должен иметь ключ от этой двери»². При этом царь подчеркнул, что Россия не нуждается ни в Константинополе, ни в каких-либо территориях по обе стороны проливов и не собирается достигать своих целей военным путем³. Николай II заявил, что сама мысль о войне, вызывает в нём неприязнь⁴. Р. Солсбери предупредил Николая II, что односторонний контроль России над проливами затронет интересы других государств, подписантов Средиземноморской конвенции 1887 г., особенно Австро-Венгрию, так как держава, контролирующая проливы, автоматически контролирует близлежащие от них территории, в частности территории османской Болгарии до Эгейского моря, а это, уже угрожало территориальной целостности Дуалистической монархии. Р. Солсбери «предложил достичь без особых трудностей открытие

---

¹ Киракосян А.Дж. Указ. соч. С. 94.

² Jefferson (M.). Op. cit. P. P. 218.

³ Пономарев В.Н. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х гг. XIX в. // Исторические записки. М.: Наука, 1977. Т. 99. С. 349.

⁴ Jefferson (M.). Op. cit. P. 219.

проливов для всех наций», но Николай II возразил, что «подобное решение вопроса будет отвергнуто русским общественным мнением»¹. Р. Солсбери дал понять, что Лондон готов поддержать Россию в этом вопросе, если она сможет уговорить Германию, Австро-Венгрию и Италию. Кроме того, Солсбери дал понять царю, что возможен вариант сделки между Петербургом и Лондоном: Египет — за проливы². На это царь заявил, что он лично «не имеет ничего против», чтобы Англия заняла Египет, но сослался при этом на «интересы Франции», которые будут существенно задеты³. На самом деле «интересы Франции» уже не играли существенную роль в ближневосточной политике России, для которой свободное плавание по Суэцкому каналу представляло самостоятельный интерес⁴. Таким образом, Николай II фактически отказался признавать аннексию Египта⁵. После этого угроза захвата Константинополя британской эскадрой снова стала реальной.

Реальность английской военной угрозы в проливах, вынудила Николая II принять «План Ганото» и согласиться ввести российского представителя в «Комиссию Оттоманского долга». Однако по возвращении в Петербург, царь столкнулся с эмоциональным и организованным сопротивлением принятому им в Париже решению⁶. Против участия России в плане Ганото выступили: министр финансов С.Ю. Витте, граф В.Н. Ламздорф, посол России в Вене граф П.А. Капнист, но особенно возражал посол России в Турции А.И. Нелидов, убеждённый сторонник скорейшего захвата черноморских проливов русским флотом⁷. В результате Николай II решил отказаться от «Плана Ганото», написав, что участие в нем станет «крупным промахом»⁸. Во время встречи с французским послом Монтебелло 11 (23) ноября 1896 г., на его вопрос о причинах отказа

---

¹ Jefferson (M.). Op. cit. P. 218.

² Jefferson (M.). Op. cit. P. 216.

³ Там же.

⁴ Jefferson (M.). Op. cit. P. 219.

⁵ Parliamentary Debates. HC Deb. 26 Jan. 1897. Series 3. Vol. 45. P. 578-579.

⁶ Проект захвата Босфора в 1896 г. С. 60-61.

⁷ Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С. 175.

⁸ DDF. 1e série. T. XIII (16 octobre 1896 — 31 décembre 1897). — Paris, 1953. - № 28. P. 52.

посылать русского представителя в комиссию «Оттоманского долга», Николай II ответил, что он давая свое согласие Ганото, «не учел тогда некоторых обстоятельств, которые мне были представлены после моего возвращения в Санкт-Петербург и которые изменили мое отношение не к сути вопроса и не к цели, которую мы должны вместе достичь, а тех средств, которыми можно это сделать»¹. Монтебелло разъяснял Ганото, что «нашей ошибкой было полагать, что император, твердо решивший следовать вместе с нами политики в отношении дел на Востоке, утвержденной в Париже, мог быть в курсе разных деталей, чтобы одному решить окончательно этот вопрос»².

Однако отказ императора Николая II от участия в «Плане Ганото» был вызван также и отрицательным отношением Парижа к плану захвата Босфора русским флотом. А.В. Игнатъев пишет, что от высадки десанта на Босфоре пришлось отказаться, так как «выявились расхождения с Францией, касавшиеся принципиального вопроса о применимости при вероятных осложнениях союзных обязательств»³. Посол Франции в Константинополе П. Камбон писал: «Наши политические интересы на Востоке равны интересам России, наши финансовые и промышленные интересы значительны, как и ее. Поэтому мы вправе разделить с ней управление делами на Востоке и приучить ее рассматривать нас как союзников, а не как подчиненных»⁴.

18 (30) ноября 1896 г. А.И. Нелидов подал государю записку, в которой предлагал силами Черноморской эскадры захватить Верхний Босфор и обосноваться там, открыв Дарданеллы для военных судов всех наций⁵. Для обсуждения этого вопроса Николай II собрал в Царском Селе 23 ноября (5 декабря) 1896 г. Особое совещание⁶. Присутствующий на нём С.Ю. Витте, категорически выступил против военной операции, заявив, что «занятие

---

¹ DDF. 1e série. Т. XIII. - № 28. Р. 52.

² Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 4.

³ DDF. 1e série. Т. XIII. - № 161. Р. 282-284.

⁴ Проект захвата Босфора в 1896 г. С. 63.

⁵ Там же. С. 64-67.

⁶ Там же. С. 65.

Верхнего Босфора, без соглашения с великими державами, крайне рискованно и потому может иметь гибельные последствия»¹. Но большинство участников склонилось к необходимости занятия Босфора. Послу А.И. Нелидову было поручено «предупредить султана о последовавшем бесповоротном решении и предложить ему ручательство России за личную его безопасность, если он согласится содействовать или, по крайней мере, ничем не препятствовать входу русских судов в Босфор и занятию десантами некоторых пунктов на обоих берегах пролива для ограждения прохода в Черное море»². Рядом с этим текстом Николай II написал: «Навсегда» и два раза подчеркнул это слово³.

В Константинополе для разрешения кризиса в ноябре 1896 г. начала работу конференция послов великих держав⁴. Ганото предложил положить в основу работы конференции соглашение по трём пунктам: поддержание целостности Османской империи, отказ от установления кондоминиума держав над ней⁵. Николай II поддержал эти предложения⁶, но не отказался от идеи захвата проливов. 5 (17) декабря 1896 г. на совещании Совета министров под его председательством, было принято решение о высадке русского десанта в Босфоре⁷.

Николай II хотел договориться с Константинополем, чтобы приход русской эскадры выглядел как просьба с турецкой стороны⁸. Н.П. Шишкин предупреждал А.И. Нелидова: «Твердым желанием Императора является (и Его Величество приказал мне повторить Вам это), чтобы мы приложили все усилия к тому, чтобы избежать тяжелой крайности принудительного вмешательства, и чтобы мы искренно стремились достичь соглашения с другими державами с целью поддержать существование Османской империи и насколько возможно

---

¹ Там же. С. 56.

² Там же. С. 56.

³ Россия и Черноморские проливы. С. 242.

⁴ DDF. 1e série. Т. XIII. № 30. Р. 57.

⁵ Проект захвата Босфора в 1896 г. С. 53.

⁶ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 448. Л. 32.

⁷ Император Николай II — графу М.Н. Муравьеву [копия] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 46. Л. 24.

⁸ Проект захвата Босфора в 1896 г. С. 70.

отдалить ее падение»¹. А.И. Нелидов должен был заверить султана, что «целью десантного предприятия поставлено только занятие Босфора и никоим образом не касается Константинополя»². После занятия Босфора А.И. Нелидову поручалось провести переговоры с султаном, добиться мирной уступки России укреплений Босфорского пролива (или главнейшей его части) и «надёжной, твёрдой обороны Босфорского пролива от прорыва неприятельских судов в Черное море»³. 9 (21) июня 1897 г. Николай II писал М.Н. Муравьеву: «Прошу, на всякий случай, составить и прислать мне проект энергичной⁴ телеграммы султану. Не сообщало ли Вам Морское министерство о поспешных приготовлениях, делаемых Турцией на Босфоре с целью обороны своих берегов?»⁵.

Однако в последний момент Босфорская операция была отменена. На наш взгляд, причины её отмены заключаются в политической составляющей. В январе 1897 г. министр иностранных дел М.Н. Муравьев посетил Париж и в беседе с Г. Ганото заметил, что в случае смуты в Османской империи, Россия займёт «Босфор и господствующие высоты, или, иначе, такая акция приведет к приобретению навеки ключа в Чёрное море — наше внутреннее озеро»⁶. В ответ Г. Ганото дал понять М.Н. Муравьеву, что «Россия может рассчитывать лишь на дипломатическую, а не на военную поддержку Франции»⁷. Г. Ганото увязывал получение Россией проливов с возвратом Франции Эльзас-Лотарингии в ходе европейской войны. В ответ на эти слова, М.Н. Муравьев, «не упуская ни на

---

¹ Генерал-адъютант П.С. Ванновский — А.И. Нелидову 14 января 1897 г. // ГАРФ Ф. 568 Оп. 1. Д. 156. Л. 6.

² Генерал-адъютант П.С. Ванновский — А.И. Нелидову 14 января 1897 г. ГАРФ Ф. 568 Оп. 1. Д. 156. Л. 8.

³ Подчёркнуто императором Николаем II.

⁴ Император Николай II — графу В.Н. Ламздорфу 9 июня 1897 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 20.

⁵ МАЕ, Fonds PA, 189, Papiers Hanotaux. Fol. 77-88. «Projet pour mes conversations avec le comte Mouravieff».

⁶ DDF. 1e série. Т. XIII. № 62. Р. 109-110.

⁷ Рыбачёнок И.С. Визит М.Н. Муравьева в Париж и в Берлин в 1897 году. (Сравнительный анализ русской, французской и германской документации) // Сб. ст.: Внешняя политика России: источники и историография / Хевролина В.М., отв. ред. М.: Ин-т истории СССР, 1991. С. 65-84.

минуту из виду честных и дружественных отношений с Францией», заявил, что Россия «находится и останется, я надеюсь, в хороших отношениях с Германией, к которой нам нет никаких причин относиться враждебно»¹. А.В. Игнатъев полагает, что от высадки десанта на Босфоре пришлось отказаться, так как «выявились расхождения с Францией, касавшиеся принципиального вопроса о применимости при вероятных осложнениях союзных обязательств»².

Несостоявшаяся Босфорская десантная операция убедила российские правящие круги, что овладеть Черноморскими проливами путем соглашений и переговоров в такой ситуации — невозможно. Решить же вопрос военным путем было весьма рискованно, да и Николай II был категорически против военного решения. Единственным выходом было «заморозить» ситуацию до лучших времен. Николай II так и считал: «Нам только можно наметить цели нашей политики в вопросе о проливах и захват Дарданелл, само собой разумеется, самое желательное. Но когда и как можно достигнуть это цели — этого теперь сказать нельзя. Это вполне зависит от обстоятельств»³. Невозможность решения вопроса с проливами мирным путем, окончательно повернуло внешнеполитический вектор российской внешней политики на Восток, с целью получить там выход к незамерзающим портам Тихого океана. Для этого, России нужно было сохранение status quo на Балканах. Как писал в 1896 г. А.Б. Лобанов-Ростовский, «нам надо поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»⁴. Для начала нужно было вернуть свое влияние над Болгарией и Сербией, утраченное в царствование Александра III.

Нормализация отношений с Болгарией и Сербией. Кончина императора Александра III, непримиримого противника князя Фердинанда Кобургского,

---

¹ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 4.

² Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 4.

³ Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. — М.: Российская академия наук. Ин-т славяноведения; Изд-во «Индрик», 2006. С. 17.

⁴ Низалова Е.В. Вильгельм II и русско-японская война 1904-1905 гг.: к вопросу о влиянии германского кайзера на внешнюю политику Российской империи в начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 22. Т. 4. С. 39.

ускорила процесс нормализации отношений между Россией и Болгарией¹. Не примирившись с Россией, София была ограничена на международной арене и торговле, а болгарский князь Фердинанд находился в состоянии полуизоляции. Такая ситуация была опасна и для России, так как Фердинанд мог примкнуть к антитурецкой балканской коалиции и занять проливы. Поэтому А.А. Нелидов убеждал султанское правительство, что «единственный способ предотвратить такую большую опасность, это ваше примирение с Болгарией. Фердинанду и его правительству все еще чужды антурецкие приготовления, к которым он относится пока нейтрально»². Глава германской военной миссии в Константинополе генерал барон В.Л. фон дер Гольц убеждал болгарское правительство: «Либо Болгария примирится с Россией и тогда, все ее желания будут удовлетворены, либо болгарский народ будет постоянно напоминать Фердинанду о его провальной политике в отношении Санкт-Петербурга»³. Примирение с Россией внушало Фердинанду также надежду на решение одной из важнейших для Софии задач — воссоединение с Македонией⁴. Кроме того, Фердинанд понимал, что без согласия Петербурга невозможно его признание Европой⁵. Сразу же после вступления Николая II на престол началась подготовка к налаживанию отношений с Болгарией. Уже в конце 1894 г. А.А. Нелидов в беседе с В. фон дер Гольцем по этому поводу намекнул, что «переговоры идут полным ходом»⁶. 28 июня (10 июля) 1895 г. в Петербург прибыла болгарская делегация во главе с митрополитом Тырновским Климентом (Друмевым) и председателем Народного собрания Т. Тодоровым. В делегацию входили также заместитель министра финансов И.С. Гешов, фактический министр

---

¹ Косик В.И. *Время разрыва. Политика России в Болгарском вопросе. 1886-1894 гг.* М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 75.

² Daudet (E.). *Ferdinand Ier, tsar de Bulgarie*. P. 156.

³ Daudet (E.). *Op. cit.* P. 156.

⁴ Косик В.И. *Указ. соч.* С. 75.

⁵ Бьюкенен Дж. *Мемуары дипломата*. М.: Международные отношения, 1991. С. 54-55.

⁶ Daudet (E.). *Op. cit.* P. 156.

здравоохранения Д. Моллов, известный болгарский поэт И. Вазов и др.¹. Официальная цель приезда делегации было возложение венка на могилу императора Александра III в Петропавловском соборе. Журнал «Всемирная иллюстрация» писал: «Венок Императору Александру III из золотых лавров положен на большой бархатный черный щит; посередине протянута серебряная пальмовая ветвь и внизу золотой бант, на лентах которого надпись: «Царевичу-Полководцу, Царю-Миротворцу признательный болгарский народ»². 5 (17) июля 1895 г. болгарскую делегацию принял император Николай II³. Премьер-министр Болгарии К. Стоилов сообщил князю Фердинанду: «Император очень радушно принял нашу депутацию и выразил надежду, что в скором времени между Россией и Болгарией будут восстановлены прежние отношения»⁴. Митрополит Климент попросил у царя прощение за прежнюю враждебную в отношении России политику С. Стамболова и заверил что в сердце болгар живо чувство любви к русскому народу и благодарная память императоров Александра II и Александра III, освободивших Болгарию⁵. Николай II заявил: «Мне хорошо известно, что не народ и не духовенство виноваты во всём происшедшем, и я уверен в их преданности и любви»⁶. Тем не менее, визит болгарской делегации носил исключительно неофициальный характер. Также «Всемирная иллюстрация» сообщала: «Государю Императору угодно было позволить представиться Ему болгарской депутации, явившейся в Петербург, с тырновским митрополитом во главе, для возложения драгоценного венка на могилу в Бозе

---

¹ Бондарь Т.И. Культурные и динические связи Дома Романовых и болгарских княжеских и царствующих родов // У истоков российской государственности: Роль женщин в истории Династии Романовых: III международная научно-практическая конференция [27-28 мая 2010 г., Калуга, Мещовск]: исследования, материалы. СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический Центр-пресс», 2009. С. 139-140.

² Всемирная иллюстрация. 15 июля 1895. Т. LIV. № 1381. С. 39.

³ Дневники императора Николая II. Т. 1. С. 212.

⁴ Daudet (E.). Op. cit. P. 157.

⁵ Дневник графа В.Н. Ламздорфа. 1895 г. Вложение в дневник № 246 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 95.

⁶ Дневник графа В.Н. Ламздорфа. 1895 г. Вложение в дневник № 246 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 95.

почивающего Императора Александра III. Никаких официальных подробностей о Высочайшем приеме этой депутации за все эти дни не появилось»¹. Тем не менее, приём болгарской делегации означал начало нормализации русско-болгарских отношений². Николай II не ставил перед болгарским правительством никаких условий для восстановления дипломатических отношений, за исключением обязательного крещения годовалого престолонаследника княжича Бориса в православной вере³. К. Стоилов настойчиво убеждал князя Фердинанда пойти на эту уступку, которая, к тому же, будет весьма положительно воспринята в болгарском народе. Однако католик Фердинанд и его жена, ревностная католичка княгиня Мария Луиза Бурбон-Пармская, всячески сопротивлялись переходу их сына в православие. В этом их твердо поддерживал папа Римский Леон XIII. Тогда Фердинанд, который пригласил Николая II быть крестным своего сына, задумал под видом православного таинства совершить униатский обряд. Об этом стало известно А.Б. Лобанову-Ростовскому, который предупредил Николая II⁴. Царь заявил: «Я ни за что не соглашусь быть крестным отцом Бориса, если Фердинанд думает нас подставить»⁵. Наконец, 27 января (8 февраля) князь Фердинанд официально объявил членам Народного собрания, что он выполняет пожелания своего народа о крещении княжича в православие⁶. Император Николай II направил князю Фердинанду поздравительную телеграмму, в которой говорилось: «Искренне поздравляю Ваше Высочество с принятием патриотического решения, о коем Вы сообщаете Мне в письме Вашем

---

¹ Всемирная иллюстрация. 15 июля 1895. Т. LIV. № 1381. С. 42.

² Дневник графа В.Н. Ламздорфа. 1895 г. Вложение в дневник № 246 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 97.

³ Aslanian (D.). Histoire de la Bulgarie de l'Antiquité à nos jours. Paris : Trimontium, 2004. 2e éd. P. 246.

⁴ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 246. Резолюция императора Николая II на записке князя А.Б. Лобанова-Ростовского. 12/24 ноября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.

⁵ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 246. Резолюция императора Николая II на записке князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 12/24 ноября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.

⁶ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 247 // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 44. Л. 43.

от 21-го сего января. Свиты Моей генерал-майор граф Голенищев-Кутузов везет Вам ответ Мой и ему поручается присутствовать, от Моего Имени, при обряде присоединения возлюбленного сына Вашего к Церкви народа болгарского»¹. Эта телеграмма с признанием Фердинанда как князя Болгарии, сама по себе фактически означала восстановление дипломатических отношений между двумя странами. В эти же дни последовало и официальное заявление российского правительства: «Болгария — создание России и обязана своим существованием тяжким жертвам и усилиям русского народа; уже в силу этого Императорское правительство не могло не относиться с живейшим участием ко всем явлениям ее гражданского устройства, к настоящему ее положению и к будущим судьбам ее. Мы неоднократно заявляли, что ждем лишь чистосердечного сознания самих болгар в необходимости поворота к лучшему, чтобы предать забвению прошлое и положить начало восстановлению сношений с княжеством, основанных на взаимном доверии и чуждых всякого своекорыстного побуждения. Первый шаг в этом направлении ныне сделан: принц Фердинанд обратился к Государю Императору с письменным ходатайством о присылке в Софию особого русского представителя для присутствования при обряде присоединения к Православной Церкви малолетнего принца Бориса»². Этим представителем в статусе дипломатического агента был дипломат Н.В. Чарыков, прибывший на крестины, состоявшиеся 2 (14) февраля 1896 г., вместе с графом А.А. Голенищевым-Кутузовым. Чрезвычайные посланники царя «от его имени доставили лампаду из святая святых Московского Кремля»³. После признания Фердинанда князем Болгарским Петербургом, за ним последовали и все европейские государства.

Когда в апреле 1896 г. князь Фердинанд прибыл с семьей в Россию, его уже официально именовали «Ваше королевское высочество», также ему было высочайше разрешено носить орден св. Александра Невского, которым он был

---

¹ Всемирная иллюстрация. Т. LV. 1896. № 1410. С. 141.

² Всемирная иллюстрация. Т. LV. № 1410. С. 141.

³ Daudet (E.). Op. cit. P. 163.

награжден еще в 1883 г. императором Александром III, на могилу которого болгарский князь возложил золотой венок¹. Николай II наградил Фердинанда орденом св. Владимира I-го класса, предоставив ему для возвращения в Софию личный императорский поезд. Помимо Петербурга Фердинанд посетил Одессу, Киев и Москву². Вернувшись в Софию, князь Фердинанд объявил амнистию всем офицерам-русофилам, вынужденным бежать в Россию от режима Стамболова. В знак особого уважения к России, Фердинанд лично возглавил «Комитет Царь-Освободитель Александр II»³. 15 сентября в присутствии Великого Князя Николая Николаевича-младшего, был освещен русский храм-памятник на Шипке, а 23 апреля 1901 г. в центре Софии был заложен памятник императору Александру II (открыт в 1907 г.), в фонд строительства которого Фердинанд I лично внес 50 тыс. золотых левов⁴. Таким образом, с вступлением на престол императора Николая II произошло восстановление болгаро-русских отношений.

Первое десятилетие царствования Николая II было отмечено соперничеством между Софией и Белградом за обладанием Македони⁵. Сербский король Александр Обренович, к которому в Петербурге вначале пока он был наследником относились с симпатией и сочувствием, в 1893 г. по наущению своего низложенного отца короля Милана и помощью военных совершил государственный переворот, провозгласив себя совершеннолетним и отменив прежнюю конституцию. Вскоре в Белград вернулся и бывший король Милан Обренович, поддерживаемый Австро-Венгрией, с которой он, еще будучи царствующим монархом в 1881 г. заключил Торговое соглашение и Тайную конвенцию о дружбе⁶. Так как, Александра не интересовали государственные

---

¹ Всемирная иллюстрация. 20 апреля 1896 г. Т. LV. № 17 (1421). С. 432.

² Бондарь Т.И. Культурные и династические связи Дома Романовых и болгарских княжеских и царствующих родов. С. 140-141.

³ Бондарь Т.И. Указ. соч. С. 141.

⁴ Бондарь Т.И. Указ. соч. С. 141.

⁵ АВПРИ. Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527/1. 1905. Д. 10. Л. 183, 291.

⁶ Радоевич М.; Димич Л. Сербия в Великой войне 1914-1918 // Новая книга России. 2014. № 1. С. 10-11.

дела, политика Сербии стала определяться Миланом, в связи с чем отношение к Александру в Петербурге резко ухудшилось. «Вестник Европы» отмечал: «Молодой король предан своему отцу Милану Обреновичу, а антирусские воззрения бывшего короля Сербии всем известны»¹. В.Н. Ламздорф в своем дневнике отмечал в январе 1894 г.: «Новости из Сербии далеко не хороши. Обстановка здесь осложняется, и весьма нелегко заниматься какими-либо предсказаниями относительно предстоящего развития событий. Молодой король Александр отныне не вызывает у нас большого доверия»². Тем не менее, Николай II разрешил королю Александру приехать на похороны императора Александра III. Сербский король понимал, что без поддержки России он фактически не сможет царствовать в своей стране, а поэтому с Петербургом надо было установить максимально хорошие отношения. Мать Александра, королева Наталия, настойчиво советовала сыну произвести хорошее впечатление на Николая II³. Однако у Александра Обреновича этого сделать не получилось, о чем свидетельствует запись в дневнике царя от 8 ноября 1894 г.: «Сделал визит королю Сербскому, который всем надоел своим поведением вчера и сегодня в крепости»⁴. Отношения Петербурга и Белграда были сильно испорчены после бесрассудной женитьбы в 1900 г. Александра на бывшей фрейлине своей матери Драги Луневич, которая была старше короля на 15 лет. Драга быстро приобрела контроль над монархом, расставляя при его попустительстве своих ставленников на высокие правительственные должности. Как пишет Е.А. Бондарева: «Александр Обренович был молод, неопытен и по поределению не был сопосбен править старной, тем более балканской! Недоовольство все возрастало, и

---

¹ Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. 1891. Т. 5 (151). Кн. 9. С. 405.

² Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. Т. 2. С. 23.

³ Писма краљице Наталије Обреновић. Београд: Народно позориште, 1996. С. 89.

⁴ Дневники императора Николая II. Т. I. С. 130.

свержение было неизбежным»¹. Тем не менее, нормализация отношений с Белградом, также как и с Софией, рассматривались в Петербурге как приоритет политики на Балканах². 8 (20) ноября 1900 г. в Белград прибыл чрезвычайный посланник Н.В. Чарыков³, чьей задачей было восстановление дружественных отношений с Сербией⁴. Н.В. Чарыковым добивался согласия сербского правительства на строительство Адриатической железной дороги через Сербию и Черногорию⁵, полагая, что экономическое содействие в гораздо большей степени сблизит Сербию с Россией, чем любые политические договоры⁶. Николай II поручил В.Н. Ламздорфу выразить королю Александру Обреновичу свои чувства неизменной симпатии к Сербии⁷. Русские консулы в Косовском вилайете Османской империи твёрдо проводили курс на защиту сербского населения от албанских фанатиков⁸.

Осенью 1902 г. В.Н. Ламздорф совершил турне в Софию, Вену и Белград с целью договориться с правительством Австро-Венгрии о способах замирения Македонии. 14 февраля 1903 г. король Александр в благодарственном письме заверил В.Н. Ламздорфа в дружбе сербской династии и народа к России⁹. Ночью 29 мая (11 июня) 1903 г. группа сербских офицеров ворвалась в королевский дворец и зверски убила короля Александра и королеву Драгу. Хотя Александр Обренович не вызывал симпатии в России, его убийство вызвало всеобщее осуждение¹⁰. Тем не менее, Николай II на донесении о белградском злодеянии,

---

¹ Бондарева Е. Александр I Карагеоргиевич. Православный король Югославии. М.: Вече, 2023. С. 20.

² Savinsky (A.). *Recollection of a Russian Diplomat*. L.: Hutchinson & CO. (Publishers) Ltd., 1927. P. 30.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 217.

⁴ Чернов О.А. Из истории русско-сербских отношений нач. XX в. // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара: Издательство «Универс-групп», 2004.

⁵ АВПРИ. Ф. 366. Миссия в Белграде. Оп. 508/11. Д. 52. Л. 16.

⁶ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1903 г. Д. 496. Л. 264.

⁷ DDF. 2e série. T. I. № 507. P. 601.

⁸ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2021. Л. 66-68.

⁹ DDF. 2e série. T. III. № 84. P. 114.

¹⁰ Теплов В. Белградское цареубийство. СПб: Типо-лит. В. В. Комарова, 1903. С. 40-41.

оставил следующую помету: «Удивительно, как внезапно совершен этот переворот. Грустно, что он совершен так насильственно, но думаю, что Сербия выиграет от вновь избранного короля»¹. Таким королем стал популярный в народе принц Петр Карагеоргиевич, русофил и противник Австро-Венгрии. В 1904 г. он был коронован в Белграде как король сербов Пётр I. Первые шаги нового короля были направлены на улучшение отношений с Россией. Он обратился к Николаю II с просьбой стать крёстным отцом его младшего сына Александра².

Договор о status quo на Балканах с Австро-Венгрией. Как бы ни важна была для России нормализация отношений с Болгарией и Сербией, быть уверенным в сохранении status quo на Балканах Петербург мог только в случае соглашения с Австро-Венгрией. Еще со времен поражения Австрии в войне с Пруссией в 1866 г. Россия, опасаясь союза двух германских государств с Лондоном, стремилась к установлению компромисса с Веней. Это стало одной из причин, почему Александр II согласился на участие в «Союзе трех императоров»³. В рамках этого соглашения Петербург и Вена договорились о соблюдении status quo на Балканах и невмешательстве в балканские дела, если этот status quo будет нарушен третьими странами⁴. Однако именно Балканы стали главной точкой разногласий между Петербургом и Веней. Будучи экономически слабее ведущих европейских государств, Австро-Венгрия не имела колониальных устремлений. Таким образом, главной целью для ее агрессивной политики стали Балканы. Габсбурги приложили немалые усилия, чтобы оградить балканские славянские народы от российского влияния и в конечном итоге поставить их под политический и экономический контроль империи. Вена активно противодействовала России на Берлинском конгрессе, на котором добилась больших для себя преимуществ: права аннексии Боснии и Герцеговины,

---

¹ Цит. по: Бондарева Е. Указ. соч. С. 30.

² Бондарева Е. Указ. соч. С. 37.

³ История дипломатии / Потемкин В.П. ред. Т. 2. С. 13.

⁴ Там же.

отказа от создания Большой Болгарии и Сербии. Венская дипломатия в немалой степени добилась успеха в возведении Фердинанда Саксен-Кобургского на болгарский трон, что привело к серьезному обострению отношений между Болгарией и ее освободительницей Россией. В результате, сильно возросло влияние Вены в Османской империи, где в короткий срок ей удалось приобрести большое влияние на её финансовую систему. Вена также сыграла ведущую роль в отколе Болгарии от России, став главным ее противником на юго-западе. После Берлинского конгресса отношения между Петербургом и Веной были окончательно испорчены: австрийская империя связала себя союзом с Германией, подписав с ней в 1879 г. тайную антироссийскую декларацию¹. Это обстоятельство было одним из главных противоречий русско-французского союза. Французский публицист А. Леруа-Больё писал: «Русские ненавидят Вену больше, чем Берлин, в то время как Франция заинтересована в сохранении Австро-Венгрии, как великой державы»².

Россия ставила своей целью защиту и освобождение славянских балканских земель, видела себя защитницей православных славянских народов и стремилась к их освобождению. «Лоскутная империя» Габсбургов, наоборот, усматривала в этих намерениях России главную для себя опасность. Я. Шимов пишет: «Вековая мечта русских царей об изгнании турок из Константинополя и контроле над Босфором и Дарданеллами вызывала в Вене ужас: русская армия на берегах Босфора и русский флот в Средиземном море и на Адриатике означали бы конец Австро-Венгрии как великой державы, усиление панславистских настроений среди подданных Габсбургов и возможный крах монархии»³. Не удивительно поэтому, что у Николая II было «традиционное недоверие в отношении к Австрии»⁴. Но обе империи были заинтересованы в поддержании *status quo* на

---

¹ Григорьева А.А. Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е годы XIX — начало XX в.) // Вестник Иркутского Государственного технического университета. - 2011. № 7. С. 189.

² Michon (G.). *L'alliance franco-russe. 1891-1917.* Paris: Delpeuch, 1927. P. 13.

³ Шимов Я. *Австро-Венгерская империя.* М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 336.

⁴ Bülow (B.). *Op. cit.* Т. 2. P. 81.

Балканах. Для Вены, нахождение близлежащих от ее границ балканских провинций в составе слабеющей Османской империи, служило гарантией от возникновения сильного славянского государства. Сохранение балканских владений в составе Высокой Порты в то время было выгодно и для Петербурга, чья политика переключалась в Азиатский регион, а проливы отходили на второй план.

Не случайно свое турне 1896 г. император Николай II начал с посещения Вены, где отдал дань уважения императору Австро-Венгрии Францу Иосифу I, бывшему на тот момент старейшим государем Европы. Следуя в столицу австро-Венгрии, царь передал в дар историческому музею Будапешта саблю венгерского национального героя князя Трансильвании Ференца II Ракоци, которая до того хранилась в Петербурге¹. Этот шаг встретил живое сочувствие среди венгерского населения империи, хотя для правящей династии он был несколько пикантен, так как Ракоци всю жизнь вел национально-освободительную войну с династией Габсбургов. Однако на это обстоятельство в Вене поспешили не обращать внимание. Встреча Николая II с австрийским императором носила подчеркнуто торжественный и дружественный характер. Столица Австро-Венгрии была необычно иллюминирована, при встрече на Северном воказле оба монарха обнялись. Царь был в австро-венгерской форме, а Франц Иосиф — в русской, с андреевской лентой через плечо. Во время торжественного обеда император Франц Иосиф в своем тосте заявил, что в визите царя он видит «новый залог, связующей нас дружбы»². Николай II ограничился благодарностью императору и императрице «за любезную встречу» и пожеланием им здоровья³. Между тем, министры иностранных дел России, князь А.Б. Лобанов-Ростовский, и Австро-Венгрии, граф А. Голуховский, провели предварительные переговоры, по

---

¹ Всемирная иллюстрация. 10 августа 1896. Т. LVI. № 7 (1437). С. 144.

² Лапицкий Н.Г. Описание путешествия их императорских величеств, государя императора и государыни императрицы по России и за границей. Санкт-Петербург: С. Ахшарумов и Н. Лапицкий, 1897. С. 40.

³ Лапицкий Н.Г. Указ. соч. С. 40.

важнейшим вопросам двусторонних отношений. Стороны сошлись во мнении, что и Вене, и Петербургу желательно, чтобы в Османской империи сохранялся *status quo*, а для этого следует избавить империю султана от всякого иностранного вмешательства¹. Таким образом, Петербург заручился поддержкой Вены в стремлении сохранить целостность Османской империи. В начале 1897 г. Николай II в беседе с австро-венгерским послом князем Ф. Лихтенштейном, заверил его, что является убежденным сторонником соглашения с Веней, но «желающий совместить это с традиционной покровительственной ролью русских на Балканах»². Австрийская сторона весьма благосклонно отнеслась к миролюбивым демаршам Петербурга.

15 апреля (по н.ст.) 1897 г. император Франц Иосиф прибыл с ответным визитом в Санкт-Петербург. С.Ю. Витте отмечал: «Наш молодой император относился к Францу Иосифу в высокой степени почтительно, как к престарелому старцу, что производило на всех самое прекрасное впечатление»³. Однако это объяснялась не только воспитанностью царя, но и той важной задачей, которую он хотел достигнуть от австрийского визита, а именно мирного соглашения по Балканам. Это стало предметом основных переговоров между министром иностранных дел России графом М.Н. Муравьевым и министром иностранных дел Австро-Венгрии графом А. Голуховским. В своем майском секретном письме послу Вены в Петербурге князю Ф. Лихтенштейну А. Голуховский сообщал: «В результате происходившего в Зимнем дворце совещания двух императоров, с участием их министров иностранных дел, была установлена общая линия поведения в делах Востока. <...> Достигнув согласия в вопросе о необходимости поддержания теперешнего *statu quo*, столь долго, сколько позволят обстоятельства, я и граф Муравьев с удовлетворением констатировали, что между Австро-Венгрией и Россией не существует никаких принципиальных

---

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1896 г. Д. 169. Л. 226-22.

² Бестужев. И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906-1910. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 182.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 118.

разногласий, которые могли бы помешать соглашению между нашими странами в целях предотвращения событий, которые, вероятно, в ближайшем будущем, против нашей воли, могут возникнуть на Балканском полуострове»¹. Это письмо А. Голуховский просил передать М.Н. Муравьеву, который, в свою очередь, в ноте австрийскому послу заявил, что «усматривает полное совпадение в наших взглядах относительно основных политических линий, столь счастливо установленных во время нашего недавнего свидания»². В результате обмена письмами, стороны договорились: 1) о поддержании статус-кво на Балканах; 2) в случае невозможности сохранения статус-кво отказ от территориальных захватов; 3) выношение за пределы договора вопросов о Константинополе и черноморских проливах, как проблемы, имеющей общеевропейское значение; 4) не допускать каких-либо территориальных изменений на Балканах в пользу одного из балканских государств в ущерб другим³. Стороны признали, что «наши правительства не имеют на Балканском полуострове никаких иных целей, кроме как поддержание, укрепление и мирное развитие создавшихся там малых государств. Мы договорились следовать в будущем в этой области политике полной гармонии и, следовательно, избежать всего того, что могло бы посеять среди нас элементы трения или недоверия»⁴.

Посол Франции в Вене Г. Лозе сообщал Г. Ганото 22 марта (3 апреля) 1897 г.: «Граф Голуховский вернулся сияющий из своей поездки в Петербург. Он меня заверил, что Император [Франц Иосиф] также очень удовлетворен приемом, который ему оказали и теми мыслями, которыми стороны обменялись»⁵. По словам высокопоставленного чиновника МИД барона Б.Э. Нольде: «Русско-австрийское соглашение по балканским делам, заключённое в 1897 г. графом Голуховским и преемником Лобанова графом Муравьевым, является самым

---

¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 304–305.

² Сборник договоров России с другими государствами. С. 305.

³ Сборник договоров России с другими государствами. С. 305.

⁴ Там же. С. 308.

⁵ DDF. 1e série. T. XIII. № 222. P. 382.

ярким выражением безмятежной полосы в русско-австрийских отношениях»¹. Принимая в мае 1897 г. Л. Монтебелло, Николай II заявил: «Взаимные обязательства, принятые на себя обеими империями, привели к исчезновению опасности возможного конфликта между Россией и Австрией на Балканах»². То есть произошло то, чего Россия так упорно добивалась на Балканах. Теперь можно было начинать реализацию Азиатской программы, не опасаясь военно-политического взрыва на Балканах.

Соглашение с Веной было заключено Россией на 10 лет, то есть до 1907 г. Однако в Петербург из разных источников поступала информация, что Австро-Венгрия, несмотря на свое внешнее могущество, может до этого времени не просуществовать. Вскоре после австро-русского соглашения, Николаю II лег на стол секретный аналитический отчет военного агента в Вене полковника М.К. Марченко, в котором утверждалось: «Жизнь австро-венгерского правительства систематически отравлена, главным образом, тремя центробежными силами, <...> венграми, чехами и южными славянами»³. Один из подписантов соглашения с Голуховским М.Н. Муравьев, полагал, что единство Австро-Венгрии сохраняется до тех пор, пока жив император Франц Иосиф⁴. Этому же мнению придерживался и министр иностранных дел Франции Т. Делькассе, полагавший, что почти неминуемый, по его мнению, распад Австро-Венгрии приведет к «серьезным осложнениям в Европе», дав возможность Германии присоединить к себе некоторые австрийские земли. Б. Бюлов горячо опровергал эти «обвинения, возводимые на германское правительство в вождедениях на немецкие провинции Габсбургской империи»⁵.

---

¹ Нольде Б.Э., барон. Далёкое и близкое. Исторические очерки. Париж: Изд-во «Современные записки», 1930. С. 55.

² DDF. 1e série. Т. XIII. - № 241. Р. 405.

³ Секретный доклад военного агента в Вене полковника М.К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 1.

⁴ М.Н. Муравьев — Н.Д. Остен-Сакену // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 74. Л. 5

⁵ Н.Д. Остен-Сакен — М. Н. Муравьеву. Доверительное письмо. 10/22 декабря 1899 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

Австро-российское соглашение показало свою эффективность осенью 1902 г. и августе 1903 гг., когда в Македонии произошло два мощных восстания македонских болгар (Горноджумайское и Илинденское), направленных на свержение османского владычества¹. Информация о том, что «внутренняя революционная организация имеет намерение будущим летом объявить всеобщее восстание» в Македонии была доложена Николаю II в конце 1902 г.² Для Петербурга и Вены эти восстания несли в себе большую опасность для только, что выстроенной ими политики соблюдения status quo на Балканах. Военный агент в Константинополе полковник Э.Х. Калнин 17 ноября 1902 г. сообщал: «Положение в Македонии в высшей степени серьезно и внушает невольные опасения за будущее. Жестокости и насилия турок при подавлении восстания довершают то, чего не успели сделать революционные комитеты, — озлобляют массу болгарского населения и заставляют его ожидать спасения из свободной Болгарии»³. Сложившейся ситуацией могли воспользоваться такие заинтересованные державы как Англия и Германия, а главное, Болгария, Сербия и Греция, чье вмешательство могло бы привести к войне на Балканах. Поэтому Российское императорское правительство немедленно осудило Горноджумайское восстание. В «Правительственном сообщении» от 12 (25) февраля 1903 г. говорилось: «Несмотря на преподанные балканским государствам благожелательные советы, агитаторская деятельность революционных комитетов продолжала оказывать пагубное влияние возбуждение населения к восстанию против законной власти»⁴. В связи с этим, императорское правительство предупреждало власти балканских государств: «Россия, искони принимая самое живое участие в судьбе христианских народностей Турции, направляет все усилия свои, к тому, чтобы побудить

---

¹ Сквозняков А.Н. Македония в конце XIX-нач. XX столетия: «яблоко раздора» на Балканах / Ю.П. Аншаков науч. ред. Самара: Самарская гум. академ., 2010. С. 49.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 9.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 79.

⁴ Правительственный вестник. 12 (25) февраля 1903. № 35. С. 2.

оттоманское правительство к скорейшему введению преобразований в трех европейских вилайетах. Для успешного решения этой задачи, безусловно необходимо, чтобы и славянские государства со своей стороны, приняв зависящие от них меры к охранению спокойствия на Балканском полуострове, противодействовали опасной смуте и революционным замыслам»¹. Правительственное сообщение заканчивалось напоминанием балканским государствам, что христианские народы Турции могут и сейчас рассчитывать могут рассчитывать на ее мощную помощь в отстаивании действительных духовных и жизненных интересов. Но, говорилось далее в сообщении, балканские государства «не должны терять из виду, что Россия не пожертвует ни единой каплей крови своих сынов, ни самой малейшей долей благосостояния русского народа, если бы славянские государства, вопреки преподанных ими советам благоразумия, решили бы домогаться революционными и насильственными средствами изменение существующего строя Балканского полуострова»². Восстания «заставили Россию активизировать свою политику на Балканах» несмотря на то, что ее «традиция и идеология внешней политики (поддержка единоверцев и особенно славян) предполагали деятельную защиту христианского населения Османской империи, но государственные интересы требовали сохранения сложившегося порядка»³.

В октябре 1902 г. Петербург выступил с обращением к правительству Порты, поставив перед ним вопрос о проведении реформ в трёх македонских вилайетах: административной, судебной и полицейской⁴. В феврале 1903 г. в Вене В.Н. Ламздорфом и А. Голуховским была заявлена совместная русско-австрийская нота по поводу положения дел в Македонии⁵. Посольства России и

---

¹ Правительственный вестник. 12 (25) февраля 1903. № 35. С. 2.

² Правительственный вестник. 12 (25) февраля 1903. № 35. С. 2.

³ Исаева О.Н. Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония. Проблемы истории и культуры: Сб. / Р. П. Гришина отв. ред. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 72.

⁴ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 160. Л. 8.

⁵ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД 1903. Оп. 475. Д. 131. Л. 30-31.

Австро-Венгрии настойчиво предложили султану проект реформ для кардинального улучшения условий жизни христианских подданных в балканских виалетах, который предусматривал введение должности генерал-инспектора Македонии, создание там новой полиции с участием христиан¹. Султан выразил готовность в скором времени осуществить указанные преобразования².

Тем не менее при подавлении Илинденского восстания летом 1903 г. турецкие войска совершили массовые убийства как восставших, так и мирного населения³. 26 июля 1903 г. турецкий жандарм-албанец убил русского консула А.А. Ростковского. Николай II потребовал немедленного «безотлагательного и самого тяжкого» наказания для убийцы, а также «немедленной строгой кары для всех гражданских и военных чинов ответственных за убиение российского консула»⁴. Требования царя были полностью исполнены султанским правительством: жандарм и его подельник были повешены⁵.

Император поручил В.Н. Ламздорфу в тесном сотрудничестве с австро-венгерским правительством оказать максимально сильное давление на Константинополь⁶. Николай II предупредил, что с этим следует торопиться, так как ситуация на Дальнем Востоке стремительно осложнялась. В результате в российском МИДе была выработана программа в тесном сотрудничестве с венским кабинетом добиться коллективного воздействия на султана держав-подписантов Берлинского договора.

17 (30) сентября 1903 г. Николай II прибыл в Вену на встречу с австро-венгерским императором Францем Иосифом. После теплой и торжественной встречи, состоялся официальный обед в Шенбруне, летней резиденции Габсбургов, во время которого оба императора обменялись дружественными

---

¹ Лиманская Т.О. В.Н. Ламздорф (министр иностранных дел России с 1900 по 1906 г.) // Дипломатический вестник. 2001. № 9. С. 35.

² Силянов (Хр.). Освободителнитѣ борби на Македония. София: Държавна печатница, 1933. Т. I. С. 291-292.

³ АВПРИ. Ф. 151 Политархив. 1907. Д. 568. Л. 152.

⁴ Сквозняков А.Н. Указ. соч. С. 63.

⁵ Сквозняков А.Н. Указ. соч. С. 63.

⁶ Лиманская Т.О. Указ. соч. С. 40.

тостами, которые, как и предыдущие, представляют собой важный исторический источник. На фоне беспорядков в Македонии, тосты австрийского и русского монархов стали носить более дружественный тон, чем это было в 1896 и 1897 гг. Так, император Франц Иосиф в своем тосте отметил сердечность отношений между ним и императором Николаем II, которая «уже неоднократно имела благотворное влияние на политические сношения наших государств». Франц Иосиф даже заявил о «полном согласии во взглядах, которое нас соединяет в виду печальных событий, происходящих ныне на Балканском полуострове» и выразил уверенность, что это согласие «мощно обеспечит успех мероприятий, которые мы предпринимаем с обоюдного согласия в интересах европейского мира»¹. Николай II в своем ответном тосте также говорил о «сердечном согласии и полной гармонии, которые проистекают из сего в действиях наших правительств», и которые «являются ценным залогом успеха великого умиротворяющего дела, которое мы предприняли с общего согласия». Царь также подчеркнул: «Гуманная цель, которую мы преследуем, исключает всякое пристрастие и должна быть достигнута с твердостью и настойчивостью средствами наиболее пригодными для действительного и прочного умиротворения»². Из тостов монархов видно, что главной целью их встречи является выработка программы, которая должна умиротворить турецкие балканские народы, заставив, с одной стороны, османское правительство пойти на глубокие реформы в т.н. христианских провинциях, а с другой, лишив революционные балканские организации повода для организации беспорядков.

Обсуждение основных положений этой программы было начато императорами в горной охотничьей резиденции Франца Иосифа в Мюрцштеге. Вместе с государями туда отправились министры иностранных дел: российский — граф В.Н. Ламздорф, сменивший в этой должности скоропостижно скончавшегося 8 (21) 1900 г. графа М.Н. Муравьева, и австро-венгерский — граф

---

¹ Правительственный вестник. 19 сентября (2 октября) 1903. № 209. С. 1. [на фр. яз.].

² Правительственный вестник. 19 сентября (2 октября) 1903. № 209. С. 1. [на фр. яз.].

А. Голуховский. Императоры, помимо обсуждения между собой положений будущей программы, приглашали на отдельные обсуждения и обоих министров. 21 сентября (4 октября) 1903 г. между В.Н. Ламздорфом и А. Голуховским было подписано соглашение, оформленное в виде инструкций российскому и австрийскому послам в Константинополе и получившее название «Мюрцштегская программа»¹. Николай II так оценил в своем дневнике итоги визита в Вену: «Приятно, что эта поездка окончилась так удачно!»². Французское посольство сообщало Т. Делькассе, что визит Николая II в Вену «подтвердил дружеские отношения между императорами и стал доказательством их полного согласия по балканским делам»³. Мюрцштегская программа предусматривала установление над Македонией совместного контроля России и Австро-Венгрии, вводившие в управление трех македонских провинций своих представителей. В жандармерию и полицию были введены иностранные инструкторы, в судах теперь должно было быть поровну христиан и мусульман⁴.

Абдул Гамид II отказался принимать Мюрцштегскую программу, заявив, что она покушается на суверенитет Турции. Султан был уверен, что западноевропейские столицы отнесутся нейтрально к австро-российскому демаршу⁵. Константинополь был практически уверен в заступничестве Берлина, помня, как Вильгельм II клялся султану в «вечной дружбе». Совершенно неожиданно для султана Абдул Гамида стала рекомендация кайзера принять Мюрцштегскую программу⁶. То же самое ему рекомендовали Лондон и Париж. То есть османский султан оказался перед лицом общеевропейской коалиции, фактически требующей от него проведения реформ в Македонии. В таких условиях, султан был вынужден в начале декабря 1903 г. согласиться принять к

---

¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 329-332.

² Дневники Императора Николая II. 1894-1918. Т. 1. С. 755.

³ DDF. 2e série. Т. III. - № 451. Р. 597.

⁴ Сборник договоров России с другими государствами. С. 330-322.

⁵ Дипломатическая переписка. Реформы в Македонии 1902 - 1903 гг. СПб, 1906. Т. 2. С. 20-30.

⁶ Исаева О.Н. Указ. соч. С. 78.

исполнению все пункты Мюрцштегской программы¹. Была создана специальная комиссия для наблюдения за проведением реформ, куда вошли представители правительства султана, а также послы Австро-Венгрии и России². Оценивая результаты Мюрцштегской программы А.Н. Сквозняков отмечает: «Российская дипломатия в ходе реализации Мюрцштегских реформ выполнила в Македонии важную миротворческую миссию, предотвратив своими усилиями возможный крупномасштабный военный конфликт, назревавший на Балканах из-за Македонии»³. По мнению французского посла М. Бомпара: «Император и граф Ламздорф убеждены, что умиротворение Македонии есть дело исключительно русской дипломатии»⁴. 2 (15) октября 1904 г. между Петербургом и Веной была подписана Декларация о взаимном нейтралитете, в которой говорилось: «Австро-Венгрия и Россия, объединенные общностью взглядов на охранительную политику, которой должно придерживаться в балканских странах, и вполне удовлетворенные результатами, достигнутыми до сих пор их тесным сотрудничеством, твердо решили оставаться и впредь на этом пути. Будучи счастливы еще раз констатировать это согласие, кабинеты Вены и С.-Петербурга придают большое значение тому, чтобы в должной форме засвидетельствовать друг другу чувства дружбы и взаимного доверия. С этой целью обе державы согласились соблюдать лояльный и абсолютный нейтралитет, в случае если какая-либо из подписавших эту декларацию сторон окажется одна в неспровоцированном ею состоянии войны с третьей державой, которая пыталась бы посягнуть на ее безопасность или на *status quo*, поддержание которого является основой соглашения, столь же миролюбивого, сколько и охранительного»⁵.

---

¹ Дипломатическая переписка. Т. 2. С. 39.

² Там же. С. 39.

³ Сквозняков А.Н. Македонский вопрос во внешней политике России в начале XX в.: 1903-1908 гг. // дисс. на соиск. уч. степ. к. ист. н. Самара, 2006.

⁴ Ibid.

⁵ Сборник договоров России с другими государствами. С. 333-334.

Подводя **итог** вышеизложенному, можно сформулировать следующие **выводы**:

1. Вводя своего представителя в комиссию «Оттоманского долга» и наделяя его широкими полномочиями, император Николай II стремился не допустить превосходства Великобритании в этой комиссии и, заручившись поддержкой Франции, добиться от нее уступок по Египту и по Черноморским проливам.
2. Овладение Россией Босфором и Дарданеллами должно было превратить Черное море в южные ворота Российской империи, дать выход к незамерзающим морям, к мировому океану.
3. Предпринимая все дипломатические усилия, что прекратить массовые убийства армянского населения Османской империи, Россия, одновременно, была категорически против ее распада, так как в этом случае, контроль над проливами могла получить какая-либо третья держава, прежде всего Великобритания или Австро-Венгрия.
4. Попытки Николая II и А.Б. Лобанова-Ростовского во время переговоров с Р. Солсбери в Бальморале осенью 1896 г. добиться согласия Лондона на изменения статуса проливов в пользу России, не увенчались успехом. Николай II в беседе с Р. Солсбери несогласился с английской аннексией Египта, а также с низложением султана и расчленением Османской империи.
5. Конфронтация между Лондоном и Парижем вокруг Египта и Суэцкого канала усиливалась, британский флот был готов войти в Босфор. Предложение Петербурга от 11 (23) ноября 1895 г. европейским державам, поддержанное ими, ввести боевые корабли в Черноморские проливы, сорвало план Лондона господствующей державой в проливах.
6. Решение царя вывести своего представителя из Комиссии Оттоманского долга было вызвано решительным несогласием российских военно-политических кругов и экономического блока правительства, а также и

отрицательным отношением Парижа к плану захвата Босфора русским флотом.

7. 23 ноября (5 декабря) 1896 г. на Особом совещании в Царском Селе было принято решение о военном захвате Босфора. Причины её отмены заключались, прежде всего, в политической составляющей, а именно в отказе Парижа оказать военную помощь России, который увязывал решение вопроса о передаче ей контроля за проливами с возвращением Франции провинций Эльзаса и Лотарингии, что означало неизбежную войну с Германией, возможность которой Россия категорически отвергла.
8. Несостоявшаяся Босфорская десантная операция убедила российские правящие круги, что дипломатические переговоры о статусе черноморских проливов в конкретно сложившейся ситуации последних годов XIX в. не способны решить вопрос в пользу России. Попытаться решить ситуацию военным путем, было отвергнуто царем, как из-за необходимости сохранения мира для модернизации российской экономики, так и из-за серьезной опасности с непредсказуемыми результатами.
9. Невозможность дипломатического решения вопроса о статусе проливов, коренным образом сменило курс российского правительства с Европейского на Азиатское направление, с целью получить выход в мировой океан и незамерзающие порты. Однако сам политический разворот в Азию у Петербурга был тесно увязан с сохранением *status quo* на Балканах.
10. Для стабилизации обстановки на Балканах, российская дипломатия нормализовала отношения с Болгарией и Сербией, а также добилась соглашения с Австро-Венгрией по Балканам и сохранению там *status quo*.

§3. Антиколониальный характер внешней политики России и ее мирные инициативы.

Безусловно, речь не идет о политике антиглобализма со стороны Российской империи, как принципа. Не стоит забывать, что в конце XIX в. сложились огромные колониальные империи Великобритании, Франции, Бельгии, частично Германии. Их колониальные владения признавались международным сообществом и не считались чем-то антигуманным или незаконным. В конце XIX-начале XX вв. Россия не стремилась уничтожить колониальную систему ни Франции, ни Англии, а выступала за свободу и независимость существующих суверенных государств Африки и Азии (Эфиопии, Южно-африканских республик, Сиам), которых европейские державы хотели сделать своими колониями. При этом следует отметить, что российской идеологии была чужда идея колониализма. А.Н. Боханов подчеркивал: «Россия никогда не была «колониальной державой в общепринятом смысле и тем качественно отличалась от западноевропейских империй. У неё никогда не было метрополии как таковой. Российская территориальная экспансия носила главным образом стратегический характер, диктовалась потребностями военной и государственной безопасности»¹.

Это можно в полной мере отнести и к отношению Российской империи к упомянутым государствам. А.К. Булатович писал в 1902 г.: «Обращаясь к взаимным отношениям России и Эфиопии мы видим, что Россия есть единственная искренняя и бескорыстно сочувствующая Абиссинии держава. Только сочувствием вызваны наши прямые сношения с Абиссинией и сочувствие является самой характеристичной чертой русской политики в Абиссинии»². Эта же мысль заключалась в послании Николая II эфиопскому

---

¹ История России: в 3 кн. Книга 3. XX век / Боханов А.Н. и др. М.: АСТ, 2001. С. 17-18.

² Донесение П.М. Власова М. Н. Муравьеву 15 февраля 1898 г. // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 142. Л. 24-20.

императору (негусу) Менелику II: «Не преследуя, как прочие державы Европы никаких корыстных целей и меркантильных задач в Африке — в настоящем — и не задаваясь таковыми в будущем, правительство поручило заявить Вашему Величеству, в виду искренно-дружественных чувств, питаемых к Вам лично Государем России, <...> сочувственно отнестись ко всем Вашим предприятиям <...> к установлению спокойствия и благосостояния в Эфиопии»¹.

В этом смысле характер внешней политики Российской империи по отношению Абиссинии и Сиама можно определить как антиколониальный. Примечательно, что еще в советское время уже упомянутый нами историк-востоковед И.С. Канцельсон считал, что политика России на Абиссинском направлении в конце XIX-нач. XX вв. «объективно способствовала ее сохранению целостности и независимости»². Современные российские историки уже прямо называют эту политику России в отношении Эфиопии как «объективно носившую антиколониальный характер»³. То же самое относится и к Сиаму (Таиланду), которого Россия «не стремилась приобрести колонию, а поддерживала в его борьбе за независимость»⁴.

Конечно, Россия, как любое государство, имела в вышеуказанных регионах свои геополитические интересы, но они никак не были связаны с колониальными захватами и угнетением. Здесь нельзя не учитывать, что в решении главных вопросов как внутренней, так и внешней политики, Николай II с юных лет

---

¹ Канцельсон И.С. Леонид Константинович Артамонов и его путешествие к Белому Нилу // Л.К. Артамонов. Через Эфиопию к берегам Белого Нила / И. С. Канцельсон ред., пред. М.: Наука, 1979. С. 4.

² Виноградова К.В. Проблемы военно-политического и культурно-религиозного взаимодействия Эфиопии и России в Новое время // автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. — Краснодар, 2002.

³ Мельниченко Б.Н. Дом Романовых и Дом Чакри (Россия и Таиланд в конце XIX-начала XX вв.) // Научно-теоретический журнал: Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2009. Вып. 3. Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2009. С. 17-30. С. 23.

⁴ Боханов А.Н. Российская империя. Образ и смысл. М.: Издательство «ФИВ», 2012. Российский ин-т стр. иссл. С. 555.

руководствовался и в жизни, и в политике религиозно-нравственной основой¹, а не основой европейского расового превосходства, как Англия, Франция и Германия. Для Николая II с юных лет была чужда психология колониализма².

Помощь Абиссинии (Эфиопии). К 1895 г. Африканский континент был в значительной степени поделен между европейскими державами, прежде всего Англией и Францией, но Эфиопия, с ее древнейшей государственностью и культурой, оставалась независимой. Италия, опоздавшая с разделом мира, надеялась захватить Эфиопию и сделать ее основной частью своих колониальных владений. К моменту начала войны Эфиопская империя была разделена между крупными феодалами, власть императора (негуса) была почти условной. Поэтому в Риме не слишком высоко оценивали противника и представляли, что эта война будет легкой. В марте 1889 г. император Эфиопии Йоханнес IV был убит в битве при Матхаме с суданскими махдистами. Наследственный правитель региона Шоа, принадлежащий к боковой ветви императорской династии Сахле-Марьям, не без вмешательства Италии, провозгласил себя императором Эфиопии под именем Менелик II. 2 мая 1889 г. между Абиссинией и Италией был подписан Уччиальский договор «О дружбе и торговле», согласно которому, Абиссиния признавала право Италии на обладание Эритреей и частью северной эфиопской провинции Тигре, к тому времени уже находившихся под властью Рима. При подписании договора, итальянцы сфальсифицировали текст ст. 17 этого соглашения на амхарском языке, представив дело так, будто Эфиопия в этом договоре признает над собой верховенство Италии в вопросах внешней политики³. Узнав, что Рим требует установления протектората над Эфиопией,

---

¹ Пылева А.И. Колониальная политика Франции и деятельность католической церкви в Сиаме в XIX веке // Научно-теоретический журнал: Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. Вып. 1 марта, 2013. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2013. С. 106.

² Цесаревич Николай Александрович — Императору Александру III 1 декабря 1890 г. // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 128.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2013. Л. 24-26.

³ Бартницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М.: Прогресс, 1976 / пер. с польск.; Ю. М. Кобищанова и М. В. Райт, пред. С. 326.

основываясь на неправильном переводе договора, Менелик II сначала попытался найти дипломатическое решение назревающего конфликта¹. Не добившись успеха, 12 февраля 1893 г. он объявил о расторжении Учальского договора. Одновременно Менелик сообщил о своем вступлении на престол всем европейским державам. Но единственный, кто признал его был император Александр III, отказавшийся признавать права Италии на Эфиопию². В марте 1893 г. итальянские войска вторглись на территорию Абиссинии. Итальянский экспедиционный корпус под командованием генерала О. Баратьери насчитывал 20 тыс. чел., прекрасно вооруженных и обученных. Итальянцы полагали, что они легко справятся с небольшой, плохо вооруженной эфиопской армией. Но они не ожидали, что Менелику II окажут активную поддержку большинство племен, в том числе и тех, которые враждовали с императором. В этом противостоянии Россия оказала Абиссинии дипломатическую и частично военную поддержку. Петербург с первых дней войны занял позицию в защиту Эфиопии³. Однако Уччальский договор запрещал Эфиопии заниматься независимой дипломатией, по этой причине дипломатическая миссия в России была равносильна нарушению международного договора. Но Александр III, а затем и Николай II отказались признавать законность этого соглашения. В.Н. Ламздорф писал в инструкции резиденту К.Н. Лишину: «Императорское правительство в настоящее время не имеет непосредственных интересов на Африканском материке. <...> Для Императорского правительства Абиссиния является главным образом серьёзным средством воздействия на другие государства, а по сему ограждение независимости и территориальной неприкосновенности Абиссинии составляет основное начало нашей политики к этой стране»⁴. Военный писатель и журналист полковник Ю.Л. Елец, совершивший множество долгих

---

¹ Россия и Африка. Документы и материалы: в двух томах. XVIII в. — 1960 г. / А.Б. Давидсон отв. ред. Т. 1. XVIII в. — 1917. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 53.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 157. Л. 53-54.

³ Елец Ю.Л. Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева. СПб: Тип. Е. Евдокимова, 1898. С. II.

⁴ Елец Ю.Л. Указ. соч. С. 29.

командировок в Африку, отмечал в 1898 г.: «Что нам Абиссиния? Зачем она нужна России? В ответ на это вспомним только о том, какая важная роль предстоит нам в будущем Азии, какой серьезной соперницей нашей является там Англия и как чувствительно всё, происходящее в Африке»¹. В России далекая африканская страна считалась сакральной, хранящей библейские святыни, в которой живет православный народ. Прийти к нему на помощь все больше осознавалась в русском обществе как священный долг. В последний год жизни императора Александра III в Абиссинию под видом экспедиции Русского географического общества была направлена военно-дипломатическая миссия². Один из участников этой миссии есаул Кубанского войска Н.С. Леонтьев стал ближайшим советником Менелика II³. Роль Н.С. Леонтьева в становлении нового Эфиопского государства и его победе над итальянскими колонизаторами весьма значительна. В 1895-1896 гг. Н.С. Леонтьев несколько раз посещал Эфиопию, возвращаясь в Россию лишь на короткое время. В июне 1895 г. он сопровождал первую дипломатическую миссию в Эфиопию. Осенью 1895 г. он вернулся в Россию, но в январе следующего 1896 г., когда началась итало-эфиопская война, Леонтьев вновь отправился в Эфиопию. По дороге, с помощью французов, недовольных итальянской экспансией в Африке, Н.С. Леонтьев привел в ставку Менелика большой караван с оружием и, с согласия Николая II, остался при императоре Эфиопии в качестве его советника⁴. Осенью 1896 г. Н.С. Леонтьев возвращается в Россию, и с конца 1896 года по сентябрь 1897 гг. подготавливал вторую дипломатическую миссию Эфиопии в России, которая находилась в Санкт-Петербурге с сентября по ноябрь 1897 г. Леонтьев также был там с миссией и вернулся в Эфиопию.

---

¹ Малыгина Н.В. Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи в конце XIX — начало XX веков. дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. Владимир, 2004.

² Там же. С. 29.

³ Россия и Африка. Документы и материалы. Т. 1. С. 55.

⁴ Beiträge zu Geshichte, Religion und Kunst Athiopens. Bd. IV. Köln, 1998. P. 207.

23 июня (5 июля) 1895 г. в Петербург прибыла большая эфиопская делегация во главе с двоюродным братом негуса расом (князем) Дамтоу¹. Прямо с вокзала принц во главе делегации отправился в Петропавловский собор, где возложил на гробницу императора Александра III золотую корону-шлем². Затем 30 июня (12 июля) 1895 г. делегация была принята в Петергофе вдовствующей императрицей Марией Федоровной, наконец, императором Николаем II и императрицей Александрой Федоровной³. То есть, абиссинской делегации были оказаны наивысшие почести, с какими в Российской империи приветствовали только могущественных государей. Иностранцы отмечали, что посольству никакой другой, даже европейской, державы в России не оказывали такого внимания, как эфиопской⁴. Во время приема Дамтоу передал царю личное письмо Менелика II⁵. После вручения письма эфиопский епископ Габро благословил Николая II массивным золотым крестом. Делегация передала императору богатые подарки негуса⁶. Российское правительство передало абиссинцам большое количество винтовок, патронов и крупную партию кавалерийских сабель⁷. В ноябре 1895 г. в Эфиопию тайно прибыл российский пароход, доставивший 30 тыс. ружей и 5 млн патронов⁸. Россия также направляла в Эфиопию воинское снаряжение, военных инструкторов, врачей и госпиталь⁹. Царь пожаловал Менелика II орденом Александра Невского¹⁰. Николай II передал также личное письмо Менелику, в котором заверял негуса в неизменном своем расположении и участии «к судьбам абиссинского народа»¹¹.

---

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2013. Л. 4-5 об.

² Всемирная иллюстрация. 1895. № 3 (1381). С. 46.

³ Дневники императора Николая II. Т. I. С. 211.

⁴ Jesman (C.). *The Russian in Ethiopia. An Essay in Futility*. London: Chatto and Windus, 1957. P. 87.

⁵ Jesman (C.). *Op. cit.* P. 87.

⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 137. Л. 40.

⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 137. Л. 55.

⁸ Морозов Е.В. Российской-эфиопское военное сотрудничество в конце XIX века. Поставки российского оружия в Эфиопию // Научно-теоретический журнал: Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 10 (1). История исторические науки. Пятигорск, 2011. С. 79.

⁹ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 69.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 137. Л. 55.

¹¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 137. Л. 38-39.

30 марта (11 апреля) 1896 г. министр иностранных дел Италии О. Каэтани передал свою озабоченность русской помощью Абиссинии, указав, что она вызывает негативную реакцию в итальянском общественном мнении, что может привести к падению его кабинета¹. На этом сообщении Николай II написал: «Очень нам нужно знать общественное мнение Италии и бояться за участь их министерств»².

В марте 1896 г. эфиопская армия нанесла сокрушительное поражение итальянцам в битве при Адуа, в которой итальянские войска потеряли 11 тыс. человек убитыми и ранеными, в их числе 2 генералов и 250 офицеров. Трофеями эфиопов стали артиллерийские орудия и большое количество иного вооружения и военного имущества³. 17 (29) июля 1896 г. раса Маконен выражал Николаю II глубокую благодарность за оказанную Эфиопии помощь: «Да благословит Вас Бог. Сообщаю Вам, что раненых наших лечат люди ваши, которые прибыли из России. Передаю Вам мою благодарность и выражение моей радости. Эфиопы никогда не забудут Вашей благосклонности. <...> Да будет уважение всему народу русскому на радость Эфиопии»⁴. 1 (13) сентября 1896 г. итальянцам стало известно, что «Менелик обратился к царю с просьбой быть посредником в итало-абиссинском конфликте»⁵.

Николай II лично контролировал ход переговоров эфиопов с итальянцами. 9 (21) сентября 1896 г. царь направил М.Н. Муравьеву записку, которую надо будет иметь в виду «при дипломатическом ходе мирных переговоров между Абиссинией и Италией»⁶. В записке Менелик подробно рассказывал греческому

¹ I Documenti Diplomatici Italiani (далее DDI). Terza Seria: 1896-1907. V. 1 (10 marzo 1896-10 aprile 1897). Roma, 1953. № 15. P. 15.

² Император Менелик II — императору Николаю II 1 апреля 1896 г. // Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX - начало XX века) // Проблемы востоковедения. 1960. № 1.

³ Цыпкин Г.В.; Ягья В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М.: «Наука», 1989. С.109

⁴ Император Николай II — М.Н. Муравьеву 9 сентября 1896 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 69.

⁵ Негус Менелик II — греческому королю Георгу I 1889 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 68. Л. 5-6 [на фр. яз.].

⁶ DDI. Terza Seria. V. 1. № 187. P. 138

королю Георгу I о фальсификации итальянцами Уччиальского договора, что было тогда еще неизвестно в Европе¹. 4 (16) октября 1896 г. Российское телеграфное агентство сообщило, что в Аддис-Абебе подписан мирный договор, по которому Италия признала независимость Эфиопии и выплатила ей контрибуцию².

В сентябре 1897 г. в Аддис-Аббебу прибыла русская чрезвычайная дипломатическая миссия во главе с П.М. Власовым³. В составе миссии были врачи, военные, инструкторы. Между Абиссинией и Россией были установлены дипломатические отношения.

После победы над Италией Петербург и дальше продолжал оказывать Эфиопии военную и дипломатическую помощь. Отряд казаков под командованием советника Менелика II полковника Генерального штаба Л.К. Артамонова, совершил глубокую разведку местности для возможной организации обороны Эфиопии⁴. В марте 1899 г. Николай II направил в Эфиопию в качестве своего доверенного лица поручика Лейб-гвардии Гусарского полка А.К. Булатовича, лично проинструктировав его перед отъездом⁵. В 1902 г. А.К. Булатович писал: «Россия есть единственная искренняя и бескорыстно сочувствующая Абиссинии держава. Только сочувствием вызваны наши прямые сношения с Абиссинией и сочувствие является самой характеристичной чертой русской политики в Абиссинии»⁶.

Помощь Сиаму. Большую роль сыграла династическая дипломатия императора Николая II в отстаивании независимости королевства Сиам

---

¹ Российское телеграфное агентство, понедельник 4 (16) октября 1896 г.

² Булатович А.К. С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа. СПб: Типография «Т-во Худож. Печати», 1900. С. 1.

³ Артамонов Л.Г. Через Эфиопию к берегам Белого Нила / Канцельсон И. С. ред. М.: Наука, 1979. С. 56.

⁴ Записка А.К. Булатовича в МИД. 7 июля 1902 г. // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 157. Л. 48-50.

⁵ Император Менелик II — императору Николаю II 8 марта 1907 г. // Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX - начало XX века) // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 157.

⁶ Мельниченко Б.Н. Дом Романовых и Дом Чакри (Россия и Таиланд в конце XIX-начала XX вв.). С. 25.

(Таиланда). Франция и Великобритания конкурировали за политическое господство в Индокитае. Территория Сиам как бы разделила французские и британские колониальные владения. Для Петербурга было более выгодным утверждение французского, а не английского влияния в Индокитае. Еще в царствование императора Александра III Петербург поддержал требование Парижа Бангкоку построить канал между Сиамским заливом и Андаманским морем. Настоящим прорывом в двусторонних отношениях стал визит наследника цесаревича Николая Александровича в Сиам в 1891 г. Он был частью восточного путешествия цесаревича. Несмотря на свой неофициальный статус, этот визит придал большой импульс развитию отношений между двумя странами и фактически положил начало тесной и продолжительной личной дружбе между будущим императором Николаем II и королем Чулалонгкорном. Цесаревич был очень тепло принят сиамским королем Чулалонгкорном (Рамой V), который преподнес Николаю богатые подарки¹. Король наградил наследника российского престола орденом Чакри и устроил в честь него торжества в Бангкоке и во дворце Банг Па Ин, а в конце визита лично провожал его. Николай Александрович в письме к Александру III писал про Сиам: «По-моему, это самая интересная и своеобразная страна, которую мы до сих пор видели»². Несколько месяцев спустя, капитан российского военного корабля доставил королю Чулалонгкорну благодарственное письмо от Александра III вместе с орденом Святого Андрея Первозванного, врученный царем сиамскому монарху.

В 1893 г. Франция навязала Сиаму кабальный договор, оккупировав принадлежащие Бангкоку лаосские земли³. В планах Парижа была полная

---

¹ Россия и Восток: учебное пособие. СПб: Издательство СПбГУ, 2000 // Мельниченко Б.Н. Россия и Сиам (Таиланд). С. 428-451.

² Цесаревич Николай Александрович — императору Александру III 20 марта 1891 г. // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(3). Л. 157.

³ История Востока: в 6 т. / А.Б. Рыбаков пред. Т. IV. Кн. 2. Восток в Новое время (конец XVIII-нач. XX в). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. С. 163.

колонизация Сиама и раздел его территории с Англией¹. В 1896 г. в Лондоне было подписано соглашение, согласно которому территория Сиама делилась на три зоны, французскую, английскую и нейтральную. Чулалонгкорн отправился в Европу, надеясь договориться Парижем и Лондоном. Однако, несмотря на неоднократные просьбы сиамского короля, ни Париж, ни Лондон не удостоили его ответом². В этих условиях, император Николай II пригласил Раму V посетить Россию с официальным визитом. Визит Рамы V проходил с 21 июня (4 июля) по 29 июня (11 июля) 1897 г. Российская пресса приложила все усилия для популяризации личности Чулалонгкорна. Так, «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что «король Чулалонгкорн один из самых симпатичных, образованнейших, выдающихся людей нашего времени. Доброе сердце, широкое гостеприимство, пламенная любовь к своей стране и народу и замечательное благородство характера. Личные качества короля приобрели ему искреннее уважение европейцев и любовь подданных»³.

Королю Чулалонгкорну на Варшавском вокзале Санкт-Петербурга была устроена самая торжественная встреча, на которой присутствовали все великие князь во главе с государем⁴. Король расположился в Большом Петергофском дворце, чтобы он мог любоваться Петергофскими фонтанами. Король писал королеве Саовапхе 22 июня (5 июля): «Государственные дела продвигаются хорошо. Здесь в России все идёт не так как в других местах. Мы с Императором почти все время вдвоем, всюду вместе никто за нами не ходит»⁵. Николай II и Рама V сделали общую фотографию, поставив на ней свои подписи. Эта фотография была размещена во всех официальных газетах России, и, разумеется,

---

¹ Из инструкции МИД России А.Е. Оларовскому при назначении его русским поверенным в делах и генеральным консулом в Таиланде. 21 февраля 1898 г. // Из истории русско-тайландских отношений (конец XIX - начало XX века) // Исторический архив. 1957. № 6. С. 120.

² Мельниченко Б.Н. Дом Романовых и Дом Чакри. С. 26.

³ Мельниченко Б.Н. Дом Романовых и Дом Чакри. С. 26.

⁴ «От друга»: Стодесятилетие установления тайландско-российских отношений: / сб. ст. Пакамонтри И., гл. ред. М.: Посольство королевства Таиланд в России, 2007. С. 29.

* Великая княгиня Елизавета Федоровна

появилась и в заграничной прессе. Всему миру было ясно дано понять: сиамский монарх — личный друг императора всероссийского¹.

24 июня (7 июля) Чулалонгкорн на два дня отправился осматривать Москву. Николай II писал генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу: «Милый дядя Сергей, решаюсь написать Тебе эти строки перед приездом в Москву Сиамского Короля, с целью Тебе его очень рекомендовать. <...> Поэтому прошу Тебя и Эллу* смотреть на него как на верного и хорошего друга моего, как на убеждённого поклонника России (их и без того мало)»².

27 июня (10 июля) Рама V вернулся из первопрестольной столицы в Петербург, откуда он писал королеве: «Я не в состоянии описать, какие меня охватили радостные чувства, когда я вернулся сюда вновь. С Императором мы поцеловались и обнялись несколько раз, а потом вместе поехали к Императрице. Я представил им нашего сына, Император и Императрица проявили к нему исключительную благосклонность. Императрица дарит тебе брошь в виде российской короны. <...> При этом Императрица сказала, что ты тоже вошла в их семью»³. Сам Чулалонгкорн получил в подарок от государя портрет Александра III и портсигар, на котором была выгравирована надпись: «От друга. Николай»⁴.

В Петербурге были установлены дипломатические отношения между Россией и Сиамом, было решено подготовить «Договор о дружбе и морском судоходстве», который был подписан в 1899 г.⁵. Николай II разрешил второму сыну короля принцу Чакробонгу приехать в Россию для обучения в Императорской академии Генерального штаба.

22 июня (5 июля) Николай II заверил Чулалонгкорна, что разъяснит французскому послу позицию Сиама, пригласив посла III-й республики на беседу

---

¹ Император Николай II — великому князю Сергею Александровичу 23 июня 1897 г. // ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 13.

² «От друга». С. 32.

³ «От друга». С. 32.

⁴ «От друга». С. 20.

⁵ Берзин Э.О. История Таиланда (краткий очерк). М.: Наука, 1972. С. 120.

и передав ему личное письмо для Г. Ганото¹. Один из высокопоставленных государственных чиновников современного Таиланда доктор Т. Чантарнгсу, так оценивает состоявшиеся в 1897 г. в России переговоры: «Приватные переговоры между Царем Николаем II и королем Чулалонгкорном дали превосходные результаты. Николай II даже промолвил: «Независимость Сиам никогда не будет ни утеряна, ни нарушена»². Чулалонгкорн отправился в свое турне по Европе на императорской яхте «Полярная звезда», предоставленной ему Николаем II. В Париже на переговорах с Ганото франко-сиамские отношения были выведены из кризиса. Но понадобилось еще долгие переговоры и ряд соглашений, чтобы Париж и Лондон признали полностью суверенитет и независимость Таиланда³.

Содействие государствам Южной Африки. В период с 1899 по 1902 гг. Великобритания вела ожесточенную колониальную войну против бурских государств в Южной Африке. Истоки Англо-бурской войны лежали в стремлении Великобритании объединить свои южноафриканские колонии со свободными государствами Оранжевой и Южно-Африканской (Трансвааль) Республиками. Население этих республик в основном состояло из потомков голландских пересельцев (буров), которые говорили на африкаанс и хотели сохранить свою независимость. Открытие богатых залежей золота на Юге Африки в 1886 г. повысило ставки, вызвали приток в бурские государства англоговорящих людей, которых африканеры называли уитлендерами (буквально «чужеземцами»). Их появление сильно беспокоило буров, видевших в них угрозу своей независимости. В 1898 г. на президентских выборах в ЮАР победил П. Крюгер, который еще более решительно повел борьбу с английскими агентами уитлендерами. Крюгер также потребовал от английских властей, чтобы Лондон отказался от своих претензий на управление ЮАР. Министр по делам колоний

---

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 1897. Д. 58. Л. 124.

² Россия и Сиам 1863-1917: Документы и материалы. – М.: Международные отношения, 1997. – 317 с. С. 85.

³ Из инструкции МИД России А.Е. Оларовскому 21 февраля 1898 г. // Из истории русско-таиландских отношений (конец XIX - начало XX века) // Исторический архив. С. 121.

Дж. Чемберлен, уверенный в том, что буры будут быстро разгромлены, отверг предложения П. Крюгера. После этого, ЮАР и Оранжевая Республика предъявили Англии ультиматум, требуя вывода не только британских войск со своих границ, но и всех подкреплений, направленных в Южную Африку с 1 июня 1899 г. Этот ультиматум был Чемберленом отклонен, и в октябре буры вступили на территории английских колоний. Буры осадили несколько английских колониальных городов, а в декабре 1899 г. отбили все попытки англичан их освободить. Британская тактика, которая в целом оказывалась успешной против плохо вооруженных противников, оказалась губительной при применении против буров. Используя современные винтовки и бездымный порох, буры могли обстреливать британскую пехоту с большого расстояния, прежде чем отступить и избежать прямого столкновения. Буры были очень мобильны и весьма искусны в военном деле.

Симпатии русской общественности были целиком на стороне буров. Русские добровольцы, питавшие вражду к англичанам, отправлялись в Африку, чтобы сражаться с ними с оружием в руках. Кстати, каждый десятый житель Йоханнесбурга был российского происхождения¹. Российская газета «Новое время» писала: «Верующие фермеры, которые решили защищать свободу Отечества ценой своей крови, всегда будут ближе сердцу Святой Руси, чем наш исконный враг, холодная и эгоистичная Англия. Благодаря своей глубокой вере в Бога, буры — наши братья»².

В апреле 1897 г. Трансвааль обратился к Петербургу с предложением об установлении дипломатических отношений, на что царь ответил согласием. 4 (16) сентября 1898 г. в Петербург в качестве посланника отправился доктор В. Лейдс³. Но он так и не доехал до российской: началась англо-бурская война⁴. В январе 1900 г. Г.Л. Монтебелло писал Т. Делькассе: «В России газеты не скрывают своих

---

¹ Давидсон А.Б., Филатова И.И. Указ. соч. С. 41.

² Новой Время. 16 октября 1899. № 8490.

³ Там же.

⁴ DDF. 1e série. T. XVI. - № 54. P. 78-79.

чувств против Англии. Даже в окружении Императора открыто демонстрируется самое враждебное к ней отношение»¹. Николай II внимательно следил за ходом войны и радовался успехам южноафриканских войск. В царском дневнике от 14 (26) октября 1899 г. отмечено: «Читал с интересом английские газеты о войне в Южной Африке»². В письме великому князю Сергею Александровичу Николай II признавался, что «от души желает бурам ещё больших успехов, чем они до сих пор имели»³. Обращаясь к своей сестре великой княгине Ксении Александровне, царь не скрывал свои чувства, отметив, что не может не выразить своей радости по поводу пленения бурами двух английских батальонов⁴. Царь отмечал, что ему «приятно сознание, что только» в его руках «находится средство вконец изменить ход войны в Африке», отдав приказ по телеграфу провести мобилизацию войск в туркестанском округе: «Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для неё месте. Но время для этого еще не пришло: мы недостаточно готовы к серьёзным действиям главным образом потому, что Туркестан не соединён пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией»⁵.

Первая Гаагская мирная конференция 1899 г. Начавшаяся в 1899 г. англо-бурская война впервые обозначила проблему преступного обращения с мирным населением в ходе военных действий, а также использования боеприпасов, приносящих тяжкие страдания и калечащие противника. Создание англичанами концентрационных лагерей, в которые помещали женщин и детей, многие из которых умерли от голода и болезней⁶. В английских послевоенных отчетах признавалось, что в лагерях умерло 27 927 буров (из них 24 074, т.е. 50 % детей младше 16 лет). Т.е. в общей сложности умер каждый четвёртый из

¹ Дневники Императора Николая II 1894-1918. Т. 1. С. 497.

² Император Николай II — великому князю Сергею Александровичу 22 октября 1899 г. // ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 37.

³ Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. Т. 2 (63). С. 125.

⁴ Там же. С. 126-126.

⁵ Die Große Politik. Bd. XIX. Т. 1. № 6118. S. 401.

⁶ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 7 [копия].

буров-заключённых, в основном дети¹. Не менее ужасающими были способы ведения войны англичанами, которые использовали против буров т.н. разрывные пули «дум-дум», пулеметы, тактику выжженной земли и т.д. Все это вызвало в России всеобщее негодование. Безусловно, что именно эти чудовищные методы войны стали непосредственной причиной, по которой император Николай II предложил созыв мирной конференции. Граф М.Н. Муравьев писал: «Его Величество видит в этих событиях [англо-бурской войны] новое доказательство необходимости уменьшения, насколько это возможно, ужасов состояния войны, необходимость, которую Императорское правительство имело в виду, предлагая Конференцию в Гааге»².

Между тем, советская историография объясняла созыв мирной конференции «слабостью царского режима», «отсталостью» русской экономики и вооружённых сил. Так, Л.А. Телешева полагала, что «царское правительство, явившееся инициатором созыва международной конференции, далекое от мысли добиться действительного разоружения», преследовало цель «с одной стороны ослабить своих противников в военном отношении, а с другой создать для себя наиболее благоприятную международную обстановку, которое ему позволило бы продолжить политику захватов и экспансии на Дальнем Востоке»³. «История дипломатии» под редакцией академика В.П. Потёмкина утверждала, что выступить с инициативой созыва международной конференции российское правительство заставила «финансовая нужда»⁴. В.И. Бовыкин полагал, что невозможность «поспеть в гонке вооружений за Германией, вынудила царское правительство выйти с предложением их сокращения»⁵. Сходные мысли

---

¹ Ferguson (N.). Empire: The Rise and Demise of British World Order and the Lessons for Global Power. Basic Books, 2002. P. 235.

² Всеподданнейшие записки министра иностранных дел по вопросам англо-бурской войны // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 3-4.

³ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. / Телешева Л., пред. // Красный архив. Исторический журнал. М.: Партийное изд-во, 1932. Т. 1-2(50-51). С. 64.

⁴ История дипломатии / Потёмкин В.П. ред. Т. 2. С. 149.

⁵ Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX- 1917 г. М.: Гос. уч.-пед. изд-во мин-ва просв. РСФСР, 1960. С. 27.

выражены в работах В.М. Хвостова, А.С. Ерусалимского и других авторов¹. И.С. Рыбачёнок выделяет три основных мотива, какими по ее мнению руководствовался император Николай II, предлагая созыв конференции: «политический — создание стабильной и благоприятной для России международной обстановки в Европе; идеологический — формирование образа великой империи как носительницы идеи мира и справедливости; и финансовый — «замораживание» военных бюджетов» при общем вполне прагматическом устремлении укрепить систему «неустойчивого равновесия», сложившуюся тогда в Европе»².

Признавая справедливость данных утверждений, следует признать их недостаточными, так как они не учитывают нравственную причину, которая у Николая II превалировала над всеми остальными³. Совокупность источников свидетельствует, что царь принимал самое непосредственное участие в замысле, разработке и планировании мирной конференции⁴. По мнению А.В. Игнатьева Гагская конференция 1899 г. преследовала цель «не сокращения вооружений, хотя платонически она тоже провозглашалась, а поисков мирного разрешения международных конфликтов и выработки правовых норм ведения войны»⁵. Мирная инициатива императора Николая II стала не каким-то необычным шагом со стороны России⁶. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин в своем докладе императору Николаю II в 1900 г. отмечал, «что за предыдущие 200 лет Россия была в состоянии войны 128 лет и имела 72 года мира»⁷. Как писал великий

---

¹ См.: Николаев Н.Ю. Россия и Гагская конференция 1899 г. На правах рукописи. Волгоградский гос. университет. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. Волгоград, 2001. С. 6-12.

² Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. – М: из-во РОССПЭН, 2005. С. 20.

³ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 97.

⁴ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4709. Л. 12-117, 19, 20-22.

⁵ Игнатьев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX-нач. XX веков // Вопросы истории, 1998. № 8. С. 34.

⁶ Подробнее см. по этому поводу: Каширина Т.В.; Мультатули П.В. Инициативы российских императоров по вопросам всеобщего мира и ограничения вооружений. XVIII — нач. XX вв. // Международная жизнь. 2024. № 6. С. 28-36.

⁷ Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan, Dekalb, Northern Illinois University Press, 2001. P. 101.

русский учёный Д.И. Менделеев: «Русский народ никогда не был склонен к завоевательству»¹. Выдающуюся роль в попытке создания такой системы сыграл император Александр I — главный основатель и идеолог Священного союза. Граф Л.А. Комаровский отмечал в 1905 г.: «Победив Наполеона, Император Александр помышлял даровать народам Европы, истерзанными долгими войнами и революциями, прочный мир. По его мысли великие державы должны были соединиться в союз, который покоясь на началах христианской морали, справедливости и умеренности, был бы призван содействовать им в уменьшении их военных сил и поднятии торговли и общего благосостояния»². Нет сомнений, что Гагская конференция была, в сознании многих, преемницей Священного Союза³. Французский историк М. Ферро признает: «Николай II стремился положить конец войнам между Германией и Францией, Англией и Россией, Россией и Австрией. Это должно было быть небольшое сообщество наций, некий аналог «Священного союза»⁴.

В 1874 г. император Александр II впервые в истории выступил с положением о необходимости общеобязательных правил ведения войны⁵. По инициативе императора Александра II в 1874 г. была созвана Брюссельская конференция по кодификации законов и обычаев войны, был выработан проект декларации о законах и обычаях войны.

К идее о проведении конференции о разоружении русская государственная мысль возвращалась и в царствование императора Александра III. Одним из активных сторонников конференции по разоружению был барон Е.Е. де Стааль. В 1894 г. он подал записку Александру III о проведении конференции по

---

¹ Менделеев Д.И. К познанию России. 6-е издание. СПб: Издание А. С. Суворина, 1907. С. 45.

² Комаровский Л.А., граф, профессор. Гагская мирная конференция 1899 года. М.: О-во взаимопомощи студентов юристов Моск. ун-та, 1905. С. 3.

³ Ferro (M.). Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix // *Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales*. Octobre-novembre, 2011. № 5. *Géopolitique de la Russie*. P. 12.

⁴ Ferro (M.). Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix // *Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales*. № 5. Octobre-novembre, 2011. *Géopolitique de la Russie*. P. 12.

⁵ Хайцман В.М. Идеи и общества мира в России конца XIX в. // *Дипломатический ежегодник*. М., 1995. С. 147-148.

разоружению, но царь счёл такое мероприятие преждевременным, назвав ее утопией¹.

Император Николай II во время своего разговора с французским дипломатом Ж. Жюссераном предупредил, чтобы тот не «строил больших иллюзий по поводу практических и немедленных результатов от конференции», выразив при этом учеренность в её необходимости по причине моральной². Однако помимо моральной причины, необходимость конференции определялась постоянно ускоряющейся гонкой вооружений, грозившей народам Европы нищетой и разорением. В постоянном развитии вооружений была заинтересована только Германия, которая опережала в развитии тяжёлого вооружения все остальные государства. Весной 1898 г. правительство императора Вильгельма II, представило в рейхстаг проект строительства военно-морского флота, предложенный морским министром рейха адмиралом А. фон Тирпицем (этот проект вскоре получит название «Новой морской программы»), предусматривающая выделения на ее осуществление огромной суммы в 250 млн. рейхсмарок³. В своей записке на Высочайшее имя один из организаторов конференции, сотрудник МИД Ф.Ф. Мартенс предупреждал об этой опасности: «Нынешнее перевооружение германской артиллерии служит новым доказательством неотложности положить предел этой разрушительной и опасной системе бесконечных вооружений, впервые введённой той же Германией, и которая, в конце концов, неминуемо должна привести к небывалой по своим разрушительным последствиям всеобщей войне»⁴. Аналогичную мысль мы встречаем у военного министра генерала А.Н. Куропаткина: «Расходы, кои несет Европа на этот так называемый «вооруженный мир», огромны. Невольно приходит многим на ум опасение, что такой порядок долго продолжаться не

---

¹ Резолюция императора Александра III на записке барона Е.Е. де Стааля. 20 апреля 1894 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 37. Л. 91.

² DDF. 1e série. T. XV. № 126. P. 196.

³ Сокольская Н.Ф. Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия конца XIX — начала XX века // Ежегодник Германской истории. 1987.

⁴ Записка Ф.Ф. Мартенса на Высочайшее имя // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

может и что из него лишь два исхода: или война или великий почин одной из наиболее сильных держав приостановит дальнейшее расходование тяжелым путем добываемых казною денег на дальнейшее принятие все новых средств разрушения»¹.

Предалагая европейским правительствам созвать мирную конференцию, Петербург предполагал: 1) создать систему мирного обсуждения международных споров и ограничения гонки вооружений, с целью предупреждения неизбежной всемирной войны; 2) выработать правила и законы ведения войны, при запрещении использования оружия, причиняющего особые страдания, а также оружия массового поражения (отравляющих веществ)². 12 (24) августа 1898 г. «по Высочайшему Государя Императора повелению» министр иностранных дел России М.Н. Муравьев пригласил к себе послов всех держав Европы, Америки и Азии, аккредитованных в Санкт-Петербурге, которым зачитал текст циркуляра, в начале которого говорилось: ««Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Взгляд этот вполне отвечает человеколюбивым и великодушным намерениям Его Императорского Величества, Августейшего моего Государя. В убеждении, что столь возвышенная цель соответствует существеннейшим потребностям и законным вожделениям всех держав, Императорское правительство полагает, что настоящее время весьма благоприятно для изыскания, путем международного обсуждения, наиболее действительных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир и, прежде всего, положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений»³. М.Н. Муравьев дал ясную и ужасающую картину гонки

---

¹ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. / Телешева Л. пред. С. 72.

² Мартенс Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900. Т. 2 (64) [март]. С. 5-28.

³ Вестник Европы. 1898. Т. V. Кн. 9. С. 380.

вооружений, огромных финансовых затрат на их и развитие, которые непременно приведут человечество к катастрофе: «Все возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену в виду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути»¹. В связи с этим в циркуляре заявлялось предложение императора Николая II о созыве мирной конференции, которая «могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века. Она сплотила бы в одно могучее целое усилия всех государств, искренно стремящихся к тому, чтобы великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора. В то же время она скрепила бы их согласие совместным признанием начал права и справедливости, на которых зиждется безопасность государств и преуспеяние народов»².

Затем, в течение четырех месяцев, МИД подготавливал конкретные предложения для обсуждения на конференции. К декабрю 1898 г. эти предложения были сформулированы и готовы для вынесения на обсуждение конференции. В январе 1899 г. «Правительственный Вестник» опубликовал второй циркуляр, содержащий эти конкретные предложения, главными из которых были следующие: «1. Сохранение на известный срок настоящего состава сухопутных и морских вооруженных сил и бюджетов на военные надобности и предварительное изучение средств, при помощи которых могло бы в будущем осуществиться даже сокращение вооруженных сил и военных бюджетов; 2. Запрещение вводить в употребление в армиях и во флоте какое бы то ни было

---

¹ Вестник Европы. 1898. Т. V. Кн. 9. С. 381.

² Вестник Европы. 1898. Т. V. Кн. 9. С.

новое огнестрельное оружие и новые взрывчатые вещества, а также порох, более сильно действующий, сравнительно с принятым в настоящее время как для ружейных, так и для орудийных снарядов; 3. Ограничение употребления в полевой войне разрушительных взрывчатых составов, уже существующих, а также запрещение пользоваться метательными снарядами с воздушных шаров или иным подобным способом; <...> Принятие начала применения добрых услуг, посредничества и добровольного третейского разбирательства в подходящих случаях»¹.

Реакция на российские предложения со стороны правительств европейских государств и общественности была неоднозначной. Разумеется, внешне было невозможно не поддержать самую идею мирного существования, ограничения вооружений и т.д. Министр иностранных дел Италии маркиз Э. Висконти-Веноста заявил, что «долг всех правительств помочь в деле мира, с инициативой которого выступил Царь»². Ж. де Лапрадель писал: «Мир был уже поражён, когда могущественный Монарх, глава великой военной державы, объявил себя поборником разоружения и мира в своих посланиях от 12 (24) августа и 30 декабря. Удивление еще более возросло, когда, благодаря русской настойчивости, конференция была подготовлена, возникла, открылась»³.

Но за патетическими словами восхищения и поддержки самой идеи, по всей вероятности, чаще всего искренней, скрывались скептицизм и сомнения в возможности реализовать на практике продекларированные подложения царского циркуляра. Для большинства европейских политиков идея конференции, а тем более ее программа, означали подрыв их военных мощи и развития. Особый скепсис, наряду с возмущением, инициатива Петербурга вызвала в Париже, в котором ее восприняли как сознательное ослабление французской армии, к тому

---

¹ Правительственный вестник. 30 декабря (11 января) 1898 (1899 г.). № 282.

² DDF. 1e série. T. XV. № 181. P. 302.

³ Lapradelle (L. de). La conférence de la paix: (La Haye, 18 mai-29 juillet 1899). Paris, A. Pedone, 1900. P. 15.

же, инициированное союзницей. Как докладывал в те дни Ф.Ф. Мартенс: «Французы рвут и мечут, и не могут успокоиться, считая, что конференция направлена против них»¹. Генеральный штаб республики усмотрел в планируемой конференции стремление к запрету новой французской скорострельной пушки, а правительственных кругах даже стали предполагать, что в случае, если конференция состоится, о возвращении Элизаса и Лотарингии Франции следует забыть. Париж был настолько напуган программой конференции, что Николай II поручил М.Н. Муравьеву ехать в Париж и успокаивать союзницу: «Я думаю было бы хорошо, если бы Вы побывали в Париже и повидались бы с Фором и некоторыми из главных их деятелей. Важно их всех успокоить насчёт нашего проекта всеобщего разоружения, который, судя по их печати, кажется, наделал во Франции сильный переполох. Ваше посещение Парижа, сразу положит конец разным сомнениям или разочарованиям, если они имеют место»². При этом царь в разговоре с Л. Монтебелло настаивал, чтобы на конференции русский и французский представители всегда «действовали наступательно и всегда согласно друг с другом по всем более-менее важным пунктам»³.

Что касается Лондона, то его позицию хорошо передал в письме к М.Н. Муравьеву посол в Лондоне Е.Е. Стааль: «Относительно мирной конференции Англия будет держаться своей обыкновенной политики: она примет участие в совещаниях, чтобы подвести их и не выполнить»⁴.

В Берлине, где только, что были приняты сверхмилитаристские и сверхдорогостоящие программы по развитию армии и флота, идея конференции вызвала открытое раздражение и недовольство. В 1897 г. Вильгельм II потребовал от рейхстага нового значительного повышения численности

---

¹ Новое Время, 1898, август.

² Император Николай II — графу М.Н. Муравьеву 27 августа 1898 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 30.

³ DDF. 1e série. T. XV. P. 239.

⁴ Барон Е.Е. де Стааль — графу М.Н. Муравьеву // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 9.

Рейхсхеера, а на момент российского циркуляра германскими военными инженерами была разработана новая 77-мм полевая пушка, скорострельность которой увеличилась в пять раз¹. Поэтому не вызывает удивления, что кайзер в помете на полях доклада Б. фон Бюлова 10 (22) июня 1899 г. явно в гневе написал: «Чтобы он [Николай II] не оскандалился перед Европой, я соглашаюсь на эту ерунду. Но в своей практике я и впредь буду полагаться, и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч. И ср...ть я хотел на все эти постановления! [Und sch.... auf die ganzen Beschlüsse!]². Однако под воздействием уравнившего Бюлова, Вильгельм II осознал, что открыто выступить против российского предложения ему крайне невыгодно, так как создало бы ему в Европе образ потенциального агрессора и сторонника войны. Исходя из этого, германское правительство решило поддержать инициативу Николая II.

Местом проведения конференции была, хотя и не сразу, выбрана Гаага³. Приглашение участвовать в конференции было принято всеми европейскими державами, а также США, Мексикой, Китаем, Японией, Персией, Сиамом. Каждая из приглашенных держав прислала своих уполномоченных. По предложению королевы Нидерландов Вильгельмины начало работы конференции приурочили ко дню рождения императора Николая II — 6 (18) мая, в знак уважения ему как инициатору конференции. Председателем конференции был избран представитель России барон Е.Е. Стааль.

С 6 (18) мая по 5 (17) июня 1899 г. в королевском Лесном дворце состоялась Первая мирная Гаагская конференция, которая достигла соглашения по установлению общих правил относительно мирного разбирательства столкновений между державами и выработала правила относительно ведения войны, запрещающие бросание взрывчатых снарядов с аэростатов, снарядов с удушающим газом, разрывных пуль типа «дум-дум». Венцом конференции стало

---

¹ Николаев Н.Ю. Германия и Гаагская мирная конференция 1899 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Вып. 10. Волгоград, 2005. С. 43.

² GP. Bd. XV. № 4320. S. 306.

³ Там же.

учреждение действующего и поныне Гаагского международного третейского суда.

Однако главная цель конференции — сокращение вооружений и военных бюджетов не была достигнута, главным образом, из-за позиций Германии и Франции. Ф.Ф. Мартенс называл позицию французской делегации «подлой»: «Они, наши друзья и союзники, но не только не помогают нам, но, напротив, на каждом шагу пакостят, выступая против предложений России в военной и морской комиссиях»¹. Оценивая итоги Гаагской конференции, Николай II писал в 1900 г.: «Результаты трудов, созванной в Гааге Мирной Конференции, дают полную надежду, что осуществлению такой близкой Моему сердцу задачи положены твердые основы в виду признания всеми державами возможности и необходимости ее всестороннего разрешения»².

Однако вскоре проявилось, насколько западные государства не способны действовать сообща в духе Гаагской конференции. Минувшая конференция никак не повлияла на преступные методы ведения войны англичанами на Юге Африки. В связи с этим в начале 1901 г. граф В.Н. Ламздорф получил из Царского Села поручение подготовить план действий по возможному дипломатическому противодействию военным преступлениям Англии в ее войне против буров. После глубокого изучения поставленной проблемы, В.Н. Ламздорф летом 1901 г. подал записку на высочайшее имя, в которой утверждал, что «лишь совместное с Россией предстательство континентальных держав в пользу буров могло бы склонить Англию к прекращению беспощадной расправы с совершенно разорённым противником»³. По мнению В.Н. Ламздорфа, успех такой демонстрации невозможен без Германии, а ее может подвигнуть к такому шагу «только непосредственное обращение Вашего Императорского Величества к Императору Вильгельму». В.Н. Ламздорф был убеждён, что в случае

---

¹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 787. Д. 5.

² ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 37.

³ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа. Июль 1901 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 7 [копия].

выступления Берлина «в защиту несчастных буров», его поддержат Рим, Вена, «а может даже и Америка»¹.

4 (17) июля 1901 г. русскому послу в Берлине Н.Д. Остен-Сакену было поручено «самым осторожным образом постарались выяснить, как была бы принята императором Вильгельмом мысль об указанном обращении к Англии»². Однако еще в 1900 г. М.Н. Муравьев в своём всеподданнейшем докладе сообщал, что император Вильгельм «признал более выгодным для Германии, сохраняя наружный нейтралитет, войти в непосредственные, вполне самостоятельные соглашения с Англией», которая «не замедлила вступить с ней в полюбовные сделки»³.

28 июня (11 июля) 1901 г. В.Н. Ламздорф сообщил послу в Париже князю Л.П. Урусову, что государь пришёл к убеждению о необходимости воззвания держав к Великобритании с целью оказать «возможное содействие к облегчению тяжелой участи Южно-Африканских Республик»⁴. Однако Россию не поддержало ни одно европейское государство.

Первая мирная Гаагская конференция, конечно, не остановила гонку вооружений⁵. Но конференция имела важное практическое значение. «С некоторых пор в газетах и в здешних политических кругах, — сообщал царю в июле 1903 г. Л.П. Урусов, — обсуждалась возможность заключения с иностранными державами договоров, в силу коих споры по известного рода вопросам обязательно подвергались бы третейскому суду. Нужно заметить, что вообще великодушная мысль Государя Императора, практическим выражением

---

¹ Резолюция императора Николая II на всеподданнейшей записке министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа. 3 июля 1901 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 7 [копия].

² Всеподданнейший доклад министра иностранных дел. 22 января 1900 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.

³ Граф В.Н. Ламздорф — князю Л.П. Урусову. 28 июня 1901 г. // АВПРИ. Ф. Политархив, 1901. Оп. 482. Д. 2122. Л. 238-239.

⁴ Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 501.

⁵ Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира. С. 232

кой была Гаагская конференция 1899 года, широко распространилась с тех пор и сделала большие успехи во Франции»¹.

По замыслу организаторов первой Гаагской мирной конференции, такие форумы должны были стать неотъемлемой частью международной политики. 2 (15) июня — 5 (18) октября 1907 г., опять по инициативе Петербурга, в Гааге состоялась Вторая мирная конференция, в которой приняли участие 232 делегата из 44 государств: все участники Первой конференции мира и 17 государств Южной и Центральной Америки. 19 мая (1 июня) 1912 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов писал императору Николаю II: «В заключительном акте созванной по почину Вашего Императорского Величества Второй Конференции мира 1907 г., было высказано пожелание, чтобы следующая Третья конференция собралась в срок, примерно равный промежутку между первой и второй конференциями. <...> Таким образом, время Третьей конференции мира падает примерно на лето 1915 г.»². На этой записке Николай II написал: «Одобрю». В этот момент ни он, ни С.Д. Сазонов не могли знать, что лето 1915 г., на которое была намечена Третья конференция мира, станет пиком кровавой войны.

Подведя **итог** вышеизложенному, представляется возможным сделать следующие **выводы**:

1. В конце XIX-начале XX вв. Россия боролась не с колониализмом как системой, а с конкретными попытками захватов европейскими державами уже существующих суверенных государств Африки и Азии.
2. Россия никогда не была колониальной империей, в отличие от Англии, Франции, Бельгии, Испании. Ее территориальные присоединения были вызваны прежде всего вопросами геополитики и обороны. Вступавшие в Российскую империю народы не испытывали на себе экономического, расового или иного гнета, на чем основывались западные колониальные квази-империи.

---

¹ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2507. Л. 64 - 64.

² Всеподданнейшая записка С.Д. Сазонова. 19 мая 1912 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

3. Российская дипломатия сыграли видную роль в победе Эфиопии над итвльянскими колонизаторами, с которой Россия установила дипломатические отношения.
4. Дипломатия Российской империи, прежде всего династическая дипломатия императора Николая II, сыграли решающую роль в отстаивании независимости королевства Сиам (Таиланд) от его колонизации со стороны Великобритании и Франции.
5. Россия предпринимала все возможное для оказания помощи южно-африканским государствам Трансвааля (Южно-Африканская Республика) и Оранжевой Республики, в их войне против Великобритании.
6. Англо-бурская война и преступные методы ее ведения англичанами, стала непосредственной причиной, побудившей Николая II предложить созыв Первой мирной конференции, которая состоялась в Гааге в 1899 г.
7. Целью конференции было не сокращение вооружений, а поиск мирного разрешения международных конфликтов и выработки правовых норм ведения войны. По замыслу организаторов первой Гаагской мирной конференции, такие форумы должны были стать неотъемлемой частью международной политики.

Глава 3. Борьба России за выход к незамерзающим портам Тихого океана в 1904-1906 гг. (второй этап)

§1. Выбор Россией восточного внешнеполитического направления в качестве приоритетного

Начало развороту российской внешней политики в азиатском направлении было положено еще в царствование императора Александра III, когда Россия впервые заявила о своих интересах в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. К проявлениям этого курса царского правительства можно отнести политику по укреплению позиций Российской империи на «монголо-тибетско-китайском Востоке при посредничестве активной торговли из Забайкалья»¹, сопровождаемую заключением нескольких дипломатических соглашений, на основе которых будет проводиться восточная политика при Николае II. В их числе имеет смысл обозначить заключенные между Петербургом и Сеулом договор о дружбе и торговле 1884 г. и правила для сухопутной торговли 1888 г, а также русско-японский торговый договор 1889 г.

По указу Александра III в 1891 г. был заложен и начал строиться Великий Сибирский железнодорожный путь, призванный обеспечить связность русских территорий и открывавшихся России зарубежных рынков в Китае, Корее и Японии. Будущий император Николай II, принимавший участие в протокольных мероприятиях 19 (31) мая 1891 г. посвященных закладке Транссибирской железнодорожной магистрали в районе Уссури и в закладке здания вокзала во Владивостоке² впоследствии возглавил Комитет Сибирской железной дороги, учрежденный 10 декабря 1892 г.³ Политика инфраструктурного железнодорожного строительства в Приамурье была продолжена Николаем уже

---

¹ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные императору Николаю II и С.Ю. Витте // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 1.

² Ухтомский Э.Э., князь. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890-1891): в 3 т. Т. 3. Лейпциг: Типография Ф. А. Брокгауза, 1897. С. 124.

³ Саблер С.В.; Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб, 1903. С. 130.

после восшествия на престол. Настойчивое желание императора и дальше возглавлять строительство подтверждается свидетельством Н.Х. Бунге¹. Схожую характеристику даёт в своих воспоминаниях С.Ю. Витте: «Наследник цесаревич очень увлёкся этим назначением, принял его близко к сердцу; когда он сделался императором, то сохранил за собою звание председателя Сибирского комитета и все время интересовался этим делом. <...> Я должен сказать, что когда Наследник стал председателем Комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивительно, так как император Николай II — человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей»².

Уверенность Николая II в высшей приоритетности развития восточной части империи подкреплялась результатами его путешествия по Дальнему Востоку и Сибири, восторженно характеризующих наследником престола в качестве «богатой и великолепной страны»³. Большое влияние на развитие этого впечатления оказало общение цесаревича с князем Э.Э. Ухтомским, убеждавшим будущего царя в «ощущении родства азиатских народов с Россией»⁴, основанном на сходстве сакральных представлений русской и восточных цивилизаций о мироустройстве⁵. Не меньшее влияние на пробуждение в наследнике престола устойчивого интереса оказало общение и переписка с русским путешественником генерал-майором Н.М. Пржевальским.⁶ Наряду с заметками о путешествиях Пржевальского, Николай II активно знакомился и с его видением складывающейся политической обстановки в Азии. Так, Н.М. Пржевальский

---

¹ Степанов В.Л. Самодержец на распутье. С. 158.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 435-434.

³ Цесаревич Николай Александрович — великому князю Александру Михайловичу // ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 102. Л. 23.

⁴ Головачев П.М. Указ. соч. С. 10.

⁵ Ухтомский Э.Э., князь. К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку. СПб: Скоропечатня «Восток», 1900. С. 86-87.

⁶ Схиммепельник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 57.

сообщал, что население китайской Внутренней Азии мечтает войти в состав Российской империи¹.

Вместе с тем стоит отметить, что термин «Большая Азиатская программа императора Николая II»² определяющий восточную политику императора как цельный политический курс, не получил пока ещё официального признания в отечественной и зарубежной историографии. Наряду с ним существуют понятия «Азиатской миссии»³, «Азиатской программы» Российского правительства⁴, «Новый курс на Дальнем Востоке»⁵. А.В. Игнатъев полагал, что «вряд ли, молодой монарх был способен самостоятельно предложить серьезную программу»⁶. Однако думается, что дело заключалось не в том, что Николай II сам составлял Большую азиатскую программу. Скорее всего, её, как единого законченного проекта, к моменту вступления царя на престол просто-напросто не было. Вне зависимости от определений, повышенное внимание наследника к развитию инфраструктурных проектов и положению дел на Дальнем Востоке позволяет утверждать, что в конце XIX-нач. XX вв. азиатское внешнеполитическое направление Российской империи занимало наивысший приоритет. В качестве подтверждения этого вывода приведём свидетельство самого императора, заявившего в августе 1902 г. во время беседы с германским императором, что «он питает особый интерес к Восточной Азии, и рассматривает укрепление и расширение русского влияния в этих областях как задачу именно своего правления»⁷.

Об устойчивости устремлений царя по развитию азиатской политики активно отзывались его современники. Так, П.А. Бадмаев писал: «Пётр Великий

---

¹ Там же. С. 58.

² Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 214.

³ Там же. С. 113.

⁴ Сидорова М.М. «Азиатская программа» Российского правительства в прошлом и настоящем // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. Издание Московского государственного ун-та им. М.В. Ломоносова. С. 5-28.

⁵ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 415.

⁶ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 3.

⁷ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 212.

прорубил окно в Европу. <...> Николай II прорубил окно на Восток»¹. Великий русский ученый Д.И. Менделеев писал: «Только неразумное резонерство спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело — путь к океану — Тихому и Великому, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет свершаться на берегах и водах Великого океана»². Ранее упоминаемый нами князь Э.Э. Ухтомский утверждал: «Для Всероссийской державы нет другого исхода, — или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас, в конце концов, подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы будут еще опаснее, чем западные иноплеменники»³. Его свидетельство особенно важно в свете положения князя в качестве идеолога и сподвижника императора в процессах установления связей с Тибетом и Кореей, наряду с активной дипломатической деятельностью в Бурятии, Китае, и Маньчжурии. Доказательством этого служат регулярные отчеты князя императору, в которых приводились актуальные военно-политические сводки с дальневосточного региона⁴. Убежденным сторонником продвижения России на Восток был и П.А. Бадмаев, отстаивавший идеи необходимости покровительства России восточным народам в вопросах защиты от колониальной экспансии Запада и поглощения Японией. П.А. Бадмаев также отмечал огромное значение азиатского региона для интересов Российской империи: «Не подлежит никакому сомнению, — писал он, — что Восток играет для благополучия России первенствующую роль, и на

---

¹ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С.Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 13.

² Менделеев Д.И. Заветные мысли. М.: Изд-во «Голос-Пресс», 2009. С. 183

³ Головачев П.М. Россия на Дальнем Востоке. СПб: Изд. Е.Д. Кусковой 1904. С. 13-14.

⁴ Князь Э.Э. Ухтомский — императору Николаю II. 14 декабря 1894 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 8.

Востоке ее Ахиллесова пята»¹. В качестве помощника Э.Э. Ухтомского². П.А. Бадмаев собирал информацию о настроениях в странах Дальнего Востока, проводил работу по созданию позитивного мнения относительно России в местных руководящих кругах, осуществлял подбор профессиональных кадров среди государственного аппарата империи, способных развивать и укреплять присутствие России в регионе³. В 1896 г. П.А. Бадмаев сообщал императору Николаю II: «Вся Монголия готова без выстрела сейчас же перейти в подданство России. О Монголии, Маньчжурии и Тибете не стоит и разговаривать: факт присоединения этих стран к России можно считать фактом свершившимся»⁴.

На основании подобных свидетельств дипломатической деятельности Николая II и его сподвижников сложилось представление, что Николай II стремился к активной экспансии в дальневосточно-азиатском регионе. Оно проскальзывало и в оценках современников, в доказательство чего приведем воспоминания генерала А.Н. Куропаткина: «У нашего Государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»⁵. Однако подобное мнение можно опровергнуть ссылкой на личную переписку императора: «Я не хочу брать себе Корею, но ни коим образом не могу допустить, чтобы японцы там прочно обосновались. Это было бы *casus belli*»⁶.

Вместе с тем расширение присутствия Российской империи на Дальнем Востоке происходило в контексте нараставшего соперничества с

---

¹ Бадмаев П.А. Россия и Китай. СПб: Типография А. С. Суворина, 1905. С. 11, 12.

² Князь Э.Э. Ухтомский — императору Николаю II 15 сентября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 26-27.

³ Князь Э.Э. Ухтомский — императору Николаю II 15 сентября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 26-27.

⁴ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II о политике России на Дальнем Востоке // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 1.

⁵ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный Архив. Исторический журнал. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. Т. 2. С. 31-32.

⁶ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 98.

Великобританией. Особую озабоченность императора в контексте безопасности строившейся Транссибирской магистрали вызывало расширение британского присутствия в Китае в рамках концессий на китайской территории¹. О напряженности в отношении подобного положения дел свидетельствует доклад министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского от 25 марта (6 апреля) 1895 г.: «Главный и самый опасный противник наш в Азии — бесспорно Англия. Чувства недоброжелательности и зависти, с которыми она смотрит на каждый шаг наш вперед на Дальнем Востоке, не подлежат сомнению. Как скоро возникали какие-либо азиатские затруднения, друзья Англии всегда были нашими врагами, и наоборот»². Согласие царя с вышеприведенной оценкой было выражено в соответствующей помете «Конечно» на полях документа³. Схожих позиций придерживался преемник министра Н.П. Шишкин: «Где бы Россия не делала шаг вперед, всюду ей препятствовала Англия и последствием этого являются убеждения, что Англия является прирожденным врагом»⁴.

Во время беседы с генералом А.Н. Куропаткиным 6 (18) мая 1897 г. Николай II выразил обеспокоенность усилением Англии в Афганистане и поинтересовался у военного министра не следует ли занять северные провинции этой страны? А.Н. Куропаткин выразил уверенность, что это следует делать только в том случае, если англичане займут Кандагар, так как не готова еще железная дорога и «наше продвижение приведет к разделу Афганистана, а это пока не в наших интересах». Николай II в целом согласился и сказал: «Хорошо, что мы ведем дорогу на Кушку», окончив которую мы «станем хозяевами

---

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке. С конца XVI в. до 1917 г.: в 2 кн. / Жуков Е.М. отв. ред. Кн. 1. АН СССР. М.: Изд-во «Мысль», 1973. С. 154.

² Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта/6 апреля 1895 г. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3 (52). М.; Л.: Партийное изд-во, 1932. С. 76.

³ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта (6 апреля) 1895. С. 76.

⁴ Цит. по: Лукоянов И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 328.

положения в Северном Афганистане»¹. 4 (16) марта 1899 г. в разговоре с французским послом Г.Л. Монтебелло Николай II особо остановился на плане соединения Транссиба с Транскаспийской железнодорожной сетью: «Когда эта работа закончится, мы будем на границе с Афганистаном в совсем иной ситуации, и сможем, не опасаясь сюрпризов, запустить быстро строительство линий на соединение с нашими европейскими железнодорожными линиями»². Таким образом, укрепление безопасности дальневосточных территорий Российской империи возводилось в степень наивысших геополитических приоритетов.

Ситуация усугубилась с началом активного проникновения европейских колониальных империй в распадающуюся империю Цинь, сдерживавшего нарастание российского влияния. Ещё в 1885 г. лорд Солсбери заявлял: «держава, которая сможет лучше всех укрепиться в Китае, получит преобладание в мировой политике»³. Неравноправные соглашения, навязываемые Китаю по итогам поражений в «опиумных войнах» и спровоцированных ими внутренних настроений фактически поставили экономику страны под внешнее управление⁴. Согласно их условиям, европейские державы получали исключительные права на строительство железных дорог и добычу полезных ископаемых в Китае. Более того, ими ставился вопрос об установлении своеобразных «сфер влияния», закреплявших исключительность этих прав в отношении других европейских стран⁵. П.А. Бадмаев указывал, что «для России вопрос о политико-экономическом влиянии на Китай любой державы имеет роковое значение, особенно при существовании Великого Сибирского рельсового пути с его значительным протяжением, может быть на чужой территории»⁶.

---

¹ Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб: Пушкинский фонд, 1994. С. 59-60.

² DDF. 1e série. T. XV. № 112. P. 175.

³ Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 67.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Бадмаев П.А. Россия и Китай. С. 7.

В 1894 г. началась активная фаза соперничества между Японией и Китаем в борьбе за влияние в Корее. В феврале 1894 г. корейское правительство официально обратилось за военной помощью к Пекину в подавлении крестьянского восстания¹. В Корею были введены китайские войска, которые быстро справились с восставшими². Несмотря на официальные уведомления корейского правительства, что вооруженные силы Китая вернутся домой сразу после урегулирования ситуации в стране³, ситуацией поспешило воспользоваться правительство Японии, выступившее с инициативой ввода собственных войск. 29 мая (10 июня) 1894 г. под предлогом охраны японских подданных силами 6 тыс. военнослужащих⁴, высаженных в Чемульпо, Япония захватила Сеул⁵. Уже 10 (22) июля 1894 г. начались боевые действия между непосредственно Японией и Китаем, результатом которых стало взаимное объявление войны 22 июля (1 августа)⁶. Японская армия, качественно превосходившая китайскую, смогла оперативно добиться победы в Корее. Также под ее оккупацией оказалась значительная часть Маньчжурии, полуостров Ляодун и порт Вэйхай. Разгромные для Китая итоги кампании были закреплены в Симоносекском мирном договоре от 1 (13) апреля 1895 г. накладывавшим на Пекин обязательства по выплате контрибуции, признания независимости Кореи и отказа от владения Тайванем и Ляодунским полуостровом⁷.

Подобные результаты объективно ставили под удар геополитическое присутствие на Дальнем Востоке. Ещё 13 (25) февраля 1895 г. китайский посланник обратился к Российскому императорскому правительству с официальной просьбой помочь его стране в переговорах с Японией⁸. В Петербург

---

¹ Тихонов В.М. Кан Мангиль. Указ. соч. Т. 1. С. 429.

² Тихонов В.М. Кан Мангиль. Указ. соч. Т. 1. С. 429.

³ Нозиков Н. Японо-китайская война 1894–1895 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. С. 9.

⁴ Нозиков Н. Указ. соч. С. 9.

⁵ Нозиков Н. Указ. соч. С. 9.

⁶ Тихонов В.М., Кан Мангиль. Указ. соч. Т. 1. С. 435.

⁷ Тихонов В. М., Кан Мангиль. Указ. соч. Т. 1. С. 437.

⁸ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 197.

было отправлено чрезвычайное китайское посольство^{1 2}. Озабоченность русского правительства ярко подтверждается оценкой министра иностранных дел Лобанова-Ростовского, данной в письме 25 марта (6 апреля) 1895 г. : «Не подлежит сомнению, что из предложенных японцами условий мира окончательное занятие ими полуострова, на котором находится Порт-Артур, вызывает наиболее замечаний; <...> с точки зрения наших интересов, оно было бы фактом крайне нежелательным»³. Вместе с тем российский МИД считал, что Россия скорее всего не получит поддержки из Европы в вопросах сдерживания Японии⁴ и предлагал вступить в переговоры с японским правительством о признании положений Симоносекского мира в обмен на гарантии Токио присутствия России в Корее и Северном Китае. Несмотря на колебания императора и созыв 28 марта (9 апреля) 1895 г. особого совещания для окончательного согласования позиции России по сложившейся ситуации, оказалось, что японские военные успехи стали противоречить интересам европейских правительств. Так французский посол Г.Л. Монтебелло сообщил, что: «Так как для России занятие японцами Ляодунского полуострова (с портом Артур), а для Франции занятие Пескадорских островов представляются весьма нежелательными, то, если бы Япония не согласилась от них добровольно отказаться, можно было бы приступить к принудительным мерам»⁵. Аналогичной оказалась позиция Германии, объявившей о «о своей готовности присоединиться ко всякому шагу к которому русское правительство сочтёт нужным прибегнуть, чтобы заставить Японию отказаться не только от занятия южной части Маньчжурии с Портом Артур, но и от занятия Пескадорских островов»⁶. Великобритания, в свою очередь, воздерживалась от каких-либо

---

¹ Дневники императора Николая II. 1894-1918. Т. 1. С. 185.

² Схиммепшельник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 198.

³ Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888-1903) / Попов А.Л. пред. Т. 3(52). С. 75.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же.

⁶ Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке // Красный Архив. С. 77.

действий в регионе. Оценки министерства иностранных дел Российской империи свидетельствуют, что подобное отношение европейских держав к Японии возникло из-за угрозы их коммерческим интересам¹.

Результатом подобной солидарности стало совместное требование сторон 11 (23) апреля 1895 г. Токио отказаться от притязаний на Ляодунский полуостров, подкрепленное отправкой, совместной эскадры к берегам Японии. Японское правительство уступило давлению в обмен на увеличение размера контрибуционных выплат китайской стороной. Когда опасность военного конфликта миновала, Николай II писал А.Б. Лобанову-Ростовцеву: «Большая гора свалилась у меня с плеч, по получению Вашей телеграммы и о том, что Япония отказывается вовсе от Ляодунского полуострова. Сколько жизней и жертв спасено! <...> Меня несказанно радует это любовное окончание нашего вмешательства в японо-китайское столкновение»².

Усилия Российской империи по облегчению условий Симоносекского мира способствовали значительному улучшению взаимоотношений между Петербургом и Пекином. Посланник в Пекине граф А.П. Кассини летом 1895 г. отмечал: «С того времени как мы впервые установили дипломатические отношения с Поднебесной империей, наши положение и престиж в Китае никогда еще не обретали такого значения. <...> Ныне никто не оспорит российского господства в Китае»³. 13 (25) ноября 1895 г. Николай II в записке Лобанову-Ростовскому указывал: «Я думаю, что теперь именно время на переговоры с Китаем для получения концессии на постройку через Маньчжурию железной дороги из Забайкалья прямо на Владивосток»⁴.

---

¹ Журнал Особого совещания. 30 марта (11 апреля) 1895 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М, 1932. Т. 3(52). С. 79.

² Император Николай II — князю А.Б. Лобанову-Ростовцеву 23 апреля 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 117. Л. 15.

³ Схиммепельник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 198.

⁴ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 248. Император Николай II — князю А.Б. Лобанову-Ростовскому 13 ноября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 28.

Результатом этих переговоров стало заключение 21 мая (2 июня) 1896 г. русско-китайского союзного договора¹ согласно условиям которого, разрешалось строительство Манчжурской железной дороги (также известной, как КВЖД) и оговаривалось предоставление свободного доступа в китайские порты для русских судов². Оценивая это событие, французский посол в Пекине О. Жерар не без раздражения писал Г. Ганото: «Русское правительство, в лице Николая II, добилось от Китая того, чего оно хотело: прохода железной дороги по территории Маньчжурии»³. Тем не менее, несмотря на заключенный договор, китайский представитель Ли Хунчжан, фактически исполнявший обязанности министра иностранных дел страны, «отправился благодарить за спасение Китая германского императора и французского президента». По этому поводу П.А. Бадмаев отмечал: «Немцы и французы ни в коем случае не спасли бы Китай, если бы наш Государь не принял бы решительных мер»⁴.

Вместе с тем Бадмаев предлагал развить достигнутый успех, а именно: «принудить Японию заключить договор с Китаем; не допустить Японию до захвата на материке; преобразовать Приамурское генерал-губернаторство в Наместничество⁵». Однако данная позиция не вызвала одобрения С.Ю. Витте, сторонника экономического сближения с Китаем с возможностью отказа от территориальных приобретений в Корее и Манчжурии⁶. По инициативе министра финансов был создан Русско-китайский банк, через который не только осуществлялись займы для Китая в европейских банках, но и финансировалось строительство Манчжурской дороги.»⁷. В докладе императору Николаю II в 1895 г. С.Ю. Витте уверял, что новый банк должен упрочить «русское экономическое

---

¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 292-294.

² Сборник договоров России с другими государствами. С. 292-294.

³ DDF. 1e série. Т. XIII. - № 57. Р. 103.

⁴ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные императору Николаю II о политике России на Дальнем Востоке, в Китае и Монголии // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 5.

⁵ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II о политике России на Дальнем Востоке // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 1.

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 145.

⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 140.

влияние в Китае в противовес тому огромному значению, которое успели приобрести здесь англичане»¹. В свою очередь, Бадмаев напрямую обвинял С.Ю. Витте в антигосударственной деятельности. Обращаясь к государю, он писал: «Вы, Ваше Величество, окружены только одними теоретиками, высказывающими часто совершенно противоположные мнения по вопросам практической жизни. Я считаю, что теоретики почти погубили наше влияние на монголо-тибетско-китайский Восток. На место бескровного нашего там господства, они вызывают потоки русской крови и вмешательство Европы. Всё это есть результат переговоров с Лихунчаном и антирусской деятельности Русско-китайского банка»².

Несмотря на наличествующие разногласия, политика императора по расширению на присутствия в Азии только продолжала наращиваться. 21 октября (2 ноября) 1898 г. указом императора Николая II во Владивостоке был учреждён Восточный институт ³, занявшийся комплексной подготовкой переводчиков с восточных языков (124 выпускника) для посольской и воинской службы ⁴. По линии института активно развивались внешнеполитические контакты с буддистскими Тибетом и Непалом, примером чего стала встреча его представителя Г.Ц. Цыбикова с буддистскими религиозными лидерами вскоре после его основания⁵.

Подводя **итог** вышеизложенному, представляется возможным сделать следующие **выводы**:

---

¹ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II о политике России на Дальнем Востоке // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д. 700. Л. 9.

² Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Императору Николаю II о политике России на Дальнем Востоке // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 13.

³ Герасимович Л.К. А.М. Позднеев (1851-1920) // Российские монголоеды (XVIII — начало XX в.) Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра (БНЦ) СО РАН, 1997. С. 79-86.

⁴ Вашурина З.П., Шишканов А.И., полковник. Родословная военных переводчиков // Независимое военное обозрение, 2000, 19 мая.

⁵ Там же.

1. Расширение политического присутствия России на Востоке в конце XIX-начале XX вв. определялось в качестве наивысшего приоритета Российской империи на протяжении всего царствования Николая II.
2. Главная причина «Азиатской программы» российского правительства заключалась в том, что прежние планы утверждения главенства на Балканах, в черноморских проливах, противодействия одновременно Австрии, Османской империи и Англии были сопряжены с опасностью большой общеевропейской войны, к которой Россия не была готова. Развитие Сибири, Дальнего Востока и активная политика в Китае и Корее, могли, по мнению Николая II, обеспечить России мирный выход к незамерзающим морям и в мировой океан.
3. Восточная политика Российской империи в значительной мере определялась усилением влияния европейских империй в Азии, сопровождавшемся процессами упадка в китайской империи Цин. Развитие позиций России в регионе неизбежно сопровождалось необходимостью купирования стремительно нарастающего присутствия европейских государств в Дальневосточном и Азиатском регионах.
4. Одним из ключевых решений, способствовавших расширению влияния России в Китае стала поддержка, оказанная в рамках смягчения последствий войны с Японией, сделавшая возможным обретение концессии на строительство будущей КВЖД.

§2. Взаимоотношения России с государствами Востока в рамках Большой Азиатской программы

Российско-китайские отношения в рамках Азиатской программы. В ноябре 1899 г. Поднебесную империю охватили сильные народные волнения. Консолидирующей восставших силой выступило движение ихэтуаней¹, лидеры

---

¹ Янчевецкий Д. 1900. Русские штурмуют Пекин. М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 24.

которого призвали к изгнанию иностранцев из страны¹, сопровождаемого их физическим истреблением². В связи с тем, что повстанцы активно следовали практикам физического и духовного совершенства, данные волнения также получили обозначение в западной историографии «восстание боксеров»³. Подобная идеология получила негласную поддержку могущественной императрицы Цыси, тётки императора (богдыхана) Гуансюя⁴. Императрица возглавляла консервативное крыло китайской правящей верхушки, в отличие от молодого богдыхана, являвшегося лидером «реформаторов». Гуансюй начал осуществлять в стране программу «сто дней реформ», призванных модернизировать дряхлую империю⁵. Эта политика задела интересы многих представителей влиятельной китайской верхушки. В результате заговора, во главе которого стояла Цыси, богдыхан был низложен, а империей стала управлять престарелая императрица, которая отменила большую часть их нововведений⁶. Действия Цыси вызвали резкое недовольство со стороны «Великих держав», которые отказались признавать свержение богдыхана. Это еще более сблизило императрицу с «ихэтуань»⁷. Однако открыто поддержать восставших Цыси не решалась.

Между тем, в условиях продолжающегося ухудшения качества жизни обстановке восстание не только получало все большую народную поддержку, но и приобрело подчеркнутый антихристианский характер. 6 (19) мая 1900 г. посланник в Пекине М.Н. Гирс сообщал в Петербург: «Сожжение христианских деревень продолжается. <...> К сожалению, правительство бездействует»⁸.

---

¹ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цын. XVII-нач. XX вв. М.: Вост. лит., 2005. С. 491, 492.

² Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 345.

³ Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 491.

⁴ Семанов В.И. Из жизни императрицы Цыси. 1835-1908. М.: Изд-во «Наука», 1979. Изд. 2-е. / Делюсин Л.П. отв. ред. С. 60.

⁵ Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 486.

⁶ Там же. С. 489.

⁷ Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 495.

⁸ Боксерское восстание // Красный Архив. Исторический журнал. М.; Л.: Госиздат, 1926. № 1 (14). С. 11.

Примером крайнего радикализма восставших может послужить погром русского православного подворья в городе Бэйгуан, произошедший 14 (26) мая 1900 г. В колодце духовной миссии были обнаружены тела 222 замученных православных китайцев¹.

11 (23) июня 1900 г. «священные отряды» «ихэтуань» вступили в Пекин, где принялись убивать иностранцев. Жертвой восставших стали германский посол и японский дипломат. Другие дипломаты укрылись в Посольском квартале китайской столицы, который оборонял объединенный отряд представителей разных держав. На сторону «ихэтуань» массово переходили правительственные войска².

В самом начале восстания в Петербурге не придавали особого значения событиям в Китае. Генерал А.Н. Куропаткин был даже ими доволен, так как полагал, что они дадут России повод «захватить Маньчжурию и сделать из нее нечто вроде Бухары»³. На просьбу Ли Хунчжана не воспринимать события в Китае, как враждебные действия Пекина в отношении России, Николай II заявил, что он «во внимание к исконной дружбе окажет всякое содействие к охранению независимости Китая»⁴. Цыси вводила иностранные державы в заблуждение, прося у их правительств извинения за происходящее и сваливая все на «ихэтуань», которым втайне содействовала⁵. Таким образом, в директивах Петербурга, находящимся на территории Китая русским военным, приказывалось охранять жизнь и имущество соотечественников и помогать по возможности правительственным войскам в борьбе с революцией⁶. 25 мая (7 июня) 1900 г. М.Н. Муравьев, встревоженный поступающими из Пекина

---

¹ Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 254.

² Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 496.

³ Шишов А.В. Неизвестные страницы русско-японской войны (1904-1905). М.: Вече, 2004. С. 20.

⁴ Ли Хунчжан — императору Николаю II 14 июня 1900 г. [копия] // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 763. Л. 56.

⁵ Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 497.

⁶ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 345.

сообщениями, рекомендовал направить в китайскую столицу 4 тыс. десант для охраны китайского императорского дома, посольства, русских подданных и всех христиан¹. На докладе М.Н. Муравьева Николай II поставил резолюцию: «Согласен. Во избежание недоразумений переговорите с генералом Сахаровым, дабы быстро и точно были бы исполнены данные приказания»². Между тем, ничего не предпринималось для усиления охраны строящейся КВЖД. Ответственность за это лежит на С.Ю. Витте, который до самого последнего момента, по непонятным причинам, не докладывал царю о складывающейся вокруг прокладываемой дороги опасной ситуации³. 24 июня (6 июля) восставшие напали на русские строительные отряды на КВЖД, перебили охрану и стали разрушать уже построенную инфраструктуру⁴. Уже на следующий день Витте обратился к Николаю II с просьбой ввести войска в район Манчжурской дороги⁵. Однако уже вскоре восставшие, подкрепленные присоединившимся отрядами китайской регулярной армии и хунхузами, заблокировали Харбин и атаковали Благовещенск с использованием артиллерии, предоставленной ихэтуаням правительственными войсками⁷.

21 июня (4 июля) официальный Китай объявил войну иностранным государствам, имевшим присутствие на территории страны, выразив свою солидарность с «братьями-ихэтуань»⁸. По существу, началась русско-китайская война. Николай II, понимая, что европейское вторжение в Поднебесную империю неизбежно, всячески стремился не допустить ее расчленения, подчеркивая, что речь идет только о борьбе с мятежниками. В беседе с французским послом Г.Л. Монтебелло 25 июня (8 июля) 1900 г. царь сказал: «Нужно исключить все идеи раздела Китайской империи. Искать возможности восстановления внутреннего

---

¹ Боксерское восстание // Красный Архив. С. 13.

² Боксерское восстание // Красный Архив. С. 13.

³ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 346.

⁴ Шишов А.В. Указ. соч. С. 23.

⁵ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 346.

⁶ Шишов А.В. Указ. соч. С. 24, 25.

⁷ Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 497.

⁸ Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 497.

status quo в нынешних беспорядках, таким образом, чтобы центральное правительство смогло обеспечить общественную безопасность во всей стране»¹. В частном письме королеве Виктории в 1900 г. Николай II также отмечал: «Всё, чего хочет Россия, — чтобы её оставили в покое и дали развивать свое нынешнее положение в сфере ее интересов, определяемой ее близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артуром и Маньчжурской железной дорогой для нас жизненно важно и нисколько не затрагивает интересы какой-либо другой европейской державы. В этом нет и никакой угрозы независимости Китая. Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела её между разными державами, и я считал бы это величайшим из возможных бедствий»².

Между тем, руководители западных государств воспринимали поход в Китай, как на карательную полуколониальную операцию. Николай II заметил по этому поводу: «задача России на Востоке полностью расходится с политикой европейских государств»³. М.Н. Муравьев писал наместнику на Дальнем Востоке вице-адмиралу Е.И. Алексееву: «Не отделяясь от других держав, дабы зорко следить за их действиями и иметь возможность во всякое время предъявить свои требования, мы должны, однако, избегать всего того, что могло бы хоть сколько-нибудь связать нашу полную свободу действий или явиться в глазах китайцев доказательством враждебных намерений России»⁴.

Различия в интересах союзников проявлялись на примере проблемы назначения командующего объединенным контингентом. Первоначальной кандидатурой русской стороны на эту позицию, по мнению императора, мог бы стать адмирал Е.И. Алексеев, чьи «высокие дарования, энергия и характер», считались достаточными для осуществления задач, связанных не только с

---

¹ DDF. 1e série. T. XVI. - № 217. P. 330.

² Император Николай II — королеве Виктории // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 12 [на англ. яз.].

³ Боксерское восстание // Красный Архив. С. 14.

⁴ Боксерское восстание // Красный Архив. С. 16.

политической, но и военной стороной данного назначения¹. Однако новый глава МИД России граф Муравьев отмечал, риски, связанные с самим фактом нахождения русского представителя на должности главнокомандующего: «иностранным отрядам предназначена будет задача <...> подавления распространяющегося восстания, известного рода насилия и борьба с правительственными войсками, что почти равносильно открытию военных действий против Китая», в связи с чем: «нам отнюдь не следовало бы добиваться сосредоточения в своих руках командования общими силами держав, предоставив таковое руководство французскому, английскому, германскому либо иному военачальнику»². Этим обстоятельством попытался воспользоваться кайзер Вильгельм II, обратившийся к Николаю II со следующим вопросом: «Хочешь ли Ты, чтобы Главнокомандующий был обязательно русский генерал? Или Ты предпочитаешь какого-нибудь из моих генералов? В последнем случае я бы предоставил в Твое распоряжение фельдмаршала графа Вальдерзее»³. Николай II ответил, что ничего не имеет против этого назначения⁴, что вскоре было представлено немецкой стороной, как уже свершившееся и окончательное решение. Такой шаг спровоцировал категоричный ответ Франции, обозначившей свою позицию от имени главы МИД страны Т. Делькассе: «для Франции не представляется возможным согласиться на назначение главнокомандующим немецкого генерала»⁵. Ответ российского министерства иностранных дел не заставил себя долго ждать: «Николай II ничего не сказал и ничего не сделал, чтобы дало германскому императору повод думать о желательности назначения Вальдерзее»⁶. Однако на ходе самого ввода войск и последующих боевых действиях международного контингента численностью до 35 тыс. человек при

---

¹ Галенин Б. Цусима — знамение конца русской истории. Скрываемые причины общеизвестных событий. Военно-историческое расследование: в 2 т. М.: Изд-во «Крафт +», 2009. Т. 1. С. 484.

² Боксерское восстание // Красный Архив. С. 15.

³ Там же. С. 22.

⁴ DDF. 1e série. Т. XVI. - № 271. Р. 393.

⁵ Боксерское восстание // Красный Архив. С. 15

⁶ DDF. 1e série. Т. XVI. № 271. Р. 393.

106 орудиях данные противоречия сказались слабо. Вооруженные силы Российской империи были представлены 12 000 военными под командованием генерал-лейтенанта Н.П. Линеви́ча при поддержке Уссурийского казачьего войска.

Уже 21 июля (2 августа) была снята осада с Харбина, а двумя днями спустя уссурийские казаки разгромили отряд ихэтуаней в сражении при Онгуне. 1 (13) августа под давлением русских войск восставшие оставили Пекин. Одновременно 4 (22) августа русские разбили противника в районе Благовещенска, полностью очистив от восставших Маньчжурию, что привело к переходу значительной части китайских правительственных войск на сторону великих держав 25 августа (7 сентября)¹. Прибывший, наконец, в Китай Вальдерзее принялся устраивать репрессии в отношении мирного населения, без разбора, причисляемого к «ихэтуаням». Россия всячески стремилась устранить от этого, и стала как можно быстрее выводить свои войска из Пекина и с территории Китая, закрепляя свои позиции в Маньчжурии².

Посол России в Лондоне барон Е.Е. де Стааль, подводя итоги подавления «боксёрского» восстания, писал: «Возникшие в Китае события могли бы иметь крайне опасные последствия, если бы начался раздел владений Богдыхана. По счастью этого не случилось, благодаря именно твёрдому решению нашего Августейшего Монарха», который сразу открыто поставил «в основу политической программы России охранение целостности Поднебесной империи и неприкосновенность её векового государственного строя»³.

Реализация Азиатской программы Николая II в российско-корейских отношениях. Корейское направление было для Петербурга вторым по важности после китайского. Однако на нем российские интересы напрямую сталкивались с японскими. Несмотря на наблюдавшееся стремление корейского короля

---

¹ Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 498.

² Там же. С. 500.

³ Барон Е.Е. де Стааль — графу М.Н. Муравьёву // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 19.

Коджона к заключению полноценного союза с Россией с целью сдерживания агрессивных устремлений Токио, Япония попыталась переломить ситуацию, способствовав гибели сочувствующих этому курсу сановников, возглавляемых королевой Мин¹. Успешное покушение на королеву, состоявшееся 8 (20) октября 1895 г.² подкрепило требования японских дипломатов о назначении на высшие государственные посты прояпонских министров и передаче полномочий по охране короля японским офицерам³. По поводу этих событий Николай II заметил, что переход японцев к фактической аннексии японцами Кореи «ещё существеннее для нас, нежели захват ими Ляодунского полуострова»⁴. Однако вскоре после этого Коджон нашел убежище в русской дипломатической миссии, откуда последовали объявления об отставке сторонников сближения с Японией, приговорённых к смертной казни⁵ и растерзанных народными толпами⁶.

Корейское посольство присутствовало на коронации Николая II в мае 1896 г. в ходе которой состоялись переговоры об оказании поддержки, выраженной в отправке военных советников, подготовки армии и охраны правительства, а также выделение целевого займа на погашение задолженностей перед Японией⁷. Требования корейцев были удовлетворены, однако дальнейшее расширение поддержки император счел на тот момент малоперспективным из-за возможных осложнений в отношениях с Токио.⁸

Достигнутые договоренности дали первые плоды по итогам принятия королем Коджоном императорского титула 8 (20) февраля 1897 г. Было

---

¹ Симбирцева Т. Убийство во дворце Кенбоккун (королевы Мин) // Восточная коллекция. Журнал для всех, кому интересен Восток. № 3 (18). М.: Российская государственная библиотека (РГБ), 2004. С. 130.

² Секретная телеграмма действительного статского советника Вебера. Сеул, 27 сентября 1895 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 494. 1895-96 гг. Д. 6. Л. 57.

³ Симбирцева Т. Убийство во дворце Кенбоккун (королевы Мин). С. 142.

⁴ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 137.

⁵ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 243.

⁶ Тихонов В.М., Кан Мангиль. Указ. соч. Т. 1. С. 437.

⁷ Записка полковника Путята о Корее от 6 ноября 1897 г. [копия] // АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. 1898 г. Д. 8. Л. 332.

⁸ АВПРИ. Ф. 191. Миссия в Сеуле. Оп. 768. Д. 6. Л. 91.

сформировано прорусское правительство, отменившее действие неравноправных соглашений с Токио. Финансовая деятельность правительства развивалась при поддержке К.А. Алексеева, ставшего одним из доверенных советников императора. В том же году в стране была учреждена Русская духовная миссия развившая активную деятельность¹. 5 (17) декабря 1897 г. Николай II был учрежден Русско-корейский банк, призванный обеспечивать экономическое присутствие России в стране, в том числе в вопросах строительства ответвления Манчжурской дороги.² Настроения среди корейцев в этот период представляется вполне возможным обозначить на основе дневниковых свидетельств Н.Г. Гарина-Михайловского от 18 (30) октября 1898 г.: «Корейцы по-прежнему любезны до бесконечности. Начальник города <...> сказал»: «Имя русского в Корее священо. Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, чтоб мы не ценили этого. Русский – самый дорогой наш гость. Мы между двумя открытыми пастями: с одной стороны, Япония, с другой – Китай. Если нас ни та, ни другая пасти не проглатывают, то, конечно, благодаря только России»³.

При этом подобное углубление отношений сдерживалось по итогам решения о дислокации части русского флота в Порт-Артуре, способствовавшее сосредоточению русских военных сил в регионе вокруг китайской территории. Осложняло взаимоотношения и стремление Петербурга избежать войны с Токио из-за противоречий вокруг интересов в Корее. 13 (25) апреля 1898 г. между Россией и Японией было заключено соглашение о признании корейского

---

¹ Августин (Боровской Г.В.). Россия и Корея: обзор церковных связей // Миссионерское обозрение. Ежемесячное Издание Миссионерского отдела Московского Патриархата Русской Православной Церкви. Белгород, 2004. № 3. С. 26-31.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XVII. 1897. СПб: Гос. тип., 1900. № 14747. С. 671-675.

³ Больбух А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский на Дальнем Востоке // Дальний Восток, 1973. № 4. С. 142-145.

суверенитета¹ при условиях и предварительного согласования любого рода политических действий в регионе².

Аренда Россией Порт-Артура и Дальнего. Еще 25 марта (6 апреля) 1895 г. императором была поставлена поставил следующая задача: «России безусловно необходим свободный в течении круглого года и открытый порт. Этот порт должен быть на материке (юго-восток Кореи) и обязательно связан с нашими прежними владениями полосой земли»³. 2 (14) апреля 1895 г. М.Н. Муравьев запрашивал императора, следует ли не противиться заключению мирного договора между японцами и китайцами и надо ли требовать за это посредничество вознаграждения? Николай II подтвердил правильность подобного курса, настаивая на том, что «во что бы то ни стало, получить желаемое нами вознаграждение в виде свободного порта»⁴. Активные действия России закреплению на китайском побережье стимулировались политикой Великобритании и Германии, стремившихся закрепить свое присутствие в как можно большем числе китайских портов по итогу подавления восстания «ихэтуаней».

Примером подобных действий может послужить ситуация с китайским портом Киао-Чао (Цзяочжоу/Циндао), предоставленным циньским правительством для зимовки русских боевых кораблей в благодарность за поддержку при заключении Симоносекского мира⁵ с условием дальнейшей смены стоянки во избежание претензий на него других великих держав⁶. Находясь в Петергофе летом 1897 г., кайзер Вильгельм поинтересовался у

---

¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 313-314.

² Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895-1905 гг. СПб: Министерство иностранных дел, 1906. С. 348.

³ Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888-1903) / Попов А.Л. пред. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (52). М.; Л.: Партархив, 1932. С. 76.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 248. Князь А.Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II. 19 ноября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 31.

⁶ Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 248. Князь А.Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II 19 ноября 1895 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 31.

Николая II о его отношении к возможному использованию германским ВМФ китайского порта¹. Вскоре после этой беседы в ноябре 1897 г. Киао-Чао был занят немецким флотом, что послужило основой для устойчивого, но ложного представления о согласовании этого шага с Николаем II, якобы данного германскому императору во время его посещения Петергофа. В этом пытался убедить мировую общественность и сам Вильгельм II². Подтверждения этой точки зрения, на первый взгляд, находятся в мемуарах С.Ю. Витте, сославшегося на великого князя Алексея Александровича, утверждавшего о данном немецкому кайзеру согласии³. Вместе с тем существуют свидетельства, позволяющие усомниться в подобной интерпретации событий. Так, согласно мемуарам Б. Бюлова, Вильгельм II в Петергофе наоборот, заверил самодержца, что «в его стремлениях нет желания утвердиться в Киао-Чао» и «что он просит лишь разрешения для немецких судов заправляться в этом порте углём»⁴. 29 июля (10 августа) 1897 г. рейхсканцлер Х. Гогенлоэ в телеграмме М.Н. Муравьеву подтвердил, что Николай II на вопрос кайзера «усмотрит ли Император Николай какое-либо неудобство, если германские корабли, в случае необходимости и согласия русских морских властей, бросят якорь в бухте Киао-Чао, Его Величество Император российский ответил отрицательно»⁵. Уже в начале осени 1897 г. Берлин оповестил Россию и Китай о намерении разместить в Циньдао военно-морскую базу, сославшись на ранее достигнутые договоренности, на что был дан официальный отрицательный ответ императора⁶.

20 октября (1 ноября) 1897 г. два немецких миссионера католического ордена «Шталер миссион», находившегося под личным покровительством кайзера, Ф. Нис и Р. Генле, были убиты китайскими фанатиками в провинции

---

¹ РГВИА. Ф. 448. Оп.1. Д. 8. Л. 41.

² Вильгельм Гогенцоллерн. Мемуары / П.П. Щёголев пред. Пг., 1923. С. 38.

³ Там же.

⁴ Bülow (B.) Op. cit. P. 5.

⁵ Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц.-эк. изд-во. № 2(87). С. 33-34.

⁶ Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. С. 34.

Шаньдун¹. Под этим предлогом, германский император отдал приказ о вторжении в Циндао германского флота 26 октября (7 ноября) 1897 г. Уведомление кайзера содержало надежды в том, что «согласно нашим личным переговорам в Петергофе, Вы одобрите переход моей эскадры в Киао-Чао»². Российское правительство отказалось от оценки действий германской стороны, подчеркнув тем самым, что суверенные права на него принадлежат Пекину³. Тем не менее, 2 (14) ноября 1897 г. в Киао-Чао высадились 200 германских морских пехотинцев. Двое суток спустя, 4 (16) ноября, до сведения германской стороны было доведено, что «Император Николай совершенно не думал заявлять о своей незаинтересованности в Киао-Чао»⁴. Против этих слов Вильгельм II написал: «Явно противоречит, так же, как и его Повелитель. В Петергофе оба об этом мне говорили»⁵. Вне зависимости от интерпретации описанных выше событий Вильгельмом II, подобный шаг вел к эскалации противоречий в регионе. Дипломатическая переписка между Петербургом и Пекином свидетельствует о дистанцировании России от действий Германии, в ответ на что Китай подтвердил право русского флота на пользование бухтой при условии недопуска туда судов других стран⁶. Николай II приказал военно-морской эскадре отправиться в Жёлтое море для «обеспечения баланса сил» в регионе⁷. Русские корабли должны были войти в порт, как только возле него появятся германские суда⁸. Однако 2 (14) ноября 1897 г. Пекин обратился с просьбой о вводе в Циндао русского флота⁹. В случае осуществления этот шаг мог может привести к военному

---

¹ Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. С. 100.

² Die Grosse Politik. Bd. XIV. Erste Hälfte. № 3692. S. 72.

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II 4 января 1898 // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 284

⁴ Die Grosse Politik. Bd. XIV. Erste Hälfte. № 3693. S. 74.

⁵ Ibid.

⁶ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX-начала XX вв. СПб: Нестор-История, 2008. С. 303.

⁷ Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897-1903. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 36.

⁸ Die Grosse Politik. Bd. XIV. Erste Hälfte. - № 3692. S. 73.

⁹ АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1488. Л. 11-12.

столкновению с Германией, и царь его отменил. Пекину было заявлено, что Россия готова придти на помощь, но только в случае прямого германского нападения на китайскую территорию и при условии, если русским судам будет разрешено входить во все китайские порты¹. Китайская сторона на это предложение промолчала.

Вместе с тем подобное предложение не могли игнорировать в Германии. В своем дневнике рейхсканцлер Гогенлоэ отмечал: «Заявление России так жёстко очевидно, что вряд ли целесообразно давать кайзеру какие-либо советы. Ему одному известно, хочет ли он войны с Россией или нет»². Позиция Берлина критически зависел от возможных действий России, чьи объединенные с Китаем силы могли быстро освободить порт³. В связи с этим германское правительство опубликовало декларацию, обосновывавшую действия немецкого флота неверной интерпретацией летних переговоров с России⁴. Заверяя русское правительство, что захват Киао-Чао является временной мерой, Берлин добился от китайского правительства передачи Циндао на условиях аренды на 99 лет⁵. Опасавшийся в те годы конфронтации с Россией, Вильгельм II предложил Николаю II компромисс: Россия признает захват Германией Киао-Чао, а Германия не будет протестовать, когда Россия займет один из других китайских портов⁶. Царь согласился. В качестве новой зимней стоянки был избран Порт-Артур, что встретило полную поддержку Берлина. В телеграмме русскому послу 5 (17) декабря Б. Бюлов писал, что кайзер «сердечно приветствует энергичное и благоразумное действие, осуществленное по приказу Его Величества Императора Всероссийского»⁷. Не ограничившись только этой телеграммой, Вильгельм II ранней весной 1898 г. принял русского посла графа Н.Д. Остен-Сакена и

---

¹ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 305.

² Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 34.

³ Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 33.

⁴ Die Grosse Politik. Bd. XIV. Erste Hälfte. - №. 3711. S. 97.

⁵ Marine-Rundschau. Neunter Jahrgang. Juli bis December 1898. Berlin, 1898. S. 835.

⁶ История дипломатии / Потемкин В.П. ред. Т. 2. С. 125.

⁷ Ibidem. S. 122.

убеждал: «Вы знаете, что я принимаю близко к сердцу всякий политический успех Императора Николая. Вот мы оба прочно утвердились на Дальнем Востоке, – пусть это не нравится Англии!»¹.

Вместе с тем подобная солидарность не мешало германскому правительству осуществлять дипломатические интриги против России, обвиняя русское правительство в стремлении заключения союзов в Азии против Великобритании и, в особенности с Афганистаном². Подобные шаги, вместе с тем, давали британцам возможность в любой момент усилить фактический разлад в отношениях между Россией и Германией, особенно на Дальнем Востоке³.

Вместе с тем захват Киао-Чао создал прецедент, которым поспешила воспользоваться Великобритания. Русские дипломаты в Китае слали в Петербург тревожные телеграммы о том, что английские боевые суда направляются в Порт-Артур⁴. В связи с этим МИД выступил с предложением: «воспользоваться первым удобным случаем, чтобы занять независимо какой-либо другой, более для нас выгодный порт»⁵. Об этом же говорилось в записке от 11 (23) ноября 1897 г. на высочайшее имя М.Н. Муравьева, который убеждал монарха «приступить, не теряя времени, к занятию судами нашей эскадры <...> Таляньюаня, то есть того порта, который в данную минуту <...> представляет несомненные видимые преимущества, или же иного порта»⁶. На эти предложения последовала следующая реакция императора: «Я всегда был того мнения, что будущий наш открытый порт должен находиться или на Ляодунском полуострове, или в северо-

---

¹ Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура // Красный архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. № 3 (58). С. 155.

² Королева Виктория — императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1194. Л. 23 [на англ. яз.].

³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1194. Л. 23 [на англ. яз.].

⁴ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 307-308.

⁵ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа. 4 ноября 1897 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 58. Л. 64.

⁶ Цит. по Лукоянов И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) // Вопросы истории, 2008. № 4.

восточном углу Корейского залива»¹. Однако, на собранном 14 (26) ноября в Царском Селе особом совещании выяснилось, что предложение МИД не находит поддержки у С.Ю. Витте и генерал А.Н. Куропаткина. С.Ю. Витте вспоминал, что он «предвидел в этом шаге — дело роковое, которое должно было кончиться ужасами»². А.Н. Куропаткин же полагал, что воевать с Японией «из-за Кореи было бы большим бедствием для России»³. А.Н. Куропаткин прямо отмечал в своём дневнике: «Мы, министры, задерживаем Государя в осуществлении его мечтаний»⁴. Таким образом, развитие курса на расширение присутствия России на Дальнем Востоке фактически стало тормозиться из-за разногласий на высшем уровне.

Первоначально, решение о занятии о Порт-Артура и Дальнего было отклонено на основе договора с Китаем. Решение также подкреплялось согласием императора с доводами с В.Н. Ламздорфа, настаивавшего на том, что политика «приобретения Россией военного порта на Корейском побережье неминуемо приведёт к окончательному разрыву с Японией»⁵. Решение о смене направления по приобретению порта на китайском, а не корейском побережье могло способствовать снижению напряжения между Петербургом и Токио относительно корейских дел.⁶ Тем более что на полуострове активизировались прояпонские силы, которые группировались вокруг «Клуба Независимости», требовали от императора Коджона удалить из Сеула «всё русское»⁷.

---

¹ Конспект Всеподданнейшего доклада графа В.Н. Ламздорфа 11/23 ноября 1897 г. // Красный архив. Исторический журнал. М: Централархив, 1932. № 3(52). С. 102.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 134.

³ Записка генерала А.Н. Куропаткина императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 514. Л. 14.

⁴ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный Архив. С. 7-8.

⁵ Докладная записка министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа императору Николаю II // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). М., 1934. С. 53

⁶ Лукоянов И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) // Вопросы истории, 2008. № 4.

⁷ Галенин Б.Г. Цусима — знамение конца русской истории: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Крафт+», 2009. С. 327.

2 (14) декабря 1897 г. М.Н. Муравьев направил Николаю II записку, в которой указывал на необходимость срочного занятия Порт-Артура и Даляньваня, опираясь на дружественное разрешение пекинского правительства захода русских судов в закрытые для иных иностранцев китайские порты¹. В результате, Николай II принял решение о передислокации тихоокеанской эскадры в район Ляодунского полуострова². Закрепление за Россией территории полуострова с близлежащей акваторией было закреплено в конвенции об аренде, подписанной 15 (27) марта 1898 г.³. Новый статус Порт-Артура подкреплялся дислоцированным на нем десантом численностью в 10 тыс. человек⁴. Император оценивал свершившееся максимально позитивно: «Радуюсь благополучному окончанию высадки и занятию незамерзающего порта в Тихом океане»⁵. 16 марта царь занес в свой дневник: «Вчера совершилось давно желательное событие: Россия приобрела незамерзаемый порт в Тихом океане — Порт-Артур и вместе с ним естественный выход Сибирской железной дороги! Наиболее утешительное то, что Господь благословил окончание этого дела, которое окончилось без всякого вмешательства, а главное, без пролития нашей драгоценной русской крови!»⁶. В те дни Николай II писал своему брату великому князю Георгию Александровичу: «Там на Тихом океане почти вся будущность развития России, и, наконец, мы имеем вполне незамерзающий открытый порт; а железная дорога туда ещё больше укрепит наше положение»⁷.

Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. контр-адмирал Д.В. Никитин писал: «Наше правительство предприняло в 1898 году очень смелый, но

---

¹ Дневники императора Николая II. Т. 1. С. 378.

² Морской министр адмирал П.П. Тыртов — вице-адмиралу Ф.В. Дубасову [с резолюцией Николая II] // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1710. Л. 79.

³ Сборник договоров России с другими государствами. С. 157.

⁴ DDF. 1e série. Т. IX. - № 103. Р. 166.

⁵ Резолюция императора Николая II на донесении контр-адмирала Ф.В. Дубасова из Порт-Артура 16 марта 1898 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.

⁶ Дневники императора Николая II. Т. 1. С. 398.

⁷ Император Николай II — великому князю Георгию Александровичу // ГАРФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 56. Л. 100.

вполне правильный и своевременный шаг: оно заняло военной силой Квантунский полуостров, получив на это согласие Китая. Оно ясно сознавало, что путь к владению Владивостоком лежит через Порт-Артур. Оставалось только по мере усиления Японией своей военной мощи соответственно увеличивать сухопутную и морскую оборону вновь занятой области. Самые крупные расходы, которые приходилось бы при этом нести, несомненно, являлись бы каплей в море по сравнению с тем, что стоило бы оборонять рядом крепостей грандиозной длины границу вдоль реки Амур»¹. Началось активное освоение Южной Манчжурии. Вместе с тем занятие Порт-Артура вызвало сильное раздражение С.Ю. Витте, охарактеризовавшем случившееся как «ребячество, которое «очень плохо кончится»².

Однако военно-стратегические выгоды от овладения Порт-Артуром были очевидными. Положение порта позволяя русскому флоту постоянно держать под возможностью удара основные морские коммуникации японского флота, тем самым препятствуя возможным попыткам экспансии Токио на континент³.

Российско-тибетские отношения в рамках Азиатской программы. Важность налаживания отношений России с Тибетом стала одним из основных лейтмотивов «Азиатской программы» Николая II. К подобному курсу подталкивала и географическая близость Тибета к среднеазиатским владениям Российской империи и его статус духовного центра буддизма. Еще одним немаловажным фактором, подталкивавшим Россию к сближению с Лхасой стало усиление влияния в регионе Великобритании. 3 (15) мая 1896 г. С.Ю. Витте писал в докладе Николаю II, что Тибет «по своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение. Значение это особенно усилилось в последнее время, ввиду настойчивых устремлений англичан проникнуть в эту страну и подчинить её

---

¹ Цит. по Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001. С. 50.

² Конспект Всеподданнейшего доклада графа В.Н. Ламздорфа, 16 ноября 1897 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 58. Л. 77-78.

³ Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 139.

своему политическому и экономическому влиянию. Россия, по моему глубокому убеждению, должна сделать всё от неё зависящее, чтобы противодействовать установлению в Тибете английского влияния»¹.

В 1898 г. при активном содействии князя Э.Э. Ухтомского в Россию прибыл один из авторитетных буддийских богословов доверенное лицо Далай-ламы первый цанит-хамбо А. Доржиев. Он был сторонником установления тесных связей с Россией, рассматривая её как единственную силу способную защитить Тибет от Англии, не преследуя при этом экспансионистских целей². 27 февраля (11 марта) 1898 г. Доржиев в депутации бурят был принят в Зимнем дворце императором Николаем II³. На просьбу тибетской делегации о поддержке против англичан, Николай II отметил необходимость изложения этого запроса в официальном и письменном виде⁴. Вместе с тем, император не стремился к активным действиям по сближению с Тибетом из-за опасений эскалации противоречий с Лондоном и Токио, имевших свои планы на этот регион. Тем не менее, в своих воспоминаниях А. Доржиев утверждал: «Когда я говорил с царем о Тибете, он сказал, что Россия поможет Тибету не попасть в руки врага. Позднее мне через Ухтомского передали, что царь сказал, что необходимо послать туда русского чиновника»⁵.

В 1900 г. Далай-лама XIII провозгласил себя главой Тибетского государства, направив к Николаю II посольство, встретившее повышенное внимание в России⁶. 30 сентября (13 октября) 1900 г. Николай II принял А. Доржиева в Ливадии⁷. Посланец Далай-ламы передал царю письменное

---

¹ Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов 1900-1914. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005 / Белов Е.А. отв. ред. С. 16.

² Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб: Изд-ние СПбГУ; Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006. С. 78.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же.

⁵ Доржиев Агван. Предание о кругосветном путешествии или повествование о жизни Агвана Доржиева: Мемуары тибетского дипломата. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1994. С. 53.

⁶ Козлов П.К. Тибет и Далай-лама. Петербург: Гос. типография, 1920. С. 59.

⁷ Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 39.

благословение тибетского правителя¹. Николай II вновь выразил свою поддержку Тибету. Помимо императора, А. Доржиев встречался с министрами В.Н. Ламздорфом, генералом А.Н. Куропаткиным и С.Ю. Витте. В беседе с ними было решено создать русское представительство в Тибете на территории Китая². Это решение вызвало у русского правительства положительную реакцию, поскольку стало свидетельством готовности Лхасы переориентироваться на взаимоотношения с Россией³.

В 1901 г. Далай-лама в третий раз послал А. Доржиева во главе делегации лам в Петербург, которая 23 июня (6 июля) вновь была торжественно принята Николаем II и вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной. В дневнике царя записано: «Это первое посольство, прибывающее в Европе от имени Далай-Ламы»⁴. В послании Далай-ламы говорилось, что Тибету нанесли много вреда иноземцы англичане, а потому: «сохраняя верноподданнические отношения к Богдыхану», глава Тибета отправил посланников с целью «надлежащим образом установить стезю, по которой русские и тибетцы, соединившись в мире, пришли бы в доброе согласие»⁵. Николай II заверил, что «при дружественном и вполне благосклонном расположении России, никакая опасность не будет угрожать Тибету в дальнейшей судьбе его»⁶. Император удовлетворил просьбы посланцев Далай-ламы по учреждению русского консульства в Дацзянлу⁷.

Вместе с тем влияние Британии активно сказывалось на развитии взаимоотношений Петербурга и Лхасы. Так в 1902 г. в британской прессе были опубликованы заявления о предложениях российского министерства иностранных дел, высказанных через посла П.М. Леснера китайскому

---

¹ XIII Далай-лама — императору Николаю II 1900 г. // Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 34.

² Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 40.

³ Андреев А.И. Указ. соч. С. 90.

⁴ Дневники императора Николая II. 1894-1918. Т. 1. С. 602.

⁵ Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 17.

⁶ Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 17.

⁷ Андреев А.И. Указ. соч. С. 95.

правительству о предоставлении независимости Тибету¹. Естественно, в Пекине подобные новости были восприняты отрицательно, однако они были опровергнуты министром В.Н. Ламздорфом, заверявшим, что «сообщения англичан об агрессивных замыслах российского правительства в отношении Тибета представляют чистый вымысел»². Ещё больше, чем Пекин, русско-тибетские контакты напугали Лондон. Британское правительство полагало, что утверждение России в Тибете представляет прямую угрозу британской Индии. Вице-король Индии лорд Дж.Н. Керзон писал статс-секретарю по делам Индии лорду Дж.Фр. Гамильтону 11 июня 1901 г.: «Мы не должны допустить русского протектората над Тибетом. <...> Если Россия достигнет границ Непала, эта страна превратится во второй Афганистан. Тибет, а не Непал должен стать буфером между нами и Россией»³. Несмотря на попытки Лондона убедить правительство Далай-ламы сменить вектор сближения в пользу Великобритании, эти инициативы в Лхасе были проигнорированы⁴.

Тяжелым испытанием российско-тибетских отношений в этот период стало вторжение британских экспедиционных сил в Тибет в ноябре 1903 г. под предлогом «жестокости обращения тибетцев с британскими подданными»⁵. Россия достаточно быстро предупредила Лондон, что возможный ответ со стороны Петербурга может включать активные меры по защите русских интересов в регионе⁶.

По предложению Тибета в ноябре 1903 г. в страну был направлен военный наблюдатель Б. Рабданов, отметивший исключительное расположение местного населения к русским⁷. 14 (27) января 1904 г. Николай II направил в Тибет группу

---

¹ Кузьмин С.Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб: издание А. Терентьева, 2010. С. 71.

² Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 44-45.

³ Андреев А.И. Указ. соч. С. 107.

⁴ Андреев А.И. Указ. соч. С. 107.

⁵ Кузьмин С.Л. Указ. соч. С. 72.

⁶ Кузьмин С.Л. Указ. соч. С. 72.

⁷ Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 53.

военных разведчиков¹, получивших личные указания государя «разжечь тибетцев против англичан»². Вместе с тем, несмотря на оказанное тибетцами сопротивление британская интервенция успешно осуществлялась благодаря качественному и техническому превосходству. Любая же попытка прямого вмешательства в конфликт со стороны Петербурга оказалась невозможной после начала русско-японской войны³.

26 июля 1904 г. под угрозой пленения Далай-лама был вынужден тайно бежать с родины в Монголию. Туда же прибыл личный посланник Николая II, путешественник П.К. Козлов, ученик знаменитого исследователя Н.М. Пржевальского⁴, передавший Далай-ламе заверения российского императора в поддержке и покровительстве.⁵

7 марта 1906 г. Николай II принял очередное посольство из Тибета заявив: «Мне всегда дороги интересы моих подданных — паствы Его святейшества — равносильно и Тибет. Пусть мне верят, что я и со мною Россия всегда готовы помочь Тибету настолько, насколько располагаем силами и средствами, и я надеюсь, через некоторое время мы окажем Его святейшеству ещё более сильную и желательную помощь»⁶. Несмотря на то, что император продолжал признавать Далай-ламу главой Тибета, подобная политика не получила поддержки ни в Монголии, ни в Китае⁷. Вместе с тем приходило осознание необходимости воздействия на Великобританию дипломатическим путем. Стратегия давления российской стороны исчерпывающе излагалась в секретном письме посланнику в Пекине П.М. Лессару от адмирала Е.И. Алексеева, датированного 11 (24) декабря 1903 г.: «Остановить захват Тибета, от которого зависит в духовном отношении всё буддийское население Сибири и метрополии, можно лишь

---

¹ Дневники императора Николая II. Т. 1. С. 785.

² Дневник А.Н. Куропаткина. С. 122.

³ Козлов П.К. Указ. соч. С. 60.

⁴ Козлов П.К. Указ. соч. С. 62.

⁵ Козлов П.К. Указ. соч. С. 65.

⁶ Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 32.

⁷ British Documents. Vol. IV. The Anglo-Russian rapprochement. 1903-1907. № 307. P. 327.

непосредственно воздействовал на Англию в одном из более чувствительных пунктов среднеазиатских владений»¹. Уже в 1904 г. последовало официальное уведомление британского правительства о готовности России перейти к активным действиям против британских интересов в Азии в случае продолжения интервенции². Растягивание сил не устраивало Лондон, начавший переговоры с Россией по итогам которых обе стороны договорились сохранить действующий статус Тибета.

Русско-японские отношения в рамках «Азиатской программы» в преддверии русско-японской войны 1904-1905 гг. Ознакомление с событиями, предшествовавшими русско-японской войне позволяют сделать вывод о том, что Россия стремилась избежать перехода противоречий с Японией в военную форму, не прекращая приготовления к отражению подобного развития событий.. Несмотря на то, что русской внешней политикой накануне войны были допущены крупные ошибки, а ее деятельность не всегда носила логичный характер, в отношениях с Токио главной целью оставалось урегулирование противоречий при сохранении достигнутых стратегических позиций в Маньчжурии и Корее. По мере того, как опасность войны резко возрастала, а в Токио продолжали проявлять упорное нежелание договариваться, российское правительство, ради сохранения мира, было готово оставить за русским влиянием Маньчжурию и Ляодун, пожертвовав Кореей.

В 1854-1858 гг. великие державы Запада подписали с Японией неравноправные соглашения, известные в историографии, как соглашения Ансэй,³ по условиям которых вводились принципы экстерриториальности и консульской юрисдикции, провозглашался режим свободной торговли с Западом и вводились низкие ввозные пошлины⁴. Ситуация стала меняться с возвращением полноты власти императору Муцухито (Мэйдзи) и начала фундаментальных

---

¹ Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 52.

² Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. С. 20.

³ Дипломатический словарь / Громько А.А. ред. С. 142-143.

⁴ Там же.

преобразований в стране по европейскому образцу государственной системы, армии и флота ¹. Благодаря продуманной политике императорского правительства Япония быстро перешла на капиталистическую стадию развития общества, выйдя на уровень европейских великих держав ². В интересах сдерживания нарастающего российского влияния на Дальнем Востоке благодаря политической активизации Токио Великобритания и США существенно пересмотрели характер взаимоотношений, отменив в 1894 году значительную часть неравноправных аспектов соглашений Ансэй. ³

Российское правительство оперативно оценило внешнеполитические изменения, связанные с усилением Токио. Ещё до японо-китайской войны, 17 (29) августа 1894 г. на донесении русского посланника в Токио М.А. Хитрово, что «в лице Японии нарождается новая сила, которая будет иметь огромное влияние на дальнейшие судьбы Дальнего Востока» ⁴, Николай II написал: «Совершенно правильно! И с этой силой придётся серьёзно считаться» ⁵. Эта точка зрения полностью подтвердилась в рамках ранее описанных событий первой японо-китайской войны, окончившейся Симоносекским миром, значительно пересмотренным под давлением России и других европейских государств. Неоправдавшиеся политические ожидания вкупе с необходимостью расширения экономической базы для проведения индустриализации подталкивали японские военные и политические круги к продолжению экспансии, результаты которой могли вывести Токио в число ключевых игроков на Дальнем Востоке, главным оппонентом которых считалась Российская империя ⁶.

---

¹ Мещеряков М.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С. 132-135.

² Там же. С. 133.

³ Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 8. С. 336.

⁴ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 77.

⁵ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 77.

⁶ Стрельцов Д.В. Вопросы исторического прошлого в российско-японских отношениях. Carnegie Endowment for International Peace. М., 2016. С. 5.

После подавления восстания «ихэтуань» Россия, как и другие члены коалиции, сохранила свое военное присутствие в Пекине и, кроме того, в Маньчжурии. Китаю были предъявлены жесткие требования компенсаций и контрибуции, до принятия которых, войска коалиции оставались в Пекине¹. В этот период Петербург, ведя сепаратные секретные переговоры с Ли Хунчжаном, пытался его убедить пойти на уступки в Маньчжурии в обмен на смягчение условий союзников². Ли Хунчжан пытался вести свою излюбленную тактику, соглашаясь с одной стороной, и тут же обращаясь за помощью к другой. По обыкновению это интриганство никакой пользы для Китая не принесло, и цинское правительство было вынуждено согласиться с весьма жесткими условиями коалиции: огромной контрибуцией, уничтожением укрепленных фортов на всем побережье, разрешением иностранным войскам занять 12 пунктов между Пекином и побережьем³.

После этого войска коалиции, в том числе и русский контингент, покинули китайскую столицу. Что же касается Маньчжурии, то несмотря на уведомления В.Н. Ламздорфа 12 (25) августа 1900 г. уведомил иностранные посольства о своевременном выводе русской части союзных сил сразу же после восстановления порядка на ее территории⁴, Николай II приказал генералу А.Н. Куропаткину тормозить вывод войск с северной территории Китая, стремясь заключить с Пекином соглашение об особом положении в ней русских войск⁵. А.Н. Куропаткин осенью 1900 г. дал по этому поводу следующее разъяснение: «Главной задачей России в Маньчжурии ставится в настоящее время продолжение и окончание строящихся там железных дорог. Русское управление в занятой нами местности не должно быть введено. В Маньчжурии не должно оставаться ни одного орудия, ни одной войсковой части, но при восстановлении

---

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке / Жуков Е.М. отв. ред. С. 211.

² Международные отношения на Дальнем Востоке / Жуков Е.М. отв. ред. С. 211.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С. 95.

китайских властей им необходимо предоставить право иметь вооруженную конную и пешую стражу для полицейской службы»¹.

Одновременно Петербург в январе 1901 г. начал переговоры с цинским правительством о заключении нового договора по Маньчжурии. 31 января (13 февраля) китайскому посланнику в Петербурге Ян Ю был передан, одобренный Николаем II, текст проекта договора ², согласно которому, Китай брал обязательства сохранения исключительных прав России на осуществление железнодорожных, горнопромышленных и прочих концессий в Маньчжурии, Монголии и приграничных с Россией территориях, на которых проходило строительство КВЖД³. На этих условиях, Россия была готова вывести свой войска. Однако Пекин не спешил заключать такой договор и обратился за посредничеством к западным державам. В результате, правительства Японии, Англии и США выразили России протест, а Токио заверил Пекин, что «добьется своевременного очищения Маньчжурии от русских войск»⁴. В ответ Петербург заявил, что «ввиду агитации, возбужденного повсюду распространявшимися ложными известиями касательно отдельного между Россией и Китаем соглашения», Россия отказывается от ведения переговоров с цинским правительством⁵. Это означало, что русские войска остаются в Маньчжурии. При этом, Николай II передал японскому правительству, что Россия не собирается аннексировать Маньчжурию, и готово эвакуировать ее территорию, однако это дело русского и китайского правительств, а не третьей стороны⁶.

В июне 1901 г. в Японии произошла смена правительства возглавляемого сторонником сближения с Россией маркизом Х.Ито на милитаристически настроенный кабинет Т. Кацуры⁷. Новое правительство возобновило переговоры

---

¹ Шишов А.В. Указ. соч. С. 30.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С. 111.

⁵ Международные отношения на Дальнем Востоке / Жуков Е.М. отв. ред. С. 215.

⁶ DDF. 2e série. T. 1. - № 550. P. 590.

⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С. 137.

об англо-японском военном союзе¹, отправив в то же время посольство, возглавляемое маркизом Хиробуми с целью завуалировать их проведение. О том, что японское правительство не собиралось искать с Россией никаких компромиссов, были инструкции данные Х. Ито перед отъездом в Петербург: вести переговоры только устно и ни о чем не договариваться². В столицу Российской империи отставной премьер-министр прибыл в ноябре 1901 г. К его приезду, русское правительство выразило готовность вывести свой войска из Маньчжурии в три этапа в течение 18 месяцев, возложив охрану КВЖД на китайские войска³.

На встрече с С.Ю. Витте японский политик предложил обмен Кореи на Квантун с тем, чтобы в Маньчжурии сохранялась политика «открытых дверей»⁴. По словам Х. Ито, С.Ю. Витте ему сказал: «Раз Вы исполните все наши требования в Маньчжурии, то берите в Корее все что хотите»⁵. С.Ю. Витте позже категорически отрицал эти слова, но, по мнению, И.В. Лукоянова «похоже, что суть его позиции была именно такой»⁶. Сходную позицию занимал и великий князь Александр Михайлович: «Для более успешного ведения дел в Корее, желательна соглашение с Японией, по которому Японии предоставляется южная Корея»⁷.

15 (28) ноября 1901 г. Николай II принял Х. Ито в Царском Селе⁸. Японскому политику была оказана милостивая встреча, в ходе которой царь наградил его большой цепью ордена св. Апостола Андрея Первозванного⁹. В ходе переговоров Николай II обозначил готовность к признанию приоритета политических и

---

¹ Романов Б.А. Указ. соч. С. 112.

² Международные отношения на Дальнем Востоке / Жуков Е.М. отв. ред. С. 218.

³ Накануне русской-японской войны // Красный архив. С. 41; Шишов А.В. Указ. соч. С. 33.

⁴ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 289.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 290.

⁷ Записка великого князя Александра Михайловича императору Николаю II 5 марта 1899 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 720. Л. 1-2.

⁸ Дневники императора Николая II. Т. 1. С. 630.

⁹ DDF. 2e série. Т. 1. № 548. Р. 648.

коммерческих интересов Японии в Корее¹ в обмен на гарантии свободы плавания по Цусимскому проливу при условии соблюдения военного паритета с Россией². Х. Ито повторил японское предложение об обмене Кореи на Квантун. Царь не принял это предложение, справедливо усмотрев в них ни к чему не обязывающий манёвр японской верхушки. С.Ю. Витте отмечал, что предложения Ито «не встретили сочувствия наверху»³.

Между тем, «военная партия» всё больше набирала силу в Японии. Токио настойчиво требовал от Петербурга эвакуации Маньчжурии. Но Россия не стремилась обсуждать японские пожелания, ссылаясь на то, что решение манчжурского вопроса в первую очередь зависит от действий Пекина. Примером этого служит резко негативная реакция министра иностранных дел Ламздорфа, поддержанная императором⁴, на действия посланника А.П.Извольского, начавшего работу с данными протестами Японии: «Считаю необходимым напомнить Вам, что вообще едва ли можно говорить о каком-либо протесте японского правительства в этом деле. По крайней мере, при первой попытке здешнего посланника Чинды вступить со мною в объяснения по поводу проектированного соглашения, я тотчас прервал его, заметив, что не допускаю никаких запросов относительно переговоров, которые ведутся между двумя независимыми державами»⁵.

17 (30) января 1902 г. было подписано соглашение об англо-японском союзе, предусматривавшее готовность стран к совместным военным действиям против третьих держав, «угрожающих интересам Японии или Англии». Данная статья теоретически позволяла Японии заручиться поддержкой Великобритании в случае активного вмешательства России в политику Токио в Корее⁶. В давление

---

¹ DDF. 2e série. Т. 1. № 550. Р. 590.

² Накануне русско-японской войны // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). М: Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. С. 30.

³ Международные отношения на Дальнем Востоке / Жуков Е.М. отв. ред. С. 218.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Накануне русско-японской войны // Красный Архив. С. 29.

⁶ История дипломатии / Потемкин В.П. ред. Т. 2. С. 537.

на Петербург включился и Вашингтон. 21 января (3 февраля) 1902 г. посол США в Петербурге Ш. Тауэр сделал представление В.Н. Ламздорфу о проекте российско-китайского соглашения, нарушающее договоры Китая с другими державами¹. Данное соглашение, по условиям которого Россия признавала суверенитет Китая над Манчжурией и обязалась вывести свои войска в три этапа в течение 18 месяцев со дня подписания соглашения, которым стало 26 марта (8 апреля) 1902 г.² Однако его ст. 2 предусматривала, что вывод может быть приостановлен, если в Китае вновь возникнет смута или «образ действий других держав» этому выводу воспрепятствует³.

Ранее упомянуты англо-японский союз фактически оставлял Россию один на один с Японией из-за опасения возможных военно-политических последствий, связанных с вступлением в войну Великобритании. Союз также позволил законодательно оформить массивную британскую и американскую экономическую поддержку, выраженную в финансовых займах в размере 282 млн. американских долларов, поставках вооружения и предоставлении возможности строительства японского военного флота на британских верфях⁴.

В вопросе сдерживания британско-японского тандема Россия активно рассчитывала на помощь Франции, выступавшей с предложениями Лондону об отказе от активной помощи Японии в назревавшем противоборстве с Петербургом на Дальнем Востоке⁵. В свою очередь Великобритания, которая вела работу по заключению антигерманского союза с Францией стремилась убедить французские правящие круги в отсутствии намерений вступать в возможную войну России с Японией. В беседе с французским послом П. Камбоном министр иностранных дел Г. Лэнсдоун заявил: «Мы тоже хотим поддержания status quo в Корее, ибо мы не заинтересованы видеть японцев на обоих берегах Корейского

---

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке / Жуков Е.М. отв. ред. С. 219.

² Сборник договоров России с другими государствами. С. 324, 325.

³ Там же. С. 325.

⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке / Жуков Е.М. отв. ред. С. 224.

⁵ British Documents. Vol. II. – № 254.

пролива»¹. Этими словами Г. Лэнсдоун создал у французского посла впечатление, что Англия «примирилась бы с русской оккупацией в Маньчжурии», будь у неё «какой-нибудь правдоподобный довод для предъявления своим японским союзникам»². Французы также выступили в качестве посредников на переговорах России и Великобритании в 1903 г. в ходе которых англичане обозначили готовность признания региональных интересов Петербурга наравне со своими с условием, что «должны также уважаться договорные права Англии, её торговля должна вестись там на правах равноправия»³, а также отказом России от притязаний на присутствие в Средней Азии и Тибете. Французская сторона полагала, что позицию России будет возможно поддержать вследствие того, что «в Англии нет наличных денег, и она уже давно держится в финансовом отношении только благодаря помощи Франции и Германии, особенно Франции. События на Дальнем Востоке наверняка произведут такое действие на парижский и берлинский рынки, которое повлечет сокращение французской и немецкой денежной массы в Англии»⁴. Аналогичные взгляды сформировались в Германии, чей посланник в Петербургсообщал, что «из самого осведомленного финансового источника заверен, будто Англия в Токио определенно заявила, что Япония ни в коем случае не может рассчитывать на финансовую поддержку Англии»⁵. Подобные точки зрения активно поддерживались в Лондоне, призывавшим к европейской помощи в налаживании взаимодействия с Россией, мотивируя их собственными связями с Японией во имя предотвращения возможного военного противостояния. Опираясь на эти заверения и не желая вступления в войну с англо-японским союзом, Париж стал все более активно призывать Россию к взаимодействию с Лондоном. Действия французов исчерпывающе характеризовал А.Н. Куропаткин: «Франция ввиду нашей

---

¹ Ibid.

² MAE, Correspondance politique et commerciale. V. 35. Alliance franco-russe. 1892-1904.

³ British Documents. Vol. IV. - № 182. P. 186-188

⁴ DDF. 2e série. T. IV. - № 246. P. 326.

⁵ Die Große Politik. Bd. XIX. - № 5929.

политики на Дальнем Востоке, ищет соглашения с Италией и Англией, а там и до соглашения с Германией один шаг»¹. Несмотря на позитивную реакцию русского правительства на дипломатические усилия Франции², история показала, что ставка на участие французской дипломатии в урегулировании российско-японских споров себя не оправдала. Формальную поддержку России в вопросах споров с Японией также оказывало германское правительство, рассчитывая на вовлечение в Петербурга в конфликт на территории Манчжурии с перспективами разрыва русско-французского союза³.

27 марта (9 апреля) 1903 г. Николай II отправил генерал А.Н. Куропаткина на Дальний Восток и Японию. Император поставил перед военным министром следующие задачи: «В минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в равновесие с нашими политико-экономическими задачами. Дать очевидное для всех доказательство решимости отстаивать наше право на исключительное влияние в Манчжурии»⁴. Вскоре для этого возник соответствующий повод в лице совместных претензий Британии, США и Японии относительно соблюдения Петербургом сроков эвакуации военного контингента из региона. Вскоре к давлению присоединилось и цинское правительство, заявившее об отказе переговоров относительно Маньчжурии до исполнения русской стороной своих обязательств.⁵

А.Н. Куропаткин прибыл в Токио 28 мая (10 июня) 1903 г. Он был принят микадо и высшим военным руководством Японской империи⁶. Во время переговоров, японцы обозначили позицию готовности признания Маньчжурии в качестве сферы влияния России в обмен на признание Петербургом аналогичного

---

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 101.

² L'Empereur Nicolas II au Président E. Loubet. 28 oct. 1901 // AN. Fonds Emile Loubet, AP 473/7.

³ Шишов А.В. Указ. соч. С. 30.

⁴ Цит. по: Куропаткин А.Н. Японские дневники А.Н. Куропаткина. С. 393.

⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С. 200.

⁶ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2014. С. 185.

статуса Кореи¹. А.Н. Куропаткин покинул Японию, убежденным, что «основанием своих действий на Дальнем Востоке, надо положить поддержание мира с Японией»². Куропаткин не знал, что в то самое время, когда он находился в Токио, те же самые японские генералы, что предлагали ему «обменять» Корею на Маньчжурию, на совещании 8 июня 1903 г. под руководством маршала И. Ойамы приняли решение о готовности к ведению военных действий с Россией и в Корее, и в Маньчжурии³.

7 (20) мая 1903 г. Николай II потребовал перевод работы над «делами Дальнего Востока, требующими совместного обсуждения ведомств» в формат особых совещаний⁴. 30 сентября (13 октября) 1903 г. император Николай II был издан указ об «Особом комитете Дальнего Востока»⁵, председательство которого принял на себя. 30 июля (12 августа) высочайшим указом было учреждено Особое Его Императорского Величества наместничество Дальнего Востока, во главе которого был назначен адмирал Е.И. Алексеев, в руках которого сконцентрировалась вся военная и гражданская власть в вверенном ему регионе⁶.

28 марта (10 апреля) 1903 г. на совещании с министрами, Николай II заявил, что «надо избегать повода к ссоре с Японией, что война с ней совершенно нежелательна»⁷. Общее руководство переговорами было поручено адмиралу Е.И. Алексееву⁸. Для японцев эти переговоры были нужны только для обострения обстановки⁹. Японское правительство представило проект двустороннего соглашения с Россией, основанного на признании

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 186.

⁴ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 137. Л. 48.

⁵ Милежик А.В. Дальневосточное наместничество как попытка реформы регионального управления (1903-1905) // Вестник ДВО РАН, 2007. № 3. С. 113.

⁶ Милежик А.В. Дальневосточное наместничество как попытка реформы регионального управления (1903-1905) // Вестник ДВО РАН. С. 111.

⁷ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 47.

⁸ Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. (Взгляд из России) // Acta Slavica Iaponica. Т. 23 (2006). С. 18.

⁹ Шишов А.В. Указ. соч. С. 89.

«преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии»¹. Таким образом, предлагалось сосредоточить российское политическое присутствие в Северном Китае до КВЖД. Адмирал Е.И. Алексеев телеграфировал государю: «Для нас единственным основанием для соглашения могло бы служить только признание Японией Маньчжурии, стоящей всецело «вне сферы ее интересов». Ожидать успеха переговоров с Японией возможно лишь при условии, если посланнику будет предоставлено с полной ясностью дать понять японскому правительству, что права и интересы свои в Маньчжурии, Россия намерена отстаивать вооруженною рукою»². Русское правительство, с учетом происходящего, приняло решение отказаться от аннексии Манчжурии, планируя вернуть ее под суверенитет Китая, одновременно уменьшив русское присутствие в Корее³. Однако никаких приказов о претворении этих решений в жизнь не последовало⁴. Осенью 1903 г. царь вновь заявил, что «он не желает войны России с Японией и не допустит её»⁵.

Стремление избежать войны основывалось на факторе введения в строй Транссибирской магистрали, в том числе и в районе КВЖД 1 (14) июля 1903 г.⁶ При этом обе магистрали не были полностью соединены из-за разрыва дороги в районе озера Байкал, каковой было решено оставить из-за удешевления строительства, заменив двумя паромами-ледоколами⁷ и проводя составы по льду озера зимой, сэкономив на этом 25 миллионов рублей⁸. Подобное решение значительно осложняло логистику, в том числе в вопросах доставки вооруженных сил в район Порт-Артура.

---

¹ Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. С. 18.

² Цит. по: Шишов А.В. Указ. соч. С. 89.

³ Документы, касающиеся эвакуации Маньчжурии // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 718. Л. 27.

⁴ Документы, касающиеся эвакуации Маньчжурии // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 718. Л. 27.

⁵ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 93.

⁶ Там же.

⁷ Третьяков В.В. Организация работы Байкальской паромной переправы // Земля Иркутская, 2003, № 2-3.

⁸ Шишов А.В. Указ. соч. С. 49.

20 сентября в рамках переговоров Россия предоставила Токио предложения о признании японских притязаний на влияние в Корее обмен на отказ от претензий на Маньчжурию¹. Фактически русские дипломаты попытались разделить присутствие в Корее и Манчжурии на независимые друг от друга политические линии. Ситуация накалилась 25 сентября (8 октября) 1903 г. с истечением срока вывода войск из Манчжурии. Протест Японии относительно оставшегося русского контингента был отклонен с опорой на действия китайской стороны, а именно - концентрации китайских военных вблизи КВЖД. Опасаясь провокаций, Николай II поручил В.Н. Ламздорфу заявить Китаю в резкой форме, что, если тот «не прекратит немедленно посылки войск к району возможных боевых действий, Маньчжурия будет присоединена к России немедленно»². На этом этапе также стало очевидным, что позиции императора и его окружения стали расходиться. В то время как министр иностранных дел В.Н. Ламздорф настаивал на ужесточении позиции России и оказании давления на Токио, Николай II указал продолжать переговоры, заметив: «Из продолжения переговоров, мне кажется, ясно видно миролюбие России и желание её прийти к какому-либо соглашению с обезумевшей Японией»³.

2 (15) октября 1903 г. генерал А.Н. Куропаткин выступил с предложением о присоединении Северной Маньчжурии к России. На это военный министр получил гневный ответ Царя, в котором содержалась как критика в свой адрес, так и в адрес своего окружения: «В Маньчжурии не могло быть восстановлено спокойствие, ибо мы сами систематически тому мешали. Мы уничтожили китайскую власть, не устроив свою. Вместо политики дружеской, основанной на доверии, мы возбудили полное недоверие к нам — не только в китайцах, но и во всех европейцах. Попросту мы с самого начала военных действий, тайно имели в

---

¹ Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. С. 19.

² Император Николай II — графу В.Н. Ламздорфу 20 декабря 1903 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 83.

³ Император Николай II — графу В.Н. Ламздорфу 20 декабря 1903 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 95.

виду захватить Маньчжурию — так вели дело все наши большие и малые военачальники. Мы все время кривили душою. Сам военный министр в заседаниях заявлял, что нам выгодно, чтобы в Маньчжурии были смуты, ибо в таком случае, мы оттуда не выйдем»¹.

Позиции неизбежности конфронтации с Японией придерживался и адмирал Е.И. Алексеев, получивший категорический императора на проведение в Наместничестве мобилизационных мероприятий до прямого указания царя². Николай II полагал, что: «Время — лучший союзник России. Каждый год нас усиливает»³. Вместе с тем угроза эскалации все больше нарастала. Позиция императора четко прослеживается в письме великому князю Сергею Александровичу от 27 декабря (12 января) 1903 г. : «Душевное беспокойство у меня относительно поганой Японии. <...> Тем не менее, я всё ещё убеждён, что войны не будет, конечно, если японцы сами её не объявят. Но велик Бог земли русской!!!»⁴.

Вместе с тем адмирал Е.И. Алексеев постоянно информировал царя о военных приготовлениях Японии к аннексии Кореи: размещении военных специалистов, фрахте судов для десанта, подготовке складов для армии.⁵ Однако Николай II считал, что «высадка отряда японских войск в Корею не будет вызовом России. О нападении же на Порт-Артур или Владивосток, по-моему, и речи быть не может»⁶. Император считал возможным избежать прямого противостояния путем частичного удовлетворения японских притязаний и укреплением присутствия России за время, требуемое Токио для освоения территориальных

---

¹ Цит. по: Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. С. 20.

² Дневник А.Н. Куропаткина. С. 93.

³ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 144

⁴ Император Николай II — великому князю Сергею Александровичу 27 декабря 1903 г. // ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 78.

⁵ Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 40.

⁶ Император Николай II — барону Р.Р. Розену // АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 189. Л. 113.

приобретений. ¹. Император указывал Е.И. Алексееву, «что <...> для России каждый год мирного времени составляет огромную выгоду»². 31 декабря 1903 (12 января 1904 г.) Р.Р. Розен получил телеграмму из Токио, в которой японцы выразили готовность признать Маньчжурию вне сферы своих интересов, а также специальные права России и право на их защиту³. Но адмирал Е. И. Алексеев считал продолжение переговоров с японцами бесперспективным: «они не только не могут привести к примирению обоюдных интересов, и, следовательно, к достижению той цели, которой они были начаты, но напротив, ведут к постепенному обострению отношений и к более вероятному разрыву»⁴. Однако ответ императора был однозначен: «Желаю, чтобы переговоры с Японией продолжались в дружественной форме»⁵. Министр внутренних дел В.К. Плеве встретился в ночь с 7 (20) на 8 (21) января 1904 г. с послом Японии в Петербурге С. Курино и от имени Николая II заявил ему, что японские условия могут быть приняты ⁶. 15 (28) января 1904 г. Николай II заявил участникам Особого совещания: «Мы должны в ограждение наших интересов положить известный предел их захватам на этом пространстве... С военно-морской точки зрения такая граница должна обнять Северную Корею, имевшую для России серьёзное стратегическое значение. Если мы не добьемся её нейтрализации, то, без сомнения, на фланге Порт-Артура мы будем иметь сильного врага, который разрежет связь между Южно-Усурийским краем и Квантунской областью, будет господствовать над Манчжурией и вскоре уничтожит возможность существования в Порт-Артуре»⁷. Император выражал готовность согласиться на японское условие отказа от нейтральной зоны в обмен на отказ японцев от

---

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 116.

² Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 42.

³ Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. С. 31.

⁴ Телеграмма генерал-адъютанта Е.И. Алексеева на имя Его Императорского Величества из Порт-Артура. 3 января 1904 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 160

⁵ Резолюция императора Николая II на записке В.Н. Ламздорфа о письме адмирала Е.И. Алексеева // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 50.

⁶ Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. С. 31.

⁷ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 3-24.

притязаний на влияние в Маньчжурии¹. 21 января (3 февраля) 1904 г. Николай II в письме В.Н. Ламздорфу изложил свой взгляд на решение этой проблемы: «Так как мы не можем отказаться от нейтральной полосы, а Япония, наверное, не согласится на неё, следует испробовать последний способ, а именно, предложить Японии тоже самое, но в виде тайной статьи. Этим способом их самолюбие и ответственность правительства перед страной будут удовлетворены, а наши интересы сохранены»².

Не желая прекращать переговоры с Японией в надежде сохранить мир, царь всё яснее видел неизбежность столкновения. А.Н. Куропаткин писал: «Государь продолжает верить в мирный исход конфликта и продолжает быть настроенным миролюбиво. Но несомненно и то, что в нём всё растёт и растёт всеобщее враждебное чувство к Японии. Он скрывает его от нас с удивительным самообладанием. Растёт неприязнь и к Англии»³. 1 (14) января 1904 г., надеясь на сохранение мира, Николай II заявил С. Курино: «Россия есть не только великая страна, но и часть света, и что у такой державы, несмотря на всё миролюбие, может наступить предел терпения»⁴. В конце февраля 1904 г. С. Курино получил через В.Н. Ламздорфа указание Николая II о том, что «на высадку японских войск в северной Корее Россия посмотрит, как на весьма недружелюбное действие»⁵. Любые попытки японской стороны вести переговоры о совместном контроле над Маньчжурией отвергались под предлогом формального китайского суверенитета над территорией⁶.

В течение всего предшествовавшего войне января 1904 г. японцы вели постоянные консультации с правительством США. 4 (16) января 1904 г. Р.Р. Розен

---

¹ Телеграммы министра иностранных дел, русских посланников в Японии и Китае. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 24.

² Император Николай II — графу В.Н. Ламздорфу. 21 января 1904 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 77.

³ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 123

⁴ Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. С. 33.

⁵ Император Николай II — графу В.Н. Ламздорфу 21 января 1904 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 77.

⁶ Р.Р. Розен — в МИД 20 июня/3 июля 1903 г. // АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 188. Д. 65–66.

сообщал в Петербург, что ему стало известно «из достоверного источника, что между Токио и Вашингтоном в течение последних трёх недель происходит оживлённый ежедневный обмен телеграммами»¹. 5 (18) января 1904 г. та же информация содержалась в секретной телеграмме посла в Вашингтоне графа А.П. Кассини: «Япония всё время осведомляла и продолжает осведомлять Хей* о ходе наших с нею переговоров. Хей и без того японофил, очень польщён этим вниманием, сделанным с явным расчётом заручиться симпатиями Соединённых Штатов и подчеркнуть будто бы полное единодушие между Соединёнными Штатами, Англией и Японией. Симпатии нынешнего вашингтонского кабинета ныне бесспорно на стороне Японии»².

22 января (5 февраля) 1904 г. японский министр иностранных дел М. Комура дал указание об остановке переговоров и разрыве дипломатических отношений с Россией, последовавшем 24 января (6 февраля) 1904 г. 25 января (7 февраля) Николай II впервые высказался о возможности войны с Японией: «Надо скорее выяснить вопрос о войне: воевать, так воевать; мир, так мир. А эта неизвестность становится томительной»³. В течение дня стороны приступили к эвакуации миссий.

26 января (8 февраля) у царя состоялось совещание по японскому вопросу⁴. Николай II поставил перед министрами вопрос: следует ли допустить высадку японцев в Корею или принудить их силой отказаться от этого замысла⁵? В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин считали, что нужно делать всё, чтобы войны избежать, на что государь ответил: «Разумеется». Но когда тот же В.Н. Ламздорф

---

¹ Телеграммы министра иностранных дел, русских посланников в Японии и Китае, журнал Особого совещания и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед Русско-японской войной [Копии] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 63.

* Джон Милтон Хей — государственный секретарь США.

² Граф А. П. Кассини — графу В. Н. Ламздорфу 5/18 января 1904 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 161.

³ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 128.

⁴ Дневник императора Николая II. Запись за 26 января 1904 г. // ГАРФ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 247. Л. 18.

⁵ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 128.

стал говорить о посредничестве, Николай II перебил его: «Поздно. Японцы уже высказали мнение, что не примут посредничество. Они действовали теперь глупым образом»¹. Последовавшие попытки обратиться за посредничеством к Британии оказались безрезультатными².

Вечером 26 января Николай II послал адмиралу Е.И. Алексееву телеграмму, в которой говорилось: «если японцы сами не начнут военных действий флотом или десантом, Алексеев не должен допускать высадки японцев на западном берегу Кореи выше 38 параллели. Высадку в южной Корее и Чемульпо — допускать. Если японские войска начнут движение в сторону северной Кореи, то это не считать за открытие военных действий»³.

Таким образом, имеет смысл констатировать осмысленный курс императора на предотвращение военной эскалации противоречий с Японией. По инициативе Николая, проводимой порой вопреки мнению ближайшего окружения, Россия осуществляла политику умиротворения Японии в обмен на признание русских интересов в в Северном Китае и на Тихоокеанском побережье. Вместе с тем любая возможность достичь реального компромисса фактически саботировалась Токио, опиравшегося на поддержку Великобритании и США.

Итогом усилий императора стало начало русско-японской войны внезапной атакой японского флота на флот, защищавший Ляодунский полуостров. Историк С.С. Ольденбург справедливо замечал: «подобный образ действий токийского правительства, не выждавшего даже передачи ему отправленного на днях ответа Императорского правительства, возлагает на Японию всю ответственность за последствия»⁴.

Обобщая вышеизложенное, представляется возможным сделать следующие

ВЫВОДЫ:

---

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 131.

² Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. (Взгляд из России). С. 30.

³ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 132.

⁴ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 102.

1. Необходимость подавления в Китае восстания «ихэтуань» в 1900 г. поставили Петербург в трудную ситуацию. Николай II, понимая, что европейское вторжение в Поднебесную империю неизбежно, всячески стремился не допустить ее расчленения, так как его пугала «сама идея крушения этой страны и возможности раздела её между разными державами, и я считал бы это величайшим из возможных бедствий». Позиция императора способствовала тому, что Россия после подавления восстания стала как можно быстрее выводить свои войска с территории Китая, закрепляя свои позиции в Маньчжурии.
2. Корейское направление было для Петербурга вторым по важности после китайского. Однако на нем российские интересы напрямую сталкивались с японскими. После помощи, оказанной корейскому королю Коджону, Россия прочно утвердила свои позиции в Корее. Тем не менее, Петербург отказался от занятия порта на корейском побережье, так как стремился договориться с Японией по корейскому вопросу.
3. Международная обстановка требовала от Николая II скорейшего принятия решения по вопросу аренды военного порта на китайском побережье, так как политика Берлина и Лондона по захвату китайских портов постоянно усиливалась. Отсутствие незамерзаемого порта в Тихом океане сковывало действия России и ставило под угрозу инфраструктурные проекты в Манчжурии (КВЖД). Данная задача была решена после подписания соглашения об аренде Порт-Артура и Дальнего.
4. В вопросах взаимоотношений России и Японии основной задачей стало предотвращение возможной эскалации противоречий вокруг Маньчжурии и Кореи. Император Николай II стремился последовательно проводить политику умиротворения Японии с учетом фактора англо-японского союза, одновременно осуществляя военные приготовления к возможному противостоянию.

5. Деятельность российской дипломатии и правительственных кругов накануне войны с Японией часто носила непоследовательный характер, что привело к крупным ошибкам, сделав возможным начало русско-японской войны на основе опоры Токио на поддержку Великобритании и США.

§.3. Дипломатия русско-японской войны

С.С. Ольденбург давал следующую оценку событиям войны с Японией: «С тех дней, когда Пётр Великий прорубал «окно в Европу», ни одна война не была в такой мере войной за будущее России, как русско-японская война. Решался вопрос о выходе к незамерзающим морям, о русском преобладании в огромной части света, о почти не заселенных земельных просторах Маньчжурии»¹. Ранее уже поднимался вопрос курса на сдерживание России на Дальнем Востоке ряда держав, в первую очередь Японии, Англии и США, как одной из первопричин войны. Ярким примером антироссийской истерии тех времен может служить заметка газеты “Daily Mail” от 1904 г.: «Россия должна быть уничтожена. Этот тяжёлый мастодонт, готовый проглотить всю Азию, зашёл слишком далеко»².

С началом войны практически все внешнеполитические усилия страны были сфокусированы на сопровождении боевых действий. Несмотря на отдаленность театра военных действий, патриотический подъем населения, верившего в скорую победу, фактор решительности и упорства японской армии никто не сбрасывал со счетов. Последнее также прямо признавал сам император³.

Русская стратегия ведения войны основывалась на плане генерального штаба, принятого в 1903 г. План предполагал проведение оборонительной

---

¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 227.

² Цит. по: Русский вестник. 1904. № 7, июль.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II 19 мая 1904 // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 329.

операции против наступающих¹ с Ляодунского полуострова либо из Манчжурии японских войск с последующим переходом в контрнаступление. Вместе с тем предполагалось, что главный удар придется лишь на одно из предполагаемых оперативных направлений². При планировании учитывалось, что: «Япония, — в случае вооруженного с нами столкновения будет первое время иметь значительное превосходство в силах. Поэтому до прибытия подкрепления из Сибирского [военного] округа и из Европейской России мы на Дальнем Востоке должны будем занимать строго выжидательное положение и главнейшая наша задача будет клониться к тому, чтобы не дать противнику возможности сколько-нибудь серьёзных над нами успехов. <...> За это время мы можем понести значительные жертвы до потери Порт-Артура включительно»³.

1 (14) февраля Николай II назначил вице-адмирала С.О. Макарова командующим Тихоокеанской эскадрой, а 3 (16) февраля 1904 г. — генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина главнокомандующим Маньчжурской армией, освободив его от должности военного министра⁴. По неясным причинам А.Н. Куропаткин незадолго до Русско-японской войны, не сообщил Николаю II важнейшую информацию о подготовительных планах Японии к войне⁵. До императора также не дошли сведения военной разведки о силе и оснащённости японских войск, изложенные в докладах полковника В.К. Самойлова⁶.

Политическая нагрузка, ложившаяся в условиях войны на Дальнем Востоке на Российскую империю, начала сказываться весьма быстро. В условиях

---

¹ Телеграммы и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной [Копии] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 15.

² Телеграммы и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной [Копии] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 25.

³ Телеграммы и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной [Копии] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 25.

⁴ Телеграммы и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной [Копии] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514.

⁵ Телеграммы министра иностранных дел, русских посланников в Японии и Китае, журнал Особого совещания и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед Русско-японской войной [Копии] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 24.

⁶ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М.: Русский путь, 2007. С. 87-89.

значительной протяженности границ империи и интенсификации боевых действий император перевёл центральную и региональную администрацию в режим оперативного управления¹. Время личной работы императора, необходимого для правления страной в подобной политической обстановки возрастало до 10 и более часов². Напряженный график царя включал в себя не только осуществление политических мероприятий, но и наблюдение за ходом боевых действий и постоянные посещения воинских частей, направляемых на поля сражений.³

Ход войны также осложнялся международной политической обстановки, в первую очередь открытой поддержкой действий японского правительства со стороны Великобритании и США. Примером такого отношения может послужить реакция президента США Т.Рузвельта на вести о победе японцев при Чемульпо, прославившего доблесть русских моряков на крейсере «Варяг»: «Я в высшей степени рад японской победе, ибо Япония играет нашу игру»⁴. Британские военные круги также посильно оказывали военную поддержку Токио в виде подготовке к возможному участию в войне своих воинских соединений и мобилизации резервистов, а также закупке броненосцев в Чили и Аргентине⁵. Однако самым болезненным фактором оказалась фактическая несостоятельность действий французской дипломатии по сдерживанию Британии от вступления в войну. Подписание 8 апреля 1904 г. союзных договоров, известных под именем «Сердечного Соглашения» («L'Entente Cordiale»), или Антанты. Реакция императора и его правительства на это событие была крайне сдержанной: «Нам к этому соглашению присоединяться не следует, так как оно нас не касается непосредственно»⁶. Осуждения на высшем уровне

---

¹ Струков Д. Указ. соч. С. 114-115.

² Струков Д. Столыпин на пути к великой России. М.: Вече, 2012. С. 114.

³ Телеграммы императора Николая II во время русско-японской войны // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. б/л.

⁴ Pringle (H.). Theodore Roosevelt. New York, 1931. P. 375

⁵ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3587. Л. 44.

⁶ Цит. по: Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 9.

франко-британского сближения также не последовало¹, однако эти события не остались незамеченными. «Для большинства русских, — сообщал французский посол в Петербурге М. Бомпар, — Франция объединилась с союзником Японии в тот момент, когда её собственный союзник был предательски атакован этой наглой нацией»². Отношения Франции и России резко стали ухудшаться, например, вплоть до 1906 г. было приостановлено взаимодействие на уровне генеральных штабов двух стран. Несмотря на заявления французского посольства о том, что реакция России фактически выхолащивает русско-французский союз, император не стремился изменять политику, особенно на фоне известий о фактах финансирования военных поставок для Японии по линии французских банков в середине 1904 г.³

Улучшению отношений не способствовал и инцидент с русским крейсером «Диана», произошедший 23 августа 1904 г. Спасавшийся от японского преследования корабль в поисках убежища был интернирован во французском Сайгоне, задержавшими русских моряков в городе на долгое время вопреки как союзническим отношениям, так и нейтралитету Франции в войне⁴. Подобному поведению французов способствовали вести об отступлении русских войск в Манчжурии, воспринимавшемся как однозначное поражение. «В России всё гнило, — доносил в Париж военный атташе Мулен, — все требует переустройства и пересоздания; большинство лиц, стоящих во главе правительства и армии, являются ничтожествами»⁵. В подобных условиях французские власти ставили вопрос о целесообразности сохранения союза, поддерживавшийся местными социалистами. «Несмотря на то, — доносил военный агент полковник В.П. Лазарев, — что масса армии и населения сохраняют пока ещё симпатии к России,

---

¹ Граф В.Н. Ламздорф — А.И. Нелидову 31 марта 1904 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 150. Л. 18.

² Bompard (M.). Op. cit. P. 54.

³ Hogenhuis-Seliverstoff (A.). L'alliance Franco-Russe. P. 183.

⁴ Les Alliés contre la Russie avant, pendant et après la guerre mondiale: (Faits et Documents) / Margueritte V. pref. Paris, 1926. P. 22.

⁵ SHD. 7 № 1219-1223.

официальный Париж принялся за разрушение того, что некогда рассматривалось неоспоримой истиной»¹.

Японские успехи побуждали Британию к активному посредничеству с целью завершения войны на фоне японских успехов в Манчжурии без риска чрезмерного усиления Токио по итогам войны. 25 марта (8 апреля) 1904 г. находящийся в Копенгагене король Эдуард VII в беседе с русским послом заявил: «Заключение англо-французского соглашения даёт мне надежду, достичь теми же методами, но больших результатов, заключения подобного же договора с Россией, заключение которого всегда было и продолжает оставаться объектом моих искренних желаний»². Царское правительство сочло эти заявления стремлением навязывания мира с Японией на британских условиях. После ряда взаимных претензий основанных на трактовании невмешательства России в англо-бурскую войну и побуждении Британии к аналогичной политике, Эдуард VII заявил о нейтралитете Британии в войне на условиях ее мирного урегулирования, предусматривавших гарантии особых интересов Лондона в Маньчжурии³.

Гулльский инцидент. Неудачные попытки русского флота прорвать блокаду Порт-Артура летом 1904 г. обусловили закрепление японцев на Жёлтом море⁴. Стремившись исправить положение, правительство сформировало и направило в регион эскадру с задачей: «Достигнуть Порт-Артура и соединиться с первой эскадрой для совместного затем овладения Японским морем...»⁵. Выполнение подобной задачи требовало тяжелейшего перехода из Балтики в Тихий океан через морское пространство фактически союзных Японии держав⁶. Утром 8 (21)

---

¹ Донесение военного агента полковника В.П. Лазарева // РГВИА. Ф. 2000. Оп.1. Д. 460. Л. 12.

² Остальцева А.Ф. Указ. соч. С. 67.

³ Король Эдуард VII — императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1388. Л. 23-26.

⁴ Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904-1905 гг. при Морском Главном Штабе. Т. 3. Петроград, 1915.

⁵ Золотарёв В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX - начало XX века: в 4 т. Т. 2. М.: АСТ; СПб: Полигон, 2004.

⁶ См. по этому поводу: Мультиатули П.В.; Залесский К.А. Русско-японская война, 1904-1905. М: Рос. ин-т стратег. исслед., 2015.

октября недалеко от английского порта Гулль эскадра открыла ответный огонь по неопознанным миноносцам, двигавшимся в окружении рыбацких баркасов под прикрытием тумана¹. В течение десяти минут инцидент завершился². Согласно сообщениям командующего эскадрой З.П. Рожественского, потери от попадания 5 снарядов в крейсер «Аврора» оказались незначительными с учетом ранения комендора судна и корабельного священника³.

Расследование инцидента, проводимого министром внутренних дел П.Д. Святополк–Мирским⁴ показало, что за выдвижения русского флота в районе столкновения были замечены два миноносца без опознавательных знаков.⁵ Сведения о присутствии неопознанных военных судов подтверждались свидетельством, капитан французского корабля «Saint-André» Ж.Б. Эсноля⁶. Удалось также установить факт присутствия в порту Гулль японцев, предположительно, представляющих спецслужбы Токио⁷.

На основании расследования Святополк-Мирского можно сделать вывод о имевшей место японской, либо английской провокации русской эскадры на открытие огня. Освещение произошедшего в Гулле, подчеркивавшее факт гибели двух английских рыбаков, а также наличие шести раненных и потопленного траулера, было резко негативным⁸. Агентство «Рейтер» в своем репортаже увеличило вдвое число убитых, что также способствовало бурном всплеску антироссийских настроений. «Нападение на рыбаков, — писал английский историк Р.М. Каннегтон, — было воспринято как покушение на статус и

---

¹ Павлов Д. Русско-японская война 1904-1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004. С. 389.

² Там же. С. 390.

³ Там же.

⁴ Павлов Д. Указ. соч. С. 396.

⁵ Там же.

⁶ Всеподданнейшая записка министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского от 18 ноября 1904 г. // Павлов Д. Указ. соч. С. 399.

⁷ Там же.

⁸ Павлов Д. Указ. соч. С. 399.

достоинство Англии, владычицы морей и великой державы»¹. Общественное мнение Британии, подогреваемое прессой, было настроено на скорейшее вступление страны в войну на стороне Японии. Николай II заметил по этому поводу: «Какие мерзости, в смысле лжи и клеветы, распространяют английские газеты про Россию!»². Японские СМИ также активно поддерживали антироссийские настроения, утверждая: «Позволять себе подобное насилие над международно-признанными нормами может только тот, кто не имеет ничего общего с цивилизованными народами. <...> Нет сомнений, что правительство пострадавшей стороны примет против России адекватные меры»³. Николай II и посол в Лондоне граф А.К. Бенкендорф выразили официальное соболезнование королю Эдуарду VII⁴. Тем не менее, от официальной оценки произошедшего российское правительство воздержалось, считая случившееся британской провокацией в пользу Японии⁵. Однако подобная реакция не способствовала сдерживанию разгула антироссийской истерии. «Война может быть вопросом нескольких часов, — писала “The Times”, — Англии остаётся лишь один путь»⁶. Русская разведка докладывала о наличии планов военных действий Британии против России на Балтийском море и в Центральной Азии⁷. Не были секретом для императора и намерения по осуществлению английского десанта на кавказское побережье России⁸. Николай II открыто признавался французскому посланнику: «Нужно ждать всего от Англии, я также готовлюсь ко всему»⁹. В сообщении французского посла к Т. Делькассе отмечалось: «В России

---

¹ Connaughton (R.M.) *Rising Sun and Tumbling Bear: Russia's War with Japan*. – Cassel, 2007. P. 247.

² Император Николай II — графу В.Н. Ламздорфу 15 января 1905 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 102.

³ Павлов Д. Указ. соч. С. 98.

⁴ Секр. телеграмма В.Н. Ламздорфа А.К. Бенкендорфу 3 (20) ноября 1904 г. // АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 62. Л. 8-9.

⁵ Император Николай II — графу В.Н. Ламздорфу 15 января 1905 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 106.

⁶ Теплов В. Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905 г. № 3.

⁷ Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 35.

⁸ Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 36.

⁹ DDF. 2e série. T. V. № 468. P. 564.

возбуждение против Англии крайнее и всеобщее: народ, общество, правительство и сам Император крайне возмущены английскими действиями»¹.

Однако возмущение в России росло не только в отношении к Британии, но и к действиям Парижа. 20 октября (2 ноября) 1904 г. В.Н. Ламздорф писал в Париж А.И. Нелидову: «Необходимо во что бы то ни стало поставить категорично вопрос: что будет делать Франция в случае разрыва Англии с Россией? Это поставит французское правительство перед очень серьёзным испытанием, тогда как было бы очень самонадеянно с нашей стороны оставить этот вопрос неопределённым»². Отсутствие конкретных заявлений французского правительства не внушало оптимизма на фоне сообщений военного агента полковника В.П. Лазарева от 24 октября (6 ноября) 1904 г.: «Ввиду неопределенности отношений с Англией, считаю долгом донести, что Франция ни в каком случае не окажет вооруженное содействие нам в борьбе с Англией»³.

Улучшению отношений не способствовало и международное разбирательство по итогам инцидента на специальной комиссии в Париже в октябре 1904 г. На основании того, что русская сторона не смогла предоставить прямых доказательств присутствия в районе инцидента японских военных сил, Гулльские события были признаны трагическим происшествием⁴. Несмотря на заверения французского правительства по итогам разбирательств о готовности к оказанию помощи российским правоохранителям в рамках франко-русского союза⁵ никаких выраженных действий по поддержке русской политики предложено не было.

Поэтому неудивительно, что во время аудиенции у Николая II, посол М. Бомпар с тревогой заметил, что «поражен той кампанией, которая ведется в

---

¹ DDF. 2e série. T. V. № 468. P. 564.

² Граф В.Н. Ламздорф — А.И. Нелидову // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 150. Л. 74.

³ Доклад военного агента полковника В.П. Лазарева. 24 октября 1904 г. // РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209.

⁴ Павлов Д. Указ. соч. С. 124.

⁵ ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 316. 1904-II. Д. 19. Л. 34.

России против Франции»¹. М. Бомпар заверил царя, что «правительство республики и французский народ остаются как никогда верными союзу с Россией»². В свою очередь Николай II подтвердил, что он по-прежнему убежден в необходимости союза с Францией, который позволяет «снимать войска прикрытия с западной границы и направлять их в Маньчжурию»³. На вопрос М. Бомпара, не повлияли ли последние события «на ориентацию политики Вашего Величества», Николай II незадумываясь ответил: «Ничуть» и попросил посла немедленно доложить об этом Т. Делькассе⁴.

Именно во время Гулььского инцидента, когда возможность открытого выступления Англии на стороне Японии становилось всё реальней, а на помощь Франции рассчитывать не приходилось, император Вильгельм II обратился к Николаю II с предложением о военном и политическом союзе.

Российско-германские переговоры в Бьёрке (осень 1904-лето 1905 гг.)

События российско-германских переговоров, произошедших по инициативе Вильгельма II осенью 1904 – летом 1905 г. и посвященных проектам союза России и Германии, до сих пор имеют неоднозначное трактование. Советская историография оценивала их, как однозначный успех Германии, одним из апологетов чего являлся академик Е.В. Тарле⁵. Советский историк Б.А. Романов утверждал, что: «Николай II «под хмельком» подписал с Вильгельмом договор об оборонительном союзе, не читая его, в том виде, как средактировал его Вильгельм»⁶. А.В. Игнатъев констатирует, что «Николай II в тайне от своих министров заключил союз с Германией, рассчитывая не столько улучшить международное положение России, сколько укрепить позиции самодержавия перед лицом революции. Но его новацию постигла неудача»⁷. Этот же тезис

---

¹ DDF. 2e série. T. V. - № 467. P. 563.

² DDF. 2e série. T. V. - № 467. P. 563.

³ DDF. 2e série. T. V. - № 467. P. 563.

⁴ DDF. 2e série. T. V. - № 467. P. 563.

⁵ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. С. 145.

⁶ Романов Б.А. Указ. соч. С. 375.

⁷ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 9.

повторяет и В.К. Шацилло¹. Основой подобных взглядов служат свидетельства дипломатов и министров, формировавших царское правительство. Так, министр иностранных дел А.П. Извольский, полагал, что план германского правительства «великолепно оправдался, Россия пострадала больше, чем кто-либо мог предвидеть»². Его предшественник на этом посту - граф В.Н. Ламздорф отмечал ключевую роль в срыве «бьёркской» авантюры Вильгельма II³.

На основе этих свидетельств сложилось представление о вторичной роли Николая II и его готовности идти на поводу у германского кайзера. Подобные мнения о некомпетентности императора и «отсутствия дальновидности» в сохранении союза с Францией постепенно подвергаются пересмотру. Так, А.А. Хлезов отмечает: «Нуждается в более взвешенном анализе личная позиция Николая II и его роль в возникновении договора, как и в целом его отношение к Германии соответствующего периода. <...> Нуждается в серьёзном пересмотре столь распространённая в официальной историографии точка зрения, согласно которой абсолютная неизбежность франко-русского, а затем и франко-англо-русского союза в этот период довлела над умами представителей властной элиты Российской империи, в противовес нелогичной, неуместной, а порой чуть ли не капризной германофилии самодержца»⁴.

Император Вильгельм II и его правительство были весьма удовлетворены русскими неудачами в ходе войны с Японией. Цитируя германскую «*Namburger Fremdenblatt*»: «Весь цивилизованный мир должен единодушно радоваться, что Россия так глубоко увязла в делах Дальнего Востока и что европейские и особенно балканские дела теперь надолго избавлены от ее грубого и кичливого

---

¹ Шацилло В. Первая мировая война 1914–1918. Факты, документы. М.: ОЛМА-пресс, 2003. С. 110.

² Извольский А.П. Указ. соч. С. 45.

³ Цит. по: Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. С. 145.

⁴ Хлезов А.А. Точка невозврата или дипломатический курьез? Бьёркский договор в современной историографии // Первая мировая война и проблемы российского общества // Материалы международной научной конференции, 20-21 ноября 2014 г. СПб: Изд-во ГПА, 2014. С. 196-199. С. 197.

влияния»¹. Отступление русских из южной Манчжурии, воспринималось кайзером как однозначное поражение, с чем не был полностью согласен министр иностранных дел Бюлов². Эту же позицию продвигал император: «Россия доведёт эту войну до конца: до тех пор, пока последний японец не будет выгнан из Маньчжурии; только тогда можно будет толковать о мирных переговорах»³.

В условиях сложного международного положения России, наиболее ярко проявившегося во время Гулььского инцидента Вильгельм II увидел возможность усугубить противоречия между Россией и Францией, предложив свои услуги в качестве противовеса Британии. 14 (27) октября 1904 г. он предложил Николаю II создать «мощную комбинацию трёх наиболее сильных континентальных держав»⁴. Николай II поддержал предложение кайзера относительно возможного трехстороннего соглашения России, Германской империи и Франции, «которое одно уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство»⁵.

Вместе с тем рассуждения о «подчиненной» роли императора разбиваются о дипломатические реалии воплощения подобного предложения на практике. Согласно поправке 1901 года к союзному договору России и Франции, политика союзников предусматривала возможность совместной борьбы против Великобритании в случае агрессии последней. Согласие Франции на предложение Вильгельма, таким образом, автоматически приводило к разрыву соглашения об Антанте. Таким образом, Париж фактически провоцировался на оказание давления на Великобританию с целью предотвращения вступления последней в войну на стороне Японии под предлогом недопущения подобного союза.

---

¹ Шишов А.В. Указ. соч. С. 152.

² Романов Б.А. Указ. соч. С. 369.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II не позднее 8 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 339.

⁴ Русско-германский договор 1905 года, заключенный в Бьёрке // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 5(24). М.: Госиздат, 1924. С. 5-49.

⁵ Император Николай II — императору Вильгельму II. Не позднее 16 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 341-342.

На основании реакции В.Н. Ламздорфа можно предположить, что данный аспект позиции императора не был своевременно воспринят в МИД. Министр усматривал «постоянное стремление его (германского правительства) расстроить дружеские отношения между Россией и Францией», в связи с чем считал «совершенно несвоевременным ставить какие-либо категорические вопросы французскому правительству»¹. Ответ императора был, на первый взгляд, однозначен «<.>...за такого рода соглашения с Германией и Францией. Это избавит Европу от чрезмерного нахальства Англии и будет весьма полезно в будущем»². Фактически же согласие императора не было чем-либо подкреплено. Это не помешало кайзеру выказывать радость от достигнутого «успеха»: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Пусть будет так как ты говоришь. Будем вместе»³.

Письма кайзеру царю убеждают, что Вильгельм II действовал в согласии с влиятельными кругами США, о чем германский император несколько проговаривался⁴. Фактор США стоит учитывать в связи с опасениями Вашингтона в усилении Великобритании и Японии, способном препятствовать интересам США на Тихом океане. Не препятствуя напрямую военным действиям японцев, потенциальный российско-германский союз существенно отвлекал внимание Британии. Поэтому Вильгельм II в своём письме сообщал Николаю II: «очень важно, чтобы Америка не видела для себя угрозы в нашем соглашении. Рузвельт, как мне известно, в силу врождённой антипатии американцев ко всякой цветной расе, не питает особой склонности к Японии, хотя Англия изо всех сил старается повлиять на американцев и настроить их в пользу Японии»⁵. Вильгельм

---

¹ Русско-германский договор 1905 г. // Красный архив. С. 6.

² Там же.

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 17 (30) октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 342

⁴ Восленский М.С. Указ. соч. С. 56.

⁵ Император Вильгельм II — императору Николаю II 17 (30) октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 343.

II также убеждал Николая II в бесполезности и ненужности союза с Францией, не подкреплённого союзом с Германией¹. Кайзер призывал: «Если мы в этом вопросе окажем давление на Францию, то она, несомненно, примет сторону Англии, а это как раз нам и нежелательно»².

Исходя из призывов кайзера имеет предположить следующие цели плана: разрыв союза между Россией и Францией за счет провокации подталкивающей последнюю к поддержке англо-японского союза в рамках Антанты. Противный исход также укреплял позиции Германской империи в Европе. Эта линия была исчерпывающе охарактеризована В.Н. Ламздорфом : «Истинные цели Императора Вильгельма совершенно разрушить франко-русский союз и получить возможность окончательно скомпрометировать нас в Париже и Лондоне. Россия изолированная и неизбежно зависимая от Германии – вот его давняя мечта. Не скрываю, что стою за возможно лучшие отношения с Германией, но при условии сохранения нашего союза с Францией»³. Германские предложения состояли из трех статей, предусматривавших взаимную военную помощь в случае нападения на союзников третьих стран, оказание политического давления на Францию с целью принуждения к исполнению союзных обязательств перед Петербургом и отказ договаривающихся сторон от заключения сепаратного мира⁴.

То, что и Николаю II с самого начала хорошо были понятны истинные цели кайзера, видно из его письма тому же В.Н. Ламздорфу 20 октября (2 ноября) 1904 г.: «Только сегодня получил письмо с проектом «Соглашения» от Императора Вильгельма. Читая его, я рассмеялся. Содержание трёх единственных статей более всего касается Франции. Срок договора – длительность нашей войны с Японией. <...> Ввиду этого прошу вас, граф, приехать ко мне в пятницу, в 12

---

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 17 (30) октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 344.

² Там же.

³ Русско-германский договор 1905 г. // Красный Архив. С. 30.

⁴ Проект договора 17 (30) октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 345.

часов. Нужно обсудить это дело всесторонне и составить желательный для нас контрпроект. При этом, как всегда, необходимо соблюсти свои интересы и пощадить авторское самолюбие другой стороны. Николай»¹.

Таким образом, позиция императора свидетельствует о том, что он не стремился ввергать Россию в состоянии войны во внешнеполитическую авантюру, грозившую разрывом союза с Францией с заменой его на союз с Берлином, грозивший большими уступками ей на Ближнем Востоке. По распоряжению царя В.Н. Ламздорф внёс значительные коррективы в проект договора. В первую статью германских предложений было внесено следующее дополнение: «Его Величество Император Всероссийский предпримет необходимые шаги для того, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться в качестве союзницы»². На основании этой поправки французское правительство было тайно осведомлено о ходе переговоров с Германией, обоснованных политикой англо-японского союза³. Император также выступил с предложением: «показать французам черновик договора», испросив «согласия ознакомить правительство Франции с этим проектом»⁴, вызвавшее резкий протест кайзера. Тот в бешенстве писал своему канцлеру: «Дорогой Бюлов, при сем посылаю Вам только что полученную от Царя шифрованную телеграмму. <...> Его Величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этого договора с нами не желает заключить без их разрешения, а значит, не желает его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал прежде, чем мы получим подпись «царя-батюшки». Ибо если до подписания текст договора сообщить Делькассе, то он даст телеграмму Камбону, и в тот же день её напечатают “Times” и «Figaro», а тогда делу конец. Первое неудача, которую я

---

¹ Русско-германский договор 1905 г. // Красный Архив. С. 12-13.

² Русско-германский договор 1905 г. // Красный архив. С. 13.

³ Там же. С. 13.

⁴ Телеграмма Императора Николая II императору Вильгельму II // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 354.

лично испытываю!»¹. Стремясь отговорить русского самодержца от подобного предложения, кайзер настаивал: «Было бы, несомненно, опасно уведомлять Францию, прежде чем мы с Тобой не подпишем договора; последствия этого были бы диаметрально противоположны нашим желаниям. Лишь несомненная и определённая уверенность в том, что мы с Тобой связаны договором о взаимной помощи, заставит Францию оказать давление на Англию в том смысле, чтобы последняя оставалась спокойной и не нарушала мира из-за боязни поставить Францию в опасное положение. Между тем, если Франция узнает, что русско-германский договор только в проекте, но ещё не подписан, она тотчас предупредит своего друга (если не тайного союзника) Англию, с которой её связывает “Entente Cordiale”, и осведомит её немедленно»². «Результатом такой информации, будет, без сомнения, моментальное нападение двух союзных держав, Англии и Японии, на Германию в Европе, равно как и в Азии. Громадное превосходство их морских сил скоро бы покончило бы с моим небольшим флотом, и Германия на время осталась бы калеккой. Это нарушило бы мировое равновесие в ущерб нам с Тобой, и позднее, когда Ты начнёшь переговоры о мире, оставило бы Тебя один на один с нежным попечением Японии и её торжествующих подавляюще могучих друзей»³ - пытался убедить своего кузена Вильгельм. Вместе с тем последствия позволяют предположить, что именно на подобный исход и была рассчитана политика императора.

Весть о назревавшем союзе Вильгельма и Николая вызвала серьезное беспокойство во французских правящих кругах. 13 (26) октября 1904 г. французский военный атташе в Петербурге генерал Мулен сообщал: «В момент, когда Россия находится в плохой ситуации, император Вильгельм всячески усиливает свои к ней любезности. <...> Император Германии пошел на штурм

---

¹ Die Große Politik. Bd. XIX. T.1. № 6126.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II 13/26 ноября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 355.

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II 13 (26) ноября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 355.

русско-французского союза и, кажется, поставил целью расшатать его основания, под предлогом событий на Дальнем Востоке»¹. Мулен подчеркивал, что в России усилились антифранцузские настроения, и что правительству республики только «остается уповать на взаимные обязательства России и Франции и на данном императорском слове Николая II, чтобы не быть поколебленным этой яростной кампанией предпринимаемым упрямым Вильгельмом II»².

В случае присоединения к русско-германскому договору, Франция была бы вынуждена фактически отказаться от положения «великой державы». Прямое противодействие германской инициативе с целью сохранения статус-кво с Россией напрямую провоцировало сближение Петербурга и Берлина на условиях Вильгельма II, ослаблявшее позиции Франции в Европе. Поэтому французские правящие круги сразу начали оказывать ощутимое давление на английское правительство³. Это способствовало снижению антиросийской истерии в британской прессе и официальному согласию Британии перевести разбирательства в рамках Гульевского инцидента в формат международной конференции в Париже.⁴ Благодаря этой позиции Лондон также отказался от всяких попыток воспрепятствовать маневрам русской тихоокеанской эскадры⁵. В рамках переговоров же с Вильгельмом о союзе была закреплена лишь личная договоренность их властителей о продолжении германской стороной обеспечения углём русского флота⁶. Примечательно, что после известий об изменении позиции Англии, германская сторона прекратила переговоры о «союзе» с Россией.

Перспективы принятия Россией германского предложения можно отчетливо проследить на примере Марокканского кризиса, разразившегося из-за территориальных претензий Берлина и Парижа на обладание этой

---

¹ DDF. 2e série. T. V. - № 394. P. 472.

² Ibid..

³ Ibid. P. 475-476.

⁴ Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 102.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Проект договора 17 (30) октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 346.

североафриканской страной. Вильгельм II прибыл в марокканский город Танжер 18 (31) марта 1905 г., потребовав отказа Франции от прав на Марокко, угрожая в случае отказа применить военную силу¹. Несмотря на уверенность министра иностранных дел Т. Делькассе в блефе Германии², выступление кайзера спровоцировало трения между французскими политиками, закончившиеся отставкой Делькассе по требованию Берлина³. Принятию германских предложений способствовала позиция председателя совета министров республики М. Рувье, полагавшего, что «нельзя подвергать страну такому риску, когда Россия поглощена войной в Маньчжурии и вполне может отказаться от своих обязательств по союзному договору?»⁴. Французское правительство стремилось договориться с Берлином⁵, предлагая свободный допуск на свои рынки германских товаров и разделение марроканской территории на сферы влияния⁶. В данном случае вполне уместно провести параллели между предложениями Германии относительно Марокко и ранними инициативами о союзном договоре с Россией.

Тем временем, ситуация на фронте складывалась не в пользу русской армии. 23 декабря 1904 г. (5 января 1905 г.) пал Порт-Артур, что позволило японскому командованию начать переброску высвободившихся войск в Маньчжурию. Главнокомандующий японскими сухопутными частями в Маньчжурии маршал И. Ояма планировал осуществить оперативное окружение русской армии под Мукденом. Ценой огромных потерь войскам Ояма удалось прорвать русскую оборону и войти в Мукден, угрожая захватить оперативно важный участок КВЖД. А.Н. Куропаткин осуществил отступление на заранее подготовленные позиции под Сыпингаем, 175 км севернее Мукдена, сохранив боеспособную армию.

---

¹ История дипломатии / Потемкин В.П. ред. Т. 2. С. 568.

² Zorgbibe (C.). Delcassé. L'inconnu du Quai d'Orsay. Paris: Olbia Eds, 2001. P. 108.

³ DDF. 2e série. T. VII. - № 15. P. 14.

⁴ Renouvin (P.). Op. cit. P. 71-72/

⁵ AN. Fonds Loubet. AP 473/7/.

⁶ Hammann (O.). Zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Berlin: Hobbing, 1919. S. 214.

На фоне этих событий Вильгельм II не уставал демонстрировать свои дружеские чувства к царю и России. Сразу же после падения Порт-Артура, кайзер направил Николаю II телеграмму, в которой заверял: «русское горе — немецкое горе»¹. Летом 1905 г. кайзер решил, что наступил момент, когда можно вернуться к проекту русско-германского договора. 5 (18) июля Вильгельм II, возвращаясь морем отправил императору предложение увидеться «на берегу или на Вашей яхте». Вильгельм II подчеркивал, что эта встреча будет носить частный характер и он пребудет на нее «как простой турист без каких-либо торжественных встреч»². Николай II сразу же ответил императору Вильгельму: «Очень рад Вашему предложению. Как бы Вы отнеслись к встрече в Биоркезунд, недалеко от Выборга, на борту наших яхт? В это серьезное время, я не могу находиться далеко от столицы. Конечно, наша встреча будет сугубо личной и пройдет в домашней обстановке. С нетерпением ожидаю столь приятной встречи с Вами»³. 8 (21) июля 1905 г. царь писал В.Н. Ламздорфу: «Считая свидание с Императором очень полезным и важным, в переживаемое время, я с удовольствием согласился, предложив ему прийти в Биоркезунд недалеко от Выборга. Наша встреча состоится в воскресенье под вечер и продлится, вероятно, полтора дня. Вам сопровождать меня не нужно, так как Бюлов не находится в плавании с Императором»⁴. Свидание двух императоров состоялось 10 (23) — 11(24) июля 1905 г. в финских шхерах около острова Бьёрке. Вильгельм II предложил Николаю II вернуться к проекту договора 1904 г. Его подписание теперь значительно упрощалось на фоне успешного разрешения Марроканского кризиса, показавшего готовность французского правительства к уступкам. Проект договора был полностью аналогичен составленному ранее. Как

---

¹ Ibid. P. 24.

² Das Telegramm des Kaisers an den Zaren. 18 juli 1905 // Die Große Politik. Bd. XIX. № 6202. S. 435.

³ Der Reichskanzler Fürst von Bülow, z. Z. in Norderney, an das Auswärtige Amt. // Die Große Politik. Bd. XIX. № 6202. S. 435.

⁴ Император Николай II — графу В.Н. Ламздорфу 8 июня 1905 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 112.

вспоминал А.П. Извольский: «Мне рассказывал сам царь, что договор был подписан за несколько минут до отъезда императора Вильгельма, после завтрака, который состоялся на борту «Гогенцоллерна»»¹. Подобная обстановка вкупе с обстоятельствами встречи дали повод для спекуляций о «хмельном» состоянии императора. Как писал А.П. Извольский, то было «вульгарное утверждение, которое легко могло бы быть устранено, если бы кто-нибудь из них имел случай, как это бывало со мной, часто присутствовать на подобных завтраках»². Серьезность момента подчеркивалась требованием Вильгельма о контассигнации договора. При этом русский представитель не мог видеть текст договора, закрытый императором. 11 (24) июля 1905 г. император Николай II занёс в дневник: «Вернулся домой под самым лучшим впечатлением проведенных с Вильгельмом часов!»³.

В связи с подобными действиями императора возникает вопрос о причинах подобного политического поведения? Устоявшаяся трактовка полагает, что Николай II пошел на поводу родственных чувств. Западные историки сосредотачиваются на факте прямых противоречий этого шага с интересами Франции⁴. Для понимания произошедшего Бьерке имеет смысл комплексное рассмотрение политической ситуации, в которой оказался русский император к лету 1905 г.

В январе 1905 г. в стране вспыхнула революция, массовые народные выступления, сопровождавшиеся террором⁵ переросли во всеобщую забастовку, полностью парализовавшую управление империей и снабжение армии. Николай II оценивал собственное положение так: «Мы находимся, — писал он, — в полной революции при дезорганизации всего управления страной — в этом

---

¹ Извольский А.П. Указ. соч. С. 43.

² Извольский А.П. Указ. соч. С. 43.

³ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 1. С. 45.

⁴ См., например: Renouvin (P.). Op. cit. P. 152, 153.

⁵ Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М.: Крон-пресс, 1997. С. 10-11.

главная опасность»¹. 14 (27) мая 1905 г. в Цусимском проливе произошло решающее морское сражение между эскадрами адмиралов З.П. Рожественского и Х. Того. Русские потерпели тяжелое поражение². Отставка Т. Делькассе поставила под вопрос русско-французский союз, что фактически, наряду с поражением при Цусиме ввергало Россию в международную изоляцию на фоне развернувшихся революционных событий.

Революционные волнения распространялись войсках, поднявших мятежи броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» и крейсере «Очаков», Сибирской и Забайкальской железных дорогах. Все более популярными становились требования к прекращению войны и ограничению самодержавия парламентскими институтами. Однако революция создала дополнительную нагрузку на финансы империи, что потребовало дополнительных займов на военные нужды в дополнение к заключенному ранее контракту с французскими банками на сумму 800 млн. франков (300 млн. рублей)³. Запрос Петербурга о предоставлении дополнительного займа натолкнулся на категоричный отказ⁴. Вместе с тем, незадолго до встречи в Бьерке император получил сведения о готовности Британии и Франции выделить средства России после окончания войны, подавления революции и смены внешнеполитической позиции России на более дружественную⁵. Б.А. Романов давал следующую характеристику описываемым событиям в 1940-х гг., что вокруг Николая II «замыкалось кольцо, за которое не было хода»⁶.

В данных условиях скорейшее завершение войны становилось не сколько решающим фактором внешнеполитической, сколько внутривнутриполитической ситуации. Опираясь на очевидное стремление Франции, Германии и США

---

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне 19 октября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 15.

² История русско-японской войны / Ростунов И.И., ред. С. 346, 347.

³ АВПРИ. Фонд Секретный архив, 1904 г. Д. 224/225. Л. 60.

⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С. 366.

⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С. 366.

⁶ Там же.

остановить войну с Японией для достижения собственных интересов, Николай должен был добиться переговоров, одновременно нейтрализовав возможность вступления в войну Британии. Реакция Франции на Марроканский кризис вкупе с ранним поведением не позволяла надежно опереться на Париж, как на единственного союзника в вопросе прекращения войны. Фактически император кардинально менял вектор германской провокации, ставя дипломатическую поддержку кайзера в вопросе давления на Японию, как условие осуществления предложений кайзера. Этой цели была призвана служить поправка к последней статье договора, внесенная по настоянию русской стороны и гласившая: «настоящий договор войдет в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией»¹.

Фактически этот шаг вынуждал Германию оказать давление на Японию с целью скорейшего вступления договора в силу. Опираясь на предложения Вильгельма, император также фактически вовлекал в процесс принуждения Японии к миру президента Т. Рузвельта, который, по словам Вильгельма II, один может повлиять на японцев и «побудить их быть благоразумными в своих требованиях»² и чьих посреднических услуг кайзер предполагал своевременно добиться, «потому что мы с ним большие приятели»³. Идея Т. Рузвельта сводилась к простой формуле: «Надо будет радоваться, если результат войны сведётся к тому, что русские и японцы останутся лицом к лицу, уравновешивая друг друга, те и другие — ослабленные»⁴. Такая позиция вполне устраивала Германию, стремившуюся обезопасить свои территориальные приобретения в Китае при участии США.⁵ Эта же позиция обуславливала стремление Вашингтона и Берлина противодействовать усилению Японии за счет оккупации

---

¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 335.

² Уткин А.И. Теодор Рузвельт. Политический портрет. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. С. 129.

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II 13 июня 1905 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 379.

⁴ DDF. 3e série. P. 38.

⁵ Die Große Politik. Bd. XIX. - № 6285

русского Дальнего Востока. Как отмечал Т. Рузвельт: «Победа сделает Японию саму по себе гигантской силой на Востоке, потому что другие заинтересованные нации имеют разнообразные интересы, множество забот, двойные ноши, в то время как у Японии будет одна забота, один интерес, одно бремя»¹. В июне 1905 г. Т. Рузвельт высказался по поводу Японии ещё более откровенно: «...если японцы выиграют войну, это, возможно, будет означать борьбу между ними и нами в будущем»². Кроме того, американцам было желательно сохранять в Китае и в Маньчжурии зону нестабильности, что позволяло США более активно вмешиваться в дела региона. Исходя из этих соображений Т. Рузвельт «предостерег английское правительство, что оно сделает ошибку, если поддержит изгнание России из Восточной Сибири, где она должна стремиться сохранить пограничное трение с Японией»³.

С.Ю. Витте справедливо писал относительно германской позиции, что до свидания в Бьёрке в интересах императора Вильгельма «было ещё более обессилить Россию, а раз были Биорки, его интерес также заключался в том, чтобы в Портсмуте дело кончилось миром. Не мог же он тогда думать, что Биорки потом провалятся»⁴.

Было понятно, что вместо прежнего союза с Россией французам предлагался новый союз с Германией. Для Парижа запросы царя о союзе с немцами стали сигналом к прекращению политики уступок Берлину и к возобновлению активного союза с Россией. В своем ответе В.Н. Ламздорфу М. Рувье заявил: «Союз с Германией невозможен, нация не вынесет сближения с Германией, правительство обязано считаться с чувствами нации»⁵, Франции вполне достаточно союза с Россией⁶.

---

¹ Уткин А.И. Теодор Рузвельт. С. 128.

² Там же. С. 165.

³ Романов Б.А. Указ. соч. С. 385.

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 439.

⁵ Renouvin (P.). Op. cit. P. 75

⁶ AN, AP 473/7 Fonds Loubet, Alliance Franco-Russe, Guerre russo-japonaise.

Таким образом, известие о свидании в Бьёрке и подписанном договоре между Николаем II и кайзером резко изменило международную обстановку в пользу России за счет возобновления союза с Францией и создания предпосылок для сближения с Великобританией против Германии и Японии. Результаты встречи позволили напрямую вовлечь в процесс принуждения Японии к миру США, оказывавшие Токио поддержку на начальных этапах войны.

Франция известила Россию об отказе присоединиться к союзу с Германией уже после заключения Портсмутского мира, но до его ратификации, которая должна была автоматически произойти сразу же после прекращения войны между Россией и Японией. Как писал С.Ю. Витте, Вильгельм II «уже не сомневался, что его дело в шляпе — война ослабила Россию и ему развязала руки с Востока, теперь же Портсмут и Биорки послужат ему к успокоению, а возможно и к возвеличиванию Германии при помощи России с Запада. И всё это без пролития капли крови и затраты хотя бы одного германского пфеннига. Но человек полагает, а Бог располагает»¹. Своевременно озвученная позиция Франции позволила Николаю отказаться от исполнения обязательств по договору с кайзером, на основе того, что «Бьёркский договор не должен быть проводим в жизнь до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему отнесётся Франция»². Николай II был готов подписать договор с Германией, но с оговоркой, что ст. 1-я договора о военной взаимопомощи между двумя странами не будет выполняться Россией в отношении Франции в случае войны её с Германией³, что не устраивало Берлин, остававшийся в таком случае без русской поддержки. Несмотря на категоричную позицию Вильгельма, настаивавшего на соблюдении договора, заключенный «союз» оказался тактически сыгран в пользу России, добившейся своей цели.

Портсмутский мир. Несмотря на разгром русского флота в сражении при Цусиме, Япония не смогла развивать успехи в боях на континенте. Тяжелые

---

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 465.

² Император Николай II — императору Вильгельму II. Без даты // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 400

³ Русско-германский договор 1905 г. // Красный архив. С. 46.

потери в боях под Мукденом не способствовали выполнению оперативной задачи японской армии по окружению и уничтожению русских сил. Как признавал маршал И. Ояма, японская армия физически и психологически «надорвалась» и уже не в силах была вести наступательные операции¹. Несмотря на закрепление японцев в Корее и Южной Маньчжурии, оставшаяся часть региона все ещё оставалась за русской армией. Положение последней стало улучшаться на фоне смены командования с генерала А.Н. Куропаткина² на генерала от инфантерии Н.П. Линевича³. На фоне действий нового командующего по подготовке второй линии укреплений⁴, становилось все более очевидным логистическое превосходство русских войск, опиравшееся на расширившуюся после реконструкции пропускную способность Транссибирской магистрали пропускная способность заметно увеличилась. За счет оперативной сухопутной переброски войск русское командование к лету 1905 г. могло сосредоточить в регионе силы насчитывавшие приблизительно 500 тыс. человек против 385 тысячной японской армии⁵. Опираясь на это, Россия готовилась к перелому в войне и вытеснению Японии из Манчжурии. Один из германских наблюдателей при русской армии, генерал Кремер писал, что японская победа «вполне бесплодная, отрицательная». Япония не в состоянии «выигрывать много таких побед, а Россия может перенести ещё несколько таких поражений»⁶. Японское руководство, сознавая тяжесть положения, тайно обратилось к правительству Рузвельта с просьбой о посредничестве в заключении мира с Россией спустя два дня после победой под Цусимой.⁷ Приведем мнение историка И.И. Ростунова:

---

¹ Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вопросы истории, 2007. № 4. С. 3-15. С. 8.

² Дневники императора Николая II. Т.1. Ч. 1. С. 23.

³ Император Николай II — генералам А.Н. Куропаткину и Н.П. Линевичу 22 мая 1904 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522.

⁴ Мезенцев Е., Головатенко А.А. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (конец XIX - начало XX века). Учебное пособие (пакет-комплект документов). М.: АО «Бюро Денди», 1993. С. 42, 45.

⁵ Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904-1905 гг. С. 12.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ История русско-японской войны 1904 - 1905 гг. / Ростунов И.И. ред. М.: Наука, 1977. С. 364.

«Япония попала в почти безвыходное положение. Дальнейшее продолжение войны оказывалось невозможным. Оставалось одно — искать путь к заключению мира с Россией»¹.

Однако эти настроения и политические шаги Токио оставались неизвестными для российской общественности и политических кругов. Поражение при Цусиме подталкивало императора к работе по прекращению войны с Японией. На фоне случившегося император запрашивал военных: «обеспечена ли оборона Владивостока, Сахалина и всего нашего побережья при имеющихся средствах»². При встрече с В.Н. Коковцовым Николай II сказал, что «не видит теперь надежды на скорую победу и думает только о том, что нужно тянуть войну, доводить японцев до истощения и заставить их просить почётно для нас мира»³. На всеподданнейшей записке графа В.Н. Ламздорфа о возможности заключения мира, Николай II написал: «Я готов кончить миром не мною начатую войну, если только предложенные условия будут отвечать достоинству России. Я не считаю нас побеждёнными, наши войска целы, и я верю в них»⁴. Достижение мира виделось возможным на основе уступок по вопросу японского влияния в Корее⁵. Вместе с тем, военное превосходство России сдерживалось событиями революции 1905 г. и финансовых обязательств перед западными странами, ослаблявшими позиции правительства уже внутри страны. Несмотря на это императорское правительство по-прежнему считало, что скорейшее заключение мира является преждевременным решением. На петиции Оренбургского духовенства Николай II написал: «Русские люди могут положиться на меня. Я никогда не заключу позорного или недостойного великой России мира»⁶. Эта же позиция проявилась в ходе Особого совещания 24 мая (6

---

¹ Там же.

² Император Николай II — генералу Н.П. Линевичу // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 37.

³ Коковцов В.Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. В 2 т. Париж: Издание Иллюстрированная Россия, 1933. Т. 1. С. 69.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Летопись войны с Японией. № 69. С. 1370.

июня) 1905 г. против которой высказались только великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович¹. Издержки подобного курса оценивались великим князем Николаем Николаевичем в 1 млрд. рублей и 200 тыс. убитыми и ранеными при условии победоносного ведения боевых действий в Манчжурии в течение года.²

Дискуссия о продолжении войны, шла на фоне революции и наметившегося серьёзного раскола русского общества. Д.И. Менделеев писал: «Всё, что известно об Японии, показывает, что ей долго терпеть жестокую войну не по силам. Бояться нам нужно только рановременного окончания войны, вмешательства посредников и своего благодушия, которое может спешливо пойти на мир, если нас о нём попросят»³. Однако общество было охвачено и совсем иными настроениями. Как отмечал С.С. Ольденбург: «если адмирал Ф.В. Дубасов возмущался мыслью о том, что Россия может кончить войну на Мукдене и Цусиме, то широкие круги русского общества именно этого и желали. Даже те, кто не радовался поражениям, считали, что из них следует «извлечь пользу» для освободительного движения. Требования прекращения войны стали открыто раздаваться везде; и все, кто пытались протестовать против мира, подвергались озлобленным нападкам или осмеянию»⁴.

22 мая (4 июня) Вильгельм II передал президенту Т. Рузвельту, что он «признает положение России настолько серьёзным, что <...> жизнь царя окажется в опасности»⁵. Вне зависимости от «озабоченности» германского императора в вопросе убеждения России о начале мирных переговоров США и Германия действовали вместе. 24 мая (4 июня) Т. Рузвельт поручил американскому послу в Петербурге Дж. Мейеру добиться аудиенции у Николая II, в ходе которой посланник убеждал императора в необходимости начала

---

¹ Конец русско-японской войны // Красный Архив. Исторический журнал. М; Л: Госиздат, 1928. Т. 3(28). С. 200.

² Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904-1905 гг. С. 11.

³ Менделеев Д.И. Указ. соч. С. 204.

⁴ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 201.

⁵ Die Große Politik. Bd. XIX. Т. II. S. 425.

переговоров. Условия российской стороны, выраженные царем, заключались в отсутствии посредников и предварительном предъявлении японских требований¹. При этом в России не знали о потенциальном экономическом коллапсе в Японии, принимая в расчёт громогласные требования Токио о контрибуции. О секретной просьбе японцев об американском посредничестве не было известно и в Британии. Так на запрос правительства Рузвельта от 22 мая (4 июня), о позиции Лондона по поводу возможных переговоров был дан следующий ответ: «правительство Его Величества ещё не получило никакого указания относительно условий мира, каких Япония будет ожидать теперь»². 27 мая (9 июня) 1905 г. Эдуард VII заявил: «Россия, возможно, будет ещё раз побита, и японцы, вероятно, возьмут Владивосток... Контрибуция Японии причитается, как победителю, по обычаю»³. Т. Рузвельт передал кайзеру для передачи русской стороне: «царь должен отчётливо понять, что эта война проиграна, мир должен быть подписан с ясным осознанием того, что японцы — победители»⁴.

Русскую делегацию в Портсмуте, после отказа А.И.Нелидова и Н.В. Муравьева⁵ возглавил С.Ю.Витте⁶. По мнению И.В. Лукоянова: «На дипломатическом языке такое назначение говорило, что Россия действительно намеревается завершить войну: бывший министр финансов имел репутацию сторонника мира и рассматривался как самый удобный кандидат на участие в мирной конференции»⁷. Сам же Николай II, назначив Витте главой делегации, заявил, что «он желает искренно, чтобы переговоры пришли к мирному решению, но только он не может допустить ни хотя бы одной копейки контрибуции, ни уступки одной пяди земли»⁸.

---

¹ Уткин А. Теодор Рузвельт. С. 166.

² Dennett (T.) Roosevelt and the Russo-Japanese War. - New York: Doubleday, Page & company 1925. P. 210-211.

³ Романов Б.А. Указ. соч. С. 379.

⁴ Уткин А. Теодор Рузвельт. С. 170.

⁵ Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории, 2007. № 2. С. 16-33. С. 20.

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 395.

⁷ Лукоянов И.В. Портсмутский мир. С. 19.

⁸ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 395.

В ходе поездки в США русская делегация посетила Францию, запросив союзную страну о выделении денежных средств на урегулирование возможных последствий переговоров, в чем получила отказ.¹ Реакция французской общественности на приезд Витте различалась от равнодушия до злорадства². Это не помешало Витте последовательно озвучивать в Париже готовность России к уступкам в Корее и Манчжурии при отказе от контрибуции, что оперативно доводилось до сведения Японии³. Начало переговоров было намечено на 28 июля (10 августа) 1905 г.

Предъявленные в начале конференции требования Токио основывались на признании Корейского полуострова в качестве японской сферы влияния, передачи Маньчжурии под суверенитет Китая, уступке прав на аренду Ляодунского полуострова, компенсации военных затрат Японии и предоставлении японскому военному и торговому флоту свободы мореплавания в северных морях Тихого океана.⁴

Как верно пишет академик А.Н. Сахаров: «ход переговоров убедительно показал, что Портсмутский мир вырос на почве общей заинтересованности непобедившей Японии и непроигравшей войну России»⁵. Эта логика подтверждалась фактическими планами сторон на переговоры. В то время как японской делегации было втайне поставлена задача достижения мира любыми способами, посланники Николая II действовали открыто⁶. Уже на первых этапах переговоров император отверг требования о полной передаче Сахалина, прав на КВЖД, выплату контрибуции и сокращения флота, написав на полях японского проекта: «Конечно, эти условия неприемлемы, те, которые мною отчёркнуты»⁷. При этом требования японской стороны о суверенитете Манчжурии и передаче

---

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 404.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 324.

³ Лукоянов И.В. Портсмутский мир. С. 21.

⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С. 461.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же.

⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С. 461.

прав на Ляодунский полуостров не встретили у него возражений. Однако японская делегация продолжала настаивать на своем, что существенно застопорило переговоры.

С целью сдвинуть дело с мертвой точки Т.Рузвельт обратился к русскому императору просьбой о посредничестве через германского императора. Помимо передачи этой просьбы, кайзер выступил с предложением о передаче вопроса условий мира на обсуждение в только что созванную по итогам революции 1905 г. Государственную думу¹. Ответ императора Николая II был твёрдым: «Всякий порядочный русский согласен продолжать войну до конца, если Япония будет настаивать на двух пунктах: ни пяди нашей территории, ни одного рубля вознаграждения за военные расходы. А именно в этом Япония не желает уступить. Меня же никто не заставит согласиться на эти два требования. Поэтому нет надежды на мир в настоящее время. Ты знаешь, как я ненавижу кровопролитие, но всё же оно более приемлемо, нежели позорный мир, когда вера в себя, в своё Отечество была бы окончательно разбита»².

Схожий ответ давался на американские предложения: «Россия — не побеждённая нация, она не находится в положении Франции 1870 года. Если понадобится, я сам отправлюсь на фронт»³. При этом император выказывал готовность передачи Японии Южного Сахалина на условиях отказа Токио от контрибуции⁴. Подобное предложение император обосновывал следующим образом: «на том основании, что она принадлежит России только 30 лет*, а потому на нее можно смотреть как на Порт-Артур, а не как на исконную русскую территорию»⁵.

---

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II 7 июля (20) августа 1905 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 385-386.

² Император Николай II — императору Вильгельму II // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 387.

³ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 210.

⁴ Там же.

* Остров Сахалин был передан России Японией в 1875 г. в обмен на все Курильские острова.

⁵ Цит. по Лукоянов И.В. Портсмутский мир. С. 16–33.

Несмотря на увещевания американцев, подкрепленных советами Витте, Николай II не изменял своей позиции. Как писал С.С. Ольденбург: «Государь верил в Россию, и он готов был продолжать войну; в этом была его сила. Он не считал, что Россия побеждена, и, соглашаясь на мирные переговоры, всегда имел в виду возможность их разрыва»¹. В конце июля были сформулированы новые указания царя русской делегации в Портсмуте : «Необходимо окончить происходящие переговоры, ясно и категорически объяснив Президенту, что Россия далее того, что я сказал, г. Мейеру не пойдёт. <...> Передайте всё изложенное статс-секретарю Витте с тем, чтобы он заявил наш ответ завтра японским делегатам. Рузвельту тоже заготовить ответ в этом смысле»². Вскоре они были дополнены: «Пошлите Витте мое приказание завтра во всяком случае окончить переговоры. Я предпочитаю продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии»³. Данная резолюция существенно разнилась с предположениями Витте, высказанными в прессе относительно возможного хода переговоров. В отличие от императора, глава русской делегации рассматривал возможность выплаты 200-300 млн. долларов за возвращение Северного Сахалина⁴, что пришлось спешно опровергать.

Представленные русской стороной условия мира не учитывали готовности Японии к значительным территориальным уступкам. На основе предложений императора было заявлено о готовности уступки Японии Южного Сахалина и согласии с требованиями Токио по Корее и Манчжурии на условиях отказа от любых компенсаций, демилитаризации острова и свободы мореплавания в проливе Соя (совр. пролив Лаперуза)⁵. Заканчивая зачитывать русские условия, С.Ю. Витте заключил: «Российские уполномоченные имеют честь заявить, по приказу своего Августейшего Повелителя, что это — последняя уступка, на

---

¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 219

² Император Николай II — графу В.Н. Ламздорфу 12 августа 1905 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 117-117а.

³ Лукоянов И.В. Портсмутский мир. С. 16–33.

⁴ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 211.

⁵ Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904-1905 гг. С. 13.

которую Россия готова пойти с единственной целью прийти к соглашению»¹. Мирная программа Николая II была принята без колебаний. Как пишет С.С. Ольденбург: «Присутствующие, — и в том числе сам Витте, — были ошеломлены. Никто не ожидал, что японцы откажутся от контрибуции и согласятся безвозмездно вернуть половину захваченного ими острова! <...> Внезапное решение японской делегации только показало, насколько Государь более правильно оценивал шансы сторон»². 16 (29) августа С.Ю. Витте направил Николаю II телеграмму: «Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что Япония приняла Ваши требования относительно мирных условий и, таким образом, мир будет восстановлен, благодаря мудрым и твердым решениям Вашим и в точности согласно предначертаниям Вашего Величества. Россия останется на Дальнем Востоке великой державой, каковою она была до днесь и останется во веки»³. По итогам переговоров также было принято решение о вступлении в силу режима прекращения огня одновременно с мирным договором 23 августа 1905 г. С учетом этого император направил в войска следующие указания: «В виду того, что перемирие будет заключено одновременно с подписанием мирного договора, нахожу продолжение активных действий наших передовых частей правильным. Повторяю, будьте готовы на всё»⁴. Вместе с тем, Портсмутский договор фактически был заключен на условиях русской стороны⁵.

Несмотря на территориальные приобретения на Ляодунском полуострове и Сахалине, достижение мира далось Японии дорогой ценой. Потери страны в войне составили 270 тыс. чел.⁶, в четыре раза возрос государственный долг, что

---

¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 211.

² Там же. С. 213.

³ Всеподданнейшая телеграмма статс-секретаря Витте 16 августа 1905 г. // Летопись войны с Японией. № 73. С. 1444.

⁴ Император Николай II — генералу Н.П. Линевичу 21 августа 1905 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 46.

⁵ История русско-японской войны 1904 - 1905 гг. / Ростунов И.И. ред. С. 359.

⁶ Там же. С. 365.

обрушило стабильность йены. В стране был объявлен траур, среди офицеров участились случаи ритуальных суицидов.

В.Н. Коковцов писал, что «соглашение это состоялось главным образом потому, что Государь проявил величайшую настойчивость»¹. По мнению И.В. Лукоянова «относительно почетными условиями Портсмутского мира Николай II был обязан, прежде всего, себе, проявленной им незаурядной твердости духа, которая позволила ему не поддаться на уговоры и угрозы ни Витте, ни Рузвельта, ни Вильгельма II»². Таким образом, оценивать дипломатическую деятельность Витте целесообразно с учетом полного выполнения им предписаний и указаний русского императора. О позитивной оценке его работы самим Николаем свидетельствует телеграмма с приветствием «с возвращением из Вашингтона, после блестяще выполнения воли моего поручения первостепенной важности»³ и возведение Витте в графское достоинство⁴. 18 (31) августа 1905 г. было объявлено об окончании русско-японской войны⁵. Несмотря на завершение противоборства на условиях России потери страны погибшими и умершими от ран составили около 270 тыс. военнослужащих.⁶

Подводя **итог** всему вышеприведенному, можно сделать следующие **выводы**:

1. На протяжении всей русско-японская война Россия была вынуждена иметь дело с целенаправленным противодействием Японии, США и Великобритании, стремившихся воспрепятствовать продвижению России на Восток и ослабить ее как экономического конкурента.
2. Несмотря на то, что японские вооруженные силы не смогли достичь цели разгрома русской армии, позиции России значительно ослабли на фоне

---

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 79.

² Лукоянов И.В. Портсмутский мир. С. 16–33.

³ Император Николай II — С.Ю. Витте // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 76.

⁴ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне. 29 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 5.

⁵ Высочайший манифест об окончании войны с Японией // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 77.

⁶ История русско-японской войны 1904 - 1905 гг. / Ростунов И.И. ред. С. 365.

британо-французского сближения, апогеем которого стало подписание «Сердечного согласия» 8 апреля 1904 г. На фоне поддержки западных стран, которой пользовалась Япония, Россия вела войну фактически в условиях отсутствия союзников.

3. Совокупность имеющихся источников дает возможность предполагать, что участие в переговорах о возможном подписании союза с Германией в 1904-1905 гг., Николай II стремился внести разлад в ряды союзников Японии с целями недопущения их расширения, вступления в войну и оказания ими воздействия на Токио для заключения мира. Подписание царем Бьоркского мира 1905 г. позволило России добиться от Германии и США активного давления на Японию с целью заставить ее пойти на мирные переговоры с Россией.
4. Заключение мирного договора в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г. стало убедительным успехом российской дипломатии, сумевшей минимизировать японские требования и фактически закончить войну с Японией почетным миром на выгодных России условиях.

Глава 4. Борьба России за внеблоковый статус в 1907—1914 гг. (третий этап)

§ 1. Изменения российской внешней политики в условиях неудачи в Русско-японской войне

Альхесирасская конференция и вопрос о международном займе России. Результатом неудачного противостояния с Японией, к которому прибавились события Первой русской революции, продемонстрировавшие глубокий кризис власти и общества, стало утрата Российской империей международных позиций. Если до 1906 г. Россия могла активно вести внешнюю политику одновременно в Европе, Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке, то после вышеназванных военных и социальных потрясений, потребовавших, помимо прочее больших финансовых и экономических затрат, то теперь круг внешнеполитических возможностей Петербурга резко сузился. По оценке МИД, к 1906 г. безопасность России оказалась под угрозой «на всём протяжении её восточных границ...»¹. До 1906 г. Петербург в качестве приоритетной линии считал реализацию своей Азиатской программы при сохранении положения одной из ведущих держав на западном направлении. Теперь же, ему пришлось отказаться от восточного направления как приоритетного и сфокусироваться главным образом на западном. Положение стабильности и дееспособности самодержавного строя находилось под угрозой. Необходимость политических реформ дополнялась необходимостью срочно решать финансовую проблему, ставшей непосредственной угрозой государству на равне с революцией. Финансовый кризис приваел к сокращению притока иностранного капитала в государственные облигации и ценные бумаги промышленных предприятий. Одним из первых участников экономики, который пострадал от этого, стал банковский сектор. Страх российских деловых кругов перед ростом

---

¹ Греков Н.В. Указ. соч. С. 46.

революционного движения в России, вынуждал их срочно переводить свои средства в иностранные банки, в результате чего возникла реальная угроза финансового коллапса и краха всей российской денежной системы. На протяжении 1905 г., в связи с военными действиями против Японии и начавшимся революционным движением, количество золота неуклонно сокращалось, а количество кредитных билетов в обращении возрастало¹.

Переговоры 1905 г. с крупным американским финансистом и промышленником Дж. Морганом и представителями банковского сообщества Ротшильдов о предоставлении Петербургу денежного займа не привели к положительному результату². Банкирское сообщество готово было пойти на предоставление займов России исключительно в рамках международного займа³. Между тем, российское правительство нуждалось хотя бы в небольшом займе, который бы позволил финансовой системе империи не рухнуть. С этой целью в декабре 1905 г. Николай II направил в Париж министра финансов В.Н. Коковцова⁴. Однако царь понимал, что ожидать «благотворительности» от западного банкирского сообщества бесполезно, если не подкрепить запрос о займе выгодным политическим предложением. Таким предложением была готовность российской дипломатии поддержать Париж на готовящейся Альхесираасской конференции, посвященной урегулированию франко-германского спора по Марокко⁵. Для Франции конференция в Альхессирае ознаменовала начало самого серьезного кризиса, который она переживала с 1872 г. Франко-германский конфликт из-за Марокко начался почти за два года до созыва конференции. Суверенитет шерифского султаната в Марокко был

---

¹ Кочеткова М.А. К истории заключения займа 1906 года // Вестник ВГУ. Серия: история. 2012. № 1. С. 114.

² Лотман Г.Р. Ротшильды – короли банкиров. Мн.: «ИнтерДайджест»; Смоленск: ТОО «Эхо», 1997. С. 125, 126.

³ Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905-1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Издательство Московского университета, 1972. С. 12.

⁴ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 116.

⁵ Там же.

подорван после Мадридской конференции 1880 г., которая заложила основы международного контроля над Марокко. Аппетиты европейцев обострились в начале XIX в. на фоне колониальной экспансии. 8 апреля 1904 г. между Англией и Францией после долгих переговоров была заключена декларация, которая фактически, разграничила сферы влияния между Лондоном и Парижем в вопросах Египта и Марокко. Что касается последней, то французское правительство заявило, что не намерено вмешиваться в политические дела марокканского султаната. Британское правительство заявило, что Франция, как держава, граничащая с Марокко, обязана обеспечивать спокойствие и оказывать помощь во всех необходимых реформах. 3 октября 1904 г. был подписан франко-испанский договор, оформленный также в виде декларации, и объявляющий о присоединении Испании к франко-английской декларации от 8 апреля. Принятые обязательства в отношении целостности и суверенитета Марокко, свободы ее торговли были торжественно подтверждены и Испанией. Этими двумя соглашениями была заложена дипломатическая основа конфликта, который разразился между Францией и Германией. Берлин в начале отреагировал на эти англо-франко-испанские договоренности спокойно. Канцлер Б. фон Бюлов, выступая в Рейхстаге 12 и 14 апреля 1905 г., заявил, что нет оснований предполагать, что франко-английское соглашение направлено против какой-либо державы, что же касается Марокко, то Берлин «имеет здесь прежде всего коммерческие интересы, которые мы должны и будем защищать»¹. Канцлер заявил о решимости соблюдать «политику вдумчивого спокойствия и даже сдержанности, и не втягивать страну в связи с Марокко в авантюру»². Секретарь германского МИД барон О. фон Рихтгофен также отметил по этому поводу, что Германия придает марокканским делам исключительно политический интерес³. Однако уже в начале февраля 1905 г. поверенный в делах

---

¹ Tardieu (A.). La conférence Algésiras; histoire diplomatique de la crise marocaine (15 janvier-7 avril 1906). Paris, 1908. P. 4.

² Tardieu (A.). La conférence Algésiras. P. 4-5.

³ Livre Jaune. Affaires du Maroc, 1901-05. Paris, 1908. P. 165-167.

Германии в Танжере фон Кидильман сообщил поверенному в делах Франции, что поскольку германское правительство ничего не знало о достигнутых соглашениях в отношении Марокко, оно никоим образом не считает себя этими соглашениями связанным¹. Поводом для изменения германского отношения к проблеме Марокко, стало обращение к Берлину марокканского султана Абд аль-Азиз IV с просьбой о помощи. 31 марта 1905 г. император Вильгельм, совершавший круиз по Средиземноморью, сделал остановку в Танжере, где выступил с воинственной речью, в которой объявил себя защитником и покровителем султана, настаивал на его независимости и на готовности заключить с ним оборонительный союз для защиты общих интересов в Марокко². Речь кайзера была сразу поддержана немецкой прессой, которая требовала созыва международной конференции для урегулирования марокканских проблем и отказывала Франции решать этот вопрос единолично. Создавая кризисную ситуацию вокруг Марокко, грозящую европейской войной, Вильгельм II хотел проверить на прочность франко-русский союз и готовность России следовать за Берлином согласно Бьеркскому соглашению, в чем кайзер не сомневался. Для закрепления своей дипломатической победы, германский император направил державам циркуляр, в котором предлагал созвать конференцию и подтвердить общее стремление Европы поддержать тезис Германии. В Берлине не сомневались в своем триумфе. Ситуация виделась в столице рейха следующим образом: во Франции к власти пришло правительство М. Рувье, готовое на переговоры в марокканском вопросе, Россия была ослаблена, связана Бьерке и не способна оказать помощь Парижу, Лондон, не заинтересованный в Марокко, либо поддержит Германию, либо останется нейтральным. Поэтому, открывшаяся 12 января 1906 г. в испанском городе Альхессирасе конференция, на котором

---

¹ Livre Jaune. P. 187.

² Douglas Porch. The Conquest of Morocco: A history. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2015. P. 68.

присутствовало 11 государств мира и Марокко, казалась Берлину заранее выигранной, а Парижу — заранее проигранной.

В таких условиях в Париж прибыл В.Н. Коковцов, встреченный финансово-банкирской верхушкой весьма прохладно. Она напрямую увязала предоставление займа российскому правительству с его отказом от золотого стандарта рубля¹, на что царь, конечно, никогда бы не пошел. Встреча российского министра с политическим руководством Франции в начале также не носило радостного характера. Глава правительства М. Рувье с большим сомнением отнесся к просьбе В.Н. Коковцова о предоставлении займа². Однако его настроение коренным образом изменилось, когда В.Н. Коковцов сообщил о готовности Николая II поддержать Париж на Альхесирасской конференции³. М. Рувье успокоил В.Н. Коковцова заверением, что он сумеет убедить французские деловые круги в необходимости предоставить России столь нужный ей заем, что и произошло во время встречи главы кабинета с французскими банкирами⁴. М. Рувье, когда убеждением, когда энергичными высказываниями, а когда просто и ругательствами, буквально «выбил» у французских банкиров согласие на заем Петербургу⁵. 11 января 1906 г. «Banque Paris et des Pays-Bas» предоставил российскому правительству заем в 267 млн. франков (100 млн. рублей) под весьма выгодный процент, причем эта сумма являлась авансом будущего международного займа, получение которого решили обсудить после Альхесирасской конференции⁶. Заключение займов 1906 г. спасло финансовую систему России, основанную на золотом стандарте, от катастрофы.

Возвращаясь в Петербург в январе 1906 г., В.Н. Коковцов, согласно распоряжению императора, сделал остановку в Берлине, где у него произошла

---

¹ К переговорам Коковцова о займе в 1905-1906 гг. // Красный Архив. Исторический журнал. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 3(10). С. 26.

² Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 122.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 125.

⁶ Романов Б.А. Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.; Л.: Изд. Центрархива, 1926. С. 271.

встреча с Вильгельмом II. Кайзер сухо заявил, что ему не понятно, почему «монархическая Россия через голову монархической же Германии ищет опоры в революционной Франции и вместе с нею идёт всегда против своего естественного и исторического друга?»¹. При этом император Вильгельм не рассказал, что представители германского правительства в самый критичный момент с положением российских финансов, потребовали от Государственного банка Российской империи передачи им большей части золота в обмен на российские ассигнции, нанеся, таким образом, новый удар по русскому золотому запасу². Умолчал также кайзер и о том, что его правительство тайно давило на Париж и Лондон, убеждая их не предоставлять никаких кредитов России³. Вильгельм II лично пытался намеком убедить правительство III-й Республики не предоставлять России займов: «У русских, ваших союзников, совсем плохо с деньгами. Мне говорят, что вы не хотите им больше одалживать»⁴. Наконец, Вильгельм II стремился рассорить российское правительство с ведущими банкирскими домами. Зная, что многие их представители евреи, кайзер убеждал Николая II, что финансовая помощь России саботируется, так как «все еврейские денежные короли не желают принимать участия в операции»⁵. В.Н. Ламздорф опровергал эти утверждения в письме Н.Д. Остен-Сакену в феврале 1906 г.: «Вопреки распространённому мнению, будто бы препятствием к заключению Россией займа служит еврейская агитация, мы имеем положительные данные о том, что лишь полная неизвестность исхода Альхесиракской конференции, побуждает французских банкиров воздерживаться от всяких финансовых сделок»⁶. Кстати, встреча В.Н. Коковцова

---

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 128.

² Кочеткова М.А. Указ. соч. С. 114.

³ Там же.

⁴ DDF. 2e série. Т. 9. - № 145. Р. 204.

⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 234, 235.

⁶ В.Н. Ламздорф — Н.Д. Остен-Сакену 7 февраля 1906 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 1-2.

с берлинским банкиром Э. Мендельсоном-Бартольди прошла успешно: банкир согласился на полугодичную отсрочку займа¹.

В апреле 1906 г. В.Н. Коковцов опять отбыл был вновь направлен в Париж для обеспечения большого заема в европейских банках². Российский министр финансов прибыл в Париж в самый разгар острых споров между Францией и Германией на Альхесирасской конференции по поводу полиции в Марокко. Париж доказывал, что эта полиция должна быть французской или франко-испанской, Берлин, что — или марокканской, или международной под контролем немцев. Посол Франции в Вашингтоне Ж. Жюссеран доказывал, что полиция, создаваемая султаном, будет неэффективной, а международная полиция станет источником беспорядков. Только Франция, доказывал Жюссеран, сможет организовать такую полицию. В ответ, Б. Бюлов предупредил, что если французы будут настаивать на этом, то Германия должна будет не допустить французский вариант любыми средствами, вплоть до вооружённого конфликта³. Б. Бюлов прямо заявил российскому послу в Берлине графу Н.Д. Остен-Сакену: «Мы абсолютно исключаем, возможность возложения полицейского мандата только на Францию. Но отдать его Франции и Испании — все равно что отдать его Франции. Поэтому мы отвергаем франко-испанскую комбинацию»⁴.

8 февраля 1906 г. М. Рувье обратился за помощью к российскому правительству с просьбой срочной поддержки позиции Парижа по вопросу о полиции⁵. Посол М. Бомпар заявил В.Н. Ламздорфу, что этот вопрос является «гвоздем всей конференции», от решения которого зависит ее успех⁶. В.Н. Ламздорф обещал доложить государю об этой просьбе, намекнув, что поддержка Россией французской позиции связана предоставлением России займа⁷. Перед

---

¹ Романов Б.А. Указ. соч. С. 31.

² Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 143.

³ Там же.

⁴ La conférence Algésiras. P. 194.

⁵ DDF. 2e série. Т. 9. № 157. P. 218.

⁶ DDF. 2e série. Т. 9. № 157. P. 218.

⁷ Там же.

царем встал вопрос необходимости убедить кайзера пойти на компромисс с Парижем по поводу Марокко. Как раз в это время в Петербурге из Берлина было получено сообщение посла Н.Д. Остен-Сакена: «Германия будет твёрдо держаться намеченной позиции, и сам император будет настаивать на выполнении своей программы»¹, или слова самого кайзера, сказанные им А.П. Извольскому: «Я бросил перчатку Франции по поводу марокканского дела, и она не осмелилась её принять»². В Петербурге понимали, что на этот раз Вильгельм II не блефует, ибо уверен, что «Франция дошла до крайних пределов уступчивости, согласившись принять почти все пункты последних предложений Берлинского кабинета»³. В.Н. Ламздорф также понимал, что позиция Берлина направлена не только против Франции, но и против России, так как «германскому правительству хорошо известно, что с благополучным окончанием Альхесирасской конференции, тесно связан вопрос с чрезвычайно важных для России денежных операций»⁴. В.Н. Ламздорф через российское посольство в Берлине довел до сведения высших германских сфер: «В Петербурге отказываются верить, чтобы Император Вильгельм, с твёрдым убеждением высказывавшийся перед нашим Августейшим Монархом за необходимость, в интересах всего человечества, сохранения мира, а также сближения, при посредстве России, между Германией и Францией, решился бы вызвать разрыв конференции, и таким образом не только отказался бы от намеченной политической программы, но и вместе с тем, посеял среди европейских Держав тревогу, которая по многочисленным последствиям не менее пагубна, чем открытая война»⁵. Действительно, Вильгельм II своей агрессивной и бескомпромиссной позицией попадал в крайне двусмысленное положение. Так как русско-японская война официально завершилась, то также официально в силу

---

¹ Россия и Алжесирасская конференция // Красный Архив. Исторический журнал. М; Л.: Госиздат, 1930. Т. 4-5 (41-42). С. 21.

² Извольский А.П. Указ. соч. С. 58.

³ В.Н. Ламздорф — Н.Д. Остен-Сакену. 7 февраля 1906 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

⁴ В.Н. Ламздорф — Н.Д. Остен-Сакену. 7 февраля 1906 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 1-2.

⁵ В.Н. Ламздорф — Н.Д. Остен-Сакену. 7 февраля 1906 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

вступил Бьеркский договор, согласно которому русская и германская стороны должны были сделать все, чтобы склонить присоединиться к нему и Францию. В принципе, Вильгельм II сначала и хотел путем хитроумной комбинации, поддержать просьбы Франции по Марокко, заставив ее подписать с Германией полноценный договор, что означало «присягнуть» ее к германо-российскому договору в Бьерке. Но в случае перехода Марокканского спора в вооруженный конфликт между Германией и Францией, ни о каком присоединении последней к Бьеркским договоренностям речи быть не могло. Поэтому Вильгельм II в личном письме Николаю II от 10 февраля (нов. ст.) 1906 г. спешил заверить, что в Альхесирасе все идет к лучшему и что соглашение достигнуто¹.

Однако, как это ни покажется странным, Петербургу от части была выгодна агрессивная риторика кайзера в отношении Парижа. В российской столице понимали, что чем сильнее она будет становиться, тем скорее Париж пойдет на предоставление России необходимого займа. 9 (22) февраля 1906 г. Николай II принял М. Бомпара, вручившего императору официальное письмо от новоизбранного президента А. Фальера². В действительности, малозначимое официозное письмо президента, было лишь поводом для М. Бомпара обсудить с императором «марокканскую тему». Французский посол убеждал Николая II, что только он может повлиять на императора Вильгельма и устранить опасность, угрожающую Франции и всей Европе³. Николай II заверил М. Бомпара в своей неизменной поддержке Франции, заметив, что Берлин своей политикой нарушает договоренности Бьеркского соглашения⁴.

Между тем, для Николая II успех Парижа на Альхесирасской конференции был важен не только из-за займа. Ослабление могущества России в 1904-1905 гг. способствовало к усилению на международной арене позиций Германии. А это не могло не вызвать опасений не только в самом Петербурге, но и в других

---

¹ La conférence Algésiras. P. 198.

² DDF. 2e série. T. IX. № 263. P. 356.

³ Ibid. P. 357.

⁴ Ibid.

европейских столицах, главным образом в Лондоне. «Вестминстерская газета» отмечала: «Нельзя игнорировать того факта, что многие вещи, которые были неважны для Германии, пока Россия была сильна, стали важными, когда она ослабела»¹. Примечательны были и сведения, поступающие из германского посольства в Лондоне: «Бритты жалуются, что вследствие краха России, Германия на Западе сделалась всемогущей»². Но мало того, что положение Германии резко возросло, у западных правительств не было уверенности, что между Петербургом и Берлином не существует секретного союзного договора. В Форрин-офисе сомневались, что не переш ли Петербург в подчинение рейху и не утратила ли Россия возможность самостоятельной политики. Особенно в этом сомневались в Форрин-офисе, где почти были уверены, что русские выступят заодно с германской делегацией³. Такие сомнения совершенно не отвечали планам российского МИД, планирующего в ближайшее время начать контакты с Лондоном по поводу возможных англо-русских переговоров. Успех этих переговоров в известной степени зависел от того, сможет ли Россия в Альхессирасе доказать, что она осталась великой державой. В связи с этим 18 февраля (2 марта) «Правительственный вестник», официальная газета российского правительства, опубликовал энергичную статью в поддержку Франции, которая произвела в Берлине сильное впечатление. Через месяц 6 (19) марта российскому представителю на конференции В.Р. Бахерахту пришла нота от В.Н. Ламздорфа: «Императорское правительство считает необходимым решительно опровергнуть распространяемое известие о том, что оно якобы выступило против французской точки зрения по созданию специальной полиции в Касабланке. Это не соответствует истине. Чтобы избежать любого ложного толкования в вопросе такой важности, прошу Вас заверить французского

---

¹ Остальцева А.Ф. Указ. соч. С. 95.

² Там же.

³ Извольский А.П. Указ. соч. С. 27.

полномочного представителя, что вы готовы оказать ему поддержку в отношении организации полиции в вышеупомянутом порту. В то же время державы, представленные на конференции, будут проинформированы о инструкциях, адресованных вам, с тем чтобы уничтожить подозрения, которые могут возникнуть в связи с якобы двойной игрой России, в то время как она, кроме желания поддержать своего союзника в его справедливых требованиях, не имеет более никаких иных целей»¹. При этом В.Н. Ламздорф рекомендовал послу А.И. Нелидову в качестве «личной инициативы» передать содержание этой ноты во французскую прессу. Нота появилась во французском официозе «Le Temps»². Вывод, которая делала газета полностью соответствовал целям В.Н. Ламздорфа: «Не существует никаких документов императорской дипломатии, в которых содержался бы намек на изоляцию Франции или изменение отношения к ней России». Все это привело в ярость германские правительственные круги и прессу, а также отказ немецких финансистов участвовать в большом интернациональном русском займе³.

Следует еще раз отметить, что отношение российской дипломатии к марокканскому кризису как таковому носил совершенно индифферентный характер. Но в случае успеха на конференции Германии, Россия оставалась без международного займа и пред лицом глубокого кризиса русско-французского союза. Союз с Францией давал возможность получения столь необходимого Петербургу займа и открывал возможности начать переговоры с Англией по разграничению сфер влияния, что все вместе позволяло восстановить свой пошатнувшийся международный престиж. При этом поддержка Германии — не давала России ничего. Петербург не отказывался от дружественных отношений с Берлином. Все, чего хотело российское правительство от германского, так это смягчить требования к Франции, пойти ей на встречу в отдельных вопросах спора

---

¹ La conférence Algésiras. P. 331.

² Le Temps, 21 mars.

³ Извольский А.П. Указ. соч. С. 27.

вокруг Марокко. Петербургу это было крайне необходимо, чтобы получить от Парижа столь нужный займ. Вместо этого, германская прввящая верхушка всячески противодействовала в этом России. Б. Бюлов писал те дни кайзеру: «Чем сильнее желание русских получить заём до открытия Думы, тем более мы имеем возможность через Россию и Витте давить на Рувье и французов»¹. В результате немецкая дипломатия жестоко просчиталась и потрепела на Альхесирасской конференции сокрушительное дипломатическое поражение. Берлин не поддержали практически все государства-участники конференции, за исключением Австро-Венгрии. Берлин был вынужден смириться с поражением и признать французские интересы в Марокко. 9 (22) апреля 1906 г., в «день окончательного подписания акта Марокканской конференции», М. Бомпар по поручению министра иностранных дел Л. Буржуа передал императору Николаю II «чувства самой глубокой благодарности Президента Республики и французского правительства за ту мужественную официальную поддержку, какую получила Франция от России в Альхесирассе»².

Успех Франции и Англии на Альхесирасской конференции, достигнутом при важном содействии России, принес ей большой успех в плане получения столь необходимых финансов: 17 апреля (по н.ст.) 1906 г. было подписано соглашение, ратифицированное 22 апреля о выпуске Российского государственного займа в размере 2 250 млн франков, на который уже 26 апреля подписалось 600 тыс. 08 подписчиков³. Николай II в телеграмме на имя В.Н. Коковцова писал: «Вы оказали огромную услугу России и мне»⁴.

Подводя **итог** всему вышеизложенному, можно сделать следующие **выводы**:

¹ Die Große Politik. Bd. XXI. I. № 728.

² М. Бомпар — графу В.Н. Ламздорфу 9 апреля (27 мая) 1906 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 341. Л. 74 [на фр. яз.].

³ Grault (R.). Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887-1914; recherches sur l'investissement international, Paris, A. Colin, 1973. P. 444.

⁴ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 162

1. Результатом неудачного противостояния с Японией, к которому прибавились события Первой русской революции, продемонстрировавшие глубокий кризис власти и общества, стало утрата Российской империей международных позиций. Если до 1906 г. Россия могла активно вести внешнюю политику одновременно в Европе, Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке, то после вышеназванных военных и социальных потрясений, потребовавших, помимо прочее больших финансовых и экономических затрат, то теперь круг внешнеполитических возможностей Петербурга резко сузился.
2. . Необходимость политических реформ в России дополнялась необходимостью срочно решать финансовую проблему, ставшей непосредственной угрозой государству на равне с революцией. Финансовый кризис привел к сокращению притока иностранного капитала в государственные облигации и ценные бумаги промышленных предприятий. Страх российских деловых кругов перед ростом революционного движения в России, вынуждал их срочно переводить свои средства в иностранные банки, в результате чего возникла реальная угроза финансового коллапса и краха всей российской денежной системы.
3. Российское правительство увязало помощь Парижу на Альхессиракской конференции с выделением необходимого финансового займа.
4. Политический и финансовый кризис 1905-1906 гг. ослабил внешнеполитические возможности России и способствовали усилению Германии на международной арене. Это способствовало в 1906-1907 гг. началу англо-российского сближения.

§ 2. Политика России по разделу сфер влияния с Великобританией 1907-1908 гг.

Причины возникновение англо-русского согласия. Вскоре после Альхесирасса начался процесс российско-английских переговоров, закончившихся договоренностями 1907 г., которые «царская дипломатия воспринимала только как элемент политики неприсоединения и лавирования между двумя блоками держав»¹. Как утверждает Н.В. Греков: «Уклончивая тактика Петербурга нервировала и Лондон, и Берлин. Обе группировки стремились привлечь Россию на свою сторону, так как она по-прежнему обладала самой многочисленной армией в мире. Петербург же, опираясь на поддержку то Берлина, то Лондона, пытался упрочить свою внешнюю безопасность»². Англо-русская конвенция была соглашением о предотвращении любого конфликта между ними в Персии, Афганистане и Тибете, но обе стороны хотели этого, исходя из сохранения своего престижа в Европе и растущей с каждым годом германской экспансии, которая к 1907 г. уже представляла собой серьезную опасность. Вернувшись, после русско-японской войны на западное внешнеполитическое направление, Петербург вновь ставил своей основной задачей обладание Босфором и Дарданеллами и возвращение к активной европейской политике. Для того, чтобы спокойно работать на этих направлениях, Петербургу были необходимы соглашения с Лондоном. В российском правительстве начинали осознавать, что, несмотря на все противоречия с Англией, с ней легче договориться, чем воевать. В Лондоне на фоне растущей германской мощи, и полного нежелания Берлина считаться с чьими-либо интересами, тоже были готовы искать компромисс с Россией. Причем у русско-английского сближения были такие высокие сторонники, как король Эдуард VII, министр иностранных дел виконт Э. Грей, крупный дипломат А. Никольсон и

---

¹ Греков Н.В. Указ. соч. С. 50.

² Греков Н.В. Указ. соч. С. 26.

др¹. Э. Грей был убежден: «Если необходимо держать Германию в узде, то это можно сделать только тогда, когда будет обеспечено соглашение между Россией, Францией и нами»². Германия, по мнению Э. Грея, представляла гораздо большую угрозу Британской империи, «чем Россия, с её призрачными угрозами Индии»³. Но Германия представляла не только военную угрозу Лондону, но и экономическую, опережая Англию по темпам экономического развития и экономически вытесняя ее из мировых рынков⁴. Действительно, производство чугуна и стали в Германии было намного больше, чем в Англии. Более того, вывоз немцами товаров из английских колоний превышал вывоз из них самой Англии. Но Германия к тому же, ввозила в английские колонии товары, вывезенные ею из других английских же колоний⁵.

С каждым годом росло влияние Германии в Османской империи, что весьма беспокоило как Петербург, так и Лондон. Для России это была прямая угроза проливам, Персии и Кавказу, для Англии — угроза Индии, Египту и Месопотамии⁶. Почти все эти территории одновременно были объектами противостояния Петербурга и Лондона. С XIX в. главной областью, где сталкивались русско-британские интересы были Босфор и Дарданеллы. Второй, не менее важной, зоной англо-русского соперничества был регион Центральной Азии, откуда открывался путь в Персию и Афганистан, а британцы еще усматривали там серьезную военную угрозу своему господству в Индии. Петербург, в свою очередь опасался возможностью проникновения англичан в Персию — зону геополитических интересов России. В связи с продвижением России на Восток, возникли англо-русские противоречия на Дальнем Востоке, Китае и Тибете. Казалось бы, такое число противоречий делало сближение двух

---

¹ Граф А.К. Бенкендорф — графу В.Н. Ламздорфу 11 (25) декабря 1905 г. [на фр. языке] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 741. Л. 2.

² British Documents. Series A, Russia, 1859-1914, V. III. 1905-1906. P. 209.

³ Баиов А.К. Указ. соч. С. 49.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 470. Д. 98. Л. 70.

⁵ Баиов А.К. Указ. соч. С. 11.

⁶ Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. Ч. 1. 2002. № 4. С. 27-47.

государств невозможным. Однако к 1907 г. почти на всех территориях, где сталкивались интересы России и Англии, стали отчетливо оформляться интересы Германии, которая не собиралась считаться ни с интересами России, ни с интересами Англии.

Персия все более подвергалась проникновению германских агентов¹, стремившихся установить связи с местными персидскими властями. 6 (19) июля 1906 г. русский посол в Тегеране Н.К. Гартвиг сообщал в МИД: «Германия намерена проявить более активную роль в делах Персидских. <...> У Германии в Персии нет реальных интересов, но есть несомненное желание противодействовать Англии»². Это не могло не беспокоить Россию, так как она вкладывала в персидскую экономику значительные финансовые вложения³. Россия являлась главным персидским экспортером и импортером⁴. Петербург стремился «сохранить в Персии целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних принципов её самостоятельности, так и внутреннего строя»⁵. В 1905 г. в Персии произошла т.н. Конституционная революция. В результате протестов аристократии, духовенства и интеллигенции Мозафереддин шах был вынужден в октябре 1906 г. принять конституцию и создать меджлис. За конституционалистами несомненно стояла Англия, предоставляющая в своей миссии в куме убежище мятежникам⁶. Шахское правительство опасалось, что Англия воспользуется моментом и оккупирует отдельные территории Персии. 16 (29) сентября 1906 г. шах через российского

---

¹ Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 194.

² Н.Г. Гартвиг — А.П. Извольскому 6 июля 1906 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

³ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1908. Д. 14. Л. 1-А.

⁴ Ефремов П.Н. Внешняя политика России (1907-1914). М.: Издательство Института международных отношений, 1961. С. 45.

⁵ Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб: Тип. А. С. Суворина, 1912. С. 35

⁶ Вакс Л. Очерки истории национально-буржуазных революций на Востоке. Персия, Турция, Китай. М.; Л.: Московский Рабочий, 1931. С. 21.

посла запрашивал Петербург на предмет оказания им военной помощи в случае нападения Англии. В Петербурге понимали, что в настоящий момент воевать с Англией из-за Персии нет возможности. На Особом совещании под председательством Николая II 7 (20) августа 1906 г. пришли к выводу, что лучшей возможностью сохранить спокойный курс российской политики в Персии, договориться с Лондоном¹. Российскому правительству удалось достичь соглашения с Великобританией о совместном предоставлении Тегерану аванса в 10 млн. франков². Когда Н.Г. Гартвиг сообщил шаху, что император Николай II совместно с английским правительством выделил Персии запрошенный ею кредит, шах «выразил сожаление, что к участию в денежной помощи привлечена Англия, к которой он не питает никакого доверия»³. Однако Н.Г. Гартвиг предупреждал А.П. Извольского: «Шахское правительство будет искать защиты против Англии у немцев, собирающимся соперничать с ней на юге Персии, а поэтому, лучшим оружием против персидско-германского сближения, станет соглашение между Россией и Англией по персидским делам»⁴.

Препологаемое соглашение с Лондоном по Персии, вызвало среди представителей российского правительства острые дискуссии. П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов и А.П. Извольский считали необходимым договариваться с Лондоном. Представители военного министерства, наоборот, были категорически против, утверждая: «Англия, утвердившись с нашей помощью на берегах Персидского залива, окончательно убьёт наше влияние в Персии и навсегда закроет движение к Персидскому заливу»⁵. Таким образом Петербургу было

---

¹ Винокур А.В. От конфронтации к согласованному курсу. Политика Великобритании и России в Иране (1900-1914). // Дис. на соис. уч. ст. канд. ист. наук. СПб, 2004.

² Англо-русское соперничество в Персии 1890-1906 гг. Журнал Особого совещания по персидским делам 7 августа 1906 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1933. Т. 1 (68). С. 64.

³ Н.К. Гартвиг — А.П. Извольскому 12 (25) сентября 1906 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

⁴ Н.К. Гартвиг — А.П. Извольскому 6 июля 1906 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

⁵ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 63

насушно необходимо договориться с Лондоном по Персии, учитывая все возрастающую экспансию в эту страны германского капитала¹.

Договоренность с Лондоном требовалась Петербургу и в связи с ситуацией на Дальнем Востоке, где вероятность еще одного военного нападения Японии была по-прежнему высока². Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтерберг сообщал Николаю II в марте 1907 г.: «Несмотря на состоявшееся соглашение с Японией, как на почве политической, так и торговой, она продолжает усиленно вооружаться, усиливает свой флот, увеличивает свою сухопутную армию и подготавливает базы для военных операций, как в Южной Маньчжурии, так и в Северной Корее»³.

Русско-английская конвенция 1907 г. Свою готовность к переговорам Англия обозначила поддержкой предоставления России международного кредита. 3 (16) апреля 1906 г. Э. Грей заверил русского посла А.К. Бенкендорфа, что английское правительство готово его поддержать, несмотря на отказ Берлина. После этой встречи А.К. Бенкендорф доложил в Петербург, что «в порядке дня больше не стоит соперничество Англии с Россией: страшит угроза со стороны Германии»⁴. Англо-русские отношения продолжали оставаться «совершенно неопределенными», их развитие не определялось какими-либо конкретными обязательствами, но они стали приобретать характер дружеского сотрудничества. В начале 1906 г. на конференции в Альхесирассе, где обе державы обменивались информацией и совместно работали над мирным соглашением, которое также было бы удовлетворительным для Франции. В.Н. Ламздорфф заявил, что российское правительство «ни на минуту не отклонялось от своей политики поддержки своего французского союзника». В ходе совместной работы в Альхесирассе Э. Грей убедился в могуществе России, которое «изменит

---

¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879-1921 гг. М.: ИВ РАН, 2012. С. 146, 147.

² Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 78.

³ Генерал П.Ф. Унтерберг — императору Николаю II 25 февраля 1907 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 19.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1906. Д. 97. Л. 67-70.

ситуацию в Европе в пользу Франции», и выразил надежду, что тогда Великобритания будет поддерживать дружеские отношения с Россией. Э. Грей заявил, что после Альхесирасской конференции «союз между Россией, Францией и нами станет абсолютно надежным». Выступая в Палате общин, Э. Грей признал, что, если так будет продолжаться и дальше, то само сотрудничество с Россией «естественным образом приведет к постепенному урегулированию вопросов, в которых заинтересована каждая страна».

12 (25) мая 1906 г. новым английским послом в Петербурге был назначен А. Никольсон, лично знавший императора Николая II еще в бытность его наследником престола¹. Э. Грей поставил перед А. Никольсоном задачу устранить разногласия между Англией и Россией и выйти на заключение с ней соглашения о сферах влияния². Сближение с Лондоном требовало принципиально иные подходы от российской дипломатии, на которые старая дипломатическая школа уже не была способна. В связи с Николай II отправил в отставку с должности министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа. Барон Б.Э. Нольде писал: «Когда в 1906 году, граф В.Н. Ламздорф ушёл с поста министра иностранных дел, можно было сказать, что классическая традиция русской императорской дипломатии была исчерпана. Консервативную формулу русской внешней политики сменила формула по существу своему революционная, искавшая радикальных перемен в освящённых договорами международном политическом порядке. В том поколении, к которому он принадлежал и которое сходило со сцены после 1905 года, Ламздорф занимал одно из первых мест, и по своим способностям, и по своему характеру, и по коренной добросовестности всего своего умственного и нравственного уклада. Конечно, ни калибра, ни удачи государственного человека в нём не было: но в нём была

---

¹ Остальцева А.Ф. Указ. соч. С. 167.

² Nicolson (H.). Sir Arthur Nicolson. Bart., First Lord Carnock: A study in the old diplomacy. - London: Constable & Co. Ltd., 1930. P. 21.

школа, серьёзность, опыт и выдержка, дававшие ему право стоять в первых рядах у огромной русской государственной машины»¹.

11 (24) мая 1906 г. Николай II назначил главой внешнеполитического ведомства А.П. Извольского, ранее занимавшего должность министра-резидента в Копенгагене. А.И. Уткин отмечал: «Николай II, разумеется, не случайно назначил Извольского — то был символ сближения противников германской гегемонии в Европе»². При этом Николай II говорил о людях из круга А.П. Извольского: «У них собственное мнение выше патриотизма»³. Назначая А.П. Извольского, царь надеялся не только на его способности, но и прежде всего умение работать в новых исторических условиях, с новыми подходами, что было столь необходимо в сложившейся обстановке. Николай II обозначил перед А.П. Извольским три главных положения нового внешнеполитического курса: 1) укрепление франко-русского союза; 2) достижение договоренностей с Англией 3) сохранение дружественных отношений с Австро-Венгрией и Германией⁴. А. Никольсон сообщал в Форрин-офис: «А.П. Извольский честно и искренне желает соглашения с Великобританией, хотя он не сделает ни шага, на который взглянут неблагоприятно в Берлине, и мнение, преобладающее при Дворе, имеет громадную важность в его глазах»⁵.

Почти сразу после вступления в должность А.П. Извольский предложил план реформирования министерства, который предусматривал модернизацию структуры органов, уравнивание условий службы в министерстве с дипломатической службой, ротацию кадров и повышение квалификации сотрудников, более широкое использование прессы, поиск новых сотрудников. пути сотрудничества с Государственной думой. Но весной-летом 1906 г.

---

¹ Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 36.

² Уткин А.И. Первая Мировая война. С. 54.

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне 21 июля 1906 г. // ГАРФ. Ф. 642. Д. 2328. Л. 45.

⁴ Лунёва Ю.В. Указ. соч. С. 14.

⁵ Годовой отчёт великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 1906 г. // АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 259/260. Л. 13.

внешнеполитические вопросы вышли на первый план. Только в мае-июне Николай II принял А.П. Извольского не менее пяти раз, не считая всеподданнейших докладов министра¹. Главным вопросом, стоящим перед российским политическим руководством, стоит ли сблизиться с Англией? Этот вопрос особенно остро обсуждался 7 (20) сентября 1906 г. на совещании Совмина под председательством А.П. Извольского, который заявил: «Нам предстоит сделать выбор между соглашением, способным надёжно обеспечить хотя бы часть наших интересов, и соперничеством в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы, близко нас касающихся, не будут решаться помимо нас и в ущерб нашим интересам»². Военные по-прежнему считали это сближение вредным и даже опасным для России. Начальник ГУГШ генерал Ф.Ф. Палицын полагал, что сблизиться с Лондоном надо только после того, как им будут предложены значительные уступки России³. Германofilы вообще были уверены: «Лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией»⁴.

Поэтому в Лондоне понимали, что для заключения соглашений с Петербургом ему придется пойти на значительные компромиссы с ним. Этого же осознавали и в Петербурге в отношении Лондона. Английское правительство предложило российской стороне четыре вопроса для обсуждения: Багдадскую железную дорогу, Персию, Афганистан и Тибет. По всем этим вопросам к концу 1906 г. наметились положительные подвижки. Обе стороны рассмотрели в духе примирения имеющиеся трудности и пришли к обоюдодоприемлимому соглашению по всем пунктам. По поводу Персии Э. Грей отмечал, что «готов прийти к соглашению с русским правительством относительно постройки железнодорожного пути из России через Персию к долине Тигра и Персидскому

---

¹ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 1. С. 130-140.

² Журнал совещания 7 сентября 1906 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

³ Лунёва Ю.В. Босфор и Дарданеллы. С. 17.

⁴ Цит. по: Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / Репников А.В. и др. сост. М.: РОССПЭН, 2014. С. 394.

заливу»¹. Отметим, что до 1906 г. правительство Великобритании было убеждено, что Россию ни при каких обстоятельствах нельзя допускать к Персидскому заливу. В конце 1906 г. А.П. Извольский сообщал Николаю II: «Не подлежит сомнению, что Англией сделан ныне такой шаг, который ясно и определённо свидетельствует о полной готовности её идти на соглашение. Нам следует с такой же прямоотой к делу и, оставив в стороне, всякие мелкие политические расчёты, широко взглянуть на вопрос о сближении с Англией в сознании важности последнего для первостепенных государственных интересов. Вышеизложенные соображения осмеливаюсь повергнуть на всемилостивейшее благовоззрение Вашего Императорского Величества»². Англо-русские переговоры шли в оживленном темпе, в обстановке корректной и благожелательной дискуссии. Уверенность в успехе переговоров придавали слова императора Николая II, который заявил, что «соглашение должно быть заключено». Основные трудности были связаны с соглашением по Афганистану и Тибету, где Великобритания хотела добиться признания своего полного господства. Трудно шли вопросы по проливам и Константинополю. Российская сторона неоднократно намекала, что желательно заключить новое соглашение Великобританией, где будет выработана новая интерпретация режима прохода судов через проливы. А.К. Бенкендорф в беседе с Э. Греем утверждал, что открытие проливов укрепило бы доброе отношение в России к Англии и завершило бы «успех мероприятий, которые мы сейчас обсуждаем». В ответ Э. Грей заверил А.К. Бенкендорфа, что он «на протяжении всех переговоров чувствовал, что хорошие отношения с Россией означают, что наша старая политика закрытия проливов против нее и оказания давления на нее на любой конференции держав должна быть отброшена». Разумеется, отметил Э. Грей, что Великобритания ожидает в обмен на такую важную уступку «поддержки России в некоторых египетских и других связанных с ними вопросах на Ближнем Востоке, которые важны для нас и не

---

¹ Остальцева А.Ф. Указ. соч. С. 182.

² Всеподданнейший доклад А.П. Извольского // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 33.

важны для нее». В этой ситуации А.П. Извольский поспешил сделать заявление: «Мы придаем огромное значение тому факту, что сэр Э. Грей не высказал принципиальных возражений против нового порядка вещей вокруг проливов, который предоставит российским военным кораблям исключительное право проходить проливы в обоих направлениях, в то время как военно-морским силам других держав не будет разрешено входить в Черное море». Однако заместитель госсекретаря по иностранным делам лорд Э. Фитцморис на эти слова А.П. Извольского решительно возразил, что «российское правительство самым несправедливым образом использует выражения, используемые сэром Э. Греем. Я надеюсь, что в ближайшее время будет сделано четкое и решительное предостережение против формулировок российского Министерства иностранных дел». Действительно, Э. Грей вскоре передал А.К. Бенкендорфу меморандум с комментариями ответа России, выдержанный в гораздо более сдержанном тоне, чем ранее. Этот меморандум не вызвал у А.П. Извольского заметного беспокойства и не повлиял на его оценку той эволюции, какую претерпел британский взгляд на вопрос о проливах. А.П. Извольский лишь заметил, что Россия подождет более подходящего момента, прежде чем начинать какие-либо обсуждения с Лондоном по этому вопросу. Действительно, в течение всего периода англо-российских переговоров 1907 г. вопрос о проливах больше не затрагивался.

Последние трудности на пути к согоашению между Петербургом и Лондоном возникли из-за их в отношении к Афганистану. А. Никольсон впервые заявил о своей готовности обсудить этот вопрос в конце февраля 1907 г., но минуло два месяца, а процесс обсуждения едва сдвинулся с мертвой точки. 1 мая 1907 г. Э. Грей жаловался, что русские слишком долго медлят с решением вопроса об Афганистане. Российская сторона настаивала на том, что Великобритания впоследствии не будет вносить никаких изменений в политический статус Афганистана без предварительных консультаций с Россией, в то время как Лондон всеми силами стремился закрыть для России все

возможности напрямую взаимодействовать с Афганистаном по политическим или иным вопросам. 10 июля Э. Грей писал А. Никольсону: «Ваши недавние телеграммы по Афганистану не внушают оптимизма. Мы не можем допустить ни возможности российского вмешательства в Афганистан, ни ограничения нашего собственного права на вмешательство. Русские должны доверять нам в том, что мы будем вести себя дружелюбно по отношению к ним в наших отношениях с эмиром и честно стараться выполнять взятые на себя обязательства»¹.

Если обсуждения вокруг Афганистана шли между российской и английской сторонами с трудом, то вопрос о примирении Петербурга с Японией, в чем Лондон, как союзник Токио, оказал несомненную поддержку российской дипломатии. Летом 1907 г. были заключены политические договоры 10 июня между Парижем и Токио и 30 июля 1907 г. между Токио и Петербургом, которые обеспечили нормализацию отношений между франко-русским союзом и Японской империей. Таким образом, угроза военного нападения Японии на российский Дальний Восток была снята.

18 (31) августа 1907 г. в Петербурге А.П. Извольским и А. Никольсоном была подписана англо-российская конвенция относительно Персии, Афганистана и Тибета². Преамбула конвенции гласила, что «соглашение, предназначенные предупреждать всякий повод к недоразумениям между Россией и Великобританией в отношении сказанных вопросов»³. Таким образом, очевидно, что конвенция 1907 г. между Россией и Англией являлась типичным договором по разделу сфер влияний, носившая дружественный, но не союзнический характер. Оба государства отныне не рассматривали друг друга как геополитических и военных противников. Конвенция 1907 г. не была направлена против Германии, но теперь как Петербург, так и Лондон, могли не опасаться, что в случае войны один из них примкнёт к Берлину в качестве военного союзника. С

---

¹ Grey (E.). Twenty-Five years: 1892-1916. Two vols. London: Hodder & Stoughton, 1925. V.1. P. 196-198.

² Сборник договоров России с другими государствами. С. 386-393.

³ Там же. С. 386.

другой стороны, несомненно, что в случае агрессивных действий Германии в отношении России или Англии, обе стороны теоретически могли рассматривать возможность оказания помощи друг другу, не беря при этом на себя никаких обязательств. Правительства России и Великобритании обязались взаимно уважать целостность и независимость Персии и четко определили свои зоны влияния в этой стране¹. Афганистан оставался вне сферы влияния России, а в Тибете стороны признавали сюзеренные права Китая².

Англо-русское соглашение было своего рода ратифицировано встречей императора Николая II и английского короля Эдуарда VI в Ревеле в мае 1908 г. Отношения между монархами были непростыми. Во время революционных событий Эдуард VI («Дядя Bertie», как называл его царь) оказывал всяческую морально-политическую поддержку российской оппозиции. 27 сентября (10 октября) 1906 г. Николай II писал матери: «Из Англии лезет к нам какая-то шутовская депутация с адресом Муромцеву* и им всем. Дядя Bertie и английское правительство дало нам знать, что они ничего не могут сделать, чтобы помешать им приехать. Как они были бы недовольны, если бы от нас поехала депутация к ирландцам и пожелала тем успеха в борьбе против правительства!!!»³. Ситуация стала меняться через год, когда революция была подавлена, а между Россией и Англией подписано соглашение о разделе сфер влияния. Вскоре после подписанного соглашения состоялась встреча Эдуарда VII с А.П. Извольским⁴. Король выразил надежду, что достигнутое англо-русское согласие послужит отправной точкой для дальнейшего сближения двух держав⁵. Кроме того, была

---

¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 388.

² Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 19-24.

* С.А. Муромцев — председатель Государственной думы первого созыва.

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне 27 сентября 1906 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2329. Л. 13.

⁴ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д.712/771. Л.37.

⁵ Лунёва Ю.В. На пути мировой катастрофы: визиты Николая II в Бальмораль (1896 г.) и Ревель (1908) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Материалы международной конференции. 26 июня 2010, Москва. М.: Издательство МИЭПУ, 2011. С. 22-29.

достигнута договоренность о встрече Николая II и Эдуарда VII. Известие об этом встревожило кайзера, тем более что король отложил свой запланированный на осень 1907 г. визит в Берлин и отправился в Ревель на встречу с царем. В германской печати утверждали, что поездка короля в Россию означает, что «удалось, наконец, объединить Францию, Англию и Россию против Тройственного союза, или, точнее, против Германии. Мы должны быть готовыми к войне, и притом на два фронта»¹. Для того, чтобы успокоить германское правительство в мае 1908 г. последовали русское и английское заявления, что встреча государей в Ревеле ни в коем случае не означает создания военного союза против третьих стран².

Встреча русского и английского монархов состоялась 27 мая (9 июня) — 28 мая (10 июня) 1908 г. на рейде порта г. Ревеля³. Во время торжественного обеда Николай II, приветствуя королевскую чету, выразил уверенность, «что это свидание, является новым подтверждением многочисленных и прочных уз, соединяющих оба наши Дома, будет иметь счастливым последствием ещё более тесное сближение обеих наших стран и способствовать поддержанию мира»⁴. При этом царь подчеркнул, что речи о союзе между двумя государствами не идет⁵. Те же настроения были выражены и в речи короля Эдуарда VII⁶. Однако в английском правительстве пытались прощупать возможность заключения с Россией конвенции, подобной русско-французской. Военный агент в Лондоне генерал-лейтенант Н.С. Ермолов докладывал, что «ко времени Ревельского свидания у Великобритании было желание идти дальше англо-русского соглашения, заключенного в 1907г., и быть может заключить с нами нечто вроде

---

¹ АВПРИ. Ф. 139 (2-я газетная экспедиция канцелярия МИД). Оп. 467. Д. 482. Л. 12-14.

² Parliamentary Debates. Ser. IV. Vol. 190. P.259.

³ Дневники императора Николая II 1894-1918. Т. 2. Ч. 1. С. 300-301.

⁴ Тексты приветственных речей императора Николая II и короля Эдуарда VII // Речь, 28 мая, 1908 г.

⁵ Тексты приветственных речей императора Николая II и короля Эдуарда VII // Речь, 28 мая, 1908 г.

⁶ Там же.

военно-морской конвенции на случай войны с Германией»¹. Однако российская сторона никак не прореагировала на эти предложения, т.к. они придавали англо-русскому соглашению откровенно антигерманский характер. Тем не менее, монархи обменялись присвоением друг другу адмиральских званий своих флотов².

Из переговоров с влиятельным британским дипломатом Ч. Гардингом А.П. Извольский сделал вывод, что «лондонский Кабинет вполне разделяет наше мнение, что Ревельское свидание не должно внушать ни малейшего беспокойства другим державам», а с Германией «Великобританское правительство самым искренним образом желает поддерживать наилучшие отношения»³. Однако, заявил Ч. Гардинг, нельзя забывать, что, если Германия будет продолжать увеличивать теми же темпами свои морские вооружения, то через семь или восемь лет в Европе наступит весьма тревожная ситуация⁴. Главным арбитром тогда станет Россия. Вот почему, добавил английский дипломат: «В интересах сохранения равновесия и мира мы самым искренним образом желаем видеть русское государство как можно более сильным и на суше, и на море»⁵. Это признание со стороны со стороны Лондона было главным результатом Ревельской встречи. Россия могла теперь уверенно заняться перевооружением и восстановлением утраченных международных позиций, не только не опасаясь английского нападения на южных и дальневосточных своих границах, но наоборот, рассчитывая на содействие Великобритании⁶. Русско-английское соглашение 1907 г. всерьёз взволновало Вильгельма II, который увидел в нём

---

¹ Копия с весьма секретного письма военного агента в Лондоне Н.С. Ермолова – А.З. Мышлаевскому от 15(28) апреля 1909 г. // РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. Л. 259.

² Лунёва Ю.В. На пути мировой катастрофы. С. 25.

³ Grey (E.). Op. cit. V.1. P. 202-209.

⁴ Hardinge (Ch.). Old diplomacy. The reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst. L.: Murray, 1947.

⁵ Всеподданнейшей доклад А.П. Извольского от 3 июня 1908 г. // АВП РИ. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. Д. 275/276. Л. 13-16.

⁶ Дневник А.А. Половцева. Запись за 25 мая 1908 г. // Красный архив. Исторический журнал. – М.; Пг: Госиздат, 1923. Т. 4. С. 127-128.

разрыв России с «идеалами вековой дружбы с Германией»¹. Сразу после встречи в Ревеле, в российском МИД поспешили подчеркнуть, что англо-русская встреча, говоря словам П.А. Столыпина, стала необходимым элементом европейского равновесия², в котором ведущую роль играют традиционно дружественные отношения с Германией³. Николай II, вернувшись из Ревеля, телеграфировал Вильгельму II, что на встрече «политические вопросы почти не затрагивались» и что «встреча ничего не изменила» в русско-германских отношениях⁴. А.П. Извольский заявил германскому послу в Петербурге графу Ф. фон Пурталесу, что в России «ни на минуту не помышляют о том, чтобы сойти с почвы наших конкретных отношений с Англией и вступить в какие-либо новые политические комбинации общего свойства, менее всего такие, которые могли бы противоречить нашим искренним дружественным отношениям с Германией»⁵. Шаги, предпринятые Россией, в известном смысле успокоили германского императора⁶.

Единение, с которым выступили Россия, Франция и Англия на Альхесиракской конференции, доказало Вильгельму II, что его планы подчинить Германии, изолированные друг от друга Россию и Францию, настроенных против Англии, полностью провалились⁷. Военный агент в Берлине полковник А.В. Михельсон сообщал в ГУГШ о демонстративно холодном отношении к нему со стороны кайзера и высшего руководства рейха⁸. 15 (28) ноября 1906 г. в разговоре с германским послом В. фон Шеном, царь высказался о желательности

---

¹ Граф И.Л. Татищев — императору Николаю II 20 февраля (4 марта) 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1). Л. 11-13.

² Лунёва Ю.В. На пути мировой катастрофы. С. 27.

³ Там же.

⁴ Kaiser Wilhelm II. am B. von Bülow. 11 Juni 1908 // Die Große Politik. XXV (II). - № 8805.

⁵ Докладная записка А.П. Извольского Императору Николаю II. 3 июня 1908 г. // АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив). Д. 275/276. Л. 4.

⁶ Граф И.Л. Татищев — императору Николаю II 2 (15 июня) 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1). Л. 14

⁷ Граф И.Л. Татищев — императору Николаю II 26 марта (8 апреля) 1906 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1). Л. 3.

⁸ Полковник А.В. Михельсон — генералу Ф.Ф. Палицыну 14 мая 1906 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 564. Л. 73-73об.

сближения с Германией и Австро-Венгрией¹. Австро-венгерский посол граф А. фон Эренталь немедленно рекомендовал Вене вместе с германским представителем организовать встречу с Николаем II для обсуждения этой возможности². В ноябре 1906 г. А. Эренталь стал министром иностранных дел Австро-Венгерской империи.

Одновременно и император Вильгельм II, перед лицом возможного англо-русского сближения, стремился обсудить с Николаем II весь спектр русско-германских отношений³. Встреча двух монархов состоялась в Свинемюнде 22 июля (4 августа) 1907 г. Одним из важных вопросов, обсуждаемых на встрече, было так называемое Балтийское урегулирование и проблема Аландских островов. По Парижскому миру 1856 г. Россия официально заявляла, что не будет укреплять Аландские острова, содержать или строить на них какие-либо военные или военно-морские объекты. Однако 1905 г., воспользовавшись расторжением унии между Швецией и Норвегией, и обретением Норвегией статуса независимого королевства, А.П. Извольский поднял вопрос о необходимости пересмотра ограничений по Аландским островам, предусмотренных конвенцией 1856 г. В 1905 г. русская эскадра потерпела поражение от японской в Цусимском проливе, и внимание Петербурга вновь вернулось к безопасности на Балтике, через которую проходило более 50% всей российской внешней торговли и где располагался Санкт-Петербург, столица империи. В 1906 г. Россия направила свои военные корабли и 750 человек на Аландские острова, но встретив протест со стороны Стокгольма вернула их обратно. В результате этого инцидента, Швеция предприняла масштабные оборонительные меры. Тогда Петербург официально заявил о своем стремлении изменить статус Аландских островов и решил найти в этом поддержку Берлина. В Швеции это стремление России

---

¹ Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 88.

² Граф И. Л. Татищев — императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1). Л. 5.

³ Граф И.Л. Татищев — императору Николаю II 10 (23) мая 1907 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1). Л. 10.

вызвало настороженность¹. Россия сняла своё заявление об отмене конвенции 1856 г., предложив решить вопрос путём отдельных соглашений с заинтересованными державами². На встрече в Свинемюнде царь предложил кайзеру подписать секретный русско-германский протокол, по которому в бассейне Балтийского моря сохранялось «существующее территориальное status quo на основе полного устранения всякого иностранного влияния»³, за исключением тех держав, которые имели выход в Балтийское море. Это положение было закреплено договором от 16 (29) октября 1907 г., заключенном в Санкт-Петербурге между Россией и Германией⁴. Секретное соглашение с Германией, факт которого был сразу сообщён Россией английскому и французскому правительствам, было уравновешено аналогичным соглашением 10 (23) апреля 1908 г. России с Германией, Англией, Францией, Данией и Швецией по соблюдению status quo в Северном море. В тот же день Англия, Франция и Швеция подписали декларацию об отмене трактата 1856 г., запрещающий России укреплять Аландские острова⁵. 15 ноября Николай II писал кайзеру: «Наши совместные действия в этом важном вопросе Балтийского моря — большое удовлетворение для меня и должно служить Тебе доказательством моего постоянного желания быть в постоянном контакте с тобой»⁶.

Таким образом, несмотря на тяжелые последствия русско-японской войны и революции 1905-1907 гг., «финансовой удавке», наброшенной западными державами на российскую экономику, Россия смогла сохранить свой статус великой державы, и не быть вовлеченной ни в один из антагонистских блоков.

Подводя **итог** вышеизложенному, представляется возможным сделать следующие **выводы**:

---

¹ Астафьев И.И. Указ. соч. С. 84.

² Там же.

³ Там же. С. 84.

⁴ Сборник договоров России с другими государствами. С. 395-396.

⁵ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 60.

⁶ Император Николай II — императору Вильгельму II 15 ноября 1907 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 418

1. После русско-японской войны Петербург старался проводить политику балансировки и неблоковости, стараясь заключать с ведущими державами противоборствующих блоков, Англией и Германией, отдельные договоренности по проблемным вопросам.
2. Русско-английское соглашение 1907 г. явилось разграничением сфер влияния в Персии, Афганистане, Дальнем Востоке и Китае. Понимание необходимости этого соглашения пришло к Петербургу и Лондону перед лицом все увеличивающимся росте германской экспансии.
3. Англо-российская конвенция 1907 г. не была направлена против Германии, но теперь в Петербурге и Лондоне могли не опасаться, что в случае войны один из них примкнёт к Берлину в качестве военного союзника.
4. Таким образом, несмотря на тяжелые последствия русско-японской войны и революции 1905-1907 гг., «финансовой удавке», брошенной западными державами на российскую экономику, Россия смогла сохранить свой статус великой и независимой державы.

§ 3. Балканское направление российской внешней политики

Боснийский кризис. В 1908 г. на Балканах начал назревать крупный европейский кризис, вызванный упадком Османской империи. Полуостров превратился в регион этнической и религиозной напряженности. В 1877 г. император Александр II, готовясь к войне с Османской империей за освобождение Болгарии, заключил с Австро-Венгрией т.н. Будапештское соглашение, по которому Россия аннексировала Бессарабию, а Австро-Венгрия брала на себя обязательство соблюдать доброжелательный нейтралитет с Россией в предстоящей войне с турками. За эту поддержку Александр II согласился на

аннексию Венной Боснии и Герцеговины¹. Согласно ст. 29 Берлинского конгресса 1878 г, Австро-Венгрия получила особые права в провинциях Османской империи Босния и Герцеговина и санджаке Новибазар. В ст. 25 говорилось: «Провинции Боснии и Герцеговины будут заняты и управляться Австро-Венгрией»². В 1881 г. Германия и Россия подтвердили право Австро-Венгрии на аннексию Боснии и Герцеговины, но сама аннексия могла быть осуществлена только с согласия на нее всеми участниками Берлинского конгресса. В 1897 г. во время переговоров в Петербурге А. Голуховский пытался добиться от российского правительства согласия на аннексию Боснии и Герцеговины³, но не нашел поддержки со стороны М.Н. Муравьева, заявившего, что «аннексия этих двух провинций подняла бы более широкую проблему, которая потребует специального рассмотрения в надлежащее время и в надлежащем месте»⁴. В 1908 г. малодутрецкая революция способствовала резкому ослаблению влияния Османской империи на Балканах, народы которых стремились к национальной независимости от Константинополя. Для Вены ситуация приобретала опасный характер, т.к. в австро-венгерской империи также проживало большое число сербов, хорватов, славенцев, албанцев, македонцев и т.д. Все эти народы не испытывали к «лоскутной империи» никаких симпатий, а что касается сербов и отчасти словенцев, то они смотрели в сторону Сербии с надеждой войти в ее состав. Белград также планировал создание большого сербского королевства, поэтому рассматривал славянские народы Боснии и Герцеговины как неотъемлимую часть южнославянской нации. Создание великой Сербии воспринималось имперским австро-венгерским правительством как прямая угроза единству их империи. Поэтому, в правящих кругах Австро-Венгрии все больше усиливался авторитет сторонников усиления и радикализации

---

¹ Albertini, (L.). The Origins of the War of 1914: 3 v. New York, NY: Enigma Books, 2005. V. 1. P. 16.

² Albertini, (L.). Op. cit. V. 1. P. 22-23.

³ Там же. С. 305

⁴ Там же. С. 307.

антисербской политики на Балканском полуострове. Партию сторонников этого политического курса возглавлял министр иностранных дел барон А. фон Эренталь. Военный агент в Вене полковник М.К. Марченко сообщал: «В основе решимости провести аннексию легло непоколебимое убеждение барона Эренталья, что Россия, не оправившаяся ещё после Японской войны и внутренних волнений, не окажет серьёзного сопротивления, и согласится на соучастие при условии получения тех или иных гарантий»¹. Эренталь осознавал, что и Османская империя, охваченная внутривластными потрясениями, не в состоянии пресечь аннексию военным путем. Таким образом, в случае захвата двух провинций, Австро-Венгрия, как полагали влиятельные силы в Вене, решала сразу несколько задач: усиливала свое присутствие на Балканах, ослабляла Сербию, срывая ее претензии на лидерство среди южных славян, ослабляла позиции России в этом регионе. Имелись еще и цели для внутреннего употребления. Австро-венгерская политика все больше определялась важной внутренней проблемой, которая бросала вызов режиму габсбургской монархии. В империи постоянно ослабевало германское влияние и росло венгерское. Мало того, что венгры представляли опасность целостности режима сами по себе, так они еще своим жестким подавлением южных славян, в основном проживавших на мадьярской территории, настраивали их против Вены. Поскольку императорское австрийское правительство было неспособно подавить венгров, оно пришло к выводу, что единственным «решением» вопроса было всячески ослабить Сербию, которая все больше становилась в глазах южных славян альтернативой католической Вены². Габсбурги надеялись, что включение в состав империи новых территорий со славянским населением, заметно ослабит всевозрастающее венгерское влияние на политику и экономику страны, а заодно ослабит и влияние на южных славян Белграда. Эренталь предлагал провести

---

¹ Секретный доклад военного агента в Вене полковника М.К. Марченко // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

² Taylor (A.J.P.). *The Struggle for Mastery in Europe. 1848-1914.* Oxford University Press, 1957. P. 449.

молниеносную оккупацию Боснии и Герцеговины, предложив России в качестве компенсации австро-венгерское содействие по приобретению ею проливов и Константинополя. Эренталь и его сторонники надеялись, что согласие Петербурга на такое предложение приведет к его компрометации в глазах южных славян и подорвет его влияние на Балканах¹, а кроме того, навсегда закроет для Сербии возможность присоединения Боснии и Герцеговины. Но в целом, Эренталь намеревался скомпрометировать Сербию, а не Россию. С Петербургом он достаточно искренно стремился строить отношения по типу «Союза трех императоров». Парadoxально, но Эренталь при помощи аннексии стремился вывести «Лоскутную империю» из-под германского влияния. Эренталь ничего не сообщил Берлину о сделке в Бухлау, поставив его затем, как и Извольского, перед свершившимся фактом, чем нанес чувствительный удар по германским интересам в османской империи и на Ближнем Востоке². Кайзер Вильгельм II видел себя вождем мусульманского мира, о чем он открыто заявил в 1905 г.: «В нынешних очень напряженных обстоятельствах, когда мы стоим перед лицом больших коалиций, которые формируются против нас, наш последний козырь — это ислам и мусульманский мир»³. Вильгельм II всячески выставлял себя защитником интересов Османской империи, поэтому сначала революция младотурок, которых он называл «английскими лакеями», а затем и бесрассудная авантюра, с его точки зрения, Эренталя с захватом турецких провинций, вызвала у германского императора чувство сильного раздражения. Кайзер с горечью признавал: «Лично я глубоко уязвлен в своих чувствах как союзник, что Его Величество Император Франц Иосиф ни в коей мере не посвятил меня в свои планы заранее»⁴. Однако Б. Бюлов и В. Шен сумели убедить императора в необходимости поддержки Австро-Венгрии в вопросе аннексии, исходя не столько из того, чтобы удержать союз с ней, сколько для того, чтобы ответить

---

¹ История дипломатии / Потёмкин В.П. ред. Т. 2. С. 143.

² Taylor (A.J.P.). Op.cit. P. 452.

³ Röhl (J.). Kaiser Wilhelm II. 1859-1941. A Cosice Life. Cambridge, 2014. P. 121.

⁴ Röhl (J.). Op.cit. P. 122.

России за то, что она заключила соглашение с Великобританией. Б. Бюлов заявил: «Поскольку Россия демонстративно присоединилась к Англии в Ревеле, мы не могли отказаться от Австрии»¹. С этого момента Вильгельм II стал поддерживать Австро-Венгрию в ее бесрассудной политике, даже вопреки интересам Германии. Выступая перед комиссией бундесрата, статс-секретарь министерства иностранных дел Германии А. фон Кидерден-Вехтер, так объяснял германскую политику: «Много раз говорилось, что Германии не нужно бороться за интересы Австрии, ни в Албании, ни на Андриатике, ни за порт Дураццо. Но дело не в этом. Цель нашего союза — сохранить за Австрией статус великой державы, великой монархии Центральной Европы, нашей соседки, в неприкосновенности, что мы однажды не встретились, как сказал князь Бисмарк, нос к носу с Россией и с Францией за спиной. Поэтому, если австрия, каковы бы ни были ее причины, будет вынуждена бороться за свое положение великой державы, мы должны встать на ее сторону»².

Между тем, Эренталь начал реализовывать свой план. Первым шагом стало его предложение о строительстве железной дороги через Новобазарский санджак. Санджак отделял Черногорию от Сербии и мешал объединению этих двух государств, в котором, по-существу, проживал единый народ. Оккупация Санджака создавала для Австро-Венгрии плацдарм для возможной будущей экспансии в направлении эгейского порта Салоники, контролируемой Османской империей. Проложение железнодорожного пути через Санджак, явилось бы прямым нарушением Петребургского договора между Австро-Венгрией и Россией 1897 г.³. Резкий протест против этого строительства со стороны Петербурга и Белграда вынудил Эренталя временно отказаться от него и привел к пониманию, что любое австрийское продвижение на Балканах грозит войной с Сербией, а возможно и Россией. Австро-Венгрия могла пойти на этот шаг, только

---

¹ Die Große Politik. Bd. XXVI. № 9074.

² Hauser (M.H.). Histoire Diplomatique de L'Europe 1871-1914. Les Presses Universitaires de France, 1929. P. 237.

³ Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 36.

будучи уверенной, что за ее спиной стоит Берлин. Так, Вена, связав себя с Германским рейхом, сделала свой роковой шаг навстречу своей гибели.

В Петербурге понимали, что рано или поздно, Австро-Венгрия рачнет аннексию боснийских провинций. Для России это означало бы, что Вена решили игнорировать петербургские договоренности 1897 г. В связи с этим, перед российской дипломатией стала весьма трудная задача: сохранить свое положение как защитницу балканских славян и одновременно сохранять дружественные отношения с Австро-Венгрией. В своем выступлении в Государственной думе 4 (17) апреля 1908 г. А.П. Извольский красноречиво говорил об ответственности России перед ее единоверцами и кровными братьями на юге, но подчеркивал, что эти связи с балканскими славянами не исключают дальнейшего сотрудничества с Австро-Венгрией¹. 19 июня (2 июля) 1908 г. А.П. Извольский написал А. Эренталю письмо, в котором предложил обсудить секретные изменения в Берлинском договоре 1878 г., напомнив, что такие изменения могут приниматься лишь всеми его подписантами². А.П. Извольский предложил заранее обсудить возможность признания Петербургом австрийской аннексии Боснии и Герцеговины, в обмен на признание Веной изменения статуса прохода судов через проливы в пользу России³.

Во второй половине августа 1908 г. до Петербурга стали доходить сведения, что в Вене окончательно решено в ближайшее время аннексировать Боснию и Герцеговину и, одновременно, о разрастании с приходом к власти младотурков, хаоса в Османской империи. Все это не могло не обеспокоить российские правящие круги, опасавшиеся захвата проливов третьими государствами. Николай II поручил А.П. Извольскому вступить в переписку с А.

---

¹ Thaden (E.C.). Russia and the Balkan Alliance of 1912. Penn State University Press, 1991. P. 17.

² Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926. б/ и. [Приложение 6]. С. 335-357.

³ Лунева Ю.В. Боснийский кризис 1908-1909 годов: провал сделки Извольского и Эренталья // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 53.

Эренталем и прояснить ситуацию¹. При этом царь не уполномочивал министра обсуждать вопрос об аннексии Боснии и Герцоговины². В течение всего сентября 1908 г. А.П. Извольский и А. Эренталь вели тайную переписку, причем, Эренталь не скрывал, что Австро-Венгрия стремится аннексировать Боснию и Герцеговину. А.П. Извольский и товарищ министра Н.В. Чарыкин пришли к выводу, что пора встретиться с А. Эренталем и обсудить с ним возможность секретного официального договора о признании Россией австрийской аннексии провинций, а Австро-Венгрией российских прав вокруг Босфора и Дарданелл. А.П. Извольский полагал, что повлиять на решение австрийского правительства аннексировать Боснию и Герцеговину Петербург не в состоянии, учитывая, что Вену поддерживает Берлин, также как и захватить военной силой контроль над проливами, что признало Особое совещание в конце июля 1908 г. Поэтому, полагал А.П. Извольский, стоит получить максимальную выгоду от соглашения с Веной³. Эренталь положительно отозвался на письмо Извольского, предложив обсудить все интересующие австро-российские вопросы в его загородном имении в Бухлау, во время традиционного августовского турне российского министра по Европе. О предстоящей встрече с А. Эренталем А.П. Извольский не сообщил ни государю, ни П.А. Столыпину. Встреча А.П. Извольского с А. Эренталем прошла в Бухлау 2 (16) сентября 1908 г. В ходе нее, Эренталь признал, что в ближайшие дни Австро-Венгрия аннексирует Боснию и Герцеговину, но о точной дате он заранее сообщит А.П. Извольскому.

Купившись на это ничем не гарантированное обещание, А.П. Извольский, явно в состоянии своего рода эйфории, обещал Эренталю, что Россия отнесется к аннексии с позиций дружбы и благожелательности, выразив надежду, что и

---

¹ Император Николай II — императору Францу Иосифу 17 декабря 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1127. Цитируется по переводу Красный Архив. Исторический журнал. М.; Лг.: Госиздат, 1925. Т. 3(10). С. 48.

² Император Николай II — императору Францу Иосифу 17 декабря 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1127. Цитируется по переводу Красный Архив. С. 48.

³ Емец В.А., Игнатъев А.В. /ред. История внешней политики России. Конец XIX - начало XX века. М.: Международные отношения, 1997. С. 233.

Вена проявит тот же настрой в случае, если Россия поднимет вопрос об открытии проливов только для русских военных судов. Так как сведения о скором провозглашении Болгарии независимым царством уже были известны, как в Петербурге, так и в Вене, Извольский и Эренталь договорились признать эту независимость. Что касается компенсаций Сербии и Черногории¹, то Эренталь их отверг, но отметил, что Вена не будет противодействовать сербской экспансии на юг за счет Османской империи и поддержит предложение России полностью признать суверенитет Черногории. По словам А.П. Извольского, вывод австро-венгерских войск из Новибазара, даст возможность России не ставить вопрос о войне, т.к. сама будет настаивать на внесении изменений в Берлинский мирный договор в свою пользу. На предложение А.П. Извольского узаконить аннексию путем созыва международной конференции по пересмотру договоренностей Берлинского конгресса 1878 г.², А. Эренталь ответил отказом. Ситуация осложнялась тем, что А.П. Извольский вел переговоры без санкции сверху, а А. Эренталь вел двойную игру. Дипломаты договорились, что аннексия состоится чуть позже, когда наступит удобное согласованное время. Однако через несколько дней после отъезда Извольского начался Боснийский кризис, спровоцированный Австрией.

Подводя итоги встречи А.П. Извольского и барона А. Эренталя в Бухлау, невозможно не поразиться в высшей степени бездарными и самонадеянными действиями российского министра. Фактически, он, что говорится, купил «кота в мешке». Никаких гарантий того, что А. Эренталь будет выполнять данные им без всякой письменной фиксации обещания, не существовало и по существу, никаких договоренностей в юридическом смысле слова в Бухлау не произошло, о чем А. Эренталь позже и заявил³. Как пишет А.В. Игнатъев: «Собеседники предпочли ограничиться неофициальным джентльменским соглашением, что

---

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 149.

² Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 76.

³ Лунева Ю.В. Боснийский кризис. С. 55.

оставляло каждому определённую свободу трактовки»¹. А.П. Извольский действовал как авантюрист, не имея никакой санкции на свои действия со стороны государя, единственно от которого зависела судьба всех, данных российским министром в Бухлау обещаний и не имея даже поддержки со стороны главы правительства П.А. Столыпина. А. Эренталь, наоборот, действовал в Бухлау, имея за спиной мощную поддержку в лице императора и т.н. «военной партии». Очевидно, что «обмен» между А.П. Извольским и А. Эренталем, даже в случае добросовестности последнего, явно не равнозначен. Понятно, что расчет А.П. Извольского строился на том, что Россия соглашается на австрийскую аннексию, которая является грубым нарушением Берлинского договора, что дает возможность Петербургу созвать международную конференцию, и там поставить вопрос о пресмотре в свою пользу статуса Черноморских проливов. Но если реализация аннексии являлась для Австро-Венгрии технически легко решаемым вопросом, то созыв конференции, обсуждение на ней проблемы проливов, даже при предполагаемой поддержке Вены, но при невыясненных позициях Парижа, Лондона и Берлина, стала бы для России крайне сложной и скорее нерешаемой задачей.

О состоявшейся «договорённости» в Бухлау А.П. Извольский не сообщил в Петербург и продолжил свое европейское турне². В Германии его ждала первая неудача: во время встречи со статс-секретарем иностранных дел В. фон Шеном, последний заявил, что Берлин не станет мешать России изменять статус прохода военных судов через проливы, но взамен потребует для себя компенсаций³.

Между тем, император Франц Иосиф, уже зная о состоявшейся в Бухлау «договорённости», 16 (29) сентября 1908 г. известил письмом императора Николая II о предстоящей в скором времени аннексии Боснии и Герцеговины⁴.

---

¹ Там же. С. 77.

² Там же. С. 76.

³ История дипломатии / Потемкин В.П., ред. Т. 2. С. 151

⁴ Император Франц Иосиф — императору Николаю II 16 (29) сентября 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1375. Цитируется по Красный архив. С. 42-43.

Спустя три дня после письма австрийского императора, Н.В. Чарыков сообщил о свидании Бухлау П.А. Столыпину. Глава правительства был крайне возмущен тайными и сепаратными действиями А.П. Извольского, совершающего какие-то малопонятные «договоренности» о торгах и компенсациях с представителем правящих кругов Австро-Венгрии¹. 21 сентября (4 октября) Н.В. Чарыков доложил о результатах встречи в Бухлау Николаю II². Царь был не менее П.А. Столыпина ими возмущен и заявил, что он «никаких полномочий Извольскому не давал, да тот их и не спрашивал»³. Николай II сказал П.А. Столыпину, что Извольский поставил и себя, и Государя «в совершенно безвыходное положение»⁴. О своей неосведомленности о соглашении в Бухлау Николай II писал кайзеру от 15 (28) декабря 1908 г.⁵. Во время встречи с Николаем II в Царском Селе 21 сентября (4 октября) 1908 г. П.А. Столыпин высказал свое мнение по поводу ситуации вокруг аннексии: А.П. Извольского из заграничного турне следует отозвать⁶; аннексию Боснии и Герцеговины — не поддерживать; обратиться к великим державам о немедленном созыве конференции по пересмотру Берлинского трактата; пообещать Константинополю щедрые компенсации⁷. Николай II в целом согласился со П.А. Столыпиным: А.П. Извольский получил из Петербурга строгое указание, в случае аннексии Боснии и Герцеговины никаких переговоров с Веной не вести, а заявить ей протест⁸. Но поездку А.П. Извольского в Париж Николай II прерывать не стал. Во-первых, следовало выяснить позицию европейских держав к аннексии, во-вторых, не

---

¹ Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы в дипломатической деятельности и исторических взглядах Н.В. Чарыкова // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди: Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ист. образования в Саратовском ун-те. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008. С. 94-111.

² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908. Д. 204. Л. 173.

³ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 335.

⁴ Там же.

⁵ Император Николай II — императору Вильгельму II 15 декабря 1908 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 421

⁶ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 81.

⁷ Там же.

⁸ Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы. С. 99.

допустить, или, во всяком случае смягчить, впечатление о своеволии А.П. Извольского¹.

23 сентября (6 октября) Н.В. Чарыков представил Николаю II проект созыва международной конференции по пересмотру Берлинского трактата, предусматривающий серьезные компенсации Османской империи за отторжение от неё Боснии и Герцеговины, в обмен на обязательства Константинополя признать провозглашение Болгарии независимым государством и согласия на открытие проливов для российского военного флота².

Между тем, через несколько дней после получения письма от австрийского императора, Н.В. Чарыков ознакомил царя с секретными документами, касающиеся Берлинского конгресса и секретного дополнения к договору о «Союзе трёх императоров», подписанного 6 (18) июня 1881 г. Александром II, Вильгельмом I и Францем Иосифом. Из этих документов следовало, что «Австро-Венгрия сохраняет за собой право аннексировать Боснию и Герцеговину в момент, который она признает подходящим»³. В письме к вдовствующей императрице Марии Федоровне Николай II отмечал, что он ничего не знал об этом соглашении «от Гирса и Лобанова», а узнал из письма «старика-императора» «о согласии, данном тогда Анпапа*. Fichue position !!!* Я получил его письмо две недели назад и до сих пор ещё не ответил. Ты понимаешь, какой это сюрприз и в каком неудобном положении мы очутились»⁴. В результате, Николай II был вынужден отказаться от ноты протеста Вене по поводу аннексии Боснии и Герцеговины.

23 сентября (6 октября) 1908 г. Болгария провозгласила свою независимость от Османской империи. На следующий день 24 сентября (7

---

¹ Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы. С. 99.

² Сборник секретных документов из архива бывшего МИД. Пг, 1917. Вып. 1. Док. 2. С. 4.

³ Сборник договоров России с другими государствами. С. 232.

* император Александр II.

* проклятое положение! (- фр.).

⁴ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. Л. 2330. 69.

октября) 1908 г. указом императора Франца Иосифа Босния и Герцеговина были присоединены к империи¹. Таким образом, А. Эренталь не выполнил своего обещания заранее сообщить А.П. Извольскому о предстоящей аннексии. Узнав об этом случайно из газет, А.П. Извольский заявил, что отказывается выполнять условия соглашения, но было уже поздно.

Сербия решительно протестовала против аннексии Боснии и Герцеговины и мобилизовала свою армию. Белград требовал, чтобы либо аннексия была отменена, либо Санджак был передан Сербии в качестве компенсации. Вена отвергла оба варианта, но после вывода австро-венгерских войск из Санджака сербы взяли его под свой контроль. Османская империя также протестовала против аннексии, но гораздо активнее выступила против независимости Болгарии, поскольку она находилась рядом с политическим центром империи Константинополем, в то время как Босния и Герцеговина находились на ее окраинах. Тем более, что правительство Австро-Венгрии поспешило договориться с османами о денежной компенсации в размере 2,2 млн фунтов стерлингов.

Между тем, А.П. Извольский прибыл в Париж, но там ничего не добился. Французы не стали связывать себя никакими обязательствами в отношении проливов, и тем более не собирались осуждать Австро-Венгрию, с которой у Парижа были почти дружественные отношения, связанные с большим объемом французских капиталов, вложенных в австрийскую экономику. Как сообщал посол А.И. Нелидов: «Франция безучастно взирает на международные события, когда она к ним непосредственно не причастна и когда не затронуты самые чувствительные для неё материальные интересы»². Президент А. Фальер, министр иностранных дел С. Пишон и другие руководители III-й Республики отнеслись с сочувствием и пониманием к австрийской аннексии, а к идее А.П.

---

¹ Ф.В. Дубасов — императору Николаю II 25 сентября 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Д. 750. Оп. 1. Л. 24.

² Шапошников Б.М. Мозг армии: в 4 т. Т. 1. М.: Воениз, 1927. С. 56.

Извольского о созыве международной конференции по пересмотру итогов Берлинского конгресса — скептически¹. Представители французского правительства заявили А.П. Извольскому, что боснийское дело есть «вопрос, в который не вовлечены жизненные интересы России» и, что «французское общественное мнение не сможет понять, что такой вопрос может привести к войне, в которой французской и российской армиям придется принять участие»². Во французском обществе были возмущены закулисными переговорами А.П. Извольского. Тон здесь задавали социалисты. Так, Ж. Жорес, выступая в Палате представителей, заявил: «Франция не знала, и никто из представителей французской дипломатии не смог предупредить наше правительство, что Извольский тайно беседовал с Эренталем о судьбе Франции»³.

Не ожидавший такой реакции Парижа, А.П. Извольский решил ехать в Лондон, но получил строгое предписание Совета министров о немедленном возвращении в Петербург⁴. Но Николай II полагал, что отказ от поездки А.П. Извольского в Англию, после посещения им Парижа и Берлина, выглядел бы в глазах Лондона странным и недружественным шагом. Поэтому император разрешил А.П. Извольскому отправиться в Лондон, где, правда, министр потерпел такое же поражение, как и в предыдущих столицах. Британское общественное мнение предполагало, что после младотурецкой революции Константинополь встал на либеральный путь, и поэтому Лондон не стремился делать ничего, что могло бы ослабить младотурецкий режим. Кроме того, в Форрин-офисе были недовольны и требованиями Петербурга по вопросу проливов. Э. Грей настаивал на том, что, если правила в отношении проливов будут пересмотрены в пользу России, то «должна быть какая-то взаимность» для

---

¹ Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. С. 64.

² Taylor (A.J.P.). Op. cit. P. 455.

³ Nanotaux (G.). La politique de l'équilibre. 1907-1911. Paris, Plon-Nourrit et cie., 1914. P. 161-162.

⁴ А.П. Извольский — Н.В. Чарыкову 25 сентября 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 23.

других государств на тех же условиях, на которых Россия могла бы выходить в Босфор и Дарданеллы¹.

Несмотря на демагогию А.П. Извольского, который пытался пугать Э. Грея омрачением только что налаженных англо-русских дружественных отношений² и, что без поддержки соглашения по проливам он будет заменен «реакционным» министром³, глава Форрин-офиса отказался от участия в Боснийской авантюре. Лондон, в принципе, не возражал против открытия проливов, но только для военных судов всех государств. По иронии судьбы, в 1907 г. Великобритания была готова обсудить вопрос об использовании проливов российскими военными кораблями, но в 1908 г. Э. Грей решил, что аннексия сделала весь регион слишком нестабильным для каких-либо дальнейших изменений.

В октябре 1908 г. турецкий посол в Петербурге Пермети Турхан-паша согласился с предложением России по поводу проливов и компенсаций⁴, но в действительности, как сообщал посол в Константинополе И.А. Зиновьев, младотурецкое правительство было «не особенно расположено к разрешению вопроса о проливах в желательном для России смысле»⁵.

26 сентября (12 октября) А.П. Извольский был вынужден публично заявить, что он заранее знал о планах Австро-Венгрии аннексировать Боснию и Герцоговину, и что он неправильно истолковал возможную позицию Петербурга как сочувственную аннексии⁶. В свою очередь, А. Эренталь публично заявил, что аннексия совершена по сговору с А.П. Извольским, который 29 сентября (12 октября) 1908 г. просил в письме к Н.В. Чарыкову помочь ему «отмыться» от

---

¹ Лунева Ю.В. Боснийский кризис 1908-1909 годов. С. 59.

² Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. С. 66.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 528 с. С. 376.

⁴ Н.В. Чарыков — П.А. Столыпину 26 сентября (9 октября) 1908 г. // Исторический архив, 1962. № 5. С. 306.

⁵ И.А. Зиновьев — А.К. Бенкендорфу 9 (22) октября 1908 г. // АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1324. Л. 138.

⁶ Речь, 1908, 26 сентября.

своих же интриг¹, а в письме государю разрешения выступить с разъяснениями в Государственной думе, на что получил согласие².

Проездом в Петербург, А.П. Извольский остановился в Берлине, где надеялся договориться с германским руководством. Однако кайзер, Бюлов, Шен не собирались помогать России ни по одному из вопросов, имея, как они полагали, на это следующие основания. Во-первых, в Берлине не могли простить Петербургу его сближение с Лондоном; во-вторых, в тайне, германское руководство не хотело, чтобы Австро-Венгрия вышла, благодаря аннексии, на первые роли на Балканах. В Берлине не хотели, чтобы Эренталь добился самостоятельного успеха. Вильгельма II мало заботило унижение Сербии, ему нужно было гораздо большее — унижение России. Для этого надо было поссорить Вену с Петербургом, не дать им договориться. Поэтому, Вильгельм II и Б. Бюлов дали понять А.П. Извольскому, что Германия всегда будет поддерживать Австро-Венгрию всеми средствами. Конференция, если она состоится, должна свестись только к двум пунктам: признание аннексии Боснии и Герцеговины и независимости Болгарии; вопрос о проливах может решиться для России положительно, лишь в том случае, если она договорится об этом с Турцией³. Берлинские переговоры означали полный крах А.П. Извольского. Б. Бюлов злорадно писал по этому поводу: «В боснийском вопросе Извольский делал ошибку за ошибкой. Грубой ошибкой было то, что 15 сентября 1908 г. в Бухлау он не спросил Эренталья прямо и без обиняков, когда и в какой форме он намеревается предпринять аннексию Боснии и Герцеговины. Дальнейшей ошибкой было то, что, когда Эренталь поразил его аннексией, он не вернулся в Петербург, чтобы перед Думой и Царём мужественно защищать свою политику. Вместо этого он комичным образом объездил все европейские столицы»⁴.

---

¹ А.П. Извольский — Н.В. Чарыкову 29 сентября 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 26.

² Император Николай II — Н. В. Чарыкову // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 750. Л. 27.

³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908 г. Д. 203. Л. 6-7.

⁴ Bülow (B). Op. cit. P. 350.

Провал дипломатических усилий А.П. Извольского, привел берлинские правящие круги к осознанию, что ни в Париже, ни в Лондоне Петербург никакой серьезной поддержки не получит. Осознав это, Берлин начал активно подталкивать «военную партию» в Вене к нападению на Сербию.

Между тем, А. Эренталь начал осознавать в какую ловушку он загнал сам себя и всю австрийскую политику. В январе 1909 г. Ф. Конрад фон Гётцендорф заявил о необходимости как можно скорее решить конфликт с Сербией «силой оружия»¹, разделив ее территорию между Австрией, Болгарией и Румынией². Конечно, Австро-Венгрия могла легко разбить и поделить Сербию. Но в этом случае «Лоскутная империя» получала в дополнение к венграм и боснякам, дополнительные миллионы ненавидящих ее подданных. К большому неудовольствию «военной партии», Эренталь решил довольствоваться признанием сербами аннексии Боснии и Герцоговины. Но это совсем не устраивало Германию, которой нужна была дипломатическая капитуляция России.

22 октября (4 ноября) 1908 г. Николай II, наконец, ответил на сентябрьское письмо Франца Иосифа, в котором спешил заверить австрийского императора, что Россия предпримет все меры для мирного разрешения конфликта³. Николай II предлагал созвать международную конференцию, на которой нарушения итогов Берлинского конгресса были бы узаконены, включая аннексию Боснии и Герцоговины, а заодно и изменение статуса проливов с учетом интересов России. Император Франц Иосиф Вена полностью согласился с этим предложением⁴. 29 ноября (12 декабря) 1908 г. Николай II принял германского морского атташе П. Гинце, которому заявил: «Моей мыслью всегда было: Проливы! Все, что я хочу,

---

¹ Conrad, Feldmarschall. Aus meiner Dienstzeit. 1906-1918. Bd. 1. Wien; Berlin; Leipzig; München: Rikola Verlag, 1921. S. 138.

² История дипломатии / Потемкин В.П., ред. Т. 2. С. 195.

³ Император Николай II — императору Францу Иосифу 22 октября 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1127. Цитируется по: Красный Архив. Исторический журнал. М.; Лг., 1925. Т. 3(10). С. 44-45.

⁴ Емец В.А., Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 244.

это свободный выход и свободный вход»¹. Вильгельм II, вслед за Францем Иосифом также поспешил выразить царю свою полную поддержку в этом вопросе. Кайзер надеялся, что на конференции, только Берлин и Вена поддержат русское предложение, а это будет означать разрыв Петербурга с Парижем и Лондоном. Однако Николай II в следующем письме подчеркнул, что вопрос об аннексии будет рассмотрен отдельно на конференции между Константинополем, Петербургом, Берлином, Веней, Лондоном и Парижем, а вопрос о проливах — в ближайшем будущем, путем переговоров со всеми заинтересованными державами². Как только Вильгельму II стало ясно, что на конференции не получится внести расколо в англо-франко-русское согласие, а все сведется к обсуждению законности аннексии Боснии и Герцеговины и компенсации Константинополю, он утратил к конференции всякий интерес. Вслед за кайзером, в декабре 1908 г. австро-венгерское правительство официально отказалось передавать вопрос об аннексии на международное обсуждение, поставив предварительным условием законность этой аннексии. Берлин безоговорочно поддержал Австро-Венгрию в этом вопросе³.

Все более накаляемая международная обстановка на Балканах грозила началом там большой войны. Сербия и Черногория заявили совместный протест против австрийской аннексии⁴; младотурецкое правительство также было сильно раздражено ею, т.к. в результате действий Вены Османская империя утратила две свои провинции и Болгарию. В этих условиях Николай II считал главной задачей не допустить войны на Балканах. 15 (28) декабря 1908 г. император написал Вильгельму II письмо, в котором указывал, что «аннексия Австрией Боснии и Герцеговины вызвала в России взрыв негодования» и «единственная опасность политического положения в настоящий момент заключается в следующем: быть

---

¹ Емец В.А., Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 245.

² Там же.

³ История дипломатии / Потемкин В.П., ред. Т. 2. С. 194.

⁴ Задохин А.Г.; Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. С. 99.

или не быть войне между Австрией и Сербией»¹. Николай II сообщил кайзеру, что Россия делает все, чтобы успокоить правительства Сербии и Черногории, но предупредил, что «если бы Австрия напала на одно из этих малых государств», он бы оказался в крайне «затруднительном положении»². Николай II просил кайзера «во имя нашей давнишней дружбы» дать понять Вене, что война на Балканах «представляет опасность для европейского мира»³.

Так как Вильгельм II тянул с ответом, то царь 17 (30) декабря 1908 г. написал очередное послание Францу Иосифу, в котором спрашивал: ограничится ли австрийская политика «той смутой, которую она уже причинила, или же мы находимся накануне осложнений, ещё более опасных для общего мира?»⁴. В этом случае, предупреждал царь, такая ситуация «положит конец всякой возможности сохранить хорошие отношения между Россией и Австро-Венгрией и может привести Европу к общей войне»⁵. В ответ австрийский император заверял, что он «никогда не думал посягать на их независимое существование» Сербии и Черногории⁶.

В Берлине пока всерьез войны с Россией не рассматривали. 18 (31) декабря 1908 г. во время Новогоднего приёма в русском посольстве в Берлине, начальник Большого штаба генерал Г. фон Мольтке, поздравляя личного предствителя императора Николая II при особе германского императора Вильгельма графа И.Л. Татищева с наступающим новолетием, сказал: «Нам с Россией делить нечего и между нами нет таких причин, которые требовали нарушения наших добрых отношений. <...> Если бы война началась, и мы бы дрались с вами и Францией,

---

¹ Император Николай II — императору Вильгельму II. 15 декабря 1908 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 422

² Там же. С. 423

³ Там же. С. 423

⁴ Император Николай II — императору Францу Иосифу 17 декабря 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1127. Цитируется по Красный Архив. Исторический журнал. М.; Лг.: Госиздат, 1925. Т. 3(10). С. 49.

⁵ Император Николай II — императору Францу Иосифу 17 декабря 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1127. Цит. по Красный Архив. Т. 3(10). С. 49.

⁶ Император Николай II — императору Францу Иосифу. 17 декабря 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1127. Цитируется по Красный Архив. Т. 3(10). С. 50.

то это была бы катастрофа, равняющаяся уничтожению европейской культуры. Исход войны никогда вперёд предусмотреть нельзя, и только одна Англия, которая в войне не приняла бы никакого участия, извлекла бы из неё существенную пользу»¹. Г. Мольтке не знал, что осенью 1908 г. императору Николаю II уже было известно о планах наступательной войны Германии против России².

9 (22) января 1909 г. царь, наконец, получил ответ Вильгельма II на своё письмо от 15 декабря 1908 г. В письме кайзер жаловался, что политика России «постепенно всё более и более отклоняется от нас, всё теснее примыкая к комбинации держав нам враждебным»³. Главная мысль, которую Вильгельм II проводил в своём письме, заключалась в том, что «если бы Россия вовремя посоветовалась с нами, то дела не оказались бы в таком запутанном состоянии»⁴. Несмотря на это, заверял Вильгельм II, Австрия не нападёт на Сербию и дело удастся решить мирным путём. В германском правительстве стремились по максимуму использовать в своих интересах эту конфликтную ситуацию. Но, несмотря на эти заявления, Вена не была готова одна начинать войну с Сербией, опасаясь военного вмешательства России. Между тем, Николай II в январском письме 1909 г. предлагал кайзеру «оказать дружеское воздействие на Вену в смысле смягчения курса её политики»⁵. Основания рассчитывать на такое посредничество со стороны германского императора, у царя имелись. На начало 1909 г. Вена до конца не была уверена какую позицию займет Германия в случае нападения Австрии на Сербию. Австро-германский договор 1879 г.

---

¹ И.Л. Татищев — императору Николаю II 1 января 1909 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1). Л. 17.

² Записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны. 22 августа (5 сентября) 1908 г // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33. Л. 98-106.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II 09 января 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 425.

⁴ Император Николай II — императору Вильгельму II 09 января 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 425.

⁵ Император Николай II — императору Вильгельму II. 12 января 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 427.

предусматривал оказание военной помощи Австрии со стороны Берлина, только в случае нападения на нее третьей державы. Поэтому одновременно с запросом Николая II к кайзеру о посредничестве, в Берлин поступила депеша от австро-венгерского руководства, в которой ставился вопрос: вступит ли Германия в войну прототив Сербии, а возможно и против Франции, и России. Берлин был поставлен в довольно двусмысленное положение и взял паузу. Только через три недели, 21 января (по н.ст.) 1909 г. начальник Большого штаба генерал Г. Мольтке с согласия Б. Бюлова направил в Вену следующий ответ: «Хотя я уверен, что Россия приложит все усилия, чтобы не дать себя втянуть в новую войну, не исключено, что под давлением общественного мнения, российское правительство будет вынуждено пойти ему на большие уступки. Сербия — с отчаянием ведет дело к войне с Австрией. У Монархии не останется иного выхода, как войти на территорию Сербии. Я считаю, что только вторжение Австро-Венгрии на территорию Сербии может спровоцировать активное военное вмешательство России. <...> В тот самый момент, когда мобилизуется Россия — мобилизуется и Германия»¹.

Между тем, в Государственной думе и в российской прессе шла яростная кампания в поддержку Сербии, которая порой приобретала провокационный характер, способствовавшего эскалации конфликта. Так, «Русское Слово» 10 (23) февраля 1908 г. сообщала: «Из Вены. Вчера отправлено на сербскую границу 50 000 солдат. В общем на границе Сербии расположено уже 200 000 человек. В виду намерения австрийского правительства удвоить число войск. На днях ожидается призыв запасных»². Между тем, в российском правительстве понимали, что Россия, еще не оправившаяся после русско-японской войны и социальных потрясений, не была готова к войне, тем более с Германией. Николай II писал Марии Феодоровне уже после событий: «Нам со всех сторон было известно, что Германия совершенно готова к мобилизации. Против кого?

---

¹ Hauser (M.H.). Op. cit. P. 86-87.

² Русское Слово, 1909 г., 10 февраля

Очевидно, что не против Австрии»¹. 26 февраля (9 марта) 1909 г. Вена в ультимативной форме потребовала от Сербии признания аннексии Боснии и Герцеговины. Берлин всецело и решительно ее поддержал. 8 (21) марта 1909 г. посол в Петербурге Ф. Пурталес предложил русскому правительству «германское посредничество», которое больше было похоже на ультиматум: 1) Германия соглашается повлиять на Австро-Венгрию не нападать на Сербию; 2) Петербург безоговорочно признает аннексию Боснии и Герцеговины и отказывается от требования созыва международной конференции; Петербург берет на себя обязательство заставить Белград принять условия венского кабинета. Ф. Пурталес жестко подвел итог: «Мы ожидаем точный ответ — да или нет, всякий уклончивый, условный или неясный ответ, мы будем вынуждены считать отклонением от нашего предложения. В таком случае мы бы отошли в сторону и предоставили бы событиям идти своим ходом; ответственность за все дальнейшие последствия пала бы исключительно на г. Извольского»². 6 (19) марта состоялось заседание Совета министров под высочайшим председательством при участии П.А. Столыпина, военного министра генерала А.Ф. Редигера, морского министра вице-адмирала С.А. Воеводского и А.П. Извольского. Единодушный вывод, сделанный участниками заседания, сводился к тому, что Россия в настоящий момент воевать не может³. 9 (23) марта 1909 г. Николай II телеграфировал Вильгельму II, что Россия принимает германские требования⁴. Николай II сообщал матери: «На прошлой неделе у меня состоялось заседание Совета министров по несносному вопросу о Сербии и Австрии. Это дело, тянувшееся уже 6 месяцев, сразу осложнилось для нас тем, что мы можем помочь делу и предотвратить войну, если мы дадим согласие на знаменитую аннексию, а если мы откажемся, последствия могут быть серьезными и

---

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне 4 марта 1909 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 78.

² Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 423.

³ Емец В.А., Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 251.

⁴ Император Николай II — императору Вильгельму II 9 марта 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 433-434.

непредвиденными. Раз вопрос был поставлен ребром — пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться»¹.

18 (30) марта перед угрозой неминуемого военного поражения, сербское правительство признало, что аннексия Боснии и Герцеговины не нарушает её прав. В Германии и Австро-Венгрии наступило всеобщее ликование, а в России и в Сербии — всеобщее возмущение. Николай II писал вдовствующей императрице в те дни: «У нас в обществе не хотят понять, что вопрос стоял так грозно несколько дней назад! <...> Кроме дурных людей в России никто теперь не желает войны, а, по-моему, она была очень близка. Как только опасность её прошла, сейчас же начинают кричать, что мы унижены, оскорблены и т.п. Из-за слова «аннексия» наши патриоты готовы были пожертвовать Сербией, т.к. в случае нападения на неё Австрии, мы не могли ей ничем помочь!»².

Несмотря на то, что австро-германский союз в разрешении Боснийского кризиса добился впечатления эффектного успеха, в действительности, он не имел большого значения. Аннексия Боснии и Герцеговины не решила внутренние проблемы Австро-Венгрии, но зато настроила против нее миллионы южных славян, которые стали полностью ориентироваться на Белград. Что касается Германии, то ее попытка демонстративно унизить Россию, ослабить ее согласие с Францией и Англией, вкупе со своей безоговорочной поддержкой Австро-Венгрии, привела к нарушению одного из главных принципов Бисмарка – не вмешиваться в Восточный вопрос. Отныне, все, что происходило на Балканах, затрагивало и Германию. Безоговорочная поддержка Австро-Венгрии противоречила всем традициям немецкой внешней политики. Не случайно, уходя в июне 1909 г. в отставку, Б. фон Бюлов сказал Вильгельму II: «Не повторяйте боснийскую историю»³.

---

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне 4 марта 1909 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 78.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне 4 марта 1909 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 78-79.

³ Bullow (B.). Op. cit. Т. II. P. 228.

Как пишет В.А. Емец: «Центральные державы поначалу были склонны преувеличивать свой успех и ожидать переориентации русской внешней политики в духе «Союза трех императоров»¹. Ф. Пурталес, получив согласие России с германскими условиями, телеграфировал в Берлин: «Не исключено, что это поворотный пункт. Теперь наступит новая ориентация русской политики в смысле сближения с Германией!»². Но Ф. Пурталес жестоко ошибался. Полное игнорирование австро-германской стороной российских интересов, привело к резкому ухудшению российско-германских отношений. Вся последующая политика Николая II в отношении Германии не несла в себе и тени дружеской откровенности. Император писал матери: «Форма или приём германского правительства, их обращение к нам, был груб, и мы этого не забудем!! Я думаю, что этим ещё раз хотели отделить нас от Англии и Франции, но опять это не удалось. Такие способы приводят скорее к обратным результатам»³. Россия не стала на путь подчинения Германии. Напротив, в 1909 г. она начала широкомасштабную реконструкцию своих вооруженных сил.

Тем не менее, российскому правительству становилось очевидным, что продолжать курс балансирования становилось всё труднее. Причиной этому была заданность германских империй на войну, так ярко проявившаяся в дни Боснийского кризиса. Тем более, что летом 1909 г. император Вильгельм II назначил канцлером известного своими антироссийскими настроениями Т. Бетмана фон Гольвега.

Попытки Петербурга договориться по Балканам с Германией, Францией, Англией и Италией. Боснийский кризис стал тревожным сигналом для России. Как отмечал К.Ф. Шацко: «После Боснийского кризиса, и военным, и дипломатам, и царскому правительству было ясно, что Германия никогда не допустит войны один на один России и Австро-Венгрии, и царским войскам

---

¹ Емец В.А., Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 253.

² Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 124.

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне 4 марта 1909 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 79.

придётся противостоять армиям обоих государств»¹. Вена откровенно продемонстрировала, что не собирается далее соблюдать договор с Россией 1897 г. о сохранении status-quo на Балканах, о чем А. Эренталь открыто заявил германскому дипломату фон Чиршке². Военный агент в Вене полковник М.К. Марченко докладывал в ГУГШ в июле 1909 г.: «Я беру на себя смелость утверждать, что Австро-Венгрия серьёзно готовится к разрешению в ближайшем будущем, с наибольшей для себя выгодой, балканского вопроса во всей его полноте, и первым этапом в этом направлении явился бы захват ею (при соучастии Болгарии) западной части Сербии, обеспечивающего для Австро-Венгрии владение Боснией и дальнейшего движения её к Салоникам»³. Россия не могла допустить такого развития событий. Как отмечал генерал А.И. Деникин: «Поперек австро-германских путей стояла Россия, с её вековой традицией покровительства балканским славянам, с ясным сознанием опасности, грозящей ей самой от воинствующего пангерманизма, от приближения враждебных сил к морям Эгейскому и Мраморному, к полуоткрытым воротам Босфора»⁴.

Опасность, идущая от германских государств, их игнорирование российских интересов на Балканах, заставляли Петербург продолжать сближение с англо-французским блоком. Как полагает А.В. Игнатъев: «Как ни велико было разочарование правящих кругов России в исходе борьбы на Балканах, возмущение действиями Австро-Венгрии и Германии, недовольство слабой поддержкой западных держав, как ни изощрялась печать в критике «непоследовательной» и «неискусной» политики А.П. Извольского, всё же объективная ситуация склоняла к продолжению, пусть и с некоторыми вариациями, прежнего курса. Главная задача, как и раньше, заключалась в том, чтобы выиграть время для укрепления вооружённых сил и внутренних реформ

---

¹ Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. М.: издательство «Наука», 1974. С. 79.

² Астафьев И.И. Указ. соч. С. 216

³ Полковник М.К. Марченко в ГУГШ. 18 (31) июля 1909 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 674. Л. 99-100.

⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Прометей, 1990. С. 222.

при сохранении великодержавного статуса»¹. 1 (14) апреля 1909 г. Николай II заявил послам Англии и Франции, что Россия твердо желает в «поддерживать entente с Францией и Англией»². Во многом по этой причине А.П. Извольский не был сразу отправлен в отставку³. Тем не менее, вопрос об увольнении А.П. Извольского был предрешён⁴. Руководство МИД было временно поручено Н.В. Чарыкову⁵.

Между тем, в Берлине воспринимали ситуацию с некоторым беспокойством. Собственно, ни одна задача, какую ставили германские правители на финальном этапе Боснийского кризиса, а именно переход России от англо-французском союза к новому варианту «Союза трех императоров», достичь не удалось. Вильгельм II, который в 1909 г. больше демонстрировал свою воинственность, чем реально стремился начать глобальную войну, был обеспокоен угрозой полуизоляции Германии. Поэтому, когда Николай II предложил ему «выяснить все вопросы» во время личной встречи, Вильгельм II пришел в восторг⁶, восприняв письмо царя как его готовность к окончательному переходу на сторону германского блока: «Об этом я не смел и мечтать! Это превосходит всё, что я ожидал!»⁷.

Тем временем, Николай II планировал при встрече с императором Вильгельмом добиться от него присоединения к австро-русскому соглашению 1897 г. о сохранении status-quo на Балканах, чтобы принудить Вену воздержаться от экспансии на Балканском полуострове⁸, а также договориться с кайзером о поддержке России в изменении статуса проливов в пользу России, гарантировав

---

¹ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 97.

² Там же.

³ Georges (L.). Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie : deux vol. T. 1 : 1908-1912. P.: F. Rieder, 1926. P. 99.

⁴ Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 149.

⁵ Астафьев И.И. Указ. соч. С. 191-193.

⁶ Там же. С. 199.

⁷ Bülow (B.). Op. cit. T. 2. P. 221.

⁸ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 99.

со своей стороны сохранять нейтралитет в случае англо-германской войны¹. Эти положения стали основой проекта российско-германского договора².

В Берлине были уверены, что Петербург выйдет с инициативой нового сближения с Германией. Поэтому, кайзер и Бюлов решили занять на переговорах изначально пассивную позицию, до тех пор, пока ее русские не проявят ожидаемой инициативы³. Что касается руководства Второго рейха, то единственное, чего оно хотело добиться от встречи с Николаем II, это реанимации «Союза трёх императоров», который в условиях 1909 г. означал неравноправное положение России в германо-австрийском блоке.

Встреча Николая II и кайзера Вильгельма состоялась 4 (17) — 5 (18) июня 1909 г. в местечке Виролахти, в 8 км от границы с Россией и закончилась безрезультатно: кайзер с несвойственной ему манерой почти всё время молчал. Николай II даже заметил ему: «Ты мне не сказал ни слова о внешней политике. У тебя нет даже малейшего беспокойства по ее поводу?»⁴. В конце свидания император Николай II дал свое «святое слово», что он не поддержит ни одно предложение Лондона, которое будет направлено «против Германии»⁵. Царь понимал причины германского поведения и вынашиваемой Берлином задачи подчинить себе Россию. Кайзер, который был уверен, что это так и будет был крайне рассдосадован, так как вместо подчинения встретил готовность России продолжать уверенную суверенную внешнюю политику.

После неудачной встречи с Вильгельмом II, царь направился в Шербур для встречи с французским президентом А. Фальером, с которым хотел обсудить создание противовеса Австрии и Германии на Балканах⁶. Этому же были подчинены переговоры А.П. Извольского с министром иностранных дел III-й

---

¹ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 100.

² Tcharikov (N.V.). Glimpses of High Politics: Through War and Peace, 1855-1929. L.: Macmillan Company, 1931. 330 p. P. 271.

³ DDF. 2e série. T. XII. - № 229. P. 318.

⁴ DDF. 2e série. T. XII. - № 229. P. 318.

⁵ Die Große Politik. Bd. XXVI. S. 823

⁶ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 101-102.

республики С. Пишоном. Однако в ходе переговоров выяснилось, что на Париж, как и на Берлин, рассчитывать в деле сдерживания Австрии на Балканах нельзя¹.

Нежелание Германии и Франции идти на соглашения по Балканам, заставляли Николая II искать более тесное взаимодействие с Англией. 20 июля (2 августа) 1909 г. Царская семья прибыла Великобританию с неофициальным семейным визитом на остров Коуз на императорской яхте «Штандарт» в сопровождении крейсеров и эсминцев российского ВМФ. В честь прибытия высоких гостей король Эдуард VII устроил грандиозный прием и смотр королевскому военно-морскому флоту. Оба монарха принимали парад британской эскадры, стоя на капитанском мостике в адмиральской форме, Николай II в английской, Эдуард VII — в русской. Вечером король Эдуард пригласил российскую сторону на ужин на английскую королевскую яхту. Николай II встречался с премьер-министром Асквитом и Э. Греем. На торжественном обеде оба монарха в тостах положительно упомянули Государственную думу, чья делегация недавно посетила Англию². В условиях царящей в английском обществе русофобии, упоминание представительского учреждения Российской империи, чья делегация незадолго до встречи монархов посетила Великобританию, должно было умиротворяюще подействовать на английских либералов. Встрече Николая II с королём Эдуардом в Коузе суждено было стать последней: 23 апреля (6 мая) 1910 г. он — скончался. На престол вступил его сын — король Георг V.

Однако, несмотря на торжественные обеды, тосты о дружбе и присутствие царя на гонках королевского яхт-клуба, добиться от англичан чёткой позиции по Балканскому вопросу русская делегация не смогла. Было ясно, что Лондон также не намеревается в этом регионе оказывать помощь России. Таким образом, встретившись летом 1909 г. с представителями трёх ведущих держав Европы, Николай II сделал вывод, что союзников у России в Балканском вопросе нет.

---

¹ DDF. 2e série. T. XII. - № 266. P. 385.

² DDF. 2e série. T. XII. № 266. P. 385.

Переговоры царя и А.П. Извольского с итальянским руководством в Ракониджи 10 (23) октября 1909 г. А.П. Извольский был не единственным государственным деятелем, кто попался в ловушку А. Эренталья. В хитрую австрийскую комбинацию сговоров и обменов, также попал министр иностранных дел Итальянского королевства Т. Титтони. В сентябре 1908 г. Титтони встретился в Зальцбурге с А. Эренталем, который пригласил его 16 сентября к себе в Бухлау. Позже Эренталь утверждал, что Титтони якобы поддержал аннексию Боснии и Герцоговины, но потребовал, чтобы ей предшествовало обсуждение со стороны Австрии, России и Италии¹. Сам Т. Титтони категорически отвергал сам факт обсуждения аннексии². Между тем, Италия не скрывала своих планов в отношении Триеста, Трентино и Албании. Первые две находились в составе Австро-Венгерской империи, а на третью Вена сама имела вожделение. Кроме того, Вена была непрочь поживиться и самой итальянской территорией. Один из главных деятелей «военной партии» фельдмаршал Конрад требовал войны с Италией. Таким образом, у России и Италии появилась общая цель не допустить дальнейшего продвижения Австро-Венгрии на Балканах. Посол в Берлине Н.Д. Остен-Сакен писал А.П. Извольскому: «Сближение России с Италией, произошло самым естественным образом. Его ускорило присоединение Боснии и Герцеговины. Не случись этого факта, сближение всё равно имело бы место только несколько позже»³.

Однако Италия была недовольна не только поведением Австро-Венгрии, но ее главного союзника — Германии, которая отказывалась поддерживать итальянские притензии на османскую Ливию. Итальянское правительство надеялось на помощь в этом вопросе со стороны Петербурга. В свою очередь, Николай II рассчитывал, что соглашение России с Италией сможет затруднить дальнейшую экспансию Австро-Венгрии на Балканах.

---

¹ Hauser (Н.М.). Р. 114.

² История дипломатии / Потемкин В.П., ред. Т. 2. С. 194.

³ Н.Д. Остен-Сакен — А.П. Извольскому 3 ноября 1909 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

Сразу после окончания Боснийского кризиса русские и итальянские дипломаты начали готовить официальный визит императора Николая II в Италию. Российский император и король Виктор Эммануил III были связаны искренней дружбой, установленной еще в 1896 г., когда Виктор Эммануил еще престолонаследником присутствовал на свадьбе Николая II с великой княжной Александрой Федоровной. Между двумя странами сложились теплые дипломатические отношения. Итальянская королева Елена Черногорская была дальней родственницей Романовых. Целью царя были переговоры с Виктором Эммануилом III и Т. Титтони о выработке общего политического курса России и Италии на Балканах¹.

Переговоры состоялись 10 (23) и 11 (24) октября 1909 г. в королевском замке Раккониджи (недалеко от Пьемонта). Царь совместно с королем выработали главные направления российско-итальянского взаимодействия на Балканах, а А.П. Извольский и Т. Титтони обсудили технические стороны предстоящего соглашения. Само секретное соглашение между Россией и Италией включало в себя следующие обязательства: 1. Если Россия и Италия пожелают в будущем заключить соглашения, касающиеся Восточной Европы, с третьей державой, помимо тех, которые существуют в настоящее время, каждая из них сделает это только при участии другой; 2. Италия и Россия обязуются доброжелательно относиться, с одной стороны, к интересам России в вопросе проливов, с другой - к итальянским интересам в Триполи и Киренаике². Италия признала, что российские интересы в турецких проливах должны контролироваться Россией, в то время как взамен Россия признала итальянские интересы в Триполи и Киренаике³.

---

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Федоровне 27 сентября 1909 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330-а.

² Donnini (G.). L'accordo italo-russo di Racconigi, Istituto scienze politiche della università di Pavia, coll. «Quaderni della rivista Il Politico», 1983.

³ Stephenson (Ch.). Box of Sand. The Italo-Otoman War 1911-1912. Tattered Flag, 2014. P. 39.

Соглашение в Раккониджи имело важное значение для России, т.к. оно было направлено в первую очередь против экспансии Австро-Венгрии, при том, что Италия оставалась членом Тройственного союза. А.П. Извольский сообщал российскому послу в Берлине: «Нынешние обстоятельства придают этому соглашению исключительно важное политическое значение»¹. По согласованию с российской стороной агенство Стефани сделало 22 октября (по н.ст.) следующее сообщение: «Россия и Италия преследует в своей балканской политике одну и ту же цель: укрепление status-quo Турции, а также независимое и мирное развитие балканских государств. Соглашение между Италией и Россией не направленной против Австрии и Германии»².

Русско-итальянское сближение, дополняя франко-итальянское, отдаляло Рим от Тройственного союза и приближало его к англо-франко-российскому согласию³. Встреча в Раккониджи вызвала беспокойство у Берлина и в особенности у Вены. Князь Л.П. Урусов сообщал 14 (27) октября 1909 г.: «Свидание Его Императорского Величества с королём Виктором-Эммануилом в Раккониджи и проезд Государя Императора мимо австро-венгерской территории вызвал здесь, несомненно, сильную досаду»⁴.

Создание под эгидой России Балканского союза и его крах. Россия не смогла получить гарантий противодействия экспансии Австро-Венгрии на Балканах ни от своих союзников, ни от Берлина. Любое нападение Австрии на Сербию или на Османскую империю, могло быстро втянуть Россию в войну с ней, а значит и с Германией. Морской агент капитан 2-го ранга А.Н. Щеглов в своём донесении писал, что для России «весьма важно иметь с собою для

---

¹ Hauser (H.M.). Op. cit. P. 117.

² Hauser (H.M.). Op. cit. P. 117.

³ Король Виктор-Эммануил III — императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1198. Л. 4.

⁴ Дешеша князя Л.П. Урусова из Вены 14 (27) октября 1909 г. // ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

диверсии славянско-балканские государства» на случай войны с Австро-Венгрией и Османской империей¹.

Петербургу оставалось создавать самому противоавстрийский рубеж в виде союза балканских государств. Следует отметить, что у России не было амбиций в Европейской Турции, вопрос о Константинополе скорее носил характер духовно-идеологический, нежели политический, ни интереса к балканским государствам как таковым. Их важность определялась для России, в первую очередь, в качестве нейтрального буфера между Австро-Венгрией. На Балканах не было ни российских банков, ни принадлежащих России железных дорог, ни практически никакой российской торговли. Но, что представляло для России абсолютную важность в политическом и экономическом отношениях, это — черноморские проливы. Поэтому Петербург так ревниво оберегал права Константинополя в этом регионе и не допускал туда никакое другое государство. Процесс стремительного ослабления Османской империи, начавшейся в 1909 г., грозил потерей проливов для России. Любая война с Турцией или восстания на ее территориях вблизи проливов, грозил вылиться в войну с участием России. С усилением экспансии Австро-Венгрии на Балканах, угроза австро-русской войны заметно возросла, а, если учесть, что Вена была гарантирована помощью Берлина, то возрастала угроза и войны России с Германией. Эти ситуация грозила самыми непредсказуемыми последствиями для Российской империи. Поэтому в Петербурге стремились создать союз из балканских государств, который не позволил бы ни Турции, ни Австро-Венгрии осуществлять там агрессивную политику, не рискуя быть вовлеченными в войну со всеми балканскими государствами. С другой стороны, такой союз позволял Петербургу серьезно влиять на политику Австро-Венгрии в регионе. Появление такого союза стало возможным после того, как «болгарское правительство решило провозгласить

---

¹ Капитан 2-го ранга А.Н. Щеглов — ГУГШ 15/28 марта 1912 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7255. Л. 13

Болгарию независимым королевством в близком будущем»¹, а 21 сентября (4 октября) 1908 г. князь Болгарский Фердинанд провозгласил себя «царем болгар». Болгария была самым сильным и крупным государством на Балканах, поэтому, по мнению российского правительства она и должна была стать основным звеном будущего Балканского союза. 10 (23) февраля 1910 г. Фердинанд посетил Петербург, где провёл переговоры с Николаем II. Премьер-министр Болгарии, сопровождавший своего монарха в Петербург, А. Малинов передавал, сказанные ему слова А.П. Извольского: «Государь изъявил согласие, что Салоники войдут в границы будущей великой Болгарии»². Фердинанд I выразил на это согласие, но позже, под влиянием Вены от этого предложения отказался³. 24 февраля (9 марта) 1910 г. столицу Российской империи посетил и сербский король Петр I Карагеоргиевич.

В сентябре 1910 г. новый министр иностранных дел С.Д. Сазонов начал переговоры с Белградом и Софией, стараясь убедить их в необходимости сближения. Петербург в принципе был готов одновременно учитывать на Балканах и интересы Османской империи, но после негативной реакции Константинополя на предложение Н.В. Чарыкова о поддержке политики сдерживания Вены на Балканах, в российской столице пришли к выводу, что только Балканская лига во главе с Болгарией и Сербией сможет реально изменить ситуацию на Балканах в нужную для России сторону⁴. Стремление С.Д. Сазонова как можно скорее добиться болгаро-сербского соглашения, объяснялось также усилением финансового и дипломатического присутствия Австро-Венгрии в Болгарии в течение зимы и весны 1911-1912 гг. В апреле 1911 г. император Франц Иосиф наградил болгарского царя Фердинанда орденом Золотого руна, чем очень

---

¹ Н.В. Чарыков — императору Николаю II 18 сентября 1908 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 20.

² Малинов П. Александър. Странички от нашата нова политическа история. София: Придворна печатница, 1938. С. 151

³ Малинов П. Александър. *Op. cit.* С. 151.

⁴ Thaden (E.C.). *Op. cit.* P. 83.

польстил падкому на такие подношения Кобургу¹. В марте 1912 г. между Веной и Софией был подписан торговый договор. Несмотря на эти обстоятельства, зимой 1911 г. между Болгарией и Сербией начались переговоры о заключении союзного договора. Вена всячески пыталась, пока неуспешно, вбить кол между двумя славянскими государствами, используя, ставшую потом роковым для обеих стран, македонскую карту, в первый раз предложив передать Македонию Сербии. Одновременно, Вена шла навстречу амбициям черногорского короля Николая, который заверял в готовности следовать ее интересам на Балканах, если Австро-Венгрия признает за Черногорией северную Албанию. В австрийской столице это делать не спешили, но предоставили Цетинье заем в 3,5 млн кронн. Черногорская скупщина ратифицировала это австрийское подношение. Но когда в Петербурге об этом стало известно, то до черногорского правительства была доведена информация, что в случае продолжения получения денег из Вены, Цетинье может лишиться российских военных субсидий². Королю Николаю пришлось отказаться от сближения с Австро-Венгрией. Вышеизложенные обстоятельства, лишний раз убеждали Николая II и С.Д. Сазонова в необходимости скорейшего создания Балканского союза, без которого угроза переманивания Софии или Белграда во враждебный лагерь всегда оставалась бы актуальной. Что же касается Черногории, то С.Д. Сазонов, не доверяя Цетинье, полагал вообще не нужным включать ее в состав союза.

1 (13) марта 1912 г. при поддержке России между Болгарией и Сербией было подписано двухстороннее соглашение, включавшее договор о дружбе и союзе, а также секретное соглашение. Оба государства подтвердили свой суверинитет, а также договорились оказывать друг другу военную помощь в случае нападения на одну из сторон третьей державы. При этом ни одно государство, кроме России, не должно было знать о существовании этого договора. В Петербурге воспринимали образовавшийся союз как чисто

---

¹ Thaden (E.C.). Op. cit. P. 84.

² Thaden (E.C.). Op. cit. P. 85.

оборонительный. Узнав об ее подписании, С.Д. Сазонов сказал: «Что ж, это прекрасно! Пятьсот тысяч штыков для охраны Балкан — это навсегда преградило бы путь немецкому и австрийскому вторжению»¹. Однако ни Болгария, ни Греция, примкнувшая к союзу в марте 1912 г., ни даже Сербия не собирались воевать с австрийцами. Для сербов Австро-Венгрия, конечно, являлась врагом, но еще большим многовековым жестоким врагом для участников Балканского союза была Османская империя. Ей рвались отомстить и болгары, и греки, и сербы. Министр иностранных дел Сербии М. Милованович точно определил чаяния сербского народа: «О да, если бы распад Австро-Венгрии мог произойти одновременно с ликвидацией Турции, решение было бы значительно упрощено»². Поэтому сербы были готовы присоединиться к Болгарии в расчленении Турции в надежде, что Болгария позже будет их союзником в расчленении Австро-Венгрии.

Когда еще шли переговоры о создании союза, в нем были закреплены следующие положения: 1) союз является чисто оборонительным против того, кто нападет на Болгарию или Сербию; 2) союз является оборонительным против тех, кто захочет оккупировать Македонию и Старую Сербию³. При этом специально оговаривалось, что войну с Турцией союз может начать только после одобрения Россией, так как ее мнение «будет обязательным для обоих союзников» Болгарии и Сербии⁴.

Однако с самого начала с мнением российской дипломатии в Софии и Белграде считались мало. Был проигнорирован совет российского посла не включать в союз Черногорию, Белград гарантировал это Цетинье уже осенью 1912 г., фактически был решен вопрос о начале войны с Османской империей не только со стороны Болгарии и Сербии, но и Греции. Таким образом, образовавшийся под эгидой России Балканский союз, имевший все возможности

---

¹ Nekludov. Op. cit. P. 45.

² Gueshov (I.E.). The Balkan League. London, J. Murray, 1915. P. 22.

³ Gueshov (I.E.). Op. cit. P. 16.

⁴ Gueshov (I.E.). Op. cit. P. 22.

стать действенным инструментом по сдерживанию Австро-Венгрии и Османской империи, с самого своего появления нес в себе элементы саморазрушения. Приветствуя создание Балканского союза, русская дипломатия предупреждала его участников, что императорское правительство решительно предостерегает их «против всякого поползновения придать этому союзу характер наступательный»¹. Однако вскоре уже Петербург испытывал беспокойство от своего детища. Будучи горячим сторонником болгаро-сербского союза, Россия противилась к любой войне на Балканах, в том числе и против Турции. Сами балканские государства рассчитывали немедленно объявить войну против Османской империи, разделив между собой ее балканские территории. Действия балканских союзников заставили беспокоиться государства как Тройственного союза, так и Тройственного соглашения. Как вспоминал тогдашний болгарский премьер-министр И.Е. Гешов: «Ожидалось, что война на Балканах приведет к конфликту между Россией и Австро-Венгрией. Вместо этого казалось, что она сблизит их — Россия будет противостоять Болгарии в Константинополе; Австро-Венгрия будет противостоять Сербии из-за Албании»². Стало очевидно, что Балканский союз готов развязать войну против Османской империи и тем самым поставить Европу на грань военной катастрофы.

Поэтому, когда И.Е. Гешов прибыл в Петербург весной 1912 г. и при встрече с царем начал добиваться одобрения войны союзных государств против Турции³, то встретил со стороны Николая II категорическое возражение. Также и С.Д. Сазонов заявил, что «активное вмешательство Болгарии и неминуемое после этого осложнение общего положения на Балканах не встретило бы сочувствия в России ни у Правительства, ни в общественном мнении»⁴. Однако если российский император и его министр прекрасно осознавали всю опасность

---

¹ Международные отношения эпохи империализма (далее МОЭИ). Серия 2. 1900-1913. Т. 19. Ч. 1. М.; Л.: ГИПЛ, 1938-1940. С. 3.

² Gueshov (I.E.). Op. cit. P. 17-18.

³ Малые войны первой половины XX века. Балканы / Лозовский Б. сост. М: АСТ; СПб.: TerraFantastica, 2003. С. 366.

⁴ Там же. С. 367.

Балканской войны, то многие представители российской общественности ее горячо поддерживали. Так, лидер октябристов А.И. Гучков совершил турне по баолканским столицам и словоохотливо рассказывал, что война против Турции и балканскими государствами начнется в самое ближайшее время.

25 сентября (8 октября) Черногория, не входившая в состав Балканского союза, неожиданно объявила войну Турции, поставив своих балканских союзников перед свершившимся фактом. 18 (31) октября 1912 г. вслед за Черногорией войну Турции объявили все государства Балканского союза. Османская армия была разгромлена балканскими союзниками в удивительно быстрые сроки: черногорцы заняли Албанию, болгары и сербы изгнали османов из европейских пределов. 24 октября (6 ноября) 1912 г. болгарская армия стояла в 45 км от Константинополя. С.Д. Сазонов писал послу М.Н. Гирсу, что «приближающаяся с каждым днём возможность занятия Константинополя войсками союзников ставит безотлагательный вопрос о самых жизненных для нас интересах»¹. В который раз ситуация с захватом проливов гроизло лишить Россию своей важнейшей геополитической цели. Российская дипломатия начала оказывать на Софию давление, убеждая ее остановить свои войска². Впрочем, болгарская армия не смогла прорвать линию оборону турок и остановилась. 16 (29) декабря 1912 г. в Лондоне начались мирные переговоры между Османской империей и Балканскими государствами. Османская империя отдавала под контроль Балканского союза почти все свои европейские владения (кроме Константинополя и Албании, статус которой был оговорён позже), а также отказывалась от Крита.

Успехи балканских союзников в войне с Турцией вызывали в Вене сильное беспокойство. Чиршки сообщал в Берлин: «С беспокойством, в полной растерянности смотрят здесь на неожиданную победу славян и всюду задают

---

¹ С.Д. Сазонов — М.Н. Гирсу 18 октября (2 ноября) 1912 г. // АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 459/478. Л. 45.

² Лунёва Ю.В. Босфор и Дарданеллы. С. 136.

один и тот же вопрос: что будет с Австрией? Некоторые утверждают, что после Турции настанет время Австро-Венгрии»¹. Канцлер Т. Бетман-Гольвег заявил, что «поражение Турции есть поражение и немцев»². Австро-Венгрия объявила о мобилизации половины резервистов и начала сосредоточивать войска на границе с Россией, которая в ответ задержала демобилизацию 350 тыс. военнослужащих срочной службы³.

Уже в январе 1913 г. между победителями начались горячие споры за ту или иную территорию. Главное противоречие было между Болгарией, Сербией и Грецией, каждая из которых хотела присоединить к себе Македонию⁴. 24 января 1913 г. С.Д. Сазонов сообщил в телеграмме посланнику в Софии А.В. Неклюдову, что он очень озабочен крайней напряженностью в отношениях между Болгарией, Грецией и Сербией по вопросу о делимитации будущих границ; что он не хотел бы допустить возможность братоубийственной войны и настоятельно рекомендует проявлять умеренность в отношениях между Болгарией, Грецией и Сербией⁵. Болгарам было рекомендовано не упускать из виду тот факт, что конфликт с Сербией сведет на нет мирный договор 1912 г.⁶.

Между тем, представители правительств балканских государств спешили пожаловаться друг на друга российскому правительству. Так, 17 апреля 1913 г. С.Д. Сазонов направил российскому послу в Белграде Н.Г. Гартвигу телеграмму следующего содержания: «Болгарский министр, действуя по поручению Софийского кабинета, обратил мое внимание на опасные подводные течения, которые угрожают существованию Балканского союза. Например, не так давно министр финансов Сербии запросил дополнительные военные кредиты. Греческая и сербская армии усиливаются, готовясь к войне с болгарскими войсками. Кроме того, похоже, что между Сербией и Грецией были начаты

---

¹ Die Große Politik. Bd. XXXIII. № 12402.

² Die Große Politik. Bd. XXXIII. № 3417. S. 289.

³ Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Указ. соч. С. 108.

⁴ Малые войны первой половины XX века. Балканы. С. 397

⁵ Gueshov (I.E.). Op. cit. P. 71.

⁶ Задохин А.Г.; Низовский А.Ю. Указ. соч. С. 114

переговоры о совместных действиях против Болгарии, и ходят серьезные слухи о заключении союза между этими двумя странами. Пожалуйста, обратите внимание министра иностранных дел Сербского королевства, на то, насколько серьезны и достойны сожаления все эти меры, которые могут привести только к разрушению Балканского альянса»¹. 19 апреля 1913 г. уже российский посланник в Софии А.В. Неклюдов с тревогой сообщал С.Д. Сазонову: «Вражда между болгарями, с одной стороны, и греками с сербами, с другой, приобретает угрожающие масштабы. Сербы укрепляются в Монастире и стягивают войска в Велесе. Греки направили подкрепления в Негриту и другие места. Болгарская пресса, особенно оппозиционные газеты, полны обвинений и нападок на союзников. Люди открыто говорят о неизбежном конфликте с ними и выражают уверенность в том, что болгары через несколько дней разгромят союзников, захватят Салоники и Южную Македонию. Болгарский штаб принимает меры на случай начала братоубийственной войны. Неклюдов»².

Наконец, император Николай II направил королю Сербии Петру I и царю болгар Фердинанду I свое личное обращение с призывом прекратить подготовку к безумной братоубийственной войне и сесть за стол переговоров³. Император всероссийский предлагал монархам балканских государств немедленно прибыть в Петербург на мирную конференцию, на которой обсудить и решить все имеющиеся между ними территориальные разногласия. В ответной телеграмме Николаю II от 29 мая (11 июня) 1913 г. Фердинанд I всю ответственность как за кризис, так и за неизбежную войну возлагал на Сербию⁴. В свою очередь, король Пётр I в телеграмме Николаю II обвинял болгарское правительство. Но

---

¹ Gueshov (I.E.). Op. cit. P. 76.

² Gueshov (I.E.). Op. cit. P.76-77.

³ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 101.

⁴ Исаева О.Н. Фердинанд Кобургский: штрихи к портрету первого болгарского царя // Новая и Новейшая история. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2004. Вып. 21. С. 66.

Фердинанд I, тайно поддерживаемый Веной, отклонил российское предложение о созыве конференции¹.

Болгары, которые вынесли на себе главную тяжесть Первой Балканской войны против Турции, решили, что смогут победить Грецию и Сербию вместе взятых. В ночь на 30 июня 1913 г. болгарские войска атаковали сербские части, дислоцированные в Македонии, но получили жесткий отпор и были отброшены на исходные позиции. План болгарского командования потерпел катастрофическую неудачу. Румыния, которая до сих пор сохраняла нейтралитет, вступила в войну против Болгарии, чтобы завладеть Добруджей. Затем в войну против Болгарии вступили Черногория и даже Османская империя. В результате, Болгарская армия оказалась на грани полного поражения. 7 (20) июня 1913 г. Фердинанд I направил Николаю II телеграмму полную отчаяния: «Болгария, окружённая армиями пяти соседних государств, находится на пороге гибели» и умолял «заступничества Вашего Величества»². Болгарский царь был готов идти на любые уступки, только бы сохранить старину и трон. Николай II ответил, что принимает «близко к сердцу тяжёлое положение Болгарии», «в нынешнюю минуту не будет входить в оценку обстоятельств, его вызвавших» и готов приложить все усилия, чтобы «положить предел братоубийственной войне, начатой вопреки моим предостережениям»³.

При посредничестве России 18 (31) июля 1913 г. между Болгарией и балканскими союзниками было заключено перемирие, а через десять дней в Бухаресте завершились мирные переговоры. Болгария утратила практически все свои приобретения, завоеванные в Первой Балканской войне. Македония была поделена между Сербией и Грецией. Турция вернула себе большую часть Восточной Фракии с Адрианополем. Румыния захватила Южную Добруджу⁴. За

---

¹ Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Указ. соч. С. 116.

² Царь Фердинанд — императору Николаю II 7 (20) июля 1913 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.

³ Император Николай II — царю Фердинанду 8 (21) июля 1913 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.

⁴ Задохин А.Г.; Низовский А.Ю. Указ. соч. С. 45.

Болгарией была закреплена лишь узкая полоса Македонии и восточной Фракии, что обеспечило ей положение на Эгейском море. София приобрела 400 тыс. новых подданных, в то время как Сербия и Греция получили по 1,5 млн каждая. Бухарестский мирный договор не был одобрен великими державами. Вена настаивала на больших уступках Болгарии. Это предложение было решительно отвергнуто Берлином, который был настроен на союз с Румынией, Грецией и даже Сербией. Имея большие экономические интересы в Малой Азии, германские правящие круги приветствовали усиление Турции, которое произошло в результате взятия Адрианополя. Вильгельм II считал Вену «совершенно сумасшедшей»¹ и признал Бухарестский мир. Петербург также скорее поддерживал Софию, чем ее победителей. В российской столице были недовольны, начавшейся греческой экспансии в Эгейском море, которая, как казалось, готовила почву для создания новой «Византии», с угрозой захвата проливов². Вражда между Сербией и Болгарией имела в близком будущем самые тяжёлые последствия для всей Европы. Как верно писал уже после начала Первой мировой войны «Вестник Европы»: «Если бы Австрия знала, что Сербия может опереться на Болгарию, едва ли мы имели бы войну в 1914 г. Можно с уверенностью сказать, что её бы не было»³.

Русско-французский союз и ситуация на Балканах. 8 (21) января 1912 г. к власти во Франции пришло правительство премьер-министра Р. Пуанкаре, сторонника усиления союза с Россией. Недоброжелатели даже распускали слухи, будто Россия «купила» избрание нового премьера, используя деньги, выделяемые для поддержки дружественных газет во Франции⁴. При всей нелепости этого утверждения, оно свидетельствовало, что Пуанкаре действительно воспринимался во французском обществе как убежденный

---

¹Die Große Politik. Bd. XXXV. №. 13740.

²British Documents. V. IX (II). № 1228.

³Ближний Восток и война // Вестник Европы: журнал науки, политики, литературы. Сорок девятый год. Кн. 9. Сентябрь, 1914. С. 281.

⁴Wright (G.) Raymond Poincare and the French Presidency. Stanford University Press, 1942. P. 52.

сторонник франко-русского согласия. Действительно, как сообщал в Петербург А.П. Извольский, Р. Пуанкаре, сразу в день своего назначения, посетил российское посольство и выразил А.П. Извольскому: «Свое твердое намерение направлять свою деятельность в полном согласии с Россией»¹. Насколько большое внимание внешней политике уделял Р. Пуанкаре видно по тому, что, будучи премьер-министром, он оставил за собой и пост министра иностранных дел². В отличие от левых клише «Пуанкаре-война», на самом деле этот французский политик больше всего опасался именно большой войны с участием Франции, ибо он прекрасно знал, что она к войне не готова, ни в демографическом плане, ни в военном, ни в экономическом³. Одновременно, Р. Пуанкаре осознавал, что война между Францией и Германией — неизбежна. В этом его убеждал влиятельный французский дипломат, посол в Болгарии М. Палеолог, который вскоре станет послом III-й Республики в Санкт-Петербурге. Палеолог, считавший себя специалистом по Балканам, был полостью согласен с Пуанкаре в необходимости упрочивания союза с Россией и Англией при сохранении жесткой линии в отношении Берлина, ибо договориться с ним было невозможно⁴. Исходом любых переговоров с Германией было два варианта, которые по-существу, означали одно и то же: либо полное подчинение Франции германской гегемонии, либо кровавая война, результатом которой станет та же гегемония. Любые уступки рейху, как показал предыдущий опыт, лишь приводили к новым требованиям. Р. Пуанкаре, в связи с этим, сделал вывод: «С Германией нельзя заигрывать»⁵. Париж мог рассчитывать на успех в войне, только прибывая в союзе с Россией и Англией. После Боснийского кризиса, у

---

¹ МОЭИ. Серия 2. Т. III. № 353.

² Ефремов П. Внешняя политика России (1907-1914). М.: Изд-во Института международных отношений, 1961. С. 140.

³ Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны / Бороздин И. Н., пред. М: Издание Т-ва «Мир», 1924. С. 45.

⁴ Hayne (M.B.). The French foreign office and the origins of the first World War 1898-1914. Stanford University Press, 1993. P. 252.

⁵ Евдокимова Н.П.; Виватенко С.В. Раймон Пуанкаре — президент Франции. СПб: Изд. С.-Петербург. университета, 2006. С. 67.

России испортились отношения не только с германским блоком, но и с англо-французским согласием. Как признавал сам Р. Пуанкаре в отношении России: «К началу 1912 года узы, связующие две страны заметно ослабели»¹. Этому свидетельствует и телеграмма А.П. Извольского С.Д. Сазонову от 10 (23) мая 1912 г., в которой тот пишет: «В широких словиях французской публики вкоренилось убеждение, что в последнее время между Россией и Францией происходят серьезные разногласия. Убеждение это, к сожалению, проникло в правительственные и парламентские сферы»².

Причиной этого охлаждения стал фактический отказ Лондона и Парижа поддержать Петербург по всем его просьбам, главным образом по статусу проливов³. Вместе с этим для Парижа появилась опасность англо-германского соглашения, в результате которого Париж мог остаться в одиночестве⁴. В этих условиях, Р. Пуанкаре считал жизненно необходимым укрепление русско-французского союза, заявив, что намерен поддерживать с Россией «самые тесные отношения и направлять политику Франции в полном согласии с ее союзницей»⁵. Что касается Балкан, то Пуанкаре не считал нужным поддерживать политику России в этом регионе, объясняя это следующим: «Когда Россия обеспечит обладание Константинополем, она, несомненно, потеряет всякий интерес к войне с Германией»⁶.

Между тем, под эгидой России между Болгарией и Сербией был заключен договор, положения которого оставались в неведении Франции. Петербург известил о нем Р. Пуанкаре в самых общих чертах в марте 1912 г.⁷. В начале Р.

---

¹ Poincaré (R.). Les origines de la Guerre. Conférence prononcées à la « Société des Conférences » 1921. Paris, 1921. P. 124.

² МОЭИ. Серия 2. Т. IV. № 68.

³ Ефремов П.Н. Указ. соч. С. 143.

⁴ Евдокимова Н.П.; Виватенко С.В. Указ. соч. С. 68.

⁵ Там же.

⁶ Пуанкаре Раймонд. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. В 2 кн. Кн. 1. С. 340.

⁷ Girault (R.). Les Balkans et les relations franco-russes en 1912 // Revue Historique. Т. 253. Janvier-Mars 1975. P. 170.

Пуанкаре прореагировал на Балканский союз с негодованием. В письме Ж. Луи премьер отмечал: «Что меня больше всего беспокоит в этих балканских переговорах, так это то, что Россия их инициировала, и что они были заключены без всякого нашего ведома, поставив нас перед свершившимся фактом. Очень возможно, что поступок России поставит в опасное положение наш союз, слабое место которого всегда было на Востоке»¹. Париж явно опасался попасть под зависимость от внешней политики России, и всячески акцентировал Петербург на необходимость с его стороны предупреждать своего союзника о своих действиях заранее. Пуанкаре поручил Ж. Луи твердо напомнить С.Д. Сазонову о необходимости предварительного согласования между двумя правительствами любой инициативы каждого из них, не предусмотренной во франко-русской конвенции. С.Д. Сазонов в ответ заявил Ж. Луи, что Россия стремится сохранить status-quo на Балканах, но, если это ей не удастся, то она не позволит кому-либо решать важные вопросы Востока без ее участия. С.Д. Сазонов также заявил, что сербско-болгарский союз носит «строго оборонительный характер». 10 апреля 1912 г. в письме Р. Пуанкаре Ж. Луи высказывал опасения, что действия России могут «вывести нас за рамки наших обязательств или поставить под угрозу нашу безопасность, слабым местом которой всегда был Восток»².

Между тем, в Париже Р. Пуанкаре на встрече с А.П. Извольским заявил, что Россия не имела права участвовать в создании Балканского союза без согласования с Францией. Р. Пуанкаре подчеркнул, что первейшей обязанностью российского правительства было ознакомить французскую сторону с сербско-болгарским договором. Однако Петербург, уже успевший достаточно убедиться в том, насколько Париж игнорирует его пожелания и просьбы, продолжал вести собственную политику на Балканах, ставя Париж перед фактом. Так, А.П.

---

¹ DDF. 3e série (1911-1914). Paris : Imprimerie Nationale, 1931. Т. III. № 264. P. 340-341.

² Judet (E.). Georges Louis. Paris, 1925. P. 179.

Извольский не поставил в известность французское правительство о переговорах с итальянцами в Раккониджи и о подписанном там соглашении¹.

Однако, узнав о том, что Болгария начала переговоры с Парижем о предоставлении ей крупного займа, французский премьер изменил свое мнение о Балканском союзе и в разговоре с А.П. Извольским приветствовал его, назвав «большим утешением для Тройственного согласия»². Однако французская политика была тесным образом соединена с интересами французских предпринимателей, к 1912 г. вложивших в экономику Османской империи значительное финансирование. Поэтому, когда стало ясно, что Болгария готовит войну против Турции, французские правящие круги делали все, чтобы ее не допустить, в частности, отказав Софии в предоставлении крупных займов. Однако, когда война все же началась, да еще так победоносно для Балканского союза, Парижу пришлось занять более гибкую позицию в отношении Болгарии и полностью поддержать Россию в отношении Балканского вопроса. В данном случае, Р. Пуанкаре опасался, что если Франция и дальше продолжит отказывать Петербургу по всем его предложениям по Балканам, то нельзя исключать, что российское правительство сможет договориться с Германией. А такие тенденции можно было заметить уже в начале 1912 г., когда, воспользовавшись посещением Р. Пуанкаре русского посольства, А.П. Извольский обвинил посла республики в Петербурге Ж. Луи в постоянном противодействии русским инициативам и настаивал на его отзыве из Петербурга³. Осознав всю опасность, грозящую Парижу, Р. Пуанкаре вернул в большую политику поборника франко-русского союза Т. Делькассе, которого назначил морским министром, поручив подготовку заключения военно-морского соглашения между Францией и Россией. В этом, Пуанкаре нашел понимание в Петербурге. Посол Ж. Луи писал Р. Пуанкаре 6 февраля 1912 г: «Морской министр адмирал Григорович сказал мне сегодня

---

¹ Judet (E.). Op. cit. P. 188.

² Thaden (E.C.). Op. cit. P. 117.

³ DDF. 3e série. T. II. № 202. P. 198-199.

вечером, что он уполномочен официально сообщить мне, что Император будет рад установлению прямых отношений между штабами французского и российского флотов, подобных тем, которые существуют между военными штабами двух стран. Адмирал передал мне это сообщение в очень теплых выражениях. Он добавил, что г-н Сазонов передаст ее мне в официальном качестве»¹. 3 (16) июля 1912 г. между русским и французским военными морскими командованиями был составлен проект «Русско-французской военной конвенции». Ст. 1 этой конвенции предусматривала, что «морские силы Франции и России будут действовать совместно во всех случаях, в которых союз предусматривает и предписывает совместные действия сухопутных войск»². Эта конвенция была окончательно утверждена во время поездки Р. Пуанкаре в Россию в августе 1912 г. Стороны решили, что, поскольку военная конвенция в 1899 г. стала основой франко-русского союза путем обмена письмами между министрами иностранных дел графом М.Н. Муравьевым и Т. Делькассе, аналогичным образом следует поступить и в отношении военно-морской конвенции, утвердив ее обменом письмами между С.Д. Сазоновым и Р. Пуанкаре, в которых указывалось, что император всероссийский Николай II и правительство Французской республики подписывают военно-морскую конвенцию. Таким образом, военно-морская конвенция была утверждена обменом письмами в августе 1912 г. За месяц до этого, 13 июля 1912 г. на совещании в Париже начальников генеральных штабов России и Франции (Жоффри-Жилинский), Парижу была дана гарантия, что российское военное ведомство, в случае войны, выставит 800 тыс. чел. уже на 15-е сутки с начала мобилизации. На совещании было обсуждено, что надо предпринять, для ускорения строительства стратегических российских железных дорог, чтобы как можно сильнее ускорить концентрацию части этих сил в западных областях Российской империи.

---

¹ L'Alliance Franco-Russe. 1891-1917. Paris, 1927. P. 78.

² Сборник договоров России с другими государствами. С. 408.

Визит Р. Пуанкаре в столицу Российской империи должен был решить сразу несколько назревших противоречий в рамках русско-французского союза. Незадолго до приезда французского премьера в Петербург, император Николай II 19 июня (2 июля) принял французского посла Ж. Луи, которого лично заверил в незыблемости франко-русского союза¹. После встречи с царем Николаем II², Р. Пуанкаре вынес убежденность в его «полной искренности по поводу верности союзу» с Францией³. С.Д. Сазонов позже вспоминал, что важнейшим вопросом при переговорах с Р. Пуанкаре был Балканский союз⁴, так как «Пуанкаре казалось, что этот союз в той форме, в которую он вылился, неизбежно приведёт к войне на Балканах со всеми возможными её дальнейшими последствиями»⁵. В результате переговоров Р. Пуанкаре с С.Д. Сазоновым была достигнута договоренность, что в случае возникновения каких-либо осложнений на Балканах, стороны тотчас установят «совместный образ действий для предотвращения дипломатическим путём дальнейшего обострения положения»⁶. По возвращении в Париж 13 августа 1912 г. Р. Пуанкаре просил передать президенту А. Фальеру, что «мои беседы с Императором, Коковцовым и Сазоновым были удовлетворительны по всем вопросам»⁷.

Между тем, в отсутствие Р. Пуанкаре, в Париже поверенный в делах Австро-Венгрии граф И. Сомсиш по его просьбе был принят министром юстиции А. Брианом. И. Сомсиш выразил свое глубокое беспокойство действиями России на Балканах. А. Бриан ответил, что политика Франции на Балканах преследует сохранение всеобщего мира, и «мы будем счастливы находиться в постоянном контакте по этим вопросам с Венским кабинетом»⁸, что касается России, то ее балканская политика является ее частным делом, и Париж к ней не причастен.

---

¹ МОЭИ. Серия 2. Т. IV. № 255.

² Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 1. С. 680.

³ DDF. 3e série. Т. III. № 264. Р. 346.

⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 40.

⁵ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 71.

⁶ МОЭИ. Серия 2. Т. XX. Ч. 2. С. 32.

⁷ DDF. 3e série. Т. III. - № 264. Р. 339.

⁸ Poincaré (R.). Les origines de la Guerre. Р. 134.

Однако в Петербурге Р. Пуанкаре, по его собственному признанию, «стремился придать балканскому вопросу не чисто русский, а европейский характер»¹. То же самое подтвердил и единомышленник Р. Пуанкаре М. Палеолог: «В нынешнем европейском положении дел, нет чисто русских или чисто французских вопросов»². Пуанкаре выразил готовность поддержать Россию в случае ее войны с Австро-Венгрией, даже при условии нападения последней на одно из балканских государств, в первую очередь Сербию. Об этом Р. Пуанкаре заявил А.П. Извольскому 25 октября (7 ноября) 1912 г.³. В Париже и Лондоне считали наступивший момент наилучшим для войны с Тройственным союзом. Как сообщал в Петербург посланник в Софии А.В. Неклюдов: «Известная и влиятельная часть английского политического мира желает воспользоваться балканским кризисом, дабы вызвать путём столкновения России и Австрии войну между двумя среднеевропейскими державами и державами тройственного согласия, имея при этом главной и конечной целью истребление германского флота и разорение Германии»⁴. При этом, предполагаемая война Австро-Венгрии с Россией и балканскими государствами, неминуемо повлекло бы за собой вступление в войну Германии, но на балканском фронте, а не против Франции. Р. Пуанкаре сразу забыл о своих словах, что нет «чисто русских и чисто французских интересов» и стал делать громкие заявления, что на Балканах нарушаются именно французские интересы⁵. В Париже нагнетали обстановку, заверяя Петербург, что Австрия вот-вот начнёт войну против Сербии⁶.

6 (129) декабря 1912 г. на совещании под председательством императора Николая II военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов предложил

---

¹ Ibid..

² Journal de Paléologue du 1er février 1914 // Au Quai d'Orsay à la veille de la Tourmente. Journal, 1913-1914. P.: Plon, 1947. P. 283.

³ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. Сб. секретных дипломатических документов бывшего императорского Российского министерства иностранных дел. М.: Изд-во Нар. Ком-та по ин. делам, 1922. С. 296.

⁴ Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны. С. 146.

⁵ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. С. 296.

⁶ Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны. С. 146.

объявить частичную мобилизацию. Но император заявил: «Я не допускаю мысли о войне. Мы к ней не готовы»¹. Морской министр адмирал И.К. Григорович вспоминал, что во время Балканских войн 1912 г., он собирался в отпуск, но «меня не пустил Государь Император. В Чёрном море завязываются военные осложнения на Балканском полуострове. Его Величество просит обождать, так как военная партия требует вмешательства, это именно великий князь Николай Николаевич, которому всё равно готов флот или нет, лишь бы начать войну с готовой армией (без артиллерии и проч.)»². И.К. Григорович отмечал, что великий князь Николай Николаевич настойчиво настаивал на «морской демонстрации у Бургаса, хорошо, что Государь не соглашается»³. О решающей роли Николая II в недопущении втягивания России в Балканские войны писал С.Д. Сазонов: «Государь, и за это Россия должна быть ему навсегда признательна, несмотря на своё сердечное сочувствие национальным стремлениям сербского народа, проявил в эту тревожную минуту ясность политической мысли и твёрдость воли, которые положили конец тем интригам, что толкали нас на путь европейской войны при самых неблагоприятных для нас условиях и из-за интересов, не оправдывавших тяжёлых жертв со стороны русского народа»⁴.

В декабре 1912 г. ГУГШ сообщил французскому военному министерству, что в Петербурге «не верят в нападение Австрии на Россию, а войну Австрии против Сербии считаю крайне маловероятной»⁵. Но даже если бы это и произошло, то и тогда Россия в войну не вмешается⁶. Этот ответ произвёл в Париже удручающее впечатление: «Пуанкаре и весь состав кабинета крайне озадачены и встревожены»⁷.

---

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 126-127.

² Воспоминания адмирала И.К. Григоровича // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. Л. 71.

³ Воспоминания адмирала И.К. Григоровича // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп.1. Д. 5. Л. 75.

⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 84.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 86. Л. 21.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 86. Л. 21.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 86. Л. 14.

5 (18 декабря) 1912 г. во время разговора военного министра Франции А. Мильерана с русским военным агентом в Париже полковником графом А.А. Игнатьевым, последний заметил: «Славянский вопрос остаётся близким нашему сердцу. Но история выучила нас, конечно, прежде всего, думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлечённых идей»¹. К этому времени в Петербурге уже прекрасно понимали, что ему «трудно рассчитывать на Францию в тех случаях, когда интересы Франции непосредственно не затронуты. Современная политика этой страны ясно показывает, что прежде всего Франция будет считаться со собственными интересами, а не с интересами союза»².

Справедливость этих слов подтвердилась во время Второй Балканских войны, когда, воспользовавшись поражением Болгарии, Османская империя предъявила свои права на Андрианополь, отошедший по итогам Первой балканской войны к Болгарии. С.Д. Сазонов пригрозил Константинополю военным вмешательством, сообщив парижу и Лондону, что Россия «не примирится с захватом Андрианополя турками»³. Париж, продолжая оказывать Порте финансовую поддержку, отказался поддержать ноту России⁴ и не поддержал её по вопросу города Кавала, который Петербург требовал передать Болгарии. Поведение Франции вызвало бурное негодование в русском обществе. Даже кадетская «Речь» писала, что «наш союзник Франция нам изменил и встал в рядах противоположной нам комбинации», а «Новое Время» констатировала: «Французская дипломатия в Кавале покинула Россию»⁵. Мощная антифранцузская волна в российской прессе, не на шутку встревожила правительство Франции. Его представители начали искать пути сглаживания ситуации.

---

¹ Игнатьев А.А. Роковые дни. 50 лет в строю. М.: Вече, 2013. С. 131-134.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1079. Л. 2.

³ Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны. С. 163.

⁴ Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны. С. 163.

⁵ Там же. С. 166.

Подводя **итог** вышеизложенному, представляется возможным сделать следующие **выводы**:

1. Полное игнорирование Германией российских интересов на Балканах и отказ Берлина от сдерживания Вены в этом регионе, привели к резкому ухудшению русско-германских отношений.
2. Главным выводом для Петербурга из последствий Боснийского кризиса стало понимание, что Берлин и Вена твердо стали на путь эскалации военной напряженности на Балканах. Это заставляло Петербург продолжать политику сближения с англо-французским блоком.
3. Важным успехом российской дипломатии стало российско-итальянское соглашение в г. Раккониджи, согласно которому Италия, оставаясь членом Тройственного союза, заключило с Россией секретный оборонительный союз.
4. . Вражда между Сербией и Болгарией в ходе Второй Балканской войны и распада, созданного под эгидой России Балканского союза, имела в близком будущем самые тяжёлые последствия для всей Европы.

Глава 5. Усилия России по предотвращению европейской войны 1913-1914 гг. (четвертый этап)

§ 1. Политика России по разграничению сфер влияния с Германией

Попытки Петербурга добиться компромисса с Германией в 1909-1913 гг. Период с 1909 г. по 1913 гг. отмечены новым экономическим подъемом российской экономики, науки и промышленности¹. По темпам экономического роста Россия входила в пятерку передовых промышленных держав вместе с Великобританией, Соединенными Штатами Америки и Германии². В 1913 г. французский экономический обозреватель Э. Тэри утверждал, что при сохранении таких же темпов экономического роста Россия к середине XX в. «будет доминировать в Европе, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»³. Но этот рост российской промышленности мог сохраниться только при условии сохранения мирной обстановке в Европе. Любая война, тем более глобальная, грозила этому развитию катастрофой. Доказательством этой тезы служат слова П.А. Столыпина, сказанные им 28 июля 1911 г.: «Нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет губительная для России и Династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой и экономической»⁴.

Слодившиеся в советское время идеологические стереотипы породили представление о полной зависимости политики и экономики Российской империи от французских займов, в результате чего Петербург якобы был вынужден во всем подчиняться требованиям Парижа. П.Н. Ефремов полагал,

---

¹ Россия 1913 год. (Статистико-документальный справочник). Российская Академия Наук Институт Российской истории. СПб: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995 / Анфимов А.М., Корелин А.П., ред-сост. С. 44.

² Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). С. 56.

³ Россия 1913 год. С. 12.

⁴ П.А. Столыпин — А.П. Извольскому 28 июля 1911 г. // АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 26.

что визит в Петербург премьер-министра Р. Пуанкаре в августе 1912 г. был вызван стремлением французских правящих кругов обязать Россию начать непосредственную подготовку к войне за интересы III-й Республики: «Связав царизм по рукам кабальными займами, — считал П.Н. Ефремов, — французский империализм считал, что пришло время, когда Россия должна расплачиваться по политическим векселям»¹. Подобные распространенные идеологические клише крайне упрощали действительное положение дел в этом вопросе. Еще в советское время В.А. Емец полагал, что «преувеличение степени финансов-экономической и военно-политической зависимости России от Антанты некоторыми авторами в 20-50-х годах, вплоть до утверждения, что в годы первой мировой войны Россия выступала в роли наемницы антантовского капитала, приводило к односторонности в изучении и в освещении данной проблемы и упрощенному представлению о положении царской России в системе империалистических государств и ее роли в Антанте»². Крупнейший исследователь вопроса В.И. Бовыкин отмечал: «Ни значительные общие размеры, ни высокий удельный вес иностранных инвестиций в России сами по себе не могут служить доказательством подчинения ими экономики страны»³. Прибегая к иностранным займам, российское императорское правительство преследовало своей целью использовать их для развития российской промышленности. Как полагает Ю.А. Петров, Россия добилась «заметного экономического прогресса не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые сыграли немалую роль в деле индустриализации страны, облегчив ей первые шаги в этом направлении и подтолкнув создание ряда новых отраслей промышленности. <...> Значение иностранных инвестиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит

---

¹ Ефремов П.Н. Указ. соч. С. 142.

² Емец В.А. Очерки внешней политики России. 1914-1917. Взаимоотношение России с союзниками по вопросам ведения войны / Бескровный Л.Г., отв. ред. М.: Наука, 1977. С. 9.

³ Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки / Бовыкин В.И. отв. ред. М.: РОССПЭН, 2007. С. 11.

писать западная историография, безусловно, не было определяющим для экономического роста, отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народнохозяйственной системе страны»¹. Безусловно, что режим III-й Республики был тесно завязан на финансово-банковскую систему, а она нуждалась в кредитовании и предоставлении займов иностранным государствам, так как в силу слабой французской экономики они становились главным источником финансовых пополнений республиканской казны. Кредиторами Парижа кроме Петербурга были правительства Австро-Венгрии, Османской империи и Италии. То обстоятельство, что все они получали займы от Парижа, не помешало Вене и Константинополю в 1914 г. оказаться в одном военном блоке с Германией, а Риму — на стороне Антанты. В той же степени французские займы ни в какой степени не повлияли на решение Петербурга вступить в военный союз с Англией. Тем более, что в ходе «русского экономического чуда» 1909-1913 гг. и укрепления финансовой системы, получение российским правительством внешних займов в значительной степени сократилось. Как отмечал В.И. Бовыкин: «Накануне мировой войны рост внешнего государственного долга России прекратился. <...> В 1908-1913 гг. несмотря на возобновление размещения на Западе гарантированных правительством займов железнодорожных обществ, главной формой иностранных капиталовложений являлись прямые инвестиции в действующие в России акционерные предприятия»². К 1913 г. по задолженности государства Россия на душу населения значительно уступало той же Франции, занимая в этой позиции лишь 10 место³. Как отмечает Ю.А. Петров: «Мотив о политической подоплёке внешних операций российской казны, о переходе России от германской к французской ориентации под влиянием смены финансовых приоритетов при всей

---

¹ Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Гражданин. Периодический политический журнал, 2003. № 3.

² Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. С. 5-6.

³ Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Гражданин. Периодический политический журнал, 2003. № 3.

своей внешней убедительности не находит подтверждения в исторической реальности»¹.

Россия, проводя свою внешнюю политику в последний предвоенный период, преследовала, как и ранее, исключительно собственные интересы. Эти интересы, по мнению Петербурга, заключались в осуществлении контроля над черноморскими проливами, политического и экономического влияния в северной Персии и возобновления Азиатской программы, с целью возвращения своего влияния в этом регионе. Для того, чтобы успешно решать эти задачи, не вступая в войны и конфликты, Петербургу было необходимо предворительное соглашение с той или иной стороной по разделу сфер влияния. Именно отсутствие такого договора пресекло мирное продвижение России в начале XX в. на Восток и привело в 1904 г. к войне с фактическим блоком Лондона, Вашингтона и Токио. После англо-русских договоренностей 1907 г., военно-экономическое соперничество России с Великобританией сменилась почти союзническими отношениями, которые позволяли решать все появляющиеся проблемы за столом переговоров на общевыработанной основе, не рискуя сорваться в военное противостояние друг с другом. Император Николай II считал, что с Германией можно заключить схожие соглашения, тем более что между ней и Россией не существовало таких кретических противоречий, как это было с Великобританией. История русско-прусских и русско-германских отношений убедительно доказывали, что они никогда не требовали раздела сфер влияния. Однако к 1910 г. необходимость подобного соглашения с кайзеровским рейхом была не менее актуальной, чем в свое время соглашения с Лондоном. Со времени Боснийского кризиса и Балканских войн в Петербурге с тревогой наблюдали рост экспансионистских устремлений Австро-Венгрии на балканском полуострове. В российских правительственных кругах не сомневались, что австрийская экспансия в этом регионе поддерживается Германией, которая

---

¹ Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Гражданин. Периодический политический журнал, 2003. № 3.

незамедлит доказать эту поддержку участием в военном конфликте на стороне Вены, а это, в свою очередь, означало начало большой европейской войны, которую в России пытались не допустить любыми средствами. Петербург стремился договориться с Берлином об его отказе поддерживать завоевательную австрийскую политику на Балканах. Ради этого российское правительство допускало компромисс по экономическому германскому присутствию в северной Персии, а также было готово принять на себя обязательства соблюдения нейтралитета в случае англо-германской войны.

15 (28) сентября 1910 г. А.П. Извольский был официально снят с должности главы российского МИД и назначен послом в Париж, вместо скончавшегося А.И. Нелидова¹. На его место, пока еще в должности управляющего, был назначен С.Д. Сазонов², но в предверие официального визита Николая II в Берлин, было решено объявить об этом назначении позже, чтобы не создавать впечатление в Лондоне и Париже, что С.Д. Сазонов первую свою заграничную поездку в ранге министра начинает именно с Германии³. На Особом совещании 15 (28) октября 1910 г. рассматривался вопрос о возможных договоренностях с Берлином⁴. В результате было признано, что они должны носить «очень общий характер», без каких-либо определенных обещаний⁵. В Петербурге опасались, что император Вильгельм увяжет свое согласие повлиять на Вену с целью прекращения ее агрессивной политики на Балканах, с официальным примыканием России к германо-австро-венгерскому союзу, наподобие «Союза трех императоров», что для Петербурга было невыгодно⁶. Было ясно, что германская сторона на

---

¹ А.П. Извольский — П.А. Столыпину 8 (21) сентября 1910 г. // АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 1.

² Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 27.

³ Там же.

⁴ Астафьев И.И. Указ. соч. С. 241.

⁵ Лиманская Т.О. С.Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910 — 1916 гг.) // Дипломатический Вестник, 2001. Ноябрь.

⁶ Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны / Нарочницкий А.Л., отв. ред. М.: Институт истории АН СССР; Изд-во: Наука, 1985. С. 67.

переговорах постарается увязать проблему поддержки Вены на Балканах, с разрешением российского правительства провести по территории северной Персии ветку Багдадской железной дороги, которую строили немецкие путейщики. Для Петербурга встала сложная задача. Во-первых, в случае продления Багдадской ветки по территории Персии, немецкие войска в считанные дни могли быть переброшены к непосредственной близости к российскому Кавказу. Во-вторых, неизбежное в связи со строительством дороги, немецкое присутствие в Персии, могло усилить влияние Берлина в ее политических и торговых высших сферах¹. Тем не менее, российское правительство допускало дать свое согласие на продление немцами железной дороги, не разрешая, однако, чтобы строительства персидского участка дороги велось непосредственно немецкими инженерами, так как опасалось возникновения постоянного германского присутствия в сфере своих интересов². С.Д. Сазонов писал узе в эмиграции: «Русскому правительству необходимо было, прежде всего, обезвредить Германию на долгий срок путём возможных уступок в области её экономических интересов», при сохранении в Тегеране своего главенствующего политического и экономического приоритета и признания его Берлином³.

22 октября (4 ноября) 1910 г. начался потсдамский визит императора Николая II и его переговоры с Вильгельмом II в Потсдаме. Одновременно С.Д. Сазонов вел переговоры с канцлером Т. Бетманом-Гольвегом. С.Д. Сазонов убежденно заявил, что следует возобновить контакты между российскими и германскими дипломатами, прерванные после Боснийского кризиса⁴. С.Д. Сазонов сделал германской стороне ряд важных предложений по персидской железной дороге, заявив, что Россия не будет препятствовать строительству

---

¹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 123.

² Казем-Заде Ф. Указ. соч. С. 123.

³ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 32.

⁴ Die Große Politik. Bd. XXVII. S. 835

немцами ее Багдатского участка, при условии, что Берлин дает свои обязательства не соединять его с непосредственно персидскими железнодорожными путями без получения согласия на это Петербурга. Также Берлин должен был официально подтвердить, что не имеет в Персии никаких политических целей и признает северную Персию российской сферой влияния¹.

Уступки С.Д. Сазонова, сделанные им в Берлине в отношении строительства Багдадской железной дороги, вызвали серьезное беспокойство в Лондоне. В Форрин-офисе полагали, что С.Д. Сазонов «легкомысленно отдал Германии все то, что Извольский решительно намеревался удержать»². Но, уступая немцам в экономических вопросах в Персии, российское руководство получало гарантии Берлина по куда более важном для России Балканскому вопросу³. Это долгожданное обещание Германии, казалось, давало возможность Петербургу начать разматывать балканский клубок⁴. Кроме того, Т. Бетман-Гольвег полностью согласился признать Персию сферой российских политических и экономических интересов, отказавшись от требования предоставления там каких-либо уступок⁵. В конце первого дня переговоров с Т. Бетманом-Гольвегом, С.Д. Сазонов подчеркнул, что англо-русское соглашение не носит характера военного союза. С.Д. Сазонов также заявил, «если Англия захочет вести враждебную Германию политику, то она не найдёт нас на своей стороне»⁶.

Казалось бы, российская и германская стороны пришли к взаимовыгодным договоренностям, и конфронтация между ними была преодолена. Однако гарантии российского нейтралитета, сделанные С.Д. Сазоновым Т. Бетману-Гольвегу на случай англо-германского военного столкновения, в случае предания

---

¹ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 32.

² Казем-Заде Ф. Указ. соч. С. 23.

³ С.Д. Сазонов — императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. М.; Пг: Госиздат, 1923. Т. 3. С. 7.

⁴ С.Д. Сазонов — императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. С. 7.

⁵ Ефремов П.Н. Указ. соч. С. 109.

⁶ Die Große Politik. Bd. XXVII. S. 838.

им официального статуса, ставили Россию в весьма двусмысленную позицию по отношению к Лондону. Нейтралитет России мог быть интерпретирован Берлином как обязательный, даже в случае германского нападения на Англию, а это уже подрывало существование русско-французского союза, учитывая, что между Парижем и Лондоном существовал договор о взаимопомощи. В таком случае, Россия оставалась практически без союзников, в случае нападения на нее Австро-Венгрии и Германии. К тому же во время берлинской встречи С.Д. Сазонову было передано секретное послание от русского посла в Германии графа Н.Д. Остен-Сакена. В нем опытный дипломат убеждал российского министра не доверять заверениям германской стороны о ее гарантиях влиять на венскую политику на Балканах¹. Н.Д. Остен-Сакен отмечал, что «союз с Венной служит краеугольным камнем нынешней политики Берлина, который решает две задачи: обеспечивает противовес Англии и использует австрийскую экспансию на Балканах в целях собственного проникновения на Восток»². Остен-Сакен также предупреждал, что целью Германии является выигрыш времени для обеспечения своих мировых позиций, пока Россия занята внутренней модернизацией экономики и государственно-политического устройства³.

Поэтому во время продолжения переговоров С.Д. Сазонов свел вопрос о взаимных обязательствах по Балканам, к возможности посредничества Германии между Россией и Австро-Венгрией и таким образом ушел от вопроса по нейтралитету России в отношении Англии⁴. После долгого доклада в Потсдаме о результатах переговоров, линия С.Д. Сазонова получила полное одобрение Николая II⁵.

Т. Бетман-Гольвег поручил послу Ф. Пурталесу заключить русско-германское соглашение, которое включало бы в себя: 1. Прекращение Берлином

---

¹Лиманская Т.О. Указ. соч. // Дипломатический Вестник, ноябрь 2001 г.

² АВПРИ.Ф. 133. Канцелярия министра. 1910. Д. 204. Л.73-75.

³ АВПРИ.Ф. 133. Канцелярия министра. 1910. Д. 204. Л.73-75.

⁴ Игнатъев А.А. Указ. соч. С. 112.

⁵ Доклады б. министра иностранных дел С.Д. Сазонова Николаю Романову. 1910-1912 гг. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3. М; Пг: Госиздат, 1923. С. 5-28.

поддержки Австро-Венгрии в ее агрессивной политике на Балканах; 2. Отказ Петербурга от любой враждебной в отношении Германии политики Лондона; 3. Обоюдное согласие России и Германии сохранять мир на Балканах; 4. Обоюдное обязательство делать всё возможное для локализации конфликта на Балканах, в случае его возникновения¹. Однако С.Д. Сазонов не стал подписывать этот договор, справедливо оценив его как германскую ловушку. В Берлине министр был ознакомлен с докладами русских военных агентов, в которых утверждалось, что рейх усиленно ведет военные приготовления, а германская политическая стратегия «направляется иными новыми могучими экономическими и политическими факторами, которые одними старыми традициями уже не пересилить»². Поэтому, любой отказ Петербурга от помощи Англии и любая уступка Берлину, ослабляла Россию³. Согласие Петербурга с германскими предложениями фактически означало разрыв с Францией и блокировку с Германией в ее противостоянии с Великобританией. Только что назначенный английский посол в России Дж. Бьюкенен заметил императору Николаю II, что «британское правительство следит за русско-германскими переговорами с некоторым беспокойством»⁴. Оно было вызвано в том числе и подписанном 6 (19) августа 1911 г. в Потсдаме российско-германском «Соглашении по персидским делам», где оговаривалось, что у России в Персии «имеются специальные интересы», а «Германия преследует там лишь коммерческие цели»⁵. Английский посол в своем сообщении в британский МИД полагал, что царь «не уловил того факта, что уступки, сделанные правительству Германии по вопросу о Багдадской железной дороге, несовместимы с той поддержкой, которую оно

---

¹ Ефремов П.Н. Указ. соч. С. 245.

² Сергеев Е.Ю. Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны // URL: <http://rusgermhist.narod.ru> (вход: 13 декабря 2016).

³ Сергеев Е.Ю. Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны

⁴ Сергеев Е.Ю. Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны.

⁵ Сборник договоров России с другими государствами. С. 405-406.

должно было оказывать своим компаньонам по Тройственному согласию»¹. «Соглашение по персидским делам» было подписано русской стороной с одной только целью умиротворения Берлина. Оно не отвечало интересам России, но С.Д. Сазонов надеялся, что строительство Багдадского участка железной дороги займет у немцев много времени, что сделает согласие России на его соединение с сетью железных дорог Персии во многом номинальным. Но министр не учёл деловой хватки и умения быстро работать со стороны германских инженеров, практического отсутствия в германском делопроизводстве забюрократизированности.

Наряду с «Соглашением по персидским делам» с целью умиротворения Германии, Николай II приказал перебросить часть российских войск с западной границы на восток.

Российская дипломатия и Агадирский кризис. Частичная передислокация российских войск с западной границы сильно встревожила французские правящие круги. Глава французского внешнеполитического ведомства С. Пишон так и не смог ответить на вопросы депутатского корпуса, который подозревал, что русская передислокация стала результатом секретного соглашения Петербурга и Берлина в Потсдаме?

Между тем, весной 1911 г. вновь сильно обострилась ситуация вокруг германо-французского спора по Марокко, вызванная оккупацией французскими войсками марокканского городка Фец. Свои действия правительство III-й Республики объясняло притеснением местных жителей из числа французских граждан. Париж заверял, что вскоре войска III-й Республики покинут город. Фец был не первым марокканским населённым пунктом, подвергшимся французской оккупации по тем же предлогом. Причем, свои обещания вывести свои войска из этих городов французское правительство выполнять не спешило. Воспользовавшись очередным французским захватом в Марокко, Т. Бетман-Гольвег заявил, что Париж грубо нарушает Алхесирасское соглашение 1906 г. В

---

¹ Цит. по: Ефремов П.Н. Указ. соч. С. 116.

марокканскую бухту Агадир была введена канонерская лодка германского ВМФ «Пантера». А. Никольсон довольно точно понял цели кайзеровского правительства, указав в письме в Форрин-оффис от 21 июня (4 июля) 1911 г.: «Немцы пытаются посорить нас с Францией»¹. Для Лондона возникла опасность повторения ситуации 1906 г., когда испугавшийся Париж пошел на поводу у Германии и был готов сговориться с Берлином². Действительно и в 1911 г. Париж попытался договориться с Германией о компенсации, не ставя об этом в известность своего английского союзника. Однако кайзер и его канцлер были уверены, что стоит им хорошо надавить на Париж, пугая его возможностью войны с Германией, и французы сдадут им Марокко, а Россия и Англия при этом отступят, не желая вмешиваться в войну за чуждые им интересы. То есть, германская дипломатия из раза в раз действовала по одному и тому же сценарию, не учитывая в изменившуюся за последние два года политическую ситуацию в Европе.

Правительство III-й Республики на этот раз сдаваться не собиралось, а обратилось за дипломатической помощью к Петербургу и Лондону. Летом 1911 г. товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов, замещавший заболевшего С.Д. Сазонова, провел встречу с французским послом Ж. Луи³. По настоятельной просьбе французского посла А.А. Нератов 21 июня (4 июля) отправил в Берлин телеграмму, в которой в мягкой форме пытался выяснить, какие цели преследует Германия в Агадире, и собирается ли она продолжать дальнейшую эскалацию в Марокко⁴? А.А. Нератов заверил Ж. Луи, что Петербург поддержит Францию.

Форрин-оффис надеялся спровоцировать войну между Францией и Германией, куда будет вынуждена вступить и Россия. Сама Англия должна была сохранять нейтралитет и получить свою политическую выгоду от ослабления

---

¹ British Documents. Vol. VII. P. 33.

² Каирбекова Р.Р. Агадирский кризис 1911 г. и политика Великобритании // Международный имидж России. <http://image-of-russia.livejournal.com>

³ Сазонов С.Д. Указ. Соч. С. 36.

⁴ АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Д. 104. Л. 70.

участников предполагаемого столкновения. Поэтому Лондон всячески запугивал Берлин, предупреждая, что, если он продолжит нагнетать ситуацию вокруг Марокко, то «Германии придётся плохо»¹. Однако напугать Германию форри-офису не удалось. Берлин потребовал от Парижа передать ему в качестве компенсации за занятые марокканские города весь Конго². 22 июля (4 августа) статс-секретарь А. фон Киндерден-Вехтер, не скрывая заявил с Ж. Камбону, что кайзер стремится «создать обширную Африканскую империю, от Атлантического океана до Индийского океана»³. Для Петербурга эти германские планы не были секретом, А.П. Извольский в беседе с главой французского МИД заметил, что «именно это и следовало ждать от немцев». Но эскалация напряженности в этом регионе никак не отвечала государственными интересам Петербурга, и российское посольство призывало правительство Ш-й Республики как можно скорее начать переговоры с Берлином. В противном случае, указывал А.П. Извольский мир окажется на пороге большой войны сначала в Африке, а потом и в Европе⁴.

Между тем, во французских правящих кругах надеялись отстоять свой контроль над Марокко, рассчитывая на англо-русскую помощь. Французский МИД отверг немецкие притязания на Конго, а французский Генштаб начал приготавливать свои вооруженные силы к войне. Военный агент в Лондоне генерал Н.С. Ермолов был при этом убежден, что «Англия собирается поддержать Францию на море и на суше»⁵. Однако он ошибался. Английское правительство не собиралось втягиваться в авантюру из-за Марокко, которое ни в коем роде не относилось к сфере британских интересов. Не собирался этого делать и Петербург, поставив в известность Париж, что тот может рассчитывать со стороны России только на дипломатическое содействие. Ни Англии, ни России

---

¹ British Documents. P. 328.

² Сазонов С.Д. Указ. Соч. С. 40.

³ АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Д. 104. Л. 70.

⁴ АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Д. 104. Л. 71.

⁵ Ефремов П. Н. Указ. Соч. С. 130.

война из-за Марокко был совершенно не нужной и опасной, а поэтому ее надо было во что бы то ни стало остановить. Именно поэтому, А.П. Извольский в самой категоричной форме настаивал, чтобы французское правительство прекратило по-существу мобилизационные приготовления, могущие вызвать ответные меры со стороны Германии¹. А.П. Извольский напомнил премьер-министру Ж. Кайо о взаимных обязательствах Франции и России по условиям военной конвенции 1891 г. Согласно им Россия должна была оказывать содействие Франции, только в случае военной агрессии в отношении нее Германии. Между тем, Марокканский кризис во многом был вызван действиями самой же Франции, а значит ни в коем случае не подпадал под действие конвенции. При этом А.П. Извольский добавил, что российское общество и народ «не могут отнестись к нему не иначе как колониальному конфликту и не поймут необходимости войны из-за колониальных интересов Франции»². Несмотря на это по поручению главы своего МИД, посол в Петербурге Ж. Луи добился приема у Николая II, которой, впрочем, только повторил смысл слов, сказанных А.П. Извольским³. Когда в Париже осознали, что ни Лондон, ни Петербург не окажут ему военной помощи, правящим кругам Франции ничего не оставалось, как вернуться к переговорам с Берлином. 22 октября (4 ноября) 1911 г. между Францией и Германией было подписан договор, которым был завершён Агадирский кризис. Берлину вновь не удалось расколоть франко-русский союз и изолировать Англию.

Последние мирные попытки России договориться с Берлином. Осознание императором Николаем II всей опасности для России европейской войны, всей степени ее неготовности к ней, заставляли монарха делать все, чтобы этой войны не допустить. Во время беседы с послом Болгарии А.В. Неклюдовым, Николай II заявил: «Я не хочу войны. Я сделал своим непреложным правилом

---

¹ АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Д. 104. Л. 71.

² Ефремов П.Н. Указ. Соч. С. 131.

³ Астафьев И.И. Указ. Соч. С. 218.

предпринимать все, чтобы сохранить моему народу все преимущества мирной жизни. В этот исторический момент необходимо избегать всего, что может привести к войне»¹. А.А. Брусилов в своих мемуарах утверждал: «Император Николай II был врагом вообще всякой войны, а войны с Германией в особенности»². В своем дневнике от 22 февраля (6 марта) 1911 г. Ж. Луи записал: «Русское правительство не желает менять основы своей политики: оно желает сохранять отношения как с Германией, так и с Антантой»³. Конечно, были и в России свои «ястребы», как, например, двоюродный брат императора великий князь Николай Николаевич-младший. П.А. Столыпин давал ему следующую оценку: «Удивительно он резок, упрям и бездарен. Все его стремления направлены только к войне, что при его безграничной ненависти к Германии очень опасно. Понять, что нам нужен сейчас только мир и спокойное дружное строительство, он не желает и на все мои доводы отвечает грубостями. Не будь миролюбия Государя, он многое мог бы погубить»⁴.

Попыткой царя начать нормализацию отношений с Австро-Венгрией стал визит в феврале 1912 г. его двоюродного брата великого князя Андрея Владимировича⁵. Несмотря на внешне радушный прием великого князя со стороны императора Франца Иосифа никаких серьезных перемен в австро-венгерской политике не произошло.

Летом 1912 г. в Балтийском порте Палдиски состоялась русско-германская встреча на высшем уровне. Париж пытался ей помешать, так как полагал, что Петербург и Берлин могут за его спиной сговориться о разделе сфер влияний⁶. 21 июня (4 июля) и 22 июня (5 июля) 1912 г. в Палдиске на двух императорских

---

¹ Nekludoff (A.). Diplomatic reminiscences before and during the World war, 1911-1917. London: J. Murray, 1920. P. 4-5.

² Брусилов А.А. Мои воспоминания. Харьков: Фолио, 2012. С. 70.

³ Georges (L.). Op. cit. P. 168.

⁴ Бок (Столыпина) М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М.: Т-во «Сытин и К», 1992. С. 234.

⁵ DDF. 3e série. T. III. P. 19.

⁶ DDF. 3e série. T. III. P. 72-73.

яхтах прошли российско-германские переговоры на высшем уровне¹. Во встрече, в том числе, принял участие председатель Совета министров граф В.Н. Коковцов, сменивший на этом посту П.А. Столыпина, убитого террористом в сентябре 1911 г. В разговоре с канцлером Т. Бетманом-Гольвегом В.Н. Коковцов высказал сильную обеспокоенность России чрезмерно возросшей германской программой вооружения на 1911 г. Председатель Совет министров заметил при этом: «Россия доказала Германии свою чисто оборонительную политику тем планом, который она провела по инициативе её военных деятелей в 1910 году упразднением польских крепостей и отводом на Восток своего выдающегося фронта в Польше»². В.Н. Коковцов убеждал своего германского визави, что государь и Россия не вынашивают никаких планов нападения на Германию или Австро-Венгрию и строго придерживаются в отношении них самой дружественной позиции³. Т. Бетман-Гольвег ответил, что он «глубоко скорбит о том, что 30 лет тому назад произошёл роковой поворот в традиционной политике Германии по отношению к России, и что ей не остаётся ничего другого, как сдерживать этот неизбежный ход событий»⁴. Еще более тревожными были слова кайзера, сказанные в разговоре с С.Д. Сазоновым. Вильгельм II почти откровенно высказал свое мнение, что Россия должна сдерживать «желтую опасность» на Востоке, а в Европе ей делать нечего⁵. Для российской стороны эти признания таили скрытую опасность. Когда В.Н. Коковцов и С.Д. Сазонов доложили о них Николаю II, тот сказал: «Готовиться нужно, и хорошо, что нам удалось провести Морскую программу, необходимо готовиться и к сухопутной обороне»⁶.

7 (20) мая 1913 г. состоялся визит императора Николая II в Берлин. Формальным поводом для него была свадьба дочери Вильгельма II принцессы Виктории Луизы. За два месяца до него, в Петербурге было получено сообщение

---

¹Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 44.

² Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 77.

³ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 77.

⁴Там же.

⁵ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 49.

⁶Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 81.

от военного агента в Берлине полковника П.А. Базарова, что на заседании рейстага «впервые открыто германство противопоставлено славянству, усиление которого и развитие панславизма, вызвавшие националистическое движение во Франции, обуславливают необходимость спешного увеличения вооруженных сил Германии»¹, а «совокупность имеющихся в настоящее время признаков приводит к заключению, что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем»².

К началу 1913 г. в Берлине и Вене окончательно приняли решение в ближайшее время начать большую европейскую войну за глобальный передел мира в свою пользу. Берлин не безуспешно склонял на свою сторону Софию, Бухарест и Константинополь. Вероятность того, что эти государства поддержат в грядущей войне Германский рейх, быстро возрастала, в то время как Петербург безуспешно пытался добиться от Парижа и Лондона подписания совместного военного союза. Английские правящие круги, хотя и заверяли Россию в своей готовности поддержать ее в случае нападения Германии, дальше этих заверений не шли. Но у Лондона, как и Петербурга, были свои союзнические обязательства перед Парижем, а это означало, что Англия могла оказаться в войне вместе с Францией и Россией против своей воли. Принимая в сентябре 1912 г. в Форин-офисе С.Д. Сазонова, Э. Грей согласился с русским предложением подписать англо-русскую морскую программу. Однако затем Лондон затянул решение этого вопроса до самого кануна войны. При этом подписание этой программы вовсе не означало обязательство Англии вступления в войну против Германии в случае ее нападения на Россию или Францию. Более того, от ценных источников в Париже российской разведке было известно, что Лондон в случае такой войны сохранит нейтралитет³.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Бланк Р. Германцы против англичан // Вестник Европы. 1914. С. 267.

Российско-китайские договоренности. В Вене и Берлине рассчитывали, что к началу их войны с Россией, она увязнет в вооруженном противостоянии с Китаем из-за Монголии, которая рассматривалась в Пекине как часть Поднебесной империи. Воспользовавшись разразившейся в Китае Синьхайской революцией 1911 г., приведшей к свержению династии Цин и установлению в Пекине республиканской формы правления, монголы в свою очередь, в том же году объявили о своей независимости от пекинского правительства и создании государства во главе с Богдо-ханом, официально вступившего на престол 29 декабря 1911 г. При этом вся территория Монголии была очищена от китайских властей. Все это привело к монголо-китайскому военному столкновению. К 1913 г. сопротивление монгольских отрядов было сломлено. Монгольская делегация обратилась к российскому консулу в Кобдо В.Ф. Люба, умоляя его передать царю их просьбу оказать Монголии дипломатическую помощь. В.Ф. Люба в своем сообщении МИД советовал не ограничиваться лишь дипломатической помощью монголам, но и прислать им на помощь казаков, инструкторов-офицеров и артиллерийские орудия. В.Ф. Люба исходил из того, что если монголы будут полностью побеждены, тогда «возникает угроза появления на границе Семипалатинской области внушительного количества хорошо обученных китайских войск»¹. Николай II поддержал инициативу консула, и в течение зимы-лета 1913 г. в Кобдо были направлены части Верхнеудинского полка, пехоты и артиллерии, которые «парализовали активность китайских отрядов»².

В феврале 1913 г. было подписано русско-монгольское соглашение «Об обучении монгольских войск». Согласно ему русские военные инструкторы активно занялись формированием и обучением монгольской армии³. Одновременно начались длительные российско-китайские переговоры, во время которых Петербург настойчиво советовал Пекину признать автономию

---

¹ АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1454. Л. 62.

² Моисеев В. А. Указ. соч. С. 285

³ Жалсапова Ж.Б. Действия русских военных инструкторов в Монголии (1912-1916). С. 121

Монголии. В свою очередь, китайская делегация настаивала на принадлежности Монголии Китаю и обвиняла Россию в стремлении ее аннексировать. В результате, спустя полгода переговоры зашли в тупик, и С.Д. Сазонов советовал государю прекратить переговоры с Китаем «ввиду полного извращения» им «смысла наших переговоров по монгольскому вопросу»¹. Получив поддержку Николая II, российский МИД 25 июня заявил «о прекращении переговоров с китайским правительством»².

Однако Петербургу было невыгодно углублять конфликт с Китаем, учитывая постоянно растущую угрозу на Западе. Согласно подписанной 23 октября (5 ноября) 1913 г. русско-китайской Декларация, Россия признавала Внешнюю Монголию частью Китая, а Пекин признавал автономию Внешней Монголии³, гарантируя невмешательство в ее внутреннее управление. Стороны также договорились, что по всем вопросам, касающимся Монголии они будут согласовывать свою позицию.

Обострение германо-русских отношений в Турции в связи с миссией генерала О. Лимана фон Сандерса. Во время потсдамских свадебных торжеств в мае 1913 г., Вильгельм II проинформировал Николая II, о том, что собирается направить в Османскую империю военную миссию во главе с генерал-лейтенантом О. Лиманом фон Сандерсом. Кайзер поинтересовался у царя, не будет ли у него возражений, в связи с этим? Николай II ответил, что это зависит от характера немецкой миссии, и если она не будет отличаться от обычных, то это внутренне дело Германии⁴. Вильгельм II в приподнятом настроении поблагодарил Николая II. Между тем, миссия Лимана фон Сандерса вовсе не была обычной миссией. Ее задачей было подчинение османской армии германскому командованию, так как в Берлине, желая видеть Константинополь в числе своих союзников, прекрасно отдавали отчет о слабости его вооруженных

---

¹ С.Д. Сазонов — императору Николаю II. 24 июня 1913 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 783. Л. 2.

² Император Николай II — С.Д. Сазонову. 25 июня 1913 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 783. Л. 1.

³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. С. 418.

⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 126.

сил. Ярким свидетельством этому стали Балканские войны 1912-1913 гг., когда армии балканских государств нанесли армии султана тяжелое поражение. В Берлине понимали, что, если не скрепить османскую армию германскими военными «скрепами», она развалится в первых же сражениях. Первой задачей, которую поставил казйер перед своим Большим штабом в отношении турецкого командования, сводилась к его подчинению немецким генералам и старшим офицерам. Первым таким германским военным «десантом» в Константинополь и стала военная миссия генерала Лимана фон Сандерса, прибывшая в османскую столицу поздней осенью 1913 г. Султан немедленно назначил фон Сандерса главным инструктором турецких войск, а также командиром I-го османского корпуса, расквартированного в столице империи. В Берлине прекрасно давали себе отчет, что эти действия означают прямой вызов России, а потому как можно более долго скрывали от нее характер своей «обыкновенной» миссии. Но сколько бы немцы не скрывали свой обман, о нем стало известно в Петербурге из секретной телеграммы посла в Константинополе М.Н. Гирса, которую он направил 25 октября (5 ноября) 1913 г. С.Д. Сазонову с сообщением о подлинном характере миссии Лимана фон Сандерса¹. Российский министр иностранных дел немедленно вызвал на Дворцовую площадь германского посла Ф. фон Пурталеса, до которого довел следующее: императорское правительство «не может относиться безразлично к такому факту, как переход в руки германских офицеров командования Константинопольским гарнизоном и не может себе представить, чтобы в Берлине не отдавали себе в этом отчет»². С.Д. Сазонов также подчеркнул, что «если на земном шаре есть пункт, непосредственно затрагивающий российские жизненные интересы, то этот пункт есть Константинополь»³. На этом дело не ограничилось. Царь поручил, возвращаясь из европейской поездки председателю Совета министров В.Н. Коковцову, сделать остановку в Берлине и

---

¹ Материалы по истории франко-русских отношений. С. 631.

² Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 128.

³ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 128.

выразить германскому императору и его канцлеру категорическое несогласие в связи с миссией фон Сандерса¹. 26 октября (4 ноября) 1913 г. В.Н. Коковцов, подробно проинформированный советником посольства А.Н. Броневским, встретился в Потсдаме и Берлине с Т. Бетманом-Гольвегом и Вильгельмом II². Как первый, так и второй, прекрасно понимали какой будет реакция России на их политическое мошенничество, а поэтому решили в этом мошенничестве не останавливаться, заверив В.Н. Коковцова, что Николай II сам одобрил миссию фон Сандерса. Однако В.Н. Коковцов выразил большое сомнение по этому поводу и одновременно выразил уверенность, что Франция и Англия, также как и Россия заявят свои протесты³. Плохо контролирующей свои эмоции германский император в тот же день за завтраком заявил директору Кредитной канцелярии Н.Ф. Давыдову: «Я вижу надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германизма»⁴. Ошеломленный такими откровениями кайзера, Н.Ф. Давыдов возразил, что Россия не хочет ни с кем воевать и помышляет только о мире. В ответ он получил от Вильгельма II новое «откровение»: «Если война неизбежна, то я считаю совершенно безразличным кто начнёт её. <...> Я говорю Вам совершенно определённо, что война может сделаться просто неизбежною»⁵. Разумеется, во многом, эти слова были вызваны сумасбродным характером Вильгельма II. Однако в них отражалось и плохо скрываемое нетерпение германских военно-политических и промышленных кругов начать войну с Россией, скрывать которое немцы уже не собирались.

Вернувшись из Берлина в Петербург, В.Н. Коковцов немедленно отправился с докладом к императору в крымскую Ливадию, в котором доложил о результатах своего разговора с канцлером и кайзером по поводу миссии Сандерса в Константинополе. Когда В.Н. Коковцов сообщил об утверждении

---

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 209

² Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 209, 210.

³ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

⁴ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

⁵ Там же. С. 241.

обоих о согласовании миссии во время встречи в Потсдаме, Николай II возразил: «Ничего подобного, конечно, не было. Но я нимало не удивляюсь, так как уже не раз я встречался с тем же приёмом сваливать с больной головы на здоровую»¹. 1 Одновременно Петербург обратился к Парижу и Лондону, предлагая выразить общий протест по поводу «турецких дел» Берлина. В Париже по обыкновению начали метаться между стремлением осудить германское политическое своеволие, напоминающее подобное же ранее в Марокко, и страхом разгневать Берлин. В разговоре с А.П. Извольским Р. Пуанкаре и министр иностранных дел Г. Думерг посетовали «на опасную сторону подобного выступления и высказали, что раз мы продолжаем дружеские разговоры с берлинским кабинетом, желательно, прежде всего, выждать результатов этих разговоров»². Еще меньшую воинственность продемонстрировал Лондон, который сам участвовал в программе усиления османского флота³.

В результате, 2 (15) января 1914 г. С.Д. Сазонов получил от С.Н. Свербеева сообщение, что со слов Г. фон Ягова «Сандерс вчера произведён в генералы от кавалерии германской службы и будет произведён в турецкие маршалы, чем он само собой освобождается от командования корпусом»⁴. Об этом же сообщил царю и И.Л. Татищев⁵. По существу, ничего не изменилось: фон Сандерс по-прежнему командовал османским корпусом, только теперь в звании не германского генерала, а турецкого мушира (фельдмаршала), которое ему присвоил султан. С.Н. Свербеев прямо сообщал 3 (16) января 1914 г., что «чем бы ни был генерал Сандерс и как бы он ни назывался он, очевидно, сумеет сосредоточить в своих руках военную власть и явиться фактическим начальником оттоманских войск»⁶.

---

¹Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 241.

²А.П. Извольский — С.Д. Сазонову 2 (15) января 1914 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 1. С. 17.

³Плеханов А.Е. Внешняя политика Англии и России в канун Первой мировой войны // Вестник гос. унив. им. С.А. Есенина: научный журнал, 2007. № 2 (15). С. 57.

⁴С.Н. Свербеев — С.Д. Сазонову. 2 (15) января 1914 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 1. С. 26.

⁵И.Л. Татищев — императору Николаю II. 2 (15) 1914 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(2). Л. 50.

⁶С.Н. Свербеев — С.Д. Сазонову. 3 (16) января 1914 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 1. С. 30.

Однако Берлин вовсе не ограничился посылкой в Турцию только одной миссии фон Сандерса. Помимо нее германский Большой штаб направил в албанский город Скутари военную миссия генерала Ф. Бронзарта фон Шеллендорфа с группой военных советников. Российский МИД попытался потребовать от Берлина устранить и эту миссию тоже, но Николай II заметил: «Пока нам следует приостановиться от дальнейших настояний — дать немцам передышку»¹. Своеобразным ответом царю стали слова кайзера, сказанные им в узком кругу: «Русско-пруссские отношения умерли раз и навсегда! Мы стали врагами»².

Подводя **итог** вышеизложенному, возможно сделать следующие **выводы**:

1. Петербург пытался договориться с Берлином, убеждая его отказаться от поддержки австро-венгерской экспансии на Балканах.
2. Совокупность источников убедительно свидетельствуют, что российские правящие круги делали всё, чтобы не допустить участие России в европейской войне.
3. Главный урок, вынесенный Петербургом из Русско-японской войны, заключался в том, что решению любой крупной военно-политической задачи, должна предшествовать договоренность со всеми заинтересованными государствами, чтобы не оказаться в противном случае в войне с коалицией этих держав. Такая политика достигла своего хорошего результата в переговорах с Англией, отношения с которой, еще не давно враждебные, стали почти дружественными. Такой же договорённости российское правительство хотело достичь и с Германией.

---

¹ Резолюция императора Николая II на телеграмме поверенного в делах К.Н. Гулькевича. 8 (21) января 1914 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 1. С. 30.

² Цит. по: Айрапетов О. Указ. соч. С. 585.

4. Российская дипломатия, используя неготовность Франции воевать с Германией и нежелание ввязываться в войну Англии из-за Марокко, сумела добиться мирного разрешения Агадирского кризиса 1912 г.
5. Российская дипломатия смогла отстоять суверинитет Монголии и, одновременно, договориться с Китаем, сорвав планы Берлина по затягиванию России в длительный конфликт на Востоке.
6. Германская военная миссия генерала О. Лимана фон Сандерса в Константинополе, убедительно продемонстрировала, что Берлин более не желает искать компромиссов с Россией и взял курс на войну с ней.

§ 2. Отказ России от внеблокового статуса

Огромный военный бюджет, гонка вооружений, огромные военные заказы, строительство второго по величине военно-морского флота, обрекали Германский рейх на большую войну. Причем, эта война должна была носить не просто завоевательный характер, а обеспечить Второму рейху мировое господство. В Берлине ясно осознавали, что главным его противником является Россия, которая по темпам экономического роста опережала Германию¹. Необходимость скорушить Россию и ее союзницу Францию было осознано кайзером как минимум в 1905 г., когда был выработан печально известный «план Шлиффена». Зная приверженность Николая II, российской элиты и общества, не говоря уже о народе, мирной политики, кайзеровское правительство, в период 1913-1914 гг. лихорадочно искала повода для начала войны. Русская военная разведка, военные агенты и дипломаты в Берлине, в течение 1913 г. постоянно доводили до сведения ГУГШ о подготовке Германии к войне². По словам А.А. Керсновского «два обстоятельства заставляли Германию торопиться. Первым

---

¹ Борисюк А.А. Забытая война. Россия в 1914-1918 годы. Цифры, факты, подвиги героев. М.: «Вече», 2024. С. 7-8.

² Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. С. 81.

обстоятельством была русская Большая программа. Время работало на Россию, русская армия крепла с каждым годом. В 1917 году она грозила стать слишком сильной. Второе обстоятельство было ещё важнее. Надо было использовать австро-венгерского союзника, пока тот ещё существовал: одной Германии нечего было и думать справиться с Россией и Францией»¹. Между тем, царь и его министры считали важнейшей задачей привлечь к франко-русскому союзу Великобританию. Т. Делькассе передавал в Париж слова, сказанные ему Николаем II 17 (30) января 1914 г. незадолго до возвращения посла на родину: «Нам нужно свободное море, незамерзающее на юге, так как закрытие наших северных портов в течение зимы, крайне стесняет и даже останавливает нашу торговлю. Итак, она будет развиваться, благодаря железным дорогам, ресурсам России и росту населения, которое в течение 30 лет, достигнет 300 миллионов. Мы совершенно не стремимся к занятию Константинополя, но нам нужна гарантия, что проливы будут открыты»².

Петербургу нужно было время, чтобы встретить войну с полностью готовой армией, модернизация и перевооружение которой осуществлялись в рамках «Большой программы». Ее окончание планировалось на 1917 год. Единственно, что могло помешать реализации этих планов, была навязанная война, и в российской столице делали все, чтобы не допустить. Одновременно российские вооруженные силы готовились к отражению возможной агрессии со стороны германских держав. Подготовка к войне шла и на дипломатическом поле. Николай II и С.Д. Сазонов были уверены в недопустимости новых дипломатических «отступлений»³ и считали необходимым прекратить прежнюю политику балансирования⁴. Оправданная в ситуации 1906-1909 гг., эта политика, то есть отказа от блокировки с любыми державами, теперь угрожала безопасности России. Напряженная международная обстановка, угроза германо-

---

¹ Керсновский А.А. История Русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 1-4. Т. 3. С. 168.

² DDF. 3e série. T. IX. № 189. P. 234.

³ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 194.

⁴ Там же.

австрийской экспансии на Балканах, постоянные политические кризисы, делали дальнейшую балансировку невозможной. Тем более, что российской дипломатии приходилось постоянно разрываться между возникающими одним за одним опасными кризисами, грозящими втянуть в них Россию за чуждые ей интересы, да еще и без сильных союзников. Причем, в этом были заинтересованы как Берлин, так и Лондон, и Вашингтон. В 1910 г. Петербургу пришлось втянуться в конфликт с Китаем из-за Монголии, которую Пекин начал усиленно колонизировать, что затрагивало экономические и политические интересы России в этой стране¹. США стремились под видом политики «открытых дверей» для Пекина, стать доминирующей силой в этом регионе, вытеснив оттуда Россию и Японию. Между тем, Петербург и Токио еще в 1910 г. подписали соглашение по разграничению сфер влияния в Маньчжурии. В октябре 1911 г. премьер-министр Японии князь Т. Кацура выступил с инициативой продолжить совместные с Петербургом действия в Маньчжурии. На донесении об этом А. А. Нератова Николай II написал на полях: «Я всегда был по окончании нашей войны, того мнения, что России следует идти с Японией рука об руку на Дальнем Востоке»². Установление почти союзнических отношений между Россией и Японией сыграло важную роль в ходе Первой мировой войны.

К началу 1914 г. российская дипломатия кардинально меняет свою тактику. Важнейшей ее целью стало создание совместной с Англией военно-морской обороны³. Э. Грей гарантировал С.Д. Сазонову, что Россия может полностью положиться на английскую военно-морскую помощь в Средиземном и Северном морях, и с сомнением высказался о военных действиях на Балтике, сославшись «на их крайнюю рискованность» для британского флота. Из разговора с Э. Греем С.Д. Сазонов вынес уверенность, что в Лондоне видят в Германии врага, с

---

¹ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. (Вторая половина XIX—начало XX вв.). Барнаул: АзБука, 2003. С. 268.

² МОЭИ. Т. 28. Ч. 2. С. 200

³ Игнатъев А.В. Политика соглашений и балансирования (Внешнеполитический курс России в 1906-1914 гг.) // Отечественная история, 1997. № 3.

которым он отвергает любые возможности сближения¹. В конце 1913 г. - первой половине 1914 г. Петербург полностью отказывается от политики балансировки и неблоковости и становится главным инициатором создания Тройственной Антанты (Великобритании, Франции и России), который должен был носить откровенно военный оборонительный характер². Сохранение мира по-прежнему было приоритетной задачей российской внешней политики, но при политике уступок в отношении Германии и Австро-Венгрии была отвергнута, как угрожающая престижу России как великой державы и могущая привести к ее изоляции, что было критически опасно перед лицом возможной европейской войны³. Помимо этого, новый наступательный характер внешней политики России, при условии примыкания Лондона к русско-французскому союзу, по мнению Николая II гарантировал сохранение мира в Европе, так как германские государства вряд ли рискнули бы развязать войну, имея против себя такой мощный военный блок. Необходимость создания такого блока царь обсуждал в январе 1914 г. с Т. Делькассе⁴ и в феврале того же блока с новым послом Франции М. Палеологом. В беседе с последним, Николай II заявил о необходимости создания Тройственной Антанты, в которой соединились бы военное могущество России, финансовые возможности Франции и мощь английского военно-морского флота⁵. Необходимость в создании англо-русско-французского союза находила полную поддержку и у министра иностранных дел С.Д. Сазонова, писавшего А.К. Бенкендорфу: «Всеобщий мир будет обеспечен только тогда, когда Тройственное согласие, реальность которого столь же мало доказана, как и существование морского змия, превратится в оборонительный союз без всяких секретных пунктов и обнародованный во всех газетах мира. В этот день опасность германской гегемонии будет окончательно устранена»⁶.

---

¹ Плеханов А.Е. Указ. соч. С. 60.

² Игнатьев А.В. Политика соглашений и балансирования. С. 29.

³ Игнатьев А.В. Политика соглашений и балансирования. С. 29-30.

⁴ DDF. 3e série. Т. IX. № 189. Р. 235.

⁵ DDF. 3e série. Т. IX. № 322. Р. 414-415.

⁶ Цит. по: Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 195-196.

Петербург упорно убеждал Лондон заключить с ним военно-морскую конвенцию¹. Тем временем, к власти в Англии пришла либеральная партия во главе с Г. Асквитом, ярким ненавистником самодержавной России, требующим немедленно порвать с ней любые договоренности². Разумеется, что работать с таким премьер-министром для Петербурга было очень нелегко, если вообще возможно. Однако позиция Э. Грея была несколько иной. Выступая 5 марта 1914 г. в Палате общин, он, отмечая главные направления английской внешней политики, высказался о необходимости поддержки «Тройственного согласия» во имя мира и блага народов³. Что касается Парижа, то тот, имея за спиной оборонительный союз с Россией, включавший военную конвенцию 1891 г. и морскую конвенцию 1912 г., а также военно-морскую конвенцию с Лондоном 1912 г., предусматривающую морскую блокаду Германии в случае ее нападения на Францию, не очень-то нуждался в дополнительном соглашении.

Между тем, для Петербурга оборонительный союз был крайне желателен, и там предпринимали все усилия, чтобы убедить, прежде всего, Лондон в его необходимости. В беседе с английским послом Дж. Бьюкененом 20 марта (2 апреля) 1914 г. Николай II вернулся к вопросу установления с Англией союзного договора, наподобие русско-французской, убеждая посла в ее крайней необходимости для всеобщего мира⁴. Однако в Лондоне большая часть правящего класса, предпочитали заключение договоренностей с Берлином, чем с Россией. Выражая эту позицию, Бьюкенен фактически отверг возможность такого союза⁵. Тогда Николай II поставил под сомнение смысл всех предыдущих соглашений с Лондоном и Парижем⁶. Когда Бьюкенен передал эти слова в Форин-офис, то там они вызвали определенную обеспокоенность. В Лондоне и

---

¹ М. Палеолог — Г. Думергу. 5 (18) апреля 1914 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 2. С. 325.

² Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 199.

³ Лунева Ю.В. Англо-русские морские переговоры накануне Первой мировой войны (1914 год) // Россия и Британия. Вып. 4. М., 2006. С. 196.

⁴ British Documents. Vol. X. Part II. № 537. P. 780.

⁵ British Documents. Vol. X. Part II. № 537. P. 781-782.

⁶ British Documents. Vol. X. Part II. № 537. P. 781-782.

Париже осознавали, что полное отвержение русских предложений по союзническому договору, ставило под угрозу отказ России от предыдущих соглашений, что обрекало Францию и Англию остаться в одиночестве с могущественным рейхом¹. В результате, летом 1914 г. между Петербургом и Лондоном началось обсуждение об условиях заключения совместной морской конвенции. Англичане по-прежнему отказывались в случае войны вводить свой флот на Балтику и допускать русский флот в Средиземное море². Лондон также отказал в содействии предложениям Петербурга о предоставлении в Средиземноморье военно-морской базы российского ВМФ с учетом возможной необходимости взятия под контроль Босфора и Дарданелл³. Таким образом, в преддверии Первой мировой войны участие в ней Великобритании оставалось гипотетическим⁴.

31 мая (13 июня) 1914 г. состоялся визит царской семьи в румынский порт Констанцу⁵. Целью этой однодневной поездки, которая официально была определена как визит вежливости одного монарха другому, было стремление Николая II добиться договоренностей с Бухарестом в случае войны выступить на стороне России, а не германского блока. В данном случае царь использовал личную дипломатию в переговорах с румынском королем Каролом I, которого самодержец произвел в 1912 г. в звание генерал-фельдмаршала Российской армии. Сопровождавший императора С.Д. Сазонов, проведя многочасовые переговоры с румынскими политиками, главным образом с премьер-министром И. Брэтиану, сделал однозначный вывод: «Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей, и которая будет в состоянии

---

¹ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 198.

² Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 198.

³ Плеханов А.Е. Указ. соч. С. 58.

⁴ Плеханов А.Е. Указ. соч. С. 58.

⁵ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. г. С. 34.

посулить ей наибольшие выгоды»¹. Как показали последующие события, этот вывод оказался полностью точным.

Подводя **итог** вышеизложенному, возможно сделать следующие **выводы**:

1. Нежелание Берлина искать мирных компромиссов с Россией, подготовка его к войне с ней, рост экспансии Австро-Венгрии на Балканах, рост числа опасных политических кризисов, грозящих вовлечением в них России (китайско-монгольский (1911-1912), Агадирский кризис (1912), кризис вокруг миссии Сандерса (1913), заставлял российское правительство отказаться от политики балансировки и стремиться к созданию военного союза с Францией и Англией.
2. Предложение Николая II правительствам Англии и Франции создать единый военный блок (Тройственную Антанту), не была полностью поддержана ни в Париже, ни в Лондоне.
3. Накануне Первой мировой войны военный союз между Россией, Францией и Великобританией так и не сложился. Поэтому участие Лондона в возможной войне оставалось гипотетическим.
4. Попытки привлечь к Антанте Румынию летом 1914 г. оказались безуспешными.

§ 3. Внешняя политика России в условиях предвоенного кризиса 1914

г.

31 июля (13 августа) 1913 г. германский император Вильгельм II секретно проинформировал свой МИД о том, что в ближайшее время начнется «глобальная война» и к ней надо быть готовым². Целями Германии в предстоящей войне были: сокрушение своих главных противников на континенте

---

¹ За балканскими фронтами Первой мировой войны. войны / Виноградов В.Н., отв. ред. М.: Индик, 2002. С. 20.

² Цит. по: Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915 гг. М.: Наука, 1990. С. 109-110.

России и Франции, захват их территорий, перекраивание колониальной французской империи в свою пользу и установление в Европе «Рах Germanika», или т.н. «Mitteleuropa» (Серединная Европа), которая по-существу должна быть стать частью германского рейха, причем основу захватов на Востоке должны были обеспечить территории Западной России¹. В «Серединную Европу» должны были также входить «королевство» Украина, Прибалтика и Финляндия². В идеологии кайзеровской Германии уже присутствовали элементы расизма, понятия «жизненного пространства для немцев», «неполноценности» славян и т.д. Эти понятия потом станут основой идеологии нацистской Германии³. В своем меморандуме сентября 1914 г. Т. Бетман-Гольвег: «Россия должна быть отброшена в Азию и отрезана от Балтики; с Францией и Англией мы можем договориться, с Россией — никогда. Россия должна быть вычеркнута из европейского контекста»⁴. А.А. Керсновский отмечал, что в Германии спешили с превентивной войной, так как понимали, что «время работало на Россию»⁵. Эти слова подтверждаются воспоминаниями генерала А.А. Брусилова: «Войну искала и делала одна Германия и именно она ее начала, ибо Австрия только плясала под ее дудку. <...> Было ясно, что Германия не позволит нам развить свои силы до надлежащего предела и поспешит начать войну, которая, по её убеждению, должна была продлиться от до 8 месяцев и дать ей гегемонию над всем миром»⁶. Профессор генерал А.К. Баиов верно утверждал, что Германия стремилась создать «искусственно предлог к войне, или, по крайней мере, воспользоваться как таковым подходящим для этого фактом»⁷.

---

¹ Цит. по Троян С.С. Немецкие проекты «Миттельевропы» конца XIX-нач. XX вв. // Известия ПГГУ им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. Пенза, 2012. № 27. С. 1047-1053. С. 1047.

² Федюшин О. Несостоявшаяся Украинская держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России. М.: Центрполиграф, 2014. С. 54.

³ Троян С.С. Указ. соч. С. 1047.

⁴ Уткин А.И. Первая мировая война. С. 75.

⁵ Керсновский А.А. История Русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1994. Т. 3. С. 168.

⁶ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 50, 71.

⁷ Баиов А.К., профессор. Указ. соч. С. 55.

С самого начала 1914 г. в Петербург стали приходиться один за другим сведения о готовящейся со стороны Германии и Австро-Венгрии войны с Россией и Сербией. Предупреждения шли от военной разведки¹, военного агента в Берлине², от личного представителя царя при особе германского императора графа И.Л. Татищева³, Главного жандармского управления⁴, начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Н.Н. Юденича⁵. Как писал военный министр генерал В.Ф. Редигер: «Германия признала своевременным привести длительный кризис к развязке и воспользовалась первым сносным предложением для того, чтобы довести дело до войны»⁶. Такой предлог вскоре представился в связи с убийством наследника австро-венгерского престола.

Здесь необходимо отметить, что речь идет именно о предложении войны, а не ее поводе, пусть даже формальном, со стороны Берлина и Вены. Убийство в Сараево 15 (28) июня 1914 г. эрцгерцога Франца Фердинанда и его морганатической супруги светлейшей княгини Софии Гогенберг, совершенное членом революционной террористической боснийской организации «Млада Босна» Г. Принципом, стало итогом многолетних приготовлений по нападению на Сербию, а вслед за ней и на Россию. Вена стремилась уничтожить сербское независимое государство, аннексировать его территорию, а вслед за этим окончательно вытеснить с Балкан Россию⁷. Берлин изначально шел в своих планах гораздо дальше, стремясь не просто к локальному успеху на Балканах, но к решающей победе над Россией в ходе большой войны, куда он привлекал и Вену. План предстоящей войны был детально разработан и отлажен в

---

¹ Выдержка из секретного рапорта начальника штаба Киевского ВО от 10 февраля 1914 г. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3 (64.) М: Гос. соц.-эк. издат, 1934. С. 93.

² Секретный рапорт военного агента в Берлине полковника П.А. Базарова 28 февраля 1914 г. // Красный Архив. Исторический журнал. С. 109.

³ И.Л. Татищев — императору Николаю II 14 (27) февраля 1913 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(2). Л. 52.

⁴ Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье. В 1910-1918 гг. М.: Наука, 1978. С. 21-22.

⁵ Басханов М.К.; Колесников А.А. Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении. Документы, материалы, комментарии. Тула: Гриф и К, 2014. С. 290.

⁶ Редигер В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 369.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 674. Л. 99-100.

генеральных штабах Германии и Австро-Венгрии, что проявилось в ходе подготовительного и начального этапа Первой мировой войны¹. Обвинение Сербии и России в убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда последовало со стороны императоров Франца Иосифа и Вильгельма II незамедлительно, не дожидаясь какого-либо расследования. Уже 19 июня (2 июля) 1914 г. император Франц Иосиф в письме Вильгельму II утверждал: «Покушение на моего бедного племянника есть прямое следствие продолжающейся агитации русских и сербских панславистов, единственной целью которых является ослабление Тройственного союза и разрушение моей Империи. Нет сомнений, что кровавое убийство в Сараево является не действием одиночки, но хорошо организованным заговором, нити которого ведут в Белград»². Император Вильгельм II со всей убежденностью еще до получения письма австрийского императора заявил: «С сербами нужно покончить возможно скорее. Теперь или никогда»³.

По требованию Франца Иосифа для Сербии был составлен ультиматум, в котором от Белграда по-существу предлагалась капитуляция⁴. Между тем, в Берлине и Вене были уверены, что Россия «в настоящий момент она не собирается воевать»⁵. Текст ультиматума был передан сербскому правительству посланником Австро-Венгрии в Белграде бароном В. Гизль фон Гизлингером поздно вечером 10 (23) июня 1914 г.⁶ На выполнение всех пунктов ультиматума Белграду отводилось только 48 час. В тот же день Вильгельм II охарактеризовал Сербию как «банду грабителей, которых нужно прибрать к рукам за их

---

¹ Пиленко А.А. Начало войны // История Великой войны / Шеманский Д.А., ген.-м., ред. – М.: Издание Т-ва Н. В. Васильева, 1915. Т. 1. -335 с. С. 280.

² Lettre de l'Empereur et Roi François-Joseph à l'Empereur Guillaume. Le 2 juillet 1914 // Pièces Diplomatiques relatives aux antécédents de la Guerre 1914. Suppléments et additions au Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie du 28 juin au 23 juillet 1914. Paris : Alfred Costes, Editeur, 1922. P. 1 (далее Livre Rouge Austro-Hongrois).

³ Баиов А.К. Указ. соч. С. 64.

⁴ Баиов А.К. Указ. соч. С. 67.

⁵ Международные отношения 1870–1918. С 266–267.

⁶ ⁶ Международные отношения эпохи империализма (далее МОЭИ). М.; Л.: ГИПЛ, 1938-1940. III серия. Т. 5. С. 45.

преступления»¹. 14 (27) июля в Австро-Венгрии была объявлена мобилизация, а на следующий день министр иностранных дел граф Л. фон Берхтольд направил сербскому правительству официальную телеграмму с объявлением войны².

Дипломатические действия России в предвоенный кризис 1914 г.

Император Николай II узнал о сараевском убийстве наследника австро-венгерского престола, находясь на отдыхе в Финских шхерах,³. Царь приказал немедленно возвращаться в Кронштадт⁴. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов также прервал свой отпуск и прибыл в Петербург. Там, он отправился в австро-венгерское посольство, где сделал запись в книге соблезнований, категорично осудив преступление. Но не менее категорично С.Д. Сазонов отверг австро-венгерские утверждения, что оно совершено по приказу Белграда⁵. С.Д. Сазонов предупредил германского посла в Петербурге Ф. Пурталеса, что «если Австро-Венгрия решится возмутить мир, ей придется считаться с Европой. Россия не могла бы смотреть равнодушно на выступление в Белграде, направленное на унижение Сербии. Если Австро-Венгрия поглотит Сербию, мы будем с ней воевать»⁶.

Заметным событием предвоенного периода стал визит в Санкт-Петербург президента Французской республики Р. Пуанкаре, имевший место с 7 (20) по 9 (22) июля 1914 г. Хотя об этом визите стороны договорились еще в 1912 г. до сараевских событий, они придали приезду французского президента особый смысл. Следует отметить, что французская сторона, в отличие от российской, довольно легкомысленно относилась к событиям на Балканах. Пуанкаре собирался обсудить с Николаем II, прежде всего, российско-британские отношения в Персии, вопрос об ускорении строительства стратегических

---

¹ Там же. С. 268.

² Писарев Ю.А. Россия и Сербия. 1914-1915. С. 100-101.

³ По этому поводу см.: Мультиатули П.В. «Дай Бог, только не втянуться в войну!». Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов. М.: Российский институт стратегических исследований, 2014.

⁴ Писарев Ю.А. Россия и Сербия 1914-1915. С. 40.

⁵ Писарев Ю.А. Россия и Сербия 1914-1915. С. 40.

⁶ Международные отношения 1870–1918 гг. С. 273.

российских железных дорог и прекращение интриг С.Ю. Витте с его проектом русско-германо-французском союзе¹. Французскую делегацию главным образом интересовали экономические и коммерческие вопросы. За два дня визита, прошедших больше в военных парадах и торжественных обедах и тостах, чем в длительных переговорах, Николай II и Р. Пуанкаре подтвердили нескоручимость франко-русского союза. При этом, следует отметить, что в произнесенных тостах глав государств выделялся мирный характер визита. Речь о «тесном и прочном согласии наших дипломатий»² и ни о каких военных приготовлениях не говорилось³. Более того, в тосте Николая II ни разу не были упомянуты ни Германия, ни Австро-Венгрия. Это полностью опровергает утверждения А.А. Игнатьева, что «царь при всём дипломатическом корпусе указывал без обиняков», что «союз с Францией направлен против Германии»⁴. Визит Р. Пуанкаре проходил, говоря словами С.Д. Сазонова «под тягостным влиянием ожидания грядущей беды»⁵. Посол королевства Сербии в Петербурге М. Спалайкович не скрывал от царя и президента, что «война начнётся неизбежно потому, что Берлин поощряет Австро-Венгрию вступить на этот путь»⁶.

Рано утром 12 (25) июля 1914 г. в Петербурге было получено сообщение об ультиматуме Вены, предъявленном Сербии⁷. В Белграде со всей ясностью осознавали о нависшей над страной смертельной угрозой. Было очевидно, что сербская армия не сможет долго продержаться против австрийских полчищ, да еще при содействии им германских войск. В этих условиях, все надежды Сербии возлагались на Россию. Накануне получения австро-венгерского ультиматума

---

¹ The french foreign office. P. 272.

² Палеолог М. Царская Россия в Первой Мировой войне. М.: Международные отношения, 1991. С. 76.

³ Тост императора Николая II на обеде в честь президента Франции Р. Пуанкаре. 7 (20) июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 4. С. 345.

⁴ Игнатьев А.А. Указ. соч. С. 484.

⁵ Сазонов С.Д. Воспоминания. С. 181.

⁶ Spalaikovitsh. Une journée du ministre de Serbie à Petrograde // Revue d'histoire diplomatique. Avril-juin, 1934. P. 137.

⁷ Королевич Александр Сербский — императору Николаю II 11 (24) июля 1914 г. // МОЭИ. III серия. Т. 5. С. 45.

наследник сербского престола королевич Александр Карагеоргиевич встретился в Белграде с секретарем русской миссии В.Н. Штрандтманом. Королевич с отчаянием заявил русскому дипломату, что ситуация для Сербии безвыходная, а потому он только «возлагает все надежды на Государя Императора и Россию»¹. Александр отправил царю личную телеграмму, в которой умолял Николая II «оказать помощь возможно скорее»². Для Николая II это был не простой вопрос. Формально Россию и Сербию не связывали союзнические обязательства. Тем более, что царь понимал, что нападение на Сербию является своего рода провокацией Берлина и Вены, чтобы иметь повод объявить войну России. Но она, как отмечал генерал А.К. Баиов «в силу своего исторического призвания, в силу сознаваемых ее исторических задач, не могла не прийти на помощь братской стране в столь трудное для нее время»³. С.Д. Сазонов заявил австрийскому послу в Петербурге графу Ф. Сапари: в России прекрасно понимают, что в Вене решили «начать войну против сербов»⁴. В тот же день, российская позиция была доведена германскому послу Ф. фон Пурталесу⁵.

Между тем, в Петербурге хотя официально и объявили о своей озабоченности по поводу событий вокруг Сербии⁶, точно не знали как на них реагировать. 12 (25) июля в Красном Селе прошло совещание Совета министров под руководством императора Николая II. Оно пришло к выводу, что все дипломатические усилия в отношении Вены не достигли своей цели. Было ясно, что Австро-Венгрия в любом случае начнет войну против Сербии. Это обстоятельство вынуждало царя объявить частичную мобилизацию на границе с Австро-Венгрией. Военный министр (в 1909-1915 гг.) генерал В.А. Сухомлинов вспоминал: «Несмотря на то, что Австрия явно закусил удила, у многих членов заседания была надежда на благополучный исход конфликта. В заключительном

---

¹ МОЭИ. III серия. Т. 5. С. 92-93.

² МОЭИ. III серия. Т. 5. С. 56.

³ Баиов А.К. Указ. соч. С. 75.

⁴ Пиленко А.А. Начало войны. С. 307-308.

⁵ Писарев Ю.А. Россия и Сербия 1914-1915. С. 60.

⁶ Русский Инвалид. 1914, 12 июля. № 151.

слове Государя была также надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьёзная угроза. Поэтому царь признал целесообразным применить подготовленную именно на этот случай частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней»¹. Итогами совещания стало решение обсудить создавшейся положение с правительствами великих держав, а до этого, рекомендовать «рекомендовать сербскому правительству не противодействовать австрийскому вооруженному вторжению, в случае которого, Белграду было рекомендовано заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав»².

12 (25) июля Сербия ответила на австро-венгерский ультиматум в подчеркнуто миролюбивом тоне: «Королевское сербское правительство осуждает всякую пропаганду, направленную против Австро-Венгрии, искренно сожалеет, что некоторые сербские офицеры занимались подобной пропагандой, обязуется закрыть все антиавстрийские газеты и запретить все организации, направленные против Австро-Венгрии, готово удалить из армии всех офицеров и чиновников, виновных в призывах нарушить территориальную целостность империи»³. Белград взял на себя обязательство расследовать возможную причастность своих подданных к сараевскому преступлению, но отказался пускать на свою территорию австро-венгерских военных и следственные органы. Это была первая неудача Берлина и Вены, так как они рассчитывали на то, что Белград просто капитулирует после предъявленного ультиматума. Миролюбивый ответ Белграда отнимал у них повод для военного нападения, так как оно выглядело бы в лице мировой общественности как агрессия. Э. Грей в разговоре с немецким послом в князем К.М. Лихновским заявил, что «сербский ответ пошёл навстречу австрийскому демаршу дальше, чем можно было ожидать,

---

¹ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Минск: Харвест, 2005. С. 287.

² МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 430-437.

³ Ответ сербского правительства на австро-венгерский ультиматум // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 90-91.

что стало результатом примирительного воздействия, который Петербург оказал на Белград»¹.

Однако Вильгельм II изо всех сил понукал Вену начать войну, не обращая внимания на возможные обвинения. Кайзер безапелляционно заявил: «Так как вся эта так называемая великая сербская держава является бессильной и так как все славянские народы подобны ей, следует твердо идти к намеченной цели»².

12 (25) июля австро-венгерское правительство отозвало из Белграда своего посланника и начало подтягивать свои войска к сербской границе. В тот же день Николай II объявил введении «Положения о подготовительном к войне периоде». Однако царь решил прибегнуть к династической дипломатии и вступил в телеграфную переписку с императором Вильгельмом II. Николай II доказывал своему германскому кузену, что участие в убийстве Франца Фердинанда этнических сербов, не означает вины в этом преступлении сербского правительства. 14 (27) июля в ответной телеграмме принцу Александру Карагеоргиевичу царь сообщал: «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все Наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же вопреки Нашим, самым искренним желаниям, Мы в этом не успели, Ваше Высочество можете быть уверены в том, что Россия не останется равнодушной к участи Сербии»³. Одновременно Николай II писал С.Д. Сазонову: «Мне пришла мысль в голову, и чтобы не терять золотого времени сообщаю и вам. Не попытаться ли нам, сговорившись с Францией и Англией, а затем с Германией и Италией, предложить Австрии передать на рассмотрении Гаагского трибунала спор её с Сербией. Может быть, минута ещё не потеряна до наступления уже неотвратимых последствий. Попробуйте сделать этот шаг сегодня — для доклада

---

¹ Памятная записка английского посольства в Петербурге // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 176.

² Баиов А.К. Указ. соч. С. 77.

³ Император Николай II — королевичу Александру Карагеоргиевичу 14 (27) июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 145–146.

для выигрыша времени. Во мне надежда на мир пока не угасла»¹. Это же предложение передать австро-сербский спор Гаагскому трибуналу царь предлагал и кайзеру, но в ответ он читал только ложь, угрозы и призывы к мщению², которые иногда кайзер прикрывал примирительным тоном, но только для того, чтобы выиграть время для проведения скрытых германских военных приготовлений, которые начались 13 (26) июля. Одновременно, в Берлине и Вене думали, как обвинить в развязанной ими войне Россию. 15 (28) июля Т. Бетман-Гольвег писал послу Германии в Вене Г. фон: «Ответ сербского правительства на ультиматум позволяет считать, что Сербия пошла так далеко навстречу австрийским требованиям, что, если Императорское правительство сохранит совершенно независимое положение, следует предвидеть, что оно восстановит против себя европейское общественное мнение. Итак, нужно, чтобы ответственность за возможный конфликт перед государствами, которые непосредственно не заинтересованы в вопросе, была бы возложена при всяком повороте событий на Россию»³. Т. Бетман-Гольвег также выразился на этот счет вполне определенно: «Если разразится европейская война, то единственной виновной в ней будет Россия»⁴.

15 (28) июля 1914 г. австрийское командование начало переброску своих корпусов к границе с Россией. В этих условиях военное руководство российской армии настойчиво просил государя объявить всеобщую мобилизацию⁵. Но Николай II объявил мобилизации только в четырех военных округах, приграничных с Австро-Венгрией, а также ВМФ⁶. Кайзер в телеграмме царю от 16 (29) июля 1914 г. убеждал, что Австрия не стремится захватывать Сербию, что

---

¹ Император Николай II — С.Д. Сазонову 14 (27) июля 1914 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах. М: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. С. 189-190.

² Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 455-456.

³ Байов А.К. Указ. соч. С. 85.

⁴ Fischer (F.). Op. cit. P. 88.

⁵ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 488.

⁶ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 214.

дает России возможность «остаться только зрителем австро-сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей приходилось видеть»¹.

Между тем С.Д. Сазонов заверил венского посла Ф. Сапари: «Я могу самым официальным образом заверить Вас, что мобилизация эта [русских военных округов] не имеет цель произвести нападение на Австрию. Наши войска будут просто стоять в боевой готовности, в ожидании того момента, когда балканские интересы России будут нарушены»². 16 (29) июля Пурталес зачитал С.Д. Сазонову телеграмму Т. Бетмана-Гольвега с жетским требованием к России немедленно прекратить все военные приготовления, угрожая в противном случае германской мобилизацией и войной³. Как отмечает О.В. Айрапетов: «Николай II колебался. Положение России было двойственным — предлагая переговоры, обращаясь к Германии с просьбой о посредничестве в австро-сербском конфликте, она не могла отказаться от подготовки к войне. Опыт 1904-1905 гг. доказывал, насколько опасным может быть превентивный удар»⁴. Утром 16 (29) июля австро-венгерская тяжелая артиллерия подвергла Белград мощному артобстрелу мирных районов Белграда.

Между тем, в ГУГШ были обеспокоены объявлением только частичной мобилизации, что грозило помешать всеобщей, в случае если бы в ней возникла необходимость. Война непосредственно рядом с границей России шла уже третьи сутки, а в самой России никаких мобилизационных мер не принималось. Военное ведомство настойчиво просило императора объявить всеобщую мобилизацию. Последней попыткой договориться с Вильгельмом II царь предпринял 17 (30) июля, когда направил в Берлин графа И.Л. Татищева с личным посланием кайзеру⁵.

---

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II 16 (29) июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 457.

² Пиленко А.А. Начало войны. С. 320.

³ История дипломатии / Потёмкин В.П., ред. Т. 2. С. 793.

⁴ Айрапетов О.В. Указ. соч. С. 611.

⁵ Император Николай II — императору Вильгельму II 17 (30) июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 458.

17 (30) июля Николай II в Царском Селе ознакомил С.Д. Сазонова с последней телеграммой императора Вильгельма: «Графу Пурталесу было предписано обратить внимание Вашего правительства на опасность и серьёзные последствия, которые может повлечь за собой мобилизация. То же самое я говорил в моей телеграмме Вам. Австрия мобилизовала только часть своей армии и только против Сербии. Если, как видно из Вашего сообщения и Вашего правительства, Россия мобилизуется против Австрии, то моя деятельность в роли посредника, которую Вы мне любезно доверили и которую я принял на себя по Вашей усиленной просьбе, будет затруднена, если не станет совершенно невозможной»¹. Берлин по своему обыкновению лгал: свою мобилизацию он начал еще до получения сведений о начавшейся мобилизации в России². Николай II сказал С.Д. Сазонову, показывая телеграмму Вильгельма: «Он требует от меня невозможного. Он забыл или не хочет признать, что австрийская мобилизация была начата раньше русской и теперь требует прекращения нашей, не упоминая ни словом об австрийской. Вы знаете, что я уже раз задержал указ о мобилизации и затем согласился лишь на частичную. Если бы я теперь выразил согласие на требование Германии, мы стояли бы безоружными против мобилизованной австро-венгерской армии. Это – безумие»³. С.Д. Сазонов сделал неутешительный вывод: «война неизбежна». Министр убеждал Николая II немедленно объявить всеобщую мобилизацию. Император в явном волнении произнес: «Подумайте об ответственности, которую Вы предлагаете взять на себя. Это приведёт к гибели сотен тысяч русских людей»⁴. Тем не менее, после затянувшейся паузы, царь, видимо с трудом, сделал вывод: «Вы правы. Для нас ничего не остается, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального Штаба моё приказание о мобилизации»⁵.

---

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 17 (30) июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 457.

² Renouvin (P.). *Les origines immédiates de la guerre*. Paris : A. Costes, 1925. P. 143-145.

³ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 247.

⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 248.

⁵ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 248.

Вечером 17 (30) июля в России была объявлена всеобщая мобилизация¹. 18 (31) июля в Берлин сделал официальное заявление: «Германия начнет мобилизацию, если Россия не прекратит через 12 часов своих военных мероприятий и не даст об этом определенных объяснений»². Одновременно кайзер отправил царю еще одну телеграмму: «Европейский мир ещё может быть сохранён, если только Россия согласится приостановить военные приготовления, угрожающие Германии и Австро-Венгрии»³.

19 июля (1 августа) 1914 г. германский посол Ф. Пурталес, прибыв в здание МИД, передал С.Д. Сазонову ноту германского правительства с объявлением войны России⁴.

Поздно вечером царем была получена последняя телеграмма от Вильгельма II: «Несмотря на то, что я требовал ответа сегодня к полудню, я еще до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ Вашего правительства. Ввиду этого я был принужден мобилизовать свою армию. Немедленный, утвердительный, ясный и точный ответ от Вашего правительства единственный путь избежать неисчислимы бедствия. <...> Я должен просить Вас немедленно отдать приказ Вашим войскам ни в коем случае не пересекать нашей границы. Вилли»⁵. Эта телеграмма была специально задержана германским императором на почтамте с тем, чтобы она поступила в Петергоф уже после объявления войны. Нет никаких сомнений, что Вильгельм II прекрасно осознавал, что он начинает захватническую войну, прежде всего в отношении России. Стремясь, как всегда, прикрыть свои преступные действия самой бесстыдной ложью, германский император 20 июля (2 августа) 1914 г. известил свой дипломатический корпус, что причиной мобилизации германской армией

---

¹ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 513.

² С.Н. Свербеев — С.Д. Сазонову 18 (31) июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 302.

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 18/31 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 460-461

⁴ Нота германского правительства с объявлением войны России. 19 июля (1 августа) // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 323.

⁵ Император Вильгельм II — императору Николаю II 19 июля (1 августа) 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 462.

явилось «внезапное нападение, произведённого русскими войсками на германскую территорию. Таким образом, Германия находится в состоянии войны с Россией»¹. Под этим сообщением император Николай II оставил пометку: «И тут ложь»².

Образование антигерманской коалиции трёх держав: сложности и противоречия. Существование франко-русского союза и соглашения с Англией о морском союзе, в Петербурге не исключали возможности войны с германским блоком один на один. Следует отметить, что эти опасения имели под собой почву. В ГУГШ не могло не вызвать удивления, что Германия первой объявила войну России. Между тем, план Шлиффена предполагал, что германские войска нанесут вначале удар по Франции, тогда как австро-венгерская армия с участием лишь одного германского корпуса, должна была сокрушить русских в масштабной операции в Галиции. Только после предполагаемого разгрома Франции, кайзеровские войска должны были быть переброшены на Восток. Между тем, Германия изо всех сил спешила начать войну именно с Россией, ломая собственный генеральный план кампании³. Инициатором этого было, разумеется, не военное, а политическое руководство рейха в лице канцлера Т. Бетмана-Гольвега. Б. Бюлов напрямую указывал, что основе этих действий канцлера лежала «внутриполитическая причина»⁴. Эту причину Т. Бетман-Гольвег раскрыл в ответе промышленнику А. Баллину, заявив, что столь явная поспешность в развязывании войны вызвана в первую очередь тем, что в противном случае, он, Бетман-Гольвег, «не заполучет социал-демократов». Б. Бюлова указывал, что канцлер хотел представить начавшуюся войну, именно как войну «против русского царизма»⁵. Между тем, Лондон, в течение всего предвоенного кризиса, никак не проявлял своей позиции. Более того, в начале

---

¹ А. Сан-Джулиано — А. Карлотти 20 июля (2 августа) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 368.

² Резолюция Императора Николая II на сообщении о словах Вильгельма II // МОЭИ. III серия. Т. 5. С. 368.

³ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб: Полигон, 2002. С. 73.

⁴ Bülow (B.). Op. cit. T. IV. P. 149.

⁵ Bülow (B.). Op. cit. T. IV. P. 150.

кризиса Э. Грей заверял германское руководство, что Лондон будет делать все, чтобы умиротворить Петербург и Париж¹. В Берлине были практически уверены в том, что Лондон в этой войне сохранит свой нейтралитет.

Это подтвердил 11 (24) июля в Петербурге английский посол Дж. Бьюкенен, беседуя с С.Д. Сазоновым и М. Палеологом². Бьюкенен проигнорировал замечание М. Палеолога и С.Д. Сазонова, что Германия не осмелится напасть на англо-русско-французский союз³. Позиция Лондона в первые дни войны заключалась в создании такой ситуации, когда Россия и Германия оказались бы в жестокой схватке, а Англия — нейтральной. Это, безусловно, было целью не только представителей британских либерально-политических кругов, но и финансового Сити, тесно связанного с мировым капиталом. Кроме того, это была традиционная для Лондона внешнеполитическая тенденция еще со времен наполеоновских войн. Однако эти планы пришлось бы отвергнуть, в случае вступления в военные действия Франции, с которой у Лондона были свои союзнические обязательства, закрепленные договоренностями 1904 и 1912 гг. Согласно им, Англия была обязана защищать Францию не только от германского нападения, но и в случае участия III-й Ресублики в войне, согласно франко-русской конвенции. В этом случае, получалось, что Лондон помимо своей воли оказывался бы вовлеченным в вооруженный конфликт. Поэтому Англия всячески старалась не допустить вступление Парижа в войну⁴, о чем Э. Грей, не скрывая, сказал К.М. Лихновскому еще до начала войны⁵.

По всей вероятности, Форин-офис вел тайные переговоры об этом и с Парижем. Возможность предполагать это, дает всяческое затягивание французским правительством объявления войны Германии, так как она напала на Россию. 19 июля (1 августа) 1914 г., то есть в день объявления рейхом войны

---

¹ Fischer (F.). Op. cit. P. 95.

² Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне. С. 82.

³ Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне. С. 82.

⁴ А.К. Бенкендорф — С.Д. Сазонову 12 (25) июля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 68-69.

⁵ История дипломатии / Потемкин В.П., ред. Т. 2. С. 791.

Российской империи, князь К.М. Лихновский срочно сообщал Г. Ягову: «Только что сэр Э. Грей позвонил мне по телефону и спросил, могу ли я заявить, что в случае, если Франция останется нейтральной в русско-германской войне, мы не нападём на французов? Я заявил ему, что могу взять на себя эту ответственность, и он использует это заявление в сегодняшнем заседании кабинета»¹. Это известие вызвало нескрываемый восторг у Вильгельма II, который объявил, что он будет воевать «против одной лишь России, маршируя всеми нашими войсками на на Восток»². Это вызывало панику в германском верховном командовании, которое, в лице генерала Г. фон Мольтке, который принялся уверять кайзера не пускаться в авантюры. Вильгельм II долго упорствовал и его с трудом удалось уговорить отказаться от неподготовленного «Дранг нах Остен». Однако Вильгельм II не оставил своих надежд договориться с Лондоном по поводу нейтралитета Франции. В своем письме Георгу V кайзер заверял, что он готов применить свои войска в «ином месте»³, то есть в России.

19 июля (1 августа) 1914 г. в телеграмме Николаю II английский король настойчиво призывал «устранить происшедшее недоразумение и оставить путь для переговоров и для возможности сохранения мира»⁴, хотя ему было прекрасно известно, что России уже объявлена война и ведение каких-либо переговоров невозможно. Все эти запоздалые английские «мирные» предложения предназначались для внешнего применения и оправдывали свой нейтралитет. Николай II ответил Георгу V 20 июля (2 августа): «Я с удовольствием принял бы Ваше дружеское предложение, если бы германский посол не вручил сегодня после полудня Моему правительству ноту с объявлением войны. <...> В этот торжественный час я хочу еще раз заверить Вас, что Я сделал всё, что в Моих силах, чтобы предотвратить войну. Теперь, когда Мне её навязали, Я верю, что

---

¹ Мировые войны XX века. Первая мировая война. М.: Наука, 2002. Кн. 2. С. 81.

² Мировые войны XX века. Кн. 2. С. 82.

³ Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Вопросы истории. 1997. №7. С. 5.

⁴ Король Георг V — императору Николаю II. 19 июля/1 августа 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 330.

Ваша страна не откажет поддержать Францию и Россию в борьбе за сохранение равновесия в Европе»¹.

Между тем, правительство III-й Республики по-прежнему воздерживалось от выполнения своих прямых союзнических обязательств перед Россией. Однако кайзер, решив не отступать от первоначального плана Шлиффена и вынужденного согласиться со своим военно-политически окружением, 21 июля (3 августа) сам объявил войну Франции, а затем и Бельгии. В этой ситуации Лондон оказался в безвыходном для сохранения нейтрального статуса положении, и ему пришлось 22 июля (4 августа) 1914 г. объявить войну кайзеровской Германии. Реакция царя на это событие находим в мемуарах его дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова: «Государь выразил свою радость по поводу выступления Англии. „Но, – добавил он, – жаль, что это не было сделано раньше“. Мнение многих дипломатов совпадали с выраженной Его Величеством мыслью: говорилось, что никогда Германия не начала бы войны, если бы знала, что Англия выступит на стороне союзников»². В мемуарах великого князя Александра Михайловича читаем: «До полуночи 31 июля 1914 года британское правительство могло бы предотвратить катастрофу, если бы заявило о намерении вступить в войну на стороне России и Франции. Простое заявление, сделанное по этому поводу Гербертом Асквитом или сэром Эдуардом Греем, умиротворило бы самых воинственных берлинских юнкеров»³. Между тем, вступление Англии в войну на стороне противников Берлина, ошеломляюще подействовали на германскую правящую верхушку. Один из ее представителей писал в те дни: «Я никогда не видел такого трагического лица, как лицо кайзера в те дни!»⁴.

---

¹ Император Николай II — королю Георгу V 20 июля/2 августа 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 360-361.

² Воейков В.Н., дворцовый комендант Государя Императора. С Царем и без Царя. М.: Родник, 1994. С. 61.

³ Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. Две книги в 1 томе. М.: Захаров-Аст, 1999. С. 248.

⁴ Там же. С. 271.

Подводя **итоги** вышеизложенному, можно сделать следующие **выводы**:

1. В конце 1912 г. военно-политическая верхушка кайзеровской Германии решила, что наступило «наилучшее время» для начала войны за мировой перед в свою пользу.
2. В планы кайзеровского руководства входили планы расчленения европейской России и ликвидация ее статуса великой державы.
3. Германия и Австро-Венгрия ставили своей первостепенной задачей создать искусственный предлог к войне.
4. Сараевское убийство эрцгерцога Франца Фердинанда 15 (28) июня 1914 г. стало этим искусственным поводом по развязыванию агрессии в отношении Сербии и России.
5. Визит в Санкт-Петербург 7 (20) июля 1914 г. президента Французской республики Р. Пуанкаре продемонстрировал миру крепость русско-французского союза.
6. Петербург до последней возможности старался предотвратить начало европейской войны. Этому свидетельствуют его готовность идти на самые большие компромиссы с германскими державами, телеграфная переписка Николая II с кайзером, инициатива царя передать австро-сербский конфликт в Гаагский международный суд, отказ царя от немедленного объявления всеобщей мобилизации.
7. Россия безоговорочно выступила на стороне Сербии, хотя и призывала Белград к достижению компромисса с Веней. Объявление Австро-Венгрией войны Сербии и нападение на ее территорию вынудило российское правительство провести частичную мобилизацию на австро-венгерской границе, демонстративно не сосредотачивая войска на германской границе, с целью продемонстрировать отсутствие в своих действиях какой-либо враждебности в отношении Германии, которая начала всеобщую

мобилизацию на несколько часов раньше российской, что лишний раз доказывало агрессивные планы Берлина, объявившего войну России.

8. Летом 1914 г. со всей остротой встал вопрос готовности Парижа и Лондона выполнять свои союзнические обязательства перед Россией (Франция) и друг перед другом (Англия). Лондон, который в начавшейся войне стремился сохранить свой нейтральный статус, предпринимал все усилия, чтобы убедить в этом и Париж, толкая его тем самым на нарушение русско-французских военных соглашений. Объявление Берлином войны Франции и нападение на Бельгию, вынудили английское правительство объявить войну Германии.

Глава 6. Внешняя политика Российской империи периода Первой мировой войны в 1914-1917 гг. (пятый этап)

§ 1. Подчинение внешнеполитических задач победе над внешним врагом: политика «священного единения»

20 июля (2 августа) 1914 г. был опубличован манифест императора Николая II: «Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение её среди Великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага»¹. Начиная с 1 августа 1914 г. главной политической линией российского правительства стало «священное единение», которое провозглашалось между царем, Государственной думой, обществом и народом во имя грядущей победы. Это «священное единение» должно было соединить и союзные державы, чем активно стал заниматься МИД через свой центральный аппарат, посольства и миссии. Внешним проявлением «священного единения» стали выход царя с царицей перед народом на Дворцовую площадь, торжественное заседание Государственной думы 26 июля (8 августа)², на котором все фракции, кроме социал-демократов, приветствовали начало войны. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов, принявший активное участие в заседании Думы, также был встречен ликованием депутатов³. В рамках

---

¹ Высочайший манифест 20 июля 1914 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 551. Л. 1-2.

² Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи. Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. С. 497-499.

³ Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914 - 1917. Л.: Лениздат, 1990. С. 12.

«священного единения» 18 (31) августа 1914 г. вышел указ императора Правительствующему Сенату о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград¹.

Опять-таки в рамках «священного единения» царь решил продемонстрировать свою лояльность к полякам, с целью, в том числе, выбить из польского общества русофобскую пропаганду, к которой, безусловно, прибегли бы вражеские правительства. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич выступил с воззванием к полякам, в котором провозглашалось восстановление после победы над Германией и Австрией единой Польши «под скипетром русского Царя, свободной в своей вере, языке, самоуправлении»². Начальник международно-правового отдела МИД Г.Н. Михайловский отмечал, что форма обращения к полякам от имени великого князя, а не манифестом императора, была избрана по соображениям того, что «если освобождение австрийской и немецкой частей Польши не состоится, обращение Царя к своим «будущим поданным» будет, несомненно, вредно для престижа царской власти, не исполнившей своих обещаний «будущим поданным»³.

Русско-французское военно-дипломатическое сотрудничество в кампанию 1914 г. Начало войны на Западном фронте стало для германских войск весьма успешным. Пройдя через территорию нейтрального Люксембурга, немцы вторглись в Бельгию, захватили Брюссель, а затем, выиграв приграничное сражение, развили с бельгийской территории наступление вглубь северной Франции, в то время как ее армия была отвлечена безуспешными попытками организовать наступление в Эльзасе и Лотарингии. Дальнейшее наступление немцев привело к разгрому французских армий и быстрому продвижению к Парижу. Для Петрограда неудачи французского союзника не стали неожиданностью. Еще за два месяца до начала войны, Николай II в беседе с

---

¹ Об именовании впредь г. Санкт-Петербурга — Петроградом // Собрание Указов и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отд. первый. 19 августа 1914 г. № 234.

² Нива, 1914, августа, 16. № 33.

³ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920: в 2 т. Кн. 1. Август 1914-октябрь 1917. М.: Международные отношения, 1993. С. 58.

военным агентом в Париже полковником графом А.А. Игнатьевым, поинтересовался у того, что он думает о французской армии. Полковник в несколько пафосном тоне ответил, что он ручается, что французская армия «нанесут твердый удар могущественному противнику»¹. На это император, усмехнувшись, произнес: «О, какой вы оптимист! Дал бы Бог, чтобы они продержались хоть десяток дней, пока мы успеем отобилизоваться»². Боевые действия на Западном фронте доказывали точность выводов Николая II. Уже 22 июля (5 августа) 1914 г. М. Палеолог в ходе беседы с российским императором «обратил внимание Его Величества, что французская армия подвергнется сильнейшему удару 22 германских корпусов, и я настаиваю, чтобы русская армия начала наступление как можно скорее»³. Царь связал начало наступательных действий русской армии с окончанием ее мобилизации⁴. 1 (14) августа Э. Грей в беседе с графом А.К. Бенкендорфом конфиденциально сообщил ему, что немцы перемещают центр тяжести против России⁵. Э. Грей прекрасно понимал, что его сообщение, мягко говоря, было не верно в конкретной военной ситуации летней кампании 1914 г. Задачей главы Форин-офиса было вынудить русских начать наступление ранее окончания их мобилизации. Э. Грей в телеграмме указывал послу Бьюкенену, чтобы тот настаивал перед царем и С.Д. Сазоновым перенести главное направление удара с австрийского фронта на германский, указывая, что иначе «Франция и Англия окажутся в критическом положении»⁶. 8 (21) августа М. Палеолог занес в свой дневник: «На бельгийском и французском фронтах наши действия принимают плохой оборот. Я получаю приказание выступить посредником перед Императорским правительством с целью ускорить, насколько возможно, наступление русских войск. Я тотчас же отправляюсь к военному министру и энергично излагаю ему просьбу французского правительства. Он

---

¹ Игнатьев А.А. Указ. соч. С. 472.

² Там же.

³ DDF. Série: 1914-1919. Paris : Peter Lang, 1999. Vol. 1. 1914. P. 13.

⁴ DDF. Série: 1914-1919. Vol. 1. 1914. P. 13.

⁵ Емец В.А. Указ. соч. С. 70.

⁶ МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 78.

призывает офицера и немедленно диктует ему под мою собственную диктовку телеграмму Великому Князю Николаю Николаевичу»¹. Так как германское наступление успешной продолжалось, а немецкие конные разъезды были замечены уже в пригородах Парижа, то А.А. Игнатъев, забыв свои предвоенные заверения в «могуществе французской армии», постоянно телеграфировал в ГУГШ: «Германская армия неудержимо движется на Париж. На мой взгляд, вступление немцев в Париж вопрос уже дней»²; «Весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и переброски на наш фронт двух германских корпусов»³. К тому времени правительство III-й Республики, французский парламент и большая часть инотсранных дипломатов поспешно скрылись из Парижа в Бордо⁴. Главнокомандующий французской армии генерал Ж. Жоффр вспоминал: «На карте стояла судьба страны»⁵. В этой ситуации в Лондоне, зная соглашательские повадки французских политиков, всерьез озаботились проблемой возможного заключения ими сепаратного мира с рейхом и выходом из войны. Более того, нельзя было исключать и готовность французских политических кругов к коллаборационизму, как это было в 1906 г. с правительством М. Рувье. Собственно, этого же опасались и в Петрограде. 22 августа (4 сентября) 1914 г. С.Д. Сазонов докладывал Николаю II: «Великобританское правительство предлагает, чтобы Россия, Франция и Англия подписали соглашение не заключать мира в настоящей войне отдельно друг от друга»⁶. 23 августа (5 сентября) 1914 г. в Лондоне было подписано трёхстороннее

---

¹ Палеолог М. Царская Россия во время Первой мировой войны. С. 89-90.

² Игнатъев А.А. Указ. соч. С. 44.

³ Донесение полковника А.А. Игнатъева из Парижа. 12 (25) августа 1914 г. // РГВИА. Ф. 15304. Оп. 8. Д. 28. Л. 149.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Жоффр Ж. 1914–1915. Подготовка войны и ведение операций. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 13–17.

⁶ Докладная записка С.Д. Сазонова императору Николаю II 22 августа (4 сентября) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 208.

соглашение, в котором правительства Антанты взаимно обязались «не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны»¹.

Несмотря на то, что мобилизация русской армии к концу августа — началу сентября 1914 г. не была еще в полной мере осуществлена, великий князь Николай Николаевич настаивал на ее наступлении. По мнению английского военного атташе при Ставке генерала А. Нокса: «Русский стратегический план был изменен с единственной целью оказать помощь союзникам на Западе»². При всей кажущейся точности данного определения, его нельзя считать в полной мере справедливым. В Петрограде, как и в Лондоне, как было уже отмечено, тоже не строили особых иллюзий в отношении стойкости Франции. В столице Российской империи также опасались, что за взятием немцами Парижа последует немедленный выход III-й республики из войны. Это означало для России переброску всех германских войск на восточный фронт, объединение которых с австро-венгерскими войсками, могло привести Россию к военной катастрофе. Генерал А.А. Брусилов хорошо понимал это, когда писал: «Францию необходимо было спасти, иначе и мы с выбытием её из строя сразу проиграли бы войну»³.

Начавшаяся 4 (17) августа 1914 г. первая Восточно-Прусская операция русской армии, привела к поражению VIII-й германской армии генерала М. фон Притвица под Гумбиненом и Сталлупеном и создала «выгодное исходное положения для дальнейшего вторжения в пределы Германии»⁴. Неожиданное русское наступление, ошеломило германское военно-политическое руководство и заставило его начать переброску в Восточную Пруссию корпусов с французского фронта. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал Ю.Н. Данилов телеграфировал в ГУГШ:

---

¹ Соглашение России, Англии и Франции о незаключении сепаратного мира. 23 августа (5 сентября) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 214.

² Knox (A.) Sir. With the Russian army, 1914-1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1. London: Hutchinson & Co, 1921. P. 139.

³ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 65.

⁴ Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М.: Государственное военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1939. С. 15.

«Передайте Игнатьеву, что мы можем с удовольствием констатировать факт переброски сил немцев против нас, чем облегчается положение французов, и что, вероятно, позволит им перейти к проявлению соответствующей активности»¹.

Восточно-Прусская операция 1914 г. несмотря на то, что она, в конце концов, в военном плане потерпела неудачу, в военно-политическом стратегическом отношении сыграла выдающуюся роль. Переброска немцами наиболее свежих своих корпусов из-под Парижа предопределила французскую победу на Марне и, одновременно, крах плана Шлиффена. После войны маршал Ж. Жоффр выражал «самую глубокую признательность русской армии и ее эффективной помощи, которую она оказала нашей армии в трагические часы, когда Германия бросила все свои силы на Запад, преследуя цель раздавить Бельгию, Англию и Францию. Я никогда не забуду тех тяжелых жертв, на которые героически пошла русская армия, чтобы всеми силами заставить врага повернуться против нее»². Таким образом, российская помощь французской армии, помимо союзнических обязательств, преследовала свои национальные интересы, не дав сконцентрировать против России все силы противников.

То, что наступление русской армии в Восточной Пруссии не носила исключительно «жертвенного» характера, свидетельствует сопротивление, которое оказывало военное руководство Ставки в попытках Парижа заставить его действовать в своих корыстных интересах. Согласно сентябрьскому 1914 г. сообщению А.П. Извольского, во французском правительстве были «убеждены, что Россия достаточно могущественна, чтобы справиться с 1/6-й германских сил, независимо от операции против Австрии. Для этого требуется полное напряжение наших сил против Германии, именно в настоящий первый период войны»³. В ответ великий князь Николай Николаевич заявил, что согласно плану русского командования, наступление на Берлин последует только после

---

¹ Цихович Я.К. Указ. соч. С. 62.

² Gorokhoff (G.), Korliakov (A.). *Le Corps Expéditionnaire Russe en France et à Salonique 1916-1918*. Paris : Édition YMCA-PRESS, 2003. P. 42.

³ Цихович Я.К. Указ. соч. С. 63.

полного разгрома Австро-Венгрии¹. Российское командование не могло не опасаться, что французы, освободив Эльзас и Лотарингию и изгнав неприятеля со своей территории, остановятся и не будут развивать наступление вглубь Германии. С.Д. Сазонов не исключал, что «Франция может прекратить наступательные операции, когда вернёт себе земли, утраченные в 1871 г»². Т. Делькассе даже пришлось через М. Палеолога успокаивать российское командование: «Французская армия не ограничит своих усилий своим фронтом, ни даже Эльзасом-Лотарингией, но продолжит свой марш на встречу Императорской армии до тех пор, пока союзные правительства не достигнут установления в Европе порядка, обеспечивающего мир на долгие годы»³.

Грнадозная победа Российской армии на Юго-Западном фронте (Галицийская битва), привела к полному разгрому австро-венгерской армии и освобождению почти всей Галиции⁴. Австро-Венгрия понесла такие тяжелые потери, что отныне она могла проводить крупные стратегические операции только при помощи армии кайзера. Между тем, разгром австро-венгерских войск в Галиции, не отвечал планам Парижа, который опасался, что русские «слишком увлекутся» этим направлением и «забудут» про германский фронт. Кроме того, Франция не хотела тотального разгрома Австро-Венгрии, с которой до войны поддерживала почти дружественные отношения. Несмотря на то, что Ставка много раз убеждала французское командование, что переброска русских войск на германский фронт начнется сразу же после полного изгнания австрийцев из Галиции, французы не уставали добиваться немедленного наступления на Берлин: «Теперь общими усилиями — на немцев. С австрийцами будем разбираться, когда войдём в Берлин»⁵. В сентябре 1914 г. А.А. Игнатъев писал А.П. Извольскому: «Хотя мы и выиграли блестяще сражение в Галиции, однако

---

¹ DDF. 1914-1919. V. 1. P. 248.

² С.Д. Сазонов — А.П. Извольскому 4 (17) сентября 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч.1. С. 264-265.

³ DDF. 1914-1919. T. V. P. 248.

⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 216.

⁵ Там же. С. 84.

этим угроза нам со стороны Австрии не устранена, и мы едва ли можем оторвать от неё много сил без риска потерять то, что приобрели ценою семнадцатидневной битвы. Отсюда вытекает то противоречие, которое назревает между нами и французами»¹. Это «противоречие» являлось типичным проявлением французского политического эгоизма, когда интересы России рассматривались Парижем делом второстепенным, а российское командование должно было их подчинять французским интересам. Французской стороне дали ясно понять, что в российской Ставке понимают недобросовестность и эгоистичность их запросов. В той же тональности великий князь Николай Николаевич запрашивал французского генералиссимуса Ж. Жофра о действиях французской армии, в том случае, если немцы на Западном фронте займут оборонительную тактику, бросив все свои силы на русский фронт? С.Д. Сазонов передавал эту же мысль французскому правительству, которое так и не смогло дать на эти вопросы вразумительного ответа.

Россия и Турция на весах войны и мира. В ходе младотурецкой революции 1908-1909 гг. в Константинополе к власти пришла партия «Единение и Прогресс», была ограничена власть султана, которым был провозглашен престарелый Мехмед V Решад, введена конституция. В 1913 г. в результате очередного государственного переворота власть сконцентрировалась в руках «трех пашей», членов «Единения и Прогресса», среди которых главное положение занимал военный министр Энвер-паша, бывший военный атташе Турции в Берлине, убежденный германофил. Симпатии к Германии испытывали многие военные, видевшие в ней образец могущественного и дисциплинированного государства. Но прогерманские симпатии османского генералитета, неразделялись в большей части турецкого общества². Поэтому в Константинополе не спешили полностью отказывались полностью ориентироваться в своей политике на Германию. Даже ярый сторонник германо-

---

¹ Там же. С. 79.

² Гирс А.А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция: задачи войны и мира. Пг: Огни, 1917. С. 18.

турецкого союза Энвер-паша с большой осторожностью относился к захватническим планам рейха на Балканах, Кавказе и Ближнем Востоке¹. В узком кругу Энвер-паша не скрывал, что для него Германия «лишь средство» для достижения цели². В канун Первой мировой войны османское правительство даже обращалось к Петербургу и Парижу с предложением заключить двусторонний союзный договор³. Однако для России подобное соглашение таило в себе множество проблем, в первую очередь поддержку Константинополя в его стремлении восстановить свою владычество на Балканах и Греции, что не могло не развернуть эти государства от России⁴. Русско-турецкие проблемы к 1914 г. были настолько глубоки и сложны, что делали союз между двумя странами практически невозможным. Тем не менее, российская дипломатия стремилась достигнуть с Османской империей договоренности о ненападении друг на друга в случае войны. В самой Турции тоже было немало сторонников нормализации отношений. Когда началась Первая мировая война турецкое общество разделилось: одни, такие как, великий визирь принц Саид Халим-паша, выступали за скорейшее вмешательство Османской империи в войну на стороне Германии, с целью получить обратно бывшие свои территории, другие, как посол в Петербурге Н. Фахретдин-бей выступали против поддержки Германии в войне, убеждая, что немцы, если одержат победу, «сделают из Турции второй Египет»⁵. Н. Фахретдин-бей был убежден в опасности и ненужности войны Турции с Россией, указывая, что русские силы на Кавказе сильнее турецких. Фахретдин-бей исходил из того, что наиболее мудрой политикой для Константинополя будет ожидание победы той или иной стороны, а тогда уже следует «примкнуть к более сильной стороне»⁶.

---

¹ Шеремет В. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М.: Технологическая школа бизнеса, 1995. С. 104.

² Шеремет В. Указ. соч. С. 104

³ МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 8.

⁴ МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 8.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 225. Л. 121.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 225. Л. 121.

Между тем, младотурецкое правительство, заверяя Петербург о своём невмешательстве в войну¹, заключило 2 августа 1914 г. секретный союзный договор с Германией. Этот договор предполагал, что в случае выступления Австро-Венгрии против России, Турция должна была вступить в войну на стороне обоих германских рейха². Для того, чтобы закамouflировать заключение секретного договора с Берлином, Энвер-паша продолжал убеждать Петербург в своей готовности заключить с ним союз. Энвер-паша не оставил своей лукавой позиции, даже тогда, когда в Османской империи объявили мобилизацию, которая, по словам Энвера генералу М.Н. Леонтьеву, не была направлена против России³. Энвер вновь убеждал М.Н. Леонтьева в необходимости российско-турецкого союза, обещая в этом случае удалить всех немецких офицеров из турецкой армии. Для правдоподобности своих намерений Энвер-паша ставил условием договора возвращение Константинополю Западной Фракии и Эгейских островов⁴. Посол в Константинополе М.Н. Гирс купился на игру Энвера и советовал С.Д. Сазонову срочно согласиться на его предложения⁵. В отличие от М.Н. Гирса С.Д. Сазонов прекрасно осознал всю степень лукавства османского паши, ненавидевшего Россию и даже готовый объединиться против нее с Болгарией и Румынией⁶. Неоднократные попытки С.Д. Сазонова переубедить М.Н. Гирса насчет Энвера-паши успеха не имели. Однако в этот момент в игру включился Фахретдин-бей, который уверял российское правительство в заинтересованности Турции в союзе с Россией при условиях, что оба государства признают неприкосновенность границ друг друга, отказ России о поддержки армянских организаций на территории Османской империи. В свою очередь, Фахретдин был готов использовать турецкую армию на стороне России и

---

¹ Царская Россия в мировой войне / Покровский М.Н., ред., пред. Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 1. С. 3.

² Hohlfield (J.). Deutsche Geschichte in Dokumenten 1849–1926. Berlin: Dt. Verl. Ges. f. Politik und Geschichte, 1927. Hbbd. 1. 2. 1927. P. 520–52.

³ М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову 27 июля (9 августа) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 42.

⁴ М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову. 27 июля (9 августа) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 42.

⁵ М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову. 27 июля (9 августа) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 44.

⁶ С.Д. Сазонов — М.Н. Гирсу. 29 июля (11 августа) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 54.

национализировать все немецкие концессии на своей территории¹. Был ли искринен Фахретдин в своих предложениях, или он был участником дезинформационной игры Энвера-паши — не предоставляется возможным. Однако даже если Фахретдин действительно стремился предотвратить войну с Россией, то он свои предложения гарантировать не мог, так как никаких официальных подтверждений его предложениям от османского правительства не поступило.

Значительную роль в ускорении вступления Османской империи на стороне Германии сыграла английская дипломатия. В Форин-офисе опасались, что в случае договоренности Петербурга с Константинополем, Россия сможет получить черноморские проливы путем соглашения, а не войны. С целью не допустить это, в Лондоне пошли на откровенный обман, наложив секвестр на построенные по заказу Турции корабли². Цинизм английского адмиралтейства заключался еще и в том, что оно дождалось полной выплаты Константинополем денежных средств, и после этого наложило на корабли секвестр. М.Н. Гирс сообщал в МИД, что откровенное мошенничество англичан, нанесло «сильный удар самолюбию турок и вызвал в стране взрыв всеобщего негодования, как против Англии, так и вообще против держав Тройственного соглашения»³. На этом фоне Берлин всячески демонстрировал Турции свои симпатии и честность, уступив ей за сравнительно небольшую сумму, линкор «Geben» и лёгкий крейсер «Breslau», которым удалось 28 июля (10 августа) 1914 г. войти в Дарданеллы., подняв османские флаги. Командир «Geben» адмирал В. Сушон был объявлен командующим всеми военно-морскими силами Турции⁴. В своем сообщении С.Д. Сазонову М.Н. Гирс сообщал, что покупка германских крейсеров изменило обстановку в Турции против России⁵.

---

¹ С.Д. Сазонов — М.Н. Гирсу. 30 июля (12 августа) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 62

² Шеремет В. Указ. соч. С. 119.

³ М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову. 22 сентября (2 октября) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 370.

⁴ МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 78.

⁵ МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 78.

На дипломатическом фронте Германия опять-таки предлагала Константинополю гораздо более выгодные предложения, чем союзники. Так, если С.Д. Сазонов предлагал османскому правительству немедленно прекратить мобилизацию и захватить все немецкие концессии в Малой Азии, при гарантиях территориальной неприкосновенности турецкой империи, гарантируя в будущем закрепить все это в мирном договоре¹, то Берлин предлагал Энверу-паше крупный заём в обмен на вступление турок в войну на стороне немцев. Остро нуждающейся в финансах Энвер-паша на предложение Берлина ответил согласием².

К осени 1914 г. Энвер-паша считал свою армию готовой к войне. 8 (21) октября он принял на себя верховное командование и немедленно приказал турецким боевым кораблям обстрелять побережье российского Крыма³. В результате обстрела среди мирного населения имелись жертвы. Одновременно османской артиллерией был осуществлен обстрел российской территории Кавказа. По всей вероятности, Энвер-паша и его сторонники действовали без оглядки на османское правительство, которое пришло в ужас, узнав о нападении на Россию. Турецкое правительство даже официально выразило свое сожаление о случившемся⁴. В Лондоне снова опасались, что Россия быстро разобьет турок и захватит проливы. Поэтому они пытались убедить российское правительство, что обстрел Крыма был осуществлен не турками, а немцами, а значит объявлять войну Османской империи не следует. Однако для России в сложившейся ситуации было выгодным нападение турок. Это давало возможность Петрограду уже открыто ставить на повестку дня обладание проливами и Константинополем. 29 октября (11 ноября) 1914 г. в ответ на агрессивные действия Турции Россия объявила ей войну. За ней последовали Франция и Англия.

---

¹ МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 97.

² Шеремет В. Указ. соч. С. 123, 124.

³ Шеремет В. Указ. соч. С. 123.

⁴ Шеремет В. Указ. соч. С. 126.

Таким образом, подводя **ИТОГ** вышеизложенному можно сделать следующие **ВЫВОДЫ**:

1. Начавшаяся для России 1 августа 1914 г. Первая мировая война, была провозглашена верховной властью Отечественной, вызванной агрессией Германии, а затем Австро-Венгрии.
2. Царь и Государственная дума объявили «священное единение» власти и народа в войне против внешнего врага. Франция, Англия и Сербия были объявлены союзниками России.
3. Обращением великого князя Николая Николаевича полякам гарантировалось восстановление единой Польши в качестве автономной части Российской империи.
4. 23 августа (5 сентября) 1914 г. между державами Антанты было заключено трёхстороннее соглашение с обязательством «не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны».
5. Начиная Восточно-прусскую операцию 1914 г., правительственные круги преследовали не только исполнения союзнических обязательств, но и национальные интересы России. В случае быстрого поражения Франции, высвобожденные с Западного фронта крупные немецкие силы были бы переброшены на Восточный. Россия, таким образом, оказалась бы один на один с превосходящими силами противника.
6. Младотурецкий режим под воздействием Берлина, несмотря на все усилия Петербурга не допустить этого, втянул Османскую империю в войну с Россией осенью 1914 г. Таким образом, у России обозначались важные геополитические цели в войне: черноморские проливы и Константинополь.

§ 2. Секретные соглашения между Россией и союзниками по Антанте о послевоенном мировом устройстве и территориальных приобретениях. 1915-1917 гг.

Вопрос о послевоенном переделе мира занимал правительства Антанты с первых же дней войны. Разумеется, такие вопросы решались только на высшем уровне, но обсуждение их шло на уровне дипломатов. 1 (14) сентября 1914 г. в Петрограде состоялась встреча трех послов союзных держав: М. Палеолога, С.Д. Сазонова и Дж. Бьюкенена. О ходе этих переговоров и обсуждаемых на них вопросов было подробно доложено в телеграмме французского посла министру иностранных дел Т. Делькассе¹. Представители союзников обсудили предварительные контуры возможных территориальных изменений, какие им виделись после поражения германского блока. По итогам беседы были сделаны записи предварительных соглашений по будущему видению послевоенного мира. Главным общим пунктом было принято следующее безусловное положение: «Главной задачей трёх союзников является уничтожение могущества Германии, как инструмента военного и политического доминирования»². Затем были выработаны приблизительные территориальные изменения в послевоенной Европе. Что касается России, то к ней отходили Восточная Галиция, Южная Силезия, Восточная Пруссия, Познань и др.³. Примечательно, что на этих первых обсуждениях будущего территориального раздела ни словом не говорилось о расчленении Германии, за исключением Эльзаса с Лотарингией, которые были ею оккупированы в 1871 г., ни о ней самой. Минимальный урон должна была понести и Австро-Венгрия, которая должна была лишиться своих славянских и балканских владений. В этом, безусловно, чувствуется влияние Парижа, который всегда стремился почь Вене.

---

¹ DDF. 1914-1919. V. 1. P. 206-207.

² DDF. 1914-1919. V. 1. P. 206.

³ DDF. 1914-1919. V. 1. P. 206-207.

Уже поздней осенью 1914 г. в Царском Селе состоялась беседа Николая II с М. Палеологом, в которой царь поднял вопрос о своем виденье послевоенных изменений в мире¹. Разговор с Николаем II изложен М. Палеологом дважды: в его мемуарах² и телеграмме Р. Пуанкаре³. В мемуарах М. Палеолога, царь выдвинул целый план переустройства мира, а также указал на территориальные изменения в пользу России, которые в целом повторяют изложенное в телеграмме, но дополняют их необходимостью предания Константинополю статуса нейтрального города и создание Армянского царства⁴. Николай II также считал необходимым предоставить независимость Богемии, Моравии, Каринтии и Хорватии⁵, то есть раздела Австро-Венгрии. М. Палеолог в телеграмме выражает крайнее нежелание французской стороны соглашаться с «уничтожением Австро-Венгрии»⁶. То, что это не личное мнение посла видно из энергичной поддержке его в ответной телеграмме Т. Делькассе с указанием «не произносить ни слова, которое могло бы дать возможность русскому правительству предположить, что мы поддерживаем его претензии на Австрию»⁷. Однако Россия продолжала настаивать на присоединении к себе австро-венгерских территорий. 31 марта (13) апреля 1915 г. Палеолог сообщал в Париж, что русское правительство помимо Галиции и Буковины желает «аннексировать также южные склоны Карпат, которые населены славянскими народами (вплоть до Мукачева и Сигета)»⁸.

В начале 1915 г. главным вопросом для России становится признание за ней после победы Босфора и Дарданелл, а также Константинополя. Если до начала войны с Турцией Петербург делал все, чтобы не допустить ее союз с германским блоком, то после нападения османского флота и обстрела русской

---

¹ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 71.

² Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне. С. 125-129.

³ DDF. 1914-1919. V. 1. P. 423-424.

⁴ Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне. С. 125-129.

⁵ DDF. 1914-1919. V. 1. P. 423-424.

⁶ DDF. 1914-1919. V. 1. P. 424.

⁷ DDF. 1914-1919. V. 1. P. 424.

⁸ DDF. 1914-1919. V. 1. P. 424.

территории, ситуация в корне изменилась. Уже в манифесте от 20 октября (2 ноября) 1914 г. Николай II объявил, что «безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для неё ход событий и откроет для России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Чёрного моря»¹. 19 февраля (4 марта) 1915 г. председатель Совета министров И.Л. Горемыкин довел до сведения членов правительства, полученную «директиву Государя Императора о необходимости воспользоваться настоящей войной для завладения Босфором и Дарданеллами»². В связи с российскими военными успехами в Галиции и переход через Карпаты весной 1915 г. дали повод Николаю II вновь поднять перед союзниками вопрос об официальном признании за Россией проливов. 22 февраля (6 марта) 1915 г. С.Д. Сазонов передал главам союзных держав текст российской: «Ход последних событий привёл Его Величество Императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть решён окончательно согласно вековым чаяниям России. Все решения будут несостоятельны и непрочны, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, так же как южная Фракия вплоть до линии Энос-Мидиа, не будут включены в состав Российской империи. Особые интересы Франции и Великобритании в этом регионе будут самым тщательным образом уважены»³. О том, что этот вопрос между союзниками был предварительно решен говорит разработанное ими в начале марта 1915 г. будущее управление Константинополя. Российский МИД направил в Главный штаб ВМФ секретный документ «Об установлении штата временного управления Императорского Российского Главноуполномоченного в Царьграде»⁴. В нём подчёркивалось: «Необходимо иметь в виду, что установление прочного порядка в Царьграде важно главным

---

¹ Нива, 1914, ноября, 1. № 44.

² Заседание Совета министров от 19 февраля 1915 [выписка] // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп.2. Д. 273. Л. 28.

³ DDF. 1914-1919. V. 1. P. 397.

⁴ О Главноуправляющем Царьграда // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп.2. Д. 274. Л. 17.

образом для России, которой придётся в дальнейшем будущем управлять краем»¹.

14 (27) марта Дж. Бьюкенен вручил С.Д. Сазонову меморандум от имени союзников, в котором подтверждалось его согласие на присоединение к России Проливов, Константинополя и всех указанных в ноте С.Д. Сазонова территорий². Председатель Совета министров Б.В. Штюрмер весной 1916 г. испрашивал у Николая II разрешения объявить официально о состоявшемся договоре с союзниками по поводу передачи России Константинополя и проливов³.

В Лондоне, несмотря на согласие передать России Босфор и Дарданеллы, предпринимали все усилия, чтобы этого не допустить или во всяком случае минимизировать. Посол Великобритании во Франции Ф. Берти в дневниковой записи отмечал, что союзникам надо «занять Константинополь раньше России, дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора»⁴. Исходя из этих соображений, командование союзников стало поспешно готовиться к высадке в Дарданеллах, не поставив об этом в известность Петроград⁵. Но Дарданелльская операция союзников, начавшаяся в марте 1915 г. и напорываясь на мощно укрепленные турецкие форты, оборону которых возглавляли немецкие офицеры, потерпела сокрушительное поражение⁶. В Петрограде ясно осознали всю степень вероломства союзников, в связи с чем, узнав о провале их операции, Николай II приказал готовиться к собственному десанту для овладения укреплений Босфора. Реализацию Босфорской операции первоначально намечали на осень 1916 г. Для этого шла тщательная подготовка по формированию штурмового отряда из

---

¹ О Главноуправляющем Царьграда // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп.2. Д. 274. Л. 17-18.

² Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 114.

³ Отношение Б.В. Штюрмера императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 12-13.

⁴ Берти, лорд. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914–1919). М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 49–50.

⁵ Galland (P.). Histoire de la Grande Guerre. Paris : Durassié & Cie, 1974. P. 77.

⁶ Galland (P.). Op. cit. P. 78

лучших частей пехоты¹. Командование флотом при проведении Босфорской операции было возложено на вице-адмирала А.В. Колчака, которого инструктировали в могилевской Ставке сам царь и начальник его штаба генерал М.В. Алексеев². Однако военное поражение, вступившей в войну на стороне Антанты Румынии, заставили Ставку перенести сроки Босфорской операции на весну 1917 г.³

Весной 1916 г. на фоне выдающихся побед русской армии на Кавказском фронте между Петроградом, Лондоном и Парижем было подписано соглашение по разделу азиатских владений Османской империи. Петроград был готов признать «независимое» арабское государство, на создании которого настаивали союзники, а те, в свою очередь, признавали следующее: «1. Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса, вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Чёрного моря, к западу от Трапезунда. 2. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сортом, течением Тигра, Джебзире — ибн Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мерге-вера, будет уступлена России»⁴. Николай II собственноручно дополнил это соглашение: «Если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница»⁵.

В проблеме послевоенного территориального передела мира особую роль занимал вопрос о статусе Палестины. Россия всячески дистанцировалась от любых подозрений в ее стремлении взять эту территорию под свой контроль. В данном случае, Петроград беспокоился не столько реакции Лондона и Парижа, сколько набиравшего силу сионизма. ГЖУ ещё в 1914 г. сообщало: «Среди евреев идёт возбуждение по поводу русско-турецкой войны. Боятся, что русские, победив Турцию, могут лишить евреев сионистских плодов их долголетних

---

¹ Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 114.

² Допрос Колчака / Попов К.А., ред., пред. Л.: Ленгиз, 1925. С. 30.

³ Бубнов А. Указ. соч. С. 201.

⁴ Сборник договоров России с другими государствами. С. 452-453.

⁵ Там же. С. 453.

усилий в Палестине»¹. С целью успокоить сионистское движение, императорское правительство 4 (17) марта 1916 г. разослало послам союзников следующее заявление: «Что касается Палестины, то российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся на Святой Земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение их прежних прав и привилегий, и не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране»².

На прошедшей 19 января (1 февраля) по 8 (21) февраля 1917 г. Петроградской союзнической конвенции державы Антанты обозначали основные конструкты будущего мироустройства³. Как писал Д.Л. Каптарь: «Россия, как и Антанта в целом, уверенно шла к победе, и Петроградскую конференцию 1917 г. можно в определенном смысле сопоставить с Тегеранской конференцией 1943 г. <...> Изучая документы, подготовленные к Петроградской конференции, можно увидеть, что <...> речь шла о послевоенном разделе территорий противника»⁴. Российский представитель на конференции генерал В.И. Ромейко-Гурко заявил: «Основная задача — осуществить наше соглашение с союзниками 1915 г. относительно приобретения Константинополя и Проливов. В этом для России заключается все оправдание войны»⁵. Примечательно, что на конференции продолжился заочный спор между российской и французской сторонами по поводу Австро-Венгрии. В.И. Гурко поднял вопрос о создании независимого Чешского государства, идею которого активно поддерживала Россия⁶. Эта позиция российского представителя вызвала явное неудовольствия со стороны французской делегации⁷. Однако в феврале/марте 1917 г. Париж

---

¹ О сионистах // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО 1914. Д. 343. Л. 312.

² Сборник договоров России с другими государствами. С. 447.

³ Каптарь Д.Л. Конференция победителей и Февральская революция // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020; 10 (2). С. 67.

⁴ Каптарь Д.Л. Конференция победителей и Февральская революция // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020; 10(2). С. 67.

⁵ Каптарь Д.Л. Указ. соч. С. 68.

⁶ Каптарь Д.Л. Указ. соч. С. 68.

⁷ Каптарь Д.Л. Указ. соч. С. 68.

официально признал за Россией «полную свободу в определении её западных границ»¹. В это время в Петрограде уже набирала силу Февральская революция.

Подводя **итог** вышеизложенному, можно сделать следующие **выводы**:

1. В начале первых месяцев Первой мировой войны Россия не ставила своей задачей овладение Черноморскими проливами, так как пыталась не допустить вступление в войну на стороне Германии Османской империи, гарантируя ей в этом случае полной неприкосновенности ее территориальных владений.
2. С первых военных месяцев 1914 г. между Петроградом и союзными правительствами начались переговоры о территориальных изменениях после победы над германским блоком. В 1915 г.—1917 гг. союзные державы признали за Россией присоединение в будущем важнейших геополитических территорий, включая черноморские проливы, Константинополь, Восточную Пруссию и др.
3. Признавая за Россией вышеназванные послевоенные территориальные присоединения, Париж и Лондон предпринимали усилия по созданию таких условий, при которых исполнение взятых ими обязательств стало бы невозможным.

§ 3. Противоречия с союзниками по внешнеполитическим и вопросам

В начале 1915 г. в германском Большом штабе уже никто не сомневался, что план Шлиффена полностью провалился. Исходя из этого, германское верховное командование приняло решение в 1915 г. перебросить свои основные силы на Восток против русской армии, которая должна была быть сокрушена в ходе масштабного наступления. В Берлине и Вене очень надеялись на успех своего

---

¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 457.

наступления¹. Относительно спокойная обстановка на Западном фронте позволяла германскому командованию приступить к исполнению своего плана.

Воспользовавшись многократным превосходством над российской армией в плане тяжелой артиллерии, германская армия весной-летом 1915 г. начала наступление в Западной Галиции и со стороны Карпат, сосредоточив против русских армий свыше 1 млн. штыков и сабель². Мощное наступление противника вынудило русские войска отступать, оставив к середине августа все Царство Польское и часть Литвы. 23 августа (5 сентября) 1915 г. император Николай II отстранил великого князя Николая Николаевича и принял на себя верховное главнокомандование над всеми вооруженными силами России³.

Одним из первых шагов царя на посту верховного, стало ограничение участия представителей союзного командования в планировании и подготовке военных операций русской Ставки, что было обыкновенным явлением при великом князе. Причем, внешне ситуация была обставлена так, будто речь шла об усилении статуса союзников: вместо отдельных представителей, теперь с согласия российского императора, появились союзные военные миссии при царской Ставке⁴. Более того, число миссий значительно возросло: к английской и французской военным миссиям присоединились миссии Италии, Японии, Сербии, а затем — Румынии и Бельгии⁵. Однако со времени принятия верховного командования императором Николаем II деятельность миссии союзников свелась только к представительской функции⁶. 6 (19) января 1916 г. М. Палеолог с тревогой доносил министру иностранных дел А. Бриану, что глава французской миссии генерал маркиз де Лагиш, представитель военной разведки, «не может исполнять свои прямые обязанности», так как его деятельность фактически

---

¹ Уткин А. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. С. 11.

² Борисюк А.А. Указ. соч. С. 98.

³ Приказ императора Николая II по армии // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 619. Л. 1.

⁴ Бубнов А. Указ. соч. С. 166.

⁵ Ставка и министерство иностранных дел / Покровский М.Н., вступ. стат. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 2 (27). М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 56.

⁶ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914-1917). Воспоминания, мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 336.

сводится к почетной должности при особе императора¹. В декабре 1915 г. Лагиш был смнен на посту главы французской военной миссии генерал П. По. Однако это назначение в принципе ничего не изменило, и генерал предупреждал Р. Пуанкаре, что ему «вряд ли удастся получить в Ставке больше информации, чем это удалось де Лагашу», так как «русские словно в рот воды набрали»². В январе 1916 г. де Лагиш, ставший заместителем П.По, сообщал М. Палеологу: «Мы не можем ни на что реагировать, так как у нас до сих пор не было ни одного контакта с Генеральным штабом»³. Вскоре П. По был смнен в качестве главы французской миссии генералом М. Жаненом.

Возглавив верховное главнокомандование, император Николай II первым делом назначил на руководящие должности в своем штабе новых людей во главе с начальником штаба генералом М.В. Алексеева. С 3 (16) сентября по 2 (15) октября 1915 г. началось широкомасштабное немецкое наступление, в ходе которого четыре кавалерийские дивизии прорвали русский фронт у Свянцян и атаковали тылы 10-й русской армии, угрожая Минску. В результате упорных боев противник был отброшен, его наступление остановлено, а концу года фронт стабилизировался. В январе-феврале 1916 г. фактический командующий Кавказской армии генерал Н.Н. Юденич провел успешное наступление, выиграв битву при Эрзуруме (1916) и Трапезундскую кампанию. Летом того же года войска Кавказской армии, отразив турецкую контратаку разбили турок при Эрзинджане. За эти успехи генерал Н.Н. Юденич был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени, что стало последним случаем вручения этой награды в Российской империи.

---

¹ Lettre M. Paléologue à Marquis de Laguiche // МАЕ. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. 1900-1937. 1915. Vol. 7.

² Joffre (Marechal). Mémoires du Maréchal Joffre (1910-1917). Paris : Plon, 1932. T. 2. P. 177.

³ Lettre de Marquis de Laguiche à M. Paléologue // МАЕ. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. 1915. Vol. 7.

Как уже говорилось выше, в августе 1915 г. внутри Государственной думы сложился т.н. «Прогрессивный блок», который состоял из шести думских фракций и насчитывал около 241 из 407 думских депутатов. Кадеты, прогрессисты и левые октябристы составляли «либеральный» сегмент Блока, в то время как центристы, земские октябристы и прогрессивные националисты составляли консервативное крыло, которое именовало себя «Прогрессивными националистами». Кроме некоторых думских фракций Блок получил поддержку от ряда представителей Государственного совета, частности А.И. Гучкова, а также от некоторых министров, в число которых входили главноуправляющим земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин, министр иностранных дел С.Д. Сазонов и военный министр генерал А.А. Поливанов. Группа министров, поддерживавших «Прогрессивный блок», некоторыми исследователями определяется как «Группа Кривошеина») ¹. Между «группой Кривошеина» и Ставкой великого князя Николая Николаевича возникло негласное сотрудничество ², которое давало возможность «Прогрессивному блоку» находить поддержку в военных верхах. Главной целью «Прогрессивного блока» было установление т.н. «Ответственного министерства», которое был подчинялось не императору, а Государственной думе. То есть, «прогрессисты» стремились ввести в России парламентаризм по западному образцу, в чем они находили поддержку у «Группы Кривошеина».

После принятия императором Николаем II верховного командования и отставке великого князя Николая Николаевича, «Группа Кривошеина» 28 августа (10 сентября) 1915 г. написала царю письмо, заканчивающееся следующими словами: «мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и родине»³. В течение декабря 1915 г. и по июль 1916 г. Николай II отправил в

---

¹ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: Трибунский П.А, 2004. С. 79-83.

² Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения / Перегудова З.И., ред. М.: РОССПЭН, 2009 С. 66.

³ Коллективное письмо министров Николаю II от 21 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 620.

отставку всех членом правительства¹. Позже всех (летом 1916 г.) был отправлен в отставку С.Д. Сазонов, который «слишком усердно принял сторону общественности и Прогрессивного блока»². Однако дело обстояло не только в этом. В конце 1915 г. С.Д. Сазонов разработал проект русско-польской унии, предусматривавшей в качестве главы государства императора всероссийского, но при этом наличие польских двора, армии, границ, финансов, дипломатии и путей сообщения. Проект унии министр представил на мнение государя³. Вопрос о польской автономии в принципе был уже решен самодержцем положительно, но его реализация была невозможна пока Царство Польское находилось под оккупацией противника. Николай II планировал объявить о даровании польской широкой автономии «лишь после вступления русских войск в Царство Польское»⁴. Однако С.Д. Сазонов продолжал обсуждение польского вопроса во время своих поездок в Ставку с генералами и министрами⁵. Если учесть контакты М. Палеолога с польскими сепаратистами⁶, действия С.Д. Сафонова становились в глазах царя опасными, и отставка министра иностранных дел была решена⁷. Новым министром иностранных дел был назначен Б.В. Штюрмер, который одновременно занимал пост главы правительства. Примечательно, что союзники были очень обеспокоены отстранением С.Д. Сафонова. При первых же известиях об этом Дж. Бьюкенен и М. Палеолог явились к директору дипломатической канцелярии А.А. Нератову с целью осведомления «насколько справедливы дошедшие до них сведения о предстоящем будто бы оставлении гофмейстером Сафоновыми поста министра иностранных дел», отмечая при этом «чувство тревоги, которое вызвало бы в Англии и Франции известие о перемене в лице

---

¹ А.В. Кривошеин — императору Николаю II 26 октября 1915 // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1270. Л. 3-4.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 331.

³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 331.

⁴ Выписки из писем, распоряжений и других документов Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 114.

⁵ Куликов С. Указ. соч. С. 213.

⁶ МАЕ. РА 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. Vol. 7.

⁷ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 331.

министра иностранных дел, в согласии с которым их правительства уже наметили разрешение многих вопросов первостепенной политической важности, а также опасения, что таковая перемена будет использована вражескими Правительствами в смысле торжества их политики и изменения политики России»¹. А.А. Нератов заявил, что не имеет оснований подтвердить дошедшие до послов сведения, но Николай II на полях записки отметил: «Слухи об уходе Сазонова справедливы. Объясните послами, что кто бы ни был его преемником — политика России ни в чем не изменится»². Преемником С.Д. Сазонова стал Б.В. Штюрмер, который одновременно занимал пост главы правительства.

Военно-экономические противоречия России с союзниками в годы войны. Весной-летом 1915 г. русская армия испытала на себе т.н. «снарядный голод», имевший как объективные, так и субъективные факторы, которые, в свою очередь, имели внутринние и внешние причины. Следует отметить, что Снарядный кризис 1915 г. совпал с периодом нехватки боеприпасов во всех союзных армиях, и был вызван сочетанием значительных изменений в тактике и военных материалах. Несмотря на свое название «снарядный», кризис касался не только снарядов, но и всего снабжения союзных армий оружием и боеприпасами. Появились новые типы вооружений, для которых требовались особые боеприпасы (для гаубиц, снаряды осколочного типа, мины, авиабомбы, боеприпасы, оснащенные системами замедлителя или специально адаптированные для все более тяжелой артиллерии для дальнобойной стрельбы и обстрела, патроны для пулеметов и т. д.).

ГУГШ российской императорской армии, как и Генеральные штабы других воюющих сторон, рассчитывал на быстротечную войну. Однако вскоре выяснилась острая нехватка запасов боеприпасов, особенно в тяжелой артиллерии. Неподготовленность российского военного ведомства к длительной

---

¹ Сборник секретных документов из Архива бывшего Министерства иностранных дел. № 3. Петроград: Наркомат по инотсранным делам, 1917 г. № 45. С. 114-115.

² Сборник секретных документов из Архива бывшего Министерства иностранных дел. № 3. С. 115.

войне отражалась и в слабой производительности военных заводов¹. С другой стороны, были и внешние причины, которые являлись следствием срыва западными промышленниками русских военных заказов². Как писал генерал М.А. Свечин: «На нашу просьбу к французам о заказе снарядов со своих заводов — мы получили отказ. У них не оказалось той жертвенности, которую проявили мы в начале войны не готовыми наступать для помощи союзнику. Лишь в 1916 году французское правительство дало нам разрешение покупать небольшой процент продукции завода в Крезе. Дирекция завода не постеснялась брать с нас непомерно высокие цены»³. Безусловно, что далеко не всегда срыв поставок, особенно когда речь идет о Франции, был вызван сознательным стремлением навредить России. Следует учитывать, что глобальный финансовый кризис лета 1914 г. резко снизил возможности нормальных финансовых сделок между Россией и Францией, что само по себе не могло не привести к трудностям по выполнению заказов французской стороной. С одной стороны, резервы, хранящиеся во французских банках для выплаты по российским ценным бумагам, были заблокированы почти полным мораторием на депозиты и банковские счета, введенного французским правительством декретом от 2 августа 1914 года. С другой стороны, военные действия нанесли серьезный ущерб российскому экспорту (в основном поставкам зерна), который в это время года позволял Петербургу пополнить запасы иностранной валюты и сбалансировать баланс российских счетов. Уже в конце августа 1914 г. Россия предложила создать в Париже фонд со специальным счетом в Банке Франции на сумму 200 млн фр., соответствующую кредиту Государственного Банка Франции. При этом, министр финансов П.Л. Барк стремился договориться, чтобы мораторий французского министерства финансов не распространялся на все

---

¹ Михайлов В.С., генерал. 1875-1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности / Гаркуша И.О., общ. ред., Ильин Ю., сост. М.: РОССПЭН, 2007. С. 278.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX века). СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1990. В двух томах. Т. 2. С. 621.

³Свечин М. Указ. соч. С. 110.

депозиты российского императорского правительства во французских банках¹. В феврале 1915 г. в Париже состоялась конференция с участием союзных министров финансов, русского, английского и французского, а также управляющих Банками Англии и Франции. На своеощании была подтверждена финансовая солидарность между союзниками и выдвинута идея создания «финансовой Антанты»². Конференция привела к открытию взаимных денежных кредитов, однако заключенных на двусторонней основе, а не на основе объединения валютных резервов, противником чего была Великобритания, ревниво относящаяся к своему доминирующему положению в Европейском валютном союзе. Тем не менее, министерство финансов Франции предоставило России авансовый кредит в размере 625 млн франков. Правда, скоро этот кредит был исчерпан оплатой обслуживания российского долга и ростом российских военных заказов во Франции. 4 октября 1915 г. министрами финансов двух стран П.Л. Барком и А. Рибо был согласован Франко-российский финансовый протокол, предусматривающий открытие в России авансового счета в Банке Франции, в обмен на выдачу беспроцентных облигаций французского министерства финансов. Протокол Барка-Рибо, продленный в 1916 и 1917 гг., стал основой для предоставления кредитов Францией России во время войны. Это соглашение стало важным нововведением в области международных финансовых отношений, поскольку открывало вид «денежных кредитов», предоставляемых одним суверенным государством напрямую другому суверенному государству³.

Тем не менее, срывы союзниками русских поставок зачастую были сознательными. Когда осенью 1915 г. российская миссия посетила

---

¹ Renouvin (P.) et Duroselle (J.-J.). Introduction à l'histoire des relations internationales, Paris, A. Colin, 1964. P. 135 et suiv.

² Feiertag (O.). Les relations financières entre la Russie et la France pendant la Première Guerre mondiale : arme financière et logiques de marché. Paris, 2015. P. 35-45.

³ Donker Curtius (F.). Fondement juridique des crédits internationaux de trésorerie // Revue de science et de législation financière, octobre-décembre, 1931. P. 601.

Великобританию, чтобы проинформировать Лондон о своих потребностях, премьер-министр Д. Ллойд Джордж заявил, что «наши собственные потребности [в вооружении] превышают потребности наших союзников»¹, давая русским отчетливо понять, что в вооружении им отказано. Российское военное ведомство заказало в США почти 4 млн винтовок, за которые расплачивалось золотом². В большинстве случаев эти заказы не были выполнены, предоставили около 10% от того, что было оплачено³. Только оружейная фирма «Winchester» сдержала слово и поставила в Россию 300 тыс. винтовок⁴.

В июле 1916 г. министр финансов Российской империи П.Л. Барк с большим трудом добился от лондонского Сити предоставления военных кредитов, но англичане потребовали обеспечение их золотом в размере 40 млн фунтов стерлингов⁵. Б.В. Штюмер докладывал императору, что британское правительство «решительно отказалось связать себя соглашением на сколько-нибудь продолжительный период времени»⁶.

Весной 1915 г. военное ведомство разместило заказ на 5 млн. снарядов в английской оружейной компании «Vickers», который должен был во многом решить вопрос с нехваткой снарядов для тяжелой артиллерии в русской армии. Лондон фактически сорвал эти поставки, передав заказанные и уже частично оплаченные Россией снаряды английской армии. Профессор Б. Пэрс, которого в начале Первой мировой войны Э. Грей пригласил стать «официальным корреспондентом британского правительства», посетил Петроград осенью 1915 г., и признал: «Я должен высказать свое твердое убеждение, что достойная сожаления неудача Викаерса, Максима и К^о, не доставивших России военного снаряжения, которое должно было быть получено здесь пять месяцев назад,

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 1735. Л. 21.

² Ионичев Н.П. Внешнеэкономические связи России (IX-начало XX века). Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 121.

³ Ткаченко С.Л. Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны: деятельность «Нэйшнл Сити бэнк оф Нью-Йорк». СПб: ВИРД, 1998. С. 126.

⁴ Ткаченко С.Л. Указ. соч. С. 126.

⁵ ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 10-11.

⁶ ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. Л. 10-11.

наносит ущерб отношениям обеих стран и в частности сотрудничеству Англии и России в войне»¹.

В Лондоне пытались представить дело так, будто поставка военных запасов для России становится невозможной, из-за плохой работы российских портов и железных дорог, то есть использовали любую объективную причину для срыва военных заказов². С циничной откровенностью Д. Ллойд-Джордж писал много лет спустя: «Если бы мы отправили в Россию половину тех снарядов, которые затем были попусту затрачены в этих плохо задуманных боях и 1/5 пушек, выпустивших эти снаряды, то не только удалось бы предотвратить русское поражение, но немцы испытали бы отпор. Вместо этого мы предоставили Россию ее судьбе»³.

Но Россия быстро исправляла недостатки и решала проблемы транспортировки, портовых складов, строительства железных дорог. Царем летом 1916 г. в Архангельск был направлен великий князь Георгий Михайлович, который проинспектировал порт, куда поступали поставки от союзников⁴. В течение 1916 — начала 1917 г. российским правительством было проложено 3150 верст вторых железнодорожных колеи, строились новые мосты и узловые станции⁵.

Действительной проблемой доставки союзных поставок была нехватка наличия у России незамерзающих портов⁶. На весну 1915 г. остался фактически только один из них — Владивосток⁷. Однако англичане высказывали опасение, что «на Владивосток идти слишком далеко», а потому откладывали свои поставки

---

¹ Цит. по: Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары: в 5 т. Т. III. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. С. 381-382.

² ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 47. Л. 1-2.

³ Цит. по: Никонов В. Крушение России 1917. М.: АСТ: Астрель; Минск: Харвест, 2011. С. 312.

⁴ Донесение великого князя Георгия Михайловича императору Николаю II от 25 июня 1915 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 85.

⁵ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М.: Наука, 1986. С. 121-124.

⁶ Генерал А.Н. Нищенков — генералу П.И. Аверьянову 15 сентября 1926 // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁷ Генерал А.Н. Нищенков — генералу П.И. Аверьянову 15 сентября 1926 // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

до наступления оттепели¹. 21 сентября 1916 г. (4 октября) указом императора Николая II был основан новый незамерзающий порт за северным полярным кругом, получивший название Романов на Мурмане.

К 1917 г. российское императорское правительство преуспело в развитии торговых и военных закупок у восточных государств Японии, Китая, Монголии, Кореи. Это все больше делало Россию свободной от завязанности западных поставок². То, что поставки восточных государств начинали играть все большую роль видно из секретного доклада от 16 февраля 1916 г. великого князя Георгия Михайловича Николаю II по результатам его поездки в Японию, в котором перечисляется, что было там приобретено российским военным ведомством, и что оно собирается еще приобрести: «84 миллиона ружейных патронов в период с окт. 1915 по декабрь 1916.; ведутся переговоры о заказе 600.000 винтовок; заказано 1.200.000 3-х дюймовых шрапнелей; заказано 63.060 пудов бездымного пороха; <...> заказано 150.000 винтовок; в последнее время испрашивалась уступка нам пушек японской горной артиллерии в количестве 100-200 орудий с полной амуницией, запасными частями и обеспеченными выстрелами от 1.000 до 5.000 на орудие; уступка нам винтовок теперь же возможно в большом количестве, обязательно с патронами не менее 700 штук на винтовку»³.

Военно-политические противоречия России с Сербией и Болгарией по вопросу Македонии. Болгарские правящие круги надеялись на реванш за проигранную ими Вторую Балканскую войну, в результате которой они потеряли Македонию. Поэтому начало Первой мировой войны в Софии было воспринято с надеждой. Политический режим в Болгарии не давал возможность Петрограду быть уверенным в его верности России. Наоборот, царь Фердинанд Кобург, безусловно, больше симпатизировал Вене и Берлину, чем Петербургу и Парижу, тем более Лондону. К тому же, Болгарии, в случае если бы она вступила в войну

---

¹ Великий князь Михаил Михайлович — императору Николаю II 15 марта 1915 // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302. Л. 51.

² Ионичев Н.П. Указ. соч. С. 98.

³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 797. Л. 2-3.

на сторону Антанты, пришлось воевать на стороне и Белграда, которому Кобург не мог простить участие в разгроме Болгарии в 1912 г. По большому счету, в России понимали, что выступление Болгарии на стороне германского блока дело во многом решенное. Еще до начала войны, Фердинанд отправил в отставку значительное число болгарских руссофилов из числа генералитета и старшего офицерства¹, начал перевооружение болгарской армии австрийским и немецким оружием, в армию были приглашены германские военные инструкторы и советники. Посланник России в Софии А.А. Савинский весной 1914 г. делал следующий вывод: «Грозит опасность окончательного и безвозвратного закрепления немецкого влияния в Болгарии»². Несмотря на это, союзники, и прежде всего Петроград предпринимали настойчивые усилия, чтобы убедить Софию порвать с германским блоком. Слишком важна была для союзников Болгария и как сухопутная связь западных союзников с Россией, и как держава, обладавшая второй армией на Балканах, после османской, по численности и боеспособности. Великий князь Николай Николаевич указывал С.Д. Сазонову на «несомненную желательность» заключения с Болгарией военной конвенции³. По большому счету, союзники могли убедить царя Фердинанда присоединиться к Антанте, только гарантиями больших территориальных приобретений после победы. Николай II заметил М. Палеологу, что «Болгария, если будет разумна, получит Македонию»⁴. 22 июля (5 августа) 1914 г. Фердинанд через посла А.А. Савинского получил официальное приглашение присоединиться к России в войне «с общим врагом славянства»⁵. За это Фердинанду обещали возвращение Македонии и Кавалы. Болгарский монарх принял предложение России благосклонно⁶. Однако дальше начались трудности с тем, чтобы убедить Белград

---

¹ Залесский К.А. Первая мировая война. Правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. С. 186 – 187.

² А.А. Савинский — С.Д. Сазонову 14 (27) апреля 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 3. С. 397.

³ Емец В.А. Указ. соч. С. 110-111.

⁴ Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне. С. 125-129.

⁵ За Балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 80.

⁶ Там же. С. 80.

и Афины вернуть Болгарии Македонию и Кавалу, обещая взамен щедрые территориальные компенсации после победы. Однако Сербия и Греция категорически отвергали любые возможности уступок Болгарии. В связи с этим, М.Н. Гирс писал С.Д. Сазонову: «Сербии следовало бы подчиниться пожеланиям, выдвигаемым Россией в славянских интересах, понимаемых в более широком смысле, нежели исключительно с узкой сербской точки зрения. <...> Сербия должна была бы понять, что теперь нужно иметь в виду только благополучное окончание европейской войны, и мы вправе требовать от тех, за кого мы сражаемся, соблюдение и наших выгод»¹. Царь Фердинанд, который, в сущности и не ждал иной реакции от Сербии, несмотря на объявленный нейтралитет, продолжал содействовать Берлину и Вене².

В 1915 г. для России стал особо важным успех в намечаемой ею Босфорской операции. Отсюда значение Болгарии в обеспечивании этого успеха резко возросло, так как небольшой болгарский городок Бургас приобрел чрезвычайно важное военное значение, являясь единственным портом вблизи Босфорского пролива. Именно Бургас был наиболее удобным плацдармом для проведения Россией десанта на Босфоре³. София была готова предоставить России Бургас, но опять-таки, требовала за это Македонию. Сербское правительство не только категорически отказывалось этого делать, но и направила Петрограду ноту, обвиняя его в стремлении «наградить Болгарию — предателя славянского единства»⁴. 17 (30) июля 1915 г. союзники, а также Италия, потребовали от Белграда согласиться на передачу Болгарии Македонии. 18 (31) июля 1915 г. в Белград поступила телеграмма императора Николая II королевичу Александру, в которой говорилось: «Война, перед которой ни я, ни мои союзники не отступили

---

¹ А.А. Гирс — С.Д. Сазонову 16 (29) октября 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 436.

² Ников (Н.). Трназитът на австро-германского оръжие за България и Турция в началото на Първата световна война // Българско-германски отношения и връзки. Т. 1: Изследвания и материали. София: Българска академия на науките, 1972. С. 184-185.

³ Бубнов А. Указ. соч. С.190.

⁴ Бабац (Д.). Србија и Русија у Великом рату. Једно савезништво са дугом традицијом / Сербия и Россия в Великой войне. Традиция союзничества. Београд: Евро-Ћунти, 2014. С. 60.

для спасения достоинства и независимости Сербии, достигла момента, когда от всех нас требуются величайшие жертвы, дабы закончить её в короткий срок решительной победой над врагом. <...> Победа над обеими Центральными империями может быть одержана в ближайшее время лишь при условии присоединения новых участников, которые увеличат нынешние силы союзников»¹. Царь выражал надежду, что Сербия «согласится на принесение жертв, которые союзники считают необходимыми в целях обеспечения содействия других государств»². В ответ поступил новый отказ Белграда, который «глубоко опечалил и поразил Государя, заступничеству коего Сербия была обязана всем, и Государь теперь искал возможности обойтись без Бургоса для решения Босфорского вопроса»³. Убедившись, что союзники так и не смогут заставить Белград решить македонский вопрос с выгодой для Болгарии, Фердинад принял окончательное решение примкнуть к германскому блоку⁴. 24 августа (6 сентября) 1915 г. в Софии был подписан строго секретный договор о дружбе и союзе между Болгарией и Германией. Рейх «гарантировал» целостность Болгарии, а последняя обязалась вступить в войну против Антанты⁵.

14 (27) сентября 1915 г. в Болгарии началась мобилизация⁶. Николай II «с крайним прискорбием» уполномчил С.Д. Сазонова отозвать из Болгарии посланника с миссией и консульством⁷. 11 октября 1915 г. премьер-министр Болгарии В. Радославов выступил с заявлением, в котором объявил о вступлении своей страны в Мировую войну на стороне Центральных держав. 5 (18) октября 1915 г. в ответ на нападение болгарских войск на Сербию, Россия объявила войну

---

¹ Император Николай II — принцу-регенту Александру Сербскому 18 (31) июля 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. С. 433

² Император Николай II — принцу-регенту Александру Сербскому 18 (31) июля 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. С. 433

³ Бубнов А. Указ. соч. С.190.

⁴ За Балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 186

⁵ Ключников Ю.В.; проф., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Литиздат НКВД, 1926. Ч. II. № 26. С. 35.

⁶ Телеграмма С.Д. Сазонова императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 79.

⁷ Телеграмма императора Николая II С.Д. Сазонову // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 84.

Болгарии. Белград жестоко поплатился за свою близорукую политику, что, конечно, ни в коем случае не оправдывает предательства славянства со стороны Фердинанда Кобургского. Выступая в связи со вступлением Болгарии в войну, В. Радослав отметил: «Сегодня расы сражаются не за идеалы, а исключительно за свои материальные интересы. <...> Цифры показывают, что наша торговля, наши интересы и наша экономическая жизнь неразрывно связаны с Турцией, Германией и Австро-Венгрией»¹. То есть болгарский режим самым циничным образом предавал освободившую Болгарию от османского ига Россию, и вместе с ее злейшими врагами собирался уничтожить братскую болгарам Сербию, в которую в октябре 1915 г. австро-германо-болгарские войска начали вторжение.

Подводя **итог** всему вышеизложенному, можно сделать следующие **выводы**:

1. После принятия императором Николаем II верховного командования, союзные военные миссии стали играть сугубо представительскую роль, став почетными миссиями при императоре».
2. Во второй половине 1915 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов, в группе министров-единомышленников, установил контакты с кадетско-либеральной оппозицией, великим князем и стал связующим звеном между ними и союзными послами. Это вовлекло министра в политическую деятельность, в ходе которой С.Д. Сазонов обсуждал с Дж. Бьюкененом вопросы внутренней политики России (конституция политически автономной Польши). Эта деятельность привела к отставке С.Д. Сазонова с поста министра иностранных дел.

---

¹ Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. 1. Потеря союзниками Балканского полуострова. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 43.

3. В период (1915-1916 гг.) французский посол М. Палеолог вел секретные переговоры с польскими сепаратистами, на которых обсуждался вопрос о выходе Польши из состава России.
4. Кризис с вооружением был присущ всем армиям Антанты по объективным причинам. Но в случае с Россией к ним прибавился внешний фактор: сознательные срывы западными промышленниками русских военных заказов.
5. К 1917 г. российское правительство все больше ориентировалось в военных и торговых поставках на азиатский рынок, что делало его менее зависимым от западных союзников.
6. Дипломатия Антанты на болгарском направлении, а именно усилия привлечь к антигерманской коалиции Болгарию, потерпела поражение, во многом из-за позиции Сербии, которая не хотела уступать Софии Македонию в обмен на щедрые компенсации после войны.

§ 3. Противоречия с союзниками по внешнеполитическим вопросам, отказ от предложений сепаратного мира с германскими государствами, военно-техническая помощь союзникам.

В литературе до сих пор встречается утверждение, что поддержка правящими режимами Антанты либерально-кадетского и военного переворота, объясняется их опасениями, что император Николай II был готов заключить сепаратный мир с Германией. Однако сами представители Антанты в своих воспоминаниях утверждают прямо противоположное. Дж. Бьюкенен: «Мы никогда не имели более преданного друга и союзника, нежели император Николай»¹; французский посол

---

¹ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Берлин: Обелиск, 1924. С. 136.

М. Палеолог: царь являлся «образцовым союзником»¹. Французский министр колоний Г. Думерг: «Император Николай имеет твёрдое решение довести войну до полной победы»².

Сам царь, отвечая своему кузену и союзнику Георгу V на его сентябрьское письмо 1914 г., в котором выражалась уверенность не заключать мира с германским блоком до полного его разгрома, подтверждал: «Всецело разделяю каждую мысль короля. Прошу графа Бенкендорфа категорически заверить Его Величество, что, несмотря на никакие препятствия или потери, Россия будет бороться с её противниками до конца»³. Тем не менее, 22 февраля (6 марта) 1915 г. М. Палеолог секретно телеграфировал Т. Делькассе, что по имеющимся у него источникам император Вильгельм надеется склонить Николая II к заключению мира, обещая за это уступку России Константинополя и проливов⁴.

Весной 1915 г. С.Д. Сазонов сообщил М. Палеологу, что Николаю II было передано предложение австро-венгерского императора начать мирные переговоры в Швейцарии⁵. По словам С.Д. Сазонова французскому послу, царь не дал хода этому предложению, посчитав его неправдоподобным, так как в Вене отлично понимают, что Россия потребует от нее Галицию и Боснию, а на это австро-венгерская верхушка пока, не готова пойти⁶. Думается, однако, что под этими предложениями из Вены были серьёзные основания, и не случайно они так заинтересовали французского посла. Дело в том, что Париж всецело поддерживал мысль о скорейшем сепаратном мире между Россией и Австро-Венгрией, так как был категорически против полного разгрома последней. Полное поражение Австро-Венгрии позволило бы Петрограду быстро решить главную стратегическую задачу, захват проливов. Поэтому французский МИД

---

¹ Палеолог Морис. Царская Россия в Первой Мировой войне. С. 98.

² Lettre de G. Doumergue à M. Paléologue // MAE. (Centre des Archives diplomatiques de Nantes). Fond 440. Ambassade de France en Russie. 1842-1919. 1917. Dossiers 28-29.

³ МОЭИ. III Серия. Т. 6. Ч. 1. С. 273.

⁴ DDF. Série 1914-1919. V. 2. 1915 (1er janvier-25 mai). P. 260.

⁵ DDF. Série 1914-1919. V. 2. P. 525.

⁶ DDF. Série 1914-1919. V. 2. 1915. P. 525.

интересовался у А.П. Извольского будет ли Россия «настаивать на полном разгроме Двуетной монархии и на её окончательном расчленении» или предпочтёт изолировать Германию «путём заключения с Австро-Венгрией сепаратного мира»¹. М. Палеолог предлагал С.Д. Сазонову подумать о заключении с Веней выгодного мира, после чего бросить все силы против Германии². Однако вскоре в Париже осознали, что если Россия договорится с Австро-Венгрией, то будет означать опять-таки приобретение Россией проливов, и как результат прекращение войны с Германией. Поэтому Т. Делькассе поручил М. Палеологу заявить С.Д. Сазонову, что идея мира с Австрией является его личной точкой зрения, не имевшая никаких инструкций из Парижа³.

Весной 1915 г. начался осторожный германский зондаж на предмет возможности сепаратного мира между Россией и рейхом. Первая попытка была предпринята через интернированную фрейлину императрицы Александры Федоровны М.А. Васильчикову, которая в письме царю из Австрии, где она находилась, передавала предложения анонимных представителей австро-германской стороны начать мирные переговоры, обещая реализовать все геополитические планы российской внешней политики, включая передлачу проливов и Константинополя⁴. Письмо М.А. Васильчиковой было проигнорировано царем, после чего, австро-венгерские власти под предлогом присутствия на похоронах матери, отпустили фрейлину в Петроград, где ее немедленно арестовали и выслали в Вологодскую губернию⁵.

Вопрос, реально ли германские правители хотели мира с Россией в 1915 г., остается довольно риторическим. Германия в то время не представляла собой ни единый народ, ни единый господствующий класс. Среди немецких монархов бывших независимых государств (Саксонии, Баварии, Вюртемберга, Гессен-

---

¹ МОЭИ. III Серия. Т. 6. Ч. 1. С. 280.

² Пуанкаре Р. На службе Франции. Т. 1. С. 295.

³ Там же.

⁴ М.А. Васильчикова — императору Николаю II. 10 марта (25 февраля) 1915 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 444.

⁵ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. С. 381.

Дармштадта и др.), аристократии и военных было немало тех, кто считал войну с Россией безумием. Провал «блицкрига» и начавшаяся затяжная война на два фронта, самым негативным образом подействовало на германские правящие круги. Наиболее трезвомыслящие из них, уже понимали, что германский блок обречен на поражение. Поэтому нельзя исключать наличие особых сигналов от представителей этих кругов, пытавшихся убедить Петроград, что не все немцы мыслят, как их «бешеный» кайзер. Но, что касается реальных политических кругов, которые могли предложить России мирные переговоры, таковых в 1915 г. в Германии не наблюдалось, прежде всего потому, что им нечего было предложить России. Мнимое согласие Вильгельма II передать России Константинополь и проливы, могло быть только провокацией или слухами, так как реально этого кайзер сделать никак не мог. Константинополь был столицей его союзника, Османской империи. Каким образом Вильгельм II собирался его «передать» России? Только вступив в войну с турцией, что, конечно, было форменным безумием. Для России не было никакого резона пускаться в сомнительные авантюры с лживым и верломным германским императором за мифическую передачу от него проливов, так как это было уже гарантировано союзниками по Антанте.

В феврале 1915 г. датский король Христиан X послал крупного судовладельца Х.Н. Андерсена в Петроград с секретной миссией, где Андерсен с Николаем II, министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, а также с графом С.Ю. Витте. Все его собеседники высказали негативное отношение к сговору с Германией за спиной союзников¹. Возвращаясь в Копенгаген через Берлин, Андерсен имел встречу с Вильгельмом II, которому он сообщил, что в Петрограде все — «от царя до министра иностранных дел, идею сепаратного мира с Германией напрочь отвергают»².

---

¹ МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 499.

² Соболев Г.Л. Русская революция и «немецкое золото». СПб: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002. С. 88.

После своего летнего наступления на Восточном фронте 1915 г. и тяжелом, как они полагали состоянии русской армии, в Берлине снова начали прозодировать российские правящие круги на предмет возможности заключения мира. В Петроград лично германским императором вновь был отправлен Х. Андресен, который опять передал предложение от германской правящей верхушки начать секретные мирные переговоры. На этот раз российская сторона отказалась от любых разговоров на эту тему еще более решительно, чем весной 1915 г., так как в условиях потери Царства Польского и Галиции, само известие о намерении обсуждать сепаратные переговоры, выглядело бы как слабость России и неспособность ее вести войну¹. Николай II твердо заявил Андресену: «Россия сможет заключить только общий с союзниками мир»²

Таким образом, российское правительство решительно отвергало все попытки заключить сепаратный мирный договор с врагом за спиной своих союзников. С другой стороны, военное и политическое руководство Германии также не придерживалось единой стратегии в отношении Российской империи. Сторонники заключения мирного договора с Петроградом столкнулись с сильным противодействием в Берлине со стороны сторонников жесткой аннексионистской политики и идеи полного военного разгрома России³.

Между тем, наступивший 1916 г. принес германскому блоку сплошные поражения на фронтах. Несмотря на все усилия и жертвы, вывести хотя бы одного из противников из войны не удалось. Италия и Румыния перешли на сторону Антанты. США, с их огромным промышленным потенциалом, явно склонялись к решению вступить в войну на стороне Антанты. Кроме того, начались проблемы с немецкой экономикой, ее темпы падали, в стране ощущалась нехватка продовольствия, которая вскоре перешла почти в голод. В Австро-Венгрии эти проблемы стояли еще более остро. В Вене, как и Берлине

---

¹ МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 499.

² Шацилло В.К. Сепаратные переговоры России и Германии в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 16.

³ Шацилло В.К. Указ. соч. С. 22.

отлично понимали, что только мир с одним из противников может спасти безвыходное положение.

8 (21) ноября 1916 г. скончался австрийский император Франц Иосиф. Вступивший на престол Австро-Венгрии император Карл I, сразу начал поиски выхода Австро-Венгрии из войны. Продолжались они и в Берлине. Главными инициаторами мирных переговоров с Россией были германские военные, лучше всех понимавшие неизбежность поражения рейха. По мнению начальника германского генерального штаба генерала Э. фон Фалькенгайна мира в первую очередь надо было искать с Россией, так как «русские могут отступать в огромную глубину своей страны, и мы не можем преследовать их бесконечно»¹. Фалькенгайн делал вывод, что «пока Россия, Франция и Англия выступают вместе, мы не можем победить наших противников так, чтобы обеспечить себе достойный мир. Прежде всего, мы должны стремиться к тому, чтобы вынудить к миру Россию»².

Назначение обрусевшего немца Б.В. Штюрмера министром инотсранных дел придало новый импульс сторонникам сепаратного мира из государств Четверного блока. Глава ордена иезуитов граф В. Ледуховский передавал германскому руководству: «Я верю теперь, что возникла возможность для заключения мира. Император Николай самым живейшим образом желает мира, конечно, не из-за его любви к Центральным державам, а из-за того, что он понимает: если война продлится, возникнет угроза его трону и даже жизни. Штюрмер, который, несмотря на свою немецкую фамилию, по крови является чисто русским, разделяет мнение своего Государя и убеждён, что, если война продлится, падение Романовых неизбежно. Теперь очень важно, чтобы Берлин и Вена как можно быстрее воспользовались этим шансом»³. Однако Т. Бетман-

---

¹ Stone (N.). The Eastern Front, 1914-1917. L.: Penguin, 1975. P. 176.

² L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale : Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publ. et annotés par Scherer et Grunewald. T. 1. Paris, 1962. P. 10-11.

³ Bülow (B.). Op. cit. P. 241.

Гольвег, как только узнал о послании В. Ледуховского, немедленно выступил с заявлением, что Германия никогда больше не отдаст «реакционному русскому правительству народы, которые она освободила от Балтики до Волынских болот: поляков, балтов, латышей и литовцев»¹. 23 октября (5 ноября) 1916 г. последовала австро-германская декларация о провозглашении независимости Польши, то есть фактического отторжения ее от Российской империи². Это заявление вызвало бурю негодования в России, в том числе и у самого Николая II. Теперь исчезла даже гипотетическая возможность найти взаимоприемлемый компромисс с Германией, а в самой России резко активизировались сторонники продолжения войны до победного конца любой ценой³.

Примечательно, что в самый разгар т.н. «мирных» предложений Германии и Австро-Венгрии, канцлер Бетман-Гольвег докладывал кайзеру: «Если развитие военных операций и события в России сделают возможным отбрасывание московской империи на восток и лишение её западных провинций, тогда наше освобождение от этого восточного кошмара будет целью, достойной усилий, великих жертв и исключительного напряжения этой войны»⁴.

Последние предложения сепаратного мира поступили от немцев в декабре 1916 г. немцы через бывшего болгарского дипломата в Стокгольме, общественного деятеля Д. Ризова⁵. Николай II, принимая нового министра иностранных дел Н.Н. Покровского, заявил, что он «никогда не заключит сепаратного мира» ни с Германией, ни с Австро-Венгрией⁶. В связи с этим, Николай II поручил Н.Н. Покровскому выступить По поручению императора 16 декабря 1916 г. в Государственной думе с заявлением, которое заканчивалась следующими словами: «Все мы одинаково проникнуты жизненной для нас

---

¹ Ibid. P. 242.

² Ibid.

³ Шацилло В.К. Указ. соч. С. 21.

⁴ Уткин А. И. Указ. соч. С. 372.

⁵ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел / Куликов С.В., сост., вступ. ст., коммент. М: Новое литературное обозрение, РАН Санкт-Петербургский Институт истории, 2015. С. 204.

⁶ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 181.

необходимостью довести войну до победного конца. И не дадим остановиться нас на этом пути никаким уловкам наших врагов»¹. Таким образом, российское императорское правительство, несмотря на неоднократные попытки различных германских и австро-венгерских кругов, в том или ином виде, начать с ним обсуждение сепаратного мирного соглашения, было убеждено, что речь может идти только о заключении всеобщего мира, который может заключен после победы Антанты в мировой войне².

Россия и военно-дипломатическая поддержка союзников. Помощь Сербии. Военная и дипломатическая помощь России, оказанная во время Первой мировой войны Сербии, имеет особое значение в истории российско-сербских отношений. Военная взаимомощь между двумя государствами началось уже в первые дни войны, когда по просьбе великого князя Николая Николаевича³, сербская армия атаковала перешедшие Саву и Дрину австро-венгерские войска и отбросила их на территорию Австрийской империи. Подвиг сербской армии в определенной степени оказал влияние на русскую победу в Первой Галицийской битве⁴.

После вторжения осенью 1915 г. на территорию Сербии австро-болгаро-германских войск, над страной нависла угроза поражения. Несмотря на то, что Россия сама испытывала в это время сильнейшее давление сил противника, она продолжала оказывать военную помощь Сербии и Черногории, поставляя боеприпасы, порох и снаряды. В Сербию было доставлено 1 млн. 131 тыс. винтовок системы Мосина, 93 млн. патронов, 120 тыс. трехлинейных винтовок, 6 радиостанций, 50 тыс. полушубков, медикаменты, фураж и продовольствие⁵.

---

¹ Нива. 1916, 17 декабря. № 51.

² Катков Г.М. Февральская революция. Исследования новейшей русской истории / Солженицын А.И., общ. ред. Париж: YMCA-PRESS, 1984. С. 83.

³ Цихович Я.К. Указ. соч. С. 40.

⁴ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). 1915 год. Апогей. М.: Кучково поле, 2014. С. 45.

⁵ Бабац (Д.). Op. cit. С. 79.

26 (9 октября) фельдмаршал Макензен переправился через Дунай и захватила Белград. Королевская армия была вынуждена покинуть свою страну. 18 ноября (1 декабря) 1915 г. С.Д. Сазонов в телеграмме, не имеющей примеров в истории мировой дипломатии, посланнику России в Сербии князю А.А. Трубецкому извещал: «Считая необходимым, чтобы Представитель России разделил участь сербского правительства, прошу Вас не покидать последнего и оставаться всё время при нём. Сазонов»¹.

22 сентября (5 октября) 1915 г. в Салоники вошел 20-тыс. англо-французский корпус под командованием генерала М. Саррайля². Однако Саррайль никаких активных действий не предпринимал, в то время как сербская армия была разгромлена многократно превосходящим врагом. Начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев в специально записке на высочайшее имя настаивал на необходимости воздействия на союзников с тем, чтобы они приложили все усилия для спасения сербской армии³. 23 ноября (6 декабря) 1915 г. Николай II поручил своему представителю в Военном совете союзнических армий генералу от инфантерии Ф.Ф. Палицыну убедить союзников в необходимости оказать Сербии военную помощь. Император затем поручил С.Д. Сазонову энергично потребовать от всех союзников, особенно от Италии, спасти соединения сербской армии⁴. Французская сторона принялась убеждать российскую, что сербская армия больше не представляет собой боеспособной силы, в ней много больных и раненых, а потому у Франции нет средств для помощи им. Император Николай II оперативно решил эту проблему, заявив французским представителям: «Я плачу за все расходы сербов»⁵. 6 (19) января Николай II отправил письма французскому президенту Р. Пуанкаре⁶ и

---

¹ С.Д. Сазонов — А.А. Трубецкому 18 ноября 1915 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1915. Л. 75.

² Galland (P.) Histoire de la Grande Guerre. Paris, 1974. P. 79.

³ Записка генерала М.В. Алексеева императору Николаю II о необходимости воздействия на Англию и Францию // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 652. Л. 1

⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. 1916. Л. 44.

⁵ Русские в Сербии. С. 44.

⁶ Император Николай II — президенту Р. Пуанкаре 6 (19) января 1916 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 10. С. 12.

английскому королю Георгу V¹, с личной просьбой оказать помощь сербам. Это давление царя на западных союзников дало свой результат: французский и итальянский флоты, наконец, принесли сербскую армию, находящуюся на побережье Адриатического моря и, в начале 1916 г., перебросили ее на остров Корфу, для дальнейшей реорганизации и подготовки к новому фронту в Салониках². Желая организовать содействие сербской армии, Николай II решил отправить на Салоникский фронт сводную русскую бригаду, специально для этого сформированную³ и состоящую из стрелкового полка и морского батальона⁴. Первые 12000 сербских военных были эвакуированы в лагерь близ тунисского города Бизерта. Затем на остров Корфу было эвакуировано 169 тыс. сербских солдат и офицеров.

Военная помощь Франции и Италии. Париж, чьи войска несли самые ощутимые потери, опасался, что они приведут Францию к поражению. Мобилизация 23 тыс. туземцев из колониальных войск не давала ожидаемого эффекта⁵. Тогда в Париже зимой 1915 г. решили обратиться в Петроград, с просьбой направить русские части на защиту Франции. Обратиться к царю с такой просьбой французское правительство возложило на сенатора П. Думера, который прибыл в Петербург во главе союзной делегации. Во время встречи с начальником штаба Ставки генералом М.В. Алексеевым П. Думер передал просьбу своего правительства об отправке на Западный фронт 300 тыс. солдат на правах колониальных войск, под командованием французских офицеров⁶. М.В.

---

¹ Император Николай II — королю Георгу V 6 (19) января 1916 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 10. С. 12.

² Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. Сборник документов ЦГВИА [Семин М.М., А.Н. Назарова А.Н., Шляпников Н.П., Малышев А.П., сост.]. М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1940. С. 44.

³ Чиняков М.К. Русские войска во Франции и Македонии (Салониках): (1916-1918). - М.: Рейтер, 1997. С. 12.

⁴ Телеграмма императора Николая II генералу М.В. Алексею // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 13.

⁵ Chartrand, (René). French Naval & Colonial Troops 1872–1914. Men-at-Arms. London 2018: Osprey. P. 14.

⁶ Данилов Ю. Н. Указ соч. С. 23.

Алексеев, с плохо скрываемым возмущением, ответил Думеру отказом. Тоже самое произошло и при встрече французского сенатора с Николаем II, который в принципе не был против отправки ограниченного русского континента, но назвал «цифру в 300 000 для нас неприемлемой»¹. В результате окончательного достигнутого соглашения, на Западный фронт было решено отправить 40 тыс. человек, разделенных на четыре Особые бригады: две, из которых направлялись непосредственно во Францию, и две — в Салоники и Македонию. 1-я Особая пехотная бригада под командованием генерал-майора Н.А. Лохвицкого² состояла из двух полков, офицеры, унтер-офицеры и нижние чины были отобраны из самых опытных воинов, уже проявивших себя в сражениях. Доставка русских бригад до места назначения было решено через Сибирь и Архангельск, в Марсель и Салоники. Русское командование определило отправку своих войск тремя условиями. Во-первых, войска должны быть сформированы в России, с русскими кадрами. Во-вторых, солдаты должны быть вооружены французскими винтовками Лебеля и всем необходимым, включая каски с изображением двуглавого орла. В-третьих, доставка войск полностью осуществляется за счет Парижа³. Солдаты 1-й Особой бригады высадились в Марселе в апреле 1916 г. и были встречены теплым приветственным словом генерала Ж. Жоффра: «Наш верный союзник Россия захотела дать Франции новое доказательство своей дружбы и преданности общему делу. Русские солдаты, отобранные из числа самых храбрых и командуемые самыми авторитетными офицерами, вступают в бой в наших рядах. Вы будете приветствовать их как братьев; вы покажете им, какое горячее сочувствие вы испытываете к тем, кто покинул свою родину, чтобы сражаться на нашей стороне. От имени французской армии я преклоняюсь перед их знаменем, на которых скоро будут начертаны славные имена»⁴. Русские войска действовали на Западном фронте, сохраняя свою национальную форму, со своим

---

¹ Чиняков М.К. Указ. соч. С. 44.

² Пуанкаре Р. Указ. соч. Т. 2. С. 268.

³ S.H.A.T. 7 № 2178, rapport du 16/12/15.

⁴ Joffre (Marechal). Mémoires du Maréchal Joffre (1910-1917). Paris : Plon, 1932. Т. 2. Р. 177.

знаменем, ими командовали русские офицеры. Таким образом, на Западном фронте появилась русская сила, которую, в случае изменения ситуации, можно было использовать и как средство давления, если союзники после грядущей победы отказались бы от принятых им обязательств.

Следует отметить, что и от французской стороны Россия получала ценные военные кадры. Так, по просьбе полковника А.А. Игнатьева, уполномоченного на это Петроградом, 20 января 1916 г. Генеральный штаб французской армии согласился направить в Россию группу летчиков. Она состояла из 10 офицеров-пилотов, в том числе 6 инструкторов, 10 офицеров воздушной разведки, 4 летчиков бомбардировочной авиации, 10 механиков. По настоянию российской стороны вместо официального главы летной миссии, был назначен французский офицер, который должен был стать представителем великого князя Александра Михайловича, главного инспектора российской военной авиации. В обязанности этого французского пилота входило изучение организации российской авиации и проведение инспекций на фронте. Он контролировал работу французских пилотов, осуществляя фактическое командование, хотя и неофициально, и подготавливал российских пилотов к улучшению условий организации их боевой деятельности. Таким офицером стал командир авиабатальона капитан П.Ш. Берже. В апреле 1916 года двадцать французских пилотов и наблюдателей поступили в распоряжение российской армии¹.

Весной 1916 г. германское командование, полагая, как выяснилось потом ошибочно, что российская императорская армия настолько ослабла в предыдущую кампанию, что не представляет собой опасную силу, решило вновь вернуть себе инициативу на Западном фронте и разгромить французскую армию, которая в сентябре 1915 г. предпринимала безуспешные попытки наступления в Шампани и Артуа. Учитывая, что в Соединенном Королевстве была объявлена фактически всеобщая мобилизация, германское командование стремилось

---

¹ S.H.A.T. №° A 189. Dossier de la Mission du Commandant Berger en Russie.

разбить Францию до того, как будет сформирована большая британская армия. Но, учитывая отсутствия у Германии достаточного числа резервных дивизий, генерал Фалькенгайн справедливо не решался на мощное наступление с проведением решающей битвы в открытой местности. Поэтому он избрал тактику изнурительной операции, решив мощно атаковать населенный такой населенный пункт, который был бы символическим местом для французов, чтобы те решили его защищать и задействовать там все свои резервы, которые должны были быть уничтожены немцами в постоянных атаках и контратаках. Таким образом, цель Фалькенгайна заключалась в том, чтобы полностью лишить французскую армию маневренности, уничтожив ее резервы и заставить ее капитулировать¹. Местом своего замысла Фалькенгайн выбрал Верден, где вскоре завязалось самое долгое и кровопролитное сражение между французской и германской армиями. Кровавые потери французской армии были огромными². 15 апреля 1916 г. главнокомандующий генерал Ж. Жоффри довел до русского командования, что «если наступление против Вердена продолжится, я просил бы наших русских союзников, согласно принятым на совещаниях в Шантильи решениям, перейти в наступление всеми свободными силами, как только климатические условия это позволят»³. Оказывая помощь Вердену, также как в 1914 г. Парижу, российские правящие круги исходили в первую очередь из своих интересов, учитывая ту большую помощь, какую оказывала оборона Вердена, переламывающая немецкий войска. В мае 1915 г. Италия, долго колебавшаяся чью сторону принять, наконец, остановила свой выбор на Антанте, начав наступление против австрийцев в Альпах. Итальянские войска, пусть в меньшей степени, чем французские, оттягивали часть австро-венгерских сил с русского фронта, но в мае 1916 г. противник перешел в контр наступление и всторгся на

---

¹ Franc (C.). Verdun : comment la stratégie française s'est-elle montrée supérieure à l'allemande ? // Revue Défense Nationale, 2016/2. №° 787. P. 46-47.

² Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. С. 43-44.

³ Ветошников Л.В. Брусилловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М.: Воениздат, 1940. С. 111.

территорию Италии. Главнокомандующий итальянской армии генерал Л. Кадорна умолял Ж. Жоффра убедить русское командование начать ранее намеченного срока наступление в Галиции¹. Об итальянских криках о помощи генерал М.В. Алексеев доложил царю, указав, что их просьбы «по своему тону близкие к требованиям», сводятся к «немедленному наступлению нашей армии»². Между тем, общий план наступления, утвержденный императором на совещании 1 (14) апреля 1916 г. предусматривал начало наступления в начале июня. По этому поводу М.В. Алексеев писал царю: «Выполнение немедленной атаки, согласно настояниям итальянской главной квартиры, неподготовленное и при не устранённой нашей бедности в снарядах тяжёлой артиллерии, производимое во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянской армии, не обещает успеха. Такое действие приведёт только к расстройству нашего плана во всём его объёме»³.

16 (29) мая итальянский король обратился с личной телеграммой к Николаю II, «прося ускорить переход в наступление армий Юго-Западного фронта»⁴. Россия не могла допустить поражение Италии по политическим и военным соображениям, так как в этом случае государства германского блока получали не только моральные дивиденды, но и могли перебросить войска с итальянского фронта под Верден. На свидании Николая II с М.В. Алексеевым, было решено провести артиллерийскую подготовку Юго-Западного фронта ранее намеченного наступления, в том случае, «если ход событий на итальянском фронте потребует этого»⁵.

В июне-сентябре 1916 г. После грандиозной победы русской армии в IV-й Галицийской битвы, получившей в истории название «Брусиловского» или

---

¹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне: (1914-1917). 1916 год. Сверхнапряжение. М.: Кучково поле, Военная Книга, 2015. С. 173.

² Доклад генерала М.В. Алексеева императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 655. Л. 2.

³ Доклад генерала М.В. Алексеева императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 655. Л. 4.

⁴ Телеграмма генерала М.В. Алексеева императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 104.

⁵ Телеграмма императора Николая II генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 103.

«Луцкого прорыва», от войск противника были очищены Буковина и часть Южной Галиции, всего территория пл. 2000 кв. км. Наступающие русские войска вновь вышли к Карпатам¹. Потери противника превышали 1,5 млн чел. убитыми и ранеными, по Невскому проспекту шли бесконечные ряды австро-венгерских пленных (св. 272 тыс.). Таких результатов не достигала ни одна наступательная операция союзников за весь ход войны.

Выдающиеся победы русского оружия в кампанию 1916 г. в Галиции и на Кавказе вызывали противоречивые чувства в столицах государств Антанты. С одной стороны, маршал Ж. Жоффр² и Дж. Бьюкенен³ спешили поздравить русское командование с выдающейся победой, с другой — победа России, с которой не могло сравниться ни одно наступление на Западном фронте, вызывала в Лондоне и Париже опасения, что роль самодержавной империи станет слишком значительной в окончательном периоде войны, что даст ей возможность играть ведущую роль на итоговой мирной конференции держав-победительниц. О таком исходе, говорили не только военно-экономические успехи России, но тяжелые людские потери второй после нее участницы союза Антанты — Франции, которая несла в процентном отношении самые тяжелые потери, которые умножались на последствия тяжелого демографического кризиса начала XX в. А. Китченер в приватной беседе с великим князем Михаилом Михайловичем с сожалением констатировал, что «у французов совсем более резервов нет»⁴. Поэтому союзники пытались всячески, насколько это было возможным, превозносить одного человека как организатора победы, а именно генерала А.А. Брусилова. Таким образом, в западном общественном мнении стремились заложить представление о «случайности» русской победы, которая произошла, благодаря талантливому

---

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 41.

² Телеграмма генерала Ж. Жоффра генералу А. А. Брусилову от 29 мая 1915 г. // ГАРФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98.

³ Телеграмма Дж. Бьюкенена генералу А. А. Брусилову от 29 мая 1915 [на франц. яз.] // ГАРФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98.

⁴ Великий князь Михаил Михайлович — императору Николаю II 15 марта 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302. Л. 51.

генералу. Поэтому почти в каждой поздравительной телеграмме союзников, выделялось имя А.А. Брусилова и умалялась заслуга всей императорской Ставки¹.

Военно-политическая помощь Румынии. В августе 1914 г. Румыния решила остаться нейтральной. С одной стороны, это был некий компромисс между германофильским королем Каролом I Гогенцоллерном-Зигмарингеном и дружественным Антанте правительством возглавляемым И. Брэтиану. Но с другой, за несколько недель до убийства в Сараево и Кароль I, и Брэтиану поддерживали сближение с Францией и Великобританией, поскольку нуждались в финансировании румынской экономики французскими и британскими банками. В 1914 г. Румыния была государством площадью 54 тыс. км² с населением 7,5 млн человек. Наличие нефти и сельскохозяйственных ресурсов делали из нее стратегически важного партнера, как для Антанты, так и для германского блока, государства которого задыхались в блокаде союзников². Главным сторонником привлечения Румынии к Антанте, был Париж. Политика набережной Орсе в отношении Юго-Восточной Европы в первые шесть месяцев Великой войны была направлена на то, чтобы заставить малые государства этого региона солидаризироваться с Антантой. Однако Румыния была союзницей Австро-Венгрии с 1883 г., и собиралась дорого продать свой нейтралитет³. Как Париж с Лондоном, так и Берлин с Венной соблазняли румынского короля, в случае его вступления на престол, возвращением Трансильвании, бывшей частью Венгерского королевства в составе Австро-Венгрии несмотря на то, что большинство населения (54-57% жителей) говорили на румынском языке. Для России присоединение Румынии к лагерю Антанты в 1914 г. тоже было выгодно, так если это произошло, связь между Берлином и Константинополем была бы прервана, а Германия лишена ценных ресурсов для своей экономики.

---

¹ Телеграмма Дж. Бьюкенена генералу А. А. Брусилову от 29 мая 1915 [на франц. яз.] // ГАРФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98.

² Leanca (G.). L'entrée de la Roumanie dans la Grande Guerre. Documents diplomatiques français (28 juillet-29 décembre 1914). Paris: L'Harmattan, 2016. P. 18.

³ Leanca (G.). Op. cit. P. 18.

Союзники начали «обхаживать» Румынию с самого начала Первой мировой войны. Париж и Лондон делали все, чтобы убедить короля румын Кароля I как можно скорее выступить на стороне Антанты против германского блока. Но И. Брэтиану ревностно следил за сохранением нейтралитета своей страны. Позиция Бухареста постоянно колебалась между Антантой и Центральными державами в зависимости от успехов тех и других. Для того, что убедить Брэтиану сменить свой курс, Париж в октябре 1914 г. начал осторожно прощупывать почву, с целью узнать не согласится ли Николай II с «незначительными территориальными исправлениями в Бессарабии» в пользу Румынского королевства?¹. Речь шла о нескольких уездах, присоединенных к России по итогам Освободительной войны², которые Бухарест считал своими. Однако союзники не встретили от царя никакого понимания. Николай II отверг эти просьбы, написав 6 (19) сентября 1914 г.: «Я против уступки Румынии хотя бы клочка русской земли»³. 27 сентября (10 октября) 1914 г. скончался румынский король Кароль I. В телеграмме соболезнования его преемнику королю Фердинанду I Николай II говорил об общих интересах двух стран и тех «уз взаимной дружбы», которые связывают его с румынским монархом⁴. 1 октября 1914 г. между Россией и Румынией был заключен договор о «доброжелательном нейтралитете», а Петербург в свою очередь, признал право Бухареста присоединить к себе Трансильванию.

13 августа 1916 г. между союзниками и Румынией была подписана военная конвенция, за которой 17 августа 1916 г. последовал союзный договор. 28 августа Румыния объявила войну Австро-Венгрии, а Германия — войну Румынии. Вслед за Берлином объявления войны последовали из Константинополя и Софии. Что касается России, то лету 1916 г. Николай II уже относился весьма сдержанно к

---

¹ А.К. Бенкендорф — С.Д. Сазонову 17 (30) октября 1914 г. // МОЭИ. Серия III: 1914-1917 гг. Т. 6. (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). Ч. 1. М.; Л: Гос. соц.-эк. изд., 1935. С. 444-445.

² МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 444.

³ Резолюция императора Николая II на депеше посла в Риме А.Н. Крупенского // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 260.

⁴ Телеграмма императора Николая II королю Фердинанду I от 27 сентября (10 октября) 1914 г. // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 385.

возможному вступлению румын в лагерь Антанты. Зная неважные боевые свойства румынской армии, царь опасался, что участие Румынии в войне лишь осложнит ситуацию на русском Юго-Западном фронте. Беседуя с А.В. Колчаком в Ставке, Николай II откровенно признал, что совершенно не сочувствует «при настоящем положении выступлению Румынии», так как боится, что «это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование; оно требует, чтобы Румыния, во что бы то ни стало, выступила»¹. Между тем сама Румыния продолжала играть с союзниками «в кошки-мышки», откровенно набивая себе политическую цену². Премьер-министр Румынии И. Брэтиану твердо заметил, что «Румыния выступит только в момент наступления держав согласия на всех фронтах»³.

Наконец, 14 (27) августа 1916 г. в Бухаресте была подписана Русско-румынская военная конвенция, согласно которой, Румыния обязалась «мобилизовав все свои сухопутные и морские силы, напасть на Австро-Венгрию не позже 15 (28) августа 1916 г.»⁴. Со своей стороны, русская армия обязалась «действовать самым энергичным образом на всем австрийском фронте с целью обеспечить вышеупомянутые румынские операции»⁵.

Как и предполагал Николай II выступление Румынии закончилось быстрой катастрофой ее как государства. Осенью 1916 г. войска генерал-фельдмаршала А. фон Макензена буквально стерли с лица земли плохо подготовленных румын. Забыв о всех своих территориальных притязаниях, король Фердинанд 8 сентября направил Николаю II отчаянную просьбу о помощи⁶. В который раз, Россия приходила союзникам на помощь. В этом случае, в Румынию был переброшен

---

¹ Допрос Колчака. С. 30.

² Полковник А.А. Татаринов — генералу М.С. Пустовойтенко [с сопроводительной запиской генерала М.В. Алексева императору Николаю II] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 793. Л. 2.

³ Полковник А.А. Татаринов — генералу М.С. Пустовойтенко. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 793. Л. 2.

⁴ Царская Россия в мировой войне. С. 226–230.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Румынский фронт / Васильев Ф.И., сост. М.: Выс. военный ред. совет, 1922. С. 83.

корпус под командованием генерала от инфантерии А.М. Зайончковского. Между тем, Макензен форсировал Дунай и 7 (20) ноября — занял Бухарест¹. Фердинанд I, его штаб и двор бежали в Россию, перед которой встала угроза вторжения немцев и австрийцев в российские южные территории. Русское командование приняло решение срочно оказать Румынии военную помощь². В декабре 1916 г. была сформирована Дунайская армия под командованием генерала В.В. Сахарова³. 12 (25) декабря 1916 г. был создан Румынский фронт под номинальным командованием короля Фердинанда, а фактически — его «помощника» генерала В.В. Сахарова.

Участие представителей правящих кругов союзников в организации государственного переворота в России: декабрь 1916 — февраль 1917 гг. В предстоящей кампании 1917 г. российское командование планировало провести два широкомасштабных наступления, повторив успех Луцкого прорыва и Эрзерумской операции на Кавказе. 24 января 1917 г. на большом совещании в Ставке Николаем II был утверждён план весенней кампании 1917 г., который предусматривал: «1. Нанесение главного удара из районов 11 и 17-й армий в Львовском направлении. 2. Развитие в то же время наступления на Румынском фронте, с целью разбить находящегося перед армиями противника и занятия Добруджи. 3. Ведение вспомогательных ударов на фронтах Западном и Северном»⁴. Полковник В.М. Пронин, служивший в 1916 г. в управлении генерал-квартирмейстера штаба царской Ставки, отмечал, что к 1917 г. «русская армия располагала огромными материальными и техническими средствами, она была ими богата как никогда»⁵. То, что в 1917 г. Четверной союз потерпит тяжелое поражение, и война закончится победой государств Антанты в ближайшие 1, 5

---

¹ Там же. С. 88.

² Телеграмма императора Николая II румынскому королю Фердинанду I // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 16.

³ Телеграмма генерала М.В. Алексева императору Николаю II [с его резолюцией] // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 168.

⁴ Мировые войны XX века. Первая мировая война. В двух томах. М.: Наука, 2002. Т.2. С. 228.

⁵ Пронин В.М., генерального штаба полковник. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930. С. 8.

года, из осведомленных людей уже не сомневался никто: ни среди союзников, ни среди противников. Генерал Э. Людендорф отмечал, что в 1917 г. «разгром четверного союза казался неизбежным»¹. Об этом же свидетельствовал, и фельдмаршал П. фон Гинденбург, который откровенно признавал: в германском верховном командовании не сомневались, что «зимой 1916–1917 гг., как и в прошлые годы, Россия успешно компенсирует потери и восстановит свои наступательные возможности»². Британский военный атташе генерал-майор А. Нокс позже констатировал: «Нет сомнений, если бы не развал национального единства в тылу, русская армия могла бы себя увенчать новой славной кампанией 1917 года»³.

Не сомневались в близкой победе Антанты и в определенных политико-финансовых кругах Великобритании, Франции и США. Победа Антанты там, безусловно, виделась, как победа России. Э.М. Хаус ещё 9 (22) августа 1914 г. отмечал: «Если победят союзники, то это главным образом будет означать господство России на Европейском континенте»⁴.

Уверенность в несомненном успехе предстоящего наступления союзников весной-летом 1917 г. и прежде всего России, присутствовала и среди представителей кадетско-либеральной оппозиции. Ведя успешную антиправительственную кампанию даже в стенах Государственной думы, крича повсюду об измене, якобы царящей в правительственных кругах, эти люди, в действительности, отчетливо осознавали, что после военной победы императорской армии их шансы на введение в России парламентаризма и отстранение царя, станут мизерными. Это понимали и определенные круги в Лондоне, и в Вашингтоне, также как и то, что единственным возможным для них

---

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 годов: в двух томах / Свечин А., ред. М.: Высш. воен. ред. совет; Госиздат, 1924: 2 т. Т. 2. С. 14.

² Hindenburg (P.). Marshal von Hindenburg. Out of my life. London, New York, Toronto and Melbourne: Cassel and company; 1920. P. 269.

³ Knox A. Sir. With the Russian army 1914-1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1-2. London, 1921. P. 233.

⁴ Архив полковника Хауза. Избранное в двух томах. М.: Астрель; АСТ, 2004. Т. 1. С. 99.

решением является необходимость поддержать либеральную российскую оппозицию в ее планах государственного переворота¹. С этой целью в первую очередь была задействована финансово-банковская система Запада, которая, по сути, была единой как в Англии, Франции, США, так и Германии, Австро-Венгрии. В самые кровопролитные периоды Первой мировой войны, деньги свободно поступали из США и Англии в Германию, и наоборот. Так, финансирование либеральной оппозиции нередко шло из США в Россию, через германские банки, что позволило потом одному из лидеров кадетской оппозиции П.Н. Милюкову открыто заявлять: «германские деньги сыграли роль в Февральской революции»². Весной 1916 г. первый секретарь русского посольства в Вашингтоне граф И.Г. Лорис-Меликов сообщал, что «никакая иностранная нация не имеет в Америке столько банков, сколько Германия. <...> Если в настоящее время они и считаются американскими, то не подлежит сомнению, что интересами своими они все еще тесно связаны с Германией»³. Российским спецслужбам, Охранному отделению и ГЖУ, было известно, что планы оппозиции по организации переворота поступают от П.Н. Милюкова напрямую английскому послу в Петрограде Дж. Бьюкенену⁴, а тот, в свою очередь информирует о них премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа⁵. Один из руководителей российского политического сыска генерал П.Г. Курлов вспоминал, «что розыскные органы ежедневно отмечали сношения лидера кадетской партии П.Н. Милюкова с английским посольством»⁶. Интересные признания мы находим в дневнике генерала М. Жанена, который возглавлял

---

¹ См. по этому поводу: Мультатули П.В. Император Николай II и заговор 1917 года. Как свергли монархию в России.

² Милюков П.Н. Почему и зачем мы воюем? (Война, её происхождение, цели и последствия). Пг.: Лештуновская Паровая Скоропечатня «Свобода», 1917. С. 48-49, 57-58.

³ И.Г. Лорис-Меликов — Б.В. Штюрмеру // Россия и США: дипломатические отношения 1900-1917 /сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. М.: МФД, 1999. С. 628.

⁴ Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 214.

⁵ Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Russica Publishers, INC. New York, 1986. С. 28.

⁶ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 123.

французскую военную миссию при императорской штаб-квартире в Могилеве. 25 марта (7 апреля) 1917 г. Жанен занес в дневник следующую информацию: Февральская революция «руководилась англичанами и конкретно лордом Мильнером и сэром Бьюкененом»¹.

По-существу, свержение императора Николая II или отстранения его от власти, в той или иной форме, было выгодно, как политическим кругам Лондона, Парижа и Вашингтона, так и Берлина. Первые надеялись этим отказаться от своих территориальных обязательств перед Россией, и на ликвидацию в ее лице опасного конкурента в будущем политическом международном устройстве мира, а вторые — видели в крушении самодержавия единственную возможность, как они надеялись, спастись от неминуемого поражения. Кроме того, по мере развития российской военной промышленности, усиливалась и материальная независимость Петрограда от западных поставок, а это делало российские власти более уверенными в переговорах с представителями союзных держав. Сильным психологическим ударом для Бьюкенена стали, сказанные ему на новогоднем приеме 1917 г., слова Николая II, что ему известно, что английский посол «принимает у себя в посольстве врагов монархии»². В том же разговоре с Бьюкененом царь дал ясно понять, что наступление вглубь Германии должно осуществляться только общими силами, и что русская армия, без содействия союзников, этого делать не будет, так как это стоило бы «слишком тяжёлых жертв»³. В Лондоне отчетливо понимали, что слова царя английскому послу были сказаны не просто так, и что после них высылку Бьюкенена из Петрограда следует ожидать в ближайшие полгода. В Лондоне и Вашингтоне начали усиленными темпами подталкивать российскую либеральную оппозицию к активизации своих действий. Объединение представителей западных

---

¹ Goulevitch (A.). *Tsarism and Revolution*. Hawthorn, Calif., 1962. P. 230.

² Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914-1917). Воспоминания, мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 449.

³ Buchanan (G.). *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923. Vol. II. P. 31.

политических кругов с лидерами либеральной оппозиции произошло под прикрытием Петроградской мирной конференции января 1917 г. Оно сопровождалось демонстративным давлением на царя со стороны представителей союзников-делегатов конференции. Для начала союзниками был сознательно понижен государственный уровень руководителей своих делегаций на конференции. Вместо запланированных первых лиц государства¹, на конференцию прибыли второстепенные представители, за исключением английского военного министра лорда А. Мильнера, который стал негласным лидером союзников на конференции². Связь Мильнера с Д. Ллойд-Джорджем была общеизвестной, и не случайно позднее бывший премьер-министр признавал, что испытывал особые надежды, что конференция «может привести к какому-нибудь соглашению, которое поможет выслать Николая и его жену из России и возложить управление страной на регента»³. Свое давление на царя А. Мильнер начал 5 (18) февраля 1917 г. во время приема в Александровском дворце Царского Села. Мильнер передал императору записку, в которой самодержцу усиленно «советовали» назначить на высшие государственные должности представителей оппозиции, «не считаясь с официальными традициями» и предоставить этому новому правительству возможность подчиняться не монарху, а Государственной думе⁴. А. Мильнер недвусмысленно дал понять, что если Николай II не согласится с этим предложением, его правительство ждут серьезные трудности с английскими поставками⁵. Давая позже интервью английской «Таймс» лордом А. Бальфур, говоря о миссии Мильнера в Петроград признал: «Монархам редко делаются более серьёзные предупреждения, чем те, которые Мильнер сделал царю»⁶. О реакции Николая II на английские

---

¹ Каптарь Д.Л. Указ. соч. С. 69.

² Halperin (V.). Lord Milner and the Empire. The Evolution of British Imperialism. London: Odhams, 1952. P. 158.

³ Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары: в 5 т. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. Т. 3. С. 359.

⁴ Записка А. Мильнера императору Николаю II [на англ. яз.] // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1 Д. 672. Л. 1.

⁵ Алексеева И.В. Миссия Мильнера // Вопросы истории. 1989, октябрь. № 10. С. 146.

⁶ Алексеева И. Миссия Мильнера. С. 146.

требования нам известно из мемуарных признаний самого А. Мильнера: «Император и императрица, хотя держались очень любезно, но совершенно отчетливо дали понять, что не потерпят никакого обсуждения российской внутренней политики»¹. Помимо «записки» Мильнера, союзники передали Николаю II т.н. «меморандум» с изложенными «советами», которые по существу являлись ультимативными требованиями: «ввести в штаб Верховного главнокомандующего союзных представителей с правом решающего голоса; обновить командный состав армии в согласовании с державами Антанты; ввести ответственное министерство»². Ознакомившись с «советами» меморандума, Николай II отверг их по всем пунктам, отказавшись их даже обсуждать.

Характерны встречи А. Мильнера, которые он провел с лидерами оппозиции в Петрограде и Москве: А.И. Гучковым, князем Г.Е. Львовым, М.В. Родзянко, П.Н. Милюковым и др. По существу, эти встречи носили характер координации действий по подготовке переворота в Петрограде. Характерно, что на встречах присутствовал английский кадровый разведчик Р.Г. Брюс Локкарт³. Отдельным и малоисследованным моментом остается встреча А. Мильнера и Р. Локкарта с бывшим министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, который к тому времени фактически был уже членом оппозиции. Думские лидеры открыто заявили А. Мильнеру и Р. Локкарту, что, если в ближайшее время император Николай II не пойдет на уступки «прогрессивным» деятелям и не введет ответственное министерство, революция неминуема⁴. При этом представляется любопытным тот факт, что князь Г.Е. Львов назвал точное время этой революции, заявив, что она произойдет в течение трех недель⁵. Уже после Февральской революции ирландский представитель палаты общин с возмущением утверждал, указывая, что «наши лидеры» послали лорда А.

---

¹ Давидсон А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и Новейшая история, 2007. № 1. С. 181-197.

² Граф Г.К. На Новике. СПб: издательство Гангут, 1997. С. 35.

³ Lockhart (R.H.B.) *British Agent*. New York and London: G. P. Putnam's sons, 1933. P. 156.

⁴ Lockhart (R.H.B.). *Op. cit.* P. 158.

⁵ Lockhart (R.H.B.). *Op. cit.* P. 158.

Мильнера «в Петроград, чтобы подготовить революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице»¹. Этот факт признавали как правые, так и левые революционные круги. Так, В.И. Ульянов (Ленин) со знанием дела писал, что «связь англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки организации заговора против Николая Романова»².

Таким образом, во внешней политики Англии и Франции, при большом влиянии США, произошли кардинальные изменения в отношении к Российской империи. Если до 1917 г. она воспринималась в политических кругах Лондона и Парижа как важный союзник, то к концу 1916 г. она превратилась для них в конкурента чуть ли не более опасного, чем Германия. Причина этой враждебности заключалась не в надуманной угрозе со стороны Николая II, якобы находящегося под влиянием Г. Распутина, в заключении сепаратного мира, и не «слабостью» русской армии, а как раз наоборот: успехами России на фронте и экономике, которые делали ее победу в войне неизбежной.

Подводя **итог** вышеизложенному, можно сделать следующие **выводы**:

1. Париж и Лондон были полностью уверены в верности Николая II своим союзническим обязательствам. Царь никогда не рассматривал возможности заключать сепаратный мир с Германией или Австро-Венгрией.
2. Франция была против полного разгрома австро-Венгрии, а потому пыталась воздействовать на Петроград с целью добиться от него сепаратного мира с Веней.
3. Возможные германские предложения в 1915-1916 гг. о сепаратном мире с Россией носили провокационный характер, или со стороны

---

¹ Цит. по: Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914 - 1917. Л.: Лениздат, 1990. С. 243.

² Ленин В.И. Письма издадека // Полн. Собр. соч. М.: Изд. Полит. лит., 1969. Т. 31. С. 15.

невлиятельных представителей некоторых монархических и военных кругов Германии, понимавших неизбежность ее поражения.

4. Австро-германская декларация о провозглашении независимости Польши от 23 октября (5 ноября) 1916 г., означавшая отторжение территории Российской империи, делала любые переговоры о заключении мира с Четверным союзом в принципе невозможными.
5. В предстоящей кампании 1917 г. российское командование планировало провести два широкомасштабных наступления, повторив успех Луцкого прорыва и Эрзерумской операции на Кавказе. Страх перед грядущей победой России испытывали политико-финансовые круги Великобритании, Франции и США. Там, были серьезно озабочены той ролью, какую Россия будет играть в послевоенном устройстве мира.
6. В 1915-1916 гг. произошла смычка между кадетско-думской либеральной оппозицией и западными правящими и финансовыми кругами. Координация совместных усилий западных кругов и российской либеральной оппозиции по организации переворота произошла во время Петроградской мирной конференции (январь-февраль 1917 г.). Главным действующим лицом западных союзников на конференции был военный министр Великобритании лорд А. Мильнер, который встретился с представителями российской либеральной оппозиции. На этих встречах присутствовал кадровый английский разведчик Р. Локкарт.
7. Таким образом, внешняя политика правительств западных союзников в отношении Императорской России к концу 1916 — началу 1917 гг. претерпела кардинальное изменение. Из союзнической она превратилась во враждебную. Причина этой враждебности была вызвана успехами России на фронте и экономике, которые делали ее грядущую победу в войне неизбежной. Это означало, что западным державам пришлось бы считаться с Россией как державой-победительницей и

выполнять взятые перед нею территориальные обязательства, что было крайне нежелательно для правительств западных держав Антанты.

Заключение

В результате исследования необходимо подвести следующие итоги:

Российская империя в период царствования императора Николая II оставалась самодержавной монархией. Природа и суть самодержавной власти императора всероссийского, несмотря на все усилия реформаторов, либеральной оппозиции и радикальной части революционеров, и после 1906 г. оставалась неизменной и, по существу, неограниченной. Император по-прежнему оставался духовным, государственным, политическим и административным главой Российской империи. Обладая всей совокупностью информации, как внешней, так и внутренней, только самодержец мог делать всесторонние выводы по проблемам международной политики, и только от него зависело окончательное решение по тем или иным ее вопросам. Так как осуществление внешней политики находилось под непосредственным контролем императора, то и вся полнота власти в области внешней политики принадлежала самодержцу. Внешняя политика Российской империи определяла ее место в мировой политике, в системе отношений «великих держав», среди которых Россия занимала одно из первых мест. Империя имела широкие интересы и в Европе, и в Азии. Влияние России на ход мировой истории проявлялось в участии ее в решении многих конфликтов того времени. В Европе, на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Дальнем Востоке Россия имела значительный авторитет.

Тем не менее, стремительно меняющаяся историческая эпоха отражалась и на русском самодержавии, которое не могло игнорировать этих изменений. В условиях стремительно развивающейся научно-технической революции, появления телефона, телеграфа и радио, качественного увеличения потока поступающей информации от послов, дипломатических представительств и департаментов МИДа, Николай II уже не мог, как его отец и дед, контролировать все вопросы внешней политики и единолично принимать по ним решения. Несмотря на то, что, внешняя политика России по-прежнему определялась и руководилась императором, он, в новых исторических условиях, был вынужден

учитывать и фактор появившихся представительных учреждений (Государственной думы и Государственного совета), и реформированных Совета министров и МИД, и заметно возросшую роль министра иностранных дел, который, продолжая напрямую подчиняться императору, получил от него разрешение брать на себя инициативу при решении второстепенных дипломатических задач. Хотя последнее слово всегда оставалось за монархом, но до его утверждения, переговоры и даже промежуточные решения, министр мог принимать самостоятельно. Иногда это имело печальные последствия. Необходимо также отметить, что во второй половине царствования императора Николая II качественно меняется профессиональная составляющая министра иностранных дел. В 1909-1917 гг. происходит фактическое усиление роли министра иностранных дел, более активное участие его в вопросах внешней политики и даже во внутривластных процессах. В период близкий к Февральской революции 1917 г. наблюдаются попытки некоторых императорских министров, в том числе и министров иностранных дел, участвовать в политической жизни в тесном сотрудничестве с оппозиционными силами Государственной думы.

На внешнюю политику Российской империи влиял целый ряд факторов, которые можно разделить на объективные и субъективные. К первым следует отнести итоги внешней политики императора Александра III, нерешенные вопросы которой создали существенные проблемы (полуизоляция России, потеря влияния на Балканах, противоречивая конвенция с Францией) при решении новых задач и проблем, вставших при его преемнике. Также к объективным факторам можно отнести влияние мирового научно-технического прогресса и развития промышленности на внешнюю политику императора Николая II в связи с курсом на индустриализацию и модернизацию России, привлечение иностранного капитала, разворот внешней политики на Восток, влияние Первой русской революции на расширение прав министра иностранных дел и участия представительских учреждений в вопросах внешней политики и др.

К субъективным факторам можно отнести степень подготовленности императора Николая II к руководству внешней политикой при вступлении на престол, степень влияния на него со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны и министров, дипломатию Николая II, которую можно разделить на династическую, тайную и личную. Уровень подготовки императора Николая II к моменту его вступления на престол был достаточно высоким, хотя практического опыта государственного управления у него было явно недостаточно, а по вопросам внешней политики не было вообще, так как Александр III не посвящал никого в эти вопросы. Однако частые обращения царя за советами к людям опытным в деле государственного управления, вполне, кстати говоря, естественные в его положении, вовсе не означали, что он всегда им следовал. Николай II с первых дней активно интересовался вопросами внешней политики и имел своё видение её целей и задач. В первое время император Николай II избегал каких-либо новаций и следовал рекомендациям министров и советам близких родственников. Период 1901—1903 гг. стал важным этапом в становлении императора Николая II как государственного деятеля. К этому времени он уже приобрёл важный опыт управления, избавился от мучительных колебаний в правильности принятия каждого решения. Время и приобретённый опыт избавили государя от влияний некоторых близких ему людей, включая вдовствующую императрицу и августейших дядёв.

Проведённый авторский исторический анализ позволяет определить 5 этапов эволюции внешней политики Российской империи в годы царствования императора Николая II. **Первый этап (1894-1904 гг.)** характеризуется признанием Россией и ведущими европейскими государствами status-quo при сохранении великодержавного статуса России. В этот период Петербургу удалось выйти из полуизоляции, в которую он попал в царствование императора Александра III и нормализовать отношения с ведущими европейскими правительствами. При этом главным стрержнем внешнеполитической доктрины Николая II стало сохранение для России мира, гарантом которого был военный союз с Францией

при сохранении дружественных отношений с Германией. Несостоявшаяся Босфорская десантная операция 1896 г. убедила российские правящие круги, что политического решения присоединения Черноморских проливов в той политической ситуации не существует. Военное решение таило в себе большие опасности. Именно это понимание окончательно склонило императора Николая II к развороту внешнеполитического курса по реализации Большой азиатской программы, в ходе которой Россия должна была получить выход к незамерзающим портам Тихого океана. Качественный рост и развитие вооружений европейских государств, постоянное увеличение их военных бюджетов, а также преступные методы ведения войны англичанами, стали причиной, побудившей Николая II предложить созыв Первой мирной конференции, которая состоялась в Гааге в 1899 г. Своей инициативой Россия хотела создать международную систему, которая смогла бы эффективно препятствовать большим войнам. Целью конференции было не столько сокращение вооружений, сколько поиск мирного разрешения международных конфликтов и выработки правовых норм ведения войны; **Второй этап (1904-1905 гг.)** характеризуется попыткой реализации «Азиатской программой» российского правительства. Прежние планы господства на Балканах и черноморских проливах, при одновременном противодействии с Австро-Венгрией, Османской империей и Великобританией были сопряжены с опасностью большой общеевропейской войны. Развитие Сибири, Дальнего Востока и активная политика в Китае и Корее, могли, по мнению Николая II, обеспечить России мирный выход к незамерзающим морям и в мировой океан. В условиях быстрого усиления в Дальневосточном и Азиатском регионах ведущих европейских держав, Россия не могла не стремиться к их опережению. Однако деятельность российской дипломатии и правительственных кругов на китайско-корейском направлении часто носила непоследовательный характер, что привело к крупным ошибкам. При этом Россия военного столкновения с Японией не желала, и главной направленностью российской дипломатии было решить вопрос с

Японией мирным путем, при сохранении своих стратегических интересов в Маньчжурии и Кореи. Русско-японская война во многом явилась следствием противодействия Японии, Англии и США продвижению России на Восток, стремлению ослабить ее как экономического конкурента. Заключение мирного договора в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г. стало убедительным успехом российской дипломатии, сумевшей минимизировать японские требования и фактически закончить войну с Японией более-менее почетным миром; **Третий этап (1905-1913 гг.)**, характеризуется изменениями внешней политики, связанные с неудачей в Русско-японской войне и революцией 1905-1907 гг. Ее можно определить как период «внешнеполитической балансировки». Она сводилась к тому, чтобы, опираясь на поддержку то Берлина, то Лондона, стремившихся привлечь Россию на свою сторону, упрочить свою внешнюю безопасность. Произошла очередная переориентация российской внешней политики: приоритетной задачей вновь стало западное направление. В связи с этим, договоренности с Лондоном позволили Петербургу не беспокоиться за свои восточные рубежи и приступить к активной политике в Европе. При этом российская дипломатия по-прежнему стремилась сохранять дружественные отношения с Германией и Австро-Венгрией. Таким образом, несмотря на тяжёлые условия, наступивших вместе с окончанием русско-японской войны, Россия сохранила свои позиции как великая держава, и не была вовлечена ни в один из антагонистских блоков, сохранив нейтральную позицию. **Четвертый этап (1913-1914 гг.)** характеризовался усилиями России по предотвращению большой европейской войны. Грубое вмешательство Германии в пользу Вены в ходе Боснийского кризиса 1908-1909 гг. и полное игнорирование Берлином российских интересов, привели к резкому ухудшению отношений с Германией и Австро-Венгрией, твёрдо вставших на путь военной эскалации. Петербург предпринимал безуспешные попытки договориться с Берлином о сфере влияний, воздействии на Австро-Венгрию с целью прекращения ее экспансии на Балканах. Дипломатия разграничения сфер влияний принесла свои плоды с Англией,

конфронтация с которой сменилась дружественными отношениями, при которых возможно было обсуждение и решение спорных вопросов. Такой же договорённости Николай II хотел достичь и с Германией. Однако Берлин принял окончательное решение развязать европейскую войну. В начале 1914 г. перед лицом германской агрессии, Николай II отказался от внеблокового статуса России и предложил создать «Тройственную Антанту»: военный союз России, Франции и Англии. Однако Париж и Лондон отказались от этого предложения. В разгар июльского кризиса 1914 г. Николай II и русская дипломатия предпринимали все усилия, чтобы предотвратить войну. Петербург выражал готовность к поискам самых больших компромиссов с Берлином и Веной, при одновременной решимости отстаивать всеми средствами суверенитет и независимость России и Сербии. Таким образом, вина за развязывание Первой мировой войны полностью лежит на кайзеровской Германии и Австро-Венгрии. **Пятый этап (1914-1917 гг.)** относится к внешней политике России периода Первой мировой войны. Начавшаяся для России 1 августа 1914 г. Первая мировая война, была провозглашена верховной властью Отечественной. Царь и Государственная дума объявили «священное единение» власти и народа в войне против внешнего врага. Франция, Англия и Россия 23 августа (5 сентября) 1914 г. подписали трёхстороннее соглашение, в котором взаимно обязались не заключать сепаратного мира с Германией и ее союзниками (образование Трёхсторонней Антанты). Распространённое мнение, что, вступая в Первую мировую войну, Россия ставила своей первоочередной задачей захват Черноморских проливов, является сильным преувеличением. В августе 1914 г. Петербург прилагал немало усилий, для того чтобы не допустить вступления Константинополя в войну. Взамен этого, Петербург гарантировал полную территориальную неприкосновенность Османской империи, а значит, вопрос о проливах и Константинополе осенью 1914 г. не стоял. Попытки российской дипломатии привлечь на сторону Антанты Османскую империю (в 1914) и Болгарию (в 1915), или хотя бы добиться их нейтрального статуса, не увенчались успехом. В ходе

переговоров 1914-1916 гг. между Николаем II и российским МИД с правительствами союзных держав Англии и Франции, удалось договориться о значительных важнейших с точки зрения геополитики территориальных приобретениях России после победы в войне. Совокупность исторических источников убедительно свидетельствует, что никто из высшего руководства Российской империи в годы Первой мировой войны не помышлял о сепаратном мире с противником. Внешняя политика правительств западных союзников в отношении Российской империи к концу 1916 — началу 1917 гг. претерпела кардинальное изменение – из союзнической превратилась в конкурирующую, что было обусловлено успехами России на фронте и, соответственно, большой вероятностью ее победы в войне. Это означало, что западным державам пришлось бы считаться с Россией как державой-победительницей и выполнять взятые перед нею территориальные обязательства, чего правительства держав Антанты делать не хотели. В этом контексте западные спецслужбы определенным образом способствовали Февральским событиям 1917 года. **Основным критерием** периодизации является приоритетность региональных направлений внешней политики Российской империи в царствование императора Николая II.

В период царствования Николая II была осуществлена неудавшаяся попытка переключения главных внешнеполитических интересов на Восток, выхода к незамерзающим южным морям в рамках «Большой Азиатской программы» и возврат к европейскому направлению внешней политики государства. Вступив на престол, Николай II отказался от прежней политической ориентации на Запад как приоритетной. Планы господства на Балканах и захват черноморских проливов грозил России большой войной с Западом, чего Николай II категорически не хотел. В таких условиях произошел поворот российской внешней политики на Восток («Большая азиатская программа»), утверждение российского влияния в Китае, Корее, установление контактов с Тибетом. Однако это продвижение России на Восток вызвало резкое противодействие со стороны Японии,

Великобритании и США, рассматривавших Российскую империю как опасного конкурента.

В конце XIX в. — начале XX вв. Россия боролась с попытками захватов некоторыми европейскими державами (Англии, Франции, Италии) уже существующих суверенных государств Африки и Азии (Абиссинии, Южно-африканских республик, Сиам). При этом императорское правительство боролось не с колониализмом как системой и не за развал уже сложившихся колониальных империй. Россия никогда не была «колониальной державой» в общепринятом смысле и тем качественно отличалась от западноевропейских империй. Российская территориальная экспансия носила главным образом стратегический характер, диктовалась потребностями военной и государственной безопасности, а также религиозным фактором (в случае с Эфиопией). Российская дипломатия, прежде всего династическая дипломатия императора Николая II, сыграли решающую роль в отстаивании независимости королевства Сиам (Таиланд) от его колонизации со стороны Великобритании и Франции.

Совокупность фактов, предшествовавших Русско-японской войне, убедительно свидетельствуют, что Россия военного столкновения с Японией не желала, хотя и готовилась к возможному противостоянию. При этом российская дипломатия в период предшествующей Русско-японской войне допустила ряд крупных просчетов в маньчжурском вопросе, дав возможность Японии оправдывать свое стремление к войне. Только к 1904 г. Петербург смог выработать свою четкую внешнеполитическую линию в отношении с Токио. Россия не хотела войны с Японией, предпринимала большие усилия по ее недопущению, но при этом четко отстаивала свои права в Маньчжурии и Ляодунском полуострове, где она смогла утвердиться в незамерзающих портах.

Англия и США активно содействовали росту могущества Японии, рассчитывая, что она станет главным соперником России на Дальнем Востоке. В 1894 г. Великобритания и США подписали с Японией равноправные торговые договоры, которые позволяли Токио начать активную политику в регионе. 17 (30)

января 1902 г. между Японией и Англией был заключён военный союз, направленный против России. В давление на Петербург включился и Вашингтон. Одновременно Токио был обеспечен английской и американской финансовой поддержкой, поставками вооружения и получал возможность строить на британских верфях боевые корабли.

Воспользовавшись сложным положением России в октябре 1904 г., Вильгельм II стремился втянуть её в фарватер своей политики, разорвав тем самым франко-русский союз. Во время Гульевского инцидента, когда Англия стала открыто готовиться к войне против России, Вильгельм II предложил Николаю II создать «мощную комбинацию трёх наиболее сильных континентальных держав» России, Германии и Франции, на которых англо-японский союз не посмеет напасть. Царь ответил согласием. Николай II, начиная дипломатическую игру с кайзером Вильгельмом II в 1904-1905 гг., преследовал цели предотвратить вступление Англии в войну против России; заставить Францию, под угрозой объединения с Германией и совместной с ней войны с Англией, оказать давление на Лондон; втянуть Германию в активную антианглийскую деятельность и не допустить возможность англо-германского союза против России. Весть о готовящемся русско-германском союзном договоре не на шутку встревожила французские правящие круги. В случае присоединения к русско-германскому договору, Франция была бы вынуждена фактически отказаться от статуса великой державы. Отклонить этот договор и продолжать занимать прежнюю позицию по отношению к Петербургу, означало бы пойти на разрыв с ним, допустив русско-германское объединение, и тем самым поставив себя в крайне опасное положение. Поэтому французские правящие круги сразу начали оказывать ощутимое давление на английское правительство, угрожая ему изъятием из лондонских банков значительных французских капиталов, что вызвало бы катастрофу в Сити, учитывая, что долг Великобритании Франции на тот период составлял около 1,5 млрд франков. Поэтому Лондон поспешил согласиться на русское предложение передать Гульевский конфликт на разрешение

международной конвенции и отказался от всяких попыток задержать русскую эскадру З.П. Рожественского. Бьоркский мир 1905 г. позволил России добиться от Германии и США активного давления на Японию с целью заставить ее пойти на мирные переговоры с Россией.

В результате неудачи в Русско-японской войне и последствий Первой русской революции, международный престиж Российской империи оказался сильно подорван, а наступивший одновременно с революцией финансовый кризис серьезно ударил по ее международным экономическим отношениям. Россия утратила возможность вести активную политику одновременно в Европе, Центральной Азии, а также на Ближнем и Дальнем Востоке. В связи с этим Петербург был вынужден временно отказаться от приоритетности восточного направления и переключил свою внешнюю политику на Запад, предпринимая большие усилия, чтобы не оказаться в блоке с Англией или Германией в подчинённом им положении. Внутренний кризис вызвал падение курса российских государственных облигаций, вынудив правительство выплачивать по ним высокие проценты. В ходе революции 1905-1907 гг. российские облигации, обращавшиеся в Западной Европе, существенно упали в цене. Появилась реальная угроза краха русской денежной системы золотого обращения рубля. Ослабление России привело к резкому усилению позиций Германии на международной арене. Английские и французские правящие круги опасались, что Петербург перешёл в подчинение Берлину и не способен вести самостоятельную политику. В связи с этим России было весьма важно продемонстрировать на Альхесирасской конференции, что она по-прежнему является великой державой. Поддержка Франции давала России финансы, укрепляла франко-русский союз, давала возможность налаживания диалога с Англией, значительно поддерживала её пошатнувшийся международный престиж. Внешняя политика России после русско-японской войны и до 1914 г. является политикой «балансировки», с целью не допустить втянуть в себя в один из противостоящих блоков: Лондона и Берлина, каждый из которых стремились привлечь Россию на свою сторону, так

как она по-прежнему обладала самой многочисленной армией в мире. Петербург, опираясь на поддержку то Берлина, то Лондона, пытался упрочить свою внешнюю безопасность.

В октябре 1909 г. российская дипломатия достигла важного успеха во время переговоров Николая II с королем Виктором Эммануилом III и А.П. Извольского с Т. Титтони в итальянском замке Раккониджи (недалеко от Пьемонта). В результате договоренностей, был подписан секретный итало-русский союз, направленный против Турции и Австро-Венгрии, при том, что Италия оставалась членом Тройственного союза. Обе страны обещали «благожелательно относиться» к интересам друг друга. В достигнутом секретном соглашении обе стороны обязались сохранять status-quo на Балканах и обеспечивать независимое существование малых стран региона. Стороны обязались также не заключать новых соглашений по делам европейского Востока без привлечения к этому друг друга. Т. Титтони обещал А.П. Извольскому благожелательное отношение своего правительства к русским интересам в вопросе о Проливах в обмен на аналогичное обязательство по отношению к итальянским интересам в Триполи и Киренаике.

В 1909 г. в России начался новый экономический подъём, интенсивность которого не только не уступала, но во многом превосходила подъём 1890-х гг. Дальнейшее успешное развитие русской промышленности могло происходить только в условиях мира. Российская дипломатия во главе с Николаем II предпринимала серьезные усилия по недопущению участия России в европейской войне, используя политику заключения межгосударственных договоров о разделе сфер влияний. Николай II не оставлял надежду договориться с Вильгельмом II, убедив его отказаться от поддержки австро-венгерской экспансии на Балканах. Берлин увязывал эту договорённость с официальным вступлением России в германо-австрийский блок, что для Петербурга было невыгодно. Николай II не оставлял надежду договориться с Вильгельмом II, убедив его отказаться от поддержки австро-венгерской экспансии на Балканах. Берлин увязывал эту договорённость с официальным вступлением России в германо-австрийский

блок, что для Петербурга было невыгодно. Стремление России избежать или хотя бы отсрочить европейскую войну было обусловлено стремлением Петербурга завершить к 1917 году «Большую программу» перевооружения армии и флота, с другой стороны, с боями политики «балансировки», угрожавшей дипломатическими «отступлениями». В конце 1913 г. Вильгельм II уже не считал нужным скрывать свою подготовку войны с Россией.

Нежелание Берлина искать мирных компромиссов с Россией, подготовка его к войне с ней, рост экспансии Австро-Венгрии на Балканах, рост числа опасных политических кризисов, грозящих вовлечением в них России (китайско-монгольский (1911-1912), Агадирский кризис (1912), кризис вокруг миссии Сандерса (1913), заставлял российское правительство отказаться от политики балансировки и стремиться к созданию военного союза с Францией и Англией, который он охарактеризовал как «Тройственная Антанта». Эту же мысль поддерживал и С.Д. Сазонов, который был уверен, что как только официально будет провозглашено создание англо-франко-русского союза, «опасность германской гегемонии будет окончательно устранена». Именно поэтому в Петербурге стремились как можно скорее заключить с Лондоном военную морскую конвенцию. Однако стремление Петербурга в преддверии Первой мировой войны создать единый военный блок с Францией и Великобританией не получило поддержки не Парижа, ни Лондона. Николай II заявил, что в этом случае само существование согласия между Петербургом, Парижем и Лондоном становится сомнительным. Летом 1914 г. начались переговоры по заключению англо-русской морской конвенции. Однако и здесь выявилось нежелание английской стороны ввязываться в военные обязательства перед Россией. Так, англичане отклонили русское предложение о вводе британского флота в Балтийское море при возникновении военной угрозы, а русского флота — в Средиземное. Таким образом, накануне Первой мировой войны союз между Россией, Францией и Великобританией так и не сложился. Петербург не оставлял надежд и по укреплению влияния России на Балканах, стремясь создать там

твёрдую преграду Австро-Венгрии. Этим были вызваны российско-румынские переговоры в мае-июне 1914 г. С.Д. Сазонов, который провел многочасовые переговоры в беседах с румынскими политиками, главным образом с премьер-министром И. Брэтиану, сделал следующий вывод: «Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей, и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды».

В конце XIX в. в германских радикал-националистических кругах складывается образ «Серединной Европы» (Mitteleuropa), то есть Европы, объединенной вокруг Германии и во главе с ней. Имеющиеся карты «Серединной Европы» предусматривали создание большого «королевства» Украина, прибалтийских государств и Финляндии под протекторатом Германии. В планы второго рейха входило расчленение Российской империи. 13 августа 1913 г. Вильгельм II подписал секретную инструкцию Министерству иностранных дел о подготовке к глобальной войне. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, совершенное 15 (28) июня 1914 г. в Сараево боснийским террористом Г. Принципом явилось заключительным этапом по развязыванию агрессии в отношении Сербии и России со стороны Австро-Венгрии и Германии. 7 (20) июля 1914 г. в Санкт-Петербург прибыл президент Французской республики Р. Пуанкаре. Встреча продемонстрировала миру крепость русско-французского союза, но в тостах царя и президента делался особый упор на его мирный характер. Несмотря на то, что летом 1914 г. Россия была обеспечена военным союзом с Францией и дружественными отношениями с Великобританией, вероятность для неё войны с германскими империями один на один была довольно велика. В первые дни кризиса Э. Грей поспешил заверить германское руководство, что Англия предпримет всё возможное, чтобы умиротворяюще повлиять на Францию и на Россию. 11 (24) июля на встрече в Петербурге с С.Д. Сазоновым и М. Палеологом английский посол Дж. Бьюкенен фактически признал, что его правительство, по всей видимости, останется в этом конфликте нейтральным. Однако вступление в войну Франции, с которой у Лондона были

союзнические обязательства, вынудили Великобританию также вступить в войну на стороне Русско-французского блока. Младотурецкий режим под воздействием Берлина, несмотря на все усилия Петербурга не допустить этого, втянул Османскую империю в войну с Россией осенью 1914 г. Таким образом, у России обозначались важные геополитические цели в войне: черноморские проливы и Константинополь.

В ходе переговоров 1914-1916 гг., проведенных между Николаем II, российским МИД, представителями дипломатических миссий за рубежом с правительствами союзных держав Англии и Франции, удалось договориться о значительных важнейших с точки зрения геополитики территориальных приобретениях России после победы в войне. Переговоры между императором Николаем II и правительствами Англии и Франции о послевоенном территориальном и политическом переделе Европы начались с самого начала войны. Союзниками за Россией признавались Восточная Пруссия, Галиция, часть Восточной Силезии. 14 (27) марта Дж. Бьюкенен вручил С.Д. Сазонову меморандум, составленный им на основании инструкций из Лондона. В нём подтверждалось согласие английского правительства на присоединение к России проливов, Константинополя и указанных территорий при условии, что война будет доведена до победного конца, а Великобритания и Франция осуществят свои пожелания за счет Османской империи. На апрель 1917 г. было намечено официальное извещение союзных держав об уступке России Константинополя, проливов и побережья. После выдающихся побед русской армии на Кавказском фронте, взятия Эрзерума и Трапезунда, между Россией, Англией и Францией весной 1916 г. было достигнуто соглашение о разделе Азиатской Турции. В обмен на признание Россией создания независимого арабского государства под эгидой Лондона и Парижа, последние признали за ней область Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса, Западный Курдистан. В феврале/марте 1917 г., когда в Петрограде уже шли беспорядки, правительство Французской республики, официально признало за Россией «полную свободу в определении её западных границ». 19

января (1 февраля) по 8 (21) февраля 1917 г. в Петрограде состоялась Союзническая конференция. Со стороны российского правительства ключевой составляющей на переговорах было обсуждение геополитическим изменениям после победы над германским блоком, в которой уже никто не сомневался. Вопросы зарубежных военных поставок и финансово-экономические проблемы были второстепенными.

Внешняя политика правительств западных союзников в отношении Российской империи к концу 1916 — началу 1917 гг. претерпела кардинальное изменение – из союзнической она превратилась в конкурирующую, что было обусловлено успехами России на фронте в кампанию 1916 г. и, соответственно, большой вероятностью ее победы в войне. Это означало, что западным державам пришлось бы считаться с Россией как державой-победительницей и выполнять взятые перед нею территориальные обязательства, чего правительства держав Антанты делать не хотели. В этом контексте западные спецслужбы определенным образом способствовали Февральским событиям 1917 года.

В политическом смысле царствование императора Николая II закончилось социальной катастрофой, а значит, катастрофой обернулась и его внешнеполитическая деятельность. Но именно в последнее царствование Российская империя была первой и долгое время единственной державой, которая выдвигала конкретные инициативы по созданию механизмов недопущения войн, утверждения правил их ведения, ограничению вооружений. Следует отметить, что и СССР в своей внешней политике, начиная с конца 30-х гг. и до 1991 г. стремился придерживаться политики мира и компромисса. Антиколониальная, антивоенная риторика Советского Союза, его постоянные призывы к разоружению, стремление к сохранению мирового статус-кво, во многом являлись продолжением инициатив Российской империи. Безусловно, что и современный внешнеполитический курс Российской Федерации, в основе которого лежит идея многополярного мира, нравственные прерогативы, поиски компромиссов и договоренностей, корнями уходит в историю

внешнеполитических инициатив российских императоров в вопросах мира без войн.

Список источников и литературы.

1. Источники

1.1. Неопубликованные архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ; Москва)

1. ГАРФ. Ф. 102 (Особый отдел Департамента полиции (ДП ОО). Оп. 1905. Д. 12(1).
2. ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1905. Д. 12(2).
3. ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1908. Д. 14.
4. ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО 1914. Д. 343.
5. ГАРФ. Ф. 568 (В.Н. Ламздорф). Оп. 1. Д. 37.
6. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39.
7. ГАРФ. Ф. 568 Оп.1. Д. 40.
8. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41.
9. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42.
10. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 44.
11. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45.
12. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 46.
13. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 47.
14. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 58.
15. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 68.
16. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 74.
17. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82.
18. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83.
19. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 84.
20. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 137.

- 21.ГАРФ Ф. 568 Оп. 1. Д. 156.
- 22.ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 160.
- 23.ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 170.
- 24.ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 171.
- 25.ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661.
- 26.ГАРФ. Ф. 559 (А.П. Извольский). Оп. 1. Д. 6.
- 27.ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 55.
- 28.ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65.
- 29.ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 67.
- 30.ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85.
- 31.ГАРФ. Ф. 601 (император Николай II). Оп. 1. Д. 117.
- 32.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137.
- 33.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 440.
- 34.ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 514.
- 35.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522.
- 36.ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 551.
- 37.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 619.
- 38.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 620.
- 39.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 652.
- 40.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 655.
- 41.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1 Д. 672.
- 42.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 692.
- 43.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700.
- 44.ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д. 710.
- 45.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 716.
- 46.ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 735.
- 47.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 741.
- 48.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1).
- 49.ГАРФ. Ф. 601. Д. 746(2).

- 50.ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755.
51.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 720.
52.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750.
53.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 771.
54.ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 783.
55.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 784.
56.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 793.
57.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 797.
58.ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1026.
59.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111.
60.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1170.
61.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1194.
62.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1198.
63.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1221.
64.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1127.
65.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1270.
66.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302.
67.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1375.
68.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1283.
69.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302.
70.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1323.
71.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1349.
72.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1388.
73.ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109.
74.ГАРФ. Ф. 627 (Б.В. Штюмер). Оп. 1. Д. 42.
75.ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148.
76.ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 47.
77.ГАРФ. Ф. 642 (императрица Мария Федоровна). Оп. 1. Д. 2320.
78. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2324.

- 79.ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328.
80.ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2329.
81.ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. Л. 2330.
82.ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330-а.
83.ГАРФ. Ф. 645 (великий князь Александр Михайлович). Оп. 1. Д. 102.
84.ГАРФ. Ф. 648 (великий князь Сергей Александрович). Оп.1. Д. 70.
85.ГАРФ. Ф. 660 (великий князь Константин Константинович). Оп. 1. Д. 41.
86.ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43.
87.ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 48.
88.ГАРФ. Ф. 675 (великий князь Георгий Александрович). Оп. 1. Д. 56.
89.ГАРФ. Ф. 677 (император Александр III). Оп. 1. Д. 473.
90.ГАРФ. Ф.677. Оп. 1. Д. 919 (3).
91.ГАРФ. Ф.677. Оп. 1. Д. 919 (4).
92.ГАРФ. Ф. 1467 (ЧСК). Оп. 1. Д. 231 (1).
93.ГАРФ. Ф. 7332 (П.И. Аверьянов). Оп. 1. Д. 9.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ; Москва)

- 94.АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 470. 1906. Д. 9.
95.АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1896 г. Д. 169.
96.АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1906. Д. 97.
97.АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1906. Д. 35.
98.АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 98.
99.АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908. Д. 203.
100. АВПРИ. Ф. 133.Оп. 470. 1908. Д. 204.
101. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910. Д. 204.
102. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 207.
103. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 207.
104. АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД, Оп. 475. 1903. Оп. 475. Д. 131.

105. АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 275/276.
106. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 259/260.
107. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 459/478.
108. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 712/771.
109. АВПРИ. Ф. 139. 2-я газетная экспедиция канцелярия МИД. Оп. 467. Д. 482.
110. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 62.
111. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1454.
112. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1488.
113. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1519.
114. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. 1898 г. Д. 6.
115. АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 8.
116. АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 188.
117. АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 189.
118. АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 142.
119. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 137.
120. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 142.
121. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 146.
122. АВПРИ. Ф. 151. 1907. Оп. 482. Д. 157.
123. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1903 г. Д. 496.
124. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4709.
125. АВПРИ. Ф. 151. 1907. Оп. 482. Д. 568.
126. АВПРИ. Ф. 151. 1907. Оп. 482. Д. 2013.
127. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2122.
128. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2255.
129. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 4709.
130. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1915.
131. АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2021.
132. АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1324.

133. АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Т. 27. Д. 2439.
134. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2507.
135. АВПРИ. Ф. 191. Миссия в Сеуле. Оп. 768. Д. 6.
136. АВПРИ. Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527/1. 1905. Д. 10.
137. АВПРИ. Ф. 340 Коллекция документальных материалов чиновников МИД. Оп. 787. Д. 5.
138. АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43.
139. АВПРИ. Ф. 366. Миссия в Белграде. Оп. 508/11. Д. 52.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА; Москва)

140. РГВИА. Ф. 165. (генерал А.Н. Куропаткин). Оп. 1. Д. 3564.
141. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3587.
142. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4945.
143. РГВИА. Ф. 440. (Франция). Оп.1. Д. 209.
144. РГВИА. Ф. 448. (Корея). Оп.1. Д. 8.
145. РГВИА. Ф. 1343. (Штаб Петроградского в.о. на театре военных действий). Оп. 8. Д. 33.
146. РГВИА. Ф. 15304. (Управление русского военного агента во Франции). Оп. 8. Д. 28.
147. РГВИА. Ф. 2000. (Главное управление Генерального штаба). Оп. 1. Д. 86.
148. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 564.
149. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 674.
150. РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912.
151. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1079.
152. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7255.
153. РГВИА. Ф. 2003. (Штаб Верховного Главнокомандующего (Ставка), г. Могилев). Оп. 1. Д. 1735.

- 154. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826.
- 155. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834.

Российский государственный исторический архив (РГИА; Санкт-Петербург)

- 156. РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 28. Д.: 213.
- 157. РГИА. (Комитет финансов). Ф. 563. Оп. 2. Д. 406.
- 158. РГИА. Ф. 1276. (Совет министров). Оп. 1. Д. 85.
- 159. РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции); Оп. 528. Д. 230.
- 160. РГИА. Ф. 1622. (Витте С.Ю.). Оп. 1. Д. 718.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ; Санкт-Петербург)

- 161. РГА ВМФ. Ф. 18 (Законодательный совет морского ведомства г. Петроград 1917-1918); Оп. 1. Д.: 225, 274.
- 162. РГА ВМФ. Ф. 417. (Главный Морской штаб. Петроград). Оп. 1. Д. 1710.
- 163. РГА ВМФ. 418. (Морской Генеральный штаб); Оп. 2. Д.: 273.
- 164. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп.2. Д. 274.
- 165. РГА ВМФ. Ф. 701. (И.К. Григорович). Оп.1. Д. 5.

Ministère des Affaires étrangères (МАЕ. Paris) (Архив министерства иностранных дел. Франция. Париж)

- 166. NS Russie. Alliance Franco-russe 1892-1904. Vol. 35. 1901
Correspondance politique et commerciale.
- 167. МАЕ. Papiers Delcassé. Fonds PA, 211. Vol. XI. F. 55.
- 168. МАЕ. Papiers Hanotaux. Fonds PA, 189. Vol. 77-88.

169. MAE. Maurice Paléologue. Fonds PA 133. Correspondance politique. 1900-1937. 1915.. Vol. 7, 8.

Centre des Archives diplomatiques de Nantes (Центр дипломатических архивов. Нант)

171. Fond 440. Ambassade de France en Russie. 1842-1919. 1917. Dossiers 28-29.

Archives Nationales (AN ; Paris) (Национальный архив, Париж):

170. AN. Fond Félix Faure. 460 AP 3 (suite),
171. AN. Fond Félix Faure. AP 8, AP 14.
172. AN. Fonds Emile Loubet. AP 473/7.
173. AN. Fonds Combarieu AP 410/1.
174. AN. Dossier 5 Russie (1894-1896). 473 AP 1/12.

Service Historique de la Défense (SHD). (Историческая служба обороны Венсен. Франция)

175. SHD. 7 (Etat-major de l'armée. 1872-1940). Fonds Poincaré 6 1-2.
176. SHD. 1K 666. Procès-verbal de la rencontre des deux chefs d'état-major le 19 juin/2 juillet 1900.
177. SHD. 7 №1937.
178. SHD. 7 № 1219-1223.

1.2. Опубликованные источники на русском языке

179. Англо-бурская война в донесениях русского военного агента // Красный архив. Исторический журнал / Рабинович М., Шляпников Н., пред. Т. 6 (103). М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1940.

180. Англо-русское соперничество в Персии 1890-1906 гг. Журнал Особого совещания по персидским делам 7 августа 1906 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1933. Т. 1 (68). С. 130-159.
181. Архив полковника Хауза. Избранное: в 2 т. М.: Астрель; АСТ, 2004.
182. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. Издание министерства иностранных дел. [Сб. дип. док.]. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1886. № 3.
183. Басханов М.К.; Колесников А.А. Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении. Документы, материалы, комментарии. Тула: Гриф и К, 2014.
184. Берти, лорд. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914–1919). М.; Л.: Госиздат, 1927.
185. Боксерское восстание // Красный Архив. Исторический журнал. М.; Л.: Госиздат, 1926. № 1 (14).
186. Вильгельм II о занятии царской России Порт-Артура / Телешева Л., пред.] // Красный архив. Исторический журнал. № 3 (58) М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. С. 150-154.
187. Восточно-Прусская операция. Сб. документов. - М.: Государственное военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1939.
188. Государственная дума. Стенографические отчеты. Приложения. IV созыв. Сессия первая. 1912-1913. Раздел «Заявления». Выпуск второй. № 212; № 213. СПб: Гос. Тип., 1913.
189. Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Заседание 26 июля 1914 г. СПб: Гос. тип., 1914.
190. Государственный совет. Стенографические отчеты. Приложения. Сессия III. 1907-1908. СПб: Гос. Тип., 1909.
191. Граф В.В. Муравьев-Амурский — императору Николаю II 14/27 сентября 1900 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах

- XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. Т. IX. С. 410–411.
192. Дипломатическая переписка. Реформы в Македонии 1902 - 1903 гг. СПб, 1906. Т. 2. С. 20-30.
193. Дневник А.А. Половцева // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3-4. М; Пг: Госиздат, 1923.
194. Дневник А.Н. Куропаткина / Покровский М.Н., пред. Нижполиграф, 1923.
195. Дневник В.Н. Ламздорфа (1886-1990). М.; Л: Гос. изд-во, 1926.
196. Дневники императора Николая II. 1894-1918: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2011-2013.
197. Доклады б. министра иностранных дел С.Д. Сазонова Николаю Романову. 1910-1912 гг. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3. М; Пг: Госиздат, 1923. С. 5-28.
198. Допрос Колчака / Попов К.А., ред., пред. Л.: Ленгиз, 1925.
199. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1913. *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1913*. СПб: Тип. Тренке и Фюсно, 1913.
200. Записка А.И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов / Хвостов В., пред. // Красный архив. Исторический архив. Т. 3 (46). М.; Л.: Госиздат, 1931. С. 179-187.
201. Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. / Ф.Р., пред. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (87). М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938. С. 19-63.
202. Из дневника А.В. Романова за 1916–1917 гг. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 1 (26). М; Л.: Госиздат, 1928. С. 185-210.
203. Из истории русско-тайландских отношений (конец XIX - начало XX века) // Исторический архив, 1957. № 6.
204. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.

205. Император Николай II — С.Д. Сазонову 14 (27) июля 1914 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах. М: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994.
206. Карьера П.И. Рачковского: Документы. // Былое. 1918. № 2 (30). С. 78–87.
207. К вопросу о подготовке мировой войны. (Из документов русской военно-политической разведки 1913-1914 гг.) / Адамов, Е., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3 (64.) М: Гос. соц.-эк. изд., 1934. С. 85-
208. К истории первой Гаагской конференции 1899 г. / Телешева Л., пред. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 1-2 (50-51). М.: Партийное изд-во, 1932.
209. К истории Потсдамского соглашения 1911 г. / Ерусалимский А., пред. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (58). М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. С. 46-57.
210. К переговорам Коковцова о займе в 1905-1906 гг. / Романов Б., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3(10). М; Л: Госиздат, 1925. С. 3-35.
211. Ключников Ю.В.; проф., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Литиздат НКВД, 1926. Ч. II. № 26.
212. Конец русско-японской войны / Романов Б., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3(28). М: Госиздат, 1928. С. 182-204.
213. Кудрина Ю. Императрица Мария Федоровна (1847–1928 гг.). Дневники, письма, воспоминания. М.: Олма-Пресс, 2000. 482 с.
214. Ламздорф В.Н. Дневник, 1894-1896 / Бовыкин В.И. общ. ред. и пред.; Дьяконова И.А. перевод с фр., нем. и англ., введ., состав. и комм. М.: Международные отношения, 1991.
215. Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX - начало XX века) // Проблемы востоковедения, 1960. № 1.

216. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. Сб. секретных дипломатических документов бывшего императорского Российского министерства иностранных дел. М.: Изд-во Нар. Ком-та по ин. делам, 1922.
217. Международные отношения 1870-1918: Сб. документов / Хвостов В.М., ред.; Королев А.Г., Фрейфельд О.Н., сост. М.: Военно-полит. акад. Красной Армии, 1940.
218. Международные отношения на Дальнем Востоке. С конца XVI в. до 1917 г.: в двух книгах / Жуков Е.М. отв. ред. Кн. 1. АН СССР. М.: Изд-во «Мысль», 1973.
219. Международные отношения эпохи империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Сер. 2. 1900-1913. М.; Л.: ГИПЛ, 1938. Т.: 3, 19 (Ч. 1), 20 (Ч. 2.).
220. Международные отношения эпохи империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Сер. 3. М.: Гос. соц.-экон. из-во, 1931-1938. Т.: 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 10.
221. Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002.
222. Накануне русско-японской войны [Ерухимович И., пред.] // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). М: Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. С. 3-54.
223. Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. Сборник документов ЦГВИА / Семин М.М., Назаров А.Н., Шляпников Н.П., Малышев А.П., сост. М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1940.
224. Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб: Пушкинский фонд, 1994. Серия: «Государственные деятели России глазами современников».
225. Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. С. 124-126.

226. Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. [Телешева Л., пред.] // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5-6 (54-55). М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1932. С. 49-79.
227. Об именовании впредь г. Санкт-Петербурга — Петроградом // Собрание Указаний и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 234. Отд. первый. 19 августа 1914 г.
228. Отражение событий 1905 г. за границей / Залкинд С., пред. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 2 (9). М.: Госиздат, 1925. С. 31-55.
229. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888-1903) / Попов А.Л., пред. Красный Архив. Исторический журнал. Т. 3 (52). М.; Л.: Партийное изд-во, 1932. С. 34-124.
230. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878-1918. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007. 639 с.
231. Переписка Вильгельма II с Николаем II: 1894-1914 гг. / Покровский М.Н., пред. Центрархив. М; Пг: Государственное издательство, 1923. 198 с.
232. Политическая история XX века. Сб. документов и материалов. Вып. 1. М.: МПИ, 1991. 208 с.
233. Полное собрание законов Российской Империи. 1894. Собр. третье. Т. XIV. СПб: Гос. тип., 1898.
234. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье. 1905. Т. XXV Отд. 1. СПб: Гос. типография, 1908.
235. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XVII. 1897. СПб: Гос. тип., 1900.
236. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XXIV. 1904 г. Отд. 1. СПб: Гос. тип., 1907.
237. Полное собрание речей Императора Николая II. 1894-1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника». СПб: Книгоиздательство «Друг Народа», 1906.

238. Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.; Л.: Госиздат, 1931. № 4-5 (47-48).
239. Россия и Алжезирасская конференция // Красный Архив. Исторический журнал. М; Л.: Госиздат, 1930. Т. 4-5 (41-42).
240. Россия и Африка. Документы и материалы: в 2 т. XVIII в. — 1960 г. / Давидсон А.Б., отв. Ред. Т. 1: XVIII в. — 1917. М.: ИВИ РАН, 1999.
241. Россия и Сиам 1863-1917: Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1997.
242. Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов 1900-1914. / Белов Е. А. отв. ред. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005.
243. Русско-германские отношения. Секретные документы [Покровский М.Н., пред.] // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 1. М.: Центральный архив РСФСР, 1922.
244. Русско-германский договор 1905 года, заключенный в Бьёрке // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 5(24). М.: Госиздат, 1924. С. 5-49.
245. Русско-японская война 1904-1905 гг. Действия флота. Документы. От. 1. Кн. 2. Занятие Порт-Артура и Квантунской области. СПб: Издание исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904-1905 гг., 1912.
246. Сазонов С.Д. Война и С.Д. Сазонов. Последние речи б. министра иностранных дел во время войны в Государственной думе. Петроград: Изд. полит. журнала «Отклик», 1916 г.
247. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895-1905 гг. СПб: Министерство иностранных дел, 1906.
248. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Е.А. Адамов, ред. М.: Гос. изд. полит лит., 1952. – 463 с.
249. Сборник секретных документов из архива бывшего МИД. Пг., 1917. Вып. 1.
250. Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / Репников А.В. и др. сост. М.: РОССПЭН, 2014.

251. Собрание Указаний и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отд. первый. 19 августа 1914 г.
252. Ставка и министерство иностранных дел / Покровский М.Н., вступ. стат. // Красный Архив. Исторический журнал. Т. 2 (27). М.; Л.: Госиздат, 1928.
253. Циркуляр по ведомству МИД. 1905, 28 декабря. Санкт-Петербург. № 31.
254. Циркулярная нота министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева 12 (24) августа 1898 г. // Правительственный Вестник, 16 (28) августа 1898 г.
255. Шацилло В. Первая мировая война 1914–1918. Факты, документы. - М.: ОЛМА-пресс, 2003.
256. Японские дневники А.Н. Куропаткина [с 27 мая по 1 июля 1903 г.] / Сергеев Е.Ю., Карпеев И.В., вступ. ст. и примеч. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. Т. VI.

1.3. Опубликованные источники на иностранных языках

257. British Documents on the Origin of the War, 1898–1914. Edited by G.P. Gooch and Harold Temperley. London, 1927. Vol. I, II, III, IV, XII, X (II).
258. Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. 4 Bände.
259. Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. Berlin, 1922. Bd. V, VI, IX, XIII, XIV (I), XIV(II), XV, XIX (1), XXI, XXII, XXV (II), XXVI, XXVII, XXXIII.
260. Documents Diplomatique Français (1871-1914). 1e série : 1871-1900. Paris : Imprimerie Nationale, 1934. T. : VI, VIII, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI.
261. Documents Diplomatique Français (1871-1914). 2e série : 1901-1911. Paris : Imprimerie Nationale, 1931. T. : I, III, V, VI, VII, IX.
262. Documents Diplomatique Français (1871-1914). 3e série : 1911-1914. Paris : Imprimerie Nationale, 1931. T. : II, III, IX.

263. Documents Diplomatique Français. Série 1920-1932. Paris : Ministère des Affaires étrangères ; Peter Lang, 1997. T. : 1.
264. Documents Diplomatique Français. Série : 1914-1919. Paris : Ministère des Affaires étrangères ; Peter Lang, 1999. Vol. 1 (1914), 2 (1915).
265. Georges (L.). Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie : 2 vol. T. 1 : 1908-1912. P. : F. Rieder, 1926.
266. Hohlfeld (J.). Deutsche Geschichte in Dokumenten 1849–1926. Berlin: Dt. Verl. Ges. f. Politik und Geschichte, 1927. Hbbd. 1. 2. 1927.
267. I Documenti Diplomatici Italiani. Terza Seria: 1896-1907. Roma, 1953. V. 1.
268. Journal de Paléologue du 1er février 1914 // Au Quai d'Orsay à la veille de la Tourmente. Journal, 1913-1914. P. : Plon, 1947.
269. La chute du régime tsariste. Interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la Cour Impériale Russe par la Commission Extraordinaire du Gouvernement Provisoire de 1917. Comptes rendus sténographiques. Préface de V. Maklakoff. Paris: Payot, 1927. 577 p.
270. L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale : Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publ. et annotés par Scherer et Grunewald. Paris, 1962.
271. Les Alliées contre la Russie avant, pendant et après la guerre mondiale: (Faits et Documents) [Marguerite V. pref.]. Paris, 1926.
272. Livre Jaune. Affaires du Maroc, 1901-05. Paris, 1908.
273. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. Washington: US Government Printing Office, 1931.
274. Parliamentary Debates. HC Deb 26 Jan. 1897. Series 3. Vol. 45. Cc 577-98.
275. Pièces Diplomatiques relatives aux antécédents de la Guerre 1914. Suppléments et additions au Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie du 28 juin au 23 juillet 1914. Paris : Alfred Costes, Editeur, 1922.
276. The Letters of Queen Victoria [Ed. by G.E. Buckle]. L.: Cambridge university press, 1932. V. IX: 1896-1901.

277. The Serbian Blue Book // Documentary History of the War. Vol. II. Diplomatic. Part 2. London: The Times, 1917.
278. Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910, juillet 1914. [Péf. par Réne Marchand]. T. 1 1910-1912. – Paris, s/d.
279. О. Поћорек — Л. Билинском. 28. Маја 1913 // Историјске свеске. Број 1. – Андрићград, 05. јануар 2014.

1.4. Мемуары на русском языке

280. Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. Две книги в одном томе. М.: Захаров-Аст, 1999. 526 с.
281. Амфитеатров А.В. В моих скитаниях. Балканские впечатления // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / Шемякин А.Л. сост. СПб.: Алетейя, 2022. 683 с.
282. Артамонов Л.Г. Через Эфиопию к берегам Белого Нила / Канцельсон И.С. ред. М.: Наука, 1979. 213 с.
283. Барятинская М.С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870-1918. М.: Центрполиграф, 2006. 368 с.
284. Бисмарк О. Мысли и воспоминания: в 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1941. 212 с.
285. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Харьков: Фолио, 2012. 528 с.
286. Бубнов А.Д. В Царской Ставке. М.: Вече, 2008. 268 с.
287. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991. 341 с.
288. Бюлов Б. Воспоминания / Хвостов В.М. ред., пред. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. 562 с.
289. Вильгельм Гогенцоллерн. Мемуары / П.П. Щёголев пред. Пг., 1923. 178 с.

290. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 555+639+723 с.
291. Воейков В.Н., дворцовый комендант Государя Императора. С Царем и без Царя. М.: Родник, 1994. Серия: Царский архив. 271 с.
292. Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1955. 383 с.
293. Гибель царского Петрограда: Февр. революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое: Ист.-док. альм. Л.: Свелен, 1991. № 1. С. 7-73.
294. Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения / Перегудова З.И., ред. М.: РОССПЭН, 2009. 519 с.
295. Граф Г.К. На Новике. СПб: издательство Гангут, 1997. 448 с.
296. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Прометей, 1990. 304 с.
297. Дитерихс М.К. Записки по пути следования во Францию // Генерал Дитерихс / Цветков В.Ж., науч. ред. М.: Посев, 2004. (Военно-историческая серия «Белые воины»). С. 133-170.
298. Доржиев Агван. Предание о кругосветном путешествии или повествование о жизни Агвана Доржиева: Мемуары тибетского дипломата. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1994. 119 с.
299. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М.: Журн. «Наше наследие»; Гос. фирма «Полиграфресурсы», 1996. 573 с.
300. Игнатъев А.А. Роковые дни. 50 лет в строю. М.: Вече, 2013. 494 с.
301. Извольский А.П., быв. министр иностранных дел. Воспоминания / А. Сперанский пер. Пг; М.: Изд-во «Петроград», 1924. 191 с.
302. Коковцов В.Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919: в 2 т. Париж: Издание Иллюстрированная Россия, 1933. 1008 с.
303. Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. 255 с.

304. Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары: в 5 т. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. Т. 6. 251 с.
305. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 годов: в 2 т. / Свечин А., ред. М.: Высш. воен. ред. совет; Госиздат, 1924. 330 с.
306. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 527 с.
307. Михайловский Г.М. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920: в 2 кн. Кн. 1. М.: Международные отношения, 1993. 520+688 с.
308. Мосолов А.А., генерал. При дворе последнего Императора. СПб: Наука, 1992. 261 с.
309. Никольский Е.А. Записки о прошлом. М.: Русский путь, 2007. 284 с.
310. Нольде Б.Э., барон. Далёкое и близкое. Исторические очерки. Париж: Изд-во «Современные записки», 1930. 278 с.
311. Палеолог М. Царская Россия в Первой Мировой войне. М.: Международные отношения, 1991. 236 с.
312. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 652 с.
313. Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел / Куликов С.В., сост., вступ. ст., коммент. М.: Новое литературное обозрение, РАН Санкт-Петербургский Институт истории, 2015. 485 с.
314. Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет: в 2 т. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. 527+426 с.
315. Пурталес, гр. Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России. М.; Пг: Государственное издательство, 1923. 80 с.
316. Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. 398 с.
317. Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца 1964. 205 с.

318. Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893-1922. Минск: Харвест, 2003. 415 с.
319. Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914-1917). Воспоминания, мемуары. Минск: Харвест, 2004. 720 с.
320. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Минск: Харвест, 2005. 623 с.
321. Тирпиц А. фон, гросс-адмирал. Воспоминания. М.: Вече, 2014. 447 с.
322. Трубецкой Г.Н., князь. Русская дипломатия в 1914-1917 гг. Война на Балканах. Монреаль: Изд. Братства преп. Иова Почаевского, 1983. 265 с.
323. Янчевецкий Д. 1900. Русские штурмуют Пекин. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 635 с.

1.5. Мемуарная литература на иностранных языках

324. Aubanel (N.). Une page d'Histoire. Voyage du Président de la République en Russie. Paris : L.-H. May, (s.d.). 237 p.
325. Bompard (M.), ambassadeur de France. Mon Ambassade en Russie (1903-1908). Paris, Plon, 1937. 335 p.
326. Buchanan (G.). My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923. 355 p.
327. Bülow B. Mémoires du chancelier Prince de Bülow : en quatre volumes [Bloch H. : traduction]. T. 1. 1897-1902. Paris : Libraire Plon, 1930. 494 p.
328. Combarieu (A.). Sept ans à l'Elysée avec le président Loubet de l'affaire Dreyfus à la conférence d'Algésiras, 1899-1906. Paris : Hachette, 1932. 337 p.
329. Conrad, Feldmarschall. Aus meiner Dienstzeit. 1906-1918. Bd.: 1-5. Bd. 1. Wien; Berlin; Leipzig; München: Rikola Verlag, 1921. 675 s.
330. Foch, maréchal. Mémoires pour servir à l'Histoire de la Guerre 1914-1918 : 2 volumes. Paris : Plon, 1931. T. 1. 326 p.
331. Gueshov (I.E.). The Balkan League. London, J. Murray, 1915. 141 p.
332. Goulevitch (A.). Tsarism and Revolution. Hawthorn, Calif., 1962. 269 p.

333. Grey (E.). Twenty-Five years: 1892-1916. Two vols. London: Hodder & Stoughton, 1925. 329 p.
334. Knox (A.) Sir. With the Russian army, 1914-1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1. London: Hutchinson & Co, 1921. 412 p.
335. Lockhart (R.H.B.). British Agent. New York and London: G. P. Putnam's sons, 1933. 354 p.
336. Nekludoff (A.). Diplomatic reminiscences before and during the World war, 1911-1917. London: J. Murray, 1920. 541 p.
337. Savinsky (A.). Recollection of a Russian Diplomat. L.: Hutchinson & CO. (Publishers) Ltd., 1927. 316 p.
338. Spalaikovitsh. Une journée du ministre de Serbie à Petrograde // Revue d'histoire diplomatique. Avril-juin, 1934. P. 8-9.
339. Tcharykov (N.V.). Glimpses of High Politics: Through War and Peace, 1855-1929. L.: Macmillan Company, 1931. 330 p.
340. Малинов П. Александър. Странички от нашата нова политическа история. София: Придворна печатница, 1938. 182 с.

2. Литература

2.1. Монографии на русском языке

341. Аврех А. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990. 348 с.
342. Арбузов В.В. Броненосцы русского флота. Броненосцы типа Екатерины II. Выпуск II. СПб, 1994. 67 с.
343. Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны / Нарочницкий А.Л., отв. ред. М.: Институт истории АН СССР; Изд-во: Наука, 1985. 287 с.

344. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М.: Изд-во «Европа», 2006. 668 с.
345. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М.: Кучково поле, 2018. 766 с.
346. Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2014. 494 с.
347. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). 1915 год. Апогей. М.: Кучково поле, 2014. 413 с.
348. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне: (1914-1917). 1916 год. Сверхнапряжение. М.: Кучково поле, Военная Книга, 2015. 413 с.
349. Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914 - 1917. Л.: Лениздат, 1990. 317 с.
350. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб: Дм. Буланин, 2000. 429 с.
351. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб: Изд-ние СПбГУ; Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006. 463 с.
352. Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905-1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Издательство Московского университета, 1972. 519 с.
353. Бадмаев П.А. Россия и Китай. СПб: Типография А. С. Суворина, 1905. 104 с.
354. Баиов А.К., профессор. Истоки великой мировой драмы и её режиссёры. Таллин-Ревель, 1927. 122 с.
355. Барковец О., Крылов-Толстикевич А. Неизвестный император Александр III. Очерк о жизни, любви и смерти. М.: Рипол Класиик, 2003. 286 с.

356. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии / пер. с польск.; Ю. М. Кобищанова и М. В. Райт, пред. М.: Прогресс, 1976. 592 с.
357. Берзин Э.О. История Таиланда (краткий очерк). М.: Наука, 1972. 319 с.
358. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М.: Наука, 1986. 616 с.
359. Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906-1910 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 406 с.
360. Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX-1917 г. М.: Гос. уч.-пед. изд-во мин-ва просв. РСФСР, 1960. 251 с.
361. Бородин А.П. Государственный совет России (1906—1917). Киров: Гос. изд.-полигр. предприятие «Вятка», 1999. 367 с.
362. Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб.: Товарищество Р. Голикса и А. Вильборга, 1905. 482 с.
363. Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1998. Серия: ЖЗЛ. 474 с.
364. Боханов А.Н. Последний Царь. М.: Вече, 2006. Серия: Царский дом. 509 с.
365. Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб.: Стомма, 2000. 226 с.
366. Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М.: Воениздат, 1940. 183 с.
367. Военно-исторический сборник (Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.). Вып. 1. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1919. 218 с.
368. Военно-исторический сборник (Труды комиссии по исследованию и использованию войны 1914-1918 гг.). Вып. 3. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1919. 218 с.

369. Восленский М.С. Из истории политики США в германском вопросе. 1918-1919. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. 228 с.
370. Галенин Б. Цусима — знамение конца русской истории. Скрываемые причины общеизвестных событий. Военно-историческое расследование: в 2 т. М.: Изд-во «Крафт +», 2009-2010. 784+760.
371. Гирс А.А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция: задачи войны и мира. Пг: Огни, 1917. 76 с.
372. Головачев П.М. Россия на Дальнем Востоке. СПб: Изд. Е.Д. Кусковой 1904. 216 с.
373. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. 355 с.
374. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 237 с.
375. Данилов О.Ю. Пролог «великой войны» 1904-1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М.: Поколение, 2010. 416 с.
376. Данилов Ю.Н., генерал-от-инфантерии. Русские отряды на французском и македонском фронтах: 1916-1918 гг. (По материалам архивов французского Военного министерства). Париж: изд. Союза офицеров участников войны на французском фронте, 1933. 247 с.
377. Дронов И.Е. Сильный, державный. Жизнь и царствование Императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012/7520. 735 с.
378. Европа в эпоху перемен / Зверева Т.В., отв. ред. М.: Дип. Академия, 2017. 487 с.
379. Елец Ю.Л. Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева. СПб: Тип. Е. Евдокимова, 1898. 302 с.

380. Емец В.А. Очерки внешней политики России. 1914-1917. Взаимоотношение России с союзниками по вопросам ведения войны / Бескровный Л. Г. отв. ред. М.: Наука, 1977. 367 с.
381. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 683 с.
382. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. Изд. 2^о доп. М: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 608 с.
383. Ефремов П.Н. Внешняя политика России (1907-1914). М.: Издательство Института международных отношений, 1961. 304 с.
384. За балканскими фронтами Первой мировой войны / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения, Ассоц. историков Первой мировой войны; В.Н.Виноградов отв. ред. и др. М.: Индрик, 2002. 502 с.
385. Задохин А.Г.; Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. 411 с.
386. Зазыкин М.В. Царская власть в России. М.: Изд-во журнала «Москва», 2004. 618 с.
387. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб: Полигон, 2002. 878 с.
388. Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении / Предисл. и под ред. М.П. Павловича. Л.: Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. 398 с.
389. Закаурцева Т.А.; Каширина Т.В. Международные организации и их роль в урегулировании конфликтов: Учебное пособие, 6-е изд. М.: ИТК Дашков и К, 2020. 206 с.
390. Зимин И. Царская работа. XIX — начало XX века. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М., СПб: Центрполиграф; Русская тройка-СПб, 2011. 640 с.

391. Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб: Тип. А. С. Суворина, 1912. 176 с.
392. Золотарёв В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX - начало XX века: в 4 т. М.: АСТ; СПб: Полигон, 2004. 622 с.
393. Игнатъев А.В. Внешняя политика России 1907-1914. Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000. 231 с.
394. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки / Бовыкин В.И. отв. ред. М.: РОССПЭН, 2007. 321 с.
395. Ионичев Н.П. Внешнеэкономические связи России (IX-начало XX века). Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 2001. 307 с.
396. История внешней политики России. Конец XIX - начало XX века / А.В. Игнатъев отв. ред. М.: Международные отношения, 1997. 670 с.
397. История Востока: в 6 т. / А.Б. Рыбаков, пред. Т. IV. Кн. 1. Восток в Новое время (конец XVIII-нач. XX в). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 608 с.
398. История Германии: [учеб. пособие для студентов вузов] в 3 т. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. М.: КДУ, 2008. 672 с.
399. История дипломатии: в 5 т. / Громыко А.А. [и др.] ред. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 2. Дипломатия в Новое время 1871-1914. М.: Госполитздат, 1963. 820 с.
400. История дипломатии: в 3 т. / Потемкин П. В., ред. М; Л.: Гос. изд. полит. лит., 1945. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872-1919). 423 с.
401. История русско-японской войны 1904 - 1905 гг. / Ростунов И.И. ред. М.: Наука; АН СССР. Ин-т воен. истории. М-ва обороны СССР, 1977. 379 с.
402. Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1979. 221 с.
403. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. 542 с.

404. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / предисл., подгот. текста и примеч. Ю. С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 125 с.
405. Карпович О.Г.; Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. М.: ДА МИД РФ, 2020. 492 с.
406. Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция Самодержавия. Харьков, 1907. 24 с.
407. Керсновский А.А. История Русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1994. Т. 3; Т. 4. 348+362 с.
408. Киракосян А.Дж. Великобритания и армянский вопрос (90-е годы XIX в.). Ереван: Айастан, 1994. 239 с.
409. Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М.: Вече, 2009. 319 с.
410. Козлов П.К. Тибет и Далай-лама. Петербург: Гос. типография, 1920. 100 с.
411. Комаровский Л.А., граф, профессор. Гаагская мирная конференция 1899 года. М.: О-во взаимопомощи студентов юристов Моск. ун-та, 1905. 64 с.
412. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: учебное пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. 366 с.
413. Краткая история Болгарии / Литаврин Г.Г. отв. ред. М.: Наука, 1987. 567 с.
414. Кузьмин С.Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб: Нартанг; издание А. Терентьева, 2010. 541 с.
415. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: Трибунский П. А, 2004. 467 с.
416. Лависс Э.; Рамбо А. История XIX века: в 8 т. / под ред. проф. Е.В. Тарле. Т. 7: Конец века 1870-1900. М.: ОГИЗ, 1939. 673 с.

417. Лотман Г.Р. Ротшильды – короли банкиров. - Мн.: «ИнтерДайджест»; Смоленск: ТОО «Эхо», 1997. 338 с.
418. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX-начала XX вв. СПб: Нестор-История, 2008. 644 с.
419. Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907-1914). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 252 с.
420. Макдоно Д. Последний кайзер — Вильгельм Неистовый. М.: изд-во АСТ; Люкс, 2004. 746 с.
421. Мезенцев Е.; Головатенко А.А. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (конец XIX - начало XX века). Учебное пособие (пакет-комплект документов). М.: АО «Бюро Денди», 1993. 55 с.
422. Менделеев Д.И. Заветные мысли. М.: Изд-во «Голос-Пресс», 2009. 383 с.
423. Менделеев Д.И. К познанию России. 6-е изд. СПб: Издание А. С. Суворина, 1907. 157 с.
424. Менделеев Д.И. С думою о благе российском: Избранные экономические произведения / С.В. Казанцев отв. ред. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 229 с.
425. Мещеряков М.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. 735 с.
426. Миллер А.М. Краткая история Турции. М.: ОГИЗ Госполитздат, 1948. 304 с.
427. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX века): в 2 т. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1990. 547+582 с.
428. Мультиатули П.В. «Дай Бог, только не втянуться в войну!». Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов. М.: Российский институт стратегических исследований, 2014. 250 с.

429. Мультатули П.В. Внешняя политика императора Николая II. 1894-1917 гг.: этапы, достижения, итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Двуглавый орел: Изд-во М. Б. Смолина (ФИБ), 2019. 717 с.
430. Мультатули П.В. Император Николай II и заговор 1917 г. Как свергали монархию в России. М.: Вече, 2013. 430 с.
431. Мультатули П.В. Император Николай II. Трагедия непонятого самодержца / под общей редакцией доктора исторических наук А.Н. Боханова. М.: Вече, 2020. 528 с.
432. Мультатули П.В.; Залесский К.А. Русско-японская война. 1904-1905 гг. М: ФИБ, Российский институт стратегических исследований, 2015. 815 с.
433. Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цын. XVII-нач. XX вв. М.: Вост. лит., 2005. 711 с.
434. Нозиков Н. Японо-китайская война 1894–1895 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. 104 с.
435. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II: в 2 т. Белград: Изд-ние об-ва распр. Русской национальной и патриотической литературы, 1939. 389 с.
436. Орлов А.В. Внешняя политика и международные отношения России с середины XIX века до 1918 года. Учебное пособие. СПб: ИТМО, 2011. 264 с.
437. Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905-1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Издание Саратовского университета, 1977. 277 с.
438. От друга: столетие установления тайландско-российских отношений / Теп Тевакун и др.; гл. ред.: Исон Пакамонтри. М.: Посольство Королевства Таиланд в России, 2007. 219 с.

439. Павлов Д. Русско-японская война 1904-1905 гг. М.: Материк, 2004. 511 с.
440. Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Paris, 1927. 159 с.
441. Первая мировая война. М.: Воениздат, 1974: в 2 т. / генерал Иванов С.П., общ. ред. Т. 1. 357 с.
442. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории / Писарев Ю.А., отв. ред. М.: Наука, 1994. 304 с.
443. Первая мировая война. Историографические мифы и историческая память: в 3 кн. Вторая Отечественная война России. 1914-1917 гг. / Мультиатули П.В., ред. М.: Российский институт стратегических исследований, 2014. 244 с.
444. Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье. В 1910-1918 гг. М.: Наука, 1978. 224 с.
445. Писарев Ю.А. Великие державы накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1985. 289 с.
446. Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915 гг. М.: Наука, 1990. 218 с.
447. Подходы в РФ и США к стратегической стабильности в XX-XXI вв. / С.В. Воробьев, Т.В. Каширина, О.В. Матвеев. Дипломатическая академия МИД России, Финансовый университет, Международный юридический институт. Москва: Витюк И. Е., 2018. 285 с.
448. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. ст. М.: Изд-во «Красная новь», 1923. 392 с.
449. Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898-1904. СПб: Европейский дом, 1997. 318 с.
450. Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны / Бороздин И.Н., пред. М: Издание Т-ва «Мир», 1924. 261 с.
451. Ривье А. Учебник международного права / Перевод П. Казанского, под ред. Л. Камаровского. М.: Тип. И.П. Малышева, 1893. 354 с.

452. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1905-1907). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 496 с.
453. Романов Б.А. Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М., Л.: Изд. Центрархива, 1926. 321 с.
454. Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия) / А.В. Игнатъев, Л.Н. Нежинский ред. Институт Российской истории РАН. М.: Международные отношения, 1999. 560 с.
455. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. 982 с.
456. Россия. Министерство иностранных дел. Очерки по истории Министерства иностранных дел. 1802-1902. СПб, 1902. 206 с.
457. Руир А. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. [пер. с фр.]. М.: Изд-во «Красная Новь»; Главполитпросвет, 1924. 180 с.
458. Русские в Сербии. Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX в. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии - последних 60 лет и сегодня/ Тимофеев А., Арсеньев А. сост. Белград: Ателье Богданович, 2009. 354 с.
459. Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М: из-во РОССПЭН, 2005. 391 с.
460. Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891-1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004. 278 с.
461. Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М.: Ин-т истории СССР, 1993. 351 с.
462. Саблер С.В.; Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб: Гос. тип., 1903. 451 с.

463. Семанов В.И. Из жизни императрицы Цыси. 1835-1908. Изд. 2-е. / Делюсин Л.П. отв. ред. М.: Изд-во «Наука», 1979. 164 с.
464. Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897-1903. М: ИВИ РАН, 1998. 230 с.
465. Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 1997. 477 с.
466. Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом. М.: Наука, 1974. 271 с.
467. Сквозняков А.Н. Македония в конце XIX-нач. XX столетия: «яблоко раздора» на Балканах. Монография / Ю.П. Аншаков науч. ред. Самара: Самарская гум. академ., 2010. 172 с.
468. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи. Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
469. Смолин М.Б. Церковь, государство и революция. М.: Российский институт стратегических исследований, 2013. 93 с.
470. Соболева Т. История шифровального дела в России. – М.: Олма-пресс-образование, 2002. Серия: «Досье». 211 с.
471. Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903-1914. СПб: Питер, 2006. 304 с.
472. Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Румынский фронт / Васильев Ф.И., сост. М.: Выс. воен. ред. совет, 1922. 131 с.
473. Схиммепельник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
474. Тарле Е.В. Русско-германские отношения и отставка Бисмарка // Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. V. 596 с.

475. Теплов В. Белградское царевубийство. СПб: Типо-лит. В. В. Комарова, 1903. 57 с.
476. Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879-1921 гг. М.: ИВ РАН, 2012. 352 с.
477. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. Т. 1. / Симбирцева Т.М. ред. М.: Изд-во «Наталис», 2011. 533 с.
478. Ткаченко С.Л. Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны: деятельность «Нэйшнл Сити бэнк оф Нью-Йорк». СПб: ВИРД, 1998. 127 с.
479. Толмачев Е. Александр III и его время. М.: Терра, 2007.
480. Троицкий Н. Россия в XIX веке. Учебное пособие по спец. «История». М.: Высшая школа, 1999. 431 с.
481. Уткин А.И. Первая Мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
482. Уткин А.И. Теодор Рузвельт. Политический портрет. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 192 с.
483. Ухтомский Э.Э., князь. К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку. СПб: Скоропечатня «Восток», 1900. 87 с.
484. Ухтомский Э.Э., князь. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890-1891): в 3 т. Т. 3. Лейпциг: Типография Ф.А. Брокгауза, 1897. 478 с.
485. Федоров М.П. Докл. в О-ве востоковедения М.П. Федорова, чл. Сов. и пред. Торг.-пром. отд. Совета О-ва востоковедения. Санкт-Петербург: тип. Д.А. Алексеева, 1909. 164 с.
486. Федюшин О. Несостоявшаяся Украинская держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России. М.: Центрполиграф, 2014. 336 с.
487. Фейгина Л. Бьоркское соглашение. Из истории русско-германских соглашений. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. 86 с.

488. Фирсов С.Л. Николай II. Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. Серия: ЖЗЛ. 526 с.
489. Фомин С.В. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...». М.: Форум, 2008. 822 с.
490. Хереш Э. Николай II. Ростов на Дону: Феникс, 1998. 416 с.
491. Хилльгрубер А. Выдающиеся политики: Отто фон Бисмарк, Меттерних. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 320 с.
492. Цихович Я.К. Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. М. Высший военный редакционный совет, 1922. 237 с.
493. Чиняков М.К. Русские войска во Франции и Македонии (Салониках): (1916-1918). М.: Рейтер, 1997. 120 с.
494. Шапошников Б.М. Мозг армии: в 4 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1924. Россия перед первой мировой войной. М.: издательство «Наука», 1974. 112 с.
495. Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. (Вооруженные силы царизма в 1905 - 1914 гг.). М.: Наука, 1974. 112 с.
496. Шеремет В. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М.: Технологическая школа бизнеса, 1995. 287 с.
497. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 608 с.
498. Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
499. Шишов А.В. Неизвестные страницы русско-японской войны (1904-1905). М.: Вече, 2004. 384 с.
500. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. Серия: Военные тайны XX века. М.: Вече, 2000. 576 с.

2.2. Монографии на иностранных языках

501. 5-9 octobre 1896. Cherbourg, Paris, Châlons. Paris: « Le Temps », Saint-Pétersbourg: Le Nouveaux Temps (s/d.). 216 p.
502. Albertini, (L.). The Origins of the War of 1914: 3 V. New York, NY: Enigma Books, 2005. 312 p.
503. Belon (P.) et Gers (P.). Les souverains russes en France. Cherbourg, *Paris*, Châlons. Paris, 1896. 78 p.
504. Bluysen (P.). Félix Faure intime. Paris : F. Juven éditeur, 1898. 259 p.
505. Braibant (Ch.); Le Gall (L.). Félix Faure à l'Elysée. Paris : Hachette, 1963. 301 p.
506. Bülow (B). Mémoires du chancelier Prince de Bülow: en quatre volumes [Bloch H. : traduction]. T. 1. 1897-1902. – Paris: Libraire Plon, 1930. 494 p.
507. Carrère d'Encausse (H.), de l'Académie française. Nicolas II. La transition interrompue. Une biographie politique. Paris : Hachette, 1996. 554 p.
508. Clay (C.). King, Kaiser, Tsar. Three Royal Cousins Who Led the Word to War. London: John Murray, 2006. 416 p.
509. Grimsted (P.K.). The foreign ministers of Alexander I: political attitudes and the conduct of Russian diplomacy, 1801-1825 / Patricia Kennedy Grimsted. Berkeley; Los Angeles: University of California press, 1969. 367 p.
510. Connaughton (R.M.) Rising Sun and Tumbling Bear: Russia's War with Japan. Cassel, 2007. 324 p.
511. Dennett (T.) Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York: Doubleday, Page & company 1925. 357 p.
512. Deschamps (P.). France-Russie 1891-1898 : le livre d'or de l'alliance franco-russe dédié à Leur Majestés l'Empereur et l'Impératrice de Russie et à M. Félix Faure, Président de la République Française. Paris : E. Leroux (Bar-le-Duc), 1898. 402 p.

513. Donnini (G.). L'accordo italo-russo di Racconigi, Istituto scienze politichedella università di Pavia, coll. « Quaderni della rivista Il Politico », 1983.
514. Douglas Porch. The Conquest of Morocco: A history. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2015.
515. Encausse (Ph.), Docteur. Le Maître Philippe de Lyon. Thaumaturge et "Homme de Dieu" ses prodiges, ses guérisons, ses enseignements. Dixième édition. Paris: Édition Traditionnelles, 1985. 408 p.
516. Fischer (F.). Les buts de Guerre de l'Allemagne Impériale, 1914-1918. Paris : Édition de Trévise, 1970. 654 p.
517. Galland (P.). Histoire de la Grande Guerre. Paris : Durassié & Cie, 1974. 252 p.
518. Gorokhoff (G.), Korliakov (A.). Le Corps Expéditionnaire Russe en France et à Salonique 1916-1918. Paris : Édition YMCA-PRESS, 2003. 656 p.
519. Grenville (J.A.). Lord Salisbury and Foreign Policy. The Close of the Nineteenth Century. London: Athlone Press, 1964. 451 p.
520. Gault (R.). Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887-1914; recherches sur l'investissement international. Paris, A. Colin, 1973. 618 p.
521. Grunwald (C., de). Les alliances franco-russes. Neuf siècles de malentendus. Paris : Plon, 1965. 404 p.
522. Halperin (V.). Lord Milner and the Empire. The Evolution of British Imperialism. London: Odhams, 1952. 256 p.
523. Hammann (O.). Zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Berlin: Hobbing, 1919. 268 s.
524. Hansen (J.). Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim (1884-1898). Paris : Flammarion, s/d. 202 p.
525. Hanotaux (G.). La politique de l'équilibre. 1907-1911. Paris, Plon-Nourrit et cie., 1914. 449 p.
526. Hauser (M.H.). Histoire Diplomatique de L'Europe 1871-1914. Les Presses Universitaires de France, 1929. 478 p.

527. Hogenhuis-Seliverstoff (A.). Une Alliance Franco-Russe. La France, la Russie et l'Europe au tournant du siècle dernier. Collection Histoire dirigée par le Professeure Maurice Vaïsse. Bruxelles : Emile Bruylant, 1997. 218 p.
528. Jesman (C.). The Russian in Ethiopia. An Essay in Futility. London: Chatto and Windus, 1957. 159 p.
529. Langer (W.L.). The Diplomacy of Imperialism 1890-1902. NY: Alfred A. Knopf, 1951. 779 p.
530. Le Moal (Fr.). La Serbie, du martyre à la victoire 1914–1918. Paris : Édition 14-18, 2008. 253 p.
531. Marine-Rundschau. Neunter Jahrgang. Juli bis December 1898. Berlin, 1898. 310 s.
532. Marmouget (M.). La visite du tsar Nicolas II à Paris 5-9 octobre 1896. Paris : X Nanterre, 1997. 104 p.
533. Michon (G.). L'alliance franco-russe. 1891-1917. Paris : Delpeuch, 1927. 318 p.
534. Nicolson (H.). Sir Arthur Nicolson. Bart., First Lord Carnock: A study in the old diplomacy. London: Constable & Co. Ltd., 1930. 405 p.
535. Paléologue (M.). Guillaume II et Nicolas II. Paris : Plon, 1935. 249 p.
536. Poincaré (R.). Les origines de la Guerre. Conférence prononcées à la « Société des Conférences ». Paris, 1921. 282 p.
537. Pringle (H.) Theodore Roosevelt. New York, 1931. 425 p.
538. Puchner (U.). Die völkische Bewegung im wilhelminischen Kaiserreich. Darmstadt, Sprache-Rasse-Religion, 2001. 464 s.
539. Renouvin (P.). La crise Européenne (1904-1914) et la Grande Guerre. Paris : Alcan, 1939. 639 p.
540. Röhl (J.). Kaiser Wilhelm II. 1859-1941. A Cosice Life. Cambridge, 2014. 240 p.
541. Stephenson (Ch.). Box of Sand. The Italo-Otoman War 1911-1912. Tattered Flag, 2014. 352 p.

542. Stone (N.). The Eastern Front, 1914-1917. L.: Penguin, 1975. 351 p.
543. Tardieu (A.). La conférence Algésiras; histoire diplomatique de la crise marocaine (15 janvier-7 avril 1906). Paris, 1908. 554 p.
544. Taylor (A.J.P.). The Struggle for Mastery in Europe. 1848-1914. Oxford University Press, 1957. 638 p.
545. Thaden (E.C.). Russia and the Balkan Alliance of 1912. Penn State University Press, 1991. 192 p.
546. Zorgbibe (Ch.). Delcassé. L'inconnu du Quai d'Orsay. Paris : Olbia Eds, 2001. 387 p.
547. Бабац (Д.). Србија и Русија у Великом рату. Једно савезништво са дугом традицијом / Сербия и Россия в Великой войне. Традиция союзничества. Београд: Евро-Ћунти, 2014. 175 с.
548. Констант (С.). Фердинанд лисицата. Цар на Българија. Софија: Интерфред, 1992. 412 с.
549. Сиљанов (Хр.). Освободителнитџ борби на Македонија. Софија: Държавна печатница, 1933. Т. I. 444 с.

2.3. Статии в журналах, сборниках и периодической печати

550. Августин (Боровской Г.В.). Россия и Корея: обзор церковных связей // Миссионерское обозрение. Ежемесячное Издание Миссионерского отдела Московского Патриархата Русской Православной Церкви. Белгород, 2004. № 3. С. 27-31.
551. Алиева З.И. Реформированный Государственный совет Российской империи (1906-1917) и его роль в модернизации государства // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. Ростов-на-Дону. № 1 (167). С. 70-73.
552. Алексеева И.В. Миссия Мильнера // Вопросы истории. 1989, октябрь. № 10. С. 143-148.

553. Антюхова Е.А. Отдел печати и осведомления Министерства иностранных дел Российской империи как инструмент публичной дипломатии внешнеполитического ведомства // Вестник Брянского гос. универ. 2023. № 3 (57). Исторические науки. С. 7-12.
554. Басенко Ю. Деятельность МИД по оказанию помощи российским подданным за границей в начале Первой мировой войны // Международная жизнь. 2014. № 10. С. 155-168.
555. Беккин Р.И. Дипломатическая борьба вокруг Египта и участие в ней России (в период с 1881 по 1896 г.) // Юрист-международник: Всероссийский журнал международного права. 2006. № 4. С. 2-4.
556. Ближний Восток и война // Вестник Европы: журнал науки, политики, литературы. 49 год. Кн. 9. Петроград: Редакция «Вестника Европы», типография Т-ва «Общественная польза», 1914, сентябрь. 392 с.
557. Большух А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский на Дальнем Востоке // Дальний Восток, 1973. № 4. С. 142-145.
558. Бондарь Т.И. Культурные и династические связи Дома Романовых и болгарских княжеских и царствующих родов // У истоков российской государственности: Роль женщин в истории Династии Романовых: III международная научно-практическая конференция [27-28 мая 2010 г., Калуга, Мещовск]: исследования, материалы. СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический Центр-пресс», 2009. 413 с.
559. Братченко Т.М.; Синявский А.С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2. С. 315-326.
560. Валентинов Н. Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг. Вып. 2. М: Военно-историческое общество, 1919. 218 с.

561. Вашурина З.П., Шишканов А.И., полковник. Родословная военных переводчиков // Независимое военное обозрение, 2000, 19 мая.
562. Воронин В. Сараевское покушение // Стратегия России, 2012. № 1. С. 23-28.
563. Воронкова И.Е. Думские дебаты о международных отношениях и приоритетах внешней политики Российской империи начала XX века // Международные отношения и общество. 2020. № 1. С. 53-62.
564. Ганелин Р.Ш. В России XX века. Статьи разных лет. М.: Новый хронограф, 2014. 854 с.
565. Герасимович Л.К. А.М. Позднеев (1851-1920) // Российские монголоеды (XVIII — начало XX в.) Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра (БНЦ) СО РАН, 1997. 88-96.
566. Гостенков А.В. Трансваальский кризис и Вильгельм II // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. СПб: ЛГУ имени А.С. Пушкина. Вып. 3. Т. 4. 2012 г. С. 63-82.
567. Гостенков П.А. Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. Материалы Третьих международных научных чтений: «Мир и война: море и суша». Санкт-Петербург-Кронштадт 21-24 октября 2007 г. М; СПб, 2007. С. 172-175.
568. Григорьева А.А. Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е годы XIX — начало XX в.) // Вестник Иркутского Государственного технического университета, 2011. № 7. С. 189-193.
569. Давидсон А.Б. Гумилёв в Абиссинии // Новая и Новейшая история. 2001. № 6. С. 137-148.
570. Давидсон А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и Новейшая история. 2007. № 1. С. 181-197.

571. Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и Новейшая история. 2000. № 1. С. 31-50.
572. Дегоев В. Россия и Бисмарк // Звезда, 2001. № 7. С. 128-155.
573. Дипломатия и война: 1914 и 1939 годы / Ржешевский О.А., Емец В.А. вступ. ст. // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 3-12.
574. Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. 3-24.
575. Игнатъев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX-нач. XX веков // Вопросы истории, 1998. № 8. С. 32-43.
576. Исаева О.Н. Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония. Проблемы истории и культуры: Сб. / Р.П. Гришина отв. ред. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 72-99.
577. Исаева О.Н. Фердинанд Кобургский: штрихи к портрету первого болгарского царя // Саратовский гос. университет: Новая и Новейшая история. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2004. Вып. 21. С. 56-72.
578. Исламов Т.М. Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 14-16.
579. Емец В.А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории, [сборник статей] / Писарев Ю.А., ред. М.: Наука, 1994. 302 с.
580. Каптарь Д.Л. Конференция победителей и Февральская революция // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020;10(2). С. 66-70.
581. Каширина Т.В.; Мультиатули П.В. Инициативы российских императоров по вопросам всеобщего мира и ограничения вооружений. XVIII — нач. XX вв. // Международная жизнь. 2024. № 6. С. 28-36.

582. Киракосян А. Дж. К вопросу о константинопольской резне // Литературная Армения. 1989. № 4. С. 98-103.
583. Кононкова Н.В. Государственно-правовое регулирование иностранного предпринимательства и инвестиционной деятельности в Российской империи // Вестник Амурского государственного университета. 2012. Благовещенск, 2012. № 58. С. 33-37.
584. Кочеткова М.А. К истории заключения займа 1906 года // Вестник ВГУ. Серия: история. 2012. № 1. С. 114-118.
585. Кустов В.А. К вопросу о трансформации внешнеполитического механизма Российской империи в годы Первой русской революции // Современная научная мысль, 2018. С. 75-80.
586. Лиманская Т.О. С.Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910-1916 гг.) // Дипломатический вестник. 2001. № 9. С. 32-44.
587. Лукоянов И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) // Вопросы истории, 2008. № 4. С. 49 - 66.
588. Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 16-33.
589. Лукоянов И.В. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. (Взгляд из России) // Acta Slavica Iaponica. Центр славянских исследований, унив. Хоккайдо. Т. 23 (2006). С. 1-36.
590. Лунева Ю.В. Боснийский кризис 1908-1909 годов: провал сделки Извольского и Эренталя // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 52 - 67.
591. Лунева Ю.В. На пути мировой катастрофы: визиты Николая II в Бальмораль (1896 г.) и Ревель (1908) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Материалы международной конференции. 26 июня 2010, Москва. М.: Издательство МИЭПУ, 2011. С. 22-29.
592. Манько А. Из истории экспорта нефтепродуктов // Нефтяное хозяйство. 2000. № 1. С. 38.

593. Мартенс Ф.Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900. Т. 2 (64) [март]. С. 5-28.
594. Мельниченко Б.Н. Дом Романовых и Дом Чакри (Россия и Таиланд в конце XIX-начала XX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. Вып. 3. 2009. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2009. С. 17-30.
595. Морозов Г.П. Русско-французские отношения во время военной тревоги 1887 г. // Французский ежегодник, 1959. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 248-281.
596. Морозов Е.В. Российской-эфиопское военное сотрудничество в конце XIX века. Поставки российского оружия в Эфиопию // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 10 (1). История исторические науки. Пятигорск, 2011. С. 76-82.
597. Морозова И.М. Некоторые аспекты взаимодействия министерства иностранных дел России и Государственной думы в 1905-1917 годах // Дипломатический вестник. 2001. № 11. С. 192-196.
598. Мультиатули П.В. «Уничтожить германский милитаризм». Император Николай II и секретные договоренности с западными союзниками (1914-1917) // Свободная мысль № 1. С. 165-173;
599. Мультиатули П.В. Император Николай II и внешняя политика: этапы, достижения и итоги // Международная жизнь. 2017. № 4. С. 163 - 174.
600. Мультиатули П.В. Император Николай II и кайзер Вильгельм: кто кого переиграл в Бьёрке? (осень 1904-лето 1905 гг.) // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 6 (27). С. 160-173.
601. Мультиатули П.В. Император Николай II и франко-русский союз: начало и конец «медового месяца». 1894-1903 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2017, январь-март. № 1. С. 68-72.

602. Мультиатули П.В. Основы внешней политики императора Николая II накануне Первой мировой войны и её мифологизация // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1 (28). С. 192-205;
603. Мультиатули П.В.; Залесский К.А. Новые подходы к изучению русско-японской войны // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 2(29); С. 52 - 76.
604. Нигметзянов Т.И. Российско-германские отношения в правления императоров Николая II и Вильгельма II // II-е Романовские чтения Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26 - 27 марта 2009 г. / сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. С. 301-309.
605. Низалова Е.В. Вильгельм II и русско-японская война 1904-1905 гг.: к вопросу о влиянии германского кайзера на внешнюю политику Российской империи в начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Т. 4. 2006. № 22. С. 81-87.
606. Николаев Н.Ю. Германия и Гаагская мирная конференция 1899 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Вып. 10. Волгоград, 2005. С. 43-47.
607. Огенюис-Селиверстоф А. (Париж). Роль политических и военных деятелей в заключении франко-русского союза // Россия и Франция XVII-XVIII века / La Russie et la France XVIIIème - XXème siècles / РАН, Ин-т всеобщей истории, Центр фр. ист. исслед. / Черкасов П.П. отв. ред. Вып. 2. М.: Наука, 1998. С.143-148;
608. Остапенко Г.С. Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX века: Эдуард VII и Георг V. Конституционные полномочия и реальные права монархов XX в. // Новая и Новейшая история. 1999. № 6. С. 129-153.
609. Пиленко А.А. Начало войны // История великой войны [1914 года] // А.Д. Шеманский ред. [и др.]: в 3 т. М.: 1915-1916. Т. 1. 279-328.

610. Писчикова Н.П. Финансовая помощь России и Японии со стороны США // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Т. 17. 2007. № 43-1. С. 269-272.
611. Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Гражданин. Периодический политический журнал, 2003. № 3. С. 168-223.
612. Политические проблемы современных международных отношений. Учеб. пос. / Каширина Т.В.; Феофанов К.А., ответ. ред. М.: Проспект, 2020. 270 с.
613. Пономарев В.Н. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х гг. XIX в. // Исторические записки. М.: Наука, 1977. Т. 99. С. 340-353.
614. Пылева А.И. Колониальная политика Франции и деятельность католической церкви в Сиаме в XIX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. Вып. 1 марта, 2013. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2013. С. 95-109.
615. Радоевич М., Димич Л. Сербия в Великой войне 1914-1918 // Новая книга России. 2014. № 11-12. С. 9-16.
616. Рыбаченок И.С. Визит М.Н. Муравьева в Париж и в Берлин в 1897 году. (Сравнительный анализ русской, французской и германской документации) // Сб. ст.: Внешняя политика России: источники и историография / Хевролина В. М., отв. ред. М.: Ин-т истории СССР, 1991. С. 65-84.
617. Рыбаченок И.С. Николай Романов и К°. Путь к катастрофе // Российская дипломатия в портретах / Игнатьев А. В., ред. М.: Международные отношения, 1992. С. 299-318.
618. Рыбаченок И.С. Путь к союзу с Францией. Эволюция взглядов генерала Н.Н. Обручева // Россия и Франция XVII-XX века / La Russie et la France XVIIIème - XXème siècles / РАН, Ин-т всеобщей истории, Центр фр. ист. исслед. / Черкасов П. П., отв. ред. Вып. 4. М.: Наука, 2001. С. 155-188.

619. Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вопросы истории, 2007. № 4. С. 3-15.
620. Семенов В.Н. К истории создания шифровальной службы МИД России // Дипломатический вестник. апрель 2001. № 4. С. 164–166.
621. Серова О.В. Русско-французские отношения в оценке князя А.М. Горчакова // Россия и Франция XVIII – XX вв. / La Russie et la France XVIIIe – XXème siècle /отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 3. М.: Наука, 2000. С. 132-148.
622. Сидорова М.М. «Азиатская программа» Российского правительства в прошлом и настоящем // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика, 2012. № 3. Издание Московского государственного ун-та им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 5-28.
623. Симбирцева Т. Убийство во дворце Кёнбоккун (королевы Мин) // Восточная коллекция. Журнал для всех, кому интересен Восток. М.: Российская государственная библиотека (РГБ), 2004. № 3 (18). С. 127-142.
624. Сквозняков А.Н. Македонский вопрос в начале XX в. и российская общественность // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 11. С. 70-76.
625. Смолин М.Б. Социология власти П.Е. Казанского: ограниченность и самоограниченность самодержавия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. С. 147-164.
626. Староверова Е.И. Свойство императорской власти согласно основным государственным законам Российской империи 1906 г. // Вестник Московского унив. Серия 11. Право. 2009. № 2. С. 99-107.
627. Степанов В.Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследование, историография, источниковедение. СПб.: Нестор-история, 2009. С. 145-168.

628. Суворов В.В. Политические убеждения Э.Э. Ухтомского // Известия Саратовского университета. Серия история. Международные отношения. Т. 11. Вып. 2. Ч. 2. 2011. С. 31-34.
629. Третьяков В.В. Организация работы Байкальской паромной переправы // Земля Иркутская, научно-популярный илл. журнал, 2003, № 2-3.
630. Третьякова Е.С. Становление Министерства иностранных дел Российской империи в XIX — начале XX века // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 672-690.
631. Третьякова Е.С. Формирование системы управления внешнеполитической деятельностью Российского государства в XIX веке // Вопросы управления. 2015. № 1. С. 46-52.
632. Троян С.С. Немецкие проекты «Миттельевропы» конца XIX-нач. XX вв. // Известия ПГГУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. Пенза, 2012. № 27. С. 1047-1053.
633. Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. Ч. 1., 2002. № 4. С. 27-47.
634. Хайцман В.М. Идеи и общества мира в России конца XIX в. // Дипломатический ежегодник. К 60-летию Академической академии. – М.: Международные отношения, 1995. С. 147-148.
635. Хвостов В. Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX века // Историк-марксист, 1930. № 20. С. 100-129.
636. Хизриев А.Х. Проблема определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 г. // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 4. Ист. 2016. № 1 (37). С. 25-33.
637. Хлезов А.А. Точка невозврата или дипломатический курьез? Бьёркский договор в современной историографии // Первая мировая война и проблемы российского общества // Материалы международной научной конференции, 20-21 ноября 2014 г. СПб: Изд-во ГПА, 2014. С. 196-199.

638. Чернов О.А. Из истории русско-сербских отношений в начале XX века // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры / М-во образования и науки Рос. Федерации, Самар. гос. ун-т, Поволж. фил. ин-та рос. истории Рос. акад. наук; / науч. ред. П.С. Кабытов. Самара: Универс-груп, 2004. С. 181-187.
639. Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы в дипломатической деятельности и исторических взглядах Н.В. Чарыкова // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди: Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ист. образования в Саратовском ун-те. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008. С. 94-111.
640. Чернявский С.И. Взаимодействие МИД России с Государственной думой в годы Первой мировой войны // Вестник МГИМО-университета. 2017. № 3 (54). С. 72-90.
641. Шимов Я.В. Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность? // Славяноведение, 2010. М.: Наука, 2010. № 4. С. 11-20.
642. Штоль В.В. Геополитические задачи России на постсоветском пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 171-180.
643. Щеголев П.Е. Охота за масонами или похождения асессора Алексева // Былое, 1917. № 4. С. 108-145.
644. Эмерсон Б. Великобритания и франко-русский союз // Россия и Франция XVII-XX века / La Russie et la France XVIIIème - XXème siècles / РАН, Ин-т всеобщей истории, Центр фр. ист. исслед. / Черкасов П.П., отв. ред. Вып. 2. М.: Наука, 1998. 157-164.

2.4. Статьи на иностранных языках

645. Albrecht-Carrié (R.). France et Grande-Bretagne : essais d'adaptation // Politique étrangère, 1968. V. 33. № 5. p. 455-489.
646. Arié (R.). L'opinion publique en France et l'affaire de Fachoda // Revue d'histoire des colonies. Année 1954. Vol. 41. № 144-145. P. 329-367.
647. Avice-Hanoun (M.). Louis-Étienne Moilin, attaché militaire à Saint-Petersbourg au temps de l'Alliance Franco-russe (1880-1908) // Aux vents des puissances [Jean-Marc Delaunay, éd.]. Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2008. P. 425–434.
648. Brodier (C.). L'alliance franco-russe, ou la perennisation du souvenir des fetes, 1896-1897 // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2019/1 №° 49. P. 43-53.
649. Ferro (M.). Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix // Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales. Octobre-novembre, 2011. № 5. Géopolitique de la Russie. P. 13-20.
650. Girault (R.). Les Balkans et les relations franco-russes en 1912 // Revue Historique. T. 253. 1975, Janvier-Mars. 155-184.
651. Hanotaux (G.). Voyage de M. Félix Faure en Russie (18-31 août 1897), notes sur le voyage à Pétersbourg, entretiens avec l'Empereur et avec le comte de Mouravieff // Revue d'histoire diplomatique, 1966, p. 214-230.
652. Hugodot (M.). L'opinion publique anglaise et l'affaire de Fachoda // Revue d'histoire des colonies. Année 1957. Vol. 44. № 155. p. 113-137.
653. Jefferson (M.). Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September // The Slavonic and East European Review. 39. № 92 (Dec. 1960). P. 44-60.
654. Ников (Н.). Трназитът на австро-германското оръжие за България и Турция в началото на Първата световна война // Българско-германски отношения и връзки. Т. 1: Изследвания и материали. – София: Българска академия на науките, 1972. 642 с.

2.5. Диссертационные исследования

655. Виноградова К.В. Проблемы военно-политического и культурно-религиозного взаимодействия Эфиопии и России в Новое время // автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. Краснодар, 2002.
656. Винокур А.В. От конфронтации к согласованному курсу. Политика Великобритании и России в Иране (1900-1914). // Дис. на соис. уч. ст. канд. ист. наук. Санкт-Петербургский гос. унив. СПб, 2004. 168 с.
657. Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского (1844-1896). Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратовский государственный технический университет. Саратов, 2008. 247 с.
658. Лошаков А.Ю. Граф В. Н. Ламздорф – государственный деятель и дипломат. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. М: МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. 2016. 310 с.
659. Малыгина Н.В. Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи в конце XIX — начало XX веков. дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. Владимирский государственный университет. Владимир, 2004. 173 с.
660. Низалова Е.В. Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896-1909 гг. (по материалам российской и заграничной прессы) дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. СПб, 2007
661. Сквозников А.Н. Македонский вопрос во внешней политики России в начале XX в.: 1903-1908 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самарский государственный педагогический университет. Самара, 2006. 192 с.
662. Шилов С.П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия: 1897-1914 гг. // дисс. на соиск. уч. ст. д. ист. н. Тюменский гос. унив., 2004. 361 с.

2.5. Периодическая печать

663. Биржевые ведомости, 1914, 27 февраля. № 14027.
664. Всемирная иллюстрация. 15 июля 1895. Т. LIV. № 1381. С. 39.
665. Всемирная иллюстрация. 15 июля 1895. Т. LIV. № 1381. С. 42.
666. Всемирная иллюстрация. Т. LV. 1896. № 1410. С. 141.
667. Литературная газета. 19 мая 2004. № 19 (5972).
668. Московские ведомости. 10 августа 1897 г. № 10.
669. Нива. 1914, 16 августа. № 33.
670. Нива, 1914, 1 ноября. № 44.
671. Нива, 1916. 17 декабря. № 51.
672. Новое Время, 1894. 17 (29) января. № 6425.
673. Новое Время, 1897. 16 (28) июня. № 1902.
674. Новое Время, 1898. 15 (27) август.
675. Новое Время, 1909, октября, 11 (24). № 12063.
676. Новое время, 1909, октября, 13 (26). № 12065.
677. Новое Время, 1914, июля, 5 (18). № 13761.
678. Правительственный вестник. 1884, 22 октября (3 ноября). № 243.
679. Правительственный вестник. 1894. 1 (13) ноября. № 239.
680. Правительственный вестник. 1896. 25 сентября (7 октября). № 210.
681. Правительственный вестник. 30 декабря (11 января) 1898 (1899 г.). № 282.
682. Правительственный вестник. 1903. 12 (25) февраля. № 35.
683. Правительственный вестник. 1903. 19 сентября (2 октября). № 209.
684. Правительственный вестник. 1907. 3 (16) июня. № 122.
685. Речь. 1908, 26 сентября (9 октября). № 230.
686. Речь. 1908, 28 мая (10 июня). № 126.
687. Речь. 1909, 22 июля (3 августа). № 198.
688. Русский Вестник. 1896, апрель. № 4.
689. Русский вестник, 1904, июль. № 7.

690. Русский вестник, 1905, март. № 3.
691. Русский Инвалид, 1914, 12 июля. № 151.
692. Русское Слово, 1909, 10 февраля.
693. Daily Telegraph, 1909, 5 Aug.
694. La Libre parole. 1901, 3 septembre.
695. Le Figaro, 1914, 22 juillet. № 204.
696. Le Gaulois, 1896, 08 octobre. № 5450.

2.7. Справочная литература

697. Дипломатический словарь: в двух томах [Вышинский А.Я., гл. ред.]. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948.
698. Залесский К.А. Первая мировая война. Правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. – 576 с.
699. Россия 1913 год (Статистико-документальный справочник). Российская Академия Наук Институт Российской истории. СПб: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995 [Анфимов А.М., Корелин А.П., ред-сост.]. 416 с.

2.8. Электронные ресурсы

700. Вашурина З.П., Шишканов А.И., полковник. Родословная военных переводчиков // Независимое военное обозрение, 2000, 19 мая // URL: http://nvo. /notes//8_interpreters (вход: 12. 09. 2024).
701. Сергеев Е.Ю. Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны // URL: http://www.rusasww1.ru/view_post.php?id=184&ysclid=m2ggevoz8d121436678 (вход: 12.09. 2024).